Министерство образования Российской Федерации

Омский государственный университет

А.В. Ремнев

РОССИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ИМПЕРСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Издание
ОмГУ

Омск
2004

УДК 34
ББК 63.3(2)
Р 385

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Рецензент – академик РАН Б.В. Ананьич

Ремнев А.В.

Р 385 Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

ISBN 5-7779-0429-7

В данной монографии автор продолжает исследование темы, посвященной административной политике самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в. В основу изучения имперской политики на Дальнем Востоке России положен управленческо-региональный подход, позволяющий охватить важные сферы имперской идеологии и имперской практики в региональном прочтении, установление как внешних (в том числе и государственных), так и внутренних (административных) границ региона, управленческую организацию внутрирегионального пространства, административно-территориальную и иерархическую структуру власти. Вводимое автором в научный оборот понятие географии власти включает пространственное размещение и динамику органов управления, их институциональную структуру и иерархию в дихотомии «центр-периферия», а также создание административных центров, географических, административных и ментальных границ в их историческом развитии, сочетание процессов империостроительства и нациостроительства.

Книга рассчитана на всех изучающих историю Российской империи, научных сотрудников, преподавателей, студентов и аспирантов специальностей «история», «востоковедение» и «регионоведение», а также всех интересующихся историей российских регионов.

УДК 34
ББК 63.3(2)

Исследование и публикация осуществлены при поддержке Американского Совета Научных Сообществ (American Council of Learned Societies [ACLS])

ISBN 5-7779-0429-7

© Омский госуниверситет, 2004

ОТ АВТОРА

Эта книга является в известной степени продолжением двух моих монографий об административной политике самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в., вышедших в 1995 и 1997 годах[1]. Мои занятия Сибирью неизбежно вовлекли меня в более широкий имперский контекст и натолкнули на проблему определения пространства сибирского региона, границы которого оказались размытыми и исторически динамичными не только с точки зрения административно-территориального устройства, но и с позиций самой географии, не говоря уже о ментальных параметрах. Пространство Сибири, его «образы» зависели не только от меняющихся научных воззрений, политических и социокультурных пристрастий, но и властного влияния на его картографирование. Мой интерес к географии наложился на давние занятия историей управления Российской империи, что и привело к пониманию необходимости увидеть, как государственная власть осваивала новые территории, как она их осмысливала, как очерчивала внешние и внутренние границы, определяла места управленческих центров, создавала и рационализировала институциональную структуру, искала пути и методы решения региональных проблем. Это заставило меня обратиться к изучению географии, без которой нельзя было понять историю огромной по территории Российской империи с ее регионами. Все это я и назвал историей «географии власти». Я понял, что пространство региона принадлежит не только географии, но и истории. Как заметил известный американский географ Дэвид Харви, «география слишком важна для того, чтобы оставлять ее географам»[2].

В этой книге речь идет о достаточно длительном и динамичном для регионального измерения имперских процессов хронологическом периоде, отмеченном как подъемами, так и спадами правительственной активности. При этом было важно направить исследовательское внимание не только на реальные преобразования имперской географии власти на Дальнем Востоке России, но и на неосуществленные проекты, понять мотивы и аргументацию управленческого реформирования, его альтер-

---

[1] *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск, 1995; *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.

[2] Цит. по: *Бусыгина И.М.* Судьба географических знаний в политической науке и образовании // ПОЛИС. 2003. № 1. С. 149.

нативность, понять, как были встроены дальневосточные проблемы в российский имперский дискурс.

Мой исследовательский интерес к имперской управленческой тематике в ее региональном измерении был вызван следующим. Во-первых, из общения с коллегами и изучения современной исторической, политологической и географической литературы; во-вторых, из изучения конкретно-исторического материала, который давал возможность увидеть реалии имперской практики в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Декларировав общие принципы регионально-управленческого подхода к изучению имперского пространства России, я попытался поверить их конкретным материалом, описывающим процесс поглощения империей одного из своих окраинных регионов – Дальнего Востока – процесса, имевшего значительную историческую временную протяженность и пространственную незавершенность (с точки зрения достижения «естественных границ» империи).

Предыстория этой книги такова. Важным событием в моей научной биографии стало знакомство в 1996 г. на летней школе, которую организовал Московский общественный научный фонд, с профессором из Самары П.И. Савельевым и рядом других исследователей, которых объединил интерес к истории «имперских вопросов». Тогда нами был предложен проект межрегионального семинара «Региональные процессы в имперской России», который был поддержан профессором Мичиганского университета Дж. Бурбанк, профессором университета графства Эссекс С. Смитом и академиком Б.В. Ананьичем и получил финансирование от МОНФ. Осознав, что история России как империи все еще не написана, мы задали главный вопрос: что обеспечивало Российской империи устойчивость, какие механизмы позволяли ей существовать долго и относительно стабильно, охватывая своими границами огромную территорию, населенную разными народами, имевшими конфессиональные, социокультурные, экономические и политические отличия?[3]

На этом проект не закончился, и наша инициатива нашла поддержку у фонда Форда, была расширена и развита в международном семинаре «Empire and region: russian case» (Нью-Йорк – февраль 1998 г., Омск – июль 1999 г., Самара – 2002 г.)[4], а затем в семинаре «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» при финансовой поддержке МОНФ (Санкт-Петербург – май 2000 г., Москва – октябрь 2000 г.)[5]. Это дало

---

[3] См. сб.: Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: МОНФ, 1997.

[4] По результатам семинара подготовлен сборник статей, который находится в издательстве Indiana press.

[5] Результаты работы этого семинара были опубликованы в сборнике: «Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности». М.: МОНФ, 2001.

мне возможность регулярно обсуждать проблемы истории Российской империи с Б.В. Ананьичем, М. фон Хагеном, Дж. Бурбанк, С. Смитом, Р.Ш. Ганелиным, Л.Е. Горизонтовым, С.И. Каспэ, В.О. Бобровниковым, С.Н. Абашиным, Е.А. Правиловой, Н.Ф. Тагировой, Е.И. Кэмпбелл (Воробьевой), Р.А. Циунчуком, П. Вертом, В. Сандерландом, Н. Ссорин-Чайковым, Ч. Стейнведелом и многими другими друзьями и коллегами. Их советы, сомнения и вопросы, а главное, их собственные исследования оказали огромное влияние на выбор исследовательского ракурса моей новой книги.

Чрезвычайно важны были контакты с сибирскими и дальневосточными коллегами (Л.М. Дамешек, М.С. Высоков, А.И. Костанов, В.И. Шишкин, С.В. Кондратьев), любезно приглашавшими меня в 2000–2003 гг. прочесть спецкурс «Сибирь и Дальний Восток в Российской империи XIX – начала XX в.» в Сахалинском, Омском, Тюменском, Новосибирском и Иркутском университетах, а также мое участие в качестве лектора летней школы «От мира империй к глобализации: новые подходы к осмыслению роли империй Нового времени», организованной в 2002 г. Саратовским Межрегиональным институтом общественных наук при Саратовском госуниверситете. Я благодарен за радость интеллектуального общения с редакторским коллективом и некоторыми авторами журнала «Ab Imperio», членом международного редакционного совета которого я имею честь состоять. Уникальную возможность представить результаты своих исследований в Саппоро и Токио я получил в январе-феврале 2003 г. благодаря «Slavic research center» университета Хоккайдо и лично профессорам Терауки Хара и Кимитака Матцузато.

Выражаю особую признательность А.И. Миллеру, книга которого, посвященная «украинскому вопросу» в Российской империи, позволила мне несколько иначе посмотреть на сибирские и дальневосточные проблемы, за его предостережения о возможных исследовательских и политических «ловушках» исповедуемого мною регионального подхода в изучении имперской тематики.

Я очень благодарен моему учителю академику РАН Б.В. Ананьичу, с которым вот уже более двадцати лет меня связывают личные и творческие отношения и который всегда щедро делился со мной своими идеями, помогал мне советами и без которого мои исследования могли бы не состояться или были бы совсем иными.

Конечно, для меня имело большое значение понимание и терпимость моей жены Екатерины и моих сыновей Павла и Михаила в связи с частыми поездками, а также длительным затворничеством в библиотеках, архивах и дома за компьютером.

Я также признателен за понимание и поддержку со стороны ректора Омского государственного университета Г.И. Геринга, проректоров

В.И. Струнина, В.В. Дубицкого, деканов исторического факультета А.В. Якуба, юридического факультета О.В. Дмитриева. Особая благодарность заведующему кафедрой дореволюционной отечественной истории, на которой я работаю с 1986 г., моему старшему другу и коллеге А.П. Толочко. Книга не могла быть написана и издана без финансовой помощи American Council of Learned Societies (ACLS), который поддержал меня в 1999–2002 гг. и дал возможность завершить эту работу.

ВВЕДЕНИЕ

ИМПЕРСКАЯ ТЕМА В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КОНТЕКСТЕ

«Здравствуй, реченька Востока,
мы пришли к тебе здалека».
Из русской воинской песни[1].

В силу своей сложности и вариативности Российская империя требует регионального измерения. Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических факторов, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов. С управленческой точки зрения Российская империя представляла собой сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объяснима именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на путях централизации и унификации управления (к чему оно, несомненно, стремилось), тем более оно теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы.

Культурное, конфессиональное и этническое разнообразие империи имело свое региональное измерение, существовавшее в реальной политике и плохо представленное в российской правовой и исторической мысли. Известный правовед Б.Э. Нольде подчеркивал, что русское право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь (на окраинах. – А.Р.) творило... наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русского государства»[2]. Путь отыскать «осуществление одной и той же государ-

---

[1] *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929. С. 79.

[2] *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 280-281. Сам Б.Э. Нольде одним из первых попытался дать комплексную характеристику Российской империи. – *Nolde B.* La formation de l' Empire russe. Paris, 1952–1953. Vol. 1–2.

ственно-правовой мысли», полагал он, «лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности». Это касалось необходимости учета особенностей окраин при организации их управления при ясном понимании того, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления. «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, – подчеркивал исследователь истории управления Сибири С.М. Прутченко, – система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»[3].

Понятийный аппарат и исследовательские подходы.

В основу избранного мною варианта изучения имперской тематики положен главный исследовательский подход: *регионально-управленческий*, позволяющий охватить важные сферы имперской региональной политики, такие, как имперская идеология и имперская практика в региональном прочтении; установление как внешних (в том числе и государственных), так и внутренних (административных) границ региона; динамика управленческой организации внутрирегионального пространства (властная административно-территориальная и иерархическая структура регионального пространства, административные центры и их миграция). Таким образом, я сделал акцент на выяснении функционального смысла империи, что дало возможность для решения ряда задач имперского вектора исследований.

Власть, как всякий реальный объект и процесс, имеет свои временные и пространственные характеристики, испытывает воздействие природно-климатических и социокультурных факторов, проявляет свою динамику эволюции и трансформации в империи[4]. Для их описания мной было предложено понятие *география власти* (пространственное размещение, институциональная структура и управленческая иерархия в дихотомии «центр-периферия», территориальная динамика власти).

---

[3] *Прутченко С.М.* Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 1. С. 5–6.

[4] *Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М.* География. Региональные исследования и региональная наука (некоторые исходные положения) // Регионология. 2000. № 3–4. Д.В. Доленко отмечает важную современную исследовательскую тенденцию «географизации традиционно негеографических наук», когда социально-экономическая и политическая география стремится к целостному изучению территории, включая ее образное восприятие. – *Доленко Д.В.* Историко-географические аспекты политико-территориальной организации России // Вестник исторической географии. М., 2001. № 2. С. 108.

Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играла единая денежная система (не случайно фальшивомонетничество считалось государственным преступлением), коммуникации, налоги, государственный язык, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности.

Применительно к этому, казалось бы, достаточно дать определение *империи* как большой геополитической общности («мир-империя» в определении Ф. Броделя и И. Валлерстайна), исторического способа преодоления мировой локальности, установления внутреннего мира и межрегиональных экономических и культурных связей, хотя бы и силой. В империи стихийно или сознательно присутствовал известный баланс унификаторских тенденций и сохранявшегося длительное время традиционного многообразия социально-экономических укладов, управленческих и культурных форм. Согласно определению Ф. Броделя, «мир-империя» подразумевает наличие «центра» и «периферий». Внутреннее пространство «мир-империи» имеет свою иерархию, что подразумевает наличие различных видов неравенства периферийных регионов по отношению к центру, где располагалась сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение[5].

Перспективность регионального подхода особо подчеркивает автор известной книги о Российской империи А. Каппелер: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с этническими конфликтами рассматривается более

[5] *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. С. 18, 48–49.

или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп»[6].

Региональный подход к изучению имперской тематики неизбежно ставит в основу исследования концепцию «центр – периферия», теоретически разработанную Э. Шилзом и Ш. Эйзенштадтом. Значительная часть имперских конфликтов разворачивалась именно вокруг главной оси отношений между центром и периферией. Центр являлся особым символическим и организационным образованием, который стремился не только извлекать ресурсы из периферии, но и проникнуть в нее, перенести туда свои духовно-символические принципы, организационно мобилизовать ее для своих целей[7]. Огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий на востоке требовали образования на линии «центр – периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение. Империя вынуждена больше, чем внутренним губерниям, своему государственному и национальному ядру, уделять внимание окраинам, где она соприкасается с другими империями, где она имеет возможности для своего расширения и откуда ей грозит опасность.

Имперская управленческая тематика имеет давнюю традицию и определенную научную устойчивость. Как заметил еще в конце XIX в. профессор русского государственного права В.В. Ивановский, «вопросы централизации и децентрализации правительственной деятельности настолько же стары, насколько стара сама государственная жизнь; в то же время это и вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, повидимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, одинаково пригодного для всех эпох и народов»[8]. Актуальность проблем взаимоотношений центра и регионов сохраняется, имея тенденцию к обострению в условиях модернизации. М. Хечтер, предложивший концепцию «внутреннего колониализма», обрек эти проблемы, заметив, что условия частичной интеграции периферии и государственного ядра «все

---

[6] *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 21. См. также взгляд К. Мацузато на исследовательские возможности регионализма и «географического подхода». – Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of «Reginology». Sapporo, 2000. P. IX-X и его статья – The Concept of «Space» in Russian History – Regionalization from the Late Imperial to the Present // Empire and Society: New Approaches to Russian History. Sapporo, 1997. P. 181–216.

[7] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 135, 147.

[8] *Ивановский В.В.* Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.

больше воспринимаются периферийной группой как несправедливые и нелегитимные»[9].

Понятие *«центр»* для Российской империи имело конкретно-исторический смысл. Так, известный статистик и географ первой половины XIX в. К.И. Арсеньев под центром России понимал «пространство – сердце империи, настоящее отечество Русского народа, центр всей Европейской России, вместилище всех сокровищ, доставляемых образованностью, распространенной промышленностью и обширною внутреннею торговлею»[10]. Центральное, или внутреннее, пространство, по классификации Арсеньева, означало общность нравов его жителей, единство языка, единую правовую и управленческую систему, одну религию и почти одинаковый уровень образования народа, что и определяло его как «истинное отечество Русских, твердейшая, или главная, основа державы Российской; это есть великий круг, к коему все прочие части Империи примыкают, как радиусы в разных направлениях, ближе или дальше, и содействуют более или менее к нерасторгаемости оного»[11].

Рассуждая о народонаселенческом и пространственном центрах России уже на рубеже XIX и XX вв., Д.И. Менделеев определял свое понимание административного центра как средоточия государственной деятельности, места, где «собираются люди со всех концов и из этого центра исходит множество отношений, влияющих на весь быт страны»[12]. Схожее определение «центра» дается и современными авторами, которые, отмечая неравномерность и неповсеместность появления инноваций, формулируют его так: «Понятием «центр» как раз и фиксируется место их генерирования, тогда как «периферия» служит средой их распространения, ход которого зависит от контактов с центром»[13]. При этом констатируется, что контраст между центром и периферией – самый элементарный и в то же время мощный импульс возникновения и воспроизводства территориального неравенства. Центр, как его фиксирует современный французский социолог Пьер Бурдье, предстает «местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей (политических, экономических, социальных, культурных. – А.Р.) и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции»[14]. Таким образом, с управленческой точки зрения, «центром» явля-

---

[9] *Хечтер М.* Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. С. 210.

[10] Цит. по: *Перцик Е.Н.* К.И. Арсеньев и его работы по районированию России. М., 1960. С. 99.

[11] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 26.

[12] *Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб., 1912. С. 127.

[13] *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С. 5.

[14] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 42.

ется столица – месторасположение высших и центральных учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения.

В ходе исторического развития Российской империи на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности (*регионы*), заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определенной региональной идентификацией. Под регионом в данном случае мною понимается не политико-административный территориальный субъект управления и хозяйствования, а историко-географическое пространство, создаваемое не столько физическим ландшафтом, сколько временем и историей[15]. Д.Н. Замятин отмечает, что «историко-географическое пространство, в отличие от географического, структурируется главным образом за счет четкой пространственной локализации, репрезентаций и интерпретаций соответствующих исторических событий, происходящих (происходивших) в определенном географическом ареале (регионе)»[16].

В этой связи важен процесс генезиса географического пространственного объекта, выделения его в особый предмет общественного сознания и сегментирования правительственной политики, что уже является объектом политико-административной классификации территории, способом символической репрезентации внутреннего имперского пространства. Поэтому сегодня, подчеркивает П. Бурдье, никто не будет настаивать на существовании критериев, способных «подтвердить «естественные» классификации, основанные на «естественных» регионах, разделенных «естественными» границами»[17]. Официальная власть (как и ее оппоненты) активно прибегает к научному авторитету, чтобы подтвердить реальность и рациональность «произвольного деления», которое она стремится навязать, мобилизуя тем самым новую идентичность, впрочем, с плохо ею самой прогнозируемыми последствиями осознания (или веры) территориального единства. Разделение и классификация пространства власти может быть объективирована в институциональных формах (государственные и административные границы), а также восприниматься как политические стратегии регионалистов, которые

---

[15] Аналогом современного понятия «регион» в дореволюционной терминологии можно считать «область» (отсюда название сибирского общественно-политического движения – «областничество»).

[16] *Замятин Д.Н.* Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. 2002. № 1. С. 44.

[17] *Бурдье П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 52.

пытаются поставить на службу своим целям материальные и символические интересы местного населения.

География власти и ее региональная историческая динамика. География власти имеет свою историческую динамику. Обозревая физическое пространство Сибири и российского Дальнего Востока, несложно заметить, как исторически менялась его административная конфигурация, как постепенно заполнялись управленческие лакуны, исчезали первоначальный государственный вакуум и территориальная разреженность государственной власти, оформлялась и заполнялась административно-территориальная сеть региона. «Занятие Дальнего Востока, – как заметил уже в 1910 г. чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе Н. Богоявленский, – происходило у нас сначала путем административным, распоряжением правительства, а не естественным путем эмиграции в новый край излишка населения из метрополии. Поэтому администрация явилась раньше населения»[18]. Власть на Дальнем Востоке в условиях недонаселенности территорий предпринимала меры по их принудительной (или направляемой) колонизации, формируя для себя управленческую среду, административно структурировала новое имперское пространство, маркируя его внешние и внутренние границы. При этом административно-территориальная сетка неизбежно налагалась на географический ландшафт, стремилась учесть исторические контуры расселения этносов, совместить их с имперскими потребностями эффективного политического управления и экономического районирования[19].

Административно-территориальное деление государства было подчинено по преимуществу реализации двух главных функций: обеспечению контроля центральных властей над местными и сбору налогов[20]. Но в пограничных регионах к этим обычным функциям присоединялись особые потребности, связанные с решением внешнеполитических задач, с местным военно-политическим и экономическим контролем за региональным сегментом государственной границы. Ситуация усложнялась еще и тем, что сама государственная граница еще не определилась окончательно, а в условиях Азии носила специфические фронтирные черты подвижной зоны закрепления и освоения. «Граница – это не только линия на географической карте, – отмечает философ С.А. Королев. – Это, с

---

[18] *Богоявленский Н.* «Наплыв желтой расы в Приамурье» (31 мая 1910 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Д. 763. Л. 131.

[19] *Тагирова Н.Ф.* Опыты экономического районирования Российской империи XVIII – начала XX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 413–425.

[20] *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 412-413.

одной стороны, не просто край, рубеж некоего географического пространства, территории, а некий край *пространства власти*, т.е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, а с другой – это зона соприкосновения, пресечения, наложения различных, часто разнотипных, пространств и столкновения различных структур власти»[21]. Дальневосточный регион в XIX – начале XX в. также демонстрировал нерасчлененность сфер внешней и внутренней политики, сочетание традиционных и инновационных политических и социокультурных мероприятий. Региональное своеобразие управленческой политики на Дальнем Востоке вобрало в себя как классические для Российской империи приемы властной организации, так и специфические черты, порожденные природными факторами, а также комплексом региональных геополитических воздействий.

С позиций географии власти исследовательское внимание направлено на пространственную структуру властных институтов в азиатской части империи, их динамику, основные направления управленческих процессов, влияние на них (менявшихся в разные периоды по степени воздействия) физико-географических, политических, экономических и этноконфессиональных факторов. Изучение региональной географии власти невозможно без встраивания ее в более широкий геоисторический контекст. Наряду с рационализацией, модернизацией и ведомственной специализацией государственной власти в центре и на местах шел процесс ее экстенсивного расширения, подпитываемый включением в состав империи новых территорий, что обусловило управленческие региональные различия, а региональная география власти имела сложную политико-административную структуру. Для интеграции периферийных регионов в состав Российской империи чрезвычайно важным был процесс формирования внешних и внутренних границ, «оцентровывания» новой территории, создания локальных эпицентров имперского влияния. Их появление и миграция отражали изменение в направленности региональных процессов, смену административных, военно-колонизационных, хозяйственных и геополитических приоритетов империи.

Империя, включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, начинала прежде всего его властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Приамурский край – для

---

[21] *Королев С.А.* Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35). С. 5.

Маньчжурии; Западную Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии).

Проводя политику, направленную на политико-административную и экономическую интеграцию азиатских окраин в единое имперское пространство, самодержавие придерживалось определенной последовательности при переходе от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к замене их общероссийской бюрократической системой государственных учреждений. Этот процесс довольно точно обозначил в начале 1880-х гг. восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии...»[22].

Административное устройство Азиатской России в XIX в. рассматривалось как «переходная форма», которая должна иметь конечной целью, как официально считалось, «путем последовательных преобразований введение окраин в тот устойчивый административный строй, приданный европейским губерниям, который, представляя свободу и развитие в пределах областных интересов, поддерживает объединение действий в руках центральных учреждений»[23].

Этот процесс с известным схематизмом и упрощением можно описать следующим образом.

• *Во-первых*, шел процесс первоначального освоения и присвоения («первооткрыватели», обеспечивающие «историческое» право на данную территорию), создания опорных военно-промышленных пунктов и установления периметра (зоны, рубежа) внешней границы, обеспечения государственной безопасности и формирования имперского тыла (в том числе за счет естественных преград, слабой доступности и бедности природных и трудовых ресурсов, низкой привлекательности окраинной территории), создания оборонительных рубежей, государственной границы, размещения вдоль границы вооруженной силы (регулярных и ир-

[22] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 66.

[23] Журнал Особого совещания по административному переустройству Азиатской России (1882 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47. Л. 166.

регулярных войск, казачьих линий, военно-морских баз)[24]. На этом этапе высока степень частной инициативы, однако неизменно координируемая и направляемая государством, характерен симбиоз военно-хозяйственных функций и создание квазиадминистративных институтов (частные компании, экспедиции). Первые завоеватели и открыватели были вместе с тем и первыми географами новых имперских земель[25].

• *Во-вторых*, власть стремилась «оцентровать» новую территорию путем установления региональных административных центров (на первых порах превалировали военные и фискальные интересы, а затем уже собственно экономические), что сопровождалось хозяйственной колонизацией регионального тыла (часто этот процесс шел от границ региона вглубь его). Империя как бы проскакивала внутренние районы ради ускоренной внешней экспансии. Изменение внешнеполитических и внутриполитических задач, расширяющееся экономическое освоение региона, демографические процессы приводили к частой миграции региональных центров.

• *В-третьих*, власть пыталась определить административно-политический статус территории (наместничество, генерал-губернаторство, губерния, область), осуществить поиск оптимальной модели взаимоотношений местной власти и центра (сочетание принципов централизации, деконцентрации и децентрализации); организовать имперскую инфраструктуру региона (пути сообщения, почта, телеграф), его культурное закрепление (церкви, школы, медицина), научное «завоевание» (картографирование, землеописание, статистическое и этнографическое исследования); создать смешанные органы местного управления и суда, сохранить правовые нормы обычного права и конфессионального регулирования («инородческое», «военно-народное» управление, традиционные судебные институты, организация контроля и управления иноверческими вероисповеданиями).

• *В-четвертых*, имперское «поглощение» региона шло путем создания унифицированных управленческих структур, усложнения административно-территориальной сетки (включая специальные ведомственные административно-территориальные образования: военные, судебные, горные и т.п. округа), специализации институциональной организации различных уровней управления и суда, сокращения сферы действия традиционных институтов и их бюрократизации, усовершенствования системы управленческой коммуникации, закрепления за им-

---

[24] Применительно к северо-востоку Сибири о понятии «присоединение» см. новейшее исследование на эту тему: *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 99–184.

[25] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 617.

перией территории путем ее интенсивной земледельческой и промышленной колонизации русскими, миссионерской и культуртрегерской деятельности, расширения сферы применения русского языка и имперского права, обрусения народов[26], распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, включая экономическую и социокультурную модернизацию[27].

Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах известную противоречивость. Это отражалось, в свою очередь, на взаимоотношениях центральных и местных властей, приводило к серьезным управленческим коллизиям. Переход от поливариантности в административном устройстве (как это было на ранних этапах истории империи) к внутренне усложненной моновариантной модели неизбежно приводил к росту централизации и бюрократизации управления, допускающих лишь некоторую деконцентрацию власти на окраинах. Административная централизация представлялась мощным орудием не только управления, но и политического реформирования.

Реальное административное поведение империи на окраинах представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций при элиминировании политических претензий. Управленческое взаимодействие центра и региона включало в себя диалог двух сторон (центральных и местных государственных деятелей), позиции которых зачастую не совпадали. Обилие указаний из центра могло с успехом демпфироваться неисполнением их на периферии. На азиатских окраинах империи местная администрация, претендовавшая на самостоятельное видение региональных проблем, имела возможность до известной степени проводить автономную политику, которая могла расходиться с намерениями центра.

Административная политика была нацелена не только на создание эффективного и по возможности недорогого управленческого механизма, но и на поиски оптимального соотношения властных полномочий

---

[26] О содержании понятий «обрусение» и русификация см.: *Миллер А.И.* Русификации: квалифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133-148.

[27] См.: *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.

между центральными ведомствами и высшей территориальной администрацией в лице генерал-губернаторов и губернаторов, преодоление на региональном уровне проблем, порожденных отсутствием в центре и на местах единства власти. На высшем и центральном уровнях прибегали к созданию специальных территориальных органов (I и II Сибирские комитеты, Комитет Сибирской железной дороги, Комитет Дальнего Востока, Комитет по заселению Дальнего Востока), призванных снизить проблему отсутствия «объединенного правительства»[28]. Однако, как отмечали современники, «территориальный характер центральных учреждений до некоторой степени маскировал полное отсутствие чего-либо похожего на областное устройство»[29].

В организации регионального управления империя лавировала между Сциллой централизации и Харибдой федерализма, сознавая опасность и того и другого. По этому поводу российская государственноведческая мысль утверждала: «Если мы в провинции дадим власть лишь представителям центрального правительства, без какого-либо участия местного общества, то настанет время страшнейшего деспотизма, несмотря на самую либеральную форму правления государства. Если же мы устраним представителей центрального правительства, которые служат связью провинции с центром и предоставим все местному обществу, то государство перестанет быть единым целым и в лучшем случае обратится в федерацию провинций»[30]. Деспотизм близко стоящей власти казался еще более тягостным, чем деспотизм центра. Необходимо было не только освободить центральные органы от непосильного бремени управления, передав часть функций на места, но и найти разумное сочетание централизации, деконцентрации и децентрализации власти. В условиях, когда интерес центральных властей к азиатским регионам носил импульсивный характер, подогреваемый прежде всего внешнеполитическими амбициями или угрозами, местная администрация была в большей степени, нежели петербургские ведомства, заинтересована в стабильности, в четких ориентирах и приоритетах (и даже планомерности) их освоения. Наличие генерал-губернаторства открывало возможности для некоторой управленческой автономии, выхода за жесткие рамки централизованного администрирования.

Однако существование генерал-губернаторства закрепляло мысль о том, что эта часть империи изымается из-под действия общего законодательства. По словам известного российского правоведа А.Д. Градов-

---

[28] Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Комитет министров и высшие территориальные комитеты в 60–80-е гг. XIX в.: (Российский вариант организации регионального управления) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII–XX вв.). Омск, 1996. С. 55–66.

[29] *Игнатьев Е.* Россия и окраины. СПб., 1906. С. 6.

[30] *Блинов И.А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 3.

ского, генерал-губернатору было трудно отрешиться от предвзятой идеи, «что край этот есть нечто особое от остального государства»[31]. Правовая обособленность, за которой мерещилась обособленность политическая, угрожала столь желаемой управленческой унификации империи. Личностная природа генерал-губернаторской власти при довольно частой смене генерал-губернаторов неизбежно придавала дискретный характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины. Смена персонажей на генерал-губернаторском посту имела нередко определяющий характер на направление и успех правительственных мероприятий. В условиях конфликта отраслевого и территориального принципов администрирования губернаторы представлялись министрам более зависимыми от центральных властей, нежели генерал-губернаторы с их высоким политическим статусом и относительной управленческой независимостью.

Значительную роль в управленческих процессах играл город, который выступал в качестве регионообразующего фактора, стягивая территорию не только административно (как это было преимущественно в ранние периоды), но и экономически[32]. Именно города становились центрами модернизационных влияний и инициатив, через них шло включение окраин в имперские коммуникации. Но вместе с тем, как выразился А.И. Герцен, это были какие-то странные города, «которые по большей части были выдуманы и существовали для администрации и чиновников-победителей»[33]. Периферийный город был преимущественно центром имперской власти второго или третьего порядка, иерархически соединенный с главным имперским центром. Отсюда понятно, почему так много внимания уделяли выбору административного центра, объяснима с этой точки зрения его частая миграция на окраинах.

Особое место в системе административно-территориального устройства Азиатской России занимали пограничные области, в которых не только существовала упрощенная система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и сохранялся длительное время явный приоритет военной власти над гражданской, внешние границы имели аморфные очертания и обладали большой подвижностью. В этом положении местная администрация становилась ответственной не только за внутреннее устройство области, но и за определение ее границ, в том числе и государственных, за проведение внешней политики в отношении сопредельных государств.

---

[31] *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. СПб.,1899. Т.1. С. 329.

[32] *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 24–28.

[33] *Герцен А.И.* Сочинения в 9-ти томах. М., 1958. Т. 8. С. 135.

Одной из важнейших особенностей функционирования региональной власти в Азиатской России XIX – начала XX в. было отсутствие четкой грани между внешней и внутренней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ. Государственная граница в условиях Азии носила специфические фронтирные черты подвижной зоны закрепления и освоения. Долгое время (как в случае между Российской и Китайской империями) межимперская территория имела характер буферной территории с редким кочевым населением. Это была своего рода «ничейная земля» (terra nulius), несмотря на ее формальную принадлежность к той или иной империи. «Азиатская граница» как особый тип границы представляла собой, с точки зрения европейского наблюдателя, аморфную «геополитическую чересполосицу», большую барьерную территорию между империями, на которой продолжали существовать местные осколочные властные структуры[34]. Но всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, – отмечает Ф. Бродель, – история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»[35].

География власти означает еще и сложный процесс адаптации российской бюрократии к региональным условиям, создание собственной управленческой среды, на которую влияли как общие имперские установки и методы властвования, так и специфические условия региона. Центр, заинтересованный в эффективном и по возможности дешевом административном и судебном аппарате вынужден идти на дополнительные меры по привлечению на службу чиновников, создавая региональную систему льгот и привилегий.

На азиатских окраинах проявил себя *особый тип российского чиновника*, носителя иных цивилизационных для окраины ценностей, имперских порядков и имперских технологий, управленческое поведение которого могло деформироваться под воздействием окружающей социокультурной среды. Этот феномен был подмечен еще М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Господах ташкентцах». Однако важно подчеркнуть и другое: формировался специалист-управленец, прошедший службу, зачастую на разных окраинах, способный адаптировать свой опыт к местным реалиям. Российский чиновник не только переносил с окраины на окраину империи петербургский чиновничий стиль, но и управленческие

---

[34] *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. 157–158.

[35] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 274.

методы и технологии, приобретенные в разных окраинных условиях. На Дальнем Востоке было много чиновников, особенно высоко ранга, прошедших бюрократическую выучку в Сибири, на Кавказе, в Польше, Средней Азии.

В имперской практике важное значение имели частые перемещения с одной окраины на другую. Если проследить служебную географию только восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов, то можно заметить известную закономерность в их чиновной миграции по окраинам империи. Так, трое из генерал-губернаторов второй половины XIX в. (Н.П. Синельников, П.А. Фредерикс и Д.Г. Анучин) до назначения в Иркутск занимали административные посты в Царстве Польском[36]. С.М. Духовской до Хабаровска послужил на Кавказе, в 1893–1898 гг. он уже приамурский генерал-губернатор, а в 1898–1901 гг. туркестанский генерал-губернатор. Н.И. Гродеков после службы на Кавказе и в Средней Азии получил назначение на Дальний Восток, где был помощником приамурского генерал-губернатора (1893–1898 гг.), приамурским генерал-губернатором (1898–1902 гг.), командующим войсками на Дальнем Востоке (1906 г.), а закончил службу вновь в Средней Азии на посту туркестанского генерал-губернатора (1906–1908 гг.). Д.И. Суботич начал военную службу на Кавказе, продолжил в Западном крае, в 1897 г. был назначен военным губернатором Приморской области, затем стал начальником Квантунского полуострова (1898 г.) и начальником штаба Квантунской области (1899–1901 гг.), далее начальник Закаспийской области (1901–1902 гг.), приамурский генерал-губернатор (1902–1903 гг.), в конце своей карьеры – туркестанский генерал-губернатор (1905–1906 гг.). П.Ф. Унтербергер в 1864 г. начал службу в Иркутске, в 1888–1897 гг. он занимал пост приморского военного губернатора, несколько лет был нижегородским губернатором, а с 1905 по 1911 гг. – приамурским генерал-губернатором. Н.Л. Гондатти после нескольких лет службы в Приморской области и в Иркутске стал тобольским губернатором (1906–1908 гг.), томским губернатором (1908–1910 гг.) и возвратился в Приамурский край генерал-губернатором (1911–1917 гг.); И.П. Надаров после нескольких лет службы на Дальнем Востоке в 1901–1903 гг. занимал пост забайкальского военного губернатора, в 1904–1906 гг. служил в маньчжурской армии, а в 1906-1908 гг. стал степным генерал-губернатором. Я.Ф. Барабаш также долго служил на Дальнем Востоке, был забайкальским военным губернатором (1884–1888 гг.), затем стал тургайским губернатором (1888–1899), а после этого оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска

---

[36] *Шостакович Б.С.* Представители местной администрации и политические ссыльные Восточной Сибири последней трети XIX в. (По мемуарным источникам) // Политика самодержавия в XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 37–38.

(1899–1906 гг.). И таких примеров можно приводить много. Это были не только крупные окраинные деятели, но известные специалисты и знатоки местных условий.

Имперская политика на востоке в известной степени зависела не только от петербургских политиков, но и от взглядов и решимости местных администраторов, занимавших пусть и незначительные в бюрократической иерархии посты. Их видение имперских задач на азиатских окраинах основывалось на собственной трактовке географических и климатических условий края, этнографических познаний, колониального опыта других стран и даже на самостоятельном понимании внешнеполитических условий. Служба на окраинах, особенно там, где активно шел процесс их инкорпорации в имперское пространство, не только способствовала быстрой карьере, но и вырабатывала особый стиль управления, формировала иной, нежели в центре страны, тип государственного и общественного деятеля. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер так описывал особенности службы на далекой окраине империи: «...Вообще жизнь и служба на окраине резко отличается от службы во внутренних губерниях. Там (на окраине. – А.Р.) по силе обстоятельств в молодых чинах приходится привыкать к самостоятельности, а раз к ней привык, то уже трудно свыкаться с подчиненным положением в службе в Европейской России»[37]. Военный министр А.Ф. Редигер вспоминал, что в свое время хотел получить Приамурский военный округ по причине того, что на окраины его тянуло «ввиду большой самостоятельности и более живой работы»[38].

Современники выделяли российского дальневосточного чиновника – «амурца», склонного не только к самостоятельности, но и излишнему прожектерству: «По мановению волшебного жезла в его разговорах край превращается во всемирную житницу, гавани Посьет и Ольга начинают оспаривать значение Кронштадта, возникают рисовые и сахарные плантации, всевозможные фабрики и заводы, конечно, при условии, что его, деятеля, проекты все будут приняты и дело поведется математически точно по отношению к его программе. Он, деятель, только один в своих глазах и непогрешим. Если ему что-то и не удалось, то в этом всегда виноваты другие: высшие или подчиненные – безразлично»[39]. Но, оставив службу, «амурцы» не прекращали следить за дальневосточными событиями, регулярно собираясь в Петербурге на так называемые «амурские обеды», отмечая амурские даты, ревностно почитая своих ге-

---

[37] Автобиография П.Ф. Унтербергера // РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2.

[38] *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 349.

[39] *Гребенщиков М.Г.* Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб., 1887. С. 78.

роев, прославляя их в газетных и журнальных публикациях, многочисленных воспоминаниях. Они с теплотой вспоминали о прежней своей службе: «Не потому ли, что в те далекие времена эти люди пользовались высшим благом – свободой. А свобода у нас была полная: свобода слова – говори, что хочешь, никто тебе не мешает; свободы печати не было, потому что вообще не было никакой печати. Свобода совести была, в Сибири вообще никто не придавал значения национальности и религии: русский, поляк, немец, раскольник – все равно; лишь был бы он хороший человек. <...> Помимо того была еще одна привлекательная особенность амурской службы: самостоятельность и возможность личной инициативы. За дальностью расстояния амурские деятели не могли во всякое время обращаться за разрешениями и разъяснениями к высшему начальству, которое находилось в Иркутске, а потому большей частью действовали самостоятельно на свой страх и могли видеть результаты собственных трудов, что всегда дает нравственное удовлетворение»[40].

Важно отметить и то, что окраинные чиновники и военные имели гораздо больше возможностей для карьеры (окраинные льготы, возможность получения наград и повышений по службе за особые заслуги), что позволяло им впоследствии занимать видные места в столичной иерархии, влиять на формирование как общей российской бюрократической культуры управления, так и на выработку в целом правительственной политики.

«Знание-власть» в дальневосточной имперской политике.

Важным направлением имперской географии власти являлось «научное завоевание» новых территорий и народов: «землеведение», картографирование, статистические описания, этнография. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона (его орографию, гидрографию, геологию, климат, почвы, флору и фауну), наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история Востока, мотивированные потребностями «знания-власти», развиваются под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждавших имперские восточные проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых особых правительственных совещаниях и ко-

[40] Р.Ф. [Фриессе Р.] Воспоминания о жизни на Амуре // Русская старина. 1907. Т. 130. № 6. С. 650.

миссиях, часто можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики.

География власти включает и процесс овладения российским политическим истеблишментом, новой имперской, колониальной и геополитической лексикой. В силу особого для Российской империи значения пространства, на котором проживало население разных национальностей и конфессий, длительного социокультурного взаимодействия с разными цивилизациями, геополитические проблемы довольно рано попадают в сферу внимания российских исследователей, которые начинают использовать географические факторы в осмыслении истории и политики. В.Л. Цымбурский говорит даже о «гипертрофии географического символизма в нашей истории»[41]. XIX век в значительной мере был веком географов и географической науки, которая вторгалась во многие области знания и политической практики. Строитель Закаспийской железной дороги М.Н. Анненков в 1890 г. на Международном географическом конгрессе в Берне сравнивал события XIX столетия с великими географическими открытиями конца XV – начала XVI в., когда было начато, а теперь заканчивается «великое дело покорения мира Европой». В его выступлении содержался призыв изучать «законы природы», по которым совершаются исторические события: «Какую великую услугу могли бы оказать географические общества всему человечеству, обратив внимание на страны, которые из недосягаемых стали для нас доступны, и в которые могла бы направиться эмиграция и колонизация»[42].

Особую роль в становлении азиатского направления российской геополитики сыграли российская политическая география, этнография и востоковедение, быстро расцветавшие под сенью военных ведомств империи и Императорского Русского географического общества, между которыми существовала несомненная связь[43]. Географическое общество объединяло самых разных людей, охваченных стремлением изучать новые земли и народы на востоке. Это были не только профессиональные ученые, но и офицеры, чиновники, священники и даже политические

---

[41] *Цымбурский В.Л.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86.

[42] *Анненков М.Н.* О значении в XIX столетии географического образования, как основы эмиграции и колонизации // Известия Русского географического общества. 1892. Т. 28. Вып. I. С. 88.

[43] О постановке проблемы связи российской науки и империализма см.: *Rich D.* Imperialism, reform and strategy: Russian military statistics, 1840-1880 // Slavonic and East European rev. L., 1996. Vol. 74. № 4; *Knight N.* Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia. New Histories for the Empire. Bloomington & Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1998; *Александров Д.А.* Наука и империализм // Империи нового времени: Типология и эволюция (XV–XX вв.). Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. СПб., 1999.

ссыльные. Их основное внимание концентрировалось на стратегически важных внутренних районах и сопредельных территориях, которые попали в зону имперских интересов. Научные занятия тесно переплетались с имперскими задачами. По поводу открытия Сибирского отдела ИРГО в Иркутске один из соратников Н.Н. Муравьева-Амурского заявлял, что «оно должно быть не только географическим, но именно русским Обществом, не просто лишь ученое Общество, а Общество ученопатриотическое»[44]. Имперским интересам на окраинах должно быть подчинено все, в том числе и наука: «...нам надобны не жуки и кукушки, а указали бы г.г. ученые, где железо на Амуре, где каменный уголь, где корабельный лес, где плодородная почва для земледелия, где какие приличнее разводить растения и в каких частях Амура какая приличнейшая система хозяйства»[45].

Задачи управления требовали лучшей информированности о крае. Не случайно появление в Сибири первых крупных научно-исследовательских организаций, отделов Русского географического общества, музеев связано с именами восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, западно-сибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова, приамурских генерал-губернаторов С.М. Духовского и Н.И. Гродекова. Г.Н. Потанин вспоминал, что Н.Г. Казнаков, «подобно другим просвещенным администраторам», стремился не ограничиваться только теми сотрудниками, которых предоставляло штатное расписание, и охотно привлекал на службу специалистов по разным отраслям науки[46]. Нередко в качестве исследователей выступали и сами генерал-губернаторы и губернаторы (Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, Н.Л. Гондатти, Я.Ф. Барабаш, И.П. Надаров и др.). В 1894 г. в Хабаровске по инициативе приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского начал свою работу Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, председателем которого стал помощник приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродеков (впоследствии сам занявший пост приамурского генерал-губернатора), известный своими исследованиями Средней Азии[47]. С именем Гродекова связано создание музея в Хабаровске. Другой генерал-губернатор – П.Ф. Унтербергер – публикует книги о Приморской области и Приамурском крае[48]. Последним приамурским

---

[44] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 119.

[45] Письма об Амурском крае // Русский архив. 1895. Кн. 1. С. 390.

[46] *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 37.

[47] *Горкавенко Н.Л.* Деятельность дальневосточных отделов РГО и их роль в освоении Дальнего Востока в дореволюционный период // Роль науки в освоении восточных районов страны. Новосибирск, 1992. С. 59–60.

[48] *Унтербергер П.Ф.* Приморская область. 1856-1898 гг. СПб., 1900; *Он же.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912.

генерал-губернатором стал Н.Л. Гондатти, известный в научном мире своими трудами по этнографии. В 1884 г. во Владивостоке возникло Общество изучения Амурского края, сыгравшее большую роль в его научном изучении[49]. При активной поддержке министра финансов С.Ю. Витте в 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, а в 1900 г. в Петербурге создано Общество востоковедения[50].

В научных обществах (прежде всего в Русском географическом обществе и его отделах) в тесной связи с правительственными структурами (учеными комитетами и департаментами министерств, местными учреждениями) формировались экспертные группы ученых, обслуживавших правительственную политику[51]. Именно здесь состоялась встреча русского административного опыта и европейских общественно-политических идей. На протяжении всего XIX века Сибирь и Дальний Восток испытывали острый дефицит интеллектуальных сил, хронически не хватало врачей, учителей, образованных чиновников. Перед администрацией в условиях слабости общественной инициативы, отсутствия значительного слоя находившегося вне службы просвещенного дворянства и разночинцев стояли не только задачи управления, но изучения и освоения огромного зауральского региона. Н.М. Ядринцев писал по этому поводу: «Это было время, когда администрация и бюрократия охотно прибегали к помощи писателей, ученых, исследователей. Воздух канцелярии как бы вентилировался доступом свежего воздуха и независимого взгляда»[52]. Проводниками имперской политики на дальневосточных окраинах и первыми их исследователями становились не столько профессиональные ученые, сколько чиновники и военные, промышленники и священники.

Российские либералы, как и их западные единомышленники, были не чужды в XIX столетии идей, как казалось, благородных – колониализма и имперского расширения[53]. Парадоксально и то, что «государственный потребитель» на восточных окраинах в целях удовлетворения запросов имперской практики не останавливался перед сотрудничеством

---

[49] Одним из его основателей был чиновник Ф.Ф. Буссе, заведующий переселением в Южно-Уссурийском крае. – *Галлямова Л.И.* О роли Общества изучения Амурского края в освоении Дальнего Востока (1884–1917 гг.) // Роль науки в освоении восточных районов страны. Новосибирск, 1992. С. 61–63.

[50] История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 48–75, 112–114.

[51] Процесс оформления таких «референтных групп» начался в России уже в середине XIX в. – *Улунян А.А.* Русская геополитика: внутрь или вовне? (Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX в.) // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 62.

[52] *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 328.

[53] Об этом см., например: *Гордин Я.М.* Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 16–26.

(впрочем, взаимно дистанцированным) с политическими ссыльными, с людьми, имеющими, как тогда выражались, «предосудительный политический формуляр»[54]. Французские путешественники Шафанжон и Матиссен восклицали: «Странная страна!... Азиатский деспотизм... и такая терпимость к политическим врагам, государственным преступникам!»[55].

Важную роль в стабильности имперского пространства играла наука, которая стремилась оперативно отыскать теоретические ответы на исторические вызовы быстро меняющегося мира. Это был сложный дискурс интеллектуалов (обосновывавших идеальные геополитические конструкции и пугавшие мир возможными глобальными конфликтами) и политических прагматиков, которые, хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в имперской политической и управленческой практике. Исторический опыт Российской империи демонстрировал не только дистанцию и даже конфликт между властью и наукой, но и своеобразные формы идеологической диффузии в сотрудничестве ученых и политиков, что особенно отчетливо проявилось в обосновании имперского расширения в Азии.

Наряду с демонстративным акцентом на отличие российской азиатской политики от колониальной политики других мировых держав, российские имперские идеологи старательно заимствуют их идеологический и управленческий опыт. В 1861–1862 гг. чиновнику канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов Бенардаки было поручено собрать сведения по истории французских колоний и составить очерк действующих там законов[56]. Опыт заселения Северной Америки по заданию восточно-сибирской администрации в начале 1860-х гг. специально изучал чиновник для особых поручений при амурском военном губернаторе А.И. Малиновский[57]. В Комитете Сибирской железной дороги составлялись записки об опыте германизации Пруссией польских провинций, о постановке колонизации в Северной Америке[58]. Управляющий делами Комитета Сибирской железной А.Н. Куломзин упоминает, что прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал «путеводною нитью» в переселенческой политике в Сибири. «Копировать ничего нельзя, – писал он в своих мемуарах, – в государст-

---

[54] О распространенности этого явления в Сибири писал С.А. Котляревский в статье «Оздоровление» – Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 394.

[55] *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы. Иркутск, 1989. С. 16.

[56] О составленном чиновником канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов Бенардаки во время пребывания его в Париже историческом очерке образования французских колоний и о действующих в оном законах (1861–1862 гг.) // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 211; *Кузнецов А.С.* Второй сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 10, 19.

[57] О командировании чиновника особых поручений коллежского асессора А.И. Малиновского в Соединенные штаты Америки (1860 г.) // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 502.

[58] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 53; Д. 191. Л. 1–2.

венной деятельности слепые снимки не годятся никогда и нигде. Но идеи, напрашивающиеся сами собою, нашли себе подтверждение в деятельности Прусского правительства...»[59]. При определении преимуществ службы в отдаленных и малонаселенных местностях Российской империи была учтена практика европейских колоний[60]. В архивном деле «О преобразовании Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области в наместничество на Дальнем Востоке» (1903 г.) хранятся специально подготовленные очерки административного устройства германских колоний в Африке, британского управления Индии и административной организации французского Индокитая[61].

Большое влияние на зарождающуюся российскую геополитическую мысль оказали «отцы-основатели» германской геополитики, идеологические обоснования британской колониальной политики, французского колониального опыта в Алжире и Новой Каледонии, американский опыт борьбы за независимость. Своих идейных учителей известный исследователь Азии М.И. Венюков определял так: «Вот уже более века прошло со времени философского признания неотразимого влияния на судьбу людей естественных условий стран, ими обитаемых. Три четверти столетия протекло после начала подробной разработки учения об этом влиянии Карлом Риттером и около полувека после введения главных руководящих идей по этому вопросу в круг высшего образования, да не одного высшего, а среднего, даже низшего. И не только земли, т.е. части суши, обитаемые людьми, но и моря, их разделяющие, а точнее – соединяющие, как самые естественные и недорогие пути – изучены с большою подробностью; влияние же их на ход цивилизации становится ясным не для одних учеников Александра Гумбольдта – географа, естествоиспытателя и материалиста, но и для последователей Вильгельма Гумбольдта – спиритуалиста, филолога и даже дипломата. Отрицать могущество влияния географии на историю ныне просто становится стыдно...»[62].

Будущий министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев вспомнил на заседании Государственного совета в 1908 г., где обсуждался вопрос о строительстве Амурской железной дороги, как он семь лет назад был в Германии и на заседании Имперского колониального общества слышал от знаменитого географа и востоковеда Ф. фон Рихтгофена, «что в смысле колониальных владений Россия находится в самом благоприятном условии среди других государств, ибо все ее коло-

---

[59] Там же. Д. 191. Л. 3.

[60] Библиотека РГИА. Печ. зап. № 238.

[61] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 24. Л. 266-303.

[62] *Венюков М.И.* Индийский океан (Его настоящее и вероятное будущее) // Русская мысль. 1894. № 6. С. 209.

ниальные владения находятся в одной меже с метрополией и представляют доступные ценные местности»[63]. П.П. Семенов-Тян-Шанский тут же принялся развивать идеи своего друга и товарища по Берлинскому университету Рихтгофена с «русской точки зрения»: «Что же я разумею под именем Европейской Азии? Этнографическая граница между Европой и Азией была в то время совершенно другая, чем ныне. Если провести диагональ через Россию от Перми до Кишинева, то все, что находится на юго-восток от этой линии, было Азией. <...> Значит, первая задача России заключается в том, чтобы очистить все это пространство от азиатов и начать затем ее колонизацию. Она началась после взятия Казани в 1552 г. ...». Затем Россия дошла до Амура и Тихого океана и русские переселенцы, уходя на восток, продолжали оставаться в России. «Особенность этой русской колонизации, – подчеркнул он еще раз, – по справедливому объяснению барона Рихтгофена, состоит в том, что русские колонии расположены в одной окружной меже»[64].

После 1856 г., когда Россия потерпела поражение на западном и ближневосточном направлениях, для России началась новая «евразийская» фаза, включившая в себя мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию и закончившаяся поражением в войне с Японией[65]. Эта фаза имперской политики потребовала перемен в научном и идеологическом обеспечении. Активизация российской политики на востоке усилила географическую доминанту в имперской идеологии. Середина XIX века ознаменовалась всплеском общественного внимания к востоку и формированием новых политико-географических «образов» Российской Азии[66]. Российское общество напряженно искало ответ на вопрос о смысле приобретения новых азиатских владений. Старые идеологические формулы не могли дать удовлетворительного объяснения имперской экспансии, которая вышла далеко за пределы очерченного прежней исторической традицией пространства. Все это порождало потребность в новом масштабе политического мышления, которое требовало глобального охвата мира, концептуализации новой исторической

[63] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1398.

[64] Там же. С. 1427–1428. К сожалению, П.П. Семенов-Тян-Шанский не смог закончить свою речь, ему сделалось плохо, и заседание было прервано.

[65] См.: *Цымбурский В.Л.* Циклы «похищения Европы» // Иное: антология современного российского самосознания. М., 1995.

[66] См.: *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. V. 96. № 3; *Овсянников В.И.* Азия и общественно-политическая мысль России // Восток. 1992. № 4; *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996; *Лукин А.В.* Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5; *Замятина Н.Ю.* Образ региона как «память» об историко-географическом контексте его возникновения (на примере крупных регионов США) // Вестник исторической географии. М., 2001. № 2.

роли России в нем. Многие из тех, кто соприкоснулся непосредственно с Азиатской Россией, начинают мыслить категориями политической географии. Важную роль в формировании нового политического мировоззрения сыграли российские историки (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), путешественники (многие из них – офицеры Генштаба), преследовавшие наряду с научными целями и чисто разведывательные (П.П. Семенов-Тян-Шанский, М.И. Венюков, Н.М. Пржевальский), а также теоретики-«восточники» (В.С. Соловьев, Э.Э. Ухтомский).

Идеология движения на Балканы и Ближний Восток, проникнутая славянофильскими мотивами освобождения братьев-славян от мусульманского ига и исторического права на Царьград-Константинополь, не могла быть востребована на Дальнем Востоке. Идеологическое обоснование дальневосточной политики включило наряду с традиционными утверждениями о стихийном движении русских на восток, «к морю-океану», собирание земель, или выполнение православной христианской миссии, и новые геополитические мотивы. В их теориях было явно больше идеологического модерна, нежели у «западников». Во внутриправительственной полемике или рассуждениях идеологов российского восточного империализма появляются теории о «естественных границах», о морском или континентальном характере Российской империи, колониальной политике, национальных интересах, стремлении нести европейскую цивилизацию азиатам, пророчества о «желтой опасности» или новом монгольском иге и даже расистские заявления. Истоки геополитической мысли ощутимы в России задолго до того, как она обособилась в отдельную отрасль человеческого знания. Наряду с дипломатами первыми над вопросами политической географии стали задумываться российские военные и окраинные чиновники, формируя свой «ориентализм»[67].

На определение управленческих задач влияли не только политические и экономические установки, исходившие из центра империи, но и «географическое видение» региона, трансформация его образов в правительственном и общественном сознании. «Когда ориенталистский дискурс апроприируется государственными институтами, в особенности внешнеполитическим и военным ведомством, – замечает один из редакторов журнала «Ab Imperio» И.В. Герасимов, – то судьбы всей страны на внешнеполитической арене начинают зависеть от того, как наложилась

---

[67] См.: *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika. 2000. V. 1. № 4. P. 691-699; *Knight N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // Kritika. 2000. V. 1. № 4. P. 701–715; *Эткинд А.* Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Мишель Фуко и Россия. СПб.; М., 2001; *Кэмпбелл Е.* К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX века – начале XX века) // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 311–321.

«карта сознания» (по выражению Лэрри Вульфа) на стратегические карты Генерального Штаба...»[68].

Географическое, административное, ментальное картографирование и региональная идентичность.

Регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определимыми и динамичными границами. Ментальное картографирование есть продукт представлений о пространстве, его сложное семиотическое конструирование. И в этом смысле регионы воспринимаются по схожим механизмам, как и нации, подобно «воображаемым сообществам» Б. Андерсона[69]. Важно проследить процесс генезиса нового ментально-географического пространственного образа, выделения его в особый предмет общественного геополитического сознания и сегментирования в правительственной политике. Образование нового региона сопровождалось встраиванием его в иерархию политически референтных имперских вопросов (польский, кавказский, финляндский, остзейский, сибирский, дальневосточный и т.п.). Географические образы могут рассматриваться «как культурные артефакты и как таковые они непреднамеренно выдают предрасположения и предрассудки, страхи и надежды их авторов. Другими словами, изучение того, как общество осознает, обдумывает и оценивает незнакомое место, является плодотворным путем исследования того, как общество или его части осознают, осмысливают и оценивают самих себя»[70]. Территория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковых фигурах исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах.

Регион, имея свою историческую пространственно-временную протяженность, может распадаться на новые регионы. Так, шел процесс регионального деления «большой» Сибири от Урала до Тихого океана, и к концу XIX столетия на геоэкономической и административной карте Азиатской России появляются Дальний Восток и Степной край. Выделение Дальнего Востока из Сибири, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв., испытало новый политический импульс в 1850-х гг. и завершилось в

---

[68] *Герасимов И.В.* От редакции: Обновление Российской империи и парадоксы ориентализма // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 242.

[69] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001; *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 33.

[70] *Bassin M.* Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. P. 274.

1884 г. административным обособлением в Приамурское генерал-губернаторство. Писатель и путешественник Д.И. Стахеев в 1867 г. намеренно вынес в заглавие своей книги названия «Россия», «Сибирь» и «Амур». Конечно, объяснял он, Сибирь и Амур – это нераздельные части России, но она «слишком велика, чтобы не иметь частных, так сказать, неофициальных названий»[71]. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, отмечалось, что, помимо административного деления в Азиатской России, существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье, как связующее звено между ними[72]. «Строительство Транссиба и КВЖД фактически структурировало Дальний Восток, а дальнейшие таможенные и тарифные меры правительства фактически выделили этот район, – заключает Д.Н. Замятин, – как самостоятельное геоэкономическое пространство»[73]. Железнодорожный транспорт на Дальнем Востоке России сыграл важную районообразующую роль, сформировал новую ось экономического развития и новые торгово-экономические центры[74]. Вместе с тем геополитические образы Сибири и Дальнего Востока России в XIX – начале XX в. сопряжены в своей пространственной динамике с Маньчжурией, Монголией, казахскими степями и даже Китаем[75].

За изменениями на административной карте империи стоял процесс ее внутреннего строения. С созданием Приамурского генерал-губернаторства не только произошло географическое отделение Дальнего Востока России от Сибири, но и ускорились процессы внутренней административной и экономической консолидации региона, имевшего преимущественно морскую ориентацию, начался процесс формирования отличной от сибирской дальневосточной идентичности («амурцы», «дальневосточники»). Но это процесс был замедлен отсутствием собственной дальневосточной интеллигенции. Образованную часть общества составляли в основном приезжие чиновники и военные – это были, как замечал П.Н. Краснов, все те же петербуржцы, москвичи, севастополь-

---

[71] *Стахеев Д.И.* На память многим. Рассказы о жизни в России, Сибири и на Амуре. СПб., 1867. С. III.

[72] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

[73] *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. С. 97.

[74] *Пузанов А.С.* Развитие территориальной и зональной структур дальневосточного экономического района и форм территориального управления: исторический анализ // Реформа территориального управления развитием региона. Владивосток, 1990. С. 100.

[75] *Замятин Д.Н.* Геополитика образов и структурирование метапространства // ПОЛИС. 2003. № 1. С. 95.

цы, одесситы, самарцы и т.п., которых удерживала в крае только служба и жизненные интересы которых все еще продолжали оставаться в далекой России[76]. Как отмечал другой наблюдатель, «здесь, на далекой окраине русской земли, все связаны с местом лишь делом, которому служат, но в глубине души каждый хранит стремление к месту своей далекой родины и нежных детских воспоминаний. Но и для Владивостока подходит время, когда он будет иметь жителей, удерживаемых здесь не только жаждой наживы или обязательной казенной службой; теперь уже вступает в жизнь молодое поколение из тех, чье сердце здесь начало биться, чьи первые проблески сознания будились картинами окружающей природы, для кого он служит родиной»[77].

Это была тоже Россия, но какая-то *«иная»*. Вслед за Ф. Броделем, по примеру Франции, нам остается только повторить, что единой России не существовало и следует говорить о «многих Россиях»[78]. Видимо, не случайно, хотя и без объяснений, прослуживший десять лет в Амурской области Ф. Шперк назвал свою книгу «Россия Дальнего Востока» (СПб., 1885). Писатель М.Г. Гребенщиков так описывал свои впечатления от увиденного на российском Дальнем Востоке: «Все не так идет: почта ходит иначе, чем везде; закон иначе понимается, зима иная, иные люди. И долго коренному жителю Петербурга или Москвы приходится привыкать к этому иному уголку России. А посмотришь, как будто и похоже на родину: матросики совершенно такие же, как в Кронштадте или около Николы Морского, барышни «тигренка» и «помнишь тот вальс» распевают; у губернаторского дома традиционная будка, в присутственных местах зеленое сукно на столах; те же семейные дрязги и обще-русская провинциальная сплетня. Как будто все и так, да в сущности-то все иное»[79]. В этой иной среде заметно формирование сложной иерархии идентичностей, когда на вопрос, заданный Гребенщиковым крестьянке на Амуре, местная она или из России, та ответила: «Ни то, ни другое: я сибирячка...»[80]. Писателю и инженеру-путейцу Н.Г. Гарину-Михайловскому, путешествовавшему по Дальнему Востоку в самом конце XIX в., бросилось в глаза отличие Владивостока от всех ранее виденных им российских городов. Своеобразие заключалось в близости моря, особенностях городской архитектуры, прохожих на улицах, среди которых было много китайцев, корейцев, российских и иностранных моряков, стоя-

---

[76] *Краснов П.* По Азии. Путевые очерки. СПб., 1903. С. 141.

[77] *Свиягин Н.С.* По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нигуты. Впечатления и наблюдения. СПб., 1897. С. 8.

[78] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 26.

[79] *Гребенщиков М.Г.* Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб., 1887. С. 135.

[80] Там же. С. 148.

щих на рейде броненосцах и миноносцах. И житель Владивостока с гордостью уже ему говорил: «Это уже не Сибирь»[81].

Вопрос о территориальных рамках исследования не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами сибирского региона. Оно осложнено и более поздним происхождением термина «Дальний Восток». Ю.А. Гагемейстер в середине XIX в. описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на Западе продольною цепью Уральских гор, на Востоке Тихим океаном, с Севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»[82]. Именно в этих территориальных рамках и призван был действовать II Сибирский комитет, по заданию которого Гагемейстер подготовил «Статистическое обозрение Сибири». К концу XIX в. авторитетный «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона уточнял пространство Сибири: «Под именем Сибири в обширном смысле этого слова понимаются все азиатские владения России, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана»[83]. При этом прибавлялось, что с присоединением Приамурского и Уссурийского краев пределы Сибири значительно расширились. Однако такое расширительное и не всегда последовательное толкование границ Сибири, когда смешивались физико-географические и политические критерии, вызывало определенные сомнения. А.Я. Максимов уже в 1884 г. заметил, что «Географическое общество, ведающее антропологические и этнографические задачи, еще не занималось решением вопроса о том, где начинается западная граница Сибири. А где кончается восточная или южная граница, на это не сумеет дать ответа даже и специальный Азиатский департамент Министерства иностранных дел»[84]. Не случайно, начиная в 1918 г. читать курс лекций по истории и географии Сибири на только что открытом во Владивостоке историко-филологическом факультете, известный востоковед профессор Н.В. Кюнер предлагал условиться, что следует понимать под именем «Сибирь»: «Это имя ныне прилагается к стране, обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемом пространством в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем рассматривать территориальный объем страны, *о Сибири можно мыслить различно* (курсив мой. –

---

[81] *Гарин-Михайловский Н.Г.* Через Сибирь на Океан // Русский разлив. М., 1996. Т. 1. С. 418.

[82] *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I. С. 1.

[83] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 58. С. 748.

[84] *Максимов А.Я.* В немшонной стране (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 301–302.

А.Р.)»[85]. Далее он проследил, каким образом формировалось географическое и административное понимание Сибири от Сибирского ханства до Сибирского губернаторства. Важно отметить, что он специально подчеркивал, как исторически рос с движением русских на восток «территориальный объем имени» Сибирь. Отмечал Кюнер и всегда существовавшее несовпадение исторического смысла Сибири с ее географическим пространством. При этом он настаивал на расширительном понимании Сибири, включая в нее не только Дальний Восток, но и Степной край: «Словом, физико-географическое представление о Сибири дает ей значительно более узкий территориальный объем, нежели историческое, и если принять это более тесное понятие, то и рамки нашего курса сами собою должны были бы сократиться. Однако ограничение содержания настоящего курса изучением Сибири в собственном смысле, как географического понятия, породило бы большие трудности в деле правильной оценки исторического прошлого этой страны, в частности, и в русский период истории Сибири»[86]. Другой исследователь Сибири И.И. Серебренников также призывал отличать Сибирь географическую от Сибири административной, имея в виду то, что, например, некоторые уезды Пермской и Оренбургской губерний находятся на азиатской стороне Урала и относил к Сибири не только Дальний Восток, но и Акмолинскую и Семипалатинскую области[87]. Положение Сибири в составе России оставалось долгое время не совсем ясным. «Не то – это одно целое с огромной тоже, но все-таки далеко меньшей, чем она, Европейской Россией, – описывал свои впечатления ссыльный А.А. Ауэрбах, – не то – это как будто совершенно отдельное государство в государстве, относящееся, как будто колония к метрополии: так велика и существенна во всем разница Сибири с Европейской Россией»[88].

С вхождением в состав Русского государства зауральских территорий и до 80-х гг. XIX в. можно видеть, как оформлялось и расширялось пространство Сибири. Но одновременно набирал силу обратный процесс, когда Сибирь стала постепенно сокращаться и даже исчезать с административной карты России. Различные комбинации территорий в «большой административной группе» – генерал-губернаторстве – не только повторяли природный ландшафт, но и активно формировали новую географию. Интерпретация региона постепенно усложнялась как с расширением внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специа-

---

[85] *Кюнер Н.В.* Лекции по истории и географии Сибири (Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918–1919 гг. Составлен на основании записок слушателей под ред. проф. Н.В. Кюнера). Владивосток, 1919. С. 16.

[86] Там же. С. 24–25.

[87] *Серебренников И.И.* Сибиреведение. Харбин, 1920. С. 21–22.

[88] Воспоминания А.А. Ауэрбаха // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 834.

лизацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами.

В начале XIX в. Сибирь составляло единое генерал-губернаторство, которое в результате реформ М.М. Сперанского было разделено на два (Западно- и Восточно-Сибирское). Хотя реформа 1822 г. разрушила административное единство Сибири, она позволила приблизить высший местный надзор к сибирским государственным учреждениям. Однако административная целостность Сибири всегда сознавалась в центре и на местах, что подчеркивалось наличием единого «Сибирского учреждения», юридически закрепившего административную специфику сибирского региона. Впрочем, оппоненты М.М. Сперанского уже во второй четверти XIX в. указывали на ошибочность образования в Сибири двух генерал-губернаторств, что подорвало единство сибирского управления. В 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство и от Сибири административно отделился Степной край, став самостоятельным генерал-губернаторством, сохранив центр в Омске. В 1884 г. с созданием Приамурского генерал-губернаторства от Сибири отпочковался Дальний Восток, породив затянувшийся спор о границах между ними, а в 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское[89]. Как и в Европейской России, в Сибири с 1898 г. округа стали называться уездами, чтобы устранить «наружные признаки такой обособленности», которые сохранялись в терминологии[90]. Разрасталось и усложнялось специальное (экстерриториальное) деление Сибири, зачастую не совпадая с общими административными границами и центрами, что свидетельствовало об усложнении регионального управления и усилении ведомственного влияния имперского центра. Фактически до начала XX в. понятие «Восточная Сибирь» употреблялось не столько в смысле географическом, сколько административном и было тождественно Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству[91]. Применительно к Западной Сибири, которая в 1882 г. была выведена из-под генерал-губернаторского управления, можно говорить, что она превратилась в своего рода «внутреннюю окраину», повысив свой статус интегрированности в имперское пространство, что заметно отличало ее от Восточной Сибири, Дальнего Востока и Степного

---

[89] Н.В. Кюнер сознавая эту сложность, замечал, что Забайкалье «надлежит рассматривать как переходную область между коренной Сибирью и Русским Дальним Востоком, либо как связующее звено между теми же областями». – *Кюнер Н.В.* Лекции по истории и географии Сибири. Владивосток, 1919. С. 24.

[90] РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1894 г. Д. 13. Л. 1.

[91] *Единархова Н.Е., Кудрявцев Ф.А.* Восточная Сибирь и сопредельные страны в XIX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996. С. 3.

края[92]. Известный русский правовед Н.М. Коркунов утверждал, что «и самое слово Сибирь не имеет уже более значения определенного административного термина»[93].

Установление административных границ не только оформляло исторически сложившиеся регионы, но и способствовало их складыванию, определяло их статус в империи. Известный статистик и географ К.И. Арсеньев среди 10-ти «пространств» империи выделял и сибирское, хотя и не дал его характеристики, ограничившись указанием, что «Сибирь есть истинная колония земледельческая, металлоносная и коммерческая; рассматривая под сим видом, она имеет преимущество над колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океаном, ни посторонними владениями. <...> Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндия и Царство Польское суть такие страны, которые обеспечивают нынешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим не составляют существа Империи, и одни по разности взаимных их выгод, другие по бедности населения, а иные по недостатку естественных средств к благоденствию, или по несходству народов, как между собою, так и с народом владычествующим, должны быть рассматриваемы как вспомогательные силы одной главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях»[94].

В 1852 г. Николай I лично взялся рассуждать о статусе Сибири, сравнивая ее с Кавказом и Закавказьем, где он признавал колониальный характер своей политики. Западная Сибирь, утверждалось в проекте плана работ II Сибирского комитета, «по соседству с внутренними губерниями России, по системе ее сообщений и по ее населению ближе может быть сравниваема с губерниями России, чем Сибирь Восточная, на которую, по ее отдаленности и естественному положению, может быть, следовало смотреть как на колонию»[95]. Соглашаясь в целом с подобной установкой, Николай I внес в нее важные коррективы, признав возможным сохранить в Восточной Сибири особое управление, которое не может быть «изъято из зависимости высших правительственных установлений империи, и, следовательно, не может и не должно быть по-

---

[92] В конце XIX – начале XX вв. в правительственных кругах рассматривался вопрос о ликвидации генерал-губернаторства и в Восточной Сибири. Впрочем, существовало и другое мнение, исходившее из представления о преждевременности упразднения генерал-губернаторской власти в Сибири и восстановлении ее на всем сибирском пространстве. – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX – начале XX в. Омск, 1997. С. 195–204.

[93] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 480.

[94] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 25–26.

[95] РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

ставлено в те отношения, в каких обыкновенно находятся колониальные управления к метрополии»[96]. Закавказье отделено от России горами и населено «племенами еще враждебными и непокоренными», разъяснялось в монаршей резолюции, тогда как Восточная Сибирь лишь отдалена от «внутренних частей государства» и населена «народом, большею частию русским». В 1865 г., когда встал вопрос об упразднении II Сибирского комитета, министр народного просвещения А.В. Головнин отмечал, что, в отличие от Польши и Финляндии, Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи[97]. Самодержавие понимало, что открытое признание колониального характера сибирской политики может охладить чувства как русских жителей, так и представителей коренных народов к метрополии.

Признание за Сибирью статуса колонии, на чем настаивали областники, заложившие основы сибирского регионализма, грозило, как казалось, политическим сепаратизмом. Это и определило основное содержание дискурса о месте Сибири в России[98]. В противовес формируемому сибирскому регионализму, вызывавшему политические подозрения в сепаратизме, понятие Сибири замещается Азиатской Россией, в чем был заложен известный семантический смысл, акцентированный на цивилизационный потенциал единства Российской империи.

Это породило даже опасение исчезновения Сибири. Не случайно главный идеолог сибирского областничества Н.М. Ядринцев не поддержал в 1870-х гг. идею упразднения сибирских генерал-губернаторств, видя в этом угрозу разрушения экономического, политического и культурного единства Сибири. Другой видный областник, Г.Н. Потанин, не только разделял этот взгляд, но даже высказывал пожелание о расширении генерал-губернаторской власти «до власти наместника». Областников не могла не пугать тенденция административного дробления Сибири. Борясь против всеобъемлющей централизации из Петербурга, в качестве одного из направлений своей деятельности они определяли потребность «централизовать Сибирь, раздвоенную ... административным делением»[99]. В центре же не могли не сознавать опасности длительного существования административного единства большого периферийного региона империи, который мог составить управленческую конкуренцию центру.

Исторически менялась и внутренняя структура геополитического и этнодемографического пространства Сибири. Один из авторитетных

---

[96] РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 132. Л. 76.

[97] РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 11. Л. 155.

[98] См.: *Ремнев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. (в печати).

[99] Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 49, 145–146.

дореволюционных географов рубежа XIX–XX вв. П.П. Семенов Тян-Шанский делил Сибирь на пять географических областей[100]. При этом Западную и Восточную Сибирь он именовал «коренной» Сибирью, к которой примыкали «Якутская окраина», «Амурско-Приморская окраина» (в составе Забайкальской, Амурской, Приморской областей и острова Сахалин) и «Киргизско-степная окраина» (из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей). Однако в «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» (1897 г.) из Сибири уже исключались Акмолинская и Семипалатинская области. Д.И. Менделеев в свою очередь выделял в Сибири следующие большие части: «Южно-Сибирский, или Киргизский, край» (Уральская, Тургайская, Семиреченская, Семипалатинская и Акмолинская области), «Западно-Сибирский край» (Тобольская, Томская и Енисейская губернии) и «Восточно-Сибирский край» (Иркутская губерния, области Забайкальская, Якутская, Амурская, Приморская и остров Сахалин)[101]. В «Сибирском торгово-промышленном календаре» на 1911 год помимо Сибири (в которую включены дальневосточные территории) описываются степные окраины и среднеазиатские владения. Таким образом, Азиатская Россия получает новую географическую конфигурацию, в которой у Сибири как внутренней периферии империи появляются свои окраины.

Проект «большой русской нации»
и колонизационный фактор имперской политики.

Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром окраин за счет русской крестьянской колонизации, развития коммуникаций и экономической интеграции. Томас Барретт отмечает, что тема расширяющегося «фронтира» на нерусской окраине, помимо военных действий и организации управления, включала «конструктивные» аспекты российской колонизации: «рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры»[102]. Крестьянская колонизация становилась важным компонентом имперской политики, а крестьянин – ее эффективным проводником. С XIX в.

---

[100] Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893.

[101] *Менделеев Д.И.* К познанию России. М., 2002. С. 50–53. В.И. Ламанский в схеме организации материалов в Русском этнографическом отделе Музея Александра III также выделял три сибирские части, совмещая историко-географический аспект с административным делением: «Западная Сибирь и степной край», «Восточная Сибирь», «Приамурский и Приморский край». – *Беленький И.Л.* Морфология российского пространства у евразийцев (к проблеме истоков и генезиса теоретических построений) // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 155.

[102] *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 168.

крестьянское и казачье переселение на свободные земли почти целиком попадает под контроль государства, которое стремится подчинить его задачам имперского закрепления новых территорий. Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов[103].

Как заметил Д. Ливен, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя»[104]. Для англичанина ответ на этот вопрос был очевиден, как только он садился на корабль и отплывал от берегов Туманного Альбиона. Но в этом заключалась не только географическая предопределенность отличия континентальной империи от заокеанских колоний европейских держав. Империя как бы вырастала из исторического процесса «собирания русских земель». П.Н. Милюков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России – ее первая колония – Сибирь стоит на границе того и другого»[105].

Этот процесс в XVII в. только начался, имея перспективу сделать Сибирь не только окраиной империи, но и неотъемлемой частью России. Основатель Российско-Американской компании купец Г.И. Шелихов заботился не только о коммерческом интересе, но и о расширении российской территории, как он сам замечал в 1794 г. по поводу переселения крестьян на один из Курильских островов, «ибо там было и есть мое намерение завести помаленьку Русь»[106]. Н.М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867–1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они быстро перестали тосковать по родине, заявляя: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество; чего же еще надо? А даст Бог пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем»[107].

---

[103] *Ерофеева И.* Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.

[104] *Ливен Д.* Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

[105] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 488.

[106] Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 351. И как историческое завещание на памятнике, поставленном в 1800 г. на могиле Г.И. Шелихова в Знаменском монастыре в Иркутске, было начертано: «Не забывай, потомок, что росс, твой предок, и на востоке громок».

[107] *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. М., 1947. С. 70.

Освободив ссыльных и каторжных и направив их в Приамурский край, Н.Н. Муравьев-Амурский напутствовал: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...»[108]. Позднее, в начале XX столетия, даже ссыльные Сахалина с гордостью заявляли: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет»[109]. Именно русские переселенцы должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все, – в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, – одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа»[110]. Известный востоковед В.П. Васильев в программной статье «Восток и Запад», опубликованной в 1882 г. в первом номере газеты «Восточное обозрение», призывал перестать смотреть на русских, как на пришельцев в Сибирь, заявляя, что «мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами»[111]. Иркутская газета «Сибирь» в ответ на обвинения в сепаратизме писала в 1886 г.: «Горсть русского населения была брошена в дикие сибирские пустыни среди инородцев. Эта горсть сумела ассимилировать себе последних, сделать их русскими»[112].

Важно отметить и другое: со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Территория за Уралом сознается уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада. Д.И. Завалишин отмечал в 1864 г., что всякий раз, когда Россия волею или неволею обращалась к национальной политике, она принималась думать о Сибири[113]. Поэтому, подчеркивал он, так важно, чтобы зауральские земли были не просто освоены экономически, но и заселены по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

---

[108] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 173.
[109] *Миролюбов (Ювачев) И.П.* Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.
[110] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.
[111] *Васильев В.П.* Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апр.
[112] Сибирский читатель – г. Каткову // Сибирь. 1886. № 13.
[113] *Завалишин Д.И.* Письма о Сибири // Московские ведомости. 1864. 24 окт.

Помимо культурного воздействия необходимо было экономически и коммуникационно встроить Сибирь в Россию. Почта, телеграф, а главное, Сибирская железная дорога должны были притянуть Сибирь к Европейской России, дать новый мощный импульс переселенческому движению. М.Н. Катков в опасении сибирских областников, что Сибирь попадет под «московское мануфактурное иго», видел только стремление «затормозить Сибирскую дорогу и не дать теснее соединиться «метрополии» с «колонией», дабы последняя имела время «окрепнуть, вырасти и развиться»[114]. Полковник Генерального штаба Н.А. Волошинов писал в 1889 г.: «Триста слишком лет Сибирь считается покоренной русскими, но владеет ли ею Россия? Принадлежит ли на самом деле Сибирь русскому народу и русскому государству? Пользуется ли этим громадным пространством своих владений стомиллионный русский народ или им владеют и извлекают из него выгоды несколько тысяч заброшенных туда выходцев, назвавших себя «сибиряками» и готовых забыть, что они русские...»[115].

Ф.Ф. Вигель, проехавший через Сибирь в 1805 г. в составе посольства графа Ю.А. Головкина в Китай, писал, что активная британская политика в американских колониях сослужила плохую службу метрополии и Англия не только утратила эти колонии, но и обрела в их лице опасных соперников. Другое дело – Россия, убеждал Ф.Ф. Вигель, которая смотрела на Сибирь, «как богатая барыня на дальнее поместье». Дремотное состояние Сибири, как он считал, было только на пользу России, именно оно обеспечило то, что все осталось в руках государства, и не было разбазарено частными лицами. Поэтому Сибирь, «как медведь», сидит у России на привязи. Однако в будущем, рассуждал далее Ф.Ф. Вигель, Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти[116]. Н.И. Надеждин заметил, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли. Это, по его словам, наш Новый Свет, который «деды наши открыли и стали колонизовать почти в то же время, как прочие Европейцы нашли новый путь к Азиатскому югу и открыли восток Америки»[117]. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов (1767–1843) рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал[118]. Автор книги «Россия Дальнего Вос-

---

[114] Московские ведомости. 1886. 25 янв.

[115] *Волошинов Н.А.* Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С. 17.

[116] Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. II. С. 196–197.

[117] *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Ч. II. С. 39.

[118] См.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. М., 1970. С. 139.

тока» Ф. Шперк призывал правительство активнее поддержать переселение на Амур русских, чтобы имеющееся там немногочисленное и разрозненное население бесследно слилось с ними воедино[119].

Автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский утверждал, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее»[120]. Он решительно отрицал завоевательный характер российского государственного пространства: «Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, – столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, – область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта перерезывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной географической перегородки»[121]. Таким образом, процесс русской колонизации можно представить растянутым во времени, поэтапным «расселением русского племени», что не создавало колоний западноевропейского типа, а расширяло целостный континентальный массив государственной территории[122]. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал Данилевский, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с ней незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения»[123]. Поэтому различия между центром и колонизуемыми окраинами виделись Данилевскому не политическими, а лишь временным экономическим отставанием, обусловленным временем заселения и культурного освоения.

Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит. Отмечая быстрый территориальный рост России во второй половине XIX в., английский наблюдатель Д.М. Уоллес спрашивал: «Имеем ли мы дело просто с варварским стремлением раздвинуть свои границы, или же факт этот имеет свои разумные основания? <...> Представляет ли империя, во всем своем настоящем протяжении, одно-

---

[119] *Шперк Ф.* Россия Дальнего Востока. СПб., 1885. С. 384.

[120] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 486.

[121] Там же. С. 24.

[122] *Зубков К.И.* Пространственно-географический фактор российских модернизаций // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6. С. 113.

[123] *Данилевский Н.Я.* Указ соч. С. 485.

родное целое, или же она остается агломератом разнородных частиц, соединенных между собою лишь внешнею связью централизованного управления?»[124]. В имперском расширении была заложена своего рода геополитическая сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый политический курс «единой и неделимой» России, в которой выделяется центральное государственное ядро, окруженное окраинами. Однако эти окраины со временем способны обрусеть и слиться с сердцевиной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими[125]. Известный консервативный публицист М.Н. Катков призывал к «внутреннему объединению» России, что представлялось ему более важным, нежели новое внешнее расширение империи[126]. Для многих, кто на рубеже XIX–XX вв. переезжал по железной дороге через Урал, все чаще бросалось сходство двух частей России. «В черту общеизвестной коренной Руси, – писал, отправляясь в 1904 г. на войну с Японией, священник Н. Дьяков, – при доступности и удобстве современных способов передвижения, без всякой натяжки следует включить не только Европейскую, но и глубокую Азиатскую Россию»[127]. Территориально-протяженные империи, к которым относилась Россия, не имели четких внутренних границ внутри государственного пространства, что создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских. «Миграция, – отмечает Р. Суни, – создала на имперской территории смешанный состав населения, высоко интегрированную экономику, совместный исторический опыт и культурные особенности»[128].

Современный исследователь Л.Е. Горизонтов видит в русском колонизационном движении перспективу «двойного расширения» Российской империи путем ее внешнего территориального роста в целом, который дополнялся параллельным разрастанием «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин[129]. Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение государственным ядром (прежде всего, в результате русской крестьянской колонизации) Сибири, Дальне-

---

[124] *Уоллес Д.М.* Россия. СПб., 1881. Т. 1. С. 403.

[125] *Кэмпбелл Е.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 206–207. К примеру, наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич в 1869 г. писал о том, что с развитием железнодорожного сообщения «быть может, не в далеком будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской ее границы».

[126] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1866 г. М., 1897. С. 58.

[127] *Дьяков Н.* В Маньчжурии с сибирскими стрелками (1904 г.). СПб., 1905. С. 25.

[128] *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 29–31.

[129] *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.

го Востока, а также части Степного края. Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции *империостроительства и нациостроительства,* что должно было обеспечить империи большую стабильность, придать российскому имперскому строительству важный внутренний импульс и обеспечить национальную перспективу.

Таким образом, важнейшую роль в российском империостроительстве и нациостроительстве должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Даже ссылка в Сибирь рассматривалась как «внутренняя колонизация», в отличие от западной принудительной эмиграции из метрополии в колонии[130]. Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, административным и экономическим закреплением новых территорий и народов в империи – это еще и сложный социокультурный процесс превращения Сибири в Россию. Определяющим в этом процессе являлось насаждение русско-православного элемента на окраинах. Для укрепления империи необходимо было создать критическую массу русского населения, которое и станет этнодемографической основой государственной целостности. В имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими[131]. Крестьянская колонизация воспринималось как необходимое дополнение военной экспансии, имперские власти стремились параллельно с военной службой организовать переселенческую службу, соединить меч и плуг.

Это была сознательная политическая стратегия. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г. указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того, чтобы туда принести свое»[132]. Имперская

---

[130] *Шиловский М.В.* К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 14.

[131] *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 103. Постановку вопроса о связи строительства империи с русской крестьянской колонизацией см.: *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 161–169.

[132] *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 1. С. 211.

политика в Азии активно искала идейного подкрепления в истории. В.О. Ключевский, намечая план курса лекций, подчеркивал: «История России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». Исходя из этого он определял и основные периоды российской истории – «этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы»[133]. Его ученик и последователь М.К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, прежде всего крестьянской[134]. «Только по мере того, как за Камень начинает вливаться русское население, – писал Г.В. Вернадский, – Сибирь-колония постепенно все дальше отступает на восток перед Сибирью – частью Московского государства»[135]. П.П. Семенов-Тян-Шанский писал об изменении в результате колонизации этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения все дальше на восток[136]. Министр финансов С.Ю. Витте шел еще дальше и будоражил воображение Николая II перспективами, которые откроются со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их как европейскую расу от народов Азии, – писал Витте, – давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»[137].

В.П. Семенов Тян-Шанский призывал, развивая идеи своего отца, не разделять Россию на Европейскую и Азиатскую[138]. Он выделял при этом в империи особую «культурно-экономическую единицу» – Русскую Евразию (пространство между Волгой и Енисеем и от Северного Ледовитого океана до южных границ империи), которую не нужно считать окраиной и говорить о ней, как о «коренной и равноправной во всем русской земле». Она может и должна быть построена по тому же куль-

---

[133] *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 31, 32.

[134] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 539.

[135] *Вернадский Г.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 64.

[136] *Семенов П.П.* Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.

[137] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

[138] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России // Арабески истории. М., 1996. Вып. 7. Рождение нации. С. 603–604, 608–609.

турно-экономическому типу, как и Европейская Россия и стать столь же прочной политической и экономической основой Российской империи. Это позволит укрепить систему «от моря и до моря» и сдвинет культурно-экономический центр государства ближе к его истинному географическому центру. Именно здесь будут находиться культурно-экономические колонизационные базы, откуда будет поддерживаться прочность государственной территории. Карту Российской империи он предлагал делить на две приблизительно равные части: от западных границ Польши до Енисея (на которой и располагается русское историческое колонизационное ядро – Центральная Россия, южное Приуралье и Западная Сибирь с Алтаем) и восточную (Прибайкалье, Приамурье), являющуюся тем самым «острием меча», которое имеет наибольшее колонизационное значение. Упоминал он и северные сибирские, и дальневосточные территории, не придавая им, впрочем, особого культурного и экономического значения. Исходя из этого, он предлагал и новое административное устройство: штаты (русский аналог – «земские области») и территории. Если первые, имея значительную плотность населения, способны к самодеятельности и самоуправлению, то вторые, в силу своей обширности и пустынности, должны остаться на полном попечении центрального правительства. При этом В.П. Семенов Тян-Шанский не намеревался выходить за пределы административной и хозяйственной децентрализации и полагал гибельным для могущества России федеративное устройство.

Д.И. Менделеев, отмечая, что территориальный центр России и центр ее народонаселения далеко не совпадают, утверждал, что миграционные потоки со временем приведут к тому, что демографический центр России будет постепенно сдвигаться с севера на юг и с запада на восток. Вместе с тем у Менделеева, сибиряка по происхождению, на что он специально указал, вызывало беспокойство то, что на карте Россия выглядит преимущественно азиатской. «Россия, по моему крайнему разумению, – писал Менделеев в 1906 г., – назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешения между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью»[139]. Историческая задача России как раз и заключается в том, чтобы «Европу с Азией помирить, связать и слить»[140]. Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)», но при этом старался найти такой способ картографического изображения

[139] *Менделеев Д.И.* К познанию России. М., 2002. С. 181–182.
[140] Там же. С. 180.

России, где бы выступало первенствующее значение Европейской России. Сибирь, таким образом, включалась в более широкий дискурс «Европа – Россия – Азия», составляющей частью которого и было новое прочтение проблемы деления России на европейскую и азиатскую части. Деление, которое было вызвано еще петровской вестернизацией, стремлением иметь в провозглашенной империи свою европейскую метрополию и свою азиатскую периферию[141].

Н.В. Кюнер, опираясь на предложенную Д.И. Менделеевым новую проекцию карты России, утверждал, что Сибирь – это «огромный придаток к основному историческому и культурному ядру – Европейской России, где были заложены основы нашего политического и культурного бытия, нашего экономического хозяйства и финансовой системы». В условиях гражданской войны он предсказывал Сибири историческую роль «освобождения всей страны от рук поработителей и создания прежней великой и единой России»[142]. Эти идеи были подхвачены и развиты уже после революции в эмиграции евразийцами, которые предпочитали говорить о едином географическом мире, где нет Европейской и Азиатской» России, а есть ее части, лежащие к западу и востоку от Урала[143]. В.Н. Иванов писал в 1926 г. в Харбине, что «географический рубеж Сибири и ее рубеж государственно-исторический никак не совпадают». Сибирь представлялась ему естественным восточным протяжением Московского царства. Он относит к единому «сибирскому культурному типу» не только Восточную Сибирь с Забайкальем, но и губернии Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую, Уфимскую, области Уральского и Оренбургского казачьих войск, а также все губернии, лежащие между Волгой и Уральским хребтом и севернее степных пространств низовий Волги. «В этих «сибирских» губерниях и областях, – пишет Иванов, – мы находим известное бытовое культурное единство, они охраняют наш подлинный великорусский, чистый бытовой уклад». Именно здесь находится подлинная «Новая Россия»[144].

Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения»[145], предусматривавшую активное

---

[141] *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 14–15.

[142] *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 184, 14.

[143] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997. С. 297.

[144] *Иванов В.Н.* Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Глава десятая. Движение на Восток. Глава одиннадцатая. Движение на Запад // Вестник Московского ун-та. Сер. 18 Социология и политология. 2002. № 2. С. 102–103.

[145] *Холквист П.* Российская катастрофа (1914–1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI. 1998. № 11/12. С. 30–42.

вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия.

Внимание имперских политиков и идеологов в условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные, устремляется на географию «племенного состава» империи. Народы империи начинают разделяться по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить более широким чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи.

Успешность интеграционных процессов на востоке империи военный министр А.Н. Куропаткин призывал оценивать с точки зрения заселения «русским племенем», разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который тоже уже стал русским, этот процесс еще не завершился и представляет серьезные опасения в Амурской и Приморской областях ввиду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенной восточных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях[146].

Однако само славянское население Дальнего Востока было сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) и сословному (крестьяне, казаки, отставные солдаты и моряки) признакам, но и региональным характеристикам мест выселения. Сохранявшиеся региональные этнокультурные различия, частые межэтнические браки, этнокультурные контакты и хозяйственное взаимодействие, тесное

[146] *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55–75.

соприкосновение с конфессиональной и социокультурной инославянской средой явно подталкивали к консолидации на основе русской нации и не способствовали оформлению на Дальнем Востоке украинского или белорусского национальных анклавов.

На сложность изучения этнической принадлежности славянского населения Дальнего Востока XIX в. указывает и исследователь фольклора Л.Е. Фетисова: «Региональное пространство бытовой культуры на юге Дальнего Востока вначале представляло «мозаичное панно» из локальных традиций переселенцев. Со временем происходила утрата прежнего этнического самосознания, замена его представлением о единой национальной принадлежности, то есть шел процесс вторичной консолидации восточных славян, но на бытовом уровне продолжал сохраняться культурный полиморфизм»[147].

Кто такие крестьяне Приамурья? К каким народностям они принадлежат? Эти вопросы были заданы довольно поздно. Сотрудники Общеземской организации, обследовав в 1909 г. состав дальневосточного населения, установили, что в Амурской области основное ядро его составляют малороссы (40,6%). Другие наиболее значительные группы составляли: тамбовцы (10,3%), могилевцы (10,1%), забайкальские староверы – «семейские» (5,0%), сибиряки (4,1%), поволжане (3,0%)». В Приморской области малороссов было еще больше – не менее 75%. «Коренного великорусского населения (а также раскольников Тамбовской губернии и Поволжья, староверов Забайкалья и Сибири) очень мало. И без большой ошибки можно сказать, – заключали они, – что Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов»[148]. Примечательно, что при группировке населения не существовало единых признанных критериев и этнические признаки смешивались с конфессиональными и региональными. Применительно к Сахалину этот факт несколько удивил исследователя истории его населения М.И. Ищенко, отметившей, что для властей этническая характеристика не была главной[149]. И вряд ли это можно отнести лишь к ссыльнокаторжной специфике населения острова, когда социальный статус (ссыльнокаторжный, ссыльнопоселенец или крестьянин из ссыльных) доминировал над этничностью.

Некоторые опасения украинизации российского Дальнего Востока, видимо, все же существовали. Местные власти выражали определенную

---

[147] *Фетисова Л.Е.* Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья //Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27.

[148] Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. М., 1909. С. 717–718.

[149] *Ищенко М.И.* Проблемы этнографии русского населения Сахалина // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 30.

настороженность к проявлениям национальных общественных и культурных запросов украинцев на Дальнем Востоке, который они именовали украинским «Зеленым клином»[150]. А.П. Георгиевский писал в этой связи: «Если поставить вопрос, какая из трех традиций – украинской, великорусской и белорусской – является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить»[151]. Он даже отмечал, что великорусское культурное влияние здесь менее заметно, нежели украинское. Но, как отмечает современный исследователь Ю.В. Аргудяева, в Приморье и Приамурье исторически предопределенно «шел процесс слияния русских (кроме старообрядцев), украинцев и белорусов и формирование некоего субстрата культуры, с превалированием русскоязычного населения». В Приморье с 1858 по 1914 гг. прибыло 22 122 крестьянских семьи, из них 69,95 % были выходцы из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот показатель достигал 81,26 % крестьян-переселенцев, тогда как русские составляли 8,32 %, а белорусы – 6,8 %. Современная же ситуация прямо противоположная: русские составляют 86,8 % от числа жителей Приморья, украинцы – 8,2 %, белорусы – 0,9 %. При этом подчеркивается, что русские сформировались здесь в значительной степени из обрусевших украинцев и белорусов[152]. Население украинских сел в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание[153].

В Сибири и на Дальнем Востоке украинцы и белорусы вместе с великороссами более успешно, нежели в Европейской России, строили «большую русскую нацию»[154]. Оторванные от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденные существенно скорректировать

---

[150] *Черномаз В.А.* Украинский фактор в дальневосточной истории // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 45–46.

[151] *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929. С. 9. Всплеск национально-культурных и даже политических запросов дальневосточных украинцев наблюдался уже после революции 1917 г.

[152] *Аргудяева Ю.В.* Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 19–21. Не случайно по социологическим опросам, проведенным в 1997–1998 гг., русские Дальнего Востока лидируют среди других регионов России по числу людей, не знающих этнического происхождения своих предков. – *Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П.* Русские: этническая гомогенность. М., 1998. С. 11.

[153] *Кабузан В.М.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210.

[154] О проекте «большой русской нации» см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41.

свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы, как и в европейских заокеанских колониях, спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевки, Полтавки, Черниговки, Московки и т.п.).

Украинцы и белорусы, хотя и сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры, в условиях Сибири и Дальнего Востока, оказавшись (даже компактно проживая отдельными поселениями и численно преобладая в отдельных районах) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и сибирских и дальневосточных народов, поселившись в значительной степени в городах, работая на золотых приисках и стройках, были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызвавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И как следствие в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало в целом индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени.

Не только в великорусских, но и в малороссийских и белорусских губерниях виделся стратегический резерв расширения имперского ядра на запад и юго-запад. Местная администрация до начала XX в. три славянских народа нередко обозначала одним термином – русские. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал, что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и «ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских землепашцев, как оплот против распространения желтой расы»[155].

Русскость не ограничивалась только объединением славянских этносов, но могла включать и другие народы, в известной мере абстраги-

[155] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 4.

руясь от принципа «чистоты крови»[156]. В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересах и формировался на окраинах «здоровый русский тип», который являлся олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». И эту, начатую инстинктивно, работу русского народа призывали продолжить сознательно[157].

За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления за империей новых земель, используя помещика в качестве колонизационного и культурного элемента, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае[158], и сделало главную ставку на крестьянина. Но к массовой колонизации с запада на восток империи в правительственных кругах относились непоследовательно и с большой осторожностью. Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после польского восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено даже приостановить действие в Северо-Западном крае циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)[159]. Ситуация изменилась только на рубеже XIX–XX в., когда аграрные беспорядки на юге Европейской России стали внушать властям серьезные опасения.

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами и стремлением «сделать край русским». С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать

---

[156] См. например: *Новоселова А.А.* Свои среди чужих: иноэтнические компоненты в составе русских Среднего Притарья в конце XIX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 2001. № 6. С. 118–124.

[157] *Термен А.И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 132.

[158] Впрочем, проекты распространения помещичьего землевладения на Сибирь появлялись не только на протяжении всего XIX в., но и в начале XX в. – *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. Гл. VI. Попытки насаждения дворянского землевладения в Сибири; *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. Глава I.3. «Мероприятия по созданию помещичьего землевладения». О полемике сторонников помещичьей и крестьянской колонизации в Западном крае и Царстве Польском во второй половине XIX – начале XX в. см.: *Горизонтов Л.Е.* Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831–1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107–116.

[159] Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

высокой степени устойчивости русских крестьян старообрядцев и духоборов к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранению ими русскости при отдаленности от русских культурных центров[160]. Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции на Дальний Восток испытывали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они лучше всего сохранили традиционную культуру русских. Это обстоятельство не могло быть не замечено дальневосточной администрацией, которая, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовала старообрядцев в колонизационном закреплении дальневосточных территорий за империей[161].

«Русское дело» в Сибири и на Дальнем Востоке в течение всего имперского периода продолжало быть толерантным к этническим и конфессиональным различиям, а осознание «желтой» или «мусульманской» опасности появилось лишь в конце XIX в. Местная администрация оказывалась на незаселенной окраине в сложных условиях при выборе желаемого колонизационного элемента. При приоритете военных и хозяйственных целей она отодвигала на второй план, впрочем, всегда сознаваемую, государственную задачу поддержки и распространения православия. Когда англичане во второй половине 1840-х гг. попытались выяснить, насколько российское правительство «может рассчитывать на преданность своих разнородных подданных в случае столкновения между Китаем и Россией», то они обратили внимание и на забайкальских старообрядцев («семейских»). В ответ на эти происки Б.В. Струве, один из соратников Муравьева-Амурского, заметил: «Недоброжелатели России всегда рассчитывают на готовность старообрядцев восстать против правительства в случае каких-либо политических замешательств. И как они в этом ошибаются! Это только доказывает, как мало они знают дух раскола и суть его учения»[162]. Амурский губернатор И.К. Педашенко доносил царю, как свидетельствовал М.И. Венюков, что «староверы от-

---

[160] *Дударенок С.М., Сердюк М.Б.* Взаимоотношения религиозных конфессий и структур государственной власти на юге Дальнего Востока (1858–1917) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 122–124.

[161] Существовал даже проект на рубеже XIX–XX вв. заселения старообрядцами и русскими сектантами соседней с Амурской областью территории Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905–1906 гг. на Дальний Восток переселилось около 3 тысяч человек австрийских и румынских старообрядцев. – *Аргудяева Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России: этнокультурное развитие во второй половине XIX – начале XX в.: Диссертация в виде научного доклада на соискание степени д-ра ист. наук. М., 2002. С. 20–21.

[162] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 29–30.

нюдь не антихристы, а напротив – образцовые подданные»[163]. В начале 1880-х гг. забайкальский военный губернатор Л.И. Ильяшевич даже предлагал использовать забайкальских старообрядцев – «семейских» – в качестве проводников имперской политики среди бурят, которых бы раскольники могли приучить к оседлому земледелию[164]. И если в Петербурге все еще опасались «вредного влияния раскольников в религиозном отношении», то окраинные власти поощряли переселение старообрядцев, отмечая их высокий колонизационный потенциал[165], и то, что они, по словам известного исследователя Дальнего Востока начала XX в. В.К. Арсеньева, сохранили «облик чистых великороссов»[166].

Такую терпимость к приверженцам старой веры, гонимой в Центральной России, на дальневосточных землях проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Важное значение, как наиболее дееспособному колонизационному элементу, придавал раскольникам архиепископ Иннокентий[167]. Обеспокоенный последствиями «реактивного воздействия монголо-бурят на некоторую часть русского населения» в Забайкалье М. Грулев с симпатией писал о старообрядцах-«семейских»: «Эта часть русского населения выделяется тем, что вышла совершенно чисто из горнила монголо-бурятского влияния, сохранив в полной неприкосновенности и чистоте все свои этнические особенности, религиозные верования, древнерусский патриархальный образ жизни и любовь исключительно к земледельческому труду»[168].

Признавал национальную устойчивость старообрядцев и приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер: «Староверы зарекомендовали себя здесь хорошими сельскими хозяевами и являются особо желательным элементом при заселении отдаленных и глухих местностей, прокладывая тем пути для следующих за ними других переселенцев»[169].

---

[163] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 62.

[164] Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 189.

[165] *Шмулевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 25.

[166] *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 73–74, 78.

[167] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 394–395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л.Е. Горизонтов. – *Горизонтов Л.Е.* Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 148.

[168] *Грулев М.* Из прошлого Забайкалья (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1901. № 4. С. 222–223.

[169] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 18.

Считалось, что именно старообрядцы сыграли ведущую роль в формировании особого типа русского крестьянина на Амуре: «...дерзнувшие на самостоятельность мысли в религиозных вопросах, закаленные тяжелой школой борьбы за «оказательство» своих убеждений – староверы и, главным образом, сектанты-рационалисты (духоборы, баптисты, молокане) – явились полными силы «бойцами» против тяжелых природных условий новой страны и, в значительной степени, победили их. Они (подчеркнуто в тексте. – А.Р.) дали тон Амурской крестьянской жизни. Но правительство в своих заботах о подготовке базы для нашей армии и сектанты в своем стремлении найти свободу вероисповедания или, по крайней мере, лучшие условия гражданственности шли разными путями, и, конечно, сторонились друг друга. Можно сказать, что полным своим пренебрежением к Амурской области правительство создало и укрепило ее колонизацию»[170]. Очевидно, принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности[171].

Империя и сибирский региональный вызов.

Однако в Сибири и на Дальнем Востоке для империи вставала новая угроза – формирование у местного населения чувства территориальной обособленности, осознание своей непохожести и социально-экономической ущемленности в отношениях между центром и окраинами, выстраивание иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской идентичности. Помимо признания существенных отличий положения окраин Российской империи от заморских колониальных территорий европейских держав в российских правительственных кругах существовала определенная настороженность против самого употребления термина «колония». Очевидно, на неприятие взгляда на Сибирь как на колонию повлиял американский синдром, посеявший в головах российских политиков и интеллектуалов убеждение в том, что все колонии в будущем отделятся от метрополии.

Уже с конца XVIII в. в правительственных кругах начинают подозревать сибиряков в неблагонадежности, предчувствуя, что Сибирь может последовать примеру северо-американских колоний Англии[172]. Об этом же твердила и европейская колониальная наука, заявлявшая уста-

---

[170] Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. М., 1909. С. 720.

[171] В 1896 г. раскольники составляли в Амурской области 10% населения, существенно меньше их было в Приморской области – 1%. – *Капранова Е.А.* Государственная переселенческая политика и ее религиозная направленность на Дальнем Востоке // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 559.

[172] *Ремнев А.В.* Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.

ми одного из авторитетнейших исследователей П. Леруа-Болье, что метрополии должны привыкнуть к мысли, «что некогда колонии достигнут зрелости и что тогда они начнут требовать все большей и большей, а наконец, и абсолютной независимости»[173]. Сыграл свою роль и польский национальный фактор, транслировавшийся в Сибири не только на уровне слухов или скупой официальной информации, но главным образом путем непосредственного контакта местных жителей с многочисленными польскими ссыльными. На востоке опасались не только «врага внешнего», но и «врага внутреннего». Фобия сибирского сепаратизма появилась в Петербурге раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения, и возникло сибирское областничество. Питаясь чувствами нарождающегося сибирского патриотизма, областники творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив основы регионализма, не только как влиятельного общественного течения, но и особого научного направления. Для выявления направленности динамики регионального самосознания в известной мере может оказаться продуктивным определение фаз национального движения, предложенных Мирославом Хрохом[174]: от стихийно проявившегося местного патриотизма через политическую актуализацию и теоретическое конструирование местными интеллектуалами (политиками, общественными деятелями, учеными) региональной идентичности к выдвижению идей административно-хозяйственной автономии и даже государственного сепаратизма.

Особенно отчетливо расхождение экономических интересов центра и региона проявлялось в вопросах колонизации, свободы торговли, как внутренней, так и внешней (КВЖД, porto-franco дальневосточных портов и устьев сибирских рек, «Челябинский тариф» и т. д.), а также при распределении бюджетных средств в пользу окраин. Серьезные разногласия возникали и в вопросе об определении характера развития промышленности, направленности транспортных артерий. Сибирская общественность активно сопротивлялась превращению региона в сырьевой придаток центра, призывала освободиться от «московского мануфактурного ига». Вызывало недовольство и то, что ряд реформ (прежде всего судебная и земская), осуществленных в Европейской России, не были своевременно распространены на азиатские окраины. Сибирь и Дальний Восток долгие годы оставались местом уголовной и политической ссылки. Высказывались обвинения, что метрополия высасывает не только материальные, но и духовные силы периферии, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования. Существовали серьезные расхождения между центром и окраиной во взглядах

---

[173] *Леруа-Болье П.* Колонизация у новейших народов. Спб., 1877. С. 512.

[174] *Хрох М.* Ориентация в типологии // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 15.

на цели и задачи крестьянского переселения («расселение» или «заселение»?). На самом высоком правительственном уровне существовало опасение, что лозунг «Сибирь для сибиряков» широко проник во все слои и группы местного населения и становится серьезным препятствием переселенческой политике. Правительство, заявляли сибиряки, «заселяет казенные земли, не озаботившись поземельным устройством коренного населения»[175]. Существовало устойчивое убеждение, что собственно сибирские или дальневосточные нужды приносятся в жертву интересам имперской политики.

Психологическое и культурное своеобразие сибиряков поражало современников. Ссыльный революционер-народник С.Я. Елпатьевский был поражен увиденным в Сибири: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного – русского. <...> «Русского» не видно и неслышно, России не чувствуется в Сибири»[176]. С движением дальше на восток империи эти различия представали еще более разительными. А.А. Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика. И главное было не в том, что они использовали американские сельскохозяйственные орудия, а нечто более важное – то, что у амурского крестьянина была «необыкновенная восприимчивость к новизне, отсутствие всякой рутины, проявляющееся в его земледельческом хозяйстве»[177]. «Если внимательно и долго прислушиваться, то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! – описывал свои амурские впечатления А.П. Чехов. – Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами. В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. <...> Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о

---

[175] Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. № 2. С. 422–423.

[176] *Елпатьевский С.Я.* Чужая земля // Страна без границ. Тюмень, 1998. Кн. I. С. 133.

[177] *Кауфман А.А.* По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

политике, о русском правительстве, о русском искусстве. И нравственность здесь какая-то особенная, не наша»[178].

О закономерности такого явления утверждала и наука о колониях, за достижениями которой внимательно следили как в правительстве, так и в сибирском обществе. Сибирские областники создали целое учение об образовании в Сибири особого культурно-антропологического типа («сибиро-русской народности») по образцу того, как это происходило в Америке. Поэтому мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было укрепить имперское единство культурными скрепами. Выталкиваемый из Европейской России за Урал земельной теснотой и нищетой переселенец уносил с собой сложные чувства грусти по покинутым местам и откровенную неприязнь к царившим на утраченной родине порядкам. Вызывало озабоченность центра и то, что русский человек, оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, легко поддается чужому влиянию. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце XIX в. канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»[179].

Постановка этой важной задачи, по мнению правительства, вызывалась сибирскими особенностями: определенным религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов, разнородным этноконфессиональным составом населения. Поражали не только просторы и природные богатства Сибири («Вот в какую страну приехали, странно как-то даже») или отсутствие соломенных крыш, но и то, что в сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви деревянные, небогатые, а многие просто убогие[180]. Настораживало и большое количество в Сибири раскольников, влияние ислама и ламаизма. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»[181]. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы.

---

[178] *Чехов А.П.* Остров Сахалин // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. М., 1987. Т. 14/15. С. 42–43.

[179] Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., [1894]. Т. I. С. 116.

[180] *Алексеев П.С.* Как, бывало, езжали. Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу // Русский вестник. 1899. № 10. С. 606; *Митрофан Серебрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 32, 37.

[181] *Кирьяков В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

Националистически настроенные авторы напоминали о забвении русских интересов на окраинах, об отсутствии должной поддержки миссионерской деятельности православной церкви, о потакании инородцам, особенно со стороны местных властей, приведшем к тому, что русское население Сибири, «будучи с инородцами в постоянных сношениях, даже в дружбе и родстве, не прочь иной раз и их богам помолиться»[182]. Обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов призывал создать на Дальнем Востоке тот внутренний уклад жизни, «который действительно придает переселенцу облик русского человека». Роль православной церкви для русского человека будет тем более велика, доказывал глава ведомства православного вероисповедания, что он здесь попадает в непривычные условия жизни, тоскует по покинутой родине и может попасть под влияние разного рода сектантов. Владивостокский епархиальный совет в 1909 г. так разъяснял эту ситуацию: «Переселяющиеся сюда русские люди более всего нуждаются в воздействии церкви; заброшенные в глухую тайгу, не слышащие служб церковных, не изучающие слова Божия, русские люди легко дичают, становятся самыми грубыми материалистами и самыми нетерпимыми индивидуалистами»[183].

Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население в Азии со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов и даже якутов и бурят, которые воспринимались как конкуренты российскому имперскому колонизационному проекту. Опасались, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувства верноподданности. Исследователи уже отметили культурно-цивилизационную слабость русского крестьянина как культуртрегера[184]. Как считалось и современниками, оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, русский человек легко поддается чужому влиянию.

Задумывавшийся о задачах обрусительной политики в отношении инородцев А.И. Термен, послуживший в Туркестане, Забайкалье и Маньчжурии, призывал принять действенные меры не только для того, чтобы «выработать из вверенного ему материала надежно слитую с ко-

---

[182] Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12. Ч. 1. Восточная Сибирь. СПб.; М., 1895. С. XI.

[183] С.М. Лукьянов – П.А. Столыпину (16 янв. 1910 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 177-б.

[184] *Sunderland W.* The «Colonization Question»: Vision of Colonization in Late Imperial Russia // Janrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2000. № 48. P. 231. См. также: *Sunderland W.* Russians into Iakuyts. «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870–1914 // Slavic Review. 1996. № 4. P. 806–825.

ренным элементом империи культурную единицу»[185], но и поднять нравственность самого русского народа на окраинах, повысить авторитет православной церкви и русской школы. Бурятское население сторонилось русских, писал он, «лучше подальше от этих культуртрегеров, сохраним свой старый строй, примем буддизм с его нравственными предписаниями, мы, по крайней мере не вымрем от водки и болезней». Для многих обрусение означало, по его словам, «пасть и опошлиться»[186].

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской политикой в отношении них. Признавая в целом более высокий, чем у российского крестьянина, уровень умственного развития сибиряка-старожила, А.Н. Куломзин обращал внимание правительства на то, что отсутствие «руководства со стороны церкви и школы и влияние ссыльных придало развитию сибиряка не предвещающий ничего хорошего отпечаток». По его наблюдениям, сибиряку присущи огрубелость нравов, преобладание «индивидуальных интересов над общественными», а также «полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий». Сибиряк, утверждал А.Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя российским человеком. Однако у него уже пробудилась любовь к своей новой родине, и сибиряк с особой ревностью относился к тому, что «в России пренебрежительно отзываются о Сибири». Это было отражением не только процесса региональной идентификации, но и своего рода сибирского шовинизма, проявлявшегося в пренебрежительном отношении к переселенцам, которых нередко именовали «лапотниками», «неумытыми» и «необразованными». Куломзин писал в мемуарах, что перед его внутренним взором «каким-то кошмаром» казалась сама мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство»[187].

Это приводило зачастую к необоснованным поискам сибирского сепаратизма. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова «Сибирь и Россия», заменяя их словами «Сибирь и Европейская Россия», вместо «сибиряки» требовал писать «уроженцы Сибири». Даже к политическим ссыльным он отно-

---

[185] *Термен А.И.* Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914. С. 2.

[186] *Термен А.И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 13.

[187] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107.

сился лучше, чем к сибирякам, которых считал всех сепаратистами[188]. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев неоднократно напоминали Александру III об опасности областнических настроений в Сибири и происках поляков[189].

Впрочем, другой наблюдатель, Фритьоф Нансен, рассуждая о возможности сибирского сепаратизма, оценивал его скептически. Напротив, утверждал он со знанием дела, сибиряки – это не ирландцы, добивающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет, по его мнению, «естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»[190].

Осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичной власти, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и всеобщего недовольства, на которой, как на питательной почве, и произрастал сибирский сепаратизм. Однако, несмотря на многочисленные факты и свидетельства сепаратистских настроений, правительственных страхов и настойчивых поисков борцов за сибирскую независимость (или автономию), это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Россией Сибири. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирующейся сибирской идентичности и регионального патриотизма. В Сибири и на Дальнем Востоке все еще недоставало интеллектуалов, способных пропагандировать в массах идеи сибирской автономии, было мало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также региональных демократических институтов (не было даже земских органов), вокруг которых мог сфокусироваться сибирский патриотизм, перерастая во влиятельную политическую силу, способную подобно Австралии или Канаде, возглавить движение за независимое государство-нацию. Переселенческие общества внутренней Сибири и

---

[188] *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 59; *Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь. Прага, 1930. С. 78.

[189] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. I. С. 380, 534.

[190] *Нансен Ф.* Страна будущего // Дальний Восток. 1994. № 4/5. С. 185.

Дальнего Востока России в XIX – начале XX вв. имели низкие показатели этнической конфликтности с тенденцией ее возрастания на фронтирной периферии: на юге Западной Сибири («киргизский вопрос»), в Забайкалье («бурятский вопрос») и юге Дальнего Востока («желтый вопрос»)[191].

Сложные, противоречивые и динамичные картины Сибири и Дальнего Востока России, формирующиеся на протяжении XIX – начала XX в. в общественном сознании и воззрениях политиков, во многом определили импульсивность и непоследовательность правительственных действий в регионе, существенно повлияли на имперскую географию власти, породили многочисленные управленческие проблемы в отношениях центра и далекой имперской окраины. Без такого широкого понимания исторического контекста регионального ракурса имперской политики невозможно уловить смысл длительных внутриправительственных дебатов о направленности дальневосточного политического курса самодержавия, понять технологию выработки и принятия управленческих решений, содержание многочисленных нереализованных проектов и административных реформ на Дальнем Востоке России.

[191] *Куприянов А.* Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881–1904 гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 122–135.

ГЛАВА 1
ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЙ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1.1. Дальневосточные увлечения и опасения

«Насколько судьбы морских народов поэтичнее судеб народов континентальных!»

Н.И. Тургенев[1]

Рубеж XVIII–XIX веков ознаменовался повышенным интересом к Азиатско-Тихоокеанскому региону со стороны ряда европейских государств и Соединенных Штатов Америки. Не могла оставаться в стороне от этого движения на восток и Россия, уже двумя столетиями ранее укрепившаяся на побережье Тихого океана и имевшая долгое время здесь своего рода монополию. Это было время великих кругосветных путешествий, рождения самых фантастических планов, деятельности отважных мореплавателей, путешественников, ученых, а также разного рода авантюристов. Во взглядах российских мореплавателей, так же как и у их европейских коллег, идеи Просвещения и гуманизма, романтика географических открытий и колониальных захватов удивительно сочетались со стремлением принести славу своей державе, утвердить ее первенство на неизведанных еще землях планеты. Россия стремилась не отстать от европейских держав и войти в «колониальный клуб» в поисках богатых владений, мечтая об активной морской торговле. Увлеченная колониальными успехами Запада Россия вспомнила о своих исторических и географических связях с Азией. Будущий теоретик «официальной народности» С.С. Уваров просил в 1805 г. включить его в состав посольства графа Ю.А. Головкина в Китай, а затем в «Проекте азиатской академии» (1810 г.) утверждал: «Пришло время, чтобы могучее покровительство, которое оказывает просвещению Его Величество император Александр, расширилось, наконец, до Азии и чтобы Россия, вставшая на один уровень с другими странами, превзошла бы их средствами, которые у нее имеются, и результатами,

[1] *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. С. 371.

которые можно от них ожидать»[2]. К этому стремлению успеть к разделу колониальных владений в Азиатско-Тихоокеанском регионе примешивалось и опасение потерять свои все еще плохо освоенные и недостаточно закрепленные за империей далекие восточные земли.

Особое беспокойство с конца XVIII в. у России вызывало появление в северных тихоокеанских водах английских кораблей Дж. Кука и У.Р. Браутона, французской экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза, а также действия голландцев в Японии. Это заставило самодержавие заняться переустройством управления дальневосточных владений и закрепить свое право на Сахалин, Курильские и Алеутские острова, а также на земли в Северной Америке. «Великая Екатерина, – писал петрашевец А.П. Баласогло, – продолжая во всем дело Петра, отправляла уже, для описания Сибири, с колоссальными средствами, Фишеров и Палласов, на Восточный океан Белингсов и Сарычевых, в Китай Кропоговых... Потемкин, под конец своего поприща, только и думал, что о Сибири и Китае, и, предполагая окончить войну с Турцией, уже отправлял на разведку путей и средств Сибири и пограничных с нею стран средней Азии ученых людей, каков был Полковник Русской службы Англичанин Бентам. Крайний Восток России настоятельно требовал систематического обзора и организации, и люди, мысли и подвиги не замедлили явиться»[3]. Иркутский генерал-губернатор И.В. Якоби в конце XVIII в. предлагал занять всю территорию по прямой линии от вершин Иртыша на Ургу и далее к устью Амура, а также установить морские торговые связи с Китаем, Японией и Калифорнией. Кроме этого, он планировал передвинуть границу из Кяхты в Ургу, чтобы «смирить непомерную гордость Китая»[4]. Екатерина II, как свидетельствовал Г.Р. Державин, не хотела бы умереть, «не усмирив гордость Китая»[5]. Павел I, не считаясь с затратами и здравым смыслом, усиливал российское военное присутствие на крайнем востоке империи.

Граф С.Р. Воронцов, уже в царствование Александра I, обсуждая перспективы российских морских экспедиций на Дальний Восток, прямо заявлял, что «это было единственное поприще, на котором Россия

---

[2] Цит. по: *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 397. См. также: *Виттекер Ц.Х.* Граф Уваров и его время. СПб., 1999. С. 29–34.

[3] [*Баласогло А.П.*] Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина. М., 1875. С. 106–107.

[4] Начертание к двойственному умножению польз с расширением пределов от стороны Китая. Труды бывшего в Сибири генерал-губернатором Якобия // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. С. 71.

[5] *Делюсин Л.П.* Что для русских Китай? // Россия и современный мир. 1998. Вып. 24 (21).

могла бы развить первоклассные морские силы»[6]. Как и другие великие державы, Россия стремилась, наряду с традиционной сухопутной торговлей с Китаем через Кяхту, «открыть» китайские порты для морской торговли. И.Ф. Крузенштерн ратовал за организацию кругосветных морских экспедиций, заявляя в 1802 г. в письме Н.С. Мордвинову, что только торговля «служит основанием истинного могущества морской державы и непоколебимого ее величия», о чем свидетельствует опыт европейских стран[7]. 15 февраля 1806 г. Н.П. Резанов писал из Ново-Архангельска директорам Российско-Американской компании об интересе, проявляемом Голландской Ост-Индской компанией к Курилам, и о том, что «можно быть уверену, что буде не предускорим мы, то батавцы несомненно будут некогда близкими Камчатке соседями». Предупреждал он и о действиях французов: «Жаль буде пропустит Россия нынешнюю и столь выгодную для нее эпоху и даст какой-либо державе водворением ее в местах сих пресечь пути к выгоднейшей и обширной для нея торговле. Не дай боже, чтоб нас предупредили в них силами и для того нужно не упущая времени, расположить план сей и приступить к нему со всею деятельностью»[8]. О том, что эти опасения были небезосновательны, свидетельствуют записки одного из участников экспедиции Лаперуза Ж.Б. Лессепса, который отмечал слабость русской власти в Охотско-Камчатском крае[9]. Поэтому Резанов призывал спешить: «Впрочем, знайте, милостивые государи мои, что пространство областей, заведение коммерческих флотов, обширность торговли, производство важных начал и предприятий, ежели судьбами Божиими во дни Александровы тому совершиться определено, для точного исполнения, порядка и соображения всего к одной точке требуют сюда непременно еще генерал-губернатора, который уполномочен будучи от компании, снабжен бы был в то же время от престола такими предписаниями, чтоб огромные торговые виды ваши шли всегда в согласии с политическими обстоятельствами империи и одни других не расстраивали»[10].

Оценивая подобные планы, В.С. Мясников отмечает, что это была новая политика России на Дальнем Востоке, «которая с полным основанием может быть названа азиатско-тихоокеанской»[11]. И хотя, бесспорно,

---

[6] *Завалишин Д.И.* Кругосветное путешествие фрегата «Крейсер» в 1822–1825 гг. под командою М.П. Лазарева // Древняя и Новая Россия. 1877. Т. III. С. 154.

[7] *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976. С. 274.

[8] Малоизвестный автограф Н.П. Резанова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 1. С. 122–124.

[9] *Лессепс Ж.Б.* Путешествие по Камчатке и Южной Сибири. СПб., 1801. Ч. I. С. 84.

[10] Малоизвестный автограф Н.П. Резанова. С. 122–124.

[11] *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII – XX вв. М., 1996. С. 241–242.

европейская политика превалировала и определяла позицию России в других регионах мира, было бы неоправданно принижать значение внешнеполитических акций и на далеких восточных рубежах огромной империи. Морские кругосветные путешествия стали альтернативой континентальному пути на Дальний Восток, что имело важные последствия в восприятии роли России в регионе, оказало влияние на имперский дискурс в Петербурге по поводу перспектив дальневосточной политики[12]. Географические научные изыскания становятся важным средством и прикрытием имперской политики, имея, как заметил американский историк Р. Фишер, «научные результаты, но не научные цели»[13]. Северная часть Тихого океана виделась имперским романтикам «внутренним морем» России, из которого вели пути в тропические страны. В сочетании коммерческих и политических интересов последние все более актуализируются, приобретая порой самодовлеющее, нередко иррациональное значение.

Охотский порт и Русская Америка стали местом встречи, куда российские военные, чиновники и промышленники пришли не только разными путями, но и с разным имперским опытом и восприятием аборигенного населения. Морские офицеры были наиболее модернизированной частью российской военной и политической элиты. Высокая профессиональная подготовка, европейское образование и опыт моряков, имевших возможность наблюдать (и даже участвовать, служа в британском флоте) колониальную политику европейских стран, порождали у них неудовлетворенность положением России в бассейне Тихого океана, формировали критическое отношение к действиям их предшественников, пришедших сухопутным путем и демонстрировавших иное политическое и управленческое поведение. В правительственных кругах появляются люди, вкусившие желание копировать колониальную политику морских европейских государств. Особенно много таких было в ведомствах, курировавших торговую деятельность и развитие морского флота России.

Увлечение Дальним Востоком объединяло самых разных людей, исповедовавших иногда прямо противоположные идеи. Он манил не только имперским покорением новых народов и земель или экономическим прагматизмом, но и романтикой путешествий. Очевидно, под воздействием описаний кругосветных путешествий и просветительских идей в Училище колонновожатых в Петербурге в 1810–1812 гг. возникло «Юношеское собратство», члены которого (среди них было несколько бу-

---

[12] *Vinkovetsky I.* Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-The-World on Russia's Imperial Consciousness // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 194–197.

[13] Цит. по: *Алексеева Е.В.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 111.

дущих декабристов) мечтали о создании на далеком и загадочном острове Сахалин республики «Чока». Один из главных организаторов этого общества Н.Н. Муравьев (будущий граф Карский) впоследствии вспоминал: «Думал и выдумывал следующее: удалиться через лет пять на какой-нибудь остров, населенный дикими, взять с собой надежных товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику...»[14]. Декабрист П.И. Пестель выступал за административное единство Сибири с центром в Иркутске, предлагая присоединить к России часть Монголии, чтобы все течение Амура было в русских руках[15]. Еще один декабрист, А.О. Корнилович, в 1830 г. предлагал установить регулярные торговые отношения между Охотском и Северо-Американскими Соединенными Штатами[16]. Петрашевец А.П. Баласогло писал: «Восток принадлежит России неизменно, естественно, исторически, добровольно... Он куплен кровью России еще в доисторических спорах славян с финнами и тюрками, он выстрадан у Азии монгольским игом, он спаян с Русью ее казаками...»[17]. По его мнению, Восточная Сибирь уже по своему географическому положению и естественному предназначению «должна служить не только самой себе, сколько своему целому, России, которой она является неизбежною посредницею в сношениях со всеми соприкосновенными к ней странами»[18]. Участник неудачного посольства в 1805–1806 гг. графа Ю.А. Головкина в Китай Ф.Ф. Вигель рассуждал о возможной войне с Китаем («пред тридцатью тысячами русского войска не устоит полмиллиона китайцев»): «Как не стать на Амуре и, вооружив берега его твердынями, как не предписывать законов гордому Китаю, дабы для подданных извлечь из того неисчислимые выгоды? Как не взять его в опеку и не защитить от вторжения других европейских народов? Как на устье Амура, где так много удобных пристаней, не сделать нового порта и не заменить им несчастные Охотскую и Авачинскую гавани? Это во сто раз было бы полезнее, чем наши глупые американские владения, все эти Курильские и Алеутские острова. Наконец, как оставлять в запустении великое, плодородное пространство земли и не открыть его на севере Сибири прозябающим племенам – якутам, тунгусам, корякам, чтоб из животных превратить их в людей? Глас Божий – глас народа; в Иркутске, Нерчинске и за Байкалом нету жителя, который бы не говорил о Даурии, как о потерянном рае; все эти бедные люди не могут по-

---

[14] Из воспоминаний Николая Муравьева-Карского // Декабристы рассказывают... М., 1975. С. 26.

[15] *Пестель П.И.* Русская правда. М., 1993. С. 115.

[16] *Оганян Л.Н.* Декабрист А.О. Корнилович и его проекты развития Сибири и Бессарабии // Сибирь и декабристы. Новосибирск, 1985. Вып. 4. С. 67.

[17] Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 44.

[18] [*Баласогло А.П.*] Указ. соч. С. 103.

нять, чем прогневали они белого царя, что он не хочет отпереть его»[19]. Под впечатлением открывавшихся морских перспектив на Дальнем Востоке К.И. Арсеньев в книге «Начертание статистики Российского государства» (СПб., 1818) грезил о торговом будущем Камчатки, откуда пойдут российские суда к островам Тихого океана, а Сандвичевы острова станут «пристанищем для флотов, идущих из Камчатки в Мексику и Перу»[20]. Рассуждая позднее о границах Российской империи, он писал уже о ее континентальных преимуществах: «В политическом отношении местоположение России единственное в свете; ни одно государство не имеет такого непосредственного влияния на твердую землю. <...> Великобритания распространяет свое влияние на весь шар земной, но это влияние ее зависит от случайных обстоятельств, столь же неверных и непостоянных, как и стихия, на которой Британцы основали свое могущество»[21]. Теперь Восточный океан представляется ему уже мало значимым для торговли, но географически важным с точки зрения обеспечения государственной безопасности естественной пустынностью и труднодоступностью своих берегов. Именно эта естественная защищенность границ с севера и востока не только позволяет «управлять такою массою земель и сохранить в целости и нераздельности столь огромное политическое тело», но и обеспечивает возможность уделить больше внимания западным границам, через которые Россия связана «с образованнейшими на свете народами» и благодаря которым не застыла в своем развитии подобно Китаю.

Имитируя в значительной степени западный колониальный опыт, в 1799 г. под покровительством правительства была создана Российско-Американская компания (РАК)[22], которая получила монопольные права на торговлю и эксплуатацию природных и людских ресурсов в Северо-Восточной Азии и на территории Северной Америки. РАК прочили блестящее поприще, сравнимое с Ост-Индской компанией. Будущий декабрист Д.И. Завалишин мечтал о великой роли России в бассейне Тихого океана, поддерживая стремления управляющего РАК А.А. Баранова, который «бессознательно, но инстинктивно гениально стремился окружить северную часть восточного океана нашими владениями, дополняя и замыкая их от Удского острова до Ситхи занятием Калифорнии, Сандвичь-

---

[19] *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000. С. 186.

[20] Правда, рецензент из «Духа журналов» с явной издевкой продолжил: не лучше ли вообще тогда утвердиться на Сандвичевых островах и завести колонии в Мексике и Перу. – Замечания на книгу «Начертания статистики Российского государства», составленное Главного Педагогического института адъюнкт-профессором Арсеньевым. Ч. I. О состоянии народа. С. Петербург. 1818 года // Дух журналов. 1818. Ч. XXXII. С. 137–138.

[21] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 23.

[22] История Русской Америки. М., 1999. Т. I–III.

евых островов, Южных Курил, что привело бы к занятию устья Амура и других пунктов к югу»[23]. При этом неизменно подчеркивались те выгоды, которые получит Россия от заморской экспансии, прежде всего в укреплении российских позиций на дальневосточном побережье. В предложениях Александру I 12 февраля 1816 г. о торговле с Калифорнией заключительным лейтмотивом звучит утверждение, что укрепление позиций РАК в Северной Америке позволит лучше и дешевле снабжать всем необходимым Охотско-Камчатский край, «а тем обеспечить обе те страны от тягостной необходимости привозить из России и Сибири все для них нужное с крайним изнурением жителей»[24]. Капитан 2 ранга В.М. Головнин во время своих плаваний по Тихому океану имел возможность лично убедиться в том, что представляла собой РАК: «Торговое общество, получившее от правительства в полное свое владение обширные земли с их жителями и со всем тем, что находится в недрах и на поверхности оных; общество, имеющее право входить с соседственными владениями оного народами в договоры, торговые связи; наконец, общество, пользующееся многими преимуществами наравне с присутственными местами, есть в России вещь совершенно неслыханная, которую мы в первый раз увидели в Российско-Американской компании»[25]. Проекты расширения торгово-промышленных интересов компании неизбежно все активнее втягивали самодержавие в азиатско-тихоокеанскую политику.

Моряки стремились играть доминирующую роль в тихоокеанской политике, постепенно вытесняя купцов из руководства РАК. Отношения компании и государства были запутанными, однако, как отмечают исследователи, процесс «огосударствления» РАК нарастал, с превращением ее к середине XIX в. в государственно-частную организацию, во главе которой оказались чиновники и моряки. Но в 1799–1821 гг. эта была все еще по преимуществу частная компания, а государство ограничивалось лишь внешним надзором[26]. Соглашаясь с общим выводом Б. Дмитришина, что РАК была «официальной рукой Санкт-Петербурга на Тихом океане»[27], все же заметим, что до конца существования компании многорукое самодержавие плохо ведало, что делает одна из этих рук.

---

[23] Цит. по: *Рогинский Е.М.* Д.И. Завалишин как общественный деятель // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 139.

[24] Внешняя политика России XIX – начала XX в. М., 1974. Сер. 2. Т. 1 (9). С. 80.

[25] Записка капитана 2 ранга Головнина о состоянии Российско-Американской компании в 1818 г. // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. С. 48.

[26] *Ермолаев А.Н.* Российско-Американская компания и императорское правительство: государственный контроль за деятельностью акционерной монополистической организации (1799–1867): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 25–26.

[27] *Дмитришин Б.* Административный аппарат Российско-Американской компании // Американский ежегодник. 1993 год. М., 1994. См. также: *Алексеева Е.В.*

Как и другие европейские державы, Россия пытается наряду с сухопутной торговлей с Китаем открыть китайские порты для морской торговли, что находит в правительственных кругах как сторонников, так и противников. Но, претендуя на роль посредника между Европой и Азией и имея только сухопутные пути, Россия не могла успешно реализовать идеологически декларируемую цивилизационную и экономическую миссию. Как замечает Г.Н. Романова, о сколько-нибудь серьезной роли сухопутной русско-китайской торговли до строительства железных дорог говорить не приходится[28]. Уже с середины XVIII в. торг через Кяхту начинает ощущать серьезную конкуренцию морской торговли. Однако европейские войны конца XVIII – начала XIX в. на несколько лет отодвинули эту проблему, и Кяхта еще почти три десятилетия переживала благоприятные времена[29]. Но после первой «опиумной войны» и Нанкинского договора 1842 г., открывшего китайские порты для европейских держав, Кяхта ощущает серьезное давление морских перевозок. Россия оказалась не готова перейти к морской торговле, а сухопутный кяхтинский торг, без правительственной поддержки, оказался обречен на обеспечение в основном внутреннего сибирского рынка, совершенно утратив к середине XIX в. международное транзитное значение[30].

Новый азиатско-тихоокеанский курс, проводниками которого были моряки, торгово-промышленные круги и связанная с ними петербургская аристократия, наталкивался на сдержанность внешнеполитического и военно-сухопутного ведомств. Дипломаты с известным скепсисом оценивали перспективы заморской торговой и территориальной экспансии, сознавая реальную опасность втянуться в противоборство с морскими европейскими державами на Дальнем Востоке. Для такой борьбы нужен был сильный флот и надежный континентальный оплот в виде хорошо укрепленного и заселенного русскими людьми побережья Охотско-Камчатского края. Обладая более широким международным кругозором, сотрудники российского МИДа, очевидно, испытывали также воздействие колониального опыта европейских держав, делая, впрочем, из него более осторожные, нежели моряки, выводы. Их не могли не настораживать успешная война за независимость северо-

---

Управление российскими колониями в Америке (1741–1867) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3.

[28] *Романова Г.Н.* Торговые связи России и Китая в конце XVII – начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы торговли с Россией. М., 2000. С. 163.

[29] Хотя кяхтинская торговля, как утверждает А.М. Петров, имела больше политическое, нежели экономическое значение, будучи «атавизмом восточно-деспотического мышления», игнорирующего законы рынка. – *Петров А.М.* Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный Восток: вопросы торговли с Россией. М., 2000. С. 21.

[30] *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М., 1987. С. 37–43.

американских колоний Британской империи или национально-освободительное движение в латиноамериканских владениях Испании.

Дебаты о перспективах российской азиатско-тихоокеанской политики нередко переходили в теоретическую плоскость, приобретая геополитическое звучание. Советник российской дипломатической миссии в Вашингтоне П.И. Полетика писал в 1811 г.: «Россия должна рассматриваться как держава в основном континентальная. Можно даже сказать, что она является таковою вынужденно, из-за слишком большой протяженности своей территории, из-за относительно редкого населения, из-за полного отсутствия активной торговли и колоний, но в особенности из-за того, что ей необходимо, после того как она вошла в число европейских держав, все время держать наготове весьма значительную армию. Не имея ни колоний, ни торгового флота, Россия неуязвима со стороны моря. <...> Обладание Курильскими и Алеутскими островами и несколькими незначительными поселениями на северо-западном берегу Америки как будто создало для России кое-какие колониальные или морские интересы, но недавний опыт показал, что она полностью теряет эти колонии, лишь только оказывается втянутой в какую-либо войну на море. К тому же неизвестно, стоит ли ей жалеть об утрате нескольких пунктов на негостеприимном берегу и архипелага островов, значительная часть которых не разведана и не освоена; они ничего или почти ничего не дают государству, и торговать с ними даже в мирное время можно лишь совершив кругосветное путешествие». И далее следовало весьма уничижительное для России заключение о том, что она содержит морские силы лишь для того, чтобы придать себе «вид морской державы», и что российские корабли «напоминают рычаги, лишенные точки опоры». Они похожи «на дорогие самоцветы, украшающие корону могущественного монарха» и необходимые только для престижа[31].

Повышенное внимание европейских держав к Азиатско-Тихоокеанскому региону внушало опасение в непрочности положения России на Дальнем Востоке. Именно этим может быть объяснено паническое заключение другого эксперта по дальневосточным делам Я.О. Ламберта, который прямо заявлял, что России «вследствие ее географического положения не предначертано большое развитие ее морских сил, и она не должна даже стремиться к этому из боязни быть вовлеченной в такие жертвы, которые нанесут ущерб ее превосходству на континенте»[32]. Она

---

[31] Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980. С. 469.

[32] Политика европейских держав в юго-восточной Азии (60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.). М., 1962. С. 485. Даже морской министр И.И. де Траверсе утверждал, что России, как сухопутной державе, сильный флот не нужен. – *Дивин В.А.* О необыкновенной жизни и деятельности В.М. Головнина // Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 24.

должна вести преимущественно сухопутную торговлю. Морская торговля и хозяйственное освоение Камчатки могут сделать полуостров предметом внимания «какой-нибудь предприимчивой державы», а Россия не располагает здесь достаточными силами, чтобы противостоять иностранной экспансии. Потеря же Камчатки, продолжал он, нанесла бы огромный урон престижу России в Азии, а также неизбежно повлекла за собой то, «что все земли к востоку от Лены и от Байкала скоро отделились бы от империи». Рекомендации Я.О. Ламберта сводились к следующему: «До тех пор, пока Камчатка остается в том же диком и запущенном состоянии, в каком она находится в настоящее время, не приходится опасаться, что какая-либо европейская держава или Соединенные Штаты Америки попытаются захватить ее. Но если мы намерены сделать ее процветающей, надо тотчас же подумать о том, какие неизбежные последствия это вызовет, и установить с ней связи, могущие предотвратить неприятности, которые легко предвидеть». В связи с этим Я.О. Ламберт изложил и свои воззрения на колониальный вопрос в целом. По его мнению, колонии приобретаются или для того, чтобы избавиться «от бесполезных и опасных для общества лиц» (т.е. «штрафные колонии»), или с целью извлечения из них определенных выгод: «в качестве военного порта, торговой базы или потому, что в ней возможно производство полезных вещей, способных увеличить богатство всей страны»[33]. К последнему типу колоний он и относил Камчатку. Проблему же он видел в том, чтобы извлечь пользу из колонии, не подвергая себя опасности ее потерять, подорвав тем самым престиж империи. Но, акцентируя внимание правительственных кругов на перспективах утраты Камчатки, как только она станет экономически более привлекательной, он не предложил ничего позитивного, обрекая Камчатку на дальнейшее забвение. Его предложения ограничились созданием комиссии, которая бы и выработала необходимые меры. Пока же, по его мнению, мы находимся в таком положении, «что или не должны предпринимать ничего, или принять самые крупные и решительные меры»[34].

Впрочем, Ламберт признавал за Камчаткой важное военно-стратегическое значение: «Поскольку она является центральным пунктом наших сил, главной опорой нашей мощи в этих областях, следует всеми возможными средствами укреплять ее связи с нами», чтобы не повторить прошлых ошибок «и не ускорять чересчур полное отделение ее от империи». В перспективе, отмечал он, надо подумать о заселении Камчатки русскими, которых, явно под влиянием американского опыта отделения колоний от метрополии, следует постоянно удерживать в некоторой зависимости, в том числе и экономической. Если даже на

[33] Политика европейских держав в юго-восточной Азии... С. 485–486.
[34] Там же. С. 489–490.

Камчатке найдутся земли, пригодные для земледелия, то сельскохозяйственные занятия нужно скорее сдерживать, чем поощрять. Продовольственная зависимость сильнее какой-либо другой привяжет колонию к метрополии: «Продукция Камчатки должна ограничиваться продуктами охоты и рыбной ловли, а если можно к ним добавить и продукты китобойного промысла, то тем лучше». Вся экономическая политика на Дальнем Востоке и в Русской Америке, доказывал Я.О. Ламберт, должна «подчиняться мерам, принимаемым для процветания Сибири». А для этого на первом месте должна стоять сухопутная торговля через Кяхту и возвращение России левого берега Амура. Этим приоритетам должна быть подчинена и деятельность РАК, которая, как заметил Я.О. Ламберт, превыше государственных целей пока ставит свои коммерческие и «не беспокоится о том, не пострадают ли при этом торговля в Кяхте, процветание Сибири и безопасность государства»[35]. Поэтому он настаивал на усилении государственного контроля за компанией.

Охотско-Камчатский край постепенно уходил на задний план не только в политике центральных властей, но и местных сибирских администраторов и предпринимателей, которых манили богатства новых американских колоний, где с успехом продолжала свою деятельность РАК. От военно-стратегического взгляда на Охотско-Камчатский край, как оплот российского имперского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, самодержавие постепенно переходит к охранительно-фискальным мероприятиям, стремясь законсервировать ситуацию до лучших времен. В 1819 г. министр финансов Д.А. Гурьев специальным циркуляром запретил иностранцам селиться в Охотско-Камчатском крае, а иностранным судам не только вести торговлю в российских дальневосточных портах, но даже просто заходить в них, за исключением случаев бедствия. С одной стороны, данная мера защищала монопольные права РАК в регионе, а с другой – отражала синдром страха потери дальневосточных владений.

Примечательно, что в этом же году американский предприниматель П. Добелл обратился за поддержкой к только что назначенному сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанскому, отстаивая преимущества морской торговли перед сухопутной и указывая на выгоды первой не только для Охотско-Камчатского края, но и всей Сибири. Известно, что еще в 1805 г. в Кантоне П. Добелл сблизился с И.Ф. Крузенштерном, затем принял российское подданство, а в 1812 г. отправил на Камчатку два судна с продовольствием. Камчатка увлекла его, и он в своих письмах и проектах выдвинул обширный план развития торговли и промыслов в северной части Тихого океана, что могло привести к бы-

[35] Политика европейских держав в юго-восточной Азии... С. 486.

строму развитию Охотско-Камчатского края[36]. По его мнению, Петропавловск имеет все шансы превратиться в «средоточное место» дальневосточной торговли. При этом Добелл рассчитывал, что ему удастся наладить снабжение российского Северо-Востока с Филиппинских и Гавайских островов или из Макао. Несмотря на неудачи и некоторую фантастичность планов, Добелл имел поддержку в Петербурге, его идеи разделял один из самых замечательных камчатских деятелей этого времени П.И. Рикорд.

Проект Добелла был направлен на заключение попечителю Казанского университета, известному востоковеду М.А. Салтыкову. В замечаниях, которые тот представил в 1816-1817 гг., содержался призыв полнее учесть реальные возможности России на Дальнем Востоке. Сначала необходимо добиться процветания промышленности в центре страны, а потом уже задумываться о том, куда сбывать ее излишки. «Таков естественный ход цивилизации», – заключал Салтыков. Не разделял он и оптимизма Добелла по поводу экономических возможностей Камчатки, как и сомневался в том, что Сибирь будет способна снабжать Дальний Восток промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Переселение же на Камчатку ирландских католиков, жителей Сандвичевых островов и китайцев, о чем писал Добелл, по мнению Салтыкова будет стоить очень дорого и только повысит цены на все привозимые туда товары. Впрочем, и Добелл, и Салтыков сходились в высокой оценке порта в Авачинской бухте, который является «одним из лучших в мире», в необходимости устройства порта в устье Амура, что дало бы России возможность экспортировать пушнину в Японию, Китай, а также облегчило бы торговлю с Северной Америкой и тихоокеанскими островами. Но в подобных морских торговых планах Салтыков был не готов следовать за Добеллом и поддерживавшими его И.Ф. Крузенштерном и И.Б. Пестелем слишком далеко, подчеркивая, что у России нет своего торгового флота, нет достаточных военных средств для защиты торговых коммуникаций, а денежные средства с большей пользой можно употребить на экономическое развитие самой Сибири и не гнаться «за второстепенным без того, чтобы обеспечить необходимое». Он призывал не увлекаться будоражущими воображение романтическими описаниями далеких стран, тогда как в действительности Сибирь и Камчатка – «край света, страны мрака, ссыльные земли, невозделанные и дикие пустыни, сточные канавы всех преступлений, берлоги хищников и еще более хищных преступников – не эти ли определения мы ежедневно слышим из уст иностранцев и многих русских? Можно ли поверить, что тем, кто хвалит Камчатку, удастся в конце-концов сыграть на алчной

[36] О проектах П. Добелла см.: *Болховитинов Н.Н.* Выдвижение и провал проектов П. Добелла (1812–1821 гг.) // Американский ежегодник. 1976. М., 1976. С. 268–269.

жадности»?[37]. Опираясь, как ему казалось, на аксиомы политической экономии, Салтыков заключал, что «великой аграрной стране не следует завидовать торговым нациям, которые из-за недостатка для возделывания должны бороздить океаны»[38].

Следует обратить внимание еще на один аспект дискуссии по поводу азиатско-тихоокеанской политики и перспектив развития Охотско-Камчатского края. Проект Добелла натолкнулся на противодействие со стороны РАК, ревниво отстаивавшей свою монополию в регионе. Однако Добелла поддержали сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель и иркутский губернатор Н.И. Трескин. Пестель восставал против монополии РАК: «Скоро исполнится 20 лет, как Российско-Американская компания исключительно владеет нашею торговлею на берегах Восточного океана, и потому весьма естественно, что появление в Охотске и Камчатке всякого иностранного судна, так сказать, пугает компанию подрывом ее монополии. Руководствуясь сим страхом, она старается выживать иностранцев, а тамошнюю торговлю с ними находит вредною, и что они будто бы приезжают не для торговли, а для других целей»[39]. Помимо этого у Пестеля и Трескина были дополнительные причины отрицательно относиться к монополии РАК. Во-первых, именно на сибирской администрации лежала забота о снабжении жителей Охотско-Камчатского края; во-вторых, в самом Иркутске разгорелась ожесточенная борьба с купеческой фрондой[40]. И.Б. Пестель доносил в Петербург о жестокой эксплуатации РАК жителей Курильских и Алеутских островов, настаивал на более строгом контроле, чтобы комиссионеры и промышленники РАК не чинили «разные неистовства и притеснения».

Высшая сибирская администрация была не прочь распространить свою самостоятельность и на сферу внешней политики. Находясь в значительной дали от Петербурга, иркутский губернатор Н.И. Трескин самостоятельно предпринял дипломатические шаги по нормализации отношений в регионе с Китаем и Японией. Более того, Трескин и его покровитель Пестель стремились монополизировать дипломатические отношения с сопредельными Восточной Сибири государствами, доказывая, что лучше вести переговоры не путем отправки посольств из Петербурга, а доверить это местным главным начальникам. Подобная практика существовала и на других окраинах империи, например, на

---

[37] Замечание о мемуаре господина Добелла камергера Салтыкова, 1816–1817 // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. М., 2001. С. 116.

[38] Там же. С. 122–123.

[39] Цит. по: *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 20.

[40] См.: *Ремнев А.В.* Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141–149.

Кавказе, в Оренбурге или Омске, что позволяло более оперативно решать многие пограничные дела. Отступление от такого правила, как показывал опыт, приводило к неудачам, одной из причин которых были разногласия между дипломатами и местными высшими начальниками. Кроме того, Трескин и Пестель не без основания опасались, что проезд через Сибирь посла из столицы с широкими полномочиями не безопасен для них самих, как это показала отставка сибирского генерал-губернатора И.О. Селифонтова в результате ревизии, которая была поручена направленному со специальной миссией в Китай в 1805–1806 гг. графу Ю.А. Головкину. Помимо понятного желания высшей местной администрации обезопасить свое положение, в этих конфликтах и правительственных спорах отразились расхождения во взглядах на развитие Сибири у столичных и сибирских властей, в основе которых лежала общая проблема взаимоотношений центра и региона.

М.М. Сперанский был также готов поддержать проект Добелла, признавая перспективу в привлечении на Камчатку иностранцев, которые смогут помочь наладить снабжение жителей полуострова продовольствием. Вместе с тем он не мог не понимать и опасности такого шага, когда американцы вытеснят РАК и звериный промысел перейдет в их руки[41]. Широкомасштабные торговые планы Добелла провалились, не были поддержаны и его намерения организовать китобойный промысел у тихоокеанских берегов российских владений.

Несмотря на оппозицию в Петербурге и в Сибири, в 1821 г. привилегии РАК были продлены еще на 20 лет. Министерство финансов продолжало отстаивать запретительные меры в отношении иностранной торговли. В 1820-1821 гг. при активном лоббировании РАК российское правительство запретило иностранцам торговать в крае, что явно шло в ущерб снабжению местного населения необходимыми товарами и продовольствием[42]. В 1827 г. камчатский начальник А.В. Голенищев жаловался, что РАК установила монополию на торговлю на Камчатке, что неблагоприятно сказалось на ее снабжении. В условиях неразвитости российской торговли уже в 1828 г. правительство вынуждено было разрешить розничную и мелкооптовую иностранную торговлю. Широкое распространение получила контрабандная торговля. В 1830-1860-х гг. иностранная торговля преобладала в Охотско-Камчатском крае, несмотря на сохранившиеся коммерческие преимущества РАК[43].

---

[41] *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 2. С. 66.

[42] *Алепко А.В.* Начало таможенной политики России в тихоокеанском регионе // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 187–189.

[43] *Огрызко И.И.* Торговля на Камчатке в XVIII – начале XX в. // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII. С. 74.

Создание надежной военной и экономической базы на российском побережье Тихого океана становилось залогом успеха нового азиатско-тихоокеанского курса. Необходимо было принять экстренные меры по укреплению обороноспособности уязвимого с моря российского тихоокеанского побережья, и прежде всего Охотска, остававшегося здесь главным военным и торговым портом. В 1810 г. иркутский губернатор Н.И. Трескин предписал охотскому начальнику М.И. Миницкому принять меры по укреплению порта: «По полученным здесь достоверным известиям о неприятельских действиях англичан в Китае, со стороны Кантона, я нужным считаю предупредить вас о сем на тот предмет, чтобы вы приняли всю осторожность, как в рассуждении покушений их на Охотский порт, так и транспортных судов, плавающих в тамошних морях»[44]. О том, что угроза дальневосточным владениям России воспринималась многими как реальная, может свидетельствовать хотя бы то, что в 1805 г. жители Петропавловска были напуганы приходом экспедиции И.Ф. Крузенштерна, приняв ее за неприятельскую эскадру[45]. Однако какого-либо серьезного противодействия нападению неприятеля Охотский порт вряд ли мог оказать со своими устаревшими судами и восьмью пушками.

Российское правительство должно было спешно предпринять меры по укреплению своих позиций в крае, прежде всего на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, а также попытаться закрепиться окончательно на Чукотском полуострове. Известный российский мореплаватель О.Е. Коцебу заметил: «Северную часть полуострова и прилегающую к нему область материка вплоть до самого Ледовитого океана населяют чукчи – воинственный народ, который кочует со стадами оленей и платит русской короне лишь незначительную дань мехами. Чукчей было не так легко покорить, как камчадалов, и еще тридцать пять лет назад они беспрепятственно нападали на русских»[46]. Владение Россией Чукотским полуостровом всю первую половину XIX в. оставалось по сути формальным и было далеким от полного поглощения имперскими порядками. «Устав об инородцах» 1822 г. зафиксировал, что «чукчи платят дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве и в пределах обитаемых ими земель не подчинены гражданским и уголовным законам и суду российскому подлежат только в случае убийств и насилий, учиненных вне границ этих земель»[47]. Чукотка непосредственно

---

[44] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 14.

[45] *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 256.

[46] *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 183.

[47] *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 142–143.

прилегала к российским американским владениям и рассматривалась как важный стратегический пункт.

В 1805 г. в виду правительства оказалось два проекта усиления российского присутствия на северо-востоке края. Матрос Балтийского флота А. Попов (представитель известной на Дальнем Востоке купеческой фамилии), проживший 6 лет на Колыме и Камчатке, предлагал устроить на реке Анадырь военный порт и использовать Охотскую военную флотилию, чтобы поставить под полный контроль Чукотский полуостров. Камчатский комендант П.И. Кошелев также призывал восстановить Анадырский острог, основать на американском берегу в заливе Нортон русскую крепость, чтобы с помощью военных судов усилить давление на чукчей[48]. Предупреждения были не напрасными – в 1806 г. чукчи разорили на Анадыре факторию РАК и убили 14 человек. Кошелев безуспешно еще несколько раз возвращался к этому вопросу, но ни у РАК, ни у царского правительства не нашлось ни сил, ни средств для организации постоянного военного и экономического присутствия здесь.

Очевидно, что такая противоречивость объяснима низкой экономической заинтересованностью России в северо-восточных владениях. С.Б. Окунь небезосновательно считал, что сбор ясака у чукчей в первой половине XIX в. имел скорее политический, нежели экономический смысл. Даже Камчатка, которая занимала третье, а иногда и второе место в Восточной Сибири в ясачном сборе, отмечал он, «как колония не имела для России экономического значения»[49]. Лейтенант флота Фофанов, посланный в конце 1820-х гг. в Гижигу, помимо своей главной миссии – определить место для нового расположения здесь селения – должен был ответить и на несколько принципиальных вопросов: когда начал заселяться Гижигинский край, какие при этом преследовались цели и есть ли от заселения края какая-либо польза? В своих ответах Фофанов демонстрировал широко распространенное понимание значения северо-восточных территорий для империи: «Политическую цель правительства я полагаю в следующем: а) дружественное сношение с диким народом, обитающим в краю, русских; б) сношение берегом с Камчаткою; в) торговля с прилегающими странами; г) привлечение северных инородцев к России и распространение чрез то владений российского императора». При этом он был вынужден констатировать превышение правительственных расходов над доходами, но признав при этом, что «если же

---

[48] *Мезенцев Е.В.* Военный флот играл важную роль. Морские силы России на Дальнем Востоке и в Русской Америке в начале XIX в. // Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 60.

[49] *Окунь С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 84, 117.

уничтожить поселение в крае, то от него произойдет разорение обывателям и неудовольствие инородцам, которые, приобвыкши к русским, будут поставлены в стеснительность и от сего произойдет прекращение сбора государственного ясаку»[50].

На новые крупные меры в Азиатско-Тихоокеанском регионе самодержавие в начале XIX в. так и не решилось, отклонив планы расширения торговой экспансии в Китай и Японию, территориального продвижения на юг американского материка или присоединения Гавайских островов. Курс на сдерживание дальневосточных инициатив, исходивших от частных лиц или местной сибирской и камчатской администрации, возобладал уже к началу 1820-х гг. В Петербурге отказались видеть перспективы в развитии Охотско-Камчатского края и готовы были позаботиться только о том, как бы сделать более дешевым снабжение продовольствием и другими жизненными припасами немногочисленное местное население.

Квинтэссенцией такого взгляда на Камчатку стала записка капитан-лейтенанта П.Ф. Кузьмищева, которую тот подал в Морской штаб в 1834 г., вернувшись после более чем пятилетней службы на Камчатке[51]. Судя по тому, что записка была передана на рассмотрение Сибирского комитета, она не показалась в Петербурге абсурдной. Записка носила красноречивое название «Соображения об изменении расходов государства на Камчатку». Разумеется, в условиях уже наметившейся тенденции Кузьмищев настаивал на том, что государство слишком много средств тратит на Камчатку, которая, писал он, «смею выразиться сравнением, похожа на чужеядное растение, которое привилось к России и живет и питается на ее счет». По его подсчетам расходы на Камчатку превосходили местные доходы более чем в четыре раза[52]. Но вместе с тем он признавал: «Отсечь и бросить ее жалко и нельзя». Нельзя же только потому, что ее могут занять другие.

П.Ф. Кузьмищев предложил отдать Камчатку и Гижигу «на определенных условиях и привилегиях какой-нибудь купеческой компании, подобно тому, как отданы Алеутские и Курильские острова, Северо-Восточный берег Сибири и Северо-Западная часть матерого берега Но-

---

[50] Цит. по: *Сильницкий А.* Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края, с 1819–1840 г. // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 62.

[51] В 1825 г. капитан-лейтенант П.Ф. Кузьмищев был назначен помощником камчатского начальника, а в начале 1830-х гг. командовал Тигильской крепостью. – *Болгурцев Б.Н.* Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. Владивосток, 1998. С. 108.

[52] Начальник Морского штаба – Сибирскому комитету (1 марта 1834 г.) // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 167. Л. 7–18. Общие расходы на «тихоокеанскую Сибирь» достигали до полумиллиона рублей ежегодно.

вого света Российско-Американской компании»[53]. В таком случае отпала бы сама собой необходимость иметь неудобный и дорогостоящий порт в Охотске и было бы упрощено и удешевлено государственное управление во всем Охотско-Камчатском крае. В качестве лучшего арендатора он называет РАК, разразившись страстным панегириком в ее адрес. Владения компании находятся рядом с Камчаткой, она долго имела на полуострове свои комиссионерства (упраздненные только в 1829 г.), снабжала камчатских жителей продовольствием и прочими товарами, активно занималась исследованием этой части Тихого океана. О возможности такой акции, добавлял Кузьмищев, свидетельствует передача РАК прав на управление Курильскими островами. При этом он указал, что его предложение не ново, схожую мысль высказывал в 1828 г. сенатор А.М. Корнилов, бывший сначала иркутским, а затем тобольским губернатором. Действительно, Корнилов тогда доказывал, что эта мера избавит казну от значительных расходов. По его мнению, в Охотско-Камчатском крае, хорошо защищенном самой природой, не нужны регулярные войска и будет достаточно иметь «милицейских ратников» или казаков, «долженствующих быть хранителями внутреннего порядка и повиновения народов Российскому скипетру, и оберегать сии дальние пределы, а с тем вместе способствовать умножению народонаселения»[54].

В правительственных кругах к записке Кузьмищева отнеслись внимательно, но Сибирский комитет, как и в 1829 г., оказался не готов пойти по этому пути, сдержанно отнесясь к перспективам расширения сферы деятельности РАК. Последовало заключение комитета, что «вверять охранение и управление Камчатского полуострова и Охотского края с Гижигою, т. е. всей Восточной границы империи, приморских портов, крепостей, обывателей российского происхождения и инородцев – торговому обществу, коего привилегии, по истечении известного срока, могут окончиться, и которое, по непредвиденным обстоятельствам, может прийти в упадок, Сибирский комитет признал мерою несовместною и неудобною»[55]. Но при этом высший государственный орган не предложил каких-либо мер по исправлению положения, справедливость оценки которого Кузьмищевым как бы молчаливо признавалась.

Утрата интереса к северо-восточным владениям империи отражала настроения части российского общества, потерявшего надежду найти в Сибири «золотое дно». В 1841 г. подобные взгляды развивал на страницах «Отечественных записок» Н.Б. Герсеванов, заявляя о полной бес-

---

[53] Начальник Морского штаба – Сибирскому комитету (1 марта 1834 г.) // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 167. Л.19.

[54] *Корнилов А.М.* Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 41–42.

[55] Журнал Сибирского комитета 21 мая и 9 июня 1834 г. // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 167. Л. 90.

перспективности Сибири, в которой «капиталы, ум и предприимчивость» будут только растрачены понапрасну. «Сибирь, питаясь соками России, – утверждал он, – сама мало оттого тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы»[56].

В связи с проблемами снабжения северо-восточных владений империи вопрос о возвращении России Амура поднимался уже в самом начале XIX в.[57] Управлявший долгое время Сибирью Г.Э. Штрандман в записке о ее нуждах (1801 г.) специально подчеркивал важность присоединения к России левого берега Амура, чтобы не только организовать по реке торговлю с Японией, Америкой и Ост-Индией, но и улучшить снабжение провиантом Камчатки и Охотского края[58]. Однако сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов в 1804 г. заметил, что «многие прожектируют о завладении Амуром, отчего обещают великие выгоды, но никто из них не доказал еще возможности произвести то в действо...» Селифонтов выставил два основных аргумента, которые будут затем повторяться в дебатах по поводу Амура в течение почти полувека: во-первых, удобна ли река к «судоплаванию», а ее берега к заселению и устройству крепостей, и, во-вторых, он опасался военного конфликта с Китаем[59]. В инструкциях графу Ю.А. Головкину в 1805 г. прямо говорилось о возможности использовать Амур для снабжения продовольствием Охотско-Камчатского края и Русской Америки[60]. Товарищ министра иностранных дел А. Чарторыйский в этой связи докладывал императору, что свободное плавание по Амуру «способствовать будет к оживотворению Камчатки, доставив кратчайший способ снабжать из России сей дикий край жизненными потребностями... Тогда надеяться можно, что заселится мало-помалу сия страна и подаст более средств к распространению торговли нашей с Японией и с Кантоном»[61]. В случае же неуступчивости китайцев послу было рекомендовано, помимо прочего, пугать усилением флота «на Восточном океане, укрепившись в Америке, Камчатке и Охотске», или, наоборот, тронуть их сердца чувством сострадания к жителям Камчатки и всего Северо-Востока Азии, «для снабжения которых съестными припасами и нужно России

---

[56] *Герсеванов Н.Б.* Замечания о торговых отношениях Сибири к России // Отечественные записки. 1841. Т. 14. С. 30.

[57] Об амурском вопросе в XVIII в. см.: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв. М., 1996. С. 221–231.

[58] Сибирь и ее нужды в 1801 г. (Записка Г.Э. Штандмана) // Русская старина. 1879. Т. 24. № 1. С. 156.

[59] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 228. Л. 52, 76.

[60] История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 255.

[61] Русско-китайские отношения в XIX в.: Сборник документов. М., 1995. Т. 1. С. 94.

плавание по Амуру[62]. Не случайно Головкин подготовил «Проект создания экспедиции для описания Камчатки и Курильских островов». Хотя посольство Головкина не добралось до Китая и не выполнило главной своей миссии, ему удалось организовать ряд экспедиций на восток и северо-восток. Одна из таких экспедиций под руководством И.И. Редовского направилась через Якутск для осмотра Охотска, Камчатки, Курильских и Алеутских островов. Однако, натолкнувшись на противодействие охотского начальника И.Н. Бухарина, экспедиция не имела успеха, а сам Редовский умер на Камчатке[63]. В 1828 г. российский МИД заинтересовался условиями судоходства по Амуру и восточно-сибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский, основываясь на местных данных, подготовил по этому поводу записку, но дело так и не продвинулось вперед. В петербургских правящих кругах опасались политических осложнений в российско-китайских отношениях, могущих отрицательно сказаться на кяхтинской торговле. В 1830 г., М.М. Геденштром вновь напомнил, что Сибири крайне необходим свой «выход», а он возможен лишь через Амур. Только Амур, объяснял он, «может преобразовать весь вид Сибири, и из обширной пустыни превратить ее в страну богатейшую»[64].

С 1820-х гг. Чукотский полуостров начинает активно привлекать американских торговцев и промышленников. Влияние американцев на чукчей было неоднозначным. Если реже контактировавшие с американскими торговцами «оленные» чукчи, жившие в глубине полуострова, предпочитали говорить о «добрых» американцах, то «береговые» чукчи надеялись, что далекий и могущественный «белый царь» сможет защитить их от произвола американских промышленников. В 1810 г. РАК восстановила свою факторию на Чукотке, а в 1830 г. основало промысловое селение в устье реки Анадырь, которое стало главным центром пушной торговли на полуострове. С большим запозданием, только в 1846 г. компания организовала регулярные рейсы в устье реки Анадырь[65].

Предпринимаются в первой половине XIX в. и меры по изучению и закреплению за Россией Сахалина и Курильских островов. Миссия Н.П. Резанова в отношении Японии закончилась провалом[66]. Антияпон-

---

[62] О посольстве в Китай графа Головкина // ЧОИДР. 1857. Т. 4. С. 50.

[63] Русский биографический словарь. СПб., 1910 (Притвиц – Рейс). С. 534.

[64] *Геденштром М.М.* Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 14.

[65] Очерки истории Чукотки с древнейших времен. Новосибирск, 1974. С. 109.

[66] *Высоков М.С.* История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. С. 46–47. Участник морской экспедиции И.Ф. Крузенштерна Е.Е. Левенштерн записал в дневнике: «Резанов, несомненно, опять строит воздушные замки и хочет завоевать Сахалин и отомстить японцам». – Цит. по: *Комиссаров Б.Н., Шаркова И.С., Шафрановская Т.К.* Е.Е. Левенштейн о пребывании участников перво-

ский вооруженный демарш на Сахалине в 1806–1807 гг. российских кораблей «Юнона» и «Авось» под командованием Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова вызвал ответные действия Японии. Впрочем, ситуацию спасло то, что Япония, занятая внутренними проблемами и вскоре убедившаяся в отсутствии реальной угрозы с севера, также не проявляла особой активности. С нормализацией российско-японских отношений обе стороны вплоть до середины XIX в. теряют интерес к Сахалину[67]. В 1816 г. И.Б. Пестель рекомендовал отложить задачу установления отношений с Японией до более благоприятных времен, и едва наметившиеся связи были прерваны почти на полвека[68]. РАК же не смогла реализовать и дарованных ей в 1808 г. прав на устройство российских поселений и ведения промысловой деятельности на Сахалине. Курильские острова, которые также были переданы в ведение РАК, не стали объектом сколько-нибудь интенсивного хозяйственного освоения. Некоторое оживление интереса к Курилам в 1820-е гг. было кратковременным и малорезультативным. Вопрос о разграничении островов между Россией и Японией продолжал оставаться открытым, хотя фактическая граница была проведена между островами Уруп и Итуруп[69], но главной заслугой РАК было уже то, что она столь длительное время сохранила острова за Россией[70].

Неудачи посольства Ю.А. Головкина и кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна, а также миссии Н.П. Резанова в начале XIX в. привели к осознанию, что столь грандиозные задачи требуют более значительных средств, которые в данный период Россия не может выделить для дальневосточного региона. В правительственных кругах сознают, что столь грандиозные задачи требуют более значительных средств, которые Россия в данный момент не может выделить для региона, будучи серьезно отвлечена европейскими делами и войнами с Турцией и Ираном. Как заметил Ф.Ф. Вигель: «Европа поглощает все внимание правительства, и ему мало времени думать об азиатских выгодах»[71]. Без надежной экономической базы в самом регионе российский тихоокеанский флот не имел перспектив для своего развития. Низкая торговая активность России на Дальнем Востоке, длинные и дорогостоящие коммуникации, а также неясные экономические перспективы обусловили

го русского кругосветного плавания на Камчатке в 1804–1805 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Т. 1. С. 341.

[67] *Стефан Д.* Сахалин. История // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 2. С. 30–31.

[68] *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений XVI–XIX века. М., 1999. С. 174.

[69] *Шубин В.О.* История поселений российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3. С. 12–64.

[70] *Шубин В.О.* История поселений РАК на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3. С. 12–64.

[71] *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 186.

слабую поддержку действий местной администрации и моряков со стороны центрального правительства. Активность европейских держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе также не была столь велика в 20–30-е гг. XIX в., чтобы внушать серьезные опасения за прочность российских владений. В этих условиях о крае фактически забыли более чем на два десятилетия.

Камчатка все больше теряла свое значение. Посетивший ее в 1824 г. О.Е. Коцебу сочувственно сетовал: «Подобно некоторым людям, этот полуостров не заслужил своей дурной славы». Петропавловск со своей прекрасной гаванью показался мореплавателю, посетившему во время кругосветного путешествия многие колониальные порты, до горечи убогим: «В городе имеется всего два-три дома с некоторыми удобствами. Остальные дома, числом около пятидесяти, представляют собой хижины, беспорядочно разбросанные по склону горы. Все жители города – русские. Это государственные служащие, солдаты в отставке, матросы, мелкие торговцы». Жизнь на полуострове как бы замерла. «С тех пор, как Крузенштерн двадцать пять лет назад описал Камчатку, она мало изменилась..., – сравнивал свои впечатления с записками предшественников Коцебу. – Единственные перемены к лучшему, пожалуй, состоят в том, что жители Петропавловска начали возделывать картофель, а цены на различные товары и жизненно необходимые припасы уже не так несоразмерно высоки, как прежде, когда их посылали сушей до Охотска и только оттуда отправляли морем. Теперь они перевозятся от начала до конца морским путем»[72]. Прибытие судна в Охотск или на Камчатку в 1830-х гг. составляло главное событие для местных жителей[73].

В связи с угасанием интереса в Петербурге к Дальнему Востоку и возобладанием пассивной охранительной политики, Охотско-Камчатский край выпал почти на три десятилетия из зоны правительственного внимания. Вплоть до середины XIX в. влиятельным оставался взгляд на Сибирь, особенно на ее восточную часть, как на огромный географический барьер, отделяющий не только Россию, но и весь европейский мир от грозного нашествия азиатов. Северный и восточный океаны, не обладая выгодами для торговли, своей труднодоступностью обеспечивали внешнюю безопасность империи, предоставляли России цивилизационную возможность сосредоточить свои усилия на западном и южном направлениях, не превратиться в «вечно неизменный» Китай. Считалось,

---

[72] *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. М., 1981. С. 183. Прослуживший 12 лет в Охотско-Камчатском крае Э.И. Стогов замечал с грустью: «Все бедно, все мелко, но это Камчатка – 12 тысяч верст от Москвы». – Записки Э.И. Стогова // Русская старина. 1903. № 3. С. 462.

[73] *Завойко В.С.* Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света. Сочинения лейтенанта В.З. СПб., 1840. Ч. I. С. 73.

что уже этим далекие и пустынные северо-азиатские территории приносят огромную пользу, иначе таким огромным государством было бы просто невозможно управлять[74].

Без дальнейшего же изучения природных ресурсов, хозяйственного освоения, заселения русскими, установления надежных связей если не с метрополией, то хотя бы с Восточной Сибирью, регулярного снабжения продовольствием и другими товарами Охотско-Камчатский край никогда не станет базой для российского военного и торгового флота. Затруднительность и длительность сухопутного пути через Сибирь оставались серьезным препятствием и для развития кораблестроительства на Дальнем Востоке. Построенные в Охотске суда были небольшими и не отвечали требуемым мореходным качествам для плавания в Тихом океане. В качестве альтернативы была выдвинута идея снабжения дальневосточных владений морским путем из европейских портов России. Но кругосветные экспедиции не могли быть частыми и к тому же являлись весьма дорогостоящими предприятиями. Не решилось самодержавие и на расширение доступа иностранцев в Охотско-Камчатский край. Признание стратегического значения российских берегов Тихого океана соседствовало с фактическим отсутствием со стороны центра адекватных мер по усилению флота и колонизации прибрежных территорий. Пассивность российской политики на Дальнем Востоке была чревата утратой позиций России в Тихоокеанском регионе и снижением ее влияния в Китае. Появилась реальная опасность и для дальневосточных территорий империи. Возможный захват Камчатки и устья Амура иностранцами грозил тяжелыми экономическими и политическими последствиями для всей Сибири, мог нанести ощутимый удар престижу Российской империи не только в Азии, но и в Европе.

[74] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 24, 42.

1.2. Охотско-Камчатский край в тисках управленческих противоречий

«Охотский, т.е. восточнейший край Сибири, известен Государству только во всех своих нуждах, но не в средствах к устранению этих нужд».

А.П. Баласогло[1]

К началу XIX в. система управления Охотско-Камчатским краем оставалась довольно простой, что объяснялось незначительностью здесь русского населения и несложностью правительственных задач, которые сводились к сбору ясака с коренных народов и снабжению продовольствием немногочисленных чиновников и военных. Указом 2 марта 1783 г. была образована Охотская область из четырех уездов: Охотского, Гижигинского, Акланского и Нижнекамчатского. Общее руководство краем сосредоточивалось в руках охотского и камчатского комендантов (переименованных в 1800 г. в городничих), которым были приданы казачьи отряды. К началу XIX в. существовали Охотская, Нижнекамчатская, Петропавловская гавани, Большерецкий острог, Тигильская крепость и Верхнекамчатский острог с городовыми казачьими командами, не имевшими какого-либо специального обмундирования и снаряжения, с оружием зачастую устаревшим и неисправным[2]. Резиденция камчатского городничего тогда же была перенесена из Большерецка в Нижнекамчатск. Города Охотско-Камчатского края (Охотск, Гижигинск, Петропавловск, Верхнекамчатск) представляли собой небольшие поселения по нескольку сот жителей. В самом крупном из них – Охотске – проживало 1 300 чел.[3] В 1819 г. в Гижигинске насчитывалось всего 657 чел., которыми управляли комиссар и его помощник. Кроме этого в Ямске и Тауйске находились смотрители. Всего же в Гижигинском уезде проживало 1 024 души обоего пола. Городские поселения были в основном военно-административными центрами. В 1782 г. военно-бюрократическое население в Охотске составляло – 95,01 %, в Гижигинске – 99,23 %, в Нижнекамчатске – 58,35 % от всех жителей[4].

---

[1] [*Баласогло А.П.*] Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина // ЧОИДР. 1875. Кн. 2. С. 173.

[2] *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. С. 39–40.

[3] *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 35, 37, 190.

[4] *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 31.

Край оставался в восприятии жителей России и Европы «царством холода и голода». «Даже самое имя Камчатка, – свидетельствовал И.Ф. Крузенштерн, – выговаривается со страхом и ужасом». Хотя, добавлял тот же Крузенштерн, ни отдаленность края, ни его климатические условия не оставляют безнадежным дело его освоения, и на Камчатке «можно бы жить столько же хорошо или еще лучше, нежели во многих других провинциях России»[5]. Отдаленность, труднодоступность, неблагоприятные климатические условия объективно сдерживали освоение края. Русских в начале XIX в. в крае насчитывалось всего около 5 тысяч чел. (из них на Камчатке не более полутора тысяч)[6]. Крестьянское переселение находилось в зачаточном состоянии: по официальным данным, в Охотском округе проживало в начале века всего 57 податных крестьянских душ[7]. На Камчатке было всего два относительно крупных крестьянских поселения: Ключевское и Мильково, а крестьянское население составляло 460 душ. Край был не в состоянии обеспечить себя продовольствием, прежде всего хлебом. Неоднократные попытки завести хлебную пашню не имели успеха, и местное население жило под постоянной угрозой голода. Русское население Камчатки оказалось неспособным организовать рыболовный и охотничий промыслы. Для заготовки рыбы в крае не хватало соли, которая стоила здесь в 100–150 раз дороже, чем в Иркутске. Как вспоминал И.Ф. Крузенштерн, подарок в несколько фунтов соли ценился очень высоко[8]. После бунта и бегства с Камчатки в 1771 г. ссыльных во главе с М. Беньовским «штрафная» колонизация полуострова фактически прекратилась. Подводя печальный итог русской колонизации Камчатки, В.М. Головнин заключал: «Прежние казаки и промышленники все или умерли, или состарились, солдаты же нынешние охотнее выменивают у пьяных камчадалов их промыслы на водку, нежели сами ими занимаются»[9]. Не получили развития в их хозяйствах ни животноводство, ни огородничество. У некоторых солдат были свои дома, они занимались перевозкой грузов, охотились, имея годовой доход от 300 до 500 руб. Но их экономическое положение не улучшалось, причиной чему, как заключал Головнин, было неумение разумно потратить полученные деньги, пьянство, невозможность завести семью.

---

[5] *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976. С. 267–269.

[6] *Сергеев В.Д.* Страницы истории Камчатки (Дореволюционный период). Петропавловск-Камчатский, 1992. С. 96.

[7] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

[8] *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 271.

[9] [*Головнин В.М.*] Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 гг. М., 1961. С. 294.

Численность коренных жителей (ительменов, коряков, эвенков, эвенов, якутов, эскимосов и др.) в первой половине XIX в. едва достигала 15 тысяч чел., разбросанных на громадном пространстве почти в 1 млн кв. км. И это без Чукотского полуострова и его жителей, вхождение которых в состав Российской империи все еще оставалось проблематичным. Управление коренными народами определялось «Положением о выборе иноверческих начальников и права их», составленном иркутским губернатором Н.И. Трескиным в 1812 г.[10] Меры административной регламентации в правительственной политике сочетались с попечительством, определяемым заботой о сохранении возможности сбора ясака пушниной и защиты «диких» народов от ограбления и спаивания водкой частными лицами. Непосредственное управление коренным населением осуществляли родовые начальники (тойоны), власть которых была довольно обширна и часто передавалась по наследству. Тойон прежде всего обязан был следить за сбором ясака, отбирая для этого лучших соболей и сдавая затем лично областному начальству. Помимо ясака, на аборигенное население была возложена разорительная повинность по перевозке военных, чиновников и грузов, что превратило их в «бессменных каюров». Разъезды чиновников по стойбищам аборигенов требовали большого количества ездовых собак. Не случайно управлявший в 1784–1789 гг. краем охотский комендант Г.А. Козлов-Угренин был прозван камчадалами «собачьей язвой».

Одной из важных управленческих задач оставалась организация почтовой службы. Почтовый тракт Якутск–Петропавловск, протяженностью в 4 855 верст, проходил через Охотск, Гижигинск, Тигиль и Нижнекамчатск. Поддержание почтовой связи требовало задействовать почти все притрактовое население[11]. Хотя почтовое сообщение и было в это время уже регулярным, но письма из Петербурга до Охотска шли не менее 7 месяцев[12]. Для того чтобы доехать из Иркутска в Охотск, нужно было спуститься вниз по течению реки Лены до Якутска, а затем двигаться по Охотскому тракту, который фактически представлял собой караванную тропу. Из Охотска на Камчатку летом следовали морским путем, а зимой – по северному побережью Охотского моря, через Гижигу. Добираться сухопутным путем было и трудно, и опасно. В.М. Головнин вспоминал о своем путешествии зимой 1813–1814 гг., когда он 2 декабря выехал на собаках из Петропавловска и только 11 марта прибыл в Охотск, затем на собаках, оленях и лошадях добирался до Якут-

---

[10] *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986. С. 32.

[11] *Высоков М.С.* Камчатская почта в XIX столетии // История культуры Дальнего Востока России XVIII – начала XX в. Владивосток, 1996. С. 22–23, 25.

[12] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. С. 7.

ска, на исходе апреля приехал в Иркутск, а в Петербург прибыл только 22 июля. По свидетельству Головнина, почта зимой приходила на Камчатку всего три раза, а из Охотска в Петербург один раз в месяц[13]. Морской путь из Кронштадта на Дальний Восток был также долгим и нерегулярным (дорога только в один конец занимала около года).

Еще одной важной коммуникационной проблемой стало снабжение размещенных на побережье Тихого океана немногочисленных воинских гарнизонов и чиновников, а также продовольственная помощь коренным жителям Охотско-Камчатского края в голодные годы[14]. Насколько оперативно действовала местная администрация в экстренных случаях, может свидетельствовать следующий эпизод. В 1815–1818 гг. в Гижигинском крае разразился голод, дело дошло до случаев, когда местные жители питались трупами. Помощь из Охотска катастрофически запоздала. Охотский начальник М.И. Миницкий был занят управлением Якутской областью, а замещавший его лейтенант Якушкин оказался неспособным организовать своевременную доставку продовольствия. В Иркутске же о голоде узнали только в 1817 г. В январе 1819 г. в Гижигу из Иркутска с особой миссией направили лейтенанта флота князя А.Е. Шаховского. Тогда же решено было разместить в крае земледельцев, поселив их вдоль тракта. Прошло еще два года, и в 1821 г. уже новый сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский получил разрешение из Петербурга водворить поселенцев между Ямском и Гижигой. Однако дело тянулось до 1829 г., когда выяснилось, что эта затея потерпела полный провал. Несмотря на значительные казенные затраты, удалось разместить здесь только 28 душ, которые так и не смогли завести собственного хозяйства. Впоследствии их были вынуждены выселить из Гижигинского края[15].

---

[13] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 35–36, 296. Служивший в Охотско-Камчатском крае Э.И. Стогов вспоминал, что почта в Иркутск приходит почти каждую неделю, в Якутск – каждые две недели, в Охотск – каждый месяц, на Камчатку – только один раз летом и иногда, случается, привозят зимой. – *Стогов Э.И.* Записки // Русская старина. 1903. № 3. С. 466.

[14] О полной зависимости Охотско-Камчатского края от снабжения извне всем необходимым может свидетельствовать следующий почти анекдотический факт, хотя и имевший большое значение для местного населения в деле сохранения столь трудно доставляемого продовольствия. В 1808 г. из Якутска сообщили министру внутренних дел князю А.Б. Куракину о выполнении его поручения: «Сверх отправленных из Якутска в Камчатку вследствие почтеннейшего отношения ко мне Вашего сиятельства от 22 декабря прошлого 1807 года 30 кошек, о которых известил я вам, Милостивый государь, от 25 сего минувшего июля, якутским градским главой Соловьевым еще оных набрано 30, кои чрез тамошнего областного начальника и отосланы в Охотск. О чем имею честь Вашему сиятельству донести». – ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 296.

[15] *Сильницкий А.* Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края, с 1819 по 1840 г. // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 28–53.

Некоторое оживление в Охотско-Камчатском крае, связанное с новым азиатско-тихоокеанским курсом правительства на рубеже XVIII–XIX вв., сопровождалось переменами в административной политике и усилением воинского контингента. В 1799 г. на Дальний Восток был перемещен полк под командованием полковника Сомова и дополнительно направлена команда моряков и строителей под началом капитан-лейтенанта И.Н. Бухарина, который и возглавил управление морской частью в Охотске в 1801 г. Устройством нового порта на Тихом океане в заливе Алдома (впрочем, неудачно) занялся контр-адмирал И.К. Фомин, ставший в 1803 г. главным командиром Охотского порта.

Увеличение численности войск обострило и без того непростую продовольственную проблему. Для ее решения надо было ускорить хозяйственное освоение края, создать собственную продовольственную базу, выяснить возможности края для земледелия и скотоводства, улучшить систему коммуникаций за счет устройства новых трактов и портов. Все это требовало значительного притока населения, однако непонятно было, как доставить и чем снабжать его в первое время. Таким образом, в освоении края правительство оказалось как бы в замкнутом круге, не зная, с чего начать. Пока же, по предложению иркутского губернатора Б.Б. Леццано, решили перевести камчатский батальон на положение военных поселян по примеру ладмилицейских полков[16].

Прибытие в край новых гражданских и военных начальственных лиц не улучшило управление, а, напротив, привело к затяжным конфликтам между ними. Причины столкновений крылись не только в неясностях властных компетенций, ведомственной принадлежности, личной неприязни или недостатке контроля из Иркутска, где размещалось главное сибирское начальство в лице сибирского генерал-губернатора и иркутского губернатора. Главное заключалось в нежелании делиться доходами с подвластного населения и поборами с купцов и промышленников. В.М. Головнин свидетельствовал, что существовал «тайный тариф», которым облагалось местное купечество.

Получив за успешный переход в Охотск звание капитана 2 ранга, И.Н. Бухарин отказался подчиниться охотскому коменданту Пирожкову. Пришлось в 1800 г. должность коменданта упразднить. Гражданское управление перешло к городничему Матусевичу, а морскими делами, главными в портовом городе, ведал Бухарин. В 1805-1806 гг. Бухарин привел в Охотск еще один отряд численностью в 173 чел., совершив переход из Петербурга всего за 101 день. В 1806 г. он был произведен в капитаны 1 ранга и стал фактическим хозяином в Охотске.

Произошли персональные перемены и в управлении Камчаткой. Вскоре вместо Сомова нижнекамчатским комендантом был назначен

---

[16] *Сафронов Ф.Г.* Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958. С. 81.

генерал-майор П.И. Кошелев, у которого не сложились отношения с РАК, чьи позиции в крае были чрезвычайно сильными. Если Фомин и Бухарин покровительствовали компании, то Кошелев занял принципиально иную позицию. Он обвинил РАК в захвате в Охотско-Камчатском крае в свои руки всей торговли, что привело к неоправданной дороговизне товаров и притеснению мелких купцов. Агентов компании Кошелев называл не иначе как «людьми подлыми, низкими, непросвещенными, к хищению и корысти жадными, ко всем злоупотреблениям и беспорядкам склонными и производящими там все возможные несправедливости»[17]. Впрочем, как служащие РАК, так и чиновники с выгодой пользовались этой неразберихой в отношениях государственных властей и компании. По этому поводу В.М. Головнин заметил, что «лихоимство теперь у нас сделалось всеобщим побуждением во всех присутственных местах и между всеми судьями, а особливо в сибирских губерниях, куда все почти чиновники идут служить для взяток, а потому и делают они компании разные притеснения, чтобы заставить комиссионеров ее порядочно им платить; притом и служащие компании, пользуясь слабостию, с какою исполняются у нас законы, употребляют во зло доверенность компании...»[18].

Изменившаяся политическая ситуация и столкновения местных начальственных лиц и служащих РАК поставили на повестку дня вопрос о реформировании управления Охотско-Камчатским краем. В 1803 г. по указанию Александра I был образован специальный комитет, в состав которого вошли морской и военный министры, министр коммерции и сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов. Создание комитета сопровождалось специальным царским повелением, согласно которому следовало рассмотреть донесения нижнекамчатского коменданта генерал-майора Кошелева о царящих в крае злоупотреблениях и предложить меры по исправлению сложившегося там положения. В своих обращениях в Петербург Кошелев предлагал объединить власть в Охотско-Камчатском крае в одних руках и ограничить влияние РАК. Однако члены комитета согласились с ним лишь частично, не желая покушаться на права компании. Результатом деятельности комитета стал указ 11 августа 1803 г. «Об устройстве областного правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске»[19]. Управление Охотском и Камчаткой осталось раздельным, но с повышением в статусе камчатского началь-

---

[17] Доклад министров коммерции, военного, внутренних дел, товарища морского министра и тобольского и иркутского генерал-губернатора // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3957. Л. 7.

[18] Записка капитана 2 ранга Головнина о состоянии Российско-Американской компании в 1818 г. // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. С. 98.

[19] ПСЗ-I. № 20889.

ника, который теперь стал главой Камчатской области, хотя и без губернаторского звания. Его полагалось теперь именовать «правителем области Камчатской и комендантом Верхнекамчатска, не полагая, впрочем, никакого для него классу и определяя ему жалованье и столовые деньги, сообразно чину и заслугам»[20]. Он должен был непосредственно подчиняться сибирскому генерал-губернатору и действовать на основании полученной от последнего специальной инструкции. Камчатскому начальнику подчинялись областное правление, состоящее из судьи, исправника и двух заседателей, а также размещенные в области войска. Камчатский батальон состоял из пяти рот, из которых четыре находились на Камчатке на ландмилицейском положении, а пятый в Гижиге – на гарнизонном полевом содержании. Всего военных и гражданских чиновников на Камчатке насчитывалось не более 20 человек, тогда как все население Камчатской области составляло около 3 700 душ, большинство из которых, как отмечалось в официальном документе, «ясашные, судящиеся по собственным своим обыкновениям»[21]. В Гижигинске учреждался пост комиссара, должность которого с 1804 г. вводилась одновременно по всей Сибири.

Административным центром новой области стал г. Верхнекамчатск без ярко выраженной морской направленности и с традиционной ориентацией на сбор ясака с аборигенов и попытками наладить снабжение войск за счет местных продовольственных ресурсов. По поводу новой камчатской столицы В.М. Головнин заметил: «Что такое Верхнекамчатск – город, село или острог, по-здешнему сказать? Я, право, не знаю. Церковный причт, несколько мещан и отставных унтер-офицеров, солдат и казаков, составляют непременных жителей сего места. Временные состоят из небольшого отряда Камчатского гарнизонного батальона. Отрядом сим при нас командовал унтер-офицер. Он же градоначальником здесь был, управлял тем местом на основании городничего»[22]. Не в лучшем положении была и другая старая камчатская крепость – Тигиль. От крепости, вспоминал Э.И. Стогов, к началу 1820-х гг. не осталось уже и следа, хотя там и сохранялся комендант из флотских офицеров, при котором состояли 12 казаков. Э.И. Стогов с грустью описывал тяжелое положение камчатских казаков: «Больших патриотов, как эти казаки, я не видал во всю мою жизнь. Сын казака, достигнув 18–20 лет, зачисляется на службу, присягает и служит верою и правдою 25–30 лет, получает солдатский паек хлеба и то не всегда полный – более ничего. Одежды, жа-

---

[20] Доклад министров коммерции, военного, внутренних дел, товарища морского министра и тобольского и иркутского генерал-губернатора // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3957. Л. 13.

[21] Там же. Л. 7.

[22] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 288.

лованья казак не получает. Обязанности его службы неограниченны – он в полном и безотчетном повиновении ближайшего начальника. Казаки отапливают все казенные здания, обязаны иметь собак для гоньбы и для командировок. Летом казаки ловят рыбу для начальника и обрабатывают его огороды, словом, казак на службе – раб»[23].

Петропавловский порт находился в самом жалком положении. Прибывший сюда в 1804 г. И.Ф. Крузенштерн писал, что он походил на «колонию, поселенную только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, что заставило помыслить, что издавна место сие населяют европейцы. Залив Авача и другие три, к нему принадлежащие, совершенно пусты. Прекрасный рейд Петропавловского порта не украшается ни одною лодкою»[24]. В Петропавловске Крузенштерн нашел только два дома, в одном из которых жил комендант майор Крупский, а в другом – два офицера. Из 180 жителей было не более 25 женщин. При зимовке в порту кораблей число жителей могло увеличиваться до 300, но и это были все мужчины. В связи с этим среди русского населения было мало детей. Еще один наблюдатель, В.М. Головнин, пораженный убогостью камчатских поселений, писал: «Трудно, я думаю, найти страну на земном шаре уединеннее, скучнее и, можно даже прибавить, так сказать, голоднее Камчатки...»[25].

Управление в Охотске было решено оставить на прежних основаниях, отложив вопрос до определения места для устройства нового порта на тихоокеанском побережье и преобразования всего сибирского аппарата. Охотскому морскому начальнику поручалось руководство портом, в помощь назначались секретарь и комиссар на правах земского исправника. Охотский комендант обязан был организовывать своевременную доставку провианта на Камчатку, при этом запрещалось использовать казенные суда для перевозки грузов РАК. Охотская рота солдат переименовывалась в морскую, а удская рота переводилась на положение ландмилиции. Всем служащим в Охотско-Камчатском крае полагалось двойное жалованье и продовольственное обеспечение. Как и камчатский начальник, охотский комендант оказался в двойном подчинении: в центре – Морскому министерству, а в Сибири – генерал-губернатору и иркутскому губернатору. Сложными оставались у охотского и камчатского начальства отношения с РАК, чье влияние в регионе сохранялось по-прежнему.

По указу 22 апреля 1805 г., разделившему Иркутскую губернию на новые уезды, к Охотскому порту был причислен Охотский уезд, а Буха-

---

[23] *Стогов Э.И.* Указ. соч. С. 471–472.

[24] *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 267.

[25] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 268.

рин стал и его главой, прославившись своим деспотизмом и злоупотреблениями. Как уездный начальник и начальник порта он получил право самостоятельно карать за маловажные преступления до 50 ударов и прогонять сквозь строй через 500 чел., чем широко пользовался. Известны случаи, когда приговоренных к телесным наказаниям засекали насмерть. Бухарин вымогал с купцов взятки, сумма которых составила более 12 500 руб.; через подставных лиц торговал водкой и другими товарами, используя при этом казенный транспорт. Особенно доходным было сотрудничество Бухарина с РАК. Он продолжал оказывать компании покровительство, отправляя ее грузы на казенных судах. Непокорных Бухарин ссылал на каторжные работы на Охотский солеваренный завод. Чтобы не допустить утечки информации о своих бесчинствах, он поставил под личный контроль почту[26].

Возмущенная преследованиями Бухарина, часть морских офицеров и примкнувших к ним гражданских чиновников отказались подчиняться. В числе шестнадцати непокорных офицеров оказался и мичман В.И. Штейнгейль. Будущий декабрист вспоминал, что «нашел в Бухарине высокомерного начальника, от которого все кричало – и служебное, и частное. Первые жаловались на жестокости, вторые – на притеснения и грабительство»[27]. Бухарин срочно предпринял ответные меры. Майор И.И. Галяминский, которого Бухарин считал главой заговора, был обвинен в неповиновении начальству и подстрекательстве морской команды. Дело дошло до того, что в ноябре 1806 г. была предпринята попытка насильственно свергнуть охотского начальника. Сам Бухарин сравнивал это происшествие с дворцовым переворотом, когда ночью был «взят сонный... опечатан и наипостыднейшим образом отрешен от должности». При этом арестовавшие его морские офицеры, дабы придать гласность своим действиям, «привязав на длинный шест сделанную поносительную и оскорбительную вывеску, возили ее по городу, останавливаясь перед окном пребывания Бухарина и, наконец, повесили над тем окном»[28]. Капитан-лейтенант Л. Башуцкий, сторонник свергнутого камчатского коменданта, даже подозревал не в меру разгулявшихся офицеров в покушении и на его жизнь, высказывая опасения, как бы их безобразия не подали повода к бунту. Правда, уже в 1806 г. возникли серьезные трения между Бухариным и Башуцким. В.И. Штейнгейль, который в свое время пострадал от Башуцкого, писал 4 августа 1806 г. одному из директоров РАК Е.И. Деларову: «Я думаю, не есть ли сие рука

---

[26] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 4–6.

[27] *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 103.

[28] Цит. по: *Эндаков Д.Н.* Русский флот на Тихом океане (XVII–XX вв.). Владивосток, 1989. С. 45.

Провидения, наказующая его за малое прежде расположение его к добру! Бухарин, не взирая ни на какие предписания об увольнении его, по прежней злобе держит его здесь, мучит – тем доволен»[29]. О той неразберихе, которая царила в те годы в дальневосточной политике, можно судить и по действиям Бухарина, который арестовал в Охотске морских офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова за их самовольные действия на Сахалине против японцев. Однако они смогли бежать из-под ареста и нашли защиту в Иркутске.

Когда же Башуцкий смог покинуть Охотск, в Иркутске произошли важные изменения. Новым генерал-губернатором стал И.Б. Пестель, и покровительствовавший Бухарину фаворит И.О. Селифонтова Бакулин оказался не у дел. Пестель потребовал от Морского министерства снять Бухарина[30]. В июне 1808 г. Бухарин был арестован и отправлен в Иркутск, где всячески пытался затянуть следствие: то сказывался больным, то заявлял о своем недоверии к судьям, то вообще симулировал помешательство в рассудке. По распоряжению Пестеля его в 1811 г. отправили в Петербург в сопровождении конвоя и подводы, на которой лежало до 70 дел с описанием злоупотреблений. В Петербурге следствие длилось еще 8 лет, и только 19 июля 1809 г. был вынесен приговор: «Взыскать все казенные убытки и уволить от службы, так как он оказался виновным в излишней строгости, в жестокости и в приеме подарков, освободив затем от суда на основании манифеста 2 апреля 1801 г.». Видимо, не обошлось без влиятельных покровителей. Иркутский губернатор Н.И. Трескин подозревал в протекции правителя канцелярии морского министра Устимовича.

Но на этом дело не закончилось. Оказалось, что лихоимство не подходит под амнистию. Окончательный приговор 5 февраля 1819 г. оказался более суровым: лишить чинов и орденов, взыскать 142 тыс. руб., сослать в Сибирь на поселение, где Бухарин и пробыл до 1830 г.[31] Однако главная причина отставки Бухарина и суда над ним, как справедливо заметил Д.Н. Эндаков, заключалась не во взяточничестве и даже не в злоупотреблении властью, чем грешили начальники на окраинах империи и до, и после Бухарина, а в несогласованности действий местных и центральных властей и особых интересах, которые преследовала в регионе РАК[32]. Вина Бухарина лишь усугубилась личными качествами и открытым столкновением с иркутским начальством, которое требовало от него покорности.

---

[29] *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 273, 327.

[30] И.Б. Пестель – морскому министру П.В. Чичагову (27 февр. 1807 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4653. Л. 21.

[31] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 8–9; *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 197.

[32] *Эндаков Д.Н.* Указ. соч. С. 46.

Впрочем, на этом охотские беспорядки не прекратились. Уже в одном из первых своих рапортов в Морское министерство 7 июля 1809 г. новый охотский начальник капитан-лейтенант (вскоре получивший чин капитана 2 ранга) М.И. Миницкий[33] писал, что надеялся, что будет подчинен только Адмиралтейств-коллегии и сибирскому генерал-губернатору. «Я не токмо не мог предвидеть, – сетовал он, ощутив опеку иркутских чиновников, – для себя столь запутанной и ответственной должности, со всем по роду службы до сего мною продолжаемой не принадлежащей, но полагаю, что и начальству моему неизвестно таковое угнетительное положение портового здесь начальника»[34]. Будучи морским офицером, он слабо представлял особенности гражданского управления и просил избавить его от непосредственного заведования им. Но воинская и гражданская части управления были перемешаны до такой степени, «что никак невозможно видеть никакому делу ни начала, ни конца». Именно в этом и заключалась главная управленческая специфика Охотско-Камчатского края, где военные и гражданские задачи тесно переплетались и не могли существовать обособленно.

Как и многие местные начальники, Миницкий вскоре попал в межведомственные тиски, существовавшие в условиях отсутствия единства в правительственных действиях на всех уровнях власти. Уже в 1812 г. сибирский генерал-губернатор вынужден был разбирать конфликт между охотским начальником и местным форштмейстером Крузе, в чьем ведении находилось управление лесным хозяйством. В связи со смертью в 1816 г. гижигинского комиссара Пшеницына Крузе в течение пяти лет по совместительству исполнял и его обязанности. Министерство финансов настаивало на управленческой самостоятельности лесного дела. Пестель, сам решительно боровшийся с вмешательством министерств в сибирское управление, считал это совершенно невозможным, заявляя, «что оставление охотского форштмейстера вне всякой зависимости от тамошнего начальника было бы несообразно ни с порядком службы, ни с местными обстоятельствами»[35]. В конечном итоге, не нашли ничего лучше, как в 1821 г. эту должность упразднить, заявив, что лесов много, а населения мало, поэтому за истребление корабельных лесов не стоит опасаться[36]. Миницкий, быстро освоившись с местной спе-

---

[33] О нем см.: *Алексеев А.И.* Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 108-115.

[34] *Рапорт М.И.* Миницкого морскому министру П.В. Чичагову (7 июля 1809 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3977. Л. 22; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 10.

[35] И.Б. Пестель – морскому министру маркизу И.И. де Траверсе (4 апр. 1813 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3990. Л. 9-10.

[36] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 14.

цификой, настаивал теперь уже на сосредоточении всей власти в Охотске в своих руках и ссылался на сложность управления гражданскими и военными делами, а также на трудности со сбором ясака, снабжением продовольствием, наблюдением за трактами, почтовыми станциями, питейным откупом и т.п.

Из-за недостатка чиновников Миницкому в 1815 г. было поручено управлять Якутской областью, что заставило его выехать из Охотска, хотя он продолжал еще несколько лет оставаться охотским начальником, и руководить отправкой транспортов на Камчатку. Непосредственно Охотским портом было поручено руководить лейтенанту кн. А.Е. Шаховскому, много сделавшему для описания Охотского побережья. При нем была открыта в Гижиге школа для казачьих детей, он лично преподавал математику в охотской навигацкой школе, которую привел в порядок. Но по указанию Н.И. Трескина он был смещен, а краем было поручено временно управлять капитану-лейтенанту А.В. Голенищеву, который был одновременно еще и помощником камчатского начальника.

И.Б. Пестель также обращал внимание петербургских властей на важность Охотского порта, «составляющего единственное центральное место по сообщению и управлению Камчатским полуостровом и новоприобретенными землями в Северной Америке, равно и к приведению в действие всех тех предположений, какие может иметь высшее Правительство по своим политическим видам на страны Восточного океана»[37]. В.М. Головнин был еще более категоричен: «Надобно знать, что Охотский порт, со всеми своими заведениями, содержится единственно для Камчатки, иначе в нем никакой надобности не было бы»[38]. Однако положение порта было удручающим. «Портовые магазины гнилы и пусты. Портовые чины одеваются во что попало..., – доносил Миницкий в Морское министерство. – Команда живет в обывательских домах в страшной тесноте и нечистоте. Цинга свирепствует в сильной степени»[39]. Первоочередным мероприятием он считал строительство казарм, которые могли бы вместить всех чиновников и военных, насчитывавших уже 428 чел. К тому же месторасположение порта было явно неудачным. М.И. Миницкий перенес порт на новое место (в 5 верстах от прежнего), но это нисколько не улучшило ситуацию.

Жалобы на неудобство Охотского порта продолжали поступать, как не прекращались и нарекания на действия охотских чиновников. Нового начальника Охотского порта капитана 2-го ранга В.Г. Ушинско-

---

[37] Представление И.Б. Пестеля в Министерство полиции (30 мая 1811 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3984. Л. 3.

[38] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 362.

[39] Цит. по: *Вус В.Г.* Заветный край особой русской славы. Научно-популярный очерк истории Охотска. Хабаровск, 1990. С. 101.

го, человека деятельного и способного, но обладавшего деспотическим характером, обвиняли в том, что он якобы отравил комиссионера П. Добелла и американца Кларка. И, хотя обвинение не подтвердилось, этого оказалось достаточно, чтобы в 1824 г. сместить его с поста[40]. П.И. Рикорд писал восточно-сибирскому генерал-губернатору А.С. Лавинскому: «Ушинский во всех действиях своих руководствуется одною только властью начальника, не подчиняясь ни чести, ни совести; и потому решительно осмеливаюсь объявить свое мнение, что дальнейшее его управление Охотским портом противно человеческим и божеским законам»[41]. Подобная характеристика содержится и в записках Э.И. Стогова, который отмечал, что Ушинский «был злой человек»[42].

Сменивший Ушинского капитан-лейтенант А.С. Валронт управлял краем до 1830 г., не оставив заметного следа в его истории. Назначенный вместо него 14 ноября 1830 г. капитан 2-го ранга З.З. Балк пошел по пути сокращения и без того небольшого штата чиновников, упразднив смотрителей в Ямском и Тауйском форпостах. Он предложил облегчить подати и повинности с инородцев (особенно тяжелую почтовую гоньбу), но не нашел поддержки у восточно-сибирского генерал-губернатора С.Б. Броневского[43].

Не лучше обстояли дела и на Камчатке. Камчатский начальник П.И. Кошелев также донес в 1806 г. в Петербург о заговоре против него, заявив, что местные чиновники, «закосневшие в привычке к корыстолюбию и развращенных нравах, покушались неоднократно на его жизнь»[44]. «Заговорщики» распускали слухи, что задушили же императора Павла Петровича, а уж сделать подобное с генерал-майором Кошелевым не составит труда[45]. Во главе антикошелевской оппозиции стоял батальонный командир полковник Сибиряков. Среди «заговорщиков» назывались чиновники, духовенство, купцы и морские офицеры, в том числе и В.И. Штейнгейль. Попал в поле зрения властей в этой связи и Бухарин, который, хотя и не был признан замешанным в камчатском

---

[40] *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1. С. 138.

[41] *Вагин В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 138; см. также: *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С.24.

[42] *Стогов Э.И.* Указ. соч. С. 460.

[43] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 35.

[44] Записка морского министра П.В. Чичагова (11 дек. 1806 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4653. Л. 14.

[45] *Кириллов А.* Отношение начальников Камчатки Кошелева и Петровского к камчатскому духовенству // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1880. № 17. С. 204.

заговоре, обвинялся в том, что задерживал в Охотске донесения Кошелева[46].

Заподозренного в заговоре протоиерея Никифора Никифорова Кошелев самовластно отстранил от должности присутствующего в духовном управлении, назначив на его место священника Верещагина. Камчатские священники, в свою очередь, пожаловались иркутскому епархиальному начальству, что Кошелев запрещает им свободно разъезжать по Камчатке и затрудняет тем самым миссионерскую деятельность среди камчадалов. Впрочем, в таком запрещении был определенный смысл. Во время таких разъездов, «сея слово Божье», камчатское духовенство занималось торговлей, скупая по дешевке у местных жителей с выгодой для себя пушнину, а то и просто обирало камчадалов, требуя подарков за исполнение церковных обрядов. Кошелев обвинил камчатское духовенство в расхищении церковного имущества, пьянстве, стяжательстве и повелел взять с них денежный штраф в пользу больницы на горячих ключах в селении Мильковском. Но у камчатских священников нашлись свои высокие покровители. Преосвященный Вениамин восстановил Никифорова в должности и направил жалобу на самоуправные действия Кошелева в Синод, который, разумеется, встал на защиту своих подопечных. Обер-прокурор Синода князь А.Н. Голицын распорядился расследовать обоснованность обвинений в адрес Кошелева. Сменивший Кошелева в 1806 г. И.Г. Петровский также не нашел общего языка с местным духовенством. Последний даже просил высшее церковное начальство разрешить ему сажать провинившихся священнослужителей на гауптвахту. Однако иркутская консистория рекомендовала Петровскому не вмешиваться в духовные дела[47].

Кто был прав в этой запутанной камчатской истории с Кошелевым, определить трудно. А.С. Сгибнев пишет, что простые жители Камчатки любили Кошелева и когда против него возник заговор, то посыпались угрозы вырезать всех заговорщиков, если они нанесут хотя бы малейший вред областному начальнику[48]. И.Ф. Крузенштерн также с благодарностью вспоминал ту помощь, которую ему оказал Кошелев в 1804-1805 гг., снабдив экспедицию всем необходимым. Он отдавал должное служебному рвению Кошелева, его стремлению наладить добрососедские отношения с чукчами, писал даже о бескорыстии областного начальника, что в то время на столь далекой окраине было качеством

---

[46] Записка морского министра П.В. Чичагова (11 дек. 1806 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4653. Л. 14–15.

[47] *Кириллов А.* Указ. соч. С. 219–221.

[48] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 7. С. 61.

редким[49]. Другой путешественник, В.М. Головнин, также оставил красноречивое замечание, записав, что «с отъездом отсюда бывшего областного начальника генерал-майора Кошелева лучшие офицеры гарнизона оставили Камчатку, а остались одни старики и пьяницы»[50]. Сторонник же камчатского духовенства, напротив, характеризовал Кошелева как человека самолюбивого, деспотичного и подозрительного, предпринимавшего крутые меры против «самоуправства, насилия и грабежа офицеров и гражданских чиновников», чем он возбудил недовольство со стороны многих[51].

Причиной отставки и последующего ареста могли стать и трения, возникшие у Кошелева с иркутским губернатором Н.И. Трескиным. Об этом свидетельствует предписание, направленное Пестелем Кошелеву 3 октября 1808 г. В нем с известным раздражением указывалось: «...от меня достаточно вашему превосходительству объяснено об обязанности ваших и камчатского областного правления в отношении к иркутскому гражданскому начальству; то и остается мне присовокупить, что г. губернатору Трескину при отбытии моем из Иркутска для обозрения Томской и Тобольской губерний поручил я в управление и те части, кои непосредственно от меня зависят, в том числе и по делам Камчатского края»[52]. Арестованных Кошелевым камчатских «заговорщиков» было приказано освободить. В ответ на резкое указание Пестеля, что Кошелев превратил Камчатку в острог, последний не сдержался и отправил дерзкий ответ с заявлением о личной заинтересованности Пестеля в покровительстве РАК[53]. Об этом инциденте свидетельствует и В.И. Штейнгейль, считавший, что Кошелев был смещен «за чудовищный рапорт генерал-губернатору»[54].

Стоит упомянуть еще об одном эпизоде, который также не прибавил Кошелеву доброжелателей. Речь идет о знаменитой поездке Н.П. Резанова в Америку и Японию. Н.П. Резанов получил самые широкие полномочия как от РАК, так и от российского правительства, ему было поручено осмотреть и принять меры к устройству не только североамериканских владений России, но и российского восточного побережья Тихого океана. В царской инструкции 1803 г. Резанову предписывалось во время зимовки в Петропавловске «осмотреть Камчатскую область, войти

---

[49] *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976. С. 137, 219–221.

[50] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 293.

[51] *Кириллов А.* Указ. соч. С. 203.

[52] Предписание правителю Камчатской области (3 окт. 1808 г.) // ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 564.

[53] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 7. С. 62.

[54] *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 291.

в недостатки и нужды жителей, обозреть гражданскую часть правления, положены ли основания хлебопашеству, какие приемлются к оному меры и как скоро можно ожидать надлежащего в земледелии успеха, в какой степени там скотоводство, какие могут там быть хозяйственные заведения, в каком положении торговля, и, наконец, буде усмотрите Вы каковые-либо злоупотребления, имеете для истребления оных сноситься с командующим в Камчатке генералом, принимать меры и донести е. и. в-ву по сей части особо»[55].

Однако у Н.П. Резанова явно не сложились отношения с морскими офицерами и прежде всего с командиром корвета «Надежда» И.Ф. Крузенштерном. Дело дошло до открытого конфликта. Прибыв на Камчатку, Резанов обратился за помощью к Кошелеву, которому удалось на время примирить враждующие стороны. Как вспоминал В.И. Штейнгейль: «По долгу Кошелев должен был казаться на стороне посла, но по чувствам склонялся на сторону моряков»[56]. Этот факт еще раз свидетельствовал о стремлении морских офицеров, находившихся на государственной службе или на службе в РАК, вести себя независимо. О подобных столкновениях писал и С.Б. Окунь, видя в этом стремление покончить с самостоятельностью РАК[57]. Моряк В.И. Штейнгейль, явно симпатизировавший компании, называл Кошелева не иначе, как «намеренным гонителем» ее агентов, а арест Кошелева и Бухарина, которые «просто неистовали во вверенных им областях», он ставил в ряд благодетельных для края дел[58]. Противостояние Кошелева с компанией, иркутским начальством, местными морскими офицерами и духовенством привели к тому, что тот был арестован, в 1809 г. препровожден в Иркутск, а затем в Петербург[59].

Очередной камчатский начальник И.Г. Петровский, хотя и был назначен по рекомендации Н.И. Трескина, не избежал разногласий с иркутским начальством. Петровский жаловался министру внутренних дел, что Трескин в своих указаниях именует Камчатское областное правление Нижнекамчатским, его самого нижнекамчатским областным начальником, а генерал-губернатор Пестель игнорирует все его предло-

---

[55] Внешняя политика России XIX – начала XX в. М., 1960. Серия I. Т. I. С. 492–493.

[56] *Штейнгейль В.И.* Указ соч. Т. 2. С. 295; см. также: *Болховитинов Н.Н.* Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803-1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 175.

[57] *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 95–97.

[58] *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 101.

[59] Показательно, что строгого наказания не последовало и в 1812 г. Штейнгейлю еще раз пришлось встретиться со своим бывшим камчатским начальником. Получив освобождение, Кошелев возглавил 4-ю дружину Петербургского ополчения, куда поступил штаб-офицером и В.И. Штейнгейль. – *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 110.

жения[60]. Дело дошло до Комитета министров, где 31 мая 1809 г. вынуждены были обсуждать вопрос о разногласиях между иркутским губернским начальством и главой Камчатской области[61]. Александр I встал на сторону И.Г. Петровского и признал неудобным сложившееся положение, когда камчатский начальник, обязанный подчиняться непосредственно сибирскому генерал-губернатору, получает предписания от губернатора Трескина. Однако Комитет министров, очевидно, под давлением Пестеля, который присутствовал на некоторых его заседаниях, подтвердил, что Петровский должен состоять в зависимости от иркутского губернского правительства и зависеть от губернатора, тем более что тот исполняет обязанности генерал-губернатора из-за длительного отсутствия Пестеля в Сибири[62]. Вместе с тем Пестель обвинил Петровского в ряде злоупотреблений: в том, что камчатские солдаты грабят местных коренных жителей, что Петровский неуважительно относится к тойонам и т.п. Генерал-губернатор даже предложил приступить к расследованию, создав в Омске, где находилось главное военное начальство Сибири, специальную комиссию. Военное министерство в 1812 г. направило на Камчатку в качестве ревизора майора Тараканова. И хотя Петровскому удалось подкупить ревизора, это не помогло, он был арестован и отдан под суд[63].

Несмотря на мелочность чиновных потасовок и драматический финал карьеры нескольких местных начальников, все это обнажило важные проблемы управления краем. Стало ясно, что дело кроется не только в личных амбициях и корыстолюбии глав охотско-камчатской администрации, а в самой системе управления. Назревала новая реорганизация. В.И. Штейнгейль считал, что реформой край обязан в первую очередь Н.И. Трескину, который активно интересовался всем, что там происходило. «С этой целью, – вспоминал находившийся в то время уже в Иркутске Штейнгейль, – он призывал к себе бывалых, сводил их, заставлял при себе поправлять друг друга в рассказах и дополнять недосказанное. Если случались выезжающие из этого далека, он не пропускал случая попытать, нельзя ли узнать чего-либо полезного для его соображений»[64].

С подачи Трескина И.Б. Пестель снова возбудил в Петербурге вопрос о пересмотре порядка управления Охотско-Камчатским краем. 16 июня 1809 г. он заявил на заседании Комитета министров о бесполезно-

---

[60] Записка Министерства полиции о генерал-майоре Петровском (авг. 1813 г.) // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 347. Л. 226.

[61] Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 295–296.

[62] Там же. С. 309–310.

[63] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1867. № 7. С. 68–69.

[64] *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 307–308.

сти и трудности содержания столь значительного количества войск на Камчатке. Камчатский гарнизон к тому времени включал батальон из 672 чел. Казна тратила на их содержание ежегодно около 150 тыс. руб., а солдаты продолжали грабить камчадалов. В письме министру полиции А.Д. Балашеву 23 октября 1810 г. Пестель вновь настаивал на бесполезности содержания такого количества войск на Камчатке. Ссылаясь на донесение М.И. Миницкого, он доказывал необходимость сокращения численности казаков, которые были нужны лишь на стадии покорения коряков и тунгусов, «чтобы содержать народы оные в должной обузданности и твердом подданстве». В настоящее же время, подчеркивал Пестель, они стали «так миролюбивы, кротки и верны, что никогда никакого опасения от них иметь не можно»[65].

Еще одним инициатором нового преобразования края стал ученый, участник экспедиции И.Ф. Крузенштерна, а впоследствии (1812–1830 гг.) российский консул в Рио-де-Жанейро Г.И. Лангсдорф, который после неоднократного посещения Камчатки в 1804–1807 гг., представил министру коммерции Н.П. Румянцеву записку под названием: «Изъяснения политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова». По пути с Камчатки в Тобольске в 1808 г. он встретился с И.Б. Пестелем и поведал тому о своих камчатских впечатлениях и предложениях. Очевидно, идеи Лангсдорфа понравились Пестелю до такой степени, что тот прочил его в камчатские начальники[66]. Записка была доведена до Александра I. О своих планах Лангсдорф информировал И.Ф. Крузенштерна: «Я знаю эту страну довольно хорошо, так как провел там девять месяцев, и уверен, что правильным управлением можно сделать ее жителей счастливыми и сэкономить государству большие суммы...»[67]. Основные направления намеченных Лангсдорфом изменений предусматривали, кроме вывода с Камчатки лишних войск, замену их казаками, способными самостоятельно обеспечить себя, переселение с материка людей, готовых заняться активной промысловой деятельностью, организацию снабжения полуострова морским кругосветным путем и установление регулярного судоходства между Камчаткой, Охотском, Курильскими и Алеутскими островами, ограничение торговой монополии РАК. При этом он предлагал перенести центр управления Камчатки в Петропавловск, где имелась прекрасная гавань. «Против внешних врагов солдаты на Камчатке

---

[65] Записка о внутреннем устройстве городовых казаков по Охотской и Камчатской областям // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 347. Л. 6.

[66] *Комиссаров Б.Н.* Роль академика Г.И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки // Третьи международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения, посвященные 300-летию присоединения Камчатки к России. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 58.

[67] Цит. по: *Комиссаров Б.Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. Л., 1975. С. 43.

не нужны, – оценивал ситуацию Лангсдорф, – так как обладание этой страной для каждого владетеля настолько незначительно, что, вероятно, никому никогда не придет в голову предпринимать против нее военные действия»[68].

Новая административная реформа была призвана законодательно упорядочить властные отношения. По инициативе государственного секретаря М.М. Сперанского было решено подготовить новое положение об управлении Охотско-Камчатским краем. Для этого Сперанский предлагал запросить необходимые сведения у людей, хорошо знавших местные условия: вице-адмирала Г.А. Сарычева, капитана флота И.Ф. Крузенштерна и Г.И. Лангсдорфа. Предлагал Сперанский воспользоваться и информацией, которую мог предоставить находившийся под следствием в Петербурге бывший камчатский начальник П.И. Кошелев[69]. Для подготовки нового положения об управлении краем был создан комитет во главе с И.Б. Пестелем. Пестель предложил подключить к работе комитета дополнительно лейтенанта Л.А. Гагемейстера, совершившего кругосветное плавание на шлюпе «Надежда» на Камчатку в 1806-1810 гг. и ставшего в 1812 г. начальником Иркутского адмиралтейства.

7 января 1811 г. такой комитет был образован, и ему было поручено в трехнедельный срок подготовить свои предложения. Комитет в первую очередь признал «весьма полезным уменьшение войск и расформирование камчатского батальона, находящегося без всякой нужды и с великими издержками для казны». Восторжествовало и мнение о бесперспективности края. Осуждая необдуманную посылку батальона при Павле I, комитет в своем заключении почти повторил Лангсдорфа, признав, что войска ни тогда, ни сегодня там не нужны, «ибо никакой неприятель никогда не покусится на весьма трудное завладение бесплодною и столь отдаленною страною, где находится малое число одних только бедных жителей, едва имеющих для себя пропитание и рассеянных по великому пространству земли весьма малыми селениями»[70]. С некоторой идиллией вспоминали прежние времена, когда после усмирения в 1733 г. «бунта в Камчатке посылаемы были туда начальники из чиновников, которые управляли спокойно 50 лет Камчаткою и жители были довольны». В этот камчатский «золотой век» и призывали вернуться теперь. Правда, при этом не уставали уповать на то, «чтобы избран-

---

[68] Записка Г.И. Лангсдорфа «Замечание о политическом и природном положении Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVIII. С. 98.

[69] М.М. Сперанский – министру внутренних дел О.П. Козодавлеву (25 июля 1810 г.) // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 347. Л. 2–3.

[70] Записка относительно уменьшения в Камчатке войск и образования там нового правления // Там же. Л. 41.

ный начальник, соответствуя благонамеренным видам Правительства, управлял с благоразумием, кротостию и бескорыстием, ибо от сего единственно зависит благосостояние всей оной страны»[71]. По поводу же соседних с Камчаткой областей, Охотской и Якутской, Пестель заметил, что они были только «побочным продуктом» в рассуждениях комитета, потому что гражданское управление там «идет хорошо и никаких перемен не требует».

В новом административном устройстве содержалась и корректировка направленности хозяйственного освоения края. В переносе управленческого центра Камчатки в Петропавловск акцент был сделан на морском и торговом характере будущего развития полуострова. Через Петропавловск планировалось снабжать камчатские поселения, вести торговлю с Китаем, Калифорнией и Ост-Индией. Из Петропавловска местная сибирская администрация намеревалась организовать надзор за деятельностью РАК, бесконтрольность которой вызывала все возрастающее беспокойство. Для этих целей предусматривалось регулярно направлять военное судно на Курильские и Алеутские острова, «чтобы обозревать все живущие там подвластные народы и получать достоверные сведения о их состоянии, дабы в случае каковых-либо притеснений от российских промышленников начальник Камчатки мог об оном довести до сведения Правительства»[72]. Это судно могло бы вести и научные исследования, открыло бы новые острова, богатые бобровыми и котиковыми промыслами. Комитет полагал, что РАК со временем займется китовым промыслом, и Петропавловск также приобретет в этом случае ведущее положение. Но, возлагая надежды на компанию, указывалось и на необходимость организации доставки различных припасов морским путем из Кронштадта, что ставило под сомнение дальнейшее существование транзитного порта в Охотске. Стало ясно, что в снабжении Камчатки Охотску теперь отводилась роль запасного пункта, что не могло не сказаться на его значении в будущем.

Положение об управлении Камчаткой было утверждено царем 9 апреля 1812 г.[73] Главный смысл реформы М.М. Сперанский впоследствии объяснял желанием объединить все части управления в Охотско-Камчатском крае в руках одного начальника, которому бы они подчинялись: «морская, как морскому чиновнику, земская, как исправнику, судная, как уездному судье»[74]. Положение не ограничивалось только изменением в составе управления и официально называлось «О преобра-

---

[71] Записка относительно уменьшения в Камчатке войск и образования там нового правления // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 347. Л. 59–60.

[72] Там же. Л. 53.

[73] ПСЗ-I. № 25081.

[74] *Прутченко С.М.* Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 31.

зовании в Камчатке воинской и гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края». В законе предусматривалось существенное сокращение численности войск, для чего всех нижних чинов и унтер-офицеров, выслуживших положенный срок, было решено отправить в отставку, предоставив им возможность вернуться во внутренние губернии империи или остаться на Камчатке. Из продолжавших военную службу формировалась флотская рота. Кроме того, создавались две казачьи команды: конная – в Петропавловске и пешая – в Гижиге. Оставшимся вне строя и не выслужившим назначенного срока предлагалось или остаться на Камчатке на положении государственных крестьян, или перейти на службу в восточно-сибирские губернии. Остающимся на Камчатке в качестве государственных крестьян выделялись семена, рабочий скот и продовольствие, а также их освобождали на три года от всех повинностей, а от рекрутства – навсегда.

Камчатское областное правление упразднялось, «яко слишком для края того обширное и многосложное», а вместо него поручалось камчатскому начальнику управлять единолично, придав ему в помощь небольшой штат чиновников. Гижигинск отходил к Охотской области. Подчеркивая необходимость обновить состав камчатского управления, закон предписывал: «Всех чиновников, как гражданских, так и военных, без всякого исключения из Камчатки возвратить». Содержалось в законе и персональное указание об отзыве с Камчатки генерал-майора Петровского.

Специально в новом положении указывалось, что начальник Камчатки должен назначаться из морских офицеров, ему же поручалось командование флотской ротой. Местопребыванием главного камчатского начальника была определена теперь Петропавловская гавань. В порядке подчиненности высшим властям закон ограничился указанием, что начальник Камчатки состоит под главным управлением сибирского генерал-губернатора, который и определяет обязанности камчатского начальника. Вместе с тем законом предусматривалось в случаях особой важности образовывать коллегиальное присутствие, в которое бы входили начальник Камчатки, его помощник, объездной комиссар и аудитор. При этом разъяснялось, что свое решение это присутствие направляет для утверждения в иркутское губернское правительство. Кроме того, «мемории из дневных своих журналов» начальник Камчатки также был обязан представлять в Иркутск. Таким образом, несмотря на декларированную подчиненность непосредственно генерал-губернатору, сохранялась подотчетность камчатского начальника и иркутским губернским властям. Не разрешил закон и вопроса о подчиненности начальника Камчатки гражданскому и морскому ведомствам, сохранив

прежнюю двойственность в его положении. Поскольку камчатский начальник назначался исключительно из морских офицеров (его помощник был также морским офицером, и только в исключительных случаях разрешалось назначать его из казаков), приоритет морского управления закреплялся уже этим, что создавало основу для некоторой независимости от иркутского начальства. Генерал-губернатор А.С. Лавинский вынужден был признавать, что в дела Морского министерства он почти не вмешивается[75].

В дополнение к новому положению об управлении Камчаткой Пестель и Трескин подготовили подробную инструкцию для будущего камчатского начальника. В ней особо подчеркивалось, что начальник Камчатской области состоит под главным управлением сибирского генерал-губернатора. Более того, в инструкции содержалось специальное указание на то, что камчатский областной начальник обязан все свои представления посылать через начальника охотского порта в Иркутск. Помимо усиления административной зависимости от иркутских губернских органов, устанавливалось и иерархическое преимущество охотского начальства. Только в случае разногласий с охотским начальником глава камчатской администрации мог апеллировать напрямую к генерал-губернатору или иркутскому губернатору. Понимая, что данные положения инструкции противоречат только что изданному положению о Камчатской области, Пестель обратился за поддержкой к петербургскому главнокомандующему С.К. Вязьмитинову, исполнявшему одновременно обязанности и министра полиции. Однако Государственный совет отказался придать инструкции характер закона, подчеркнув необходимость ее строгого согласования с положением о Камчатской области. Но, как отметил А.С. Сгибнев, несмотря на решение высшего государственного учреждения, генерал-губернаторская инструкция стала главным руководством в деятельности камчатских начальников[76].

«Главнейшие обязанности» камчатского начальника, определенные законом 1812 г., подчеркивали приоритеты будущей управленческой деятельности: «а) по хозяйственной части – в поправлении состояния жителей, поощрении их к промышленности, тамошнему краю свойственной, к хлебопашеству и скотоводству, равно в изысканиях способов или источников к приращению по возможности доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей; б) по части полицейской – в учреждении и сохранении во всем порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, как общей, так и частной, и в разбирательстве взаимных жалоб между

---

[75] *Александров М.А.* Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 413.

[76] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 7. С. 93.

жителями Камчатки, и приходящими в Петропавловский порт на купеческих судах работными людьми и их хозяевами». В особый раздел в законе были выделены меры по улучшению состояния камчадалов. В первую очередь составители нового положения попытались оградить коренных жителей Камчатки от произвола чиновников. Для этого закреплялась независимость традиционных институтов управления и суда, а чиновникам строго предписывалось не вмешиваться в их внутренние порядки. Дальнейшей регламентации подвергался порядок обложения ясаком, предусматривались меры по хозяйственной поддержке аборигенов, подтверждалась казенная монополия на продажу спиртных напитков, и то только в Петропавловске, Нижнекамчатске и Гижиге. В этом смысле закон не выходил за пределы прежней покровительственной политики в отношении коренных народов, не внося каких-либо изменений в ее направленность. Основными оставались два принципа: фискальный и охранительный, при консервации прежних родовых порядков. В дальнейшем эти принципы были развиты и юридически закреплены М.М. Сперанским в «Уставе об инородцах» 1822 г.[77]

В законе 1812 г. особо прописывались меры по укреплению обороноспособности полуострова: Авачинскую гавань должна защищать артиллерия, необходимо построить три канонерские лодки или баркасы, направлять раз в два года из Кронштадта транспортное судно в сопровождении малого военного фрегата. Начальник Камчатки должен был посылать военное судно на Курильские и Алеутские острова, а также в Америку «для обозрения живущих там, подвластных России народов и донесения Правительству о состоянии сих народов и всех вообще Американских заселений». Намечалось совершенствовать морские карты и открывать новые острова. Таким образом, это был не просто закон, определяющий организацию местного административного аппарата, но и своего рода программа правительственных действий в регионе.

Впрочем, реальные достижения нового управления были весьма скромными. Исполнявший обязанности камчатского начальника И. Рудаков так и не получил нужных средств и должен был производить строительство новых судов силами флотской роты, не имея даже возможности платить им за это. Сменивший его П.И. Рикорд вынужден был просить увеличить морскую команду, так как людей явно не хватало для строительства Петропавловского порта[78]. От строительства канонерок скоро вовсе отказались. Петербургская комиссия в составе известных

---

[77] См.: *Сем Ю.А.* «Положение» 1812 г. иркутского гражданского губернатора Трескина об управлении Восточной Сибирью и Дальним Востоком // Труды Дальневосточного научного центра АН СССР. Владивосток, 1971. Т. 8.

[78] О постепенном устройстве Петропавловского порта (1818 г.) // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3948. Л. 35.

исследователей дальневосточных морей – И.Ф. Крузенштерна, М.И. Ратманова, Ф.Ф. Беллинсгаузена и В.М. Головнина – пришла к заключению, что они будут на Камчатке излишними: «Но, кроме того, можно сказать утвердительно, что ни одна европейская держава не вздумает, конечно, обойти полсвета для завоевания страны, в которой с трудом содержится небольшое число собственных своих жителей и которая кроме собольих мехов ничего не производит...»[79]. В 1817 г. в Охотском порту упраздняется морская рота, вместо которой остается только мастеровая команда[80]. Оборона края возлагалась в основном на корабли РАК и незначительные силы, находившиеся в распоряжении местного начальства.

Командир шлюпа «Камчатка» В.М. Головнин, которому поручили исполнять научно-исследовательскую часть намеченной программы, внимательно следил за дальневосточными делами и считал, что новое положение об управлении Камчаткой изменило ситуацию к лучшему. Очевидно, изменения произошли не столько от нового закона, сколько от назначения в 1816 г. новым камчатским начальником капитана 1 ранга П.И. Рикорда. П.И. Рикорд служил ранее старшим офицером на шлюпе «Диана» и был другом В.М. Головнина. Совершив в 1817–1819 гг. еще одно кругосветное путешествие и вновь побывав на Камчатке, Головнин оставил о своем друге следующие заметки: «Можно уверительно сказать, что при покровительстве нынешнего начальства и при его усердии на общую пользу Камчатка в короткое время примет совсем другой вид: люди будут размножаться, вместо того, что прежде год от года их становилось меньше»[81].

Вопреки надеждам дальневосточных моряков в правительственных кругах все больше укрепляется мысль о бесперспективности Охотско-Камчатского края, на который не стоит тратить значительных средств. Все это явно противоречит утверждению С.Б. Окуня о желании комитета, разрабатывавшего реформу 1812 г., усилить управление Камчаткой «как центром торговли с Китаем, Японией, Калифорнией и Сандвичевыми островами, с одной стороны, а с другой – как центром вооруженной экспансии на эти же страны»[82]. Очевидно, что и передача Гижигинска в Охотскую область преследовала более скромные цели, чем это казалось С.Б. Окуню, который и эту меру связывал с желанием освободить камчатское начальство от выполнения якобы стоявших перед

---

[79] Цит. по: *Эндаков Д.Н.* Указ. соч. С. 60.

[80] ПСЗ-I. № 26652.

[81] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 108; см. также: *Сигал О.С.* Адмирал Петр Иванович Рикорд и его роль в развитии Камчатского края // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 3. С. 121–125.

[82] *Окунь С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 123–124.

ним стратегических задач. Не случайно ему показалось странным утверждение адмирала Г.А. Сарычева о том, что на Камчатку «никакой неприятель никогда не покусится». Поэтому причину упразднения камчатского батальона С.Б. Окунь вынужден был искать в недовольстве солдат своим положением и даже угрозе восстания. Дальнейшие события показали, что положение 1812 г. не только не усилило значения Камчатки, а, напротив, ослабило его и было продиктовано не планами экспансии в Тихоокеанском бассейне, а куда более скромными желаниями сократить расходы на дефицитную окраину и положить конец чиновничьим распрям. С.Б. Окунь излишне преувеличил и степень совпадения планов РАК и правительственной политики в этот период.

Административное давление на РАК со стороны сибирских и охотско-камчатских властей постепенно усиливается. Охотский портовый начальник в 1815 г. настаивал на том, чтобы в его власти было рассмотрение жалоб от алеутов на притеснения со стороны промышленников компании, которые действовали бесконтрольно и безнаказанно. По просьбе Пестеля в 1817 г. Морское министерство поручило направленному на Дальний Восток капитану 2 ранга В.М. Головнину убедиться на месте в справедливости таких обвинений[83]. В ответ руководство компании жаловалось на самоуправные действия сибирской администрации. Последние же, в свою очередь, доносили о корыстных действиях РАК, которая ставит коммерческие интересы выше интересов государства. Агенты компании в Петербурге и на местах продолжали действовать в духе времени, подкупая чиновников[84].

Не изменили положение и кругосветные морские путешествия. Сложилась новая ситуация, при которой, как заметил М.М. Сперанский, Камчатка оказывалась ближе к Петербургу, нежели к Иркутску[85]. Морское министерство, призванное силой политических и экономических обстоятельств играть ведущую роль в регионе, не сумело согласовать своих действий с высшей администрацией в Иркутске, где находился центр Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого продолжал входить Охотско-Камчатский край. Морские офицеры, занявшие ключевые посты в военном и гражданском управлении края, напрямую зависели от Морского министерства. Несмотря на обширную власть, которую имел сибирский генерал-губернатор, он не мог без министерства даже произвести «какого-либо матроса или плотника» в унтер-офицеры[86].

---

[83] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. С. 1–5.

[84] *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. С. 60, 99–100.

[85] *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 2. С. 67.

[86] Отношение сибирского генерал-губернатора к морскому министру (17 окт. 1808 г.) // ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 665.

Вместе с тем удаленность края от Петербурга и Иркутска заставляла местную администрацию часто действовать самостоятельно. Это относилось не только к сибирскому генерал-губернатору или иркутскому губернатору, но и к более мелким чиновникам, в чьих руках находилось непосредственное управление в Охотске и на Камчатке. Именно это обстоятельство, как бы в противовес централизаторским устремлениям в управлении, толкало правительство на увеличение властных полномочий местных начальников. Так, вопрос об освобождении В.М. Головнина из японского плена осложнялся тем, что японское правительство требовало личного вмешательства иркутского губернатора, и только в исключительном случае соглашалось вступить в переговоры с адмиралом П.И. Рикордом «как губернатором Камчатки». Не случайно Рикорд связывал успех миссии с тем, что выдавал себя в глазах японцев за военного губернатора, что не могло не подействовать на их честолюбие[87].

Сибирская реформа 1822 г. привела к новой корректировке управления Охотско-Камчатским краем. И хотя М.М. Сперанский, занимавший в 1819-1822 гг. пост сибирского генерал-губернатора, спешил как можно скорее вернуться из Сибири в Петербург и не доехал до Охотска и Камчатки, это не значит, что он не смог составить себе представления о положении дел там. В.И. Вагин отмечает, что уже по прибытии в Тобольск Сперанский обратился к П.И. Рикорду с письмом, в котором просил предоставить сведения о положении Камчатки. Подобное поручение было направлено им охотскому начальнику В.Г. Ушинскому с предложением подготовить тому записку о нуждах Охотского края. Однако Сперанский не ограничивается официальными донесениями и стремится почерпнуть дополнительную информацию из неофициальных источников, расспрашивая в Иркутске англичанина Гордона об Охотске или поручая некоему мещанину Климову доставить сведения о состоянии продовольствия в Гижиге[88].

Следует признать, что М.М. Сперанский разделял восторжествовавшее к тому времени мнение о бесперспективности Охотско-Камчатского края, который, как и Забайкалье, не получил самостоятельного административного статуса и был включен в состав и без того огромной Иркутской губернии. По «Сибирскому учреждению» 1822 г. создавались Камчатское и Охотское приморские управления во главе с особыми начальниками[89]. В законе, определяющем функции камчатского начальника, отмечалось, что он должен заниматься управлением пор-

---

[87] Письмо П.И. Рикорда в Морское министерство о посылке экспедиции в Японию с целью установления торговых отношений (записка, представленная вел. кн. Константину Николаевичу в 1850 г.) // Русская старина. 1889. № 7. С. 179.

[88] *Вагин В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 185.

[89] ПСЗ-I. № 29124. 22 июля 1822 г. Ст. 399–435.

том, полицией, хозяйством и судом, подчиняясь иркутскому общему губернскому управлению. В отличие от Камчатки, где вводилась упрощенная схема учреждений, в Охотске управление было более сложным. Там в духе усиления коллегиальных начал полагался совет Охотского приморского управления в составе охотского начальника, старшего после него флотского офицера, окружного судьи и земского исправника. Учреждалось и особое казенное управление для ведения хозяйственных дел и сбора налогов. Права охотского начальника, который должен был по-прежнему назначаться непременно из флотских офицеров, приравнивались уже не к окружному начальнику, а выстраивались по аналогии с якутским областным начальником. Однако и он был подчинен иркутскому общему губернскому управлению. В Охотске из-за незначительной численности жителей было решено не создавать городское управление. Функции полиции было возложены на городовых казаков. Кроме того, создавалось отдельное, хотя и зависимое от Охотска, управление в Гижиге (на правах «малолюдного» округа, состоящее из земского исправника и его помощника).

Не был решен вопрос и о комплектовании бюрократического аппарата края. Российским законодательством предусматривались особые льготы для служащих на Камчатке чиновников: повышение в чине при отправке на службу на Камчатку; единовременная выплата половины годового жалованья в качестве пособия; по выслуге беспорочно 5-ти лет выдавались прогоны до места, куда пожелает выехать, и сверх этого еще половинное годовое жалование. Особые льготы предусматривались для начальника Камчатки. В случае успешной 5-летней службы, сверх обычных льгот, ему полагалась прибавка к пенсии в размере половины жалованья, за следующие 5 лет прибавка к пенсии составляла полное жалованье (2 800 руб. в год). Другим чиновникам за 10 лет службы полагалась пенсия в половину жалованья. В 1819 г. служебные преимущества камчатских чиновников были распространены на Охотский порт и иркутскую морскую команду. По инициативе П.И. Рикорда, поддержанной И.Б. Пестелем, а затем и М.М. Сперанским, гражданским чиновникам и врачебному персоналу с 1820 г. стали выдавать бесплатно провиант наравне с моряками. Не получило служебных привилегий только духовенство.

Несмотря на принятые меры, чиновников в крае катастрофически не хватало, их качественный состав оставлял желать лучшего. Интриги и столкновения чиновников, морских офицеров и священников и до, и после реформы М.М. Сперанского продолжали сотрясать административный аппарат, а край терял управляемость. Характеристики, которые оставили современники о качественном составе местных чиновников, поражают единодушием. Даже имевшееся число чиновников оказалось

слишком большим для бедного населения Камчатки. «Голодные чиновники (разумеется, что не все; но многие однако ж!!!), – писал В.М. Головнин, – служащие в тех краях, не только что хотят быть сыты, но и богаты. Как мы видим часто дерзких смельчаков, которые, не страшась ссылки в Сибирь, употребляют с успехом во зло сделанную им доверенность и обогащаются в самых столицах, грабя казну и ближнего, то чего же должно ожидать от подобных сим людей в странах, отдаленных от высшего правительства на многие тысячи верст, где они управляют народами, не имеющими почти никакого понятия о законах и даже не знающими грамоты»[90]. Нелестную характеристику местному чиновничеству давал и П.И. Кошелев: «...чиновники из самых низких, невоспитанных, корыстных и не способных к делам людей, как то из сенаторских курьеров, из губернских приказных служителей и тому подобных состояний, которые формально покупают себе места за деньги. Когда же мера преступлений их исполнится и они отдаются суду; тогда снова прибегают к деньгам и вместо должного наказания получают прежние должности с большим при том ободрением, продолжают грабительство. Таковы почти все тамошние чиновники и таково почти всегда определение их к местам и образ их службы»[91].

Ситуации с подбором чиновников в Охотско-Камчатском крае иногда приобретали явно анекдотический характер. На начальника Охотского порта В.Г. Ушинского подал донос его же секретарь по судебной части Филатов. Ушинский, в свою очередь, пожаловался на то, что Филатов не справляется со своими служебными обязанностями. М.М. Сперанский принял все это во внимание и вынес поистине соломоново решение, предложив охотскому начальнику оставить Филатова на месте, хотя он и жалуется на своего начальника «неосновательно», дабы не было затруднений в производстве дел[92]. Тот же Ушинский представил отставного штурмана Дубинина к совместительству сразу двух должностей – лоцмана и землемера. Сперанский счел нужным запросить мнение морского министра маркиза И.И. де Траверсе, добавив при этом, что, хотя эти должности совершенно различны, «но по уважению тому, что занятия по последней в Охотском уезде весьма малозначительны», я полагаю, что в исправлении оных одним чиновником не может быть никакого затруднения»[93].

---

[90] [*Головнин В.М.*] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... С. 351.

[91] Доклад министров коммерции, военного, внутренних дел, товарища морского министра и тобольского и иркутского генерал-губернатора // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3957. Л. 8.

[92] *Вагин В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 151

[93] Там же. С. 144.

Условия службы в отдаленном крае оставались крайне тяжелыми, что приводило к пьянству и даже потере рассудка. Так, определенный на службу на Камчатку провизор Трофимов, как отмечалось в документе, «не найдя по званию своему достаточно практического упражнения, от скуки и совершенного бездействия, впал в мрачную задумчивость»[94]. По поводу чиновников, служивших в Гижиге, А.Е. Шаховской писал в 1821 г., что они «не только в служебном, но и в нравственном отношении поистине достойны сострадания»[95]. Порядок в управлении оставался сильно зависимым от личных взаимоотношений местных начальников. Попытки исправить положение путем посылки ревизоров или морских офицеров со специальными миссиями не приносили желаемого результата и даже, напротив, ухудшали положение. Посланный в Гижигу штурман Неродов, чтобы разобраться на месте, стоит ли переносить селение на новое место, привлек в союзники гижигинского священника и вступил в открытый конфликт с местным исправником Колесовым. Дело кончилось сменой исправника[96]. Насколько край продолжал быть плохо управляемым, свидетельствует случай, который приводит С.И. Черепанов. Когда восточно-сибирский генерал-губернатор Н.С. Сулима послал в Гижигу нового исправника, то старый его не принял, арестовал как самозванца и отправил назад в Иркутск. И все это ему благополучно сошло с рук[97].

М.М. Сперанский еще более снисходительно, чем в целом по Сибири, вынужден был отнестись к охотским и камчатским чиновникам. В связи со вскрытыми злоупотреблениями смотрителя охотского солеваренного завода Козлова он ограничился лишь взысканием с него причиненного ущерба, оставив его служить далее. При этом Сперанский предписал начальнику Охотского порта В.Г. Ушинскому «окончить дело сие без суда, если смотритель принесет раскаяние и даст вам обещание вести себя лучше», добавив: «Чиновников здесь на перемену его сыскать почти невозможно»[98]. Немногочисленное и фактически бесконтрольное чиновничество действовало по своему усмотрению и произволу, испытывая, впрочем, на себе постоянные трудности управления суровым и обширным краем. Только плохие дороги и большие пространства спасали редкое коренное население от повседневного бюрократического вмешательства. Сбор ясака больше напоминал сбор дани, чем правиль-

---

[94] *Вагин В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 151.

[95] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 431. Л. 297.

[96] *Сильницкий А.* Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края, с 1819–1840 г. // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 59.

[97] *Черепанов С.* Отметка против заметки г. Завалишина // Древняя и новая Россия. 1876. Т. III. С. 316.

[98] *Вагин В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 141–142.

но налаженное налогообложение. Низкие оклады не позволяли обеспечить прожиточный минимум чиновникам и их семьям, что фактически узаконило систему «кормлений» за счет поборов с местного населения[99]. Махинации с пушниной и продажей водки стали доходными статьями для всех должностных лиц, включая чиновников, военных, казаков и духовенство.

Сибирская реформа 1822 г. М.М. Сперанского свела управление Камчаткой на уровень приморского управления с неясным административным статусом, фактически уравняв с округом (уездом). Все управление состояло из начальника (из морских офицеров), его помощника, объездного комиссара, секретаря, трех писарей, двух лекарей и трех лекарских учеников и небольшой казачьей команды, сократившейся к 1848 г. до 36 человек (в 1827 г. их было 56). В Петропавловске-Камчатском было всего 99 домов и около 600 жителей[100]. На Камчатке власть без особого смысла перемещалась из Большерецка в Верхнекамчатск, Нижнекамчатск и Петропавловск. Создание в 1822 г. военно-административного и морского центра в Петропавловске не выглядело окончательным и бесспорным. Континентальные задачи все еще с успехом конкурировали с морскими, а сухопутные и морские коммуникации оставались ненадежными и неопределенными с точки зрения их направленности. Административная организация, несмотря на неоднократные корректировки, была иерархически плохо выстроенной, что вызывало управленческую неразбериху и приводило к частым переменам в руководящем составе охотско-камчатской администрации.

Таким образом, несмотря на одинаковое название, у Камчатского и Охотского приморских управлений был несколько разный административный статус. Если первое, по классификации М.М. Сперанского, фактически приравнивалось к среднему по численности населения сибирскому округу, то второе уподоблялось областному управлению, хотя и в несколько урезанном виде. Унифицировав и бюрократизировав систему управления Сибири и придав ей более четкую правовую регламентацию, Сперанский так и не нашел для Охотско-Камчатского края действенного управленческого механизма, оставив, по сути дела, ситуацию в прежнем положении. Природа властных конфликтов не была устранена, а их острота снизилась сама собой из-за общего упадка в 1820–1830-х гг. правительственного интереса к дальневосточному региону.

---

[99] Сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель писал в 1808 г. в Петербург, что чиновники Охотско-Камчатского края «по причине чрезмерной дороговизны на хлеб ... лишены возможности не только быть пристойно одетыми, но даже иметь пропитание из получаемого ими жалования».

[100] *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 58, 196.

В условиях, когда стало ясно, что морское будущее Камчатки отодвигается на необозримое время, начальник Камчатки А.В. Голенищев в 1827 г. предложил оставить Петропавловскую гавань (так как торговля с иностранными государствами все равно запрещена) и возвратить административный центр полуострова в Верхнекамчатск, «как место удобнейшее для распространения скотоводства, огородных овощей и самого хлебопашества»[101]. Намечаемый перенос административного центра отражал и смещение управленческих приоритетов, возврат к прежним временам и экономическим установкам. Голенищев акцентировал управленческое внимание не на военно-морском или торговом значении полуострова, а на использовании его внутренних ресурсов. 19 ноября 1830 г. он обратился к жителям Петропавловского порта с воззванием образовать Камчатскую земледельческую компанию[102]. Но идея развития земледелия на Камчатке получила отрицательный отклик «Московского телеграфа», внимательно следившего за восточными делами. Иркутский корреспондент журнала Я. Забела иронически вопрошал: «Неужели небольшой лоскут земли, занятой Компаниею под посев мог родить исполинские надежды переменить климат в стране вечного хлада?» При этом он указывал и на опасность привычки камчадалов к потреблению хлеба, заявляя, что достаточно будет традиционных источников питания, предоставляемых морем и лесами. Исключение Забела, не без основания, делал лишь для картофеля[103]. Ходатайствовал Голенищев и о крестьянском переселении на полуостров, предлагая брать переселенцев с берегов реки Лены, где условия были схожими с камчатскими. Переселение должно стать государственным делом, и казна обязана взять на себя затраты на перемещение крестьян и их обустройство на месте, освободив на 10 лет от повинностей[104]. Для развития животноводства планировалось привлечь на Камчатку «прирожденных скотоводов» – якутов.

Для Петропавловска же, указывал А.В. Голенищев, будет достаточно военной команды и небольшого штата чиновников под руководством морского офицера. К тому же, добавлял начальник Камчатки, в Верхнекамчатске чиновники будут более независимы от морских офицеров. Очевидно, он опасался повторения конфликтов между чиновниками и морскими офицерами. При этом Голенищев не забыл и о положении

---

[101] Записка А.В. Голенищева об улучшении Камчатки (30 апр. 1827 г.) // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 166. Л. 33.

[102] Меры к распространению земледелия на Камчатке // Журнал МВД. 1832. Кн. 1. С. 58, 66. Камчатская земледельческая компания была утверждена Николаем I 18 августа 1831 г.

[103] *Забела Я.* Несколько замечаний о Камчатке // Московский телеграф. 1833. № 5. С. 40–41.

[104] Записка А.В. Голенищева об улучшении Камчатки (30 апр. 1827 г.) // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–2.

камчатского начальника, продолжавшего находиться в подчинении иркутским властям. Чтобы покончить с этой неопределенностью, полагал он, начальник Камчатки должен иметь права колониального начальника в отношении не только всех жителей, но и всех находящихся на полуострове военных. Назначение камчатского начальника должно остаться исключительно в руках петербургских властей, а иркутское начальство будет заботиться лишь о снабжении полуострова продовольствием.

Сибирский комитет, где рассматривались 22 декабря 1827 и 26 января 1828 гг. предложения Голенищева, не счел нужным существенно расширить права камчатского начальника[105]. Но Голенищеву удалось то, чего не удавалось его предшественникам. Он получил право по вопросам гражданского управления обращаться напрямую в МВД, помимо иркутского начальства, с оговоркой, что этим не нарушаются прежние отношения к Главному управлению Восточной Сибири (ГУВС)[106]. Голенищеву было поручено самому подготовить проект наказа камчатскому управлению, но представить его на рассмотрение в Петербург он обязан был через ГУВС. Голенищев такой проект подготовил, однако он так и не был принят.

Как только А.В. Голенищев попытался воспользоваться предоставленным ему правом напрямую сноситься с МВД, он сразу же натолкнулся на противодействие со стороны восточно-сибирского генерал-губернатора. А.С. Сгибнев сообщает, что в Иркутске излишне придирались к действиям Голенищева, препятствовали реализации его предложений, усилили контроль за расходуемыми на Камчатке казенными средствами. Не встретил он поддержки также ни в МВД, ни в Сибирском комитете. Представление Голенищева о прибавке жалованья камчатским чиновникам было парализовано генерал-губернатором А.С. Лавинским, по настоянию которого Сибирский комитет в 1829 г. дополнительно поспешил разъяснить, что отношения камчатского начальника к ГУВС «остаются в той силе, как определены Положением 1812 г. и Сибирским Учреждением, а потому все представления к устройству края, управлению его вверенного, относящиеся должны поступать на разрешение высшего начальства не иначе, как чрез генерал-губернатора Восточной Сибири»[107]. Проезжавшему через Иркутск на Камчатку М.А. Александрову А.С. Лавинский высказал недовольство в том, что в Петербурге Голенищев, женатый на дочери известного мореплавателя Г.А. Сарычева, действовал помимо своего непосредственного

---

[105] Журнал Сибирского комитета 22 дек. 1827 г. и 26 янв. 1828 г. // Там же. Д. 167. Л. 117–121.

[106] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1867. № 8. С. 52.

[107] Журнал Сибирского комитета 10 и 28 дек. 1829 г. // РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 168. Л. 209.

иркутского начальства и искал покровительства у адмиралов П.И. Рикорда и А.П. Лазарева. Особенное недовольство вызывало у генерал-губернатора то, что начальник Камчатки требует предоставления себе «колониальных прав». При этом он добавил, что переселение на полуостров свободных крестьян «не обещает желаемых выгод и слишком будет убыточно для казны. Камчатка и все наше восточное приморье за Яблоновым хребтом еще не созрели для резких политических переворотов»[108].

От полученной с таким трудом А.В. Голенищевым самостоятельности вскоре не осталось и следа. Не были поддержаны в Сибирском комитете и хозяйственные планы камчатского начальника. Традиционно ссылались на недостаток средств и на ненадежность данных о возможности земледелия на полуострове. Неудачей закончилась деятельность Камчатской сельскохозяйственной компании, несмотря на то, что удалось собрать первоначальный капитал и получить земельные льготы. В 1840 г. компания была закрыта.

Прослужив положенные пять лет, Голенищев отправился в отпуск в Петербург, намереваясь лично отстаивать там свои предложения. Но ему уже не суждено было вернуться на полуостров, как он планировал. Воспользовавшись его отъездом, восточно-сибирский генерал-губернатор настоял на том, чтобы Голенищева, «как человека беспокойного и строптивого», заменили. Очевидно, что столь энергичный начальник края не устраивал ни местное, ни столичное начальство.

Вместо А.В. Голенищева 15 января 1835 г. на Камчатку был назначен капитан 1-го ранга И.Я. Шахов, «грубый, совершенно необразованный человек», как его характеризовал К. Дитмар[109]. Меры, предпринятые его предшественником на полуострове, он постарался принизить и поспешил донести генерал-губернатору, что Голенищев привел край в бедственное положение и что вся заслуга его состоит только в том, «что он пред своим домом распланировал место для сада, расположил дорожки и куртины, развел цветы и насадил молодых тополей»[110]. Но, несмотря на явное желание Шахова выслужиться перед иркутским начальством, скоро и он пал жертвой интриг. На этот раз против камчатского начальства в оппозиции оказалось духовенство во главе с протоиереем Прокопием Громовым. Последний сумел настроить против Шахова генерал-губернатора В.Я. Руперта. Шахова обвиняли в том, что он не ходит на исповедь, не причащается, не соблюдает постов, не ходит в церковь и т.д. Подобное обвинение было признано основательным,

---

[108] *Александров М.А.* Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 412.

[109] *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. СПб., 1901. Ч. I. С. 149.

[110] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1867. № 8. С. 63.

чтобы отстранить его от управления полуостровом. Посланный Морским министерством для расследования капитан-лейтенант Васильев заключил, что оставлять Шахова на Камчатке «было бы более вредно, чем полезно». С формулировкой «по расстройству умственных способностей» он был в 1839 г. временно заменен капитан-лейтенантом Шишмаревым. Но и этот выбор оказался неудачен.

Шишмарева уже в следующем году сменил капитан 2-го ранга Н.В. Страннолюбский, который также не оставил какого-либо заметного следа в жизни Камчатки и известен только тем, что активно занимался разведением картофеля и огородничеством, как продовольственной альтернативой хлебопашеству. В помощь ему от Министерства государственных имуществ на Камчатку был послан в 1841 г. прусский агроном Кегель, с которым у камчатского начальника не сложились отношения. Теперь происки агронома чуть не стоили главному начальнику Камчатки должности. Кегель, увлеченный своими фантастическими планами развития хлебопашества на полуострове, переселения 10 тысяч крестьян, разведения домашней птицы (для чего необходимо уничтожить всех собак), строчил в Петербург доносы на Страннолюбского. Последнего спасла ревизия восточной Сибири сенатора И.Н. Толстого. Ревизоры Львов и Булычев сумели оправдать Страннолюбского, и он продержался на своем посту до начала 1845 г., когда новым камчатским начальником был назначен капитан 2 ранга Р.Г. Машин.

Охотский порт также продолжал терять свое значение. Так, в 1819 г. из Кронштадта в кругосветное путешествие было отправлено пять кораблей, но все они шли в Ново-Архангельск, минуя Охотск[111]. РАК попыталась найти на дальневосточном побережье место для строительства нового порта, командировав в 1829 г. с этой целью в Удский острог поручика П.Т. Козьмина[112]. В 1837 г. был закрыт Охотский солеваренный завод, а в 1839 г. посланный в Охотск с инспекцией от Морского министерства адъютант князя А.С. Меньшикова капитан 2-го ранга Васильев вновь поднял вопрос о переносе порта из Охотска в другое место. Этим же вопросом были обеспокоены и чиновники ревизионной комиссии сенатора И.Н. Толстого в середине 1840-х гг. В 1844 г. епископ камчатский, курильский и алеутский Иннокентий писал в Синод, что в Охотске слишком много чиновников (до 45-ти чел.): «Все эти чиновники получают большое жалованье, чины, привилегии, пенсии – и за что? Какое бы было благодеяние, если бы эти суды уничтожили!»[113].

---

[111] *Алексеев А.И.* Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 115.

[112] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 32.

[113] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 214.

Неудачной оказалась растянувшаяся почти на двадцать лет (с 1821 по 1840 гг.) затея с поиском нового места для Гижиги, потребовавшая значительных средств, которые оказались растраченными напрасно[114].

Самодержавие в первой трети XIX в. так и не смогло найти для Охотско-Камчатского края четкой административной организации и стабильного управленческого центра. Частые институциональные и административно-территориальные изменения не имели большого смысла, вращаясь в кругу проблем, порожденных властными противоречиями как регионального, так и общероссийского масштаба. Ситуация в дальневосточном регионе продолжала зависеть от сложного переплетения ведомственных и личных интересов, а также от внешнеполитических приоритетов в бассейне Тихого океана. В определении политического курса здесь сталкивались несколько различных позиций, представленных центральными ведомствами (морским, военным, коммерции, иностранных дел, внутренних дел, финансов), местной сибирской администрацией и правлением РАК, имевшим сильные позиции как в Петербурге, так и на Дальнем Востоке. Отсутствие действенного контроля за чиновниками и офицерами в Охотске и на Камчатке привело к тому, что край в значительной степени потерял управляемость, чем с видимым успехом пользовалась РАК. Мышиная бюрократическая возня в управлении Охотско-Камчатским краем, интриги и происки чиновников, авантюрные планы и самоуправство морских офицеров, частая смена персонажей на ответственных постах проходили на фоне угасания интереса к региону в высших правительственных кругах.

---

[114] *Сильницкий А.* Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края, с 1819–1840 г. // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 59–72.

ГЛАВА 2

«ВЕК» МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО

2.1. Дальневосточный реванш

«Не на Босфоре Константинопольском, а на Босфоре Восточном должно со временем воспоследовать радикальное разрешение восточного вопроса».

В.В. Крестовский[1]

Н.Н. Муравьев-Амурский и Дальний Восток – особая тема, хотя и имеющая уже значительную литературу, однако требующая свежего взгляда и нового научного анализа[2]. По меткому определению М.А. Бакунина, Муравьев «впервые осмыслил Сибирь»[3], сформировал управленческую команду, способную осуществить новый политический курс на крайнем востоке империи. А.П. Барсуков после прочтения биографии Муравьева-Амурского, написанной его братом И.П. Барсуковым, поделился своими впечатлениями: «Та же манера работать с утра до вечера, заставить всех работать, та же гигантская, несокрушимая сила воли, та же находчивость в самых трудных положениях, да и манера писать к подчиненным та же самая. Петр Великий, несомненно, был идеалом Муравьева. Недаром же он назвал его именем залив Японского моря»[4]. «Делая сравнение несколько гиперболическое, – писал М.И. Венюков, – я могу сказать, что для Восточной Сибири «век Муравьева» был тем же, чем век Екатерины II для всей России и век Людовика XIV для Франции»[5].

---

[1] О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. Записка штаб-ротмистра В. Крестовского (бывшего секретаря главного начальника русских морских сил Тихого океана). [СПб., 1881]. С. 28.

[2] См.: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; *Козюра А.В.* Российская историография о роли Н.Н. Муравьева-Амурского в становлении дальневосточной политики // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.; Иркутск; Тэгу, 1997. Вып. 2. С. 28–32.

[3] *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 348.

[4] *Сидорова А.Б.* Архив А.П. Барсукова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1990. Вып. 48. С. 35. (Из письма А.П. Барсукова к И.П. Барсукову 14 апр. 1891 г.).

[5] *Венюков М.И.* Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 273.

Изменившаяся к началу 1840-х гг. в результате военной и экономической активности европейских держав политическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе поставила перед российскими властями новые сложные задачи. Вновь нарастает опасение, что если будет продолжаться политика забвения дальневосточного региона, он может быть занят другими. Некоторое оживление в петербургских политических кругах наметилось с поражением Китая в первой «опиумной» войне 1839-1842 гг. и открытием нескольких китайских портов для европейской торговли. Беспокойство доставляли английские миссионеры и путешественники, зачастившие не только в страны Дальнего Востока, но и в Сибирь. Так, по словам Э.И. Стогова, путешественник Кохрен был нанят английской компанией, чтобы собрать сведения о чукчах и коряках с целью завязать с ними торговлю[6]. Это снова выдвинуло на повестку дня амурскую тему, о которой всегда помнили, но разрабатывали чрезвычайно вяло. Взоры проводников имперской политики в регионе все чаще обращаются к югу.

Угроза появления на Амуре англичан заставила самодержавие более активно заняться этим вопросом. В апреле 1843 г. в Петербурге в связи с китайскими событиями был созван Особый комитет, куда были внесены проекты адмиралов Е.В. Путятина и И.Ф. Крузенштерна, предлагавших провести новое исследование тихоокеанского побережья, включая и Амурский лиман[7]. И.Ф. Крузенштерн в записке, датируемой приблизительно тем же годом, настаивал на отправке посольства в Японию, надеясь на установление прочных торговых связей, от которых ожидал большой пользы и для Охотско-Камчатского края. Его волновало также и то, что Англия добилась значительных успехов в Китае[8]. Решено было возобновить исследование Амура и Сахалина. Но вновь предпочли действовать осторожно, использовав в качестве прикрытия РАК. В устье Амура были организованы экспедиции Д.И. Орлова (1845 г.) и А.М. Гаврилова (1846 г.), которые, впрочем, значительного успеха не принесли[9].

---

[6] Записки Э.И. Стогова // Русская старина. 1903. № 3. С. 468.

[7] *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С. 229.

[8] Предложения И.Ф. Крузенштерна о посылке посольства в Японию с целью установления торговых отношений и о научном значении кругосветных плаваний // Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 493–494.

[9] Почти все исследователи «амурского вопроса» приводят резолюцию, которую в 1847 г. якобы наложил Николай I по поводу экспедиции А.М. Гаврилова: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить; лиц, посылавшихся к Амуру, наградить». Однако современный исследователь А.С. Мамай утверждает, что такой царской резолюции на отчете, хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи, нет. – *Мамай А.С.* Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848–1854 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 4–5.

Малая населенность российского Дальнего Востока, падение управляемости Охотско-Камчатским краем, неясность экономических перспектив и географическая отстраненность от новых зон политической активности грозили России утратой традиционно доминирующего положения на азиатском северо-востоке. Крымская (Восточная) война продемонстрировала уязвимость российских позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, возникла острая необходимость общего пересмотра всего политического курса на Дальнем Востоке. Вектор политической активности должен был неизбежно сместиться с северо-востока на юго-восток, сменив заморскую экспансию на континентальную. В условиях разраставшейся многофакторности внешней политики России на Дальнем Востоке самодержавие должно было выстроить новую региональную конструкцию международных отношений, используя ослабление военно-политического могущества Цинской империи и противоречия, существовавшие между Англией (основной соперницей России в Азии) и США.

Определяя смысл территориальной политики Николая I на Дальнем Востоке, признанный знаток Азии М.И. Венюков писал: «Сибирь не имела выхода со стороны Тихого океана. Суровые прибрежья Охотского моря не представляли условий, необходимых для основания и развития там торговых городов, а затем ничего не оставалось более, как занять опять Амур...»[10]. Если первоначально возвращение Амура связывалось с защитой и снабжением продовольствием Охотско-Камчатского края, то скоро Амур из средства превратился в самоцель, определив новое направление правительственных действий. Снова, как и на рубеже XVIII–XIX вв., в обосновании необходимости присоединения амурских земель зазвучали геополитические мотивы. Уже в записке восточно-сибирского генерал-губернатора В.Я. Руперта, которую тот подал царю в марте 1846 г., разъяснялось: «Амур необходим для восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для западного его края, необходим как для расширения наших торговых связей с Китаем, и вообще с Востоком, как для решительного утверждения Русского флота над северными водами Восточного океана, так и для быстрейшего и правильнейшего развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана...»[11]. В этих условиях с новой силой зазвучали российские претензии о возвращении амурских земель[12].

---

[10] *Венюков М.И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878 гг. Т. 1. Общий взгляд на эпоху; перемены в составе государства; международное положение России. Лейпциг, 1878. С. 121.

[11] Цит. по: *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 12.

[12] См.: *Кабанов П.И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; *Мамай А.С.* Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в. Н.Н. Муравьев-Амурский: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Неожиданно для многих современников 5 сентября 1847 г. генерал-губернатором огромного края, простиравшегося от Енисея до побережья Тихого океана, был назначен генерал-майор Н.Н. Муравьев, которому в ту пору было всего 38 лет. Однако за его плечами уже были военная служба в Польше и на Кавказе[13], а также небольшой губернаторский опыт в Туле. Получив от людей, осведомленных о делах края, необходимые сведения[14] и ознакомившись с состоянием дальневосточной политики, Муравьев объявил преступным предшествовавший правительственный курс: «У меня довольно твердости и постоянства, чтобы выполнить все то, что я вижу и представляю, но я не умею бороться против неблагонамеренности; все дела Камчатки и Охотского моря, особенно после всеобщего европейского мира в 1815 году, положительно свидетельствуют, что в последние 35 лет враждебный дух руководствовал всеми нашими действиями в этой стороне!»[15]. В обвинениях Муравьева явно просматривались два тезиса: во-первых, упрек в адрес петербургских политиков (в их числе и в адрес великого реформатора М.М. Сперанского), долго не сознававших значения тихоокеанского побережья для России; во-вторых, попытка подчеркнуть, что региональные власти оказались более предусмотрительными в силу своей лучшей осведомленности. В последнем утверждении прослеживалась мысль о необходимости Петербургу более чутко прислушиваться к мнению местных властей.

В первом же своем докладе царю в январе 1848 г. Н.Н. Муравьев указал на главные, с его точки зрения, сибирские проблемы. В их числе: о границе с Китаем, неудобствах Охотского порта и возможности его

---

[13] На важность кавказского опыта и особого стиля кавказского управления указывал В.И. Вагин: «Муравьев недаром служил на Кавказе: он сохранил некоторые из кавказских преданий и привычек. Он не терпел формализма. Простота его обращения в частном быту, нисколько не походившая на важность тогдашних вельмож, была изумительна». – *Вагин В.И.* Муравьевское время в Сибири // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1699. Л. 36.

[14] Сотрудник МИД и будущий петрашевец А.П. Баласогло, близкий знакомый Г.И. Невельского, подготовил для Муравьева специальную записку об истории и современном состоянии дальневосточного вопроса, что, очевидно, оказало большую помощь молодому и энергичному генерал-губернатору в формулировке нового политического курса. Правда, впоследствии Баласогло с горечью говорил (заметим, что это случилось не с одним лишь Баласогло, а со многими, кого генерал-губернатор привлекал к сотрудничеству): «Муравьев, который было привел меня в восторг, пока я был ему нужен, как переслушал от меня все, что я ни знал о Сибири, Китае, Японии, Восточном океане, Америке и пр., и взял две статьи, над одной из которых я бился, как в опьянении, целые две недели, с утра до глубокой ночи, не вставая с места, чтобы успеть ее кончить, так и уехал, не удостоив меня даже впуском к себе в числе 10-кратных моих попыток». – Цит. по: *Полевой Б.П.* Опознание статей петрашевца А.П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.) // История СССР. 1961. № 1. С. 155–159.

[15] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 222.

переноса в другое место, улучшении сообщений с Охотским морем и Камчаткой. Генерал-губернатор специально остановился и на том значении, которое приобрел Китай и «Восточный океан с его морями, обратившими на себя внимание европейских морских держав»[16].

Николай I был заинтересован в том, чтобы двинуть дальневосточные дела вперед, и не случайно при назначении на пост восточно-сибирского генерал-губернатора Муравьев получил право лично обращаться к императору в особо важных случаях. Но эта поддержка не имела абсолютного характера, иначе трудно объяснить только интригами соперников то, что Муравьев был утвержден в должности генерал-губернатора лишь 6 декабря 1849 г. Нельзя, впрочем, утверждать, что в высших петербургских сферах новый восточно-сибирский генерал-губернатор был одинок в своих воззрениях. Он получил действенную поддержку от вел. кн. Константина Николаевича, министра внутренних дел Л.А. Перовского[17] и вел. кн. Елены Павловны[18]. Особенно важной была заинтересованность в дальневосточных делах вел. кн. Константина Николаевича, который был генерал-адмиралом и фактически руководил морским ведомством, а также имел существенное влияние на наследника престола, а затем императора Александра II. В начале 1852 г. Муравьев по просьбе вел. кн. Константина Николаевича составил даже специальный очерк о состоянии управления в Сибири. Муравьев надеялся, что великий князь посетит Восточную Сибирь уже в 1853 г.: «...пожаловавши однажды сюда, не изволите ограничиться посещением только Иркутска, который сам по себе этого и не заслуживает и теряет здесь прежнее свое значение с того времени, как правительство обратило деятельное внимание на восточные оконечности Восточной Сибири»[19]. Не оставлял он таких надежд и позднее, когда 11 февраля 1857 г. писал П.В. Казакевичу об этом, как о деле решенном, и сообщал, что та-

---

[16] Всеподданнейший доклад Н.Н. Муравьева (янв. 1848 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6923. Л. 2-3, 10-11.

[17] Отправляя в 1850 г. Б.В. Струве в Петербург, Муравьев его инструктировал, как и с кем общаться: «С графом Перовским обо всем совершенно откровенно, с другими лицами относительно вопроса об устьях Амура отделывайтесь молчанием или уклончивым ответом, что вы в подробности дела не посвящены». – *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 102. В юности, в Училище колонновожатых, Л.А. Перовский с товарищами мечтал об устройстве республики на острове Сахалин. – *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 18–21.

[18] «... Она одна, кажется, искренно ко мне расположена в Петербурге», – писал Н.Н. Муравьев в 1860 г. – *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. I. С. 607.

[19] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 299. Об этом Муравьев писал 1 февраля 1852 г. Г.И. Невельскому: «Я почти убежден, что в навигацию 1853 года мы будем иметь дорогого посетителя и тогда развяжутся руки». – Цит. по: *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 92.

кая поездка состоится летом 1858 г.[20] Существовали даже планы посещения Амура императором Николаем I и наследником престола. Правда, Муравьев заметил по этому поводу, что ему «до этого не дожить, ибо ранее пяти лет я пригласить их сюда не мог бы, – другое дело Его Высочество [вел. кн. Константин Николаевич], который бы посмотрел на все как хозяин»[21].

Суть новой дальневосточной доктрины Н.Н. Муравьев изложил в записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалина, которая ему противолежит, а также левого берега Амура» (1849 г.)[22]. Главными мотивами активизации дальневосточной политики и возвращения России Амура он считал тесную связь перспектив развития Восточной Сибири с установлением удобного сообщения по Амуру с побережьем Тихого океана, а также возрастающую угрозу в регионе со стороны европейских держав. Овладение Амуром англичанами даст им прекрасную возможность для экспансии во внутренние провинции Китая, на российский Дальний Восток и далее в Сибирь. Россия, в силу своего исторического права, обязана воспользоваться географическим преимуществом и дать адекватный ответ на новый вызов, брошенный ей Западом в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «По давности обладания северными берегами Восточного океана, – писал в 1853 г. Муравьев, – Россия имеет более прав и более средств, чем всякая другая держава, господствовать, по крайнем мере на азиатской ее стороне»[23].

Политико-географическая комбинация, предложенная восточносибирским генерал-губернатором, предусматривала устройство двух крепостей: одной в устье Амура, а другой – в Петропавловске на Камчатке, между которыми бы регулярно крейсировала флотилия, «чтоб в крепостях этих и на флотилии гарнизоны, экипаж и начальство доставляемы были из внутри России, то этими небольшими средствами на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами...»[24]. Муравьев допускал, что занятие левого берега Амура и организация плавания по реке могут потребовать много времени и будут зависеть от развития отношений с Китаем. Но нужно спешить, пока Россию не опередила Англия. С установлением новой границы с Китаем и организацией регулярных сплавов по Амуру Россия должна создать «в Охотском море и Авачинской губе» самый мощный в регионе флот, превосходящий все имеющиеся здесь военно-морские силы других

---

[20] Н.Н. Муравьев – П.В. Казакевичу (11 февраля 1857 г.) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

[21] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (27 сент. 1858 г., Иркутск) // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 62.

[22] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 46–49.

[23] Там же. Т. I. С. 321.

[24] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 41–42.

держав, что обеспечит российскую гегемонию в северо-восточной части Тихого океана и остановит хищнический китобойный промысел в российских водах[25]. Создание тихоокеанского флота должно быть подкреплено сосредоточением на Дальнем Востоке внушительной сухопутной военной силы и крестьянской колонизацией. Расставляя административно-политические и военные акценты нового политического курса, Муравьев утверждал, что единственной целью здесь «может быть обладание р. Амуром, какая бы ни была почва земли на левом ее берегу»[26], а «главнейшею заботою и занятием здесь правительства должно бы быть обеспечение естественных границ империи (подчеркнуто мной. – А.Р.), предмет, который, к сожалению, и Сперанским, и до него, и после него оставлен был без всякого внимания»[27].

Такой подход определил военный приоритет дальневосточной политики. Как справедливо заметил еще К.К. Куртеев, в первые годы присоединения Приамурского края на него смотрели преимущественно «как на военную колонию, обеспечивавшую выход к Тихому океану, требовавшую крупных государственных затрат. Особенной экономической надобности в таком выходе по тогдашнему состоянию народного хозяйства у России не было, но все сознавали, что дверь в Восточный океан понадобится в недалеком будущем»[28]. Традиционно особо пристальное внимание Дальнему Востоку уделяли моряки, продолжавшие надеяться, что с выходом к Тихому океану в России разовьется «морская предприимчивость»[29]. Россия должна вернуться на азиатский континент, сохраняя за военно-морскими силами задачи стратегической обороны дальневосточных морских рубежей и поддержки действий на суше. Только усилившись на континенте, создав на Дальнем Востоке мощный военный и экономический потенциал, Россия сможет приступить к активной военной и торговой морской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это была политика, во многом нацеленная на перспективу, ради которой стоило пойти на необоснованные настоящим моментом жертвы. Впрочем, самодержавие никогда не отказывалось от экономических выгод, они просто откладывались на отдаленное будущее.

Из прежнего опыта управления Охотско-Камчатским краем стало ясно, что надежного сухопутного сообщения на линии Иркутск – Якутск – Охотск – Камчатка обеспечить не удастся. Чтобы использовать преимущество единого имперского пространства для укрепления позиций

---

[25] Н.Н. Муравьев – управляющему Морским министерством кн. А.С. Меньшикову (1 янв. 1850 г.) // Барсуков И.П. Указ. соч. Т. II. С. 51.

[26] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 215.

[27] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (20 февр. 1852 г.) // Барсуков И.П. Указ. соч. Т. I. С. 308–309.

[28] *Куртеев К.К.* Экономическая проблема Приамурья. Владивосток, 1921. С. 3.

[29] *Римский-Корсаков В.А.* Балтика-Амур. Хабаровск, 1980. С. 206.

на Дальнем Востоке, чего не имела ни одна европейская держава, правительственные взоры неизбежно обращались к водному пути по Амуру. В рассуждениях Г.И. Невельского, главного сподвижника Н.Н. Муравьева по амурской эпопее, явно звучали географические императивы: «Стоит только внимательно взглянуть на карту Сибири, чтобы оценить всю важность этой потери: полоса земли в несколько тысяч верст, удобная для жизни оседлого человека и составляющая собственно Восточную Сибирь, где сосредоточивалось и могло развиться ее народонаселение, а с ним и жизнь края, ограничивается на юге недоступными для сообщения, покрытыми тайгою цепями гор, на севере – ледяными бесконечными тундрами, прилегающими к такому же Ледовитому океану; на западе – единственными путями, через которые только и можно наблюдать и направлять ее действия к дальнейшему развитию, наравне с общим развитием нашего отечества, – путями, через которые только и возможно увеличение ее населения; на востоке – опять недоступными для сообщения горами, болотами и тундрами. Все огромные реки, ее орошающие: Лена, Индигирка, Колыма и другие, которые при другом направлении и положении могли бы составить благо для края, – текут в тот же Ледовитый, почти недоступный океан и через те же недоступные для жизни человека пространства. Между тем природа не отказала Восточной Сибири в средствах к этому развитию; она наделила ее и плодородными землями, и здоровым климатом, и внутренними водными сообщениями, связывающими ее более или менее с остальной Россией, и богатствами благородных и других металлов – элементами, обеспечивающими благоденствие жителей Восточной Сибири и ее постепенное и возможное развитие, если только ей открыть путь, посредством которого она могла бы свободно сообщаться с морем. Единственный такой путь представляет собою когда-то потерянная нами река Амур»[30].

Главной причиной оживления дальневосточной политики стало опасение за целостность империи, угроза которой исходила как извне, так и изнутри. Чтобы привлечь внимание столичных властей к нуждам Восточной Сибири и особенно ее пограничных и прибрежных районов, Н.Н. Муравьев, может быть, сознательно преувеличил угрозу возможных территориальных потерь. Он неоднократно упоминал о возможности утраты для России всей Сибири, если устье Амура займут «морские хищники»-англичане, призывая не дремать, ибо «враг близко»[31], и утверждал, что, если какие-либо территории на Дальнем Востоке не будут закреплены за нами, то их захватят другие. Поэтому нужно действовать

---

[30] *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-1855. М., 1947. С. 39–40.

[31] *Корсаков М.С.* [Отрывки из дневника] // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 80.

быстро и решительно, поддерживая дипломатические требования «нашим фактическим занятием»[32]. А.П. Баласогло, надеясь быть услышанным как властью, так и российским обществом, предупреждал: «Не пройдет, может быть, и года, даже несколько месяцев, и сперва весь мир, а потом Петербург прочитает в своих Ведомостях, что Англичане, или Французы, овладели, по добровольному согласию Китайцев, устьем Амура и получили дозволение ходить вверх и вниз по этой реке до Нерчинска... Странно будет это известие; но оно неизбежно... Если Россия не хочет видеть своих сокровищ, – надо же, чтоб кто-нибудь их видел и брал свои меры!.. Место свято не будет пусто!»[33]

Отличием нового курса азиатско-тихоокеанской политики России стал поиск оптимального баланса между континентальными и морскими интересами. Самодержавие пришло к пониманию бесперспективности конкурировать в океане с европейскими державами и Северо-Американскими Штатами, не имея на востоке мощного флота. Уже в 1853 г., прогнозируя усиление могущества США, Муравьев утверждал, что со временем они будут первенствовать на Тихом океане и следует примириться с мыслью, «что рано или поздно придется им уступить Северо-Американские владения наши»[34]. Отказавшись от заморских территорий в Северной Америке, Россия могла господствовать на азиатском побережье океана. Этой цели способствовала тесная связь России с США, направленная против притязаний Великобритании, которая мечтала «отрезать Россию от Восточного океана». Об интересе США к Амуру свидетельствует записка А. Пальмера, адресованная президенту и датированная 1848 годом. Пальмер утверждал, что Амур позволит открыть прямой путь между Тихим океаном и Балтийским, Каспийским и Черным морями через систему судоходных рек Сибири, и поэтому США нужно добиваться у российского правительства права для американских граждан свободного плавания по Амуру[35].

Соприкосновение на Дальнем Востоке с молодой и энергичной американской нацией возбуждало у одних оптимистические надежды, а у других – тревожные опасения. Историк и путешественник П.И. Небольсин предупреждал в 1848 г. Военное министерство о преждевременности занятия Амура, пока не устранен «внутренний враг» в самой Сибири в лице недовольных российскими порядками беглецов из центральных губерний, раскольников, ссыльных поляков и т. п. Он запальчиво призывал: «...надобно убить этого врага, надобно убить, с корнем

---

[32] Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 33.

[33] [*Баласогло А.П.*] Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина. С. 187-188.

[34] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 323.

[35] *Пальмер А.* Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб., 1906. С. 2, 51.

вырвать мысль, укоренившуюся в сибиряках, что «Сибирь совсем не Россия», что «Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе». Это может со временем навести сибиряков на мысль о повторении опыта американских штатов. Сибирь, по его словам, еще не готова к самостоятельному контакту с цивилизованными народами, симпатии сибиряков могут легко обратиться в сторону американцев[36]. Мнение Небольсина охотно подхватили западно-сибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков[37] и военный министр А.И. Чернышев. Горчаков писал Чернышеву, что «неизмеримые дебри» от Якутска на восток составляют естественную непроходимую границу, не требующую никакой охраны. Но самое важное, подчеркивал западно-сибирский генерал-губернатор, – эти пространства «отстраняют жителей Сибири от непосредственного прикосновения с иностранцами». А всякое сближение с иностранцами он считал опасным уже в силу того, что сибиряки не питают большой привязанности к России. «Но что будет, – нагнетал страсти Горчаков, – если народонаселение сблизится с англичанами и американцами, которые примут на себя легкий труд получать от них то, что поныне доставлялось из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием»[38].

В записке о торговле с Китаем, представленной вел. кн. Константину Николаевичу в 1855 г. кяхтинским градоначальником Н.Р. Ребиндером, критике подверглись противники активной политики на Амуре. Одна из причин недоверия к новым начинаниям на Дальнем Востоке автору записки виделась в распространившимся предубеждении, что Сибирь «со временем отделится от России, почему и не следует давать ей средства к развитию промышленных ее сил»[39]. Опасность же, по мнению Ребиндера, заключалась в другом: «Не допуская даже возможность распадения (России. – А.Р.), разве не представляется в этом отношении гораздо более опасности именно со стороны Востока, если Англичане и Американцы утвердятся на берегах Амура. Они, без сомнения, покусятся на завладение им, в случае неудачи России, зная как важно для нее путем соединения Восточного края ее с Тихим океаном, дающим ей возможность иметь непосредственное влияние на Манджурию, а чрез нее на Китай собственно или на северные владения его. С берегов Амура им не трудно будет проникнуть в Забайкальский край с революционным

---

[36] По записке коллежского секретаря Небольсина «О необходимости образования в Сибири казачьего войска» (1848–1850 гг.) // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18089. Л. 1. Напротив этого места в записке П.И. Небольсина сохранилась помета «NB», сделанная, видимо, военным министром А.И. Чернышевым.

[37] П.Д. Горчакова пугала сама мысль о формировании сибиряками казачьего войска в Сибири, «наипаче, если допустить стремление здешних обывателей не признавать Сибирь Россиею». – Там же. Л. 16.

[38] Цит. по: *Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. С. 60.

[39] Записка о торговле с Китаем // РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 161–162.

знаменем в руках. Легко представить себе последствия такого события, неизбежного в самом деле, если по излишней снисходительности к Китайцам мы не сумеем выговорить себе безусловного владения всем левым берегом Амура»[40]. Управляющий делами II Сибирского комитета В.П. Бутков заявлял, что американцев нельзя пускать на Амур, так как они разовьют там свой республиканский дух и «Сибирь отвалится от нас»[41]. Подобное опасение возникло при рассмотрения проекта сибирской железной дороги, предложенного в 1858 г. англичанином Слейгом[42]. Тогда же главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями К.В. Чевкин в качестве аргумента против строительства дороги заявил, что под видом грузов англичане завезут в Сибирь пятидесятитысячную армию и завладеют ею. Возражал он и против железнодорожного проекта американца П. Коллинза: этот проект представлялся ему лишь средством вытянуть капиталы из Восточной Сибири[43]. Управляющий делами Сибирского комитета В.П. Бутков сопроводил официальный отказ в строительстве железной дороги устными комментариями: «Все это, что написал Чевкин, – вздор, а сущность в том, что нам нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье. Они разовьют там республиканский дух, и Сибирь отвалится»[44].

Н.Н. Муравьев также свидетельствовал о наличии господствовавшего в Петербурге предубеждения, «что Сибирь рано или поздно может отложиться от России». Однако фобия сибирского сепаратизма оказалась не чужда и ему самому. Основную опасность за Уралом, на его взгляд, могут представлять, помимо поляков, сибирские купцы-монополисты и золотопромышленники, не имеющие «чувств той преданности Государю и отечеству, которые внутри империи всасываются с молоком», и за немногими исключениями имеют те высокие чувства, «которыми гордится и славится всякий Русский». Сибирские предприниматели, захватившие благодаря своему богатству власть над местным населением и даже чиновниками, представлялись ему равнодушными к русскому делу на Востоке. Им все равно, если англичане захватят устье Амура, лишь бы получить от этого экономическую выгоду. Присутствовало и ощущение опасности польской ссылки, способной заразить сибиряков духом сепаратизма[45].

---

[40] Н.Р. Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 162.

[41] [*Венюков М.И.*] Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии (Прибавочный лист к первому десятилетию. 1 августа 1867 г.) // Колокол. Вып. IX. М., 1964. С. 4.

[42] Русская старина. 1885. № 5. С. 315–316.

[43] *Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь. Прага, 1930. С. 31.

[44] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 59.

[45] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 205–206.

Один из соратников Муравьева Б.В. Струве считал, что угроза отделения Сибири от империи нужна была ему из чисто прагматичных соображений, чтобы ускорить решение амурского вопроса. Однако, как считал историк и современник В.И. Вагин, «призрак сепаратизма» лишь усложнил положение Муравьева, и его самого стали подозревать в намерении отделить Восточную Сибирь от России[46]. По свидетельству иркутского купца Н.Н. Пестерева: «Слух об отделении Сибири был пущен, думаю, недоброжелателями Муравьева, чтобы сбыть его из Сибири, оклеветать этим против правительства»[47]. В декабре 1860 г. М.А. Бакунин информировал А.И. Герцена, явно выдавая желаемое за действительное, что ему удалось убедить Муравьева в необходимости децентрализации империи[48]. Развивая свой взгляд на будущее Сибири, М.А. Бакунин утверждал, что Амур, соединивший Сибирь с внешним миром, «со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность», добавляя при этом, что в Петербурге этого вполне серьезно опасаются и боятся, как бы Муравьев не провозгласил независимость Сибири[49]. П.А. Кропоткин записал в своих мемуарах, что в генерал-губернаторском кабинете молодые сотрудники Муравьева вместе со ссыльным революционером-бунтарем М.А. Бакуниным обсуждали «возможность создания Сибирских Соединенных Штатов, вступающих в федеративный союз с Северо-Американскими Соединенными Штатами»[50]. Существует версия, что 22 декабря 1857 г. петрашевец Н.А. Спешнев познакомил Н.Н. Муравьева с проектом «Генерального положения о Сибирских Со-

---

[46] Рассуждая на эту тему, Вагин писал: «Если он сознавал нелепость идеи о возможном отделении Сибири, то почему же поддерживал ее перед лицом Государя? Мог ли быть оправдан такой образ действий желанием усилить свои доводы? И не производили ли эти доводы, именно вследствие своей несообразности, действия совершенно противного тому, какого он ожидал от них Муравьев? Как с его умом было не предвидеть, что создавать призрак сепаратизма, – значит создавать возможность серьезных усложнений в будущем? Мы слыхали, что впоследствии намерение отделиться от России приписывали даже самому Муравьеву». – *Вагин В.И.* Муравьевское время в Сибири // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1699. Л. 6.

[47] Цит. по: *Должиков В.А.* М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993. С. 69–70.

[48] *Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. С. 57.

[49] *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 314.

[50] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 161. В дневнике П.А. Кропоткина есть еще одна интересная запись на эту тему: «Что связывает ее (Сибирь. – А.Р.), особенно восточную, с Россией? Ничто. Россия много в ней потеряет, Сибирь ничего. Впрочем, нет ей причины отделяться, дело народностей не затронуто; разве для того, чтобы дать лучшее управление этим несчастным рабочим на приисках да не мучить казаков, – одним словом, основать государство на иных началах. Но где же люди? Муравьев, говорят, все это понимал. Царем он не хотел делаться, а республика немыслима, людей нет...». – *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 59.

единенных Штатах»[51]. Когда в конце 1850-х гг. будущий идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин приехал в Томск, он столкнулся с сепаратистскими слухами «в самых нелепых формах» о том, что Муравьев-Амурский когда-нибудь объявит себя независимым[52]. Разумеется, об отделении Сибири от России Муравьев не помышлял, но его явно тяготило невнимание столичных сановников к краю и бюрократическая централизация, сдавливавшая местную инициативу.

Еще одним аргументом в политическом обосновании российской гегемонии в дальневосточном регионе стала апелляция к историческому праву России на приамурские территории. Это была не только политика исторического реванша, но и существенная корректировка политического курса в отношениях России с сопредельными азиатскими государствами, прежде всего с Китаем. Присоединение Приамурского края выглядело в правительственной идеологии как возвращение утраченных русских земель, насильственно отторгнутых Китаем. Правда, в трактовке восстановления исторической справедливости на амурские и уссурийские земли имперские аппетиты могли распространяться далеко за пределы утраченного в XVII в. Вследствие «нового здесь порядка вещей», полагал Муравьев, неизбежно должен был замениться и сам характер российско-китайских отношений. Китай, под воздействием европейских держав, не сможет сохранить свою прежнюю неподвижность, что «поневоле заставляет и нас, – писал он 27 апреля 1849 г. министру финансов Ф.П. Вронченко, – приходить здесь в *подвижность*» (выделено Муравьевым. – А.Р.)[53]. Чтобы быть готовыми перейти от традиционно сдержанной политики в отношении Китая к более активным действиям, необходимо спешно усилить войска в Забайкалье. Муравьев понимал необходимость сочетания в русско-китайских отношениях «дружбы-страха», исходя из своего понимания китайской психологии, состояния дел внутри Китая и оценок экспансии против Китая со стороны других европейских держав. Не случайно он с удовлетворением отмечал во всеподданнейшем отчете за 1860 г., что российско-китайские отношения приобрели «характер более твердый и правильный, более соответствующий достоинству России», вследствие нашего отказа от векового убеждения «о необходимости уважать невозмутимую замкнутость Китая»[54].

Перелом в отношениях с Китаем наступил с поражением Цинской империи в первой «опиумной войне» (1840–1842 гг.) и началом в 1851 г. восстания тайпинов. Ослабление Китая и угроза его распада, а также

---

[51] *Дулов А.В.* Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 1996. С. 271.

[52] *Должиков В.А.* М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993. С. 50.

[53] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 51.

[54] Всеподданнейший отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 1.

невозможность полностью дистанцироваться от агрессивных замыслов европейских держав создали новую политическую ситуацию в регионе[55]. Крымская война, докатившаяся и до Дальнего Востока, дала Н.Н. Муравьеву шанс действовать в отношении Китая наступательно. Опасения вызвать недовольство со стороны Англии отошли в сторону, а с Китаем, как полагал Муравьев, имея значительные военные силы в Забайкалье, не стоило особо церемониться, хотя необходимо демонстрировать дружелюбие. Но при этом он считал, что «настоящие междоусобия в Китае представляют к тому полное удобство»[56]. В этом точка зрения Муравьева существенно отличалась от традиционно осторожной позиции российского МИДа в отношении Китая.

Получив в известной степени carte blanche для ведения переговоров с Китаем, восточно-сибирский генерал-губернатор, несомненно, готов был перейти от дипломатических методов к военным. Еще в 1854 г., наблюдая за внутриполитическими процессами в Китае, Муравьев предусматривал, в случае падения манчжурской династии, усиление российского влияния в Маньчжурии и Корее и даже переход Монголии под покровительство России[57]. 19 октября 1855 г. он инструктировал начальника казачьего отделения ГУВС подполковника А.И. Заборинского: «Для пользы России желать надобно, чтобы переговоры с Китайцами окончились дружелюбно, ибо трудно ожидать, чтобы в Петербурге решили окончить *их иначе* (здесь и далее выделено Н.Н. Муравьевым. – А.Р.), если Китайское правительство не согласится на мои предложения *добром*; тем не менее я должен быть готов на все случайности и, по крайней мере, вовремя показать Китайцам нашу готовность двинуться в Монголию и Манджурию, если они вздумают препятствовать нашему сплаву в будущем году по Амуру»[58]. Излагая в 1857 г. вел. кн. Константину Николаевичу свою точку зрения на возможный вариант развития событий, Муравьев писал: «В сущности, может быть и лучше, если мы будем вынуждены заставить их силою принять наши предложения, и почему бы нам и не иметь того же права, которое присваивают себе англичане и французы, заставляющие китайцев силою принимать свои

---

[55] *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996. С. 270. В середине XIX в. в Александринском театре в Петербурге шла комедия «Война Федосьи Сидоровны с китайцами», перешедшая затем в балаганы. Федосья Тихоновна разгоняла китайцев ухватом. – *Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М.* Китайский вопрос. М., 1901. С. 37.

[56] Конфиденциальная записка [Н.Н. Муравьева], представленная великому князю, генерал-адмиралу [вел. кн. Константину Николаевичу](29 ноября 1853 г.) // Барсуков И.П. Указ. соч. Т. II. С. 107.

[57] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 111–113.

[58] Там же. Т. I. С. 438.

предложения»[59]. Когда посольство адмирала Е.В. Путятина из-за противодействия китайской стороны оказалось на грани срыва, восточносибирский генерал-губернатор предпринял меры для военной демонстрации на российско-китайской границе. Высказывались также предложения оказать экономическое давление, временно прекратив торговлю через Кяхту. Существенно был усилен российский флот на Тихом океане. Только в 1857–1858 гг. из Кронштадта на Дальний Восток были отправлены две эскадры судов под командованием капитанов 1-го ранга Д.И. Кузнецова и А.А. Попова. Более активной Муравьев хотел видеть политику России и в отношении Кореи, установив границу по реке Тюмень-Ула и заняв бухту Посьет[60].

В 1858 г. Муравьев направил в Ургу со специальной миссией своего представителя, кяхтинского градоначальника А.И. Деспот-Зеновича, который должен был склонить монгольского амбаня воспользоваться возможным падением маньчжурской династии. Деспот-Зенович убеждал своих монгольских собеседников, что Монголия «заключает все условия быть самостоятельным государством»[61] и обещал военную помощь России. Муравьев был увлечен открывающимися перспективами утвердиться в Монголии и Маньчжурии, «которые должны отделиться от Китая и составить два отдельные княжества, под покровительством России»[62]. В 1859 г. он вновь предложил направить войска в Монголию и Манчжурию, чтобы, опираясь на местное население, там закрепиться. Придерживаясь принципа, что реальные действия должны предшествовать их дипломатическому оформлению, Муравьев-Амурский в Албазине приказал казакам занимать под пашни и покосы острова на Амуре, невзирая на то, что они были у китайского берега. При этом он заявил:

---

[59] 1857–1861: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 130; *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 488.

[60] *Анисимов А.Л.* Проблема сохранения за Россией Дальнего Востока и обеспечения его безопасности с точки зрения администрации Восточной Сибири (50-60-е гг. XIX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 113–115.

[61] *Пантелеев Л.Ф.* Страничка из нашей дальневосточной политики // Сибирские вопросы. 1909. № 36. С. 18.

[62] Н.Н. Муравьев – М.С. Корсакову (9 марта 1857 г.) – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 486. В записке, датируемой 23 ноября 1859 г., Н.Н. Муравьев прямо пишет: «В случае взятия Пекина Манджурская династия падет непременно, и Манджурия и Монголия отделятся от Китая; этот исход дела был бы, конечно, самый благоприятный для России, хотя Европейцы и овладеют, если не материально, то нравственно, всем Китаем; зато соседи наши – Манджурия и Монголия – сделались бы тогда, если не материально, то нравственно подвластными нам владениями, и Россия приобрела бы здесь окончательно все то, к чему она только стремиться может...». – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 283.

«Амур весь наш, делайте, что можете, но на правом берегу пока ничего не начинайте. Придет время, и правый берег будет наш»[63].

Основная задача, которую был призван решить Н.Н. Муравьев, заключалась не только в расширении пределов империи, но и в закреплении России на естественных рубежах на Амуре и Уссури, создании военных укреплений в стратегически важных пунктах, обозначая новый участок имперского периметра линией казачьих станиц и крестьянских селений[64]. В колонизации слабо заселенных новых имперских территорий был заложен и важный политический смысл расширения России. Имперская технология присоединения обширной и плохо освоенной территории на Дальнем Востоке в целом вписывалась в сибирскую модель колонизации. Это хорошо понимали современники, принимавшие участие в освоении нового края. Архиепископ камчатский, курильский и алеутский Иннокентий писал в 1856 г. о необходимости, «как в первые времена заселена была Сибирь», переселить сюда выходцев из Европейской России, разместить их по почтовому тракту, сознавая при этом, что без насильственных мер не обойтись. Он специально разъяснял важность русского культурного продвижения: «Эти переселенцы, прийдя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменилось почти одно только место, – а общество, т.е. их соседи, те же, что и были в России»[65]. Казаки на Амуре строили церкви едва ли не раньше, чем были устроены дома и распаханы поля. Обнаружив, что и здесь растут огурцы и орешник, они, как дети, радовались: «вот она Россея-то где началась»[66].

Определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, Иннокентий отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»[67]. В Сибири же, считал он, не так много удобных земель для колонизации, и их лучше сохранить для естественного прироста самих сибиряков, тогда как северо-восток «приго-

---

[63] *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 год // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 197.

[64] *Осипов Ю.Н.* Начало заселения и освоения дальневосточных окраин России в 50-х гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 160–166.

[65] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 383.

[66] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 306.

[67] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 382. О православной миссионерской деятельности на Амуре см.: *Исаченко Б.А.* Православное миссионерство на Амуре во второй половине XIX в. // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып. 12. С. 21–23.

ден для жизни только тунгусов»[68]. Ботаник Г.И. Радде вспоминал, что в Муравьеве-Амурском «горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры»[69]. Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось прежде всего тем, как писал Н.Р. Ребиндер, «что Сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный Русский тип и Русские начала. Это служит лучшим залогом единства Русских по сю и по ту сторону Урала»[70].

В обрусении Приамурского края, как отмечал первый заведующий переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае Ф.Ф. Буссе, кроме крестьян и казаков, участвовали регулярные войска. Именно во многом благодаря солдатам были построены первые дороги, города и села, переправы и мосты через реки, телеграф. «При таких условиях, – отмечал он, – выработался совершенно своеобразный тип сибирского линейного солдата. Он охотник, плотник и кузнец; в лесу и степи он как дома; он везде найдет дорогу и средства к существованию, он обладает талантом объясняться с инородцами, язык которых ему совершенно неизвестен; он невероятно изобретателен в пользовании обстоятельствами и тем, что дает природа; словом, это человек самостоятельный и способный выйти победителем из самых затруднительных положений»[71].

Насаждение русскости в крае распространялось не только на великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще на все славянское население. Это получило отражение в весьма экстравагантном проекте о переселении на Амур чехов. Обосновывая свое предложение царю, Муравьев отмечал: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, – в России же должно быть напротив»[72]. Известный славист А.Ф. Гильфердинг писал, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся «чуждыми русскому народу» и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия. «Славянин же, – утверждал он, – смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро

---

[68] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 383.

[69] *Радде Г.И.* Автобиография // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.

[70] Н.Р. Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 11–12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 161–162.

[71] *Буссе Ф.Ф.* Уссурийский край // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении. СПб.; М., 1895. Т. XII. Ч. 2. С. 430.

[72] Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.

научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех, моравец, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а детей их от русских вы не отличите; чех и всякий другой славянин соединит свои интересы с интересами русского населения, передаст ему свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будет предан общему благу России, которая тотчас же сделается для него отечеством и в случае опасности постоит за нее до последнего издыхания»[73]. Планировалось поселить около 1 000 чешских колонистов по побережью от устья Амура и до границы с Кореей.

Муравьев-Амурский был готов заселить край колонистами, которые Петербургу могли казаться опасными. Так, в начале 1860 г. он, по примеру Закавказского края, просит разрешить селиться в городах Приамурского края раскольникам любого толка, кроме скопцов. Вместе с тем проявлялась настороженность к представителям протестантизма и вообще к деятельности иностранных конфессиональных миссий[74]. Исключение готовы были сделать только для немецких колонистов. Муравьев ходатайствовал также о переселении меннонитов, надеясь, что они станут для края образцовыми фермерами[75].

В успешном заселении Приамурья и Приморья важным могло стать использование американского колонизационного опыта, предусматривавшего передачу земли в собственность вольным переселенцам. Недаром писатель И.А. Гончаров именовал Муравьева-Амурского «отважный, предприимчивый янки»[76]. Однако в Петербурге и к этим планам отнеслись с предубеждением. Только в 1861 г. были утверждены правила для переселения на Амур, но в них так и не была реализована мысль Муравьева о свободном заселении нового края[77]. Сибирский комитет не поддержал Муравьева, разъяснив: «Правительство, не встречая никакой побудительной причины желать особенно поспешного заселения Амурского края, который должен, так сказать, составлять поземельный запас для России в будущности, не имеет надобности и дарить принадлежащие ему земли в собственность частным лицам или даже продавать их за бесценок, когда, без малейшего сомнения, страны, при-

---

[73] *Гильфердинг А.Ф.* Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373–374. В начале XX в. интерес к переселению проявляли черногорцы. – *Хлебникова В.Б.* Черногорцы на русском Дальнем Востоке и в Китае // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 80–82.

[74] *Сердюк М.Б.* Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 18–19.

[75] *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. II. С. 296.

[76] *Гончаров И.А.* По Восточной Сибири // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 9.

[77] *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 192.

легающие к Амуру, будут с каждым годом приобретать и большее значение и большую ценность, по мере развития Европейской и Американской промышленности и торговли на Восточном океане»[78]. Это было не просто бюрократической препоной, в переселенческом вопросе столкнулись два видения будущего российского Дальнего Востока. В отличие от многих петербургских сановников, считавших, что с установлением новых имперских границ на востоке амурская эпопея закончилась, Муравьев настаивал на продолжении активной дальневосточной политики, переведя ее в фазу экономического и демографического закрепления новых территорий за Россией.

В условиях трудности организовать русское переселение Муравьев считал особо важным привлечь на свою сторону бурят, сделать их верноподданными империи. Этому должны были послужить меры по поземельному устройству бурят, организация у них суда и самоуправления, регламентация положения ламаистского духовенства. При этом преследовалась цель снизить религиозную зависимость бурят от ламаистских центров в Монголии и Тибете[79]. Стремление опереться на поддержку (в том числе и военную) аборигенного населения было традиционным в российской политике на востоке. В рамках этой политики на границе с Китаем было создано забайкальское инородческое войско, включившее в свой состав на правах казаков тунгусов и бурят. Для того, чтобы отметить политическую благонадежность бурят, особо подчеркивалось: «Буряты весьма честолюбивы и любят внешние отличия, посему необходимо дать казакам мундиры, а начальствующим соответствующие их званию чины, установив для последних непременным условием окончание курса в русско-монгольской Троицкосавской школе»[80]. В 1851 г. инородческие полки вошли в состав Забайкальского казачьего войска, а бурятским и тунгусским казакам отвели земли на привилегированных условиях.

Казачья колонизация на Амуре отличалась от других окраин строгой регламентацией и воинской дисциплиной, что отрицательно отразилось на экономической эффективности. Как заметил М.И. Венюков: «Очевидно, что в данном случае мы слепо следовали преданию, по которому русские окраины должны быть обставлены передовою казачьею цепью»[81]. Помимо использования казачества, столь же традиционной была и принудительная, подчиненная военно-политическим целям земледельческая колонизация, в том числе и штрафная. В результате примата военно-бюрократической целесообразности места, назначенные

---

[78] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 299.

[79] Там же. Т. I. С. 311.

[80] *Буссе Ф.Ф.* Забайкальское инородческое войско. Исторический очерк. М., 1897. С. 50.

[81] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 80.

под крестьянские поселения и казачьи станицы, часто оказывались неудачными. При их выборе руководствовались прежде всего соображениями удобства коммуникаций, чтобы расстояния между населенными пунктами были по возможности одинаковыми, равными почтовому перегону. Колонизация не была обеспечена достаточными средствами, проводилась, как заметил чиновник для особых поручений казачьего отделения ГУВС Б.К. Кукель, лихорадочно, поспешно, с ошибками и трагическими последствиями. Впрочем, Муравьев это хорошо понимал, объясняя тому же Кукелю: «Знайте, что наше дело – занять край как можно скорее, мы не должны терять ни минуты времени; если мы не выполним нашей задачи сегодня, то завтра нам могут совсем не позволить; наши ошибки после исправят»[82]. За всем этим стояло стремление удешевить закрепление края за Россией, избежать обвинений, что приобретается еще одна ненужная окраина, которая только и будет требовать средств и сил из внутренней России. «...если из России не просят доставки чего-либо, – вспоминал М.И. Венюков, – то это только, чтобы в Петербурге не поверили наконец, что Амур не совсем же золотое дно»[83].

Попытка привлечь к амурским делам частный капитал не дала желаемых результатов. Созданная по инициативе и под покровительством генерал-губернатора Амурская компания оказалась задавленной бюрократическим контролем и произволом. Очевидно, Муравьев хотел в какой-то степени повторить опыт Российско-Американской компании. Не случайно в ее уставе специально подчеркивалось: «Компания поручается особенному покровительству местного генерал-губернатора. За сим все местные военные и гражданские начальства и присутственные места должны разуметь Компанию как учреждение особенно полезное для отечественной промышленности и торговли, а потому обязываются не только оказывать ей всякую помощь, защиту и покровительство, но и от всяких могущих последовать ей убытков и вреда предостерегать»[84]. Однако местные власти понимали заботу о компании по чиновнически буквально. Как писал М.И. Венюков, «местные власти вели себя с компанией возмутительно», безотчетно требуя от нее средств на казенные нужды[85]. Неудачной оказалась и идея Муравьева создать в 1850 г. Российско-Финляндскую компанию, которая бы занялась морским промыслом, в том числе и китобойным[86].

---

[82] *Кукель Б.К.* Из эпохи присоединения Приамурского края // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 232.

[83] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 81.

[84] Проект устава Амурской компании // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1497. Л. 4.

[85] *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. 1879. № 2. С. 294.

[86] *Бянкин В.П.* В дальневосточных морях. Очерки. Владивосток, 1981. С. 25.

Не были поддержаны и муравьевские планы расширить международные торговые отношения на Дальнем Востоке, в том числе и путем установления режима свободной иностранной торговли по Амуру, хотя в 1856 г. режим свободной торговли был установлен в Николаевске-на-Амуре, а в 1860–1862 гг. он был распространен и на другие российские дальневосточные порты и беспошлинная торговля была разрешена вдоль всей сухопутной границы с Китаем. Таможня из Кяхты была переведена в Иркутск.

Однако, несмотря на заманчивые перспективы амурского коммерческого пути на восток, российская торговля в регионе продолжала носить вялый характер, сплавы по Амуру были дорогостоящими, долгими и даже опасными. Сибирский комитет предоставил право плавать по Амуру иностранным судам только под русским флагом, запретил иметь иностранные торговые склады в приамурских городах, «дабы в При-Амурском крае преимущественно развивалась торговля Русская»[87]. Не увенчались успехом намерения Муравьева привлечь в Приамурский край иностранный капитал, как и застряли в бюрократических лабиринтах его предложения об устройстве сибирского телеграфа до берегов Тихого океана[88]. В условиях усложнившихся политических отношений, необходимости оперативно получать инструкции из Петербурга вопрос о строительстве телеграфа стал важной управленческой проблемой. В письме главе МИДа А.М. Горчакову 5 октября 1858 г. Н.Н. Муравьев писал: «Не могу однако ж при настоящих обстоятельствах в Китае и Японии скрыть от Вашего Сиятельства опасения мои о дальнейшем успехе нашей здесь политики, если Высшее правительство не примет безотлагательных мер к устранению медленности сношений столицы со здешними отдаленными странами!»[89]. Муравьев призывал поспешить и не скупиться на затраты. Потерпев неудачу с проектом сооружения телеграфа за счет иностранного капитала[90], он предлагал привлечь к этому делу частную Амурскую компанию, хотя неизменно подчеркивал, что

---

[87] Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об оставлении на прежних основаниях торговли иностранными товарами в При-Амурском крае и вообще в Восточной Сибири и о дозволении иностранным судам плавать под русским флагом от устья Амура до города Софийска» (8 дек. 1858 г.) // Порто-франко на Дальнем Востоке: Сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 19–20.

[88] *Высоков М.С.* Сибирский телеграф. Исторический очерк // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск, 2000. Вып. № 1. С. 33–37.

[89] РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 247. Л. 2.

[90] Такой проект в 1854 г. предлагал американский подданный Шафнер, но он не получил поддержки российского правительства. В 1858–1859 гг. иностранцы безуспешно пытались получить концессию на строительство телеграфа через Сибирь в Америку.

дело это «чисто политическое»[91]. По плану Муравьева телеграфные линии к 1860 г. должны были соединить Иркутск с Николаевском-на-Амуре, Владивостоком и Пекином (при согласии китайского правительства). Несмотря на политическую важность строительства телеграфа, Муравьеву так и не удалось преодолеть косность бюрократического сопротивления в Петербурге.

Империи необходимо было спешно создать на Дальнем Востоке новый надежный рубеж, а хозяйственное освоение присоединенных земель виделось делом будущего. Восточно-сибирская администрация, опираясь на поддержку определенных кругов в Петербурге, настойчиво проводила линию на наращивание военного присутствия в регионе, отстаивала курс на активную имперскую экспансию, закрепленную казачьей и крестьянской колонизацией. Но, не обладая необходимыми военными силами и финансовыми возможностями, самодержавие вынуждено было занять выжидательную позицию, обостренно реагируя только на угрозу утраты своего влияния в регионе. Кроме того, в центре и регионе отсутствовало единое понимание экономического потенциала российского Дальнего Востока.

Мотивы имперского расширения носили в значительной степени иррациональный характер, вызванные амбициями политиков и военных, желанием местных начальников выслужить чины и ордена, а то и громкие титулы. Были и те, кого манили колониальные захваты, нежелание отстать от передовых западных держав, боязнь опоздать к дележу пирога, мало заботясь о том, кто и как его сможет прожевать и переварить. В 1859 г. «Санкт-Петербургские ведомости» с восторгом рассуждали о новых имперских границах на Дальнем Востоке: «Какая великая будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название залива Петра Великого, недаром лучший из портов назван Владивостоком, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, незапертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком»[92]. Сотрудник Муравьева-Амурского и строитель сибирского телеграфа Д.И. Романов,

---

[91] Схожая аргументация содержалась в записке о сибирском телеграфе еще одного дальневосточного деятеля Н.П. Игнатьева (1860 г.): «Для политического значения России ... весьма важно иметь возможность знать, что делается в данную минуту на крайнем Востоке и посылать туда известия и приказания. Для администрации весьма выгодно иметь на привязи все главные пункты управления, разбросанные на десятках тысяч верст. Для централизации власти совершенно необходимо иметь возможность мгновенно разрешать вопросы, возникающие за десять тысяч верст от нее». – Цит. по: *Высоков М.С.* Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII – начало XX вв.). Южно-Сахалинск, 1985. С. 27.

[92] Цит. по: *Хисамутдинов А.* Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. С. 60–61.

которому, как считает А. Хисамутдинов, принадлежала идея назвать порт на берегу Тихого океана Владивостоком, в 1862 г. опубликовал в «Морском сборнике» статью с весьма красноречивым названием «С русского берега»[93] (не «татарского», которым его долго именовали, что сохранилось в топониме Татарский пролив). Казачьи станицы с мазанками напоминали ему Малороссию, а в устье реки Зеи ему виделся «амурский Рыбинск»[94].

Если продолжить историко-топонимические наблюдения, то можно обнаружить названия местностей, в которых явно слышны имперские рецепции. Новые топонимические образы были адекватно восприняты современниками, прочитывавшими в них важный геополитический смысл, своего рода ностальгию по несбывшимся имперским мечтам о черноморских проливах и Константинополе. Секретарь главного начальника русских морских сил Тихого океана, впоследствии популярный писатель В.В. Крестовский, рассуждая о неудачной Крымской войне и потере Черноморского флота, писал в 1881 г.: «...понятно станет и то, почему в новых названиях этих мест и вод появились такие многознаменательные, если не для настоящего, то для будущего, имена, как залив Петра Великого, пролив Босфор Восточный, бухта Золотой Рог и порт Владивосток. Этими названиями провидящий ум государственного человека как бы намечал нам планы будущего, как бы указывал грядущим поколениям России, вот где ваши прямые океанские выходы, вот где место для развития нашей морской – военной и коммерческой – силы и вот где должно со временем воспоследовать радикальное разрешение Восточного вопроса»[95]. Владивосток (как и Владикавказ) виделся окном России в Азию. Имена Муравьева, его сподвижников и исторических предшественников, а также небесных и царственных покровителей дали названия новым опорным точкам имперской картографии региона, символически закрепляя новые территории за Россией.

Фигура графа Муравьева-Амурского стала знаковой для имперской идеологии. Не случайно многие современники сравнивали его заслуги с Петром I, а сам он видел себя наследником дел Ермака и Хабарова. Отправлявшемуся на Амур для организации первого сплава Муравьеву кяхтинский купец Ксенофонт Кандинский поднес 27 апреля 1854 г. стихи, в которых были такие строки:

«Отъезд твой скорый предвещает
Сибири новую зарю;

---

[93] *Романов Д.И.* С русского берега // Морской сборник. 1862. № 11.

[94] Д.Р. [*Романов Д.И.*] Письма с реки Амура // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 366–367.

[95] О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. Записка штаб-ротмистра В. Крестовского (бывшего секретаря главного начальника русских морских сил Тихого океана). [СПб., 1881]. С. 2.

Он свежи лавры обещает
Руси и Белому царю.
Сибирь с надеждой несомненной
Глядит на рдеющий Восток
И ждет, что труд твой вдохновенный
Богатствам нашим даст исток;
Амуром путь ты им проложишь,
Движенье силам нашим дашь,
Добра начало там положишь –
И край счастливый будет наш.
Быть может, наш орел двуглавый
Пробудит дремлющий народ
И, озарившись новой славой,
Его он к жизни призовет»[96].

В Шилкинском заводе в Забайкалье Муравьева встречали также стихами:

«Ура! Наш мудрый Николай!
Твои орлы парят высоко...
Молчи Монгол! Не спорь Китай:
Для Русского и Пекин недалеко!»[97].

Здесь же на улице висел транспарант с аллегорической картиной, на которой был изображен рыцарь, стоящий на месте, где соединяются Шилка и Аргунь. Мечом рыцарь указывал на Восток, где были видны крест, поклоняющиеся ему монголы, восходящее солнце и парящий над Амуром двуглавый орел. На Амурских воротах в Иркутске, воздвигнутых в честь присоединения новых земель к империи, красовалась многообещающая надпись: «Дорога к Восточному океану»[98], а на месте разрушенной китайцами в XVII в. крепости Албазин казаки построили православную церковь. В Томске в середине XIX в. писателю и историку П.И. Небольсину атаман местного городового полка заявлял о своей непримиримой вражде к китайцам, которых никогда не видел, но мечтал «о далекой стране, за Шилкой и Аргуном», строя «воздушные замки о торговле по Восточному Океану»[99]. Отражением охватившей в то время значительную часть общества эйфории открывшихся имперских перспектив отражают комментарии одного из польских ссыльных по поводу Айгуньского и Пекинского договоров России с Китаем: «Политика Моск-

---

[96] *Барсуков.* Т. I. С. 360; см. также: *Белокрыс М.А.* Хоровая песнь генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 2. С. 122–127.

[97] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 364.

[98] В начале XX в. эта надпись появилась уже на входе в один из туннелей Сибирской железной дороги.

[99] *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 92.

вы триумфует в Пекине ... угрожая индийскому (видимо, британскому. – А.Р.) господству в Индии и делая из Восточного океана московитско-американское море... Если в Иркутске будет еще один такой же, как Муравьев, предприимчивый, активный и амбициозный генерал-губернатор, мы вскоре увидим двуглавого орла на китайской стене, увидим его выдворяющим дракона из дворца богдыхана в Пекине»[100]. А П.П. Семенов, еще не ставший Тян-Шанским, предвосхищая более чем на полвека евразийские теории, придавал объяснениям необходимости присоединения Приамурья к России высокое историко-цивилизационное звучание: «Богом избранная посредница между Западом и Востоком, проведшая свое отрочество европейской заложницею в плену у азиатского племени, переброшенная гениальною волею в среду европейского развития, она имеет равное сходство с Европою и Азиею, одинаково принадлежа обеим частям света. Оттого-то она и способнее других наций к выполнению роли, предназначенной ей географическим ее положением и историею...»[101].

Благодаря Муравьеву, Амур с конца 1840-х и до начала 1860-х гг. вошел в моду, привлекая на свои берега искателей чинов, наград, научных открытий, а то и просто романтиков[102]. Б.А. Милютин вспоминал, что в Сибирь его привлекла не жажда карьеры, а то, что «Амурская эпопея была у всех на языке. Личность графа Муравьева была какою-то легендарною»[103]. М.И. Венюков также писал в этой связи: «Мудрено ли, что те из нас, которые впервые увидали Амур, испытывали ощущение, родственное с тем, какое было чувствуемо, например, Васко Нуньесом де Бальбоа, когда он с высот Панамского перешейка увидал впервые Тихий океан. Конечно, Амур не был уже новостью для нас, как для спутников Пояркова и Хабарова, но идея, с ним связанная, была так же свежа и величава, как если бы мы сами были первыми открывателями.

---

[100] Цит. по: *Новиньский Ф.* Поляки в общественной и хозяйственной жизни Иркутска в 60–70-х гг. XIX в. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 38.

[101] *Семенов П.П.* Обозрение Амура в физико-географическом отношении // Вестник РГО. 1855. Кн. VI. С. 254.

[102] Одна из современниц вспоминала: «Муж мой получил назначение на Амур, в село Хабаровку. Ему было тридцать лет, мне девятнадцать, нашему ребенку полгода. Родные находили безумием с нашей стороны пускаться в странствование в неизвестный далекий край, но мы ничего не боялись: молодежь любит неизведанное». – Р.Ф. [*Фриессе Р.*] Воспоминания из жизни на Амуре // Русская старина. 1907. Т. 130. № 3. С. 558.

[103] *Милютин Б.А.* Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. № 12. С. 595. Едва въехав в Сибирь в 1862 г., П.А. Кропоткин услышал много рассказов о недавно покинувшем край генерал-губернаторе: «О нем многие отзываются как о ком-то выше всех остальных людей, в особенности в низших классах. Инородцы считают его чем-то вроде полубога». – *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 58.

Смотря на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из нас думали: там, где-то далеко, почти так же далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, а это море – Великий океан, единственный открытый путь из России не в Швецию, не в Турцию, не в Персию, а в Америку, Австралию и Южную Азию...»[104]. В пажеском корпусе юноша П.А. Кропоткин с увлечением читал описания Амура, «об этом Миссисипи Дальнего Востока», и мечтал о службе там[105]. Под влиянием книг и жажды путешествий в 1861 г. просил о переводе на Амур молодой офицер Н.М. Пржевальский. Еще до поездки на Дальний Восток, будучи слушателем Академии Генерального штаба, он пишет свое первое сочинение «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» (1864 г.), отрывшее ему путь в Русское географическое общество. Когда же в 1867 г. его мечта об Амуре сбылась, он писал: «Сильная, с детства взлелеянная страсть к путешествию заставила меня после нескольких лет предварительной подготовки перебраться на службу в Восточную Сибирь – эту громадную и столь интересную во всех отношениях окраину царства русского»[106].

Многие из соратников и современников Н.Н. Муравьева-Амурского, охваченные грезами о новой мировой миссии, предназначенной России ее географией и историей, начинают мыслить геополитически. Возбужденные пророчествами о том, что Тихий океан станет Средиземным морем будущего, очевидно не без влияния своего начальника, они мечтали о новых границах империи. Один из «муравьевцев» (возможно Д.И. Романов) писал из Николаевска-на-Амуре 29 ноября 1857 г. о бесперспективности владения северной частью Азии и необходимости движения к юго-востоку, в Печелийский залив, где будет основан «Сибирский Петербург». «Естественные границы» Российской империи рисуются ему в будущем так: «...на юг от бассейнов Каспийского и Аральских озер морской берег Великого океана между устьями Евфрата и Инда; далее река Инд до ее верховьев – рубеж России и Англии; затем западная окраина Гобийской степи, загибающаяся к Северу и Востоку, к вершинам Енисея, Селенги и рек Амурского бассейна; далее по восточной окраине степи до Китайской стены, а по ней до городка Шаньхань на берегу Печелийского залива»[107]. Ротмистр Бартоломей мечтал о блестящем будущем Приамурского края, который станет «оплотом Сибири и Русского царства на дальних пределах востока», откуда русские люди проникнут в Маньчжурию и далее «вглубь окостеневшего веками Китая», а река Амур станет «исходным пунктом

---

[104] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 38.

[105] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 148.

[106] *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. М., 1947. С. 19.

[107] Письма об Амурском крае // Русский архив. 1895. Кн. 1. С. 385.

русского влияния и славянского значения на востоке, как Балтийское море и европейская граница на западе, как Кавказ на юге, служить посредником торговли и промышленности, а может быть и племенного общения славяно-европейской Сибири и китайско-японского востока Азии с англо-саксонскою и испанскою Америкою...»[108]. Для этого Россия должна установить свое владычество над Маньчжурией, Кореей, всем Сахалином и островом Матсмай. Посетивший Восточную Сибирь в 1857 г. американец П. Коллинз также выстраивал исторические параллели: «Для большого мира и безопасности своей торговли по Амуру Россия, конечно, должна будет последовать нашему примеру в приобретении Луизианы, так как вся Маньчжурия точно так же необходима для обеспечения торговых сношений по Амуру, как Луизиана была необходима для нашего пользования р. Миссисипи». России достаточно будет двинуть сюда двадцать тысяч казаков, чтобы завладеть Маньчжурией, «подобно тому как небольшое наше войско ходило на Санта-Фе и завоевало Новую Мексику». Он убеждал своих читателей, что это случится с неизбежностью, «как и первоначальное завоевание Сибири»[109].

Вызванное имперскими потребностями новое азиатское политико-географическое направление, однако, далеко не всегда следовало в русле правительственного заказа, рано проявив автономность в формировании общественного мнения. Заметную роль в оформлении азиатской парадигмы российского движения на восток, как это ни парадоксально, сыграли политические оппоненты самодержавной власти. Моряк и декабрист М.А. Бестужев в письме своему товарищу по сибирской ссылке Д.И. Завалишину вспоминал об одной примечательной беседе в 1857 г. в присутствии Н.Н. Муравьева-Амурского и М.С. Корсакова о будущем Николаевска-на-Амуре. Бестужев доказывал, что Николаевский порт не удачен. Корсаков тут же вспомнил о спорах с Г.И. Невельским, который постоянно твердил: «флот – порт; порт – флот». Однако Бестужев не разделял иронии муравьевского преемника: «Неужели вы не подозреваете, Михаил Семенович, возразил я, что в этой прибаутке кроется глубокий смысл? Неужели Амур вывел нас в океан для того, чтобы мы, сложа руки, любовались из-за льдов и мелей его устья на торговую деятельность других народов? Если вы хотите в этой деятельности принять участие и заводить флоты, то необходимо приготовить для них удобные порты, а не ледники и замкнутые гавани, которыми Россия может только похвалиться. Да! Грех, если русские, по своей обычной апатии, не воспользуются теперь благоприятными обстоятельствами и не отыщут для себя

[108] *Бартоломей.* Описание Амурского края // Военный сборник. 1860. № 8. С. 48.

[109] Мнения англичан и американцев о русском владычестве на Амуре // Вестник Русского географического общества. 1859. Ч. 25. № 4. С. 55–56.

открытого порта на юге». Муравьев вмешался в спор и резко заметил: «Вы, моряки, очень прихотливы ... вы, пожалуй, захотите в Печели»[110].

Петрашевец Р.А. Черносвитов ожидал оживления Сибири с присоединением Амура к России: «Этот край ждет жизни; между инородцами, джунгарами, бурятами и даже в Китае есть вера, что белый царь возьмет эти земли»[111]. По мнению другого петрашевца, А.П. Баласогло, сотрудничавшего с Н.Н. Муравьевым-Амурским, Восточная Сибирь уже по своему географическому положению и естественному предназначению «должна служить не только самой себе, сколько своему целому, России, которой она является неизбежною посредницею в сношениях со всеми соприкосновенными к ней странами»[112]. О цивилизационном предназначении России рассуждал М.В. Буташевич-Петрашевский, мечтая о том, что Сибирь могла бы стать посредницей в процессе передачи азиатским народам результатов науки и цивилизации, а может быть, и социалистических начал: «Сибирь по положению своему призвана добыть нам диплом на звание народа истинно европейского...»[113]. Амурские перспективы привлекли и А.И. Герцена, который видел их в соприкосновении Сибири с Америкой, чего не замечает пока Европа[114]. Кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зенович писал графу Н.П. Игнатьеву, демонстрируя общность оценок людей разных политических взглядов: «Не забудьте, что Айгуньский договор и ваш (Пекинский 1860 г. – Б.К.) делают из Сибирского тракта, по выражению Герцена, путь богатства и обмена вместо нынешнего пути слез и скрежета зубов»[115].

При всем различии оттенков мнений все писавшие о новой российской политике на Дальнем Востоке сходились в одном: при соблюдении определенных условий Россию на Дальнем Востоке ожидает великое будущее. И прямой путь к этому будущему – река Амур. Геополитическое значение территориальных приобретений Российской империи конца 1850-х гг. в Азии виделось как итог «трехвекового богатырского, беспримерного движения на Восток», что открывало дверь в океан, кото-

---

[110] М.А. Бестужев – Д.И. Завалишину (8 авг. 1862 г.) // Документы, относящиеся к Сибири. 1840–1864 гг. // Русская старина. 1881. № 10. С. 412.

[111] Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. I. С. 459.

[112] [*Баласогло А.П.*]. Указ. соч. С. 103.

[113] *Дулов А.В.* Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 1996. С.130-132, 292.

[114] *Искандер* [*Герцен А.И.*]. Америка и Сибирь // Колокол. 1 декабря 1858 г. // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1962. Вып. I. С. 233–235. Однако успехи России на Дальнем Востоке европейскими политиками не были упущены, и Ф. Энгельс отмечал, что Россия там со временем отодвинет Англию. – *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XI. Ч. 2. С. 266.

[115] Цит. по: *Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862 гг.). Иркутск, 1958. С. 69.

рую Россия тщетно старалась прорубить в Европе[116]. В основе подобного оптимизма лежала убежденность, что центр мировой экономической и политической активности со временем переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион, и Россия должна заблаговременно приготовиться к этому. Россия должна была найти адекватный ответ военному и экономическому проникновению Англии и Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанский регион. Слабая защищенность тихоокеанского побережья и возможность по Амуру добраться до Сибири таили опасность не только экономического захвата иностранцами, но и распространения опасных с точки зрения опасности сибирского сепаратизма республиканских идей. Не имея возможности иметь на Тихом океане сильный флот, Восточная Сибирь, Охотско-Камчатский край и Приамурье не могли стать надежной экономической и демографической базой для его развития. Выход виделся в насаждении в регионе русского элемента путем организованного крестьянского переселения, укреплении континентального военного могущества с опорой на оборонительную стратегию «крепость – флот». Как отмечает Le Donne: «Русские вышли к Coastland'y (побережью), но отказались войти в глобальную экономику. Их высоко развитое геополитическое чувство должно было бы подсказать им, что судьба прибрежных регионов связана с великими океанами, а не с Heartland'ом»[117].

Поражение в Крымской войне породило у определенной части российской элиты желание компенсировать ослабление позиций в Европе за счет экспансии в Азии. Н.Н. Муравьев, вошедший в историю под именем графа Амурского, мечтал об успехах на Дальнем Востоке, где Россия способна взять реванш «за все то, что она терпит от Запада»[118]. Фраза Муравьева отражала определенные настроения, возобладавшие в российском обществе после поражения в войне с европейскими державами в 1853–1856 гг. Один из главных теоретиков «официальной народности» М.П. Погодин писал по этому поводу: «...оставляя в покое Европу в ожидании благоприятных обстоятельств, мы должны обратить все свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя собственно, она предназначена нам по преимуществу, Азию, куда хотят также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением отбросить наши враги!». Несколько вынужденная переориентация российской политики на Азию в его рассуждениях очерчивала новые грандиозные горизонты российского имперского проекта: «Пусть живут себе европей-

---

[116] *Максимов А.Я.* Наши задачи на крайнем востоке // Русский вестник. 1888. № 1. С. 118.

[117] *Le Donne J.* The Russian empire and the world. 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford; New York. Oxford univ. press. 1997. P. 185.

[118] Н.Н. Муравьев – М.С. Корсакову (1 дек. 1856 г.) // Барсуков И.П. Указ. соч. Т. I. С. 478.

ские народы, как знают, и распоряжаются в своих землях как угодно, а нам принадлежит еще половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Коканд, Персия, если мы хотим, а может быть, и должны распространить свои владения, для разнесения по Азии европейского элемента, да возвысится Иафет над своими братьями»[119]. Это был не только реванш за поражение в войне против европейских держав, или имперская устремленность к естественным границам, но и восстановление исторического права на земли, которыми Россия должна обладать в силу своего географического и цивилизационного положения. Амурский вопрос с неизбежностью породил новый имперский комплекс внешнеполитических вопросов: Сахалинский, Курильский, Корейский, Маньчжурский, Монгольский. С середины XIX в. перед российскими политиками встала сложная проблема поиска линии оптимальных пределов имперской экспансии на Дальнем Востоке.

[119] *Погодин М.П.* Историко-политические записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856 гг. М., 1874. С. 242–243; см. также: *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 400–401.

2.2. Камчатка и Амур

«Камчатка хороша с Амуром,
а без него есть мыльный пузырь».
Г.И. Невельской

Получив назначение в Иркутск, Н.Н. Муравьев, в первую очередь, обратил внимание на Охотско-Камчатский край, предприняв в 1849 г. беспримерную поездку на Камчатку. До него не только ни один генерал-губернатор, но и иркутский губернатор не заезжал так далеко. Хотя камчатский этап в дальневосточной политике был коротким (1848–1855 гг.) и по сути безрезультатным, это направление важно для понимания процесса выработки политических воззрений Муравьева на Азиатско-Тихоокеанский регион, на место и роль России в нем.

Муравьев понимал, что в условиях невнимания петербургских властей (подкрепленное авторитетными мнениями знаменитых исследователей) к Охотско-Камчатскому краю ему нужны будут сильные аргументы, одним из которых должно стать утверждение «я сам видел, я лично убедился». Накануне поездки он писал брату В.Н. Муравьеву: «Поездку на Камчатку я считаю у себя на совести, т.е. ни за что не хотел бы оставить края, не побывавши там, как для пользы службы, так и лично для себя, – страна эта будет со временем много значить для великой России, и где бы я ни был, я буду уже судить о ней и знать ее как очевидец, поверивший на месте все те многочисленные сведения, которые я об ней уже имею на бумаге и на словах»[1]. Направленный в столицу в качестве доверенного лица, М.С. Корсаков просил Н.Н. Муравьева для ускорения решения дел приехать в Петербург, добавляя: «Слышал я, что Государь недавно Киселеву[2] сказал: «Пора нам на Камчатку смотреть с настоящей точки зрения, пора видеть пользу, какую можно извлечь из нее...» «Эти слухи меня порадовали», – доносил Корсаков[3]. Но инициативы молодого генерал-губернатора натолкнулись на существенное противодействие со стороны Министерства иностранных дел и Министерства финансов. Получить в Петербурге разрешение на камчатскую поездку оказалось непросто: потребовалось вмешательство министра внутренних дел Л.А. Перовского.

Усиление обороноспособности края в условиях нарастающей внешней угрозы снова поставило на повестку дня старые вопросы о военно-морском, административном и торговом центре в регионе, снабжении Камчатки продовольствием и установлении оперативной связи с

---

[1] *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. I. С. 204–205.

[2] П.Д. Киселев, министр государственных имуществ.

[3] М.С. Корсаков – Н.Н. Муравьеву (22 ноября 1849 г.) // ОР РГБ. Ф. 137. К. 40. № 17. Л. 9.

полуостровом. «Так, у тебя возьмут Камчатку, и ты только через полгода узнаешь», – передавал П. Шумахер слова Николая I, сказанные Н.Н. Муравьеву 8 января 1848 г.[4] Во всеподданнейшем докладе, представленном на следующий день, Муравьев попытался отреагировать на царскую реплику, упомянув о необходимости установить надежное сообщение с Охотско-Камчатским краем. Кроме того, он увязал решение этой задачи с актуализацией «амурского вопроса». «Сообщения верные и прочные без поселения земледельческого существовать не могут, а между тем доколе р. Амур остается для нас недоступною, сообщения этого остается искать только через Якутскую область и вместе с тем решить давно возникший вопрос о перенесении Охотского порта». Для себя же он ставил более конкретную цель: «Смею думать, что Охотское море и Камчатка, при усиливающейся ныне китовой ловле в ее окрестностях и особенном внимании Европейских морских держав на Восточном океане, не могут уже оставаться чуждыми ближайшего наблюдения и соображений Главного Начальства Восточной Сибири»[5]. Насколько опасной представлялась ситуация на Дальнем Востоке, можно судить по решимости Муравьева летом 1850 г. вновь отправиться на берега Охотского моря и на Камчатку и быть там, «покуда минует наша там слабость или угрожающая опасность», особо подчеркивая, что надежная оборона Охотско-Камчатского края может быть достигнута только при обладании Амуром[6].

В своем представлении в Главный морской штаб 26 сентября 1849 г. Н.Н. Муравьев напомнил, что переписка по поводу Охотского порта ведется с 1736 г. (!). В 1845 г. морские офицеры в очередной раз отозвались о полной непригодности Охотского порта для развития флота. Назначенный в 1843 г. начальником Охотской фактории РАК лейтенант В.С. Завойко также поднял вопрос о переносе порта и фактории в Аян, хотя этот вариант не поддержал начальник Охотского порта капитан 1-го ранга И.В. Вонлярлярский. В 1847 г. Вонлярлярский направил бриг «Охотск» южнее устья реки Уды с целью изучения возможности переноса туда порта и строительства тракта по южному склону Яблонового хребта в Забайкалье. Но Муравьев эту инициативу не поддержал, остановив первоначально свой выбор на Аяне[7]. Б.В. Струве считал, что Вонлярлярский, «старик дельный, умный, и чрезвычайно деятельный, но, к сожалению, нужно сознаться, преисполненный личностей, в пику на-

---

[4] *Шумахер П.* Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 гг. // Русский архив. № 8. С. 397.

[5] Всеподданнейший доклад Н.Н. Муравьева (янв. 1848 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6923. Л. 8.

[6] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 258.

[7] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. С. 46–50.

чальнику прежней Охотской, а потом уже Аянской, фактории Северо-Американской компании, В.С. Завойко, представил в начале 1847 г. кн. А.С. Меньшикову проект перенесения Охотского порта в бухту «Великий князь Константин»[8]. Благодаря В.С. Завойко (женатому на племяннице председателя Главного правления РАК барона Ф.П. Врангеля) компания все же перенесла в 1845 г. свою факторию в Аян, который вскоре был произведен в государственный порт и от которого за счет казны начали строительство дороги до Якутска[9].

При личном знакомстве Н.Н. Муравьев не был удовлетворен Аяном и предложил перенести порт на Камчатку, в Авачинскую губу. С присущей ему напористостью он теперь убеждал: «Камчатка, во всех отношениях, подробно мною исследованных, представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения скотоводства и хлебопашества»[10]. Это даст возможность иметь на северо-востоке русской Азии собственную продовольственную базу, уверял Муравьев. Необходимо также поднять статус местного начальника, предоставив ему права военного губернатора и избавив от малоэффективной опеки иркутского губернатора. В организации Камчатской области Муравьев впервые предложил отступить от принципов, заложенных М.М. Сперанским в «Сибирском учреждении» 1822 г., заявив, что в новом губернаторстве ни к чему коллегиальные учреждения, которые будут там не только бесполезны, но и вредны. Он постоянно подчеркивал выгоду создания единоличной власти, имеющей высокую степень самостоятельности, и, возможно, меньше обремененной всякого рода бюрократическими процедурами. Настаивал Муравьев и на военном характере управления, подчеркивая, в частности, что и гражданские чиновники должны быть подсудны военному суду, так как в столь отдаленном крае «недостаточно для чиновников суда гражданского».

2 декабря 1849 г. был издан указ, по которому изменялся порядок управления Охотско-Камчатским краем[11]. Вновь создавалась Камчат-

---

[8] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 60–61. Н.Н. Муравьев воспользовался предложением Вонлярлярского, чтобы привлечь правительственное внимание к этому району тихоокеанского побережья и получил согласие на его исследование. Было получено разрешение использовать для этой цели направлявшееся на Камчатку судно под командованием капитан-лейтенанта Г.И. Невельского. – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 181.

[9] Г.И. Невельской намекал на то, что В.С. Завойко исходил и из карьерных соображений, так как обычно начальники Охотской фактории были из мещан, а с переносом ее в Аян Завойко стал важным административным лицом и был произведен в капитаны 2-го ранга. – *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. М., 1947. С. 62.

[10] Н.Н. Муравьев в Главный морской штаб (26 сент. 1849 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 169. Л. 2.

[11] ПСЗ-II. № 23692. Положение о Камчатской области было издано только 10 января 1851 г.

ская область во главе с военным губернатором, назначаемым из морских офицеров и подчиненным непосредственно восточно-сибирскому генерал-губернатору. В состав Камчатской области, помимо собственно Камчатки, Командорских и Курильских островов, вошел и Гижигинский округ. Охотское приморское управление упразднялось, а Охотский округ присоединялся к Якутской области. Муравьев решительно отказался от сохранения главного дальневосточного порта России в Охотске, положив конец затянувшимся дебатам по этому поводу. В письме министру внутренних дел Л.А. Перовскому 7 августа 1849 г. он указывал на неотложность такого переноса: «... Охотский порт надобно упразднить и все, что там находится, перевести в Авачинскую губу, и медлить нельзя по причинам: а) цинга без надобности и пользы истребляет Охотский гарнизон; б) англичане уже слишком много обратили внимания на превосходную Авачинскую губу..; в) с упразднением Охотского порта упразднить в Охотске приморское управление, а подведомственные ему округ Охотский с одним исправником подчинить якутскому областному начальнику и Гижигинский – камчатскому военному губернатору..; г) Камчатскую область ... возвести на степень губернии с назначением военного губернатора...»[12].

История Охотска как российского морского форпоста на тихоокеанском побережье на этом фактически закончилась. Город окончательно захирел. Путешествовавший в начале 1850-х гг. по Восточной Сибири И. Булычев так описывал Охотский округ: «Состоит из мелких отдельных обществ под управлением старост и старшин. Письменного производства не ведено по неграмотности жителей, и расправы кончаются словесно или оставляются до годичного приезда члена земского управления»[13]. В Охотске был оставлен только исправник и его помощник, исполнявший также обязанности секретаря окружного управления. Дорога из Якутска теперь шла не на Охотск, а в Аян.

Н.Н. Муравьев был серьезно озабочен не только выбором места для нового порта, но и устройством надежного сообщения с ним, планируя организовать регулярное пароходное сообщение Камчатки с берегами Охотского моря и предлагая в ближайшем будущем (в течение 10-ти лет) переселить на полуостров до 3-х тысяч семей русских земледельцев. Муравьев все еще надеялся на успех развития на Камчатке хлебопашества. Кроме того, он приказал срочно укрепить Петропавловский порт, разместить здесь до трехсот орудий крупного калибра, прорыть канал для гребных судов и канонерских лодок, чтобы флотилия имела дополнительный выход из Авачинской губы. «Во всяком случае, – писал он, – я смею думать, что в Камчатке и Охотском море нам должно иметь воен-

[12] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 218–219.

[13] *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. I. С. 75.

ные средства, соответственные тем, которые имеют англичане у Китайских берегов и Сандвичевых островов»[14]. Но спешность и неподкрепленность серьезными расчетами нередко приводили к принятию необдуманных решений, от которых приходилось затем отказываться. В 1849 г. Муравьев приказал прорыть почти трехверстный канал, чтобы соединить Тарьинскую губу с Петропавловском, не задумываясь, как технически можно было решить эту задачу. Для соединения Якутска и Аяна почтовым трактом Муравьев в 1852 г. передвинул на берега реки Мая ссыльнопоселенцев, где они оказались в чрезвычайно тяжелых условиях. В начале 1860-х гг. этих поселенцев перевели в Южно-Уссурийский край и «Мая вновь обратилась в пустыню, какою, впрочем, она по своему географическому положению и должна быть», – как заметил один из современников А.М. Линден[15].

Очевидно, Н.Н. Муравьев первоначально намеревался действовать в двух направлениях: на севере и на юге Дальнего Востока. В этом смысле не лишено оснований утверждение, что, «должно быть, твердой веры в свои силы относительно занятия Амура он [Муравьев. – А.Р.] еще не имел и сделал крупную ошибку в попытке оживить тот район, который самой природою был обречен на запустение»[16]. Но как бы там ни было, Муравьев представил правительству комплексный проект, направленный на укрепление позиций России в северо-восточной части Азиатско-Тихоокеанского региона. Муравьев рассчитывал преимущественно на хозяйственное освоение Охотско-Камчатского края, развитие там рыболовного и китобойного промыслов, убеждая своих оппонентов, что «природа ни в чем не отказала Охотскому морю, оставалось только приложить руку и знание человеческое, между тем множество иностранных китобойных судов, там плавающих, не могли этого не замечать, равно как бессилия и равнодушия нашего в этой стороне, как будто в чужом для нас владении»[17]. Важную роль, по его мнению, могла бы сыграть в регионе РАК: «Примером для этого служат быстрые успехи Английской Ост-Индской компании, поддерживаемой и направляемой своим правительством, с тем еще благоприятным для нас различием, что от Петербурга до Восточного океана сплошь одна великая Российская Империя»[18].

---

[14] Цит. по: *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 96.

[15] *Линден А.М.* Записки // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 142.

[16] Там же.

[17] Цит. по: *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 94.

[18] Там же. С. 97.

Николай I, очевидно, был доволен результатами поездки Н.Н. Муравьева на Камчатку. Об этом свидетельствует быстрое прохождение муравьевских проектов через бюрократические инстанции. Но этого оказалось мало. То, что запрашиваемых средств на Камчатку Муравьев не получит, стало ясно после того, как император назвал «мечтой» некоторые из его предложений, а многие из членов Комитета министров именовали «фантазией» меры по укреплению Петропавловска, приписывая их, как извещал Муравьева Л.А. Перовский, «пылкости вашего воображения».

Н.Н. Муравьев поделился своими планами о перспективах развития Охотско-Камчатского края с В.С. Завойко, и тот, окрыленный открывающимися перспективами, принял предложение стать камчатским губернатором и перейти из РАК на государственную службу, хотя и с потерей жалованья. Б.В. Струве вспоминал, что Муравьев некоторое время колебался в выборе между В.С. Завойко и И.В. Вонлярлярским и окончательное решение принял по рекомендации епископа Алеутского и Камчатского Иннокентия[19]. Предлагая Завойко пост камчатского губернатора, Муравьев особо позаботился о его самостоятельности, давая возможность действовать «так же свободно в хозяйственном отношении, как он ныне действует в Аяне под ведением Американской Компании»[20]. «Положение о Камчатской области», подготовленное Муравьевым, содержало только то, «что необходимо для напечатания», и было дополнено генерал-губернаторской инструкцией. Муравьев был категорически против подчинения Камчатской области общим правилам, считая, что это «значило бы все дело испортить и лишние расходы только развести»[21]. В муравьевском духе Завойко терпеть не мог, когда при докладах ему ссылались на законы, и, как свидетельствовал правитель канцелярии камчатского губернатора А.Д. Лохвицкий, не раз заявлял: «Законы писаны для дураков и подлецов, а так как я ни тот, ни другой, то прошу законами не колоть мне глаз»[22].

В.С. Завойко, отчетливо понимая, какое тяжелое наследство ему досталось, писал Н.Н. Муравьеву из Аяна в феврале-марте 1850 г. о своей озабоченности нравственным уровнем флотских офицеров и чиновников, занимавшихся почти поголовно поборами с купцов и местных жителей. «Например, – описывал Завойко местные бюрократические нравы, – в Камчатке: недозволение кому из офицеров или духовным лицам отправиться путешествовать по Камчатке по первому зимнему пути возбуждает все интриги противу начальников, с интригами какая уже

---

[19] Там же // Русский вестник. 1888. № 5. С. 63–64.

[20] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 219.

[21] Там же. С. 243.

[22] *Линден А.М.* Записки // Русская старина. 1905. С. 125.

служба...»[23]. Назначаемые на Камчатку чиновники, по выражению очевидца, в эту «безлошадную страну не имели ни малейшего представления о ее особенностях и обуславливаемых этим насущных потребностях». Взятые, как он выражался, «от зеленого стола и фронта», они не могли оказать Завойко существенной помощи[24]. Многие из них прибыли в край, привлеченные льготами и возможностью быстрого карьерного роста, благодаря досрочному производству в следующий чин. Раздражало Завойко и то, что он был ограничен в правах сместить или переместить того или иного чиновника. Вызывали опасение фактическая бесконтрольность и безнаказанность действий морских офицеров. «Внушите меня после этого, – вопрошал он, – как заставить молодого офицера, дабы он исполнял службу как следует офицеру...». Обещая действовать строго, Завойко предвидел, что на него будут жаловаться. В конце 1850 г. он снова писал Муравьеву: «...Офицеры, служившие до меня в Камчатке, не могут быть на моей руке, я от многих отнял доходы и поставил все преграды»[25].

Безотрадным оставалось положение камчатских казаков. В рапорте в Главный морской штаб 3 июня 1853 г. В.С. Завойко докладывал: «Камчатские казаки, не исключая живущих у Усть-Приморского селения Камчатки, не имели никакого хозяйственного обзаведения; в Петропавловске, Тигиле и Усть-Приморском селении имели форменные казакины и оружие, Гижигинские же были в полном значении слова – толпа оборванных нищих, одетая зимою и летом в кухлянках, без малейшего понятия о военной службе, без оружия, – во всей Гижигинской сотне осталось 8 ружей без замков»[26]. По свидетельству другого очевидца, командира корвета «Оливуца» Сущова, жители Камчатки производили грустное впечатление: «Бедность жителей, проказа их истребляющая, неспособность или леность их не много или не скоро обещают им благоденствие. Губернский город Петропавловск представился мне как бедная развалина после землетрясения; в таком запущении все его строения. <...> Не хочется верить, что этот порт принадлежит нашей могущественной Империи»[27].

Необходимо было принять меры к упорядочению военной организации, укреплению обороноспособности полуострова, развить земледе-

---

[23] В.С. Завойко – Н.Н. Муравьеву 13 марта 1850 г. // РГА ВМФ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

[24] *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. СПб., 1901. Ч. I. С. 78, 79.

[25] В.С. Завойко – Н.Н. Муравьеву (9 дек. 1850 г.) // РГА ВМФ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

[26] *Рапорт В.С.* Завойко в Главный морской штаб (3 июня 1853 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 315. Л. 14–15.

[27] Выписка из письма командира корвета «Оливуца» К.Л. Сущова, полученного после его смерти из Петропавловского порта // РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 9.

лие, покончить с незаконными поборами с коренных жителей, разрушить торговую монополию. Все это требовало не только административных усилий, но и серьезных финансовых затрат. Тот же К.Л. Сущов отмечал: «В.С. Завойко – деятельный, неутомимый с четырех часов сам везде на работах, и, кажется, своими строгими и положительными мерами пробудил от праздности здешних обитателей; но с его микроскопическими средствами, без судов, доставки леса и для удобного сообщения с материком ему предстоит трудное дело – творить все из ничего»[28]. Завойко решился в этих условиях не ждать разрешения центральных властей и самостоятельно распорядился имевшимися у него средствами. Это не могло не вызвать нареканий со стороны центра, который не терпел финансовой самостоятельности местных властей где бы то ни было. В условиях ограниченности денежных средств, которых все в большем объеме требовали амурские дела, Муравьев также не мог допустить вольного расходования денег.

Для ревизии финансовых действий камчатского военного губернатора был создан специальный комитет. На сторону В.С. Завойко встал будущий начальник Владивостокского порта полковник Е.С. Бурачек, который подал в комитет свое особое мнение, отметив, что новый камчатский губернатор многое сумел сделать, несмотря на «беспомощность начальника в стране пустынной и отдаленной от центра всяких источников, великую тесноту форм отчетности, прежде всего требующей разрешения на все и строго возбраняющей всякое начинание»[29]. Бурачек стремился отстоять самостоятельность местной власти, которая в столь отдаленном крае неизбежно должна действовать решительно, невзирая на обычные порядки отчетности. Эта самостоятельность должна быть предоставлена не только в отношении петербургских, но и иркутских властей. Вместе с тем Бурачек предлагал организовать местный контроль в духе административной системы, предложенной М.М. Сперанским для Сибири. Понимая, что Камчатка не нуждается в сложном административном устройстве, он считал возможным учредить при камчатском губернаторе постоянно действующий совет, в который бы вошли старшие чины Петропавловского порта, а также чиновник от Государственного контроля и доверенные лица от Сената и Синода. На представителя Сената могли бы быть возложены обязанности губернского прокурора и жандармского офицера. Однако каких-либо выводов сделано не было. Единственно с чем согласились, так это с тем, чтобы Адмиралтейский совет 18 сентября 1853 г. предоставил камчатскому

---

[28] Выписка из письма командира корвета «Оливуца» К.Л. Сущова, полученного после его смерти из Петропавловского порта // РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 9.

[29] Особое мнение Корпуса корабельных инженеров полковника Бурачека, поданное им в комитет // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 315. Л. 105.

губернатору более широкое право в экстренных случаях использовать деньги, выделяемые Морским министерством, и перераспределять их по статьям расходов[30].

Несмотря на сложности и скудость средств, Камчатка начала оживать. Для усмирения контрабандистов и хищничавших у ее берегов китобоев был послан корвет «Оливуца», доставлены в Петропавловск 20 орудий, увеличена численность камчатского морского экипажа. Был организован 46-й флотский экипаж на основе охотского флотского экипажа, охотской мастеровой роты и петропавловской флотской роты численностью в 1 132 человека. Для матросов экипажа были установлены льготы: после 15 лет службы они получали возможность бессрочного отпуска для поселения на Камчатке, им выдавалось пособие на обзаведение в размере 130 руб. Гражданские и военные чиновники получали двойное жалованье. Моряки продолжали связывать надежды на успехи в регионе с Камчаткой. В.А. Римский-Корсаков в 1854 г. писал: «А уж если выбирать, то лучше прежде взяться за Камчатку, чем за сибирское прибрежье Охотского моря и от него – за все пространство до Лены»[31]. Положение Камчатки, по его мнению, может серьезно упрочиться только с присоединением Амура, по которому можно будет наладить надежное снабжение продовольствием всего Охотско-Камчатского края. По свидетельству Г.И. Невельского, вплоть до Крымской войны Н.Н. Муравьев считал, что главным российским портом на Дальнем Востоке должен быть Петропавловск, признавая лишь вспомогательное значение устья Амура[32].

Преобразование управления в Охотске и на Камчатке имело важное значение не только для данного края. Для нового восточно-сибирского генерал-губернатора это был первый опыт административного преобразования, обозначивший основные принципы административного устройства в других восточных областях. В.А. Римский-Корсаков был буквально очарован Н.Н. Муравьевым и не стеснялся самых превосходных эпитетов. Но главное качество Муравьева, особо им отмеченное – это умение окружать себя полезными и деятельными сотрудниками, которыми генерал-губернатор умел распорядиться с большой пользой. Привлеченные в край открывавшимися перспективами, эти новые люди буквально разбудили край. Римский-Корсаков «был поражен, попав в общество пяти-шести молодых людей – таких приятных и любезных джентльменов, что я мог вообразить [себя] в какой-угодно столице, но уж никак не в Аяне». Они постоянно находились в разъездах: «В Якутию,

---

[30] Выписка из журнала Адмиралтейств-совета (18 сент.) 1853 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 315. Л. 184.

[31] *Римский-Корсаков В.А.* Балтика-Амур. Хабаровск, 1980. С. 204.

[32] *Невельской Г.И.* Указ. соч. С. 188.

в Охотск, в Гижигу, в Камчатку – всюду он их шлет и верхом, и пешком, и на собаках, со всеми утоплениями и лишениями, каким смертный подвержен в путешествии по таким милым краям»[33].

Однако мечты о будущем Камчатки совпали с новыми веяниями, которые быстро стали господствовать на крайнем востоке России. Одновременно с преобразованиями в Охотско-Камчатском крае Муравьев планирует летом 1850 г. основать пост и порт в устье Амура, для чего просит предоставить в его распоряжение Г.И. Невельского, дав тому те же льготы и привилегии, которыми пользовался начальник Камчатки. 3 февраля 1850 г. капитан 2-го ранга Г.И. Невельской поступил в полное подчинение восточно-сибирского генерал-губернатора, а уже 8 февраля он был произведен в капитаны 1-го ранга с приказом состоять при Муравьеве для исполнения «особого высочайшего повеления»[34].

В секретном рапорте военному министру в 1850 г. Н.Н. Муравьев предложил образовать на Дальнем Востоке еще одну область, в которую бы вошли Аян, Удский край и все морское побережье «к востоку от линии китайских амбанев». Управление такой областью могло бы быть поручено морскому штаб-офицеру или адмиралу с подчинением ему сухопутной и морской команд, а также находящихся здесь судов. Центром новой области Муравьев предлагал сделать гавань в заливе де-Кастри, с переименованием ее в Александровскую[35]. Вероятно, в то время он был не прочь поставить во главе ее Г.И. Невельского, в котором тогда нуждался и которого прекрасно характеризовал в письмах морскому начальству. Этот план вполне вписывался в доктрину двух направлений дальневосточной политики, хотя южное направление быстро становится преобладающим, несмотря на возможные политические осложнения в отношениях с Китаем.

В этих условиях Завойко начинает сознавать, что все его проекты по устройству северо-восточного края будут отодвинуты на задний план: «Но вообще, ежели Амур устраиваете, то устраивайте с Богом. Я не смею и не должен в таком случае просить у Вас внимания Вашего на Камчатку; пусть все заботы ваши и расходы правительства будут на Амур; а Камчатку и после Амура устроите...»[36]. Завойко пытался уверить Муравьева, что перенесет свое вынужденное забвение и бездействие на Камчатке ради Амура «с полною христианской покорностью» и будет стараться по возможности «заботиться о несчастном нынешнем народонаселении Камчатки». Но он не мог не видеть, что его деятельность ли-

---

[33] *Римский-Корсаков В.А.* Указ. соч. С. 182.

[34] *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849-1855 гг. М., 1974. С. 48.

[35] *Барсуков И.П.* Указ .соч. Т. II. С. 82.

[36] В.С. Завойко – Н.Н. Муравьеву (9 дек. 1850 г.) // РГА ВМФ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

шена прежней перспективы. В письме Завойко Муравьеву 9 декабря 1850 г. появляется фраза, что он дольше пятилетнего обычного срока на Камчатке не задержится, понимая, как он сам выразился, что «за неимением средств толку воду»[37]. Пессимистические нотки появляются и в других его письмах. Завойко признается, что при низком жаловании и высоких ценах чиновникам и офицерам «трудно прожить без спекуляций», что американцы, да и российские купцы продолжают безнаказанно грабить край, а у губернатора нет никаких средств исправить положение. Это заставляет его быть снисходительным «до нельзя» и «служба нейдет», что у него нет морального права «взыскивать с чиновников службу», которые, не имея основательного воспитания, обманутые в надеждах вынуждены «или воровать, или спекулировать, или пить»[38].

Положение Завойко осложнялось тем, что другой известный деятель дальневосточной эпопеи, Г.И. Невельской, активно агитировал против Камчатки, утверждая повсюду, что с решением амурского вопроса Петропавловск и Аян не смогут играть ожидаемой роли, а затраты на них будут не только напрасными, но и вредными. Кроме напрасных затрат, доказывал Невельской, Аян имел еще и то отрицательное значение, что выглядел альтернативой Амуру, а это «служило поводом людям, не сочувствовавшим амурскому делу, представлять императору будто Аян составляет все, что только нам можно желать на берегах отдаленного нашего востока»[39].

Однако Н.Н. Муравьев все еще продолжал надеяться, что ему удастся действовать одновременно и на Камчатке, и на Амуре. Он тяжело расставался со своими надеждами оживить Камчатку и превратить ее в северный форпост России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На это указывает его письмо, отправленное брату В.Н. Муравьеву 12 февраля 1854 г. перед отъездом из Петербурга: «Дела мои я окончил довольно благополучно, увидим теперь, что будет в Сибири; во всяком случае, я еду теперь далеко, почти прямо в Камчатку, с весьма малым только отдыхом в Иркутске»[40]. Весной 1854 г. Муравьев направил со специальной миссией в Аян М.С. Волконского (сына ссыльного декабриста С.Г. Волконского) проверить, как идет устройство и заселение тракта Якутск-Аян и для возможной встречи там с американским коммодором М. Перри, рассчитывая, что тот после Японии посетит и российское побережье. Муравьев надеялся на сближение с Америкой ввиду назревавшего военного столкновения на Дальнем Востоке с Англией. Но Перри в Аян не прибыл.

---

[37] В.С. Завойко – Н.Н. Муравьеву (9 дек. 1850 г.) // РГА ВМФ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

[38] В.С. Завойко – Н.Н. Муравьеву (26 авг. 1851 г.) // РГА ВМФ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 26. Л. 38–39.

[39] *Невельской Г.И.* Указ. соч. С. 63.

[40] *Барсуков И.П.* Указ соч. Т. I. С. 347.

Вскоре Муравьев отказался из-за больших затрат и очевидной бесперспективности от дальнейшего заселения Якутско-Аянского тракта, несмотря на то, что ему с трудом в свое время удалось эту меру отстоять в Петербурге[41].

Следя за административными планами Муравьева, стремились не отставать и духовные власти. С открытием главного порта в Аяне архиепископ Иннокентий просил Синод разрешить перенести туда архиерейскую кафедру из Ново-Архангельска и включить Якутскую область в Камчатскую епархию[42]. С организацией Камчатской области церковные власти были готовы следовать в Петропавловск. Но пока шла переписка с Петербургом, ситуация снова изменилась. Муравьев призывал Иннокентия не торопиться, и, может быть, даже хорошо, что в Синоде вопрос решается медленно, «ибо при теперешних видах, через год или два полезнее было бы перенести к устью заветного нашего Амура»[43]. С известной мудростью и административной осмотрительностью в 1856 г. Синод постановил, что кафедра Камчатской епархии будет находиться там, где разместится управление Камчатской области. Однако и это не добавило ясности: Камчатскую область в этом же году упразднили, и долгое время оставалось неясным, где окончательно осядет местное военное и гражданское начальство. Иннокентий, узнав, что управление Камчатской области переезжает в Николаевск, выразил сомнение, что оно надолго остановится там, прогнозируя дальнейшее движение в залив Де-Кастри[44].

Стало ясно, что развивать дальневосточную политику в двух направлениях – на севере и на юге – невозможно, не имея достаточных сил и средств. Помимо того, открывались новые перспективы южнее устья Амура, куда русские моряки, невзирая на настороженные предупреждения из Петербурга, устремились в поисках удобного морского порта. Несмотря на героическую оборону в 1854 г. Петропавловска от англо-французской эскадры, внимание центральных и местных властей окончательно переориентируется на Амур. Было решено вывести из Петропавловска войска и корабли, а вместе с ними полуостров покинули и гражданские власти, оставив там лишь исправника с небольшим штатом чиновников и почтовую контору. Как писал из Иркутска 21 октября 1855 г. один из очевидцев: «...Камчатка нами оставлена еще в апреле

---

[41] *Барсуков И.П.* Указ соч. Т. I. С. 356–357.

[42] Записка архиепископа Иннокентия в Синод «О перенесении Камчатского епархиального управления в Аян (9 июля 1847 г.)» // Крылов В. Административные документы и письма Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского по управлению Камчатскою епархиею и местными духовно-учебными заведениями за 1846–1868 гг. Казань, 1908. С. 1–8.

[43] Н.Н. Муравьев – архиепископу Иннокентию (17 февр.1851 г.) // Там же. С. 18.

[44] Архиепископ Иннокентий – Синоду (27 сент. 1856 г.) // Там же. С. 59–60.

месяце, т.е. оставлен Петропавловский порт. Следы нашего обладания Камчаткой не очень красивы. Когда мы заняли ее, там было 12 т[ысяч] камчадалов – теперь осталось 4 т[ысячи], да и то до такой степени заражены венерической болезнью, что через несколько поколений должны уничтожиться окончательно, уже в настоящее время там нет ни одного здорового камчадала. Петропавловский порт, вероятно, не возобновится, да и что в нем толку, когда в мирное время он ни на что не способен, – а в военное не может держаться уже и потому, что одним крейсерством его можно уморить с голоду, так как все припасы доставляются туда из Америки. Совершенно другое дело Амур и его устья, хоть и тут наши распоряжения не совсем удачны»[45]. Камчатка и Охотский край после короткого пробуждения вновь впали в длительную летаргию.

Первоначально российские действия в устье Амура были обставлены особыми предосторожностями, чтобы не вызвать международных осложнений. В Петербурге настояли на том, чтобы зимовье в заливе Счастья официально считалось предприятием РАК, пообещав лишь финансовую поддержку от правительства. Самодержавие предпочло воспользоваться проверенным методом, маскируя имперскую политику ширмой частной акционерной компании[46]. Совместными усилиями РАК и правительства в конце июня 1850 г. было заложено селение Петровское, а в начале августа в устье Амура был основан Николаевский пост, будущий город Николаевск-на-Амуре. Следует заметить, что на первых порах РАК на Амуре и Сахалине действовала активно, даже в ущерб своим предприятиям в Америке. Правительство со своей стороны обещало компенсировать компании ее затраты на устройство поселений в Приамурье, но выделенных средств не хватало, чтобы покрыть все расходы. Вскоре РАК отказалась от планов расширения своего присутствия в низовьях Амура и на Сахалине. Хотя Сахалин и был передан компании, было оговорено, что уже с 1854 г. на острове должен будет появиться особый правитель, подчиненный в «политическом отношении» восточно-сибирскому генерал-губернатору[47]. Пока же Г.И. Невельскому предписывалось осуществлять общее руководство действиями на Сахалине. Направленный РАК корабль «Император Николай I» основал 22 сентября 1853 г. на юге острова пост Муравьевский, высадив на зимовку отряд моряков и казаков под командованием лейтенанта

---

[45] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее И.П. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 215–216.

[46] История Русской Америки. Т. III. М., 1999. С. 113–114.

[47] Правителем Сахалина от РАК 21 июня 1854 г. был назначен капитан-лейтенант И.В. Фуругельм, но он в должность не вступил в связи с угрозой нападения на остров англо-французской эскадры. – *Болгурцев Б.Н.* Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII – начало XX вв. Владивосток, 1998. С. 194.

Н.В. Рудановского. Начальником поста и всего острова Сахалин был назначен майор Н.В. Буссе. По окончании Крымской войны управление Сахалином полностью перешло в руки правительства[48].

Занятию Сахалина в политических планах Муравьева отводилось одно из центральных мест. Вместе с устьем Амура Сахалин должен был стать опорной базой российского влияния на азиатском побережье Тихого океана. Значение Сахалина усиливалось наличием на нем богатых залежей каменного угля, столь необходимого для развития парового флота и промышленности. Вопрос о полном присоединении Сахалина к России не был решен политически, но события Восточной войны 1853–1856 гг. ясно продемонстрировали стратегическое положение острова. Россия действительно могла серьезно опасаться, что в случае захвата острова каким-либо государством оно сможет «задушить жизнь востока Сибири и из Татарского пролива сделать вторые Дарданеллы»[49]. Поэтому нужно было спешить, не дожидаясь дипломатических решений, чтобы поставить европейские державы и Японию перед свершившимся фактом.

Передача устья Амура в руки РАК не могла удовлетворить Г.И. Невельского, и он выступил с инициативой организации постоянно действующей экспедиции, на которую были бы возложены не только задачи изучения нового края, но и его управления. 19 января 1851 г. в Петербурге Особый комитет под председательством Николая I рассмотрел вопросы, связанные с укреплением российских позиций на Амуре, а 7 февраля было принято решение о создании Амурской экспедиции. Хотя Николаевский пост и оставался «в виде лавки» РАК, начальником Амурской экспедиции был назначен Невельской с прямым подчинением генерал-губернатору Восточной Сибири. Как справедливо отметил А.И. Алексеев: «Невельской оставался на Амуре полномочным представителем русского правительства, начальником экспедиции, которой предстояло исследовать огромную территорию, и главным лицом, ответственным за развитие торговли с местным населением, которая осуществлялась при посредстве Российско-Американской компании»[50]. Однако фактическая зависимость от компании сохранялась, на нее возлагалось снабжение экспедиции.

Правовой статус Амурской экспедиции был определен неясно, а отношения с РАК складывались сложно. Прежде всего это было связано с неопределенностью в разделении полномочий, что часто требовало личного вмешательства генерал-губернатора. Но его помощь, как считал Муравьев, была ограниченной, «покуда экспедиция эта не будет при-

---

[48] История Русской Америки. Т. III. М., 1999. С. 321–324.

[49] *Бутковский Я.Н.* Остров Сахалин // Исторический вестник. 1882. Т. 10. С. 176.

[50] *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 63.

знана правительственною»[51]. Начальник Аянского порта и фактории РАК Кошеваров 26 февраля 1851 г. уведомил Невельского, что Главным правлением компании ему поручено смотреть на Амурскую экспедицию «как на торговую экспедицию Аянской фактории»[52]. В непосредственном подчинении Кошеварова находилось несколько членов экспедиции. Невельской же, в свою очередь, стремясь сохранить единоначалие, приказал членам экспедиции от РАК не исполнять распоряжений Кошеварова. В ответ на призывы Невельского оказать поддержку Амурской экспедиции Главное правление компании 1 марта 1852 г. заявило, что не в его интересах расширять круг деятельности Амурской экспедиции, ссылаясь на уже понесенные значительные убытки. Уже в 1851 г. Муравьев поднял вопрос об устранении РАК от управления на землях гиляков, однако и А.С. Меньшиков, и император Николай I предпочли с решением этого вопроса не спешить. Натянутыми были отношения Невельского и с камчатским губернатором Завойко, который не торопился поддержать экспедицию[53].

Только с получением из Петербурга 26 мая 1853 г. штатного расписания должностных лиц Амурской экспедиции можно говорить об окончательном установлении ее статуса как государственного органа управления. В штатном расписании указывалось, что начальник экспедиции наделяется правами губернатора или областного начальника. Помощником начальника экспедиции должен считаться командир роты флотского экипажа в составе 240 человек. Сверх того экспедиции придавалась сотня конных казаков и взвод горной артиллерии. Г.И. Невельской почувствовал, что правительственный курс в отношении Приамурского края меняется. Хотя для более активной деятельности не доставало судов, а обещанные штаты заполнялись медленно, Амурская экспедиция продолжала развивать успех, продвигаясь по побережью все дальше на юг, к границе с Кореей. Именно это направление Невельской считал главным, неохотно отвлекаясь даже на занятие Сахалина, где он полагал наиболее важным занятие южной оконечности острова. Но даже в 1852 г. в Петербурге не поддержали идею занятия залива де-Кастри, хотя Невельской на свой страх и риск уже отправил туда экспе-

---

[51] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (30 янв. 1853 г.) // Барсуков И.П. Указ соч. Т. I. С. 318.

[52] *Невельской Г.И.* Указ. соч. С. 159.

[53] *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 81. Когда Г.И. Невельской привез в Аян в 1849 г. известие, что Сахалин – остров и устье Амура доступно для входа кораблей, В.С. Завойко, вспоминал Б.В. Струве, отнесся к этим новостям «с осторожностью и необыкновенною сдержанностью». Ведь именно через В.С. Завойко в конце 1846 г. были доставлены председателю Главного правления РАК Ф.П. Врангелю результаты экспедиции поручика Гаврилова о том, что устье Амура не может иметь важного значения. – *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 66–67.

диционные суда. Ему стоило больших усилий убедить центральное и местное начальство: «При настоящем состоянии Приамурского и Приуссурийского краев нельзя оставлять их без бдительного надзора и правительственного влияния, а потому при действиях наших здесь нельзя ограничиваться теми только паллиативными мерами, которые мне предлагаются к руководству, так как при таких мерах мы легко потеряем навеки для России этот важный край!»[54]. В условиях, когда решения из Петербурга и Иркутска запаздывали, а рамки инструкции ограничивали самостоятельность, он взял на себя смелость и ответственность «действовать вне повелений». Впоследствии Невельской вспоминал: «Ясно, что в С.-Петербурге чего-то опасались, а в Иркутске придавали главное значение на отдаленном нашем востоке Петропавловску; важнейшие же вопросы, как пограничный и в особенности морской, обусловливавший важное значение для России этого края в политическом отношении, – вопросы, к разрешению которых напрягала все усилия Амурская экспедиция, были как в С.-Петербурге, так равно и в Иркутске совершенно упущены из вида. На моей совести лежало навести на них высшее начальство; а чтобы достигнуть этого, надобно было действовать решительно, то есть несогласно с инструкциями, которые не соответствовали ни этой главной цели, ни местным, встречаемым нами обстоятельствам, ни положению и состоянию края и его обитателей»[55].

Присоединение Приамурского края создавало новую управленческую ситуацию в регионе, требовало определить перспективы и последовательность правительственных действий. Г.И. Невельской призывал, «не теряя ни минуты времени», утвердиться в устье Амура и обеспечить его сообщение с Забайкальем. Организация управления здесь должна была исходить из условий его географического положения, считая всю эту территорию «чисто морской» во всем бассейне Амура[56].

К 1854 году Невельской существенно корректирует свои планы, заявляя уже, что устье реки Уссури должно стать центром, «из которого должны исходить пути, обеспеченные земледельческими поселениями, к главным местностям, как-то: к Забайкальской области, устью реки Амура и к гаваням, лежащим на прибрежьях края»[57]. При этом он неоднократно подчеркивал, что главные средства должны быть направлены «не на создание совершенно бесполезной в этом крае организации с армией военных и гражданских чиновников или на сооружение каких-либо долговременных укреплений и зданий, а на то, чтобы были в этом крае надлежащие суда для внутренних сообщений, чтобы были военно-

[54] *Невельской Г.И.* Указ. соч. С. 151.
[55] Там же. С. 188–189.
[56] Там же. С. 112.
[57] Там же. С. 280.

рабочие и земледельческие силы и лица, могущие разъяснить богатства природы этого края». Первенствующее место из орудий в имперской политике здесь должны занять «топор, заступ и плуг». Невельской теперь отдает пальму первенства южному прибрежью Уссурийского края, признавая, что Амур «представляет здесь только лишь базис наших действий и вовсе не обусловливает полное значение для России этого края». Именно здесь должен быть сосредоточен российский дальневосточный флот, а войска расположены «в южном колене Амура и по Уссури». Он предупреждал, что вредно искать в Приамурском крае Америку и увлекаться ускоренным освоением ее природных ресурсов. Сейчас главное – подчинить все (в том числе и развитие золотопромышленности) военно-политическим задачам в целях прочного утверждения «политического значения России на отдаленном ее Востоке»[58].

Казалось бы, точка зрения Невельского восторжествовала. Правительство признало южное направление дальневосточной политики не только приоритетным, но и единственным. Но этот успех неожиданно обернулся для Невельского личным проигрышем. Как только Муравьев понял, что северо-восточное направление дальневосточной политики не имеет больше перспектив, начинается удивлявшее многих современников, а затем и историков охлаждение отношений между ним и Невельским[59]. Уже в январе 1855 г., в ответ на жалобы Невельского по поводу РАК, Муравьев занял пассивную позицию, предпочитая тянуть время, предложив разобраться на месте, выяснить все обстоятельства у Завойко, и даже осудил Невельского, который «между гиляками одичал»[60]. В ответ на очередное столкновение Невельского с РАК Муравьев разразился внушением, разъясняя истинное значение Главного правления компании: «Неудовольствия ваши не должны были ни в каком случае давать вам право относиться неприлично в Главное правление, место, признаваемое правительством наравне с высшими правительственными местами. Не сомневаюсь, что вы сами, по благонамеренности вашей, почувствуете неправильность ваших действий и впредь воздержитесь от всякой подобной переписки; но не могу не повторить с сожалением, что неуместные бумаги ваши в Главное правление и неосновательные требования нарушили уже навсегда то доверие, которое бы Главное прав-

[58] *Невельской Г.И.* Указ. соч. С. 325–326.

[59] *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 161. И.П. Барсуков считал, что причиной охлаждения отношений Муравьева к Невельскому и Завойко могли стать их нерешительные действия во время вражеского десанта в заливе де-Кастри. Хотя сам Барсуков замечает, что у Муравьева и раньше были причины для недовольства Невельским из-за неточности в исполнении генерал-губернаторских распоряжений. – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 415.

[60] *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849-1855 гг. М., 1974. С. 162.

ление для пользы службы должно было бы иметь к власти, поставленной в устьях Амура от правительства»[61].

22 февраля 1855 г. в письме Н.Н. Муравьева к М.С. Корсакову появилась фраза, свидетельствовавшая об окончательном изменении отношения генерал-губернатора к Г.И. Невельскому: «Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе исправляющим должность начальника штаба; Завойко – начальником всех морских сил, а тебя – всех сухопутных... Таким образом, Невельской с громким названием не будет никому мешать и докончит там свое поприще почетно»[62]. Но уже 16 сентября 1855 г. Муравьев написал вел. кн. Константину Николаевичу: «Невельской здесь теперь вовсе не нужен ни на Амуре, ни в Иркутске, я принял смелость представить об отчислении его...»[63]. Задолго до этого Н.В. Буссе в письме М.С. Корсакову 14 декабря 1854 г. прогнозировал падение влияния Невельского: «Невельской не годится теперь для Амура, его время прошло. Теперь надо человека положительнее. Завойко хорош»[64].

Однако положение камчатского губернатора было не более прочным, чем бывшего начальника Амурской экспедиции. Действительно, главное местное руководство на Амуре было вначале поручено В.С. Завойко[65]. Ему передавались также дела и штат упраздняемой Амурской экспедиции. Последняя выполнила свои задачи и должна была уступить место постоянно действующим государственным органам власти. Логика развития политических и военных событий ставила новые цели, изменила общую ситуацию в регионе и потребовала усиления открытого имперского присутствия здесь. Но Завойко пробыл на новом посту недолго, он стал тяготиться своей службой в крае и вскоре покинул его. Очевидно, дело было не только в пошатнувшемся здоровье. Завойко не разделял излишне оптимистических взглядов на Амур, которые были присущи большинству в окружении Муравьева. По этому поводу А.М. Линден не без основания заметил: «Завойко и Невельского Муравьев всегда признавал своими непосредственными подвижниками, глубоко преданными. Оно действительно так и было прежде, но, передвинувшись на Амур, Завойко круто переменил фронт. Окрыленный блестящим успехом Петропавловского сражения, он сбросил с себя мас-

---

[61] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 346.

[62] Там же. С. 396.

[63] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (16 сент. 1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 45.

[64] Цит. по: *Алексеев А.И.* Николай Николаевич Муравьев // Первопроходцы. М., 1983. С. 216.

[65] Исходя из чиновных правил, Завойко имел формальные преимущества перед Невельским, который получил чин контр-адмирала только 25 августа 1854 г., а имевший ранее чин генерал-майора В.С. Завойко 17 ноября 1854 г. был переаттестован в контр-адмиралы.

ку верного эпигона Муравьева и начал открыто высказывать свое несочувствие к Амуру, возводя в то же время на степень какой-то Аркадии Камчатку и увенчанный лаврами Петропавловск»[66]. Подобные оценки содержались и в описании архиепископом Иннокентием встречи в июне 1856 г. в Николаевске адмиралов П.В. Казакевича и В.С. Завойко: «Слышал я мнения и суждения об Амуре обоих адмиралов. Один чрезчур хвалит (впрочем, уже убавил ходу), а другой в той же мере хулит. Аянские говорят, что они оба с этими мыслями и выехали. Последний будто бы хочет представить – бросить совсем Амур и сделать порт или в Камчатке, или в Аяне! Этого я от них не слыхал. Ужели это правда?! И ужели его послушают! ... Нет! В.С. [Завойко] уже не тот же самый, но прежде он слушал, когда ему говорят резонно...»[67].

Видимо, несомненные успехи Амурской экспедиции и реализовавшиеся прогнозы Г.И. Невельского могли преуменьшить заслуги самого генерал-губернатора. Н.Н. Муравьев явно не желал делиться славой, а привыкнув к безусловной исполнительности своего окружения, он не смог бы долго терпеть рядом столь самостоятельного человека, как Невельской. Занятие Амура выдвинуло новых людей в окружении генерал-губернатора, всецело зависимых от него. Они разительно отличались от Г.И. Невельского и В.С. Завойко, личные заслуги которых могли породить чувство независимости. В условиях, когда территориальное расширение приостановилось, Муравьеву нужны были теперь сотрудники не столько инициативные, сколько преданные и исполнительные, нужны были администраторы-устроители. Исторический парадокс заключался еще и в том, что главные деятели дальневосточной эпопеи середины XIX в. Г.И. Невельской (вынужденный провести в крае зиму 1855/56 гг. как частное лицо) и В.С. Завойко почти одновременно покинули Дальний Восток весной 1856 г.

26 марта 1856 г. исполняющим должность камчатского губернатора и командира портов Тихого океана был назначен П.В. Казакевич[68]. Ему также поручили командование Охотской флотилией, которая была в конце 1856 г. переименована в Сибирскую. Было создано Управление Сибирской флотилией и портами Восточного океана с центром в Николаевске-на-Амуре. По поводу этого назначения В.А. Римский-Корсаков писал 19 августа 1856 г.: «Казакевич, думаю, сделает здесь много доброго. Он человек умный, ловкий, сведущий морской офицер и снабжен,

---

[66] *Линден А.М.* Записки // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 146.

[67] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 372.

[68] О нем см.: *Матханова Н.П.* Губернатор на фронтире. П.В. Казакевич // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 63–76.

по-видимому, немалыми полномочиями на своем воеводстве. С первого дня заметно стало, что он вошел в круг и сущность дела и что он не намерен подчиняться посторонним влияниям»[69].

Задумываясь над планами активизации российской политики на Дальнем Востоке, Н.Н. Муравьев, очевидно, проделал определенную эволюцию, что было вызвано не только тщательным знакомством с краем, но и менявшейся в 1850-х гг. политической ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Если в начале своего правления он намеревался возродить экономическую и политическую жизнь на северо-востоке Азиатской России, перенеся центр управленческих действий из Охотска в Петропавловск, то после героической, но стратегически бесперспективной обороны Камчатки он окончательно убедился в необходимости смещения политических приоритетов в регионе с севера на юг. Амурский вопрос стал главным во всей деятельности Муравьева, решение которого принесло ему заслуженную славу, титул графа Амурского, а также огромное число почитателей и непримиримых критиков. Но занятием левого берега Амура Муравьев не собирался ограничиваться. Он понимал, что для российского флота необходимо иметь незамерзающий порт на Тихом океане, продолжать проводить активную политику на континенте в отношении Китая и Кореи. В жертву этому новому политическому курсу и был брошен в середине XIX в. Охотско-Камчатский край.

---

[69] *Римский-Корсаков В.А.* Указ. соч. С. 280. В письме содержалась характеристика смененного на этом посту В.С. Завойко, который, по словам В.А. Римского-Корсакова, «оказался весьма неблагонамеренным человеком, нерасположенным к этому краю ибо, по его мнению, напрасно для него бросили пустынную Камчатку, тогда как он забыл, что ему в прошлом году несдобровать бы там, если бы не случилось Амура, куда бы он мог спрятать все свои суда».

2.3. Дальневосточная управленческая комбинация Муравьева-Амурского

«В Сибири Муравьев более могущественен, чем Господь Бог».
Граф В.А. Бобринский[1]

«...Против генерал-губернатора ополчились почти все в Петербурге».
П.А. Кропоткин[2]

Ввиду обострения дальневосточных проблем необходимо было изменить механизм принятия решений на высшем уровне. Министерство иностранных дел России вело в дальневосточной политике свою линию, стремясь действовать осторожно, сохраняя дружественные отношения с Китаем и не возбуждая излишней активностью на Дальнем Востоке недовольства европейских держав. Глава российского МИДа канцлер К.В. Нессельроде настаивал на том, чтобы все делалось «без шума и с должною осторожностью», стараясь прикрыть свои политические намерения действиями РАК. Министерство финансов в свою очередь было заинтересовано в поддержании кяхтинской торговли, полагая, что обострение отношений с китайским правительством по пограничным вопросам приведет к ухудшению коммерческих связей. Военное министерство также имело свой взгляд на пограничные дела с Китаем, направив летом 1849 г. в Забайкалье экспедицию подполковника Генерального штаба Н.Х. Агте (Ахте)[3]. Экспедиции поручалось не только исследовать границу с Китаем, но и заняться минералогическими изысканиями. Традиционно не ослабевал интерес к побережью Тихого океана в морском ведомстве. Собственное видение дальневосточных проблем и перспектив российской политики в регионе существовало и у восточно-сибирской администрации, которая с назначением генерал-губернатором Н.Н. Муравьева претендовала на определенное лидерство в выработке нового политического

---

[1] Граф В.А. Бобринский в беседе с американскими коммерсантами П. Коллинзом и Б. Пейтоном. – Цит. по: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск, 1998. С. 215.

[2] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 172–173.

[3] Раздраженный тем, что направление Н.Х. Агте не было с ним согласовано, Н.Н. Муравьев остановил экспедицию в Иркутске. «Этим вредная экспедиция была обращена в полезную, и главная ее польза выразилась в том, что ею была установлена ошибочность взгляда нашего МИД будто берега нижнего Амура фактически принадлежали в то время Китаю». – *Тимченко-Рубан Г.* Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. 1909. № 9. С. 183–184.

курса на Дальнем Востоке. В целом это были не всегда совпадающие взгляды и плохо согласованные действия.

В условиях непрекращавшихся ведомственных разногласий необходимо было изменить механизм принятия правительственных решений относительно Дальнего Востока. Перегруженный текущими делами Комитет министров явно не соответствовал остроте момента. 21 декабря 1848 г. К.В. Нессельроде предложил для оперативного рассмотрения вопросов образовать Амурский комитет, который и был создан 29 января 1849 г.[4] Это был вполне традиционный прием: создавать для решения новых и важных с правительственной точки зрения вопросов дополнительные временные высшие учреждения, наделенные широкими полномочиями, способные без лишней бюрократической волокиты собирать на заседания действительно нужных людей. В отличие, скажем, от Комитета министров, со строго регламентированным составом, членами такого временного комитета могли стать не только министры, но и руководители департаментов, генерал-губернаторы, а то и просто «осведомленные» лица. Несмотря на межминистерский характер таких комитетов, их ведомственную ангажированность выдавала канцелярия. В случае с Амурским комитетом было ясно, что ведущую роль в нем призвано играть МИД, которое и взяло на себя ведение делопроизводства.

Обсуждение амурского вопроса в комитете встретило решительную оппозицию со стороны Нессельроде, однако Муравьев настоял на своем и представил императору особое мнение. Николай I поручил снова созвать комитет, на этот раз под председательством наследника престола вел. кн. Александра Николаевича. Во время визита в Петербург осенью 1850 г. (после личного доклада императору) Муравьева, спускавшегося по лестнице Зимнего дворца, окликнул наследник и объявил: «Амурское дело повелено рассмотреть в моем присутствии. Будем работать и трудиться вместе!»[5]. Но в Амурском комитете ведущие позиции продолжали занимать сторонники сдержанной политики, следившие за тем, чтобы не был нарушен сложившийся баланс сил в регионе.

Ситуация несколько улучшилась с созданием в 1852 г. II Сибирского комитета, где также рассматривались дальневосточные дела[6]. Как указывалось в законе, Сибирский комитет создавался «для предварительного рассмотрения всех вообще дел по управлению Сибирью». Территориально его компетенция охватывала всю Сибирь до Тихого океана, Русскую Америку, Степной край. Председателем комитета был назначен

---

[4] Комитет имел еще одно название – Гиляцкий. – *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С. 237.

[5] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 106.

[6] ПСЗ-II. № 26178. Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. С. 54–62.

бывший военный министр А.И. Чернышев. Помимо министров в состав комитета вошел вел. кн. Константин Николаевич, поддержкой которого часто пользовался Муравьев. Кроме того, Муравьев настоял на том, чтобы ему было разрешено напрямую (минуя министерства) вносить свои представления по дальневосточным делам в Сибирский комитет, исключая Морское министерство (очевидно, Муравьев не хотел терять в лице генерал-адмирала своего союзника), «которое не может не иметь прямого непосредственного влияния на вновь образуемый флот и порты в Восточном океане»[7]. По этому поводу в письме к управляющему делами Сибирского комитета В.П. Буткову (17 декабря 1858 г.) он вспоминал: «Вы знаете, многоуважаемый Владимир Петрович, что я при князе Чернышове и тотчас по учреждении Сибирского комитета находил необходимым, чтобы дела наши представлялись в Сибирский комитет; потребность эта выказывается более и более»[8]. При этом Муравьев сожалел, что Сибирскому комитету не подчинены дела военного ведомства, да и жаль, добавлял он, «что вся Восточная Сибирь не подчиняется прямо Сибирскому комитету». Хотя это возможно, потому что командует здешними войсками генерал-губернатор, человек военный и «весьма доверенный»[9]. Нужно было сохранить экстраординарный порядок обращения к вел. кн. Константину Николаевичу «как председателю того комитета, который под председательством Вашего Величества дал жизнь и движение всему этому предприятию, увенчавшемуся наконец полным успехом». Но Александр II решил ничего не менять, осадив настойчивость Муравьева-Амурского напоминанием: «Все административные дела по Амурскому краю, согласно данному уже мною повелению, должны поступать в Сибирский комитет, политические же вопросы должны быть по-прежнему рассматриваемы в особом Амурском комитете»[10]. На полях докладной записки Муравьева, требовавшего исключительных прав, появилась резкая и лаконичная резолюция царя: «Вздор»[11].

Но и прямое обращение даже в высшие учреждения не устраивало полностью Муравьева, ибо там заседали те же министры. Более привлекательной ему казалась возможность решать дела напрямую с императором или вел. кн. Константином Николаевичем. «Ваше высочество, изволите знать, – писал он в том же 1858 г., – отношение всех Министерств, а в особенности Кабинета к Амурскому делу, изволите знать, сколько и вообще министерский порядок, и формальности несообразны с делом, выходящим из обыкновенного порядка, а все пред-

---

[7] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (25 сент. 1858 г.) // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 59.

[8] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 225.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 196.

[11] Там же. С. 225.

ставления мои к Вашему Высочеству сделаны в таком духе и смысле, что могли бы иметь успех только в Комитете под председательством Вашего Высочества или при непосредственном утверждении Государя Императора, всякое же рассматривание этих представлений в другом Комитете или Совете, или Министерствах и доклад Государю Императору не Вашим Императорским Высочеством неминуемо исказит эти представления и может навсегда изуродовать возвращенные России Амурские ее владения»[12].

Хотя появление на высшем уровне имперского управления территориальных комитетов и обеспечило на некоторое время большую согласованность и оперативность в принятии решений, но не снимало общей проблемы отсутствия в империи «объединенного правительства», как и не гарантировало восточно-сибирскому генерал-губернатору полной поддержки в Петербурге. Трудности в отношениях генерал-губернаторов и министерств были заложены в самой природе генерал-губернаторской власти[13]. В случае с Восточной Сибирью ситуация в середине XIX в. осложнялась активизацией имперской политики в регионе, где министерства не имели реальных рычагов ведомственного влияния. Положение обострялось и личностным фактором. Муравьев не только явно претендовал на роль исполнителя указаний из Петербурга, но и рвался к самостоятельности в решении многих политических и военных задач, настаивая на управленческой децентрализации.

Позиция, которую занял Муравьев, неизбежно вовлекала его в постоянные столкновения с министрами и прочими высшими чиновниками в Петербурге. Насколько затруднительными были бюрократические препятствия, свидетельствует история с получением разрешения поездки на Камчатку в 1849 г. и составлением инструкции Г.И. Невельскому. Муравьев обратился за содействием к министру внутренних дел Л.А. Перовскому, но очень долго, из-за болезни последнего, не мог получить ответа. Перовский же не мог перепоручить никому столь важное дело, ожидая возможности лично доложить его императору. Николай I поддержал инициативу Муравьева, но предписал предварительно обсудить вопрос с министром иностранных дел К.В. Нессельроде. Перовский направил письмо Муравьева в МИД, уповая на то, что канцлера убедят доводы восточно-сибирского генерал-губернатора об опасности промедления из-за происков англичан на Дальнем Востоке. Но Нессельроде продолжал занимать уклончивую позицию, о чем с дидактическими нотками писал Муравьеву

---

[12] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (1 окт. 1858 г.) // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 63.

[13] См.: *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1.

более опытный в бюрократических тонкостях и придворных интригах Л.А. Перовский: «Как вы ошибаетесь, милостивый государь Николай Николаевич, если полагаете, что всякое представление, потому только, что оно сделано добросовестно и согласно с общественною пользою, должно непременно и неотлагательно быть принято. Поживите и послужите, и тогда убедитесь, что нередко самое полезное нельзя провести в действие без больших усилий и борьбы, и, чтобы в этом успеть, иногда надобно интриговать точно так же, как иные делают для личных своих выгод. Чем выше пост, который мы занимаем, тем чаще встречаем мы на поприще нашем препятствия и тем более должны мы быть вооружены твердостью, чтобы не упасть духом»[14]. Конечно, Муравьев стремился обезопасить себя инструкциями из Петербурга, но никогда не собирался следовать им слепо, если они входили в противоречие с его собственным видением состояния дел в регионе.

Н.Н. Муравьев требовал самостоятельности прежде всего во внешнеполитических делах. Сообщая в 1850 г. о смерти китайского императора и возможных политических последствиях этого события в Китае, он настаивал на передаче восточно-сибирскому генерал-губернатору некоторых дипломатических полномочий по пограничным вопросам[15]. В 1850 г. бывший начальник Камчатки адмирал П.И. Рикорд также попытался убедить высшее начальство в необходимости привлечь к установлению российско-японских отношений восточно-сибирского генерал-губерна-тора[16]. В 1853 г. Муравьев снова писал вел. кн. Константину Николаевичу, что в случае развала Цинской империи придется иметь дело с отдельными ее провинциями, поэтому для оперативности следует назначить в подчинение генерал-губернатору особого чиновника от МИДа[17], а все распоряжения консулам и посланникам делать только через генерал-губернатора[18]. По повелению Николая I этот вопрос специально обсуждался в особом комитете под председательством наследника престола[19]. Комитет согласился, что такие чрезвычайные полномочия восточно-сибирскому генерал-губернатору могли бы быть предоставле-

---

[14] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 36–37.

[15] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 261.

[16] Письмо П.И. Рикорда в Морское министерство о посылке экспедиции в Японию с целью установления торговых отношений // Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 495–496.

[17] Конфиденциальная записка [Н.Н. Муравьева], представленная великому князю, генерал-адмиралу [вел. кн. Константину Николаевичу] (29 ноября 1853 г.) // Барсуков И.П. Указ. соч. Т. II. С. 107.

[18] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 536.

[19] В особый комитет были приглашены: вел. кн. Константин Николаевич, кн. А.И. Чернышев, военный министр, министр финансов, от МИДа Л.Г. Сенявин и Н.Н. Муравьев.

ны, но они должны быть четко очерчены инструкцией. Муравьев предоставил свой вариант инструкции, но она не была утверждена, и ему пришлось согласиться с указаниями МИДа, призывавшего ждать, чем закончатся китайские события[20]. Но это не означало, что в пограничных вопросах он отступил от усвоенной раннее практики – сначала действовать, а затем уже думать о дипломатических тонкостях. Так, с известной издевкой, он писал 12 января 1860 г. директору Азиатского департамента МИДа Е.П. Ковалевскому: «Я очень рад, что в Петербурге решились дать мне приказание занять правый берег Уссури, но, к сожалению, не могу этого теперь исполнить, ибо это сделано уже год тому назад»[21].

11 января 1854 г. Муравьеву были даны полномочия вести переговоры с китайским правительством о межгосударственном разграничении. В «Записке о новых отношениях с Китаем» (1854 г.) предлагалось предоставить генерал-губернатору право вести переписку с китайским правительством или, в случае распада Китая, с главами отдельных провинций. В его ведение переходила Русская духовная миссия в Китае[22], создавалась дипломатическая канцелярия при генерал-губернаторе. Ему было также поручено вести переговоры с Японией, куда он лично отправился в 1859 г., чтобы закрепить права России на Сахалин.

Не менее сложно складывались отношения Н.Н. Муравьева с Министерством финансов, по этому поводу он писал: «Министерство финансов, как и все другие в Петербурге, никогда и ничего, кроме стеснения, и в виду не имеют; они полагают, что они для этого учреждены, и думают, что в стеснении состоит управление...»[23]. М.И. Венюков прямо указывал, что тайна многих неурядиц на Амуре была довольно проста: «...не было денег. Ведь амурские расходы были в то время еще не государственными расходами, а собственно сибирскими, или даже восточно-сибирскими»[24]. Генерал-губернатору было предоставлено право об-

---

[20] *Брежнев А.Л.* Россия и крестьянская война тайпинов // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 182.

[21] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 287.

[22] Еще в 1849 г. Н.Н. Муравьев писал: «Могу только сожалеть, что мне не дозволено иметь никаких сношений с нашею миссиею в Пекине или, лучше сказать, что миссия не имеет обязанности уведомлять меня о всем том, что там происходит; на одних же частных слухах никак основываться нельзя». – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 208.

[23] Там же. С. 634.

[24] *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. 1879. № 2. С. 278. М.И. Венюков, приоткрывая завесу этих «экономий», вспоминал: «С точки зрения государственного хозяйства и управления любопытно, что главная часть этих экономий составлялась из сметных остатков по интендантскому ведомству и от намеренного несодержания полного комплекта чиновников по управлениям, что все зависело от самого Муравьева, под условием, конечно, чтобы министры и директоры департаментов смотрели на действия его сквозь пальцы. Для достижения этой-то

ращать сэкономленные средства по Восточной Сибири в так называемый «амурский капитал». А этих средств было явно недостаточно, чтобы решать необходимые задачи. Не случайно Муравьев писал в 1857 г. П.В. Казакевичу, чтобы тот был бережливым, напоминая, что «средства эти с большими усилиями составляются из экономий по всем ведомствам Восточной Сибири»[25].

Лучше, чем с другими ведомствами, у Муравьева складывались отношения с Морским министерством, благодаря поддержке генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича. Внутри министерства амурские дела, распределенные по разным департаментам, все же не теряли своей связи, и глава морского ведомства настоял, чтобы «они получали одно направление и чтоб в различных департаментах не было различия в распоряжениях»[26]. Морское министерство даже выражало готовность передать в распоряжение генерал-губернатора все суммы, ассигнуемые на морские нужды по Камчатской области, Амурской экспедиции и на содержание судов в сибирских портах. Это дало Муравьеву больший простор в их использовании. Однако попытка соединить морские и сухопутные военные расходы в иркутской полевой провиантской комиссии натолкнулась на противодействие Сибирского комитета, и понадобилось вмешательство вел. кн. Константина Николаевича, чтобы создать при ней морское отделение с общим руководством, подконтрольным генерал-губернатору[27].

Не сложились отношения у Муравьева и с адмиралом Е.В. Путятиным, которого он ревновал к своим успехам в установлении российско-китайской границы. М.И. Венюков вспоминал, что неудаче миссии Путятина в Китае в Иркутске были даже довольны, не желая уступать пальму первенства приезжему петербургскому сановнику[28]. В письме директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому Муравьев 16 октября 1858 г. жаловался по поводу направления военно-дипломатической миссии Путятина: «В какое странное, невыносимое положение поставлен был генерал-губернатор Восточной Сибири!»[29] По его мнению,

---

последней цели Муравьев и ездил часто в Петербург, принимал к себе на службу разных министерских и директорских proteges и даже кривил душою, утверждая справочные цены на овес, сено, муку, сукно и пр. Далеко выше действительных». – *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 60.

[25] Н.Н. Муравьев – П.В. Казакевичу (18 мая 1857 г.) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

[26] Вел. кн. Константин Николаевич – директору канцелярии Морского министерства (3 февр. 1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 959. Л. 1.

[27] РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 959. Л. 159-162.

[28] *Венюков М.И.* Мои воспоминания. 1857-1858 годы. Восточная Сибирь и Амур // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 201.

[29] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 200.

Путятин должен был действовать не только по совету, но даже по приказаниям генерал-губернатора Восточной Сибири. Не могло не раздражать генерал-губернатора и покровительство Путятина своему товарищу по флоту ссыльному декабристу Д.И. Завалишину, с которым к тому времени Муравьев совершенно разорвал отношения.

Свирепствовавшая в николаевское время цензура налагала ограничения на получение информации даже высшими должностными лицами империи. Так, только после обращения за содействием к вел. кн. Константину Николаевичу и личного указания Николая I Муравьеву было разрешено получать иностранные газеты без цензурных купюр. Но шеф жандармов специально предупредил генерал-губернатора, что это право ему дано с условием не передавать газеты другим[30]. Почтовое ведомство, находясь только в формальной независимости от генерал-губернатора, создавало серьезные проблемы. Сам Муравьев по этому поводу не раз повторял, «что почтовое ведомство у нас status in statu»[31]. Не случайно Корсаков писал Муравьеву: «Не вините меня, Николай Николаевич, что слишком осторожно пишу Вам. Все, почему бы Вы могли видеть ход дел в Петербурге, в мое там пребывание, все было написано, а подробности нельзя писать все; некоторые надо рассказывать глаз на глаз, а я почте не доверяю»[32]. В письме к управляющему делами Сибирского комитета (11 марта 1859 г.) Муравьев особо настаивал на зависимости почтовой части в Приамурском крае непосредственно от губернаторов[33]. В 1860 г. последовало разделение Сибирского почтового округа на два: Западно- и Восточно-Сибирский, что не могло не повысить зависимость почты от местной администрации. Но только с 1867 г. почтовая часть в Восточной Сибири оказалась в ведении генерал-губернатора[34].

Н.Н. Муравьева бесило независимое положение жандармов и то, что III отделение СЕИВК принимает жалобы и доносы из Сибири. С известным раздражением он заявлял: «Я не вижу никакой пользы 3-ему Отделению добровольно уничтожать в отдаленной стороне кредит власти, поставленной от правительства; мера эта была бы свойственна революционному обществу, а отнюдь не 3-ему Отделению собственной Е.И.В. канцелярии»[35]. Н.Н. Муравьев жаловался, что в Петербурге придают преувеличенное значение письмам и статьям политических ссыль-

---

[30] Вел. кн. Константин Николаевич – шефу жандармов (26 мая 1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 198–199.

[31] *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. 1879. № 1. С. 90.

[32] М.С. Корсаков – Н.Н. Муравьеву (11 февр. 1850 г.) // ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 40. № 17. Л. 18.

[33] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 251.

[34] ПСЗ-II. № 45340.

[35] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 598–599.

ных Д.И. Завалишина и М.В. Буташевича-Петрашевского, что им позволено безнаказанно обращаться к министрам с письмами, содержащими «самые дерзкие ругательства и клеветы на местные в Сибири власти, не исключая главных», что своими угрозами пожаловаться в Петербург они запугали местных чиновников[36].

Муравьев обвинял министра юстиции В.Н. Панина в голословных обвинениях и даже нанесении личного оскорбления. В записке, переданной Николаю I через председателя Сибирского комитета (где и разбирались обвинения против восточно-сибирского генерал-губернатора), Муравьев писал, что если Министерство юстиции взяло за правило принимать все жалобы и доносы на генерал-губернатора, то это поведет «к разрушению главной правительственной власти в столь отдаленном крае», а Сибирский комитет будет «беспрерывно обременен слушанием ложных, оскорбительных и даже безымянных доносов»[37].

В Петербурге генерал-губернаторы и губернаторы должны были смиренно улаживать свои дела не только с министрами или директорами департаментов, но и искать поддержки у куда менее значительных столичных чиновников. Муравьев верно заметил, что министерские департаменты стремятся «действовать независимо за 6 и за 14 тысяч верст»[38]. Он ностальгически вспоминал об исторических временах, когда казаки всего за несколько лет в середине XVII века взяли этот край и «не были стесняемы ни Сенатом, ни департаментами»[39].

Не без некоторого преувеличения, но по существу верно М.А. Бакунин так характеризовал отношения Муравьева с петербургскими властями в письме к А.И. Герцену (7 ноября 1860 г.): «Петербург, весь высший официальный мир его ненавидит; в Третьем Отделении, куда почти ежедневно пишут ваши корреспонденты, герои, любимцы Завалишин и Петрашевский, в Третьем отделении он записан как архикрасный...»[40]. 11 ноября 1858 г. Муравьев писал М.С. Корсакову, что борьба с министерствами может привести к его удалению из Иркутска[41]. Позднее, уже находясь не у дел в Париже, в письме военному министру Д.А. Милютину он сетовал, что министерства «загоняли» его преемника Корсакова, что тот может не выдержать, что «его загрызут в Петербурге». А далее следовало: «Вообще, я думаю, что г.г. министры недостаточно понимают

---

[36] Там же. С. 602–603.

[37] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 103.

[38] Там же. Т. I. С. 271.

[39] Там же. С. 273.

[40] *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 4. С. 309. В.И. Вагин вспоминал, что в речи Муравьева, которую он произнес в Чите при открытии Забайкальской области, «некоторые подметили социалистические доктрины». – *Вагин В.И.* Биография графа Н.Н. Муравьева-Амурского // ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.

[41] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 536.

положение Восточной Сибири с Амуром и не ценят трудов, заслуг и знаний тамошнего генерал-губернатора, я это испытал сам при всех моих титлах...»[42].

Неопределенность в отношениях с центральными ведомствами побуждала Н.Н. Муравьева искать неформальные пути решения вопросов в Петербурге, пользуясь поддержкой влиятельных сановников, а то и самого императора. Несмотря на то, что он получил от Николая I разрешение докладывать «в собственные руки», на деле все его представления все равно попадали в министерства, от них же зависело продвижение по службе и награды большинства из подчиненных генерал-губернатору чиновников. При воцарении Александра II Муравьев хотел сохранить право личного обращения к императору, откровенно объясняя в письме 1 сентября 1856 г. военному министру Н.О. Сухозанету: «Особенное доверие Государя к генерал-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя облечь теми званиями, коих требует важность этого места; но звания эти ограждают от ответственности перед законом, следственно генерал-губернатор Восточной Сибири, не имеющий этого ограждения, должен, по крайней мере, быть убежден, что Государь его не обвинит и не предаст суду законов»[43]. Самым страшным для своей генерал-губернаторской деятельности он считал «сделаться слепым исполнителем *буквы* (выделено в тексте. – А.Р.) закона». Муравьев убеждал Александра II отступить от принятого порядка, настаивая на том, что для устройства Амурского края нужны новые учреждения, нужны реформы, а главное, «необходима быстрота в правительственных распоряжениях»[44]. Он указывал на прошлый 10-летний опыт, когда амурский вопрос удалось решить только благодаря личному вниманию императора.

Александр II, хотя и симпатизировал Муравьеву, предпочитал сдерживать его стремление к излишней, как казалось императору, самостоятельности. Царя не могли не беспокоить натянутые отношения восточно-сибирского генерал-губернатора с рядом министров. Так, в письме 16 ноября 1858 г. Александр II писал великому князю Константину Николаевичу: «Посылаю тебе два письма на твое имя Муравьева-Амурского, врученные мне по его приказанию прибывшим сюда г[енерал]-м[айором] Корсаковым. Я их никому не показывал, ибо они окончательно рассорили бы его со всеми министрами, но сообщил выписки тем, до которых упоминаемые в них дела касаются. После того от него получены еще другие бумаги, из которых видно, что ему уже из-

---

[42] Н.Н. Муравьев-Амурский – Д.А. Милютину (24 ноября (6 дек.) [1861 г.?], Париж) // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. № 50. Л. 5.

[43] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 472.

[44] Там же. Т. II. С. 196.

вестна сообщенная тобою резолюция моя насчет сосредоточения Амурских административных дел в Сибирском ком[итете]. Все представления его к наградам я сам рассматривал, но должен был многое изменить, ибо они выходили из всякой меры[45]. Жаль, что при всех его достоинствах, которые никто более меня не умеет ценить, он постоянно стремится к достижению такой власти, которая сделала бы его независимым от центральных управлений, чего я никак допустить не могу»[46]. Несомненно, Александр II высоко ценил административные, военные и дипломатические заслуги Н.Н. Муравьева, возведя его 26 августа 1858 г. в графское достоинство с присоединением к его фамилии звания Амурского. Это могло на время успокоить Муравьева, дать уверенность, что впредь к его предложениям будут более внимательны в центре, хотя он был обижен тем, что не все его представления к наградам участников «амурской эпопеи» были удовлетворены в Петербурге[47].

Намечая грандиозные мероприятия на востоке Азиатской России, Муравьев нуждался не только в четко очерченных правилах взаимодействия с центральными ведомствами и определенной управленческой автономии от Петербурга, но и в эффективной организации регионального управления. Критическое отношение к реформам 1822 г. в Сибири определялось не только давностью их проведения, но в первую очередь несогласием с принципами, заложенными М.М. Сперанским в сибирскую административную систему. Особенно же он упрекал Сперанского в том, что тот «любил более свои идеи, чем государей и отечество»[48]. «Сибирское учреждение покойного Сперанского, – писал Муравьев 20 февраля 1852 г. вел. кн. Константину Николаевичу, – пользовалось наиболее известностию по автору и действительно отличается законодательною замысловатостию, но в применении к делу в Сибири оказалось небезукоризненным. <...> Главнейший же недостаток этого управления для Сибири заключается в том, что оно умножило инстанции и чрезвычайно распространило канцелярии и переписку, а так как в Сибири

---

[45] В 1858 г. восточно-сибирскому генерал-губернатору было разрешено по Приморской и Амурской областям представлять к наградам без ограничения. Для Сибири существовала и без того повышенная норма – 1 награда на 31 чиновника, которая была доведена в 1866 г. до соотношения 1:25 и 6 наград сверх правил. Муравьев считал необходимым шире использовать в Сибири наградную практику, чтобы «уничтожить корыстное направление» местных чиновников. – РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3200. Л. 339–340; *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 249.

[46] 1857–1861: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 73. Той же осенью Александр II собственноручно написал на письме Муравьева Е.П. Ковалевскому (16 октября 1858 г.): «Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги им оказанные». – *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 198.

[47] *Матханова Н.П.* Указ. соч. С. 221.

[48] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I . С. 222.

трудно иметь хороших канцелярских чиновников, то этот порядок ввел лишь медленность в течение дел, и прежнее деятельное управление краем заменил бумажною администрациею. В разделении края на губернии собственно в Восточной Сибири ощутительна была, с самого начала введения этого Учреждения, недостаточность на местах, по отдаленности власти разрешающей, т.е. губернаторской»[49].

В заявлениях Н.Н. Муравьева заключалось стремление придать сибирской политике более последовательный и самостоятельный характер, привлечь внимание высших правительственных кругов к судьбам огромного региона. Уже в отчете за 1850 г. Муравьев предложил усилить власть на местах путем создания новых административно-территориальных единиц. Вспоминая о преобразованиях графа М.С. Воронцова на Кавказе, Муравьев писал министру внутренних дел Л.А. Перовскому: «Когда-то и я полагал, что на Кавказе нужно больше губернаторов и меньше присутственных мест, и он их не мало уже сделал и не мало закрыл, если б Бог дал и здесь то же»[50].

Таким образом, было декларировано два главных принципа намечаемых административных преобразований: во-первых, увеличение числа губернаторов, самостоятельно действующих, и, во-вторых, создание областного управления, не отягощенного сложной системой учреждений и делопроизводства. Административные преобразования должны были создать на востоке империи сильную, эффективную, самостоятельную и по возможности недорогую власть, которая бы могла оперативно решать как внутренние проблемы, так и часть внешнеполитических государственных задач.

Для успешной реализации дальневосточных планов и в условиях отсутствия надежной политической, военной и финансовой поддержки в Петербурге Муравьев нуждался в создании собственной военной и материальной базы в Сибири. Такой базой могло стать только Забайкалье.

К середине XIX в. воинские подразделения в Забайкалье включали в свой состав, помимо Забайкальского городового казачьего полка, так называемые инородческие (один эвенкийский и четыре бурятских) полки, а также казаков, распределенных по пограничным дистанциям. Общее управление пограничными казаками осуществляло Троицкосавское пограничное управление, подчиненное иркутскому гражданскому губернатору. Уже восточно-сибирские генерал-губернаторы С.Б. Броневский

---

[49] Записки Н.Н. Муравьева (20 февр. 1852 г.) // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 14. «Н.Н. Муравьев, – вспоминал М.И. Венюков, – был враг канцелярского многописания, за которым, как он хорошо знал, обыкновенно скрывается или недобросовестность, или бездеятельность». – *Венюков М.И.* Мои воспоминания. 1857–1858 годы. Восточная Сибирь и Амур // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 203.

[50] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. 256.

(1834–1837) и В.Я. Руперт (1837–1847) предлагали провести реорганизацию управления забайкальских пограничными казаками, передав их из гражданского ведомства в военное. О необходимости такой реформы заявлял и сенатор И.Н. Толстой, представивший в 1845 г. проект создания Забайкальского казачьего войска. Как отмечает А.С. Зуев: «Фактически это был готовый проект Положения о пограничном казачьем войске Забайкалья, в разработке которого Толстой опирался на Положение 1835 г. о Войске Донском»[51]. Рассмотрение проекта в Военном министерстве затянулось, но он смог послужить предпосылкой для более масштабной реформы, которую удалось осуществить уже Н.Н. Муравьеву.

17 марта 1851 г. Николай I утвердил положение о Забайкальском казачьем войске, а при ГУВС было создано особое казачье отделение (с 1859 г. должность начальника отделения была объединена с должностью начальника штаба войск Восточной Сибири, но это не устранило некоторого параллелизма в гражданском и военном управлении)[52]. Забайкальское казачье войско подчинялось военному министру через генерал-губернатора Восточной Сибири. Непосредственное командование войском было вверено наказному атаману и войсковому правлению (в 1858 г. была учреждена канцелярия при наказном атамане)[53]. Это дало Муравьеву необходимые военные силы для решения политических задач на Амуре.

Военные преобразования должны были сопровождаться и административной реорганизацией. М.А. Бакунин свидетельствовал, что идея создания Забайкальской области, «как точки отправления и опоры для завоевания Амура», родилась у Муравьева в 1849 г. во время поездки на Камчатку[54]. Действительно, уезжая на Камчатку, он отправил царю 15 мая 1849 г. «пространную записку» по поводу Забайкальского края. В ней специально подчеркивалось, что поддержать российское влияние относительно Китая удобнее всего в Забайкальском крае, многозначительно прибавив, «который вместе с тем прилегает и к Амуру»[55]. Не случайно и то, что одновременно с возбуждением амурского вопроса было начато передвижение войск из Восточной Сибири в Забайкалье. Д.И. Завалишин, пользовавшийся в начале правления Муравьева его расположением и подававший новому генерал-губернатору

---

[51] *Зуев А.С.* Проекты реформ забайкальского пограничного казачьего «войска» второй четверти XIX в. // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения, 1992 г. Новосибирск, 1993.

[52] Только в 1874 г. казачье отделение ГУВС было упразднено и управление казаками перешло в штаб военного округа.

[53] *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. III. С. 41–42.

[54] М.А. Бакунин – А.И. Герцену (7 ноября 1860 г.) // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. М., 1935. Т. 4. С. 316.

[55] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 211.

полезные советы, свидетельствовал, что у Муравьева была даже мысль перенести в Читу местопребывание генерал-губернатора и Главное управление Восточной Сибири[56]. События 1850 г., связанные со смертью китайского императора, заставили Муравьева спешить и подтолкнули к решительным действиям. 11 марта 1850 г. он просил министра внутренних дел Л.А. Перовского о содействии скорейшему образованию Забайкальской области[57].

Предыстория создания Забайкальской области, как это напоминал петербургским властям Муравьев, началась еще в 1837 г., когда генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский подал проект, предусматривавший усиление власти восточнее Байкала. По мнению Броневского, Якутская область, приморские Охотское, Камчатское и Троицкосавское пограничное управления, находящиеся далеко от Иркутска, нуждались в большей самостоятельности власти[58]. Он предлагал отделить от Иркутской губернии Забайкалье, чтобы из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления образовать Нерчинскую область, придав ее начальнику губернаторские права[59]. Аргументируя свое предложение, генерал-губернатор писал: «Эта страна, отличная по климату, почве и роду ее обитателей, самою природою отторгнута от материка губернии Байкалом и горами». Сообщение с Забайкальем затруднительно, указывал он, «и, если бы, Боже сохрани, произошло там что-нибудь чрезвычайное к нарушению внутренней и внешней безопасности, то страна эта, не имея достаточных средств к защите себя, остается предоставленною на произвол»[60]. Наряду со строительством Кругобайкальской дороги, он настаивал на усилении воинского контингента в Забайкалье. Но Броневский не успел довести начатого дела до конца, а сменивший его В.Я. Руперт признал проектируемые меры «неудобоисполнимыми, да и совсем ненужными»[61].

Несмотря на оппозицию большинства членов Комитета министров, доказывавших, что создание Забайкальской области станет мерой преждевременной из-за бесперспективности развития там торговли и

---

[56] Д.И. Завалишин – министру внутренних дел П.А. Валуеву (30 дек. 1861 г., г. Чита) // РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 148. Л. 33.

[57] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 262.

[58] Предположения о новом разделении и некоторых пособиях для Восточной Сибири («секретно») // РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 3. Создать отдельную область в Забайкалье советовал С.Б. Броневскому ссыльный декабрист Д.И. Завалишин. – Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906. С. 311.

[59] С 1783 по 1822 гг. на административной карте Сибири существовала Нерчинская область. – *Клер Л.С.* Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX вв. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 17.

[60] Предположения о новом разделении и некоторых пособиях для Восточной Сибири («секретно») // РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 4.

[61] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1340. Л. 4.

промышленности и потребует новых неоправданных расходов, Муравьеву, благодаря личному вмешательству Николая I, удалось образовать Забайкальскую область (11 июля 1851 г.)[62].

Административный аппарат Забайкальской области составили: военный губернатор (одновременно он же являлся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска[63]), канцелярия губернатора, областное правление, областной прокурор, землемер и инспектор по медицинской части. В областном правлении сосредоточилось как полицейское управление, так и заведование хозяйственными делами. Упразднялись общие окружные управления и окружные суды в Верхнеудинске и Нерчинске. На всю область создавался один окружной суд в Чите, имевший права губернского суда, а судом второй ступени стал иркутский губернский суд. При отсутствии областного совета военный губернатор был обязан обсуждать дела, относящиеся к компетенции губернского суда с областным прокурором. В 1854 г. во всей Забайкальской области было 149 чиновников[64].

Самостоятельность губернатора была усилена, при нем не создавалось коллегиального совета, предусмотренного в сибирских губерниях и областях реформой 1822 г. Насколько важен был забайкальский опыт, можно судить по рапорту М.С. Корсакова Н.Н. Муравьеву-Амурскому (29 февраля 1860 г.), который доказывал: «Управляя Забайкальской областью, я имел случай убедиться в преимуществах упрощенного управления, ибо, не говоря о сокращении расхода казны, оно сопряжено еще со значительным ускорением и уменьшением переписки»[65]. В сокращенном наборе областных учреждений скрывалось и стремление сократить расходы на управление Забайкалья, чтобы сохранить средства для Амура. Как вспоминал В.И. Вагин: «Муравьев знал, что главное препятствие к осуществлению его проектов может встретиться с финансовой стороны, и потому, чтобы устранить это препятствие, до крайности уменьшил личный состав новых учреждений. Это имело самые вредные последствия... Новые забайкальские учреждения на первых же порах увидели полную невозможность справляться с тою массою дел, какая поступила к ним из прежних присутственных мест, особенно по хозяйственной части»[66].

---

[62] ПСЗ-II. № 25394.

[63] Историк Забайкальского казачьего войска А.П. Васильев считал такое соединение в одном лице должностей губернатора, наказного атамана и командующего регулярными войсками самым удачным решением управленческой проблемы в области со смешанным в социальном и этническом плане населением. – *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. III. С. 196.

[64] *Константинова Т.А.* Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита, 2001. С. 9.

[65] РГИА. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 45. Л. 1.

[66] *Вагин В.И.* Биография графа Н.Н. Муравьева-Амурского // ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 162. Л. 13.

Не удалось Муравьеву подчинить забайкальскому военному губернатору только управление Нерчинским горным округом, который продолжал сохранять свою административную и хозяйственную автономию. В 1855 г. Нерчинские горные заводы, находившиеся с 1830 г. в ведении Министерства финансов, возвратились под управление Кабинета[67]. Все это, считал Н.Н. Муравьев, «не только парализует единственную власть, которая в этом отдаленном крае имеет право над Нерчинскими заводами, т.е. власть генерал-губернатора, но отнимает у этого лица возможность, а вместе с тем и нравственное расположение предпринять существенные и решительные меры к исправлению этого дела как на пользу человечества, так и в отношении экономическом»[68]. Лучший способ преобразования кабинетского управления Нерчинскими заводами, полагал он, – «упразднение этого управления». Забайкальская область только бы выиграла, уничтожив независимое от высшей местной власти ведомство[69]. Несмотря на настойчивость Муравьева, ему не удалось сломить противодействие Кабинета, и забайкальский военный губернатор получил только права надзора за каторгой. Но в его руках оказалось командование пешим батальоном казаков, охранявшим тюрьмы и каторжан, занятых на заводах и рудниках[70].

20 июня 1851 г. было образовано Кяхтинское градоначальство – «губернаторство из одного посада и двух деревушек», как его иронично именовал В.И. Вагин[71], объединившее местное пограничное, таможенное и полицейское управления на китайской границе. Муравьев считал, что действие независимых друг от друга управлений парализовало здесь власть. Представитель знаменитой кяхтинской купеческой династии А.А. Лушников писал: «Это мотивируется тем, что г. Троицкосавск и Кяхтинская торговая слобода, где собиралось товаров на десятки миллионов рублей, предоставлены совершенному безначалию. Там действовали три власти, одна от другой независимые, а главным образом имелось в виду учреждением этого градоначальства сосредоточить на месте же все разбирательства по могущим возникнуть вопросам по торговле с

---

[67] ПСЗ-II. № 29363.

[68] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 532.

[69] Там же. Т. II. С. 228. Противостояние Н.Н. Муравьева и Кабинета стало, благодаря «Колоколу», достоянием гласности. – Императорский Кабинет и Н.Н. Муравьев-Амурский // Колокол. М., 1962. Вып. III. С. 721–742 (15 дек. 1860).

[70] *Клер Л.С.* Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX вв. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 20–21.

[71] *Вагин В.И.* Муравьевское время в Сибири // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1699. Л. 19. В состав Кяхтинского градоначальства вошли пограничный город Троицкосавск и слободы: Кяхтинская торговая и Усть-Кяхтинская мещанская с принадлежащими им землями. – ПСЗ-II. № 25322.

Китаем, так как раньше они разбирались в Иркутске»[72]. Еще в Москве, отправившись в первый раз в Сибирь, Муравьев получил записку о состоянии кяхтинской торговли от торгующего с Китаем через Кяхту московского купечества. Тогда Муравьев не принял какого-либо решения, но направил в Кяхту своего адъютанта В.М. Муравьева, ответив при этом министру финансов Ф.П. Вронченко, что «по местному взгляду на этот предмет столь важные интересы отечественных мануфактур и промышленности нельзя оставлять в руках и безответственном распоряжении таких людей, у которых они теперь находятся»[73].

Однако создание Кяхтинского градоначальства не только было вызвано потребностями лучшей административной организации, но и диктовалось новыми политическими и экономическими задачами. Нужно было восстановить и укрепить в глазах китайцев и монголов «достоинство русского правительства и русского имени», и найти выход из того кризисного состояния, в котором оказалась кяхтинская торговля, изменить правила русско-китайского товарооборота. Градоначальник должен был осуществлять непосредственное наблюдение за событиями в Китае, особенно за тем, что было связано с действиями иностранцев и внутренними китайскими междоусобицами. По мнению Б.В. Струве, «учреждение Кяхтинского градоначальства открыло возможность ближайших сношений с китайскими властями, чтобы более внушительно показать им цель наших стремлений на востоке и вселить в них доверие к нашей силе»[74]. Образование градоначальства было вызвано и дипломатическими потребностями: до этого все пограничные сношения с Монголией велись иркутским губернатором, который находился далеко от границы.

Кяхтинский градоначальник назначался царем по представлению министра внутренних дел и с предварительного согласия министров иностранных дел и финансов. К.В. Нессельроде при рассмотрении вопроса о Кяхтинском градоначальстве даже высказался за то, чтобы предоставить градоначальнику право контролировать всю китайскую границу в рамках Иркутской губернии и подчинить ему казачьи войска. Но Муравьев решительно возражал, соглашаясь дать градоначальнику право командовать казаками только в экстренных случаях[75]. Очевидно, его

---

[72] *Лушников А.А.* Граф Муравьев-Амурский по отношению к Кяхте // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. М., 1902. Т. IV. Вып. 2. С. 27.

[73] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 182; см. также: *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 175.

[74] *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 6. С. 119.

[75] Журнал Комитета Министров 16, 19 и 23 дек. 1850 г. и 9 янв. 1851 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 199. Л. 22. О сложности бюрократического статуса кяхтинского градоначальника см.: *Сигов В.И.* Администрация Восточной Сибири и официальный Петербург – о статусе служащих на пограничной территории азиатской части Рос-

планы не простирались так далеко, а предложение Нессельроде противоречило идее образования Забайкальской области и Забайкальского казачьего войска как единого военно-административного комплекса во главе с военным губернатором.

Положение градоначальника в восточно-сибирской бюрократической иерархии было довольно запутанным. Несмотря на сложную процедуру назначения, он реально подчинялся генерал-губернатору. Когда первый кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер[76], воспользовавшись отсутствием Муравьева в Иркутске, вступил в 1853 г. в непосредственную переписку с МИДом о китайских делах и желании монголов перейти в российское подданство, Муравьев разразился в адрес Ребиндера строгим внушением не выходить за пределы чисто пограничных полномочий и в разговорах с китайскими чиновниками «ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнения о каких-либо предположениях нашего правительства». Кяхтинский градоначальник, по замыслу Муравьева, должен выполнять только его указания, а важные вопросы межгосударственных отношений должны относиться исключительно к компетенции генерал-губернатора. Особую роль в реформировании торговли через Кяхту сыграл А.И. Деспот-Зенович, занимавший пост кяхтинского градоначальника с 1859 по 1862 гг. При нем был установлен более свободный режим торговли с Китаем, облегчены таможенные правила, им фактически была подготовлена торговая часть договора, заключенного в 1860 г. Н.П. Игнатьевым в Пекине.

По окончании Крымской войны и переключения внимания с Камчатки на Амур и Уссури центральные и местные власти обратились к вопросу о новом административном устройстве российского Дальнего Востока. Из Петропавловска в Николаевск были переведены гражданские и военные учреждения, а законом 31 октября 1856 г. образована Приморская область во главе с военным губернатором, подчиненным восточно-сибирскому генерал-губернатору и ГУВС[77]. Приморский военный губернатор, управлявший Сибирской военной флотилией и портами Восточного океана, назначался из морских чинов и поэтому зависел от Морского министерства. В состав новой области вошли Петропавловский, Гижигинский и Удский округа. Особо указывалось, что в ведении приморского военного губернатора находятся Курильские острова и Чу-

сийской империи в 50-х гг. XIX в. // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 184–186.

[76] Н.Р. Ребиндер поначалу пользовался доверием Муравьева, но затем самостоятельность и неприятие кяхтинского градоначальника муравьевским окружением привели к охлаждению в их отношениях.

[77] ПСЗ-II. № 31080.

котка[78]. Для всей области был предусмотрен один окружной суд, окружное казначейство, стряпчий[79]. Приморскому окружному суду были подведомственны и дела о преступлениях на землях, находящихся под управлением РАК.

Очевидно, кроме высоких государственных соображений, Муравьев руководствовался желанием насадить на главные административные посты в крае своих приближенных. Особенно он рассчитывал на дружный тандем своих соратников и будущих преемников М.С. Корсакова и П.В. Казакевича, которые соответственно заняли посты военных губернаторов Забайкальской и Приморской областей. В письме к Корсакову 5 мая 1856 г. Муравьев наставлял его: «Тебе надобно войти в самые ближайшие сношения с Казакевичем по всем подробностям вверенной ему области и флота, ибо впредь все пойдет уже через тебя и твое Областное Правление; следственно, надо теперь уже определить, чем именно Забайкальская область может снабдить Приморскую и что в ней развести должно для будущего времени»[80].

Муравьев планировал создать Амурскую казачью линию[81], которая бы находилась под общим руководством забайкальского военного губернатора, в чьих руках сосредоточивалось бы командование всеми сухопутными силами восточнее Байкала. Но уже в 1858 г. он отказался от этой идеи, понимая, что без надежных путей сообщения руководство такой линией из одного центра будет невозможно. Это приводит его к мысли подчинить часть казачьих войск на востоке приморскому военному губернатору. 1 ноября 1856 г. было решено отправить из Забайкальского казачьего войска на Амур два конных полка, но реально к 1860 г. туда было направлено 7 казачьих сотен. В 1858 г. в амурские казаки было зачислено 2 000 оштрафованных нижних чинов. Указ об образовании Амурского казачьего войска последовал 8 декабря 1858 г., а 1 июня 1860 г. был сформирован Уссурийский казачий пеший батальон. Амурская линия была разделена на два участка: первый – от Усть-Стрелочного караула до Хинганского хребта (в подчинении забайкаль-

---

[78] В законе специально подчеркивалось, что чукчи «продолжают управляться и судиться по существовавшему до 1822 года и в сем году подтвержденному порядку» (ст. 12).

[79] Судом второй инстанции для Приморской области являлся иркутский губернский суд, так же как приморское казначейство было подчинено иркутской казенной палате. Областное правление было учреждено только в 1868 г., до этого все управленческие функции сосредоточивались в канцелярии военного губернатора.

[80] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 449–450. Н.Н. Муравьев настоятельно советовал М.С. Корсакову сохранять дружеские отношения с П.В. Казакевичем. – Н.Н. Муравьев – М.С. Корсакову (1 дек. 1856 г.) // Там же. С. 478.

[81] Казачьи войска. Хроника. Б.м., 1992. С. 311, 319.

ского губернатора) и второй – от Хинганского хребта до Мариинского поста (в подчинении приморского губернатора)[82].

Айгуньский и Тяньцзинский российско-китайские договоры (1858 г.) закрепили за Россией левобережье Амура и право плавания российских судов по Амуру, Уссури и Сунгари, а Пекинский договор (1860 г.) провел российско-китайскую границу по Уссури, включив официально Уссурийский край в состав Российской империи[83]. Не дожидаясь завершения процесса межгосударственного разграничения, уже 11 июля 1858 г. Муравьев высказался за присоединение к Приморской области всей территории от устья реки Уссури до Удского острога, поручив П.В. Казакевичу командование дислоцированными там войсками. Тогда же впервые Муравьев предложил образовать и новую область – Амурскую («вверх по Амуру, от устья реки Уссури до Забайкальской области»). В Приморскую область было решено вернуть Охотский округ, ранее переданный Якутской области. В 1851 г., надеясь на развитие камчатского направления дальневосточной политики, одновременно с созданием Забайкальской области, Муравьев добился расширения прав якутского губернатора[84]. Первоначально Якутская область рассматривалась Муравьевым как возможная база снабжения Охотско-Камчатского края и сухопутное сообщение на северо-восток Азии. Но как только стало ясно, что через Якутск не удастся наладить надежного сообщения с Камчаткой, внимание Муравьева переключилось окончательно на Амур, и он быстро потерял интерес к Якутской области.

Проект административного устройства Дальнего Востока был внесен в Сибирский комитет, а Н.Н. Муравьев отправил в Петербург со специальной миссией М.С. Корсакова, которому было поручено лично присутствовать при обсуждении. Корсаков уехал в столицу в сентябре 1858 г., взяв с собой новый рапорт Муравьева, в котором излагались дополнительно аргументы в пользу создания Амурской области. Особенно подчеркивалась необходимость появления на Амуре военного губернатора «для сношений с приграничивающими манджурскими властями и для командования военною силою, границы наши по Амуру охраняющею»[85]. Как и раньше, Муравьев настаивал на возможно более простом устройстве новой области, предлагая сосредоточить в руках губернатора максимум власти.

---

[82] *Умрихин А.В.* Очерки административно-территориального устройства Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Благовещенск, 2000. С. 23.

[83] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 136–137, 143–144.

[84] ПСЗ-II. № 25395.

[85] Н.Н. Муравьев – вел. кн. Константину Николаевичу (20 сент. 1858 г.) // РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 239. Л. 9.

22 ноября 1858 г. Сибирский комитет рассмотрел вопрос об очередном изменении административных границ на Дальнем Востоке, а уже 8 декабря 1858 г. были расширены пределы Приморской области и образована Амурская область[86]. Приморская область состояла теперь из шести округов: Николаевского с островом Сахалин, Софийского, Петропавловского, Охотского, Гижигинского и Удского. Во вновь образованной Амурской области решено было округов не создавать, хотя территория Амурского казачьего войска фактически была выделена в особую административно-территориальную единицу[87]. Примечательно, что в законе содержалось указание: «Подробное определение границ каждой области предоставить ближайшему усмотрению генерал-губернатора Восточной Сибири. Для всей Амурской области учреждался один окружной суд и назначался стряпчий с судебной подчиненностью Иркутску. Особого казначейства создано не было, а финансовые дела поручили одному из чиновников губернаторской канцелярии[88]. Амурским военным губернатором и наказным атаманом казачьих войск в области с местопребыванием в г. Благовещенске стал Н.В. Буссе[89].

На этом муравьевские планы административной организации региона не закончились. 25 сентября 1858 г. в письме к вел. кн. Константину Николаевичу он вновь писал о трудностях управления огромным краем и просил дать ему помощника, который бы мог председательствовать вместо генерал-губернатора в совете ГУВС и исполнял бы дела «по текущему делопроизводству». Мера эта носила бы временный характер, до планируемого нового административного разделения Восточной Сибири. В качестве такого помощника Муравьев просил назначить иркутского губернатора К.К. Венцеля[90]. Но вскоре он уже предложил вместо Венцеля в качестве своего заместителя «молодого, дельного, энергического председательствующего» М.С. Корсакова[91]. Обратив внимание правительства на

---

[86] ПСЗ-II. № 33862.

[87] Положение об Амурском казачьем войске 1 июля 1860 г.

[88] Амурское казначейство будет создано уже в 1862 г.

[89] Хотя М.И. Венюков высказывал предположение, что Амурскую область создали чуть ли не специально, чтобы дать губернаторскую должность Н.В. Буссе. – *Венюков М.И.* Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 268.

[90] В пародийной «Оде на отъезд графа Муравьева-Амурского из Иркутска» отмечалось, что это правило существовало реально и раньше:

«Друзья, природою самою
Назначен здесь начальству срок.
Сам граф живет у нас зимою
И пьет сивуху и ромок;
Снег тает, сердце пробуждая,
И землю роют лапки кур, –
Правленье Венцелю сдавая,
Граф уезжает на Амур». – Сибирский архив. 1915. № 11. С. 533.

[91] *Барсуков.* Т. II. С. 288.

то, что один человек физически не в состоянии управлять всей Восточной Сибирью, Муравьев в 1860 г. предложил проект новой управленческой комбинации. В проекте предусматривалось придать особый статус Приморской области, наделив ее военного губернатора генерал-губернаторскими правами и предоставив ему командование портами, флотилией и сухопутными войсками, а также право дипломатических отношений с Японией[92]. Муравьев был даже готов передать Енисейскую губернию в Западно-Сибирское генерал-губернаторство[93], а в оставшейся части Восточной Сибири изменить порядок управления: генерал-губернатора и совет ГУВС подчинить непосредственно II Сибирскому комитету, сделав исключение для Военного и Морского министерств, а также МИДа.

Как известно, Н.Н. Муравьев-Амурский давно уже тяготился опекой центральных властей, и из его уст не раз вырывались упреки в адрес петербургских «интриганов» из царского окружения, которые уничтожают великое будущее Сибири и требуют от нее только одно – «деньги, деньги, деньги»[94]. Кроме того, ему хотелось, отойдя от непосредственного управления краем, оставить своим преемникам, М.С. Корсакову и П.В. Казакевичу, широкие полномочия, предлагая первого на пост генерал-губернатора, а второго – губернатора с генерал-губернаторскими правами в Приморскую область. Муравьев давно готовил Корсакова к генерал-губернаторской роли и видел его своим главным преемником. Отчасти подготовительную цель имело назначение Корсакова забайкальским военным губернатором в 1855–1860 гг. Еще 1 декабря 1856 г. Муравьев писал Корсакову, намереваясь оставить службу в Сибири: «Остальное предстоит тебе окончить и продолжать, что сам уже придумаешь, на пользу и славу России»[95].

Во всеподданнейшей записке 22 февраля 1860 г. Муравьев рекомендовал царю М.С. Корсакова и П.В. Казакевича: «...как по опытности их в том крае, так и по взаимным товарищеским отношениям, а также и по доверию, которое они умели приобрести в крае в течение многолетней своей там службы, между тем оба они молодые люди: Корсаков около 35 лет, Казакевич около 40 и поэтому долго еще могут быть полез-

---

[92] Когда Н.Н. Муравьев-Амурский покинул Сибирь, Амурский комитет 22 февраля 1861 г. решил занять выжидательную позицию в вопросе о разграничении Сахалина, только в случае, если японцы сами проявят инициативу, поручить вести переговоры приморскому военному губернатору. МИД обязалось дать инструкции губернатору. – Журнал Амурского комитета 22 февр. 1861 г. // АВПРИ. Ф. 161. (Главный архив) 1-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 50-51.

[93] По свидетельству Б.А. Милютина, из-за золотопромышленности Енисейская губерния «была язва, которую нельзя было залечить», и поэтому Н.Н. Муравьев стремился от нее как можно скорее отделаться. – *Милютин Б.А.* Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. № 12. С. 620.

[94] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 204.

[95] Там же. С. 478.

ны службе Вашего Величества с тою физическою деятельностию, которая там необходима». Однако единственного достойного наследника своих трудов, способного взвалить на себя тяжелый груз управления огромным краем, он не видел, и это отчасти побудило его предложить новое деление Восточной Сибири, «приноровленное к служебным способностям и специальности рекомендованных им преемников»[96]. Поэтому Муравьев на первое время намеревался сохранить за собой возможность патронажа за ними, не занимая определенного поста в самой Сибири. Ходили слухи, что Муравьев планировал, разделив Восточную Сибирь на два генерал-губернаторства, создать над ними еще и наместничество, которое сам и намеревался возглавить. Одним из вариантов такого проекта называлась комбинация с назначением восточно-сибирскому генерал-губернатору двух помощников, ответственных за Приамурский край и собственно восточно-сибирские губернии[97]. Очевидно, в эти планы был посвящен Корсаков, который писал брату 18 апреля 1860 г.: «Самое лучшее для правительства было бы сделать его Наместником Сибири, но вряд ли на это решатся...»[98].

Насколько важным представлялся поднятый Н.Н. Муравьевым-Амурским вопрос, подтверждает то, что Александр II решил лично присутствовать при его рассмотрении в Сибирском комитете. Такое заседание состоялось 11 мая 1860 г. И хотя император в общем согласился с административным планом Муравьева, большая часть министров оказалась настроена против[99]. В процессе обсуждения муравьевского проекта было высказано несколько новых идей об административно-территориальном устройстве Азиатской России, которые в следующие два десятилетия будут активно обсуждаться в правительственных кругах. Главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии Д.Н. Блудов, очевидно, опасаясь сосредоточения столь значительной власти в руках Муравьева, готов был согласиться с созданием на Дальнем Востоке новой большой административной группы, в которую бы вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области.

Однако большинство министров продолжали отстаивать единство управления восточными районами Сибири и Дальнего Востока, считая, что оно продиктовано прежде всего продовольственной зависимостью Приморской области от восточно-сибирских губерний и Забайкальской

---

[96] Журнал комиссии, учрежденной при МВД по вопросу о новом административном делении Азиатской России 10 янв. 1874 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 86.

[97] *Сукачев В.П.* Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 81. Действительным автором этой книги был учитель истории ссыльный Н.Н. Бахметьев. – См.: *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 243, 321.

[98] Цит. по: *Матханова Н.П.* Указ. соч. С. 239.

[99] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 536.

области. Министр императорского двора В.Ф. Адлерберг опасался, что раздробление высшей местной власти в крае может негативно сказаться на его управлении, а это породит возможные разногласия между главными региональными начальниками и может побудить вернуться к восстановлению высшей местной центральной власти, но уже в лице «наместника Сибирского». Кроме того, он указал и на то, что до сих пор нет основательных доказательств, что Россия или даже Восточная Сибирь сможет получить в ближайшем будущем ощутимую пользу от Приморской области. А если это так, то для чего вообще здесь усиливать администрацию и военные силы. Пока же достаточно несколько расширить самостоятельность губернаторов на Дальнем Востоке, «чтобы отклонить необходимость частовременных и трудных разъездов генерал-губернатора». Военного министра Н.О. Сухозанета, помимо возможных разногласий фактически равных высших местных начальников, настораживало и разделение охраны китайской границы. Не устраивал его и вариант предлагаемого общего руководства, который намеревался сохранить за собой Муравьев, оставаясь в Петербурге. «Предлагаемые графом Муравьевым поездки отсюда в Восточную Сибирь, – пояснял он, – не могут быть столь часты, как бы сего требовала польза края, и во всяком случае подобные временные посещения с неопределенными, хотя бы неограниченными правами, нарушив весь ныне существующий в государстве порядок, для взаимных соглашений различных учреждений установленный, не могли бы заменить общего местного начальника, который имеет возможность постоянно следить за всем происходящим в крае, давать каждому важному делу своевременное направление...»[100]. На сохранении единой высшей местной власти в регионе настаивал и государственный контролер Н.Н. Анненков, проводивший в 1851 г. ревизию Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Его пугала полнота власти, вручаемая военному губернатору Приморской области, который окажется вне всякого руководства из Петербурга. «При самом полном уважении к личности, избранной графом Амурским, – предупреждал он, – едва ли можно подвергать обширную, важную часть государства тем последствиям, которые могут произойти от предвидимых и непредвидимых случайностей, при такой огромной власти, поставленной почти вне всякого правительственного контроля»[101].

Министров настораживало, главным образом, то неопределенное, но, несомненно, важное положение, которое мог бы получить Муравьев-Амурский, переместившись из Иркутска в Петербург и сосредоточив в своих руках все нити управления Восточной Сибирью и Дальним Востоком. Это дало бы ему преимущественное значение в Сибирском комите-

[100] РГИА. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 42. Л. 79.
[101] Там же. Л. 61–62.

те и фактически возводило на роль министра восточных колоний[102]. Видимо, многим был памятен опыт управления Сибирью из Петербурга в начале XIX в. И.Б. Пестелем, который, пользуясь поддержкой Александра I и А.А. Аракчеева, фактически отстранил министерства от сибирских дел.

Н.Н. Муравьев придавал проекту нового административного устройства Восточной Сибири и Дальнего Востока важное значение. Не случайно М.И. Венюков называл провал этого проекта главной причиной прошения Муравьева об увольнении с генерал-губернаторского поста[103]. Не добившись в Сибирском комитете поддержки, Муравьев сумел лишь официально сделать М.С. Корсакова своим помощником. По этому поводу В.Ф. Раевский, потерявший к тому времени доверие к Н.Н. Муравьеву-Амурскому, писал в декабре 1860 г. И.П. Липранди: «Династический вопрос также решили. У Н.Н. Муравьева нет детей. М.С. Корсаков, ближайший родственник, назначен в помощники ген[ерал]-губ[ернатору]»[104]. Опыт совместной деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского и М.С. Корсакова демонстрировал, что новая должность была необходима не только по причине болезни первого, но и для того, чтобы главный региональный начальник постоянно находился в Петербурге, курируя прохождение сибирских дел. Впрочем, как только Н.Н. Муравьев-Амурский оставил свой пост, получив назначение 19 февраля 1861 г. в Государственный совет, нового помощника генерал-губернатору не назначили[105].

Административное переоформление управленческой карты региона, вызванное расширением территории империи на Дальнем Востоке, свидетельствовало об окончательном смещении политических и экономических интересов самодержавия с севера на юг. Основной смысл переноса главного центра региональной власти на российском тихоокеанском побережье сначала из Охотска в Аян, затем в Петропавловск, а

---

[102] На эту роль безуспешно претендовал в Петербурге управляющий делами Сибирского и Кавказского комитетов В.П. Бутков. – *Ремнев А.В.* Комитет министров и высшие территориальные комитеты в 60-80-е гг. XIX в.: (Российский вариант организации регионального управления) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.). Омск, 1996. С. 55–66.

[103] *Венюков М.И.* Из воспоминаний. 1881–84 годы. Париж // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 282.

[104] *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 441.

[105] Окончательно покинув Иркутск, Н.Н. Муравьев-Амурский продолжал интересоваться дальневосточными делами. Когда в конце 1864 г. в Петербурге обсуждался вопрос о новом административном делении Азиатской России, военный министр Д.А. Милютин пригласил его участвовать в этом обсуждении. Тот немедленно приехал из-за границы, «весьма довольный, – как вспоминал Д.А. Милютин, – что вспомнили о нем по случаю Азиатских дел». – *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 15. № 1. Л. 129.

оттуда в Николаевск заключался в поиске удобного морского порта. Но, оценивая будущие центры политической и экономической активности на Дальнем Востоке, Н.М. Пржевальский писал: «Что бы ни говорили, а рано или поздно Николаевск должен потерять свое значение как порта и как места центрального управления Приморской областью. В первом отношении он имеет весьма сильных конкурентов во Владивостоке и Посьете, наших южных гаванях, во втором – в Хабаровке. При самом поверхностном знакомстве с Приморской областью можно утвердительно сказать, что вся ее будущность как страны земледельческой заключается в Уссурийском и в особенности Южноуссурийском крае, а никак не на низовьях Амура или в других, еще более северных частях»[106]. Этот поиск центра не закончился при Муравьеве-Амурском, и Николаевск через 16 лет был «брошен» ради Владивостока[107]. Однако в начале 1860-х гг. Владивостоку все еще серьезную конкуренцию оказывали залив Св. Ольги и гавань Посьет[108].

Появившиеся на востоке новые города были по преимуществу военно-административными центрами. Внимательный наблюдатель П.А. Кропоткин отмечал в начале 1860-х гг., что Чита – это город, родившийся «вследствие служебных потребностей», а Хабаровка «представлена в города», чтобы быть центром Уссурийского округа[109]. Дальневосточные области, выбиваясь из привычной традиции, но как это было нередко на окраинах, именовались не по областному центру, а географически. Это лишний раз указывало на незавершенность поиска их центров и административных границ.

Основная ставка в дальневосточной административной политике делалась на образование новых областей во главе с губернаторами, обладающими высоким официальным статусом, полнотой власти и не обремененных сложной системой учреждений и бюрократического делопроизводства. Если в 1847 г. восточнее Енисея было всего два губернатора (иркутский и енисейский), то к началу 1860-х гг., когда Муравьев покинул Сибирь, их было уже шесть (иркутский, енисейский, якутский, забайкальский, амурский, приморский) и один градоначальник в Кяхте. Это позволило заполнить вакуум власти на Дальнем Востоке, создать новые управленческие центры, способные относительно автономно принимать важные военно-политические и экономические

---

[106] *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М., 1947. С. 49.

[107] *Куртеев К.К.* Экономическая роль Владивостока. Ч. I. Владивосток как торговый порт. Владивосток, 1921. С. 21.

[108] *Колягин В.В.* Пост Новгородский или гавань Посьет // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. Владивосток, 1993. С. 31.

[109] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 192, 291.

решения. Однако их автономность была скорее допускаемая, плохо вписывающаяся в процесс усиливавшейся властной экспансии центральных ведомств на окраины. Сосредоточив в руках губернаторов решение военных, морских и гражданских задач, самодержавие постепенно приходит к пониманию необходимости того, что дальневосточный регион требует управленческой и военно-политической обособленности не только от Петербурга, но и Иркутска. В этих сложных условиях Муравьеву путем насаждения на губернаторские посты своих ставленников и введения временного порядка подчинения амурских дел, помимо министерств, Сибирскому комитету удалось на короткий срок снизить остроту проблемы «объединенного правительства» на региональном уровне и добиться высокой эффективности в действиях местных властей.

ГЛАВА 3
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ: ПОИСК НОВОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ

3.1. Что делать с Дальним Востоком?

«Вся поэзия амурского дела кончилась с подписанием Айгуньского договора. <...> «не оставалось ни одного предприятия на Амуре, которое бы не было самою сухою прозою».

М.И. Венюков[1]

Несмотря на успехи российской политики на Дальнем Востоке, новая имперская окраина быстро теряла свою первоначальную привлекательность. Приамурский край на время отошел в тень[2]. «Тогда же, – подвел итог «муравьевской эпохе» М.И. Венюков, – стали описывать самый Амур далеко не розовыми красками даже русские путешественники и исследователи...»[3]. Путешественников поражала пустынность российских дальневосточных гаваней и вызывала сострадание жалкая участь людей, обреченных там жить. В разделе «Наши домашние дела» журнала «Время» была обронена как бы случайная, но весьма показательная фраза: «Это так далеко, что не вдруг назовешь отечеством такую страну, как приамурский край...»[4]. Сотрудники Муравьева-Амурского, привлеченные в край романтикой покорения, изучения и освоения неведомых земель на востоке империи, вслед за своим кумиром покидали его. Внимательный наблюдатель свершившихся перемен В.И. Вагин упрекал Муравьева-Амурского: «В тринадцать лет своего управления он не создал местных деятелей, которые могли бы с успехом продолжить то дело, за которое он взялся так горячо: преемник и давно

---

[1] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 75.

[2] *Bassin M.* Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. Chapter 8. The Amur and its discontents. P. 233-273.

[3] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 75.

[4] Время. 1861. № 12. С. 93.

уже ближайший сотрудник его, Корсаков, был воплощенная посредственность»[5]. Сам же Н.Н. Муравьев-Амурский жаловался из Парижа военному министру Д.А. Милютину, что негативное отношение к Амуру по-прежнему преобладает в МИДе, а Д.И. Завалишин уверил министра финансов М.Х. Рейтерна, «что Амур на дорого стоит» и поэтому тот Амура не любит[6].

Правительственное и общественное внимание переключилось с Дальнего Востока на Среднюю Азию. Утрата интереса к Тихоокеанскому побережью была связана также с продажей в 1867 г. американских владений и общим упадком российского флота. В высших петербургских сферах возобладало сдержанное мнение о дальневосточном регионе, которое отразил в своих мемуарах военный министр Д.А. Милютин: «Эта отдаленнейшая из всех окраин России, пустынная, непроизводительная, лишенная путей сообщения, была похожа на оторванную колонию, мало полезную для метрополии. Изредка посещал эту страну иркутский генерал-губернатор, но эти дорогостоящие поездки приносили мало пользы. Редкое, разбросанное население едва было в состоянии прокормить себя, войскам же и морским командам Приамурской области даже продовольствие посылалось из Петербурга кругосветным путем и обходилось непомерно дорого. Гражданская администрация не имела средств к оживлению края. Притом же она была в руках моряков, мало способных к управлению»[7]. Последняя фраза свидетельствовала о нараставшей напряженности в отношениях между двумя военными ведомствами, в руках которых и сосредоточивались главные нити управления краем, сухопутным и морским. Видный военный теоретик А.И. Макшеев, автор многочисленных трудов по военной географии Азиатской России, оставаясь на континентальной платформе, заявлял, что моря, к которым Россия имеет выход, не дают ей благоприятных возможностей к развитию морских сил, и поэтому России «трудно сделаться первостепенною морскою державою». Однако, утешал он, эти же самые неблагоприятные свойства морей, омывающих Российскую империю, по возможности облегчают ей защиту своих обширных пределов[8]. Исходя из

---

[5] *Вагин В.И.* Муравьевское время в Сибири // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1699. Л. 36.

[6] Н.Н. Муравьев-Амурский – Д.А. Милютину (30 марта (11 апр.) 1864 г.) // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. № 51. Л. 7.

[7] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816-1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. № 2. Л. 108. Еще более резкая характеристика в адрес Амура прозвучала в 1875 г. из уст некоего генерала, который, по свидетельству одной из современниц, заявил: «...ничего-то Амур ваш не стоит. Один убыток России. И зачем только его заняли! Слава Богу, земли у нас и без того довольно»– Р.Ф. [*Фриессе Р.*] Воспоминания из жизни на Амуре // Русская старина. 1907. Т. 130. № 4. С. 159.

[8] *Макшеев А.И.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1867. С. 22.

первостепенной важности западного направления в военной доктрине России, он явно не задумывался о самостоятельном значении азиатско-тихоокеанского региона.

Разочарованная несбывшимися надеждами и раздражаемая просчетами в организации освоения нового края, российская пресса сменила тон, обрушившись с критикой не только на главных амурских деятелей, но и на само амурское дело. Журнал «Современник» уже в 1859 г. в некоторой растерянности вынужден был констатировать: «С самого начала, когда Амур только что стал входить в моду, – мы знали положительно одно: что весь левый берег Амура занят нами и что мы через это сделали великое приобретение. Но теперь, после множества статей и всякого рода известий об Амуре, и это положительное сведение сделалось как-то сбивчивым и неопределенным»[9]. Иронизировал по поводу амурских перспектив и другой влиятельный петербургский журнал – «Отечественные записки», объявляя общественное увлечение Амуром «пылкой фантазией, не сдержанной никакими положительными данными». В глазах народа правительство своими неверными действиями только испортило репутацию Амуру. Со страниц журнала вставал важный вопрос: «Явятся ли далее живые силы, чтоб поддержать и развить наши амурские колонии, или им суждено надолго быть только военным пунктом русского могущества на Тихом океане?»[10]. Надежды на морское могущество на Дальнем Востоке выглядели теперь малосбыточными. П.А. Кропоткин с сарказмом писал в 1864 г.: «Наша эскадра – в Тихом океане. Назначение – ловить купцов и удирать от военных судов»[11]. Кяхтинская торговля продолжала угасать, не выдерживая конкуренции с быстро развивавшейся морской торговлей с дальневосточными странами, от которой Россия оказалась фактически отстранена. Географическое предназначение России стать торговым и культурным посредником между Европой и Азией продолжало оставаться идеологическим мифом. Россия оказалась неспособной проводить на Дальнем Востоке сколько-нибудь эффективную таможенную политику. Несмотря на то, что только в дальневосточных портах и 50-ти верстной полосе по обе стороны российско-китайской границы был установлен беспошлинный режим торговли, по оценке С.Ю. Витте, «фактически весь Приамурский край и все Забайкалье были царством свободной торговли»[12]. Таможенной же границей Российской империи оставался Байкал. Вялый характер российской торговли с Востоком объяснялся не только неразвитостью сухопут-

---

[9] Современник. 1859. № 12. С. 215.

[10] Отечественные записки. 1859. № 11. С. 11, 16.

[11] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 189.

[12] Доклад министра финансов С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток в 1902 г. // Порто-франко на дальнем Востоке: Сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 119.

ных коммуникаций, заведомо проигрывавших морским связям, но и общим состоянием российской экономики. На западный морской вызов континентальная Россия могла бы ответить железнодорожным строительством, противопоставив пароходу паровоз. Но сибирские железнодорожные проекты тонули в бюрократических безднах петербургских канцелярий.

Новые города, появлявшиеся в Приамурском крае, продолжали оставаться по преимуществу военно-административными центрами со слабо развитой экономикой. П.А. Кропоткин, много путешествовавший по Амуру в первой половине 1860-х гг. и с явной симпатией писавший о крае в газете «Современная летопись» (приложение к газете «Московские ведомости»), все же отмечал, что Благовещенск – город не торговый, как и Чита, а скорее «проезжий» для многочисленных чиновников и военных, что Софийск «только потому город, что таковым ему приказано быть». Хабаровка же официально городом не является, но «похожа на город» и уже «представлена в города», потому что станет центром нового Уссурийского округа. Но и она имеет сомнительные перспективы, так как многие убеждены, что ее значение скоро перейдет к станице Казакевича. Нарекания вызывал и выбор расположенного в устье Амура Николаевска, в качестве главного дальневосточного центра[13]. Амурские жители отзывались о Николаевске, как о «проклятом городе», и с радостью ждали, когда он «упадет» с возрастанием роли морских портов[14]. Писатель и этнограф С.В. Максимов, направленный на Амур Морским министерством, отмечал, что выбрано было для порта «первое попавшееся под руку место», указывал на «бесполезное соседство» с Камчаткой, Сахалином, Удским и Аянским округами, тогда как будущее Дальнего Востока может быть связано исключительно с Уссурийским краем. Николаевск же устроен на искусственной почве, наделен чертами, роднившими его с теми городами, которые С.В. Максимов называет «казенными и военными», типа Омска или Оренбурга. Предрекал он Николаевску судьбу Петропавловска-на-Камчатке с его «ржавыми пушками»[15]. Моряки отрицательно отзывались о Николаевске и предлагали перенести главный дальневосточный порт в залив де Кастри. Они соглашались видеть значение Николаевского порта лишь в его экономической связи через Амур с внутренними территориями региона[16].

Казачьи станицы и крестьянские поселения вдоль Амура и Уссури не раз переносились с места на место из правительственных видов и не-

---

[13] *Афанасьев Д.* Николаевск на Амуре // Морской сборник. 1864. № 12. С. 91–147.

[14] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 314.

[15] *Максимов С.В.* На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. СПб., 1864. С. 300, 313–317.

[16] *Афанасьев Д.* Указ. соч. С. 143.

удачного географического положения, находясь под угрозой регулярных наводнений. Принудительный характер первоначального заселения берегов Амура и Уссури привел к неутешительным результатам. Казачество влачило жалкое существование, и было, как отмечал Н.М. Пржевальский, деморализовано, испытывало открытую неприязнь к новому краю. Это вело к пересмотру роли казачества как колонизационного элемента, замена которого на крестьянских переселенцев теперь казалась более эффективной[17]. Пароходное сообщение по Амуру носило сезонный характер, зимняя дорога по льду плоха и опасна, а ехать берегом было чрезвычайно трудно. «Вот отчего, а также от громадности расстояний, – заключал П.А. Кропоткин, – все эти богатые места теряют значительную долю своей ценности, как отрезанные значительную часть года от других населенных пунктов»[18]. Несомненно, увлеченный Приамурьем даже в 1864 г. он вынужден был задумываться над вопросом по поводу благодатного по своим природным возможностям Уссурийского края: «Каким образом такая богатая страна, такое Эльдорадо, по словам хвалителей, может седьмой год не иметь своего хлеба?»[19].

Общественное внимание к дальневосточной политике, подогревавшееся перспективами нового политического и экономического поприща для России, сменилось почти полной апатией, нарушаемой лишь разоблачениями злоупотреблений местной администрации и рассуждениями о сомнительных выгодах от вложения средств во вновь приобретенные земли. Влияние журналистики на ход правительственной полемики вокруг амурского дела и охлаждение общественного интереса к новым территориям на Дальнем Востоке отмечал управляющий делами Сибирского комитета В.П. Бутков: «Таким образом, литература наша начала судить о всем, что делается на Амуре, не зная ни цели действий, ни способов главных начальников, и стремясь всегда к порицанию всего, она возбудила много толков о существующих в Приамурском крае беспорядках»[20].

Немалую роль в крушении амурских мифов сыграли статьи ссыльного декабриста Д.И. Завалишина, которому, несмотря на политическую неблагонадежность и пристальное внимание со стороны цензурных органов, охотно предоставляли свои страницы многие влиятельные петербургские журналы, в том числе и официальные издания: «Морской сборник» Морского министерства и «Военный сборник» Военного министерства. Резкую критику, не всегда объективную, но, впрочем, весьма

---

[17] *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М., 1947. С. 226–227.

[18] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 309–310.

[19] Там же. С. 378.

[20] Всеподданнейший доклад управляющего делами Сибирского комитета В.П. Буткова (12 окт. 1862 г.) // РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 151. Л. 5.

действенную для снижения амурского пафоса, он обрушил на Муравьева-Амурского и его соратников[21]. Разрушительный характер его нападок был тем более действенен, что помимо журналов он направлял свои многочисленные записки в правительственные учреждения, где и без того было немало противников активной политики на Дальнем Востоке. В письме министру внутренних дел П.А. Валуеву (30 декабря 1861 г.) Завалишин по сути доносил на Н.Н. Муравьева-Амурского, указывая на его сотрудничество с А.И. Герценом: «Ведь и Муравьев революционер, да еще какой! Боже упаси! Тогда как школьникам крепко достается за списывание либеральных стишков, Муравьев – партизан «Колокола», «Полярной звезды», которые читаются на публичных литературных вечерах. Я не говорю уже о том, какого революционера разыгрывал передо мною Муравьев... Но вот его приятель Бакунин лично мне также говорил, что Муравьеву можно простить все мерзости, какие он здесь делал, а именно за то, что он революционер. Даже сам лично отвозил статьи в похвалу себе Бакунина и Скарятина в «Колокол» ...» И далее: «Оттого-то я и писал в Сибирский комитет, что если бы я находился в Петербурге, то просил бы позволения предстать в Комитете и шаг за шагом доказал бы неопровержимо все мои обвинения против Муравьева и его клевретов»[22].

Насколько важна была критика ссыльного декабриста, может свидетельствовать письмо редактора «Военного сборника» и «Русского инвалида» генерала П.К. Менькова Д.И. Завалишину 4 августа 1863 г.: «Содержание ваших писем и статей я докладывал господину военному министру, и по приказанию его превосходительства лично мною было сделано извлечение из них и в виде особой записки «Известия из Восточной Сибири» представлено Военному министерству. Сколько мне известно, записка была дана для прочтения и ответа генералу Корсакову. Не знаю, что отвечал на записку о неурядице в При-Амурском крае генерал-губернатор края, но во всяком случае, смею думать, что ваш труд, хотя и не напечатанный в общее всеуслышание, – не пропал бесследно»[23]. Примечательны в этой связи откровения исполнявшего должность амурского военного губернатора полковника Е.А. Савича, которыми он поделился в 1861 г. с Д.И. Завалишиным: «Вот уже три года приглядываюсь я к Амуру и, право, не знаю, зачем здесь область... Право, иногда мне сдается, что не для того ли Амур существует, чтоб были сплавы, а сплавы для того, чтоб было за что награждать таких людей, которых уже

---

[21] См.: *Шатрова Г.П.* Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск, 1984. С. 120–136.

[22] Д.И. Завалишин – министру внутренних дел П.А. Валуеву (30 дек. 1861 г.) // РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 148. Л. 43–44, 47.

[23] Документы, относящиеся к Сибири. 1840–1864 гг. // Русская старина. 1881. № 10. С. 416.

ни за что другое награждать нельзя!»[24]. Не отрицая в целом значения занятия Амура, Завалишин, верный своему критическому настрою, направленному против Муравьева-Амурского и «муравьевцев», предупреждал петербургское общество, что в результате плохой подготовленности это дело «легко может обратиться даже во вред – не только здешнему краю, но и государству»[25].

Другой ссыльный декабрист, В.Ф. Раевский, писал 6 декабря 1866 г. из Иркутска покинувшему Сибирь еще в середине 1840-х гг. забайкальскому казачьему офицеру С.И. Черепанову: «Забайкальский край сильно разорен – Амур поглотил материальные силы его... Амур, о котором мы с Вами некогда мечтали, в настоящее время – бездонная яма, в которую всыпали уже более 30 миллионов невозвратного капитала, а будет ли толк – темно. С самого начала дело испорчено. Мы хлопотали о блеске, о славе, о наградах, а о пользе и будущности и не думали ... Тяжелую руку наложил Муравьев на Восточную Сибирь и передал ее в наследственное управление своему воспитаннику»[26]. Петрашевец Ф.Н. Львов, также находившийся в оппозиции к «муравьевцам», в 1861 г. на страницах журнала «Современник» даже высказал сомнение в необходимости столь поспешного присоединения Амура к России, а из-за «недостатка-то этого положительного убеждения государственный вопрос об Амуре и пал (нам кажется) всею своею тяжестью не на всю Россию, а на восточную Сибирь и преимущественно на Забайкалье»[27]. Сама же Сибирь, по его мнению, не нуждалась ни в новых землях для заселения, ни в выходе к Тихому океану, ни в новых рынках на его прибрежье для своей незначительной промышленности и торговли. Главное же обвинение сводилось к осуждению ускоренной принудительной колонизации нового края и излишней бюрократизации его управления.

Вместе с тем подчеркивалось, что присоединение амурских земель не может быть прочным, если край не будет обеспечен «органичной связью с обширною русской землей». В противном случае, предупреждали уже «Отечественные записки», нас ждет второй Севастополь в устье Амура[28]. Либеральная газета «Голос» писала в 1864 г., что значение Аму-

---

[24] Полковник Е.А. Савич – Д.И. Завалишину (1861 г.) // Там же. С. 401.

[25] Морской сборник. 1859. № 7. С. 39.

[26] В.Ф. Раевский – С.И. Черепанову (6 дек. 1866 г.) // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 456–457. Стоит вспомнить, что в 1848 г. тот же Раевский писал Г.С. Батенькову: «Мы имеем отличного генерал-губернатора. ...Наконец государь сделал прекрасный, безошибочный выбор и ген[ерал]-губ[ернатор], и губернатор, и приехавшие с ними чиновники, кажется, воодушевлены той высокой идеей, которую так резко, так зычно высказывает девятнадцатый век, или начало этого века». – Там же. С. 413.

[27] *Л-въ Ф.* [*Львов Ф.Н.*] Из Иркутска // Современник. 1861. № 9. С. 97.

[28] Отечественные записки. 1859. № 11. С. 16; см. также: *Дулов А.В.* Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 1996. С. 153–156.

ра – чисто политическое, а не коммерческое. Но ни залив Посьет, ни Владивосток не представляли необходимых условий для обороны, так как в случае войны могли быть легко отрезаны от Амура и Уссури. «Наконец, – вопрошала газета, – к чему укреплять незаселенные гавани, за которыми тянется необозримая пустыня?»[29].

Несмотря на то, что вел. кн. Константин Николаевич проявлял постоянный интерес к дальневосточным делам и неизменно поддерживал Муравьева-Амурского, имеется один эпизод, который трудно поддается объяснению. Почему в ведомственном журнале «Морской сборник» было позволено развернуть критику муравьевских дел на Амуре? М.И. Венюков в качестве вполне понятного объяснения выдвинул версию о том, что вспыльчивый и суровый характер генерал-губернатора настроил против него многих моряков, «которые и успели, наконец, охладить к нему великого князя Константина Николаевича, который дал разрешение редакции «Морского сборника» пощипывать «забывшегося сатрапа». И хотя амурское дело продолжало находить поддержку в генерал-адмирале, – заключал Венюков, – но против распорядителя его он имел зуб»[30]. Критика Д.И. Завалишина и С.В. Максимова носила во многом заказной характер: «Наказ же был сделан вел. кн. Константином Николаевичем, который, заступаясь за своих моряков и желая насолить не жаловавшему их Муравьеву, сказал: «...а, Муравьев! Он любит рядить всех в шуты: пусть-ка попробует сам побывать в этой роли», – дал разрешение помещать в Морском сборнике разные кляузные против Муравьева статьи. Посланный им с целью изготовления таких статей на самых местах, т.е. на Амуре, Максимов широко воспользовался готовыми уже пессимистическими указаниями Завалишина, который в 1859–1860 гг. стоял в открытой оппозиции Муравьеву и Корсакову, ибо мстил им за равнодушие и даже неблагосклонность, которыми они с 1857 г. сменили прежнее к нему доверие»[31].

Восточно-сибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков вынужден был даже давать Сибирскому комитету официальные объяснения по поводу поступавших в большом числе в Петербург доносов и обличительных статей. Прежняя практика сенаторских ревизий была признана неэффективной и даже вредной, грозящей подорвать значение местной власти. Организованная «муравьевцами» контрпропаганда в столичной и сибирской прессе большого успеха не имела. К тому же, столичные из-

---

[29] Голос. 1864. 24 сент.

[30] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 55. О конфликте Муравьева с моряками см. также: *Матханова Н.П.* Указ. соч. С. 221.

[31] *Венюков М.И.* Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 243. Правда, самому Муравьеву-Амурскому вел. кн. Константин Николаевич объяснял это своим длительным отсутствием в Петербурге.

дания охотнее печатали критиков Муравьева, нежели его защитников, а иркутские издания, как заметил один из участников амурской полемики, «в России не читаются, а в Сибири, особенно восточной, и без упомянутых статей знают – что такое Амур»[32]. Еще недавно процветавшая в Иркутске промуравьевская первая частная сибирская газета «Амур» стала клониться к упадку и в 1862 г. прекратила свое существование. Как свидетельствовал один из иркутских наблюдателей, «такая чушь началась в газете, что перестали подписываться»[33]. Правительство не могло не считаться с усилением критической направленности в адрес амурского дела, не доверяя вполне официальной информации, поставляемой местными властями. Однако реальных способов исправить положение найдено не было.

Но это не означало полного отказа от дальневосточного направления имперской политики. Тот же «Голос» призывал продолжать искать для тихоокеанской эскадры надежную и удобную стоянку, соединенную телеграфом с Иркутском. Амурский край все еще представлялся перспективным, прежде всего благодаря выходу в океан. С политикой на Востоке связывали далеко идущие планы компенсации экономической и культурной неполноценности перед лицом западной цивилизации. Россия должна стать «в отношении восточных народов тем, чем стал для нас Запад», и здесь есть для этого все условия («на Востоке мы чувствуем превосходство сил»), нужно только благоразумно воспользоваться этим, «чтоб, по крайней мере, не терять там, где другие выигрывают»[34]. Но призывы моряков укрепить российские позиции на Тихом океане наталкивались на непонимание других ведомств. И хотя восточносибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков в начале 1860-х гг. ставил вопрос о создании броненосного флота на Тихом океане, он не получил поддержки в Петербурге, где традиционно ссылались на недостаток средств.

Для успешного развития российского флота нужен был незамерзающий порт, обеспечивающий постоянный выход в океан. Возглавивший в 1860 г. тихоокеанскую эскадру контр-адмирал И.Ф. Лихачев попытался устроить русскую военно-морскую базу на острове Цусима, доказывая, что только на Дальнем Востоке мы сможем переломить историческую традицию предубежденности к развитию российского флота, который в Европе не имеет непосредственного выхода в океан[35]. Лихачев указывал на настоятельную необходимость усиления позиций

---

[32] *Ш-въ С.* Амурский вопрос в 1861 г. // Век. 1862. № 1–6. (18 февр.). С. 14.

[33] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С.285.

[34] Голос. 1865. № 124 (май).

[35] *Болгурцев Б.Н.* Русский флот на Дальнем Востоке (1860–1861 гг.). Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток, 1996. С. 52, 117.

России на Тихом океане, чтобы обеспечить влияние на соседние государства, «которые стоят на низшей степени просвещения». Россия должна смотреть в будущее и активно участвовать в глобальном процессе распространения европейской цивилизации «по всему земному шару и в особенности по обоим берегам Восточного океана»[36]. «При перемене физиономии края, – отмечал он, – которая уже начинает совершаться, ... положение Николаевска как центра управления может склониться только ко вреду всего необъятного обширного края, который носит название Приморской области...»[37].

Несмотря на то, что эту идею поддержал вел. кн. Константин Николаевич, цусимский проект был отвергнут МИДом, которое опасалось новых осложнений в отношениях с Англией[38]. Инцидент с Цусимой продемонстрировал слабость России на Дальнем Востоке и на несколько десятилетий охладил пыл военно-морского ведомства в расширении экспансии на юг. Д. Афанасьев в «Морском сборнике» писал, что нет надобности создавать сильный военный флот на Тихом океане, так как «защищать на сибирском побережье пока решительно нечего», и не лучше ли направить средства на хозяйственное развитие дальневосточного поморья[39]. Выступая 29 июня 1866 г. на торжественном обеде во Владивостоке, будущий управляющий Морским министерством контр-адмирал И.А. Шестаков[40] неожиданно заговорил о бесплодности мечтаний, о новых приобретениях на Дальнем Востоке: «Находятся еще, конечно, люди, думающие о том, что мы будем двигаться еще и далее и будем переноситься куда-нибудь из Владивостока в другой пункт. Так могут думать только авантюристы. Мы дошли до конечного пункта, на этом пункте остановились и утвердились в нем твердо. Мы действительно твердо стоим во Владивостоке и, насколько мне известно, никуда переноситься не думаем. Мы дошли до естественных рубежей, далее которых нам идти незачем»[41]. Пребывание российских военно-морских судов сокращается, в 1868 г. в Тихом океане плавал только один клипер «Всадник», что свидетельствовало о почти полном забвении морских интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

---

[36] Записка контр-адмирала И.Ф. Лихачева «Несколько замечаний о Приморской области Восточной Сибири» (19 декабря 1861 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4716. Л. 2, 14.

[37] Там же. Л. 19.

[38] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 160-161. О разногласиях вел. кн. Константина Николаевича с министром иностранных дел А.М. Горчаковым по вопросу о Цусиме см.: *Воронин В.Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002. С. 148.

[39] *Афанасьев Д.* Указ. соч. С. 145.

[40] И.А. Шестаков возглавлял Морское министерство в 1882–1888 гг.

[41] Цит. по: *Хисамутдинов А.А.* Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. С. 261.

Д.А. Милютин с военной точки зрения характеризовал положение края как бедственное, находящегося «еще в состоянии первобытной дикости». С большими трудностями водворялись вдоль левого берега Амура станицы Амурского казачьего войска; только в апреле 1861 г. были утверждены и обнародованы правила для переселения русских и иностранцев в Приморскую и Амурскую области. «Но заселение такого отдаленного и дикого края, – отмечал военный министр, – разумеется, не могло осуществиться скоро даже в самых ограниченных размерах. Военные средства края были совершенно ничтожны: на всем громадном пространстве Восточной Сибири было разбросано 5 линейных батальонов, кроме Иркутского гарнизонного батальона, да и те едва ли были похожи на регулярные войска. <...> Для обороны устья Амура и доступа к Николаевску были возведены еще во время Крымской войны кое-какие полевые укрепления или батареи, вооружение которых едва ли могло оказать серьезное сопротивление европейскому флоту»[42]. Критика переселенческой политики содержалась в записках приморского военного губернатора П.В. Казакевича, который с позиций интересов морского дела осуждал задачу соединения линией крестьянских и казачьих селений Забайкалья с Николаевском-на-Амуре, тогда как важнее было бы заполнить населением южные гавани на российском тихоокеанском побережье.

С трудом осуществлявшаяся при Муравьеве-Амурском колонизация также пошла на убыль. Самодержавие не сумело воспользоваться стихийно возникшим стремлением крестьян переселяться на Амур и колонизовать край, как Урал или Новороссию. Так, поначалу увлеченное амурскими перспективами удельное ведомство поспешило занять земли на Дальнем Востоке, но в 1871 г. вынуждено было вернуть их государству из-за убыточности[43].

Правительство предпочитало скорее сдерживать, нежели поощрять крестьянское движение за Урал. Когда в 1873 г. восточно-сибирский генерал-губернатор Н.П. Синельников обратился в МВД с просьбой разрешить опубликовать в «Правительственном вестнике» объявление о желательности переселения в Амурский край, то министр внутренних дел А.Е. Тимашев поспешил ему разъяснить, что этого делать нельзя «ввиду склонности крестьян к переселениям»[44]. Кроме нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало

---

[42] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 212–213.

[43] Указ 25 мая 1871 г. о передаче удельных владений в государственное владение.

[44] Главное управление Восточной Сибири – амурскому военному губернатору (8 ноября 1874 г.) // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 79. Л. 46–47.

ясно после польского восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено даже приостановить действие в Северо-Западном крае циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)[45].

Вместе с тем, если в начале 1858 г. русское население Приамурья и Приморья составляло 6 406 чел., то к 1883 г. оно насчитывало уже 78 764 чел. В среднем в год переселялось на Дальний Восток чуть меньше 2-х тысяч человек. Были годы явно провальные с точки зрения переселенческого движения: 1869 г. – 266 чел., 1870 г. – 478, 1871 г. – 227, 1876 г. – 101, 1878 г. – 180 чел. В 1870-х гг. русское население Дальнего Востока росло в основном за счет притока неземледельческого населения, оседавшего преимущественно в городах. Несмотря на трудности с переселением, за 60 – 70-е гг. XIX в. вполне русскими по составу населения стали Амурская область, Софийский, Николаевский округа и Уссурийский казачий округ Приморской области[46]. Заселение в 1880-х гг. поморами Европейского Севера России побережья Японского моря, которые были призваны решить стратегическую задачу по экономическому вытеснению оттуда китайцев и корейцев, оказалось неудачным. Русские же крестьяне-земледельцы неохотно занимались морским промыслом, не имея к этому ни способности, ни желания, отвечая: «с нас и землей довольно заняться», «непривычно», «капиталу нет, да и рыбы особой в море не водится». Чиновники вынуждены были признать, что при достатке свободной земли нескоро еще нужда погонит крестьянина в море[47].

Попытки переселить в 1860-е гг. на Дальний Восток чехов, немцев, финнов также оказались неудачными[48]. В 1867 г. сюда переселилось 116 финнов с целью развить здесь китобойный промысел, но уже к 1871 г. финская промысловая колония распалась, хотя многие ее члены остались в крае. Но переселение сдерживали не только природные условия или хозяйственные трудности. Рассуждая о политической благонадежности иностранных колонистов в условиях окраин, М.И. Венюков возражал против каких-либо льгот им: «Пусть колонист-немец станет тем же крестьянином, какого мы видим в Богородском, Михайловском, в Кизи, – тогда можно будет надеяться, что он сроднится с господствующею массою населения и привьет ей свои занятия, свой опыт,

---

[45] Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

[46] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 95, 160–161.

[47] [*Риттих А.А.*] Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. СПб., 1899. С. 16.

[48] *Слюнин Н.В.* Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 39; *Александровская Л.В.* Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX в. Владивосток, 1990.

свое трудолюбие. Такой взгляд мы высказываем, конечно, не под влиянием узкого чувства национальности, а исключительно по твердому, основанному на ознакомлении с фактами убеждению, что единство прав разных народностей в новых краях есть всегда важнейший залог связи с метрополиею и самого преуспеяния колоний»[49].

В деле с переселением «чехо-славян» политические опасения перевесили славянофильскую аргументацию, несмотря на положительное решение вопроса царем еще в 1862 г. Приморский военный губернатор П.В. Казакевич напомнил, что иностранные колонисты даже во внутренней России создают определенные сложности. «Мы в стране пустынной, которая носит только название России, вводим сильный иностранный элемент, – предостерегал он, – даем ему особыми привилегиями возможность не только вкорениться, но еще подчинить своему влиянию слабые зачатки русского населения, которым в настоящее время положено начало, не говоря уже о многочисленных туземцах, которые неизбежно подчинятся национальности сильнейшей, более привилегированной и располагающей большими средствами». Вспомнили и о том, что чехи – католики, а недавние польские события показали, что «несмотря на одноплеменность рас, католичество кладет непреодолимую преграду сближению»[50]. В 1861 г. на просьбу французского миссионера Франкле разрешить ему проповедовать слово Божие инородцам Приморской области Корсаков ответил решительным запретом, не без основания подозревая, что католическая религиозная пропаганда, обладая большими денежными средствами и опытом работы с туземцами, может преследовать политические цели[51]. В III Отделение поступил донос о сомнительной политической выгодности переселения чехов на Амур. Об этом же 24 декабря 1862 г. упоминал М.С. Корсаков в письме В.П. Буткову[52]. Опасным показалась и деятельность английских миссионеров, проповедовавших в Забайкалье с 1818 по 1861 гг.[53]

Вызывало опасение и то, что русский человек, оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, легко поддается чужому влиянию. Об объякучивании русских упоминал писатель И.А. Гончаров[54], об

---

[49] *Венюков М.И.* Вопрос о колонизации // Время. 1861. № 10. С. 9 (2-я пагинация).

[50] П.В. Казакевич – М.С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 287. Л. 25-31.

[51] *Крылов В.* Административные документы и письма Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского по управлению Камчатскою епархиею и местными духовно-учебными заведениями за 1846–1868 гг. Казань, 1908. С. 233.

[52] М.С. Корсаков – управляющему делами Сибирского комитета В.П. Буткову (24 дек. 1862 г.) // РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 151. Л. 40.

[53] *Грулев М.* Из прошлого Забайкалья (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1901. № 4. С. 218.

[54] И.А. Гончаров – А.А. Краевскому (сент. 1854 г., г. Якутск) // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 423–424.

этом же твердили в своих записках и многие местные чиновники. Так, приморский военный губернатор П.В. Казакевич указывал, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и камчадалы, среди которых всего за десять лет русские переселенцы «усвоили себе все их привычки и образ жизни, а потомки наших первых поселенцев в Гижиге, Охотске, Удске совершенно почти даже утратили тип русский, тем сильнее влияние будет массы народа с высшей цивилизациею»[55]. Схожее явление наблюдалось и в Забайкалье, где сибиряки, смешиваясь с бурятами, утратили в значительной степени свой первоначальный антропологический тип. Процесс «обынородничанья» русских шел синхронно процессу обрусения бурят, порождая новую этнокультурную и конфессиональную ситуацию, когда «обрядовая набожность русского населения заменилась чисто языческим суеверием, частию заимствованным от инородцев, частию навеянным на них новою неизвестною до тех пор жизнию»[56]. Это не могло не беспокоить власти, озабоченные насаждением русского элемента в крае.

Этнодемографическая ситуация в Южно-Уссурийском округе осложнялась нарастающим притоком корейских и китайских мигрантов[57]. Приамурье и Приморье, по мере освоения их русскими, становятся все более привлекательными для корейцев и китайцев, порождая новый для российской имперской политики «желтый вопрос». Защита китайской границы становилась в этих условиях приоритетной задачей. Если на первых порах, как отмечал в 1868 г. Корсаков, было не до немногочисленного китайского населения, находившегося на российской территории, то со временем их усиливавшийся приток начал внушать серьезные опасения. На это указывало восстание так называемых манзовых китайцев в 1868 г., разбойные действия хунхузов, фактическая неподчиненность китайцев русской администрации и суду: «...они уклоняются от признания русских властей и законов и считают только себя настоящими обладателями страны, русских же – за пришельцев, которых они терпят потому, что сила на их стороне»[58]. Поэтому необходимо организовать управление китайским населением, настаивал Корсаков, покончить с его независимостью и обложить налогами. А так как китайское население «еще надолго останется чуждым России, то будущность Южно-Уссурийского края находится, главным образом, в зависимости от заселения его русскими переселенцами».

---

[55] П.В. Казакевич – М.С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 287. Л. 29.

[56] *Осокин Г.М.* Московия на Востоке // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 145.

[57] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 61, 91, 95.

[58] Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (19 дек. 1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.

Для устройства русского населения и его охраны необходимо было военно-гражданское управление, главной задачей которого должна стать забота о нуждах гражданского населения и его безопасности. Старший советник Приморского областного правления П.П. Аносов в специальной записке, посвященной Южно-Уссурийскому краю, также призывал поспешить с заселением его «русским элементом»[59]. Если на начальном этапе освоения русскими Приамурья отношение местной администрации к китайцам и корейцам было вполне доброжелательным[60], то после событий 1868 г. и в связи с неконтролируемым ростом численности «желтых» мигрантов закрепляется образ китайцев как потенциально опасного населения на российском Дальнем Востоке[61].

Общественность обвиняла правительство в том, что насильственной колонизацией оно испортило Приамурскому краю репутацию. В Сибирском комитете теперь утверждали, что не стоит спешить с заселением Амурского края, который составляет прежде всего земельный запас для будущего русского населения, а сами эти земли только со временем приобретут значительную ценность. Зазвучали призывы и об осторожном отношении к иностранным колонистам, которых можно допускать селиться только вдали от границы, а стратегические пункты должны быть заняты исключительно русскими и другими славянскими народами. Вернувшийся из поездки по Дальнему Востоку С.В. Максимов призывал предоставить переселенцам большую свободу по американскому образцу. «Всякая насилованная мера, – доказывал он, – ведет за собою неизбежную путаницу, никогда не достигает успешных результатов не только в начале, но и далеко впереди»[62]. Полемизируя с Максимовым, И. Носков, хотя и признавал, что существовали просчеты, акцентировал внимание на необходимости столь поспешных и не всегда успешных действий: «Как бы то ни было, но Амур заселить было нужно, и он заселился»[63].

Развернувшаяся в Политико-экономическом комитете Российского географического общества дискуссия по вопросам колонизации выявила

---

[59] Записка старшего советника Приморского областного правления Аносова «О заселении средствами правительства Южно-Уссурийского округа Приморской области Восточной Сибири» // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 114.

[60] В 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт планировал переселить до 150 тыс. китайцев в Енисейскую губернию, чтобы использовать их на золотых приисках. Но эта мера была отклонена Комитетом министров. – Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2. Ч. 1. С. 217–218.

[61] *Нестерова Е.И.* Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.): исторический опыт: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 21.

[62] *Максимов С.В.* На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. СПб., 1864. С. 298.

[63] *Носков И.* Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях. СПб., 1865. С. 11.

спектр различных позиций по поводу заселения этой отдаленной окраины империи. Целям, задачам и методам колонизации азиатских окраин империи были посвящены три заседания (11, 22 марта, 1 апреля 1861 г.)[64]. Разгоревшиеся прения демонстрировали разнобой во взглядах на цели и методы освоения огромных зауральских пространств, которые давно обещали значительные выгоды государству, но до сих пор отсутствовало ясное представление, как их достичь.

В процессе обсуждения отчетливо выявились два подхода к колонизации окраин. Первый исходил из принципиального отличия сибирских и дальневосточных земель от колоний типа Индии для Англии или Кубы для Испании. Колонизационный вопрос всегда осознавался как чрезвычайно важный в российской модели империостроительства. Писатель Н.С. Лесков, принявший участие в дискуссии о заселении окраин, акцентировал внимание на существенном отличии «заморской колонизации» от «расселения по лицу земли русской»[65]. Поэтому, утверждал приглашенный в Политико-экономический комитет в качестве гостя другой участник полемики, курляндский губернатор и видный экономист П.Ф. Лилиенфельд, оставить приамурские земли незаселенными означает «оставить при живом государственном теле безжизненную глухую часть, которая будет напрасно затруднять развитие народной жизни внутри государственного тела»[66]. Он призывал не скупиться на затраты и быть готовыми пожертвовать настоящим во имя будущего. Его рассуждения были подкреплены указаниями на отличие амурской окраины от западноевропейских колоний типа Индии или Кубы, так как она, помимо экономических выгод в будущем, составляет «с метрополией одно неразрывное, сплошное целое». Подобной позиции придерживался и ближайший сподвижник Муравьева-Амурского Б.К. Кукель, отстаивавший необходимость спешной колонизации амурских земель: «Обязательное заселение страны было вызвано политическими соображениями. Приамурский край был занят, он прилегал к заселенным про-

---

[64] *Чернуха В.Г.* Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI. С. 77. На заседаниях присутствовали: вел. кн. Константин Николаевич, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, министр внутренних дел П.А. Валуев. Правда, последний не проявил интереса к проблеме, записав в дневнике, что влиятельные сановники «довольно бодро переносили скуку слушания произносимых речей о колонизации штрафных и нештрафных, о Новой Голландии, Ван-Димене, Амуре и пр. пр.» – Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в двух томах. М., 1961. Т. I. С. 90. Невысокого мнения о результативности заседаний Политико-экономического комитета был и М.И. Венюков, критикуя их за отвлеченность и бессистемность. – *Венюков М.И.* Вопрос о колонизации // Время. 1861. № 10. С. 1 (2-я пагинация).

[65] *Лесков Н.С.* О русском расселении и о Политико-экономическом комитете (заметка на статью [Венюкова М.И.] «Вопрос о колонизации») // Время. 1861. № 12. С. 73.

[66] Век. 1861. № 15.

винциям соседнего государства, река открыла нам сообщение с океаном, на котором стали развиваться морские и торговые силы России, – следовательно, заселение этого огромного пространства на протяжении трех тысяч верст сделалось государственною необходимостью»[67]. Особенно часто в этой связи звучали противопоставления российской регулируемой (а нередко и просто насильственной) колонизации со свободным заселением Северной Америки.

Противоположный взгляд на колонизацию азиатских окраин империи был обозначен в выступлении известного знатока Востока барона Е.К. Мейендорфа. С его точки зрения, последние приобретения в Азии (речь шла прежде всего об амурских землях) не представляют экономических выгод для России, а только «отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей». Переселение на Амур будет невыгодно, расходы непроизводительны, обещания же относительно будущего «ограничиваются пока громкими фразами». Более того, оценивая перспективы колонизации, он выдвигал мрачный прогноз: «...предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех новых наших поселений, мы этим только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»[68]. Востоковед профессор В.П. Васильев доказывал, что в России есть немало других мест, нуждающихся в заселении: «Про Амур я скажу, что это – страна богатая, обещающая много в будущем, но в настоящее время не должно стараться заселять ее, а только занять частию русского населения, предоставив дальнейшее развитие самой будущности. Скорее нужно заселить наши ближайшие страны: астраханские и киргизские степи. Это пространство составляет прямое продолжение России»[69]. Его поддержал Б.Ф. Калиновский[70], утверждавший, что в европейской части России еще много свободных земель, и если расселить по огромному пространству империи и без того редкое население, то пользы от этого не будет.

Подводя итоги дискуссии, секретарь комитета В.П. Безобразов вынужден был констатировать, что в обществе и правительственных кругах царит разнобой в мнениях по поводу методов и задач колонизации, что имеет неизбежным следствием непоследовательность в правительственных действиях. А академик К.М. Бэр призвал не бояться возможного отделения колоний, ссылаясь на опыт Англии, которая, по его мнению, только экономически выиграла от самостоятельности своих бывших заокеанских владений.

---

[67] Век. 1861. № 15.

[68] Век. 1861. № 22.

[69] Там же.

[70] Б.Ф. Калиновский (1827–1884) – экономист, автор книги «О развитии и распространении идеи свободной торговли и применении ее к положительным законодательствам в главных западно-европейских государствах» (СПб., 1859).

Восторжествовавшие пессимистические оценки Приамурского края были официально сформулированы в конце 1868 г. в записке полковника М.П. Тихменева «Главные выводы относительно настоящего положения Приамурского края», приложенной к всеподданнейшему докладу М.С. Корсакова. Автор записки начал службу в Приамурском крае в 1863 г., с 1878 по 1880 гг. был начальником штаба военного губернатора Приморской области, а в 1880–1881 гг. занимал пост военного губернатора этой области. Записка носит отчетливо программный характер и заслуживает того, чтобы воспроизвести почти полностью ее концептуальную часть. «Обширность Русских владений в Европе и Азии, наполовину незаселенных и вовсе еще непочатых, не допускает мысли, что целью приобретения Амурского края было только одно стремление к увеличению нашей Азиатской пустопорожней территории. Даже и в настоящее время Амур составляет еще terra incognita не только для большинства русского общества, но и для высших правительственных учреждений; следовательно, давая в 1851 году разрешение генералу Муравьеву занять устье Амура, правительство наше не могло увлекаться ни неизвестными для него богатствами, ни тем более одною только обширностию приобретаемого края. <...> Поэтому казалось бы, что истинное значение наших Амурских владений (подчеркнуто в тексте. – А.Р.), в числе других колоний Империи, должно уже выясниться окончательно и оно в действительности делается понятным, если обусловить его неотрицаемою необходимостию утверждения нашего влияния на водах Восточного океана, где сосредоточены главные торговые интересы Западных морских держав и где поэтому присутствие нашего крейсерского флота может до известной степени уравновешивать наши силы на Западе. В этом смысле Приамурский край составляет средства для содержания морских и сухопутных боевых сил, необходимых, с одной стороны, для действий в Китайских и Индейских водах в случае разрыва с Западом, а с другой – для упрочения нашего влияния в Японии, Корее и в особенности в Китае, с которым нас связывают весьма важные торговые отношения».

Необходимые меры для достижения этих целей, полагал Тихменев, должны заключаться: «1. В назначении средств, при которых экономическое положение края упрочилось бы до возможности безубыточного для Государственного казначейства содержания там боевых сил; и 2. В предоставлении дальнейшему экономическому развитию края совершиться непосредственно, естественным путем без вмешательства и покровительства. Едва ли нужно доказывать, что морские и сухопутные как наступательные, так и оборонительные силы действительны только в том случае, когда они опираются на население и преимущественно соплеменное, из которого могут получать укомплектование, продоволь-

ствие и все прочие средства для выполнения своего назначения, и что поэтому главная заботливость в отношении Амурского края в первое время должна бы исключительно направляться к энергичному заселению его, с назначением при этом рабочих морских и сухопутных средств – как необходимого подспорья для первоначального устройства колонистов и производства тех государственных работ, которыми обусловливаются, с одной стороны, возможность точного выполнения административных и военных предприятий, а с другой – быстрое развитие гражданственности и торговли»[71]. Несмотря на понимание важности этих мер Морским и Военным министерствами колонизационное дело не двигалось, и в этом заключается, по его мнению, главная причина неудач всех проводимых мероприятий. «Таким образом, сухопутные войска проводили телеграф, дороги, расчищали бичевники, углубляли гавани, строили казармы с разными хозяйственными угодьями. Но телеграф глох, дороги зарастали, потому что по ним некому было ездить...» В результате этого «толчения воды» и непроизводительных расходов («ежегодно более двух миллионов рублей серебром») ничего существенного достичь не удалось. Работы подрывали боеготовность войск, «появился антагонизм между морскими и сухопутными элементами», в крае хозяйничают китайские отходники, природные ресурсы края остаются неисследованными, путей сообщения нет, леса истребляются, разработка угля ведется первобытным способом. «Следовательно, – подводил итог Тихменев, – Амурские владения, не выполняя своего главного и единственно им присущего назначения в отношении государства, содержатся бесцельно и составляют чистый убыток для Государственной казны»[72]. Нужно ясно определить значение региона для настоящего положения России. Он готов был допустить, что «если бы по общим государственным соображениям не предвиделось в настоящее время необходимости в энергичном стремлении к достижению нашего влияния на Востоке, то край может быть предоставлен естественному и постепенному экономическому развитию без особых расходов для правительства с тем, чтобы воспользоваться им в том случае, когда к тому представится возможность или крайняя необходимость»[73]. Очевидно, что последняя точка зрения, служившая обоснованием отложенного государственного интереса к новым владениям империи на востоке, завоевывала все больше сторонников, особенно в Петербурге.

---

[71] Записка полковника М.П. Тихменева, приложенная к всеподданнейшему докладу М.С. Корсакова под названием «Главные выводы относительно настоящего положения Приамурского края» (17 дек. 1868 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178. Л. 26–28.

[72] Там же. Л. 41.

[73] Там же. Л. 60.

Однако были и те, кто продолжал связывать с Дальним Востоком будущее всей России. Успех исторической миссии России в Азии будет способствовать сохранению ее статуса мировой державы. Один из крупнейших российских теоретиков из ученых генштабистов, мысливших в категориях политической географии и начавший свою военную и научную карьеру под сенью Муравьева-Амурского, М.И. Венюков посвятил несколько специальных трудов теме «Россия и Восток». О российском движении на Восток он рассуждал с позиций «естественной истории человека», утверждая историческое право русского народа на такое движение, которое заключает в себе акт восстановления или распространения арийской расы в странах, «которые долгое время были под владычеством народов тюркского и монгольского корня». В экономическом же смысле это – «последовательное водворение общечеловеческих бытовых потребностей и европейских способов к их удовлетворению в странах, где тысячелетия прошли без перемен в совершенно азиатской бытовой обстановке людей, их вкусах и приемах промышленности». Последнее утверждение было явным отражением господствовавшего в то время представления о застывшем характере социально-экономического строя Востока. Не сбрасывает со счетов М.И. Венюков и мотивы христианского миссионерства, представляя распространение христианской веры как замену ее гуманными началами «мусульманского изуверства и, следовательно, освобождение человеческой личности от поглощения ее узкими требованиями ислама». Это движение имеет рациональное объяснение в стремлении достичь «естественных границ» в процессе раздела мира[74].

Венюков отмечал исключительную значимость для России дальневосточных территорий, подчеркивая, что «принадлежащая к Тихому океану полоса земель есть важнейшая из русско-азиатских владений», что «это есть единственная часть всей русской империи, где мы стоим у открытого моря, притом не полярного, а распространяющегося до экватора, т.е. до богатейших на земном шаре южной Азии, Зондского архипелага, Австралии и Америки. Если русскому народу суждено остаться полноправным членом общей семьи образованных и сильных наций, то ему пока нет другого пути к достижению этой цели, как прочное утверждение на берегах Японского моря, на Сахалине и даже отчасти в Камчатке. М.И. Венюков указывает на важность современного ему исторического момента, когда «идет окончательный раздел земной поверхности между человеческими расами», и что нам необходимо также участвовать в этом процессе, если уж не приобретением новых земель, то сохранением того, что уже добыто прежними поколениями русских людей.

---

[74] *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 135–136.

Потеря владений на берегах Тихого океана или даже оставление их незанятыми сильным, свободным и промышленным населением русского корня были бы равносильны с отречением от великой исторической будущности»[75]. Однако мы преступно мало внимания обращаем на эту далекую нашу окраину и при первом же военном столкновении здесь можем потерять и Камчатку, и Сахалин, на которые уже давно зарятся англичане и американцы. Уступка же им русского побережья Тихого океана грозит России новым восточным вопросом, «едва ли не хуже Босфорского».

В Азиатской России, по словам Венюкова, нам предстоит огромная историческая работа. Мало включить земли и народы в государственные границы империи, нужно их еще действительно сделать неотъемлемой частью государства. Процесс присоединения Азиатской России к империи требует завершения, мы еще слишком мало сделали для того, чтобы прочно укрепиться здесь. С этой точки зрения, доказывал Венюков, особое значение приобретает дальнейшее освоение Сибири, которая становится в политическом отношении «базой русского влияния на важнейшие государства восточной Азии». Необходимы серьезные и срочные меры по ее научному изучению, нужны в самой Сибири научные центра, университет, настоятельно требуются меры по улучшению коммуникаций. Нам нужны серьезные усилия по заселению русскими побережья Тихого океана, ибо, как гласит доктрина международного права, указывал Венюков, «только действительно прочное занятие страны известною нацией даст ей территориальное верховенство»[76]. Существует, высказывался он, политическая аксиома – только тогда можно считать, что та или иная территория действительно присоединена, когда колонизована русскими. С этой точки зрения, мы все еще не стоим прочно в Охотско-Камчатском крае и на Сахалине, а происки англичан и американцев могут грозить потерей этих наших важных владений.

У России есть богатый колонизационный опыт, способность «к достижению самых высоких целей, какие только может преследовать при расширении своей территории нация, цивилизованная и имеющая нравственное право на влиятельный голос в общей семье человечества»[77]. Отдавая Англии пальму первенства в «расширении области европеизма», Венюков сразу после нее ставил Россию. Однако, если Англия превосходит Россию по масштабам своих колониальных владений, то Россия может указать миру на наиболее эффективную политику в реализации ее цивилизационной миссии. Той миссии, которую не смогла, к

---

[75] *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 94–95.

[76] Там же. С. 295.

[77] Там же. С. 114.

примеру, выполнить Испания. Венюков заявлял о нравственном превосходстве русского колониста перед его европейскими собратьями в других частях света: «Туземные племена северной Азии не истребляются русскими, сливаются с ними; за сибирскими дикарями русский человек не охотится с ружьем и собакой, как англичанин за маорисами в Новой Зеландии, он их не спаивает спиртом и не расстреливает из винтовки как северо-американец краснокожих индейцев, не обращает в рабочий скот, как те же американец, англичанин, испанец и португалец негров, не делает из них племен крепостных, обложенных барщиной, как голландец из малайцев Зондского архипелага. Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям... Ни о какой племенной, ни о социальной вражде в разноплеменном населении Сибири нет и речи. Полное политическое спокойствие царствует на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана, несмотря даже на прилив туда столько элементов беспорядка в лице ссыльных преступников. И в общегосударственном смысле северная Азия является не мятежною колонией, которая истощала бы свою метрополию усилиями на поддержание политических уз, а простым продолжением великой империи, политическое могущество которой только черпает в завоеванной стране новые силы»[78].

Сибирь, по мнению Венюкова, требовала естественной границы на берегах Тихого океана, а так как суровое побережье Охотского моря не предоставляло удобного выхода в океан для развития торговли, то России «ничего не оставалось более, как занять опять Амур». Приобретение Амурского края он ценил весьма высоко: «Это приобретение, величиною в 11 000 кв. миль есть важнейшее из всех, сделанных русским народом не только во второй половине XIX в., но и вообще в этом столетии, и если еще нашим современникам может казаться, что Кавказ, Польша и Финляндия важнее, то потомки, конечно, скажут противное»[79]. Очевидно, в отличие от дальневосточных территорий, в естественные пределы Российского государства он включал эти окраины условно и не навсегда. В качестве разумной политики «естественных границ» Венюков говорит об уступке Аляски, которые России было бы трудно охранять. Одобрял он и уступку Японии Курильских островов в обмен на право владения Россией всем Сахалином. Эти действия он объяснял ограниченными возможностями наших морских сил на Тихом океане. Поэтому лучше добровольно и за некоторое вознаграждение было отдать эти территории, чем потерять их при первой же войне с морскими державами

---

[78] *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 114–115.

[79] *Венюков М.И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Т. 1. Общий взгляд на эпоху; перемены в составе государства; международное положение России. Лейпциг, 1878. С. 155–156.

безвозмездно и с утратой государственного престижа. Вместе с тем он призывал укрепиться в Южно-Уссурийском крае «не жалея средств»[80].

Вместе с тем приходило понимание и иного значения выхода России к Тихому океану. Особое внимание к Дальнему Востоку продолжали уделять именно моряки. С выходом к Тихому океану они связывали возможность «развить у нас в России морскую предприимчивость»[81]. Прослуживший четыре года в Николаевске-на-Амуре Д. Афанасьев подверг ревизии распространенный взгляд на то, что Амур был нужен для Сибири. Нет, на его взгляд, и возможности сравнивать по цели и средствам заселение Приамурья и Приморья с земледельческой колонизацией Америки или Австралии. Такой подход представлялся ему ограниченным и бесперспективным уже в силу того, что сама Сибирь еще не освоена и не богата, продолжает быть трудно доступной с востока даже с приобретением Амура. «Занять новую страну для того, чтобы русскому человеку можно было бы жить где-нибудь – в этом нет, да и не будет нужды. Мы все упираем на то, что Амур, протекая громадное пространство, впадает в Восточный океан. Совершенно справедливо, Амур протекает громадное пространство пустырей, разобщенных с Сибирью дальностию расстояния и естественными препятствиями, и впадает он в незнакомый нам океан, где мы не имеем пока никаких интересов, кроме интереса Российско-Американской компании, которая не пользуется Амуром и не находит в этом нужды...»[82]. Нет насущной необходимости для России собственно в приамурских землях. «Земледелие – вещь хорошая, – писал он, – но ведь если мы будем думать только о земледелии, поставлять себе первой и исключительной заботой, чтобы Амур имел свой хлеб, то выйдет, что мы заняли этот Амур потому, что у нас нет хлеба и нечем кормить лишних людей, высылаемых теперь на Амур»[83]. Нужно осваивать не сушу, а океан. Дальний Восток должен послужить своими продуктами и привозными иностранными товарами для глубоко континентальной Сибири, удаленной от оживленных морских торговых путей. Афанасьев настаивал на экономической самоценности российского Дальнего Востока уже в силу его приморского положения. И будущее края связано с развитием «национального мореплавания» и морскими промыслами. Нужно ближе познакомить здесь русского человека с морем, что не только даст толчок хозяйственной деятельности, но и повлияет на культурное развитие русского народа. «Чем страна далее от моря, – утверждал он, – тем она менее доступна

---

[80] *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 2. СПб., 1876. С. 145.

[81] *Римский-Корсаков В.А.* Балтика-Амур. Хабаровск, 1980. С. 206.

[82] *Афанасьев Д.* Амурский край и его значение // Морской сборник. 1863. № 11. С. 42.

[83] Там же.

проявлениям современной жизни, тем меньше народ ее имеет средств для умственного и материального обогащения»[84].

Под давлением Запада Российская империя продолжала искать ответ на вопрос, сформулированный Н.Я. Данилевским в 1871 г.: «Да где же он, Господи, наш-то Восток, который нам на роду написано цивилизовать?»[85]. Присоединение к России Сибири и Амурского края представлялось ему лишь заселением русскими пустопорожних мест. Когда же Россия перескакивала через пространства и моря, нарушался и плохо удавался постепенный процесс народного расселения, несмотря на правительственную поддержку. «Не удалась нам Американская колония, – отмечал он, – не удается что-то и Амур»[86].

Временное охлаждение интереса к Дальнему Востоку демонстрировало, насколько стратегические военно-политические мотивы доминировали на стадии присоединения приамурских земель. Экономическая и демографическая востребованность этих территорий продолжала быть плохо осознанной. Российской особенностью процесса внутреннего имперского строительства на востоке явилось заметное преобладание политико-административных задач. Коренное население Дальнего Востока экономически мало интересовало как центральные, так и местные власти. Если инородцы северо-восточных округов платили ясак, то народы Приморья, Приамурья и Сахалина были от него освобождены[87]. Вплоть до конца XIX в. дальневосточное направление казалось второстепенным. Русскому крестьянину выгоднее было искать земли поближе в самой Европейской России, а не на Дальнем Востоке, где, как считалось, нужно лишь сейчас заложить основы на будущие времена. Верный славянофильским заветам политический обозреватель «Руси» А. Порошин даже с началом войны с Японией готов был признавать за движением на Дальний Восток великую идею только тогда, «когда мы сумеем осуществить не менее великую идею Востока Ближнего»[88].

Включив новые дальневосточные земли в состав Российской империи, правительство должно было перейти к следующей фазе – управленческой и экономической интеграции в общеимперское пространство, скрепляя дальневосточную периферию с русским центром демографическими и коммуникационными связями. На фоне ощущаемых перспектив дальневосточной политики в будущем у самодержавия отсутст-

---

[84] *Афанасьев Д.* Амурский край и его значение // Морской сборник. 1863. № 11. С. 44.

[85] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 62.

[86] Там же. С. 486.

[87] История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. С. 394.

[88] *Порошин А.* Политические письма // Русь. 1904. 8 (21) авг.

вовало реальное понимание необходимости последовательных действий в настоящем. На выявление экономического потенциала и колонизацию российского Дальнего Востока не отыскалось средств, зато они легко нашлись на новые имперские проекты расширения азиатских границ. Строителей империи манила другая Азия, сулившая чины, титулы и ордена. В 1860–1870-х гг. Дальний Восток был брошен ради Средней Азии, так же как в 1820–1840-х гг. он был оставлен ради Кавказа и Балкан.

3.2. Планы административно-территориального переустройства дальневосточного региона (1860 – 1870-е гг.)

«Итак, если в России появляется стремление к слитию губерний в области, то незачем раздроблять Восток».

Г.Н. Потанин[1]

Сменивший в 1861 г. графа Н.Н. Муравьева-Амурского М.С. Корсаков унаследовал от своего предшественника и наставника не только генерал-губернаторский пост, но и комплекс нараставших проблем, связанных с административным устройством российского Дальнего Востока. После того, как некоторый общественный ажиотаж поутих и первые увлечения амурскими перспективами поугасли, в правительстве стали задумываться, что же делать с краем. На смену энергичным и инициативным деятелям «муравьевского века» пришли устроители, основными задачами которых стали определение дальневосточных политических и экономических перспектив, властное освоение новой окраины и закрепление ее в едином имперском пространстве. Разногласия по этим вопросам были главными в длительных внутриправительственных дебатах по административным реформам Дальнего Востока России.

Оценивая произошедшую перемену в высшем управлении Восточной Сибири, Д.А. Милютин писал: «Образ действий нового генерал-губернатора, молодого генерала-майора Мих[аила] Сем[еновича] Корсакова можно вполне признать продолжением деятельности предшественника его графа Н.Н. Муравьева-Амурского. При всей кипучей ретивости и широких взглядах последнего гражданское благоустройство отдаленной и непомерно обширной Восточно-Сибирской окраины мало подвинулось вперед за время его управления»[2]. Хотя новый восточно-

---

[1] Г.Н. Потанин – Н.М. Ядринцеву (4 марта 1873 г.) // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 146.

[2] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860 -1862. М., 1999. С. 212–213.

сибирский генерал губернатор прослужил почти все время в Восточной Сибири, хорошо знал ее, он не обладал государственными способностями своего учителя и не имел серьезной поддержки в Петербурге. М.И. Венюков, невысоко ставивший административные способности Корсакова, вспоминал: «Авторитета в Петербурге он не имел никакого, и если держался на месте, то именно потому, что министры, утомленные своенравием Н.Н. Муравьева, рады были видеть в его преемнике послушное ничтожество»[3]. Не случайно в 1868 г. Муравьев-Амурский предупреждал своего преемника: «В нынешнем министерстве нельзя никому из главных начальников ожидать искренней поддержки: все они желают лишь умалять значение главных начальников и даже всякого лица, несколько самостоятельного...»[4].

Об общем снижении интереса к Сибири и Дальнему Востоку свидетельствовали и некоторые управленческие изменения в Петербурге. С 1 января 1863 г. по инициативе Министерства финансов восточно-сибирский генерал-губернатор был лишен права, предоставленного еще в 1854 г., использовать самостоятельно на региональные нужды так называемый «военный капитал», формировавшийся за счет экономии сметных сумм[5]. В конце 1864 г. был упразднен II Сибирский комитет, позволявший оперативно решать на высшем уровне амурские дела. Ведомственные противоречия возросли, а восточно-сибирский генерал-губернатор, не имевший теперь возможности действовать помимо министерств не получил реальных рычагов власти по управлению далекого даже и для Иркутска Приамурского края, не говоря уже о Камчатке. Основная часть сибирских дел теперь должна была поступать через министерства в Комитет министров, а законодательные проекты предлагалось вносить в Государственный совет, хотя для амурских дел все же было сделано некоторое исключение. «Я полагаю, напротив, – заключил Александр II, – на первое время оставить течение дел, как было при Сиб[ирском] ком[итете], т. е. чтобы все сношения делались прямо с управляющим делами Ком[итета] мин[истров]. Он же будет препровождать дела по принадлежности»[6]. Делопроизводство по приамурским делам сохранило некоторую обособленность, и, как разъяснял в 1883 г. председатель Комитета министров, «главнейшие по сему краю вопросы были передаваемы, по особым каждый раз Высочайшим повелениям, на обсуждение и разрешение временно учреждаемых совещаний и комис-

---

[3] *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 241.

[4] *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 657.

[5] *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 135.

[6] РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

сий помимо Комитета министров»[7]. Сохранялся и особый порядок представления в Комитет министров к наградам по Амурской и Приморской областям.

Хотя в конце 1850 – начале 1860-х гг. идея создания нового генерал-губернаторства на Дальнем Востоке не получила поддержки в правительственных кругах, это не означало, что она полностью исчезла из поля зрения государственных деятелей того времени. В министерских канцеляриях и разного рода межведомственных комиссиях постоянно шли поиски оптимальной комбинации административно-территориальных единиц Азиатской России. Однако инициатива продолжала исходить от местных властей. В 1862 г. М.С. Корсаков вновь поставил вопрос о назревших административных изменениях в регионе. На этот раз они сводились к мелким бюрократическим перестановкам и ограничивались упрощением управленческой структуры.

Так, М.С. Корсаков предложил упразднить Кяхтинское градоначальство, мотивируя это тем, что за 11 лет существования оно выполнило свои задачи: установлены прочные связи с пограничными областями Китая, а в Урге и Пекине появились российские консульские службы, что свело на нет дипломатические обязанности кяхтинского градоначальника[8]. Таможня из Кяхты была переведена в Иркутск, а в ведении градоначальника остались лишь мелкие пограничные споры, почта и т.п. Однако некоторые современники, в том числе и те, кто служил в Кяхте, считали упразднение градоначальства делом преждевременным. В.И. Мерцалов, чиновник кяхтинского градоначальства, а впоследствии томский губернатор, полагал, что с присоединением Кяхты к Забайкальской области и удалением местной власти от границы на 800 верст «многие полезные начинания заглохнут»[9]. Единственно разумное объяснение этого шага он видел в стремлении сократить расходы на управление.

Настаивал М.С. Корсаков и на дальнейшем упрощении управления на Камчатке, предлагая оставить в Петропавловске только земское управление, состоящее по примеру Гижиги из исправника и его помощника[10]. Но вместе с тем он намечал укрепить управление Приморской области путем создания областного правления, хотя бы в сокращенном составе. Мотивировал он эту меру усложнившимися административны-

---

[7] Председатель Комитета министров – министру внутренних дел (21 окт. 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 214. Л. 2.

[8] Кяхтинское градоначальство было упразднено 9 февраля 1863 г. – ПСЗ-II. № 39267.

[9] *Мерцалов В.И.* О закрытии кяхтинского градоначальства // Восточное обозрение. 1894. 11 марта.

[10] Предложения генерал-губернатора Восточной Сибири [М.С. Корсакова] о некоторых изменениях по гражданскому управлению Восточной Сибири // РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 163. Л. 5.

ми задачами, увеличением территории, заселением южных районов области, а также трудностями организации финансового контроля из Иркутской казенной палаты. Планировалось также разделить Верхнеудинский округ Забайкальской области на два (Верхнеудинский и Селенгинский), ввести отдельное земское управление в Нерчинском горном округе, усилить полицию и улучшить систему медицинского обеспечения населения в крае[11].

В 1863–1864 гг. при обсуждении реформы управления киргизской [казахской] степью М.С. Корсаков еще раз предложил вернуться к вопросу об административном устройстве Дальнего Востока. Это был грандиозный проект общего пересмотра всей административной карты Азиатской России. В нем предусматривалось передать Тобольскую губернию в непосредственное ведение министерств, учредить особое управление в казахских степях и образовать на оставшейся части Сибири единое генерал-губернаторство (Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область)[12]. Как вспоминал военный министр Д.А. Милютин, «МВД вздумалось связать эти проекты с предложением касательно отделения Приамурского края от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и таким образом явился новый обширный проект общего административного передела всей Азиатской России»[13]. Ввиду возникших межведомственных разногласий по поводу проекта в 1864 г. было созвано особое совещание под председательством вел. кн. Константина Николаевича[14]. Но и на этот раз не удалось добиться перемен в организации дальневосточного управления. Основные рычаги дальневосточной политики оставались в руках Морского министерства, возглавляемого генерал-адмиралом вел. кн. Константином Николаевичем. Позиции его усилились в связи с тем, что в начале 1868 г. он получил специальное разрешение Александра II собирать особые совещания по дальневосточным вопросам, не создавая для этих целей постоянно действующего Амурского комитета[15].

---

[11] [11] Предложения генерал-губернатора Восточной Сибири [М.С. Корсакова] о некоторых изменениях по гражданскому управлению Восточной Сибири // РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 163. Л. 8–9.

[12] Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Проблемы административно-территориальной организации Степного края в 60-80-е гг. XIX в. // Вестник науки Акмоллинского аграрного университета имени Сакена Сейфуллина. № 7. Акмола, 1996. С. 69–77.

[13] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. № 2. Л. 109.

[14] В состав особого совещания вошли: министры финансов, внутренних дел, военный, морской, иностранных дел, а также шеф жандармов. Д.А. Милютин телеграммой (28 дек. 1864 г.) вызвал из-за границы Н.Н. Муравьева-Амурского.

[15] Всеподданнейший доклад вел. кн. Константина Николаевича (5 янв. 1870 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183. Л. 5.

Домогательства Морского министерства на исключительные права на тихоокеанском побережье вызывали постоянное неприятие со стороны Военного министерства, находившего поддержку у МВД и восточносибирского генерал-губернатора. Дело было еще и в том, что генерал-губернатор был, как правило, креатурой Военного министерства, а приморский военный губернатор, напротив, зависел от морского ведомства. Военный министр в ходе дебатов остроумно прибегнул к аллегории с домом, у которого «наружная стена на улицу принадлежала бы не хозяину самого дома, а особому владельцу»[16]. Но главное было в другом, как впоследствии признавался и сам Милютин. Существовало традиционное недоверие к флотским офицерам как администраторам, в котором проглядывало все то же межведомственное соперничество: «Многолетнее начальствование адмиралов в Приморской области показало, что и самые дельные из них не обращали должного внимания на гражданские и экономические интересы подведомого им края; даже в отношении подчиненных им сухопутных войск они были плохими начальниками. Вообще моряки привыкают смотреть на сухопутные войска с каким-то пренебрежением, на их языке «солдат» есть существо низшее, сравнительно с матросом»[17]. Военное министерство не устраивало и то, что местное начальство стремилось использовать солдат в качестве рабочих рук, «без которых не было возможности обойтиться не только для производства казенных построек военного, морского и гражданского ведомств, но и для первоначального устройства станиц и селений, для почтовой гоньбы и для всех других разнообразных надобностей администрации в пустынном крае, где приходилось все созидать заново»[18].

Впрочем, М.С. Корсаков, позиции которого все больше совпадали с Военным министерством, не оставлял надежд. Во всеподданнейшем отчете за 1868 г. он изложил новый развернутый план административной реформы. Необходимость изменений административных границ генерал-губернатор традиционно мотивировал ростом территории на востоке, образованием новых областей, характером отношений с Китаем и Японией, что требовало постоянного и личного внимания высшей местной власти. Помимо того, решение дальневосточных проблем вынуждало совершать частые и продолжительные поездки в Петербург, где решались главные вопросы правительственной политики в регионе. Чтобы создать сильную и самостоятельную местную власть, Корсаков предложил образовать новое генерал-губернаторство из Забайкальской, Амурской и Приморской областей с центром в Хабаровке, на что указывала,

---

[16] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. № 2. Л. 110.

[17] Там же.

[18] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 212–213.

по его словам, сама природа. Перенос административного центра российского Дальнего Востока из Николаевска в Хабаровку приближал его к китайской границе, куда должны быть стянуты основные военные силы. Как отмечал сам Корсаков, соображения, которыми руководствовались при занятии Приамурья, привели к доминированию правительственного внимания к Амуру – водной артерии, соединяющей Сибирь с тихоокеанским побережьем. Но с развитием морских перевозок и снабжением тихоокеанских портов за счет международной торговли, сложностями амурского сообщения ситуация стала изменяться. С занятием Южно-Уссурийского края и основанием в 1860 г. Владивостока центр российской политической активности сместился к югу от Амура. Именно здесь теперь видели все задатки для самостоятельного развития, сюда было направлено основное внимание. Значение сплавов по Амуру снизилось с организацией в начале 1880-х регулярных рейсов Добровольного флота из Одессы во Владивосток. Крестьянская и казачья колонизация направилась преимущественно в Уссурийский край, и Николаевск потерял свое прежнее центральное стратегическое положение. «Севернее же Николаевска, – разъяснял Корсаков, – лежит уже пустынный, без всякой будущности, Охотский и Камчатский край. Самый город Николаевск, центр администрации, сопредельный со страною безлюдною, находится на далеком расстоянии (до 2000 верст) от богатого будущностью южного края»[19].

Новое административное преобразование поддерживалось дальневосточными чиновниками, о чем свидетельствовало «Медико-топографическое описание Приморской области Восточной Сибири», составленное дивизионным доктором Приморской области статским советником Плаксиным: «Власть губернатора Приморской области, и вместе командующего войсками оной, хотя и значительно расширена, однако не на столько, чтобы он мог действовать самостоятельно. Между тем в Николаевске, отдаленном от Иркутска на огромное расстояние, нередко возникают вопросы столь важные, что немедленное разрешение их на месте, без предварительного сношения с генерал-губернатором Восточной Сибири, является делом, безусловно, необходимым. Быть может, со временем признано будет за лучшее соединить обе области, Амурскую и Приморскую, под управлением одного губернатора и командующего войсками, т.е. учредить отдельный и самостоятельный военный округ. Центральным пунктом управления этого округа могла бы быть Хабаровка, как самое удобное место для администрации по всему Амуру и по Уссурийскому краю. Мне кажется, такая мера не лишена основания.

[19] Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (19 дек. 1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 7.

Амур, с морским прибрежьем, имеет гораздо высшее политическое значение, нежели остальная Восточная Сибирь»[20].

В Южно-Уссурийском крае должны были появиться четыре округа, в которых бы соединялось гражданское и военное управление в целях большей эффективности охраны границы с Китаем[21]. Сюда же должен направиться основной поток переселенцев, что диктовалось как политическими, так и экономическими мотивами. Последнее было связано с созданием собственной продовольственной базы на Дальнем Востоке, что могло бы сократить дорогостоящие перевозки кругосветным путем. Каковы бы ни были затраты по заселению Уссурийского края, уверял Корсаков, они с избытком вознаградятся «теми выгодами, которые доставит переселение и краю, и государственным доходам, и политическому значению государства»[22]. Ускоренное заселение русскими Сахалина, подкрепленное размещением там воинского контингента, должно предотвратить мирный захват острова японцами. Нужно активизировать наши действия на юге Сахалина, считал Корсаков, пользуясь тем, что договор о совместном владении островом с Японией 1855 г. «развязал нам руки». Нужно использовать три канала для водворения там русского влияния: 1) переговоры с японцами; 2) устройство военных постов и переселение туда гражданского населения; 3) развитие промыслов и торговли. Необходимо в спешном порядке устроить военное укрепление и на Курильских островах, перешедших от РАК в ведение приморского губернатора. Иначе этим островам грозит полное разорение от хищнического разграбления иностранцами.

Корсаков предлагал произвести также реорганизацию и морских сил, поручив Сибирской флотилии выполнение транспортных функций, а военные задачи возложить на Тихоокеанскую эскадру, которая должна осуществлять крейсерскую службу у дальневосточных берегов. Для единства действий он настаивал на подчинении эскадры напрямую генерал-губернатору Восточной Сибири[23]. Его не устраивало соединение в одном лице обязанностей военного губернатора Приморской области, командующего сухопутными войсками и командира Сибирской флотилии, поскольку морские интересы явно доминировали. Сибирскую флотилию Корсаков предлагал разделить между капитанами Николаевского

---

[20] *Плаксин.* Приморская область Восточной Сибири // Военный сборник. 1869. № 12. С. 203.

[21] Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова – вел. кн. Константину Николаевичу (17 дек. 1868 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178. Л. 17.

[22] Всеподданнейший отчет по Восточной Сибири за 1868 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 70.

[23] *Анисимов А.Л.* Деятельность администрации Восточной Сибири по укреплению российских военно-морских сил на Тихом океане в середине XIX в. // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 42.

и Владивостокского портов, а должность командира флотилии упразднить. Военный губернатор Приморской области, по его мнению, должен быть не из морского, а из военно-сухопутного ведомства[24].

М.С. Корсаков унаследовал от своего предшественника и телеграфную проблему, решение которой позволило бы установить из Иркутска оперативную связь с морскими силами на Тихом океане, которые вынуждены были пользоваться английской почтой через Гонконг и Шанхай. Надежное и эффективное почтовое и телеграфное сообщение предотвратило бы возможные осложнения в случае военных действий на Дальнем Востоке. В противном случае Тихоокеанская эскадра будет действовать «по своим соображениям, без всякой связи с отечеством, а может быть, нередко и наперекор изменившимся случайностям Европейской войны и в ущерб намерениям правительства»[25]. Поэтому устройство телеграфа должно предшествовать всем необходимым мерам по укреплению обороноспособности тихоокеанского побережья, оно будет способствовать хозяйственному освоению края и позволит решить многие управленческие задачи. В 1864 г. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, в чьем ведомстве находилось и телеграфное сообщение, согласился с тем, что, по примеру Кавказа, в Восточной Сибири телеграф должен подчиняться генерал-губернатору. Однако решение о строительстве телеграфа до Хабаровска и организации управления телеграфным сообщением в крае затягивалось. Правительственная медлительность была преодолена только после антирусских выступлений китайцев в конце 1860-х гг. в Южно-Уссурийском крае. В 1866 г. телеграфная линия была доведена до Верхнеудинска и Сретенска, в 1870 г. – до Хабаровки, в 1871 г. – до Владивостока, а в 1881 г. – до Сахалина[26]. С 1872 г. частная компания организовала регулярное почтово-пассажирское сообщение по Амуру, а с 1879 г. суда Добровольного флота стали доставлять почту за полтора месяца (сухопутным путем 70-80 дней) из Одессы во Владивосток[27]. Все это позволило не только усилить централизацию в управлении, но и повысить оперативность принятия политических решений. Телеграфные линии и организация регулярных почтовых сообщений как с Петербургом и Иркутском, так и

---

[24] Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (19 дек. 1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.

[25] М.С. Корсаков – В.П. Буткову (17 дек. 1863 г.) // РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 247. Л. 176.

[26] *Шедлинг М.* Телеграфы в Сибири // Почтово-телеграфный журнал. 1899. Июнь. С. 624–625.

[27] *Высоков М.С.* Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII – начало XX вв.). Южно-Сахалинск, 1985. С. 43, 47; *он же.* Русский военно-морской флот и создание телеграфной связи на Дальнем Востоке // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 51–56.

внутри региона создавали современную коммуникативную сеть дальневосточной географии власти.

К своему докладу Александру II и вел. кн. Константину Николаевичу М.С. Корсаков приложил уже упоминавшуюся записку М.П. Тихменева, в которой доказывалось, что главная причина дальневосточных неудач кроется в нерациональной организации управления краем. Тихменев призывал уяснить, какой системы действий и управления следует здесь придерживаться. Для этой цели он предложил созвать особый межведомственный комитет, куда следовало пригласить в качестве экспертов лиц, служащих или ранее служивших в крае. При этом он разъяснял, «что до сих пор не только не было указано какой-либо общей программы относительно направления административных действий в Амурском крае, но даже не было вырешено действительное значение края, в силу которого стремления местного правительства могли бы получить внутренний смысл и определенную форму»[28]. Этой же бессистемностью, по его убеждению, объясняется отсутствие последовательности и преемственности правительственных действий, их разрозненность, расточительность и бесцельность многих расходов при недостатке средств на самое необходимое.

Исходя из первоочередности задач колонизации, М.П. Тихменев настаивал на приближении государственной власти к району заселения, придании большей независимости местного управления. Находясь в Иркутске, доказывал он, генерал-губернатор не в состоянии принимать компетентные решения по делам Приамурского края. Власть генерал-губернатора представлялась ему излишне централизованной, впадающей в мелочное управление, что замедляло решение насущных вопросов. Чтобы избежать этого, необходимо было предоставить Амурскому краю административную самостоятельность, объединив дальневосточные области в одну и прибавив к ним Забайкальскую область, образовать особое генерал-губернаторство. Новый генерал-губернатор обязан лично заняться колонизацией края, устройством путей сообщения, наблюдением за кабинетскими владениями, «а главное – утверждением нашего политического влияния на Востоке». В его руках должно сосредоточиться все руководство сухопутными и морскими силами, предоставив морскому ведомству лишь автономию «в пределах своей обширной специальности». Административные перестановки способствовали бы выполнению в сжатые сроки программы-минимум, которую Тихменев сводил к созданию благоприятного экономического положения, ко-

[28] Записка полковника М.П. Тихменева, приложенная к всеподданнейшему докладу М.С. Корсакова под названием «Главные выводы относительно настоящего положения Приамурского края» (17 дек. 1868 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178. Л. 61–62.

торое позволяло, в свою очередь, дать средства для содержания флота и войск.

Поскольку бороться в открытую с морским ведомством, глава которого генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич руководил особым совещанием, было невозможно, то военный министр Д.А. Милютин избрал испытанную бюрократическую тактику затягивания решения вопроса, потребовав его отложить до более удобного времени, собрать дополнительные сведения и организовать еще одну комиссию.

В феврале 1869 г. для рассмотрения предложений М.С. Корсакова и М.П. Тихменева была создана межведомственная комиссия под руководством генерал-адъютанта И.С. Лутковского[29], который только что вернулся из командировки в Восточную Сибирь и был неплохо осведомлен о положении дел на Дальнем Востоке. Правда, М.И. Венюков писал в своих мемуарах, что «царский адъютант», как его именовали иркутяне, И.С. Лутковский не сходил с парохода до Мариинска. Когда же адъютант М.С. Корсакова П.А. Кропоткин упомянул об этом в одной из корреспонденций в петербургскую газету, то получил выговор от генерал-губернатора: «Как вы могли выставить ревизора таким болваном?»[30]. Сам же П.А. Кропоткин писал: «Лутковский же в Петербурге в восторге от Восточной Сибири. Еще бы. Его здесь так принимали, поили, – как сыр в масле катался, и проводы ему устраивали в собрании и т.п. Еще бы не быть в восторге; впрочем, действительно много сделано хорошего в короткий срок, хотя и много есть неурядицы и скверности»[31]. Александр II потребовал не затягивать рассмотрение поставленных вопросов, особенно связанных с изменившейся международной обстановкой в регионе. Речь шла об упрочении российского присутствия на Сахалине и укреплении российской границы с Китаем в Южно-Уссурийском крае[32]. Однако предложения Корсакова об административном переустройстве края комиссия Лутковского отклонила, посчитав, что они требуют излишне радикальных изменений в управлении краем.

Позицию морского ведомства в комиссии И.С. Лутковского последовательно отстаивал бывший приморский губернатор, соратник Н.Н. Муравьева-Амурского адмирал П.В. Казакевич. Бывший соратник по «амурской эпопее» считал роковой ошибкой Корсакова то, что тот

---

[29] В состав комиссии вошли представители министерств: военного, морского, иностранных дел и финансов. От Морского министерства в комиссию вошли адмиралы П.В. Казакевич и А.А. Попов. В качестве эксперта по Сахалину был приглашен ранее служивший там доктор Легер, который мог дать необходимые пояснения по поводу заселения острова.

[30] [*Венюков М.И.*] Из воспоминаний М.И. Венюкова. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 261.

[31] *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 164-165.

[32] Журнал комиссии И.С. Лутковского (8 апреля 1869 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 172.

намеревается упразднить должность командира Сибирской флотилии и назначить губернатором Приморской области «лицо сухопутного ведомства». Суть этой ошибки Казакевич трактовал весьма своеобразно: «Генерал-губернатор основывает свое желание иметь сухопутного губернатора в том предположении, что деятельность Командира портов заключается будто б только в управлении Сибирской флотилией и портами Восточного океана»[33]. Флотилия состояла всего из двух транспортных судов, одного морского и нескольких речных пароходов, а «порты носили эти названия по своему хорошему географическому положению, но без всяких портовых устройств». Не сознавая, видимо, что он противоречит самому себе, Казакевич признавался, что как приморский губернатор он занимался в основном заселением области и ее гражданским устройством.

Демонстрируя хорошую осведомленность, П.В. Казакевич напомнил, что Н.Н. Муравьев-Амурский, как, впрочем, и сам М.С. Корсаков, не намеревался в прошлых своих проектах разделять власть главного командира портов Восточного океана и приморского губернатора. Корсаковское предложение теперь казалось ему сиюминутным, вызванным чрезвычайными обстоятельствами, связанными с беспорядками, учиненными китайцами в Уссурийском крае. «Да и отдавать преимущества в новом крае, – уверял Казакевич, – одному элементу перед другим считаю крайне вредным; сухопутные, морские и гражданские силы должны сливаться в одно целое, чтобы вместе достигнуть хороших результатов». Но все же при равенстве и взаимодействии разных ведомств руководящая роль в крае, по его убеждению, должна принадлежать морякам. В основе такого положения, доказывал он, лежит географическая предопределенность: «По названию страны: Приморская область (подчеркнуто Казакевичем. – А.Р.) – ясно выражен характер всех доныне существующих заселений, расположенных или по рекам, или у прибрежья моря. Кроме того, отдельные наши северные порты в Камчатке и в Охотском море тесно связаны с администрацией Приморской области, так что без морского элемента страна существовать положительно не может»[34]. Непосредственное подчинение морских сил генерал-губернатору может стать большой ошибкой, усложнит морское управление, которым профессионально руководит Морское министерство. Порты и суда на Тихом океане снабжаются не из Восточной Сибири, а кругосветным морским путем. Лучше уж тогда, упреждал события Казакевич, учредить самостоятельную должность Главного командира портов, а всю прибрежную зону отделить от управления восточно-сибирского генерал-губернатора.

---

[33] Записка П.В. Казакевича (б/д) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

[34] Там же. Л. 5.

В другой своей записке П.В. Казакевич более подробно развил это положение, опираясь, как и его товарищ и оппонент М.С. Корсаков, на авторитет Н.Н. Муравьева-Амурского. В его объяснении смысла российской политики на Дальнем Востоке появился еще один важный мотив. Казакевич убеждал читателя в ущербности только сухопутного продвижения на восток, что заведомо не могло дать успешных результатов колонизации края и его обрусения. Именно ненормальность такого положения, разъяснял он, и заставила Муравьева-Амурского искать выход к открытому морю. В этих условиях необходимо было иметь единство власти в крае. Но в дальнейшем, когда российские границы приобрели более определенные очертания, сам Муравьев начал задумываться о разделении властей и выделении Приморской области в самостоятельное административное образование. Теперь же, по его мнению, следует серьезно задуматься, как развить край и не сводить все дело к выяснению отношений различных властей. Пока же, доказывал он, все проекты составлялись только для того, чтобы изъять Приморскую область из морского ведомства.

В своих рассуждениях П.В. Казакевич неоднократно возвращался к вопросу о геополитическом предназначении Приморской области, где «флот есть главный рычаг, который должен двигать этот край, и от этого начала должны исходить все отрасли, ведущие к развитию края»[35]. А если признать, что флот есть «главный рычаг» развития российского Дальнего Востока, то нужно, чтобы не только дальневосточные области, но и вся Восточная Сибирь и Забайкалье приняли участие в его развитии. Он также напомнил, что участники присоединения Приамурья и Приморья «помышляли занять остров Цусима, который считали ключом Японского моря», проводя аналогии с Мальтой, Гонконгом и Кипром[36]. Если же эту главную цель – развитие флота – теперь упускают, то стоит задаться вопросом: а была ли необходимость так далеко распространять российские владения к югу? Без флота, заключал Казакевич, мы всегда будем слабы на Дальнем Востоке. Поэтому необходимо принять экстренные меры по устройству военной флотилии на Тихом океане, состоящей из клиперов, канонерских лодок и миноносок. Именно военно-морской флот и удобный торговый выход в Тихий океан дадут будущее всей Сибири. Мы обязаны, подчеркивал он, воспользоваться своим географическим положением, когда началось соревнование держав за «выгодные пункты, как для торговых операций, так и с политической целью», когда даже Япония и Китай начали строить свой флот. Россия имеет неоспоримое преимущество в том, что наши колонии присоеди-

[35] Записка П.В. Казакевича (б/д) // Там же. Д. 15. Л. 5–6.

[36] Записка П.В. Казакевича (не ранее 1872 г.) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп.1. Д. 13. Л. 3.

нены к метрополии и могут иметь непрерывную территориальную связь с центром. Сибирь продолжает носить название богатого края, но эксплуатация этих богатств не развита, однобокое развитие золотопромышленности привело лишь к зависимости Сибири от Москвы, Нижегородской, Тюменской и Ирбитской ярмарок, откуда привозятся все необходимые для Восточной Сибири предметы, от гвоздя до деревянной ложки. Казакевич предупреждал и против мифических рассказов об Амуре и Уссурийском крае, в которых им приписываются неисчерпаемые богатства. Нужно в настоящее время смотреть на край, «как на дикий и требующий больших усилий, чтобы выработать из него благоустроенную страну». Флот и армия, а вместе с ними и весь край смогут выйти из застоя только в том случае, если будет выработан комплексный план развития, который не должен быть изменяем от произвольного взгляда местных начальников. Таким образом, представители как морского, так и сухопутного военных ведомств соглашались, что необходим план развития российского Дальнего Востока, но существенно расходились в определении приоритетов.

Боясь упустить выгодный политический момент, П.В. Казакевич призывал отложить административные препирательства «как край разделить, кому управлять страною; этот односторонний взгляд, к сожалению, основан на личных отношениях и чисто эгоистических соображениях, и все сводится к тому, кто будет управлять, т.е. о том, как разделить и какой мундир должен преобладать»[37]. Он продолжал настаивать на независимом и по преимуществу морском управлении Приморской области. Не спасет положение, на его взгляд, и перенос центра генерал-губернаторства из Иркутска на восток (в Читу или Благовещенск), так как Иркутск занимает важное экономическое и политическое положение в отношении континентального Китая[38]. Лучше всего дать будущему руководителю название главного начальника Приморского края (а не генерал-губернатора, опасаясь, видимо, что это звание повлечет за собой особую зависимость от Военного министерства), соединив в его руках все нити власти, как это существует в колониях других европейских государств[39]. Следует предоставить особые права и дать главному начальнику помощника по делам колонизации, чтобы они действовали на основе пятилетней инструкции. Это должно было стать своего рода пятилетним планом, которого начальник области должен строго придерживаться.

---

[37] Записка П.В. Казакевича (не ранее 1872 г.) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

[38] Там же. Л. 9.

[39] Там же. Л. 10–11.

В поисках компромисса П.В. Казакевич призывал пока этим ограничиться и только в будущем «помышлять» об объединении Приморской и Амурской областей в одно генерал-губернаторство. По его замыслу, Приморская область могла бы быть разделена на пять районов: первый – Камчатка, Гижига и Командорские острова; второй – от Николаевска по Амуру до реки Гарин и от Софийска до залива Де-Кастри, включая северную часть Сахалина; третий – от реки Гарин до Хабаровки и далее до озера Ханка; четвертый – от озера Ханка до гавани Посьет и пятый – от гавани Посьет, Владивостока все побережье от Находки до залива Де-Кастри. Во главе района предлагалось поставить исправника (или помощника в должности капитана порта), имеющего надежные средства для сообщения. Главный начальник области должен сам выбрать место для своего пребывания и поселиться где-то между Владивостоком и Хабаровкой, «чтобы быть ближе к окраинам своих владений», на пути следования судов из Владивостока в Петропавловск и Гижигу. Правда, значение Камчатки и Сахалина Казакевич оценивал невысоко, прибавляя, что выделять их в особое управление «не только не следует, но даже вредно. Петропавловск раз стоял на высоте своего развития – стяжал себе славу, с этой славой перешел на Амур, но самостоятельным никогда быть не может»[40]. Неясными представлялись ему и перспективы колонизации Сахалина, где было бы вполне достаточно иметь только управление по делам ссыльных под контролем главного начальника Приморской области.

Чтобы как-то внести ясность в затянувшиеся ведомственные споры, было решено изучить состояние дел на месте, направив на Дальний Восток межведомственную комиссию во главе с генерал-адъютантом И.Г. Сколковым[41]. Историю образования комиссии Сколков поведал западно-сибирскому генерал-губернатору А.П. Хрущову во время их встречи в Омске. «Сколков сказал мне, – записал Хрущов в дневнике, – как состоялась командировка его на Амур и Сахалин. Записка, поданная Государю генерал-губернатором Восточной Сибири в начале этого года о необходимости перенести центр правления Приморской областью из Николаевска в Хабаровку, передана была в особый комитет. Министр финансов восстал против новых расходов на Амурский край, который

[40] Записка П.В. Казакевича (не ранее 1872 г.) // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп.1. Д. 15. Л. 14.

[41] И.Г. Сколков (1814–1879) – моряк, участник Синопского сражения, потерявший ногу в сражении при Альме, состоял в царской свите и трижды выполнял важные миссии, связанные с поездками за Урал: дважды (в 1862 и 1866 гг.) в Западную Сибирь, в 1869 г. – в Приамурский край. Следует упомянуть, что, возвращаясь с Дальнего Востока, Сколков встретился в Москве с Д.И. Завалишиным, которого он почитал, «как и все другие моряки», и мнение которого он высоко ценил. – Документы, относящиеся к Сибири. 1840–1864 гг. // Русская старина. 1881. № 10. С. 417–418.

взял уже 47 миллионов, а потому решено было послать туда комиссию под председательством Сколкова, чтобы убедиться в необходимости новых затрат на тамошний край, а также рассмотреть предложение об образовании Приморского генерал-губернаторства с новым разделением Сибири и водворить на Сахалин каторжных, которые были уже направлены туда»[42].

Узнав о новой комиссии, Д.А. Милютин разразился уничижительной критикой в адрес ее руководителя: «... Во главе новой экспедиции Приморской области положено было поставить генерал-адъютанта Сколкова – опять моряка, занимавшего в то время должность «эскадрмайора», человека ограниченного, мало развитого, вышедшего в люди только благодаря тому, что он в молодых летах понравился князю Меньшикову, попал из штурманов в адъютанты к нему, сделался его любимцем, а под Севастополем лишился руки. Все служебное поприще Сколкова заключалось в личном угодничестве пред начальством, не было в нем решительно никаких данных, чтобы оправдать назначение его руководителем работ такой комиссии, на которую возлагалась задача весьма сложная»[43]. Полковник М.И. Венюков, принимавший непосредственное участие в рассмотрении вопросов административного устройства Азиатской России, также отмечал, что это была комиссия, «стоившая более ста тысяч рублей, исписавшая горы бумаги и не принесшая ни малейшей пользы ни осмотренному ею краю, ни даже командировавшему ее правительству»[44]. В оценке представителей Военного министерства сквозила ведомственная неприязнь к морякам, а характеристика, данная Сколкову, носила явно недоброжелательный оттенок.

Комиссия И.Г. Сколкова отправилась на Дальний Восток в конце апреля 1869 г. и возвратилась в Петербург в декабре того же года. За девять месяцев члены комиссии проплыли по Амуру, ознакомились с поселениями на его берегах, посетили Сахалин. Первое, что бросилось им в глаза, – это неустроенность военных постов на Амуре. Член комиссии от Военного министерства полковник Генерального штаба С.П. Зыков вспоминал: «На смотр генерала Сколкова люди выходили наполовину в сапогах и в старой истрепанной форменной одежде»[45]. Особенно беспокоило то, что Россия в этом регионе не имеет достаточных сил, и безопасность края обеспечивается только неподвижностью Японии и Китая. Члены комиссии единогласно высказались за усиление колонизации края, отказавшись от принудительного переселения как неэффективно-

---

[42] Дневник А.П. Хрущова // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 3002. Л. 101–102.

[43] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. К. 16. № 2. Л. 110.

[44] *Венюков М.И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Прага, 1879. Т. 2. Вып. 2. С. 159.

[45] *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 9. С. 386.

го. Главной задачей должно стать создание собственной продовольственной базы на Амуре, которая бы обеспечила содержание достаточного количества войск. Для этого нужно было найти способы привлечь в Амурский край добровольных переселенцев, и комиссия была готова по примеру прежних лет предоставить религиозную свободу раскольникам, признав их хорошим колонизационным элементом. «Но так как, – считал член комиссии С.П. Зыков, – осуществление этой меры затрагивало слишком важные интересы государства и российской православной церкви, то комиссия не считала себя вправе входить в дальнейшее соображение этого вопроса, а ограничилась лишь одним кратким указанием на означенную меру»[46]. Однако предложение об усилении колонизационного потока крестьян в Амурский край не нашло поддержки у МВД, которое заботилось лишь о том, чтобы не создавать ажиотажного интереса среди крестьян густонаселенных губерний Европейской России к переселению на окраины[47].

В своих выводах комиссия И.Г. Сколкова призывала ограничиться лишь некоторой административной перегруппировкой на Дальнем Востоке России, не поддержав предложение о включении в новое генерал-губернаторство, помимо собственно дальневосточных областей, Якутской и Забайкальской областей. Такое мнение высказал представитель МВД В.Д. Карпов[48], считавший необходимым объединить под одним высшим управлением всю территорию за Байкалом. Включение же в состав нового генерал-губернаторства Забайкальской области он объяснял ее особым значением для дальнейшего освоения Амурского края. Резиденцию нового генерал-губернаторства Карпов предлагал устроить на реке Шилке в селении Сретенском. Вместе с тем комиссия настаивала на упразднении Амурской области, полагая, что период обязательной колонизации этого района закончился, создана линия казачьих и крестьянских поселений, а граница с Китаем здесь не внушает серьезных опасений. Население же области незначительно и насчитывает всего 23 тыс. чел.

---

[46] *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 9. С. 397-398.

[47] Журнал Особого совещания по делам Приамурского края 25 мая 1870 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 6.

[48] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2102. Д. 61. Л. 72-75. В.Д. Карпов некоторое время служил в Иркутске и, по словам Б.А. Милютина, играл «роль пера» при М.С. Корсакове. – *Милютин Б.А.* Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. № 12. С. 605. В 1861 г. он был назначен управляющим 4-м отделением ГУВС, выполнявшей роль личной канцелярии генерал-губернатора, в 1867 г. его прикомандировали к МВД для рассмотрения вопроса о ссылке. Вскоре он стал членом совета министра внутренних дел и фактически экспертом по сибирским вопросам. – *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 79–80.

Комиссия предложила объединить Амурскую и Приморскую области в одну Приамурскую область с центром в Хабаровке. Каких-либо неудобств управления из Хабаровки населением бывшей Амурской области члены комиссии не усматривали, указывая на то, что это население размещено лишь узкой полосой по Амуру. Большая часть этого населения составляли казаки, имевшие особое управление, что не требовало постоянного губернаторского надзора. В состав новой области, возглавляемой единолично военным губернатором (без особого областного управления), вошли бы вновь создаваемые Благовещенский, Южно-Уссурийский и Николаевский округа. Во главе округов должны быть поставлены окружные начальники, являющиеся по совместительству и пограничными комиссарами. При этом сохранялось особое управление казачьим населением.

Но, удаляя от тихоокеанского побережья областное начальство континентальной части Дальнего Востока, комиссия была готова усилить морское управление. Сам Сколков главное значение Приморской области определял как преимущественно военно-морское[49]. Побережье от Охотска до Японского моря, по его мнению, не может существовать без поддержки военно-морских сил, так же как не может без них проводиться твердая политика в отношении Китая и Японии. Поэтому необходимо отделить морское управление портами Тихого океана и Сибирской флотилией от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и поставить во главе морского управления лицо, пользующееся правами главного командира портов и непосредственно подчиненное Морскому министерству. Территория обновленной Приморской области должна включать район, непосредственно прилегающий к Тихому океану. Охотский округ предлагалось вернуть в Якутскую область, как это и было до 1858 г. Во главе приморского административно-территориального объединения предусматривалось поставить военного губернатора г. Владивостока и морских колоний, который бы одновременно являлся главным командиром портов Восточного океана. Это был по сути компромиссный вариант, учитывающий как континентальные, так и морские интересы России на Дальнем Востоке.

Однако заключение комиссии И.Г. Сколкова не было единодушным, и, как можно было предвидеть, особое мнение подал член комиссии от Военного министерства полковник С.П. Зыков. Отстаивая интересы своего ведомства, стремившегося закрепить доминирующее положение на Дальнем Востоке, он продолжал настаивать на создании нового генерал-губернаторства, в которое бы вошли Забайкальская и Приамурская (объединяющая Амурскую и часть Приморской) области с центром в Благовещенске. Естественно, в такой управленческой комби-

[49] Записка И.Г. Сколкова // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183. Л. 31.

нации континентальная составляющая была преобладающей, что предопределяло ведущую роль военно-сухопутного ведомства на всей территории генерал-губернаторства.

Вопрос о генерал-губернаторе потребовал обращения к общей постановке вопроса об этом уровне местного управления. Не соглашаясь с С.П. Зыковым, члены комиссии разъясняли, что соединение нескольких губерний под одно управление может быть обусловлено политической особенностью края (Западные губернии, Привисленский край), или особыми обстоятельствами, вызванными военными мерами (Туркестан), или настоятельной необходимостью придать единообразный характер административной деятельности в группе областей. Ничего этого не было, по заключению комиссии, в предлагаемом Зыковым генерал-губернаторстве, где интересы Забайкалья и Дальнего Востока существенно различаются, а население Забайкальской области будет эксплуатироваться в пользу дальневосточных территорий. Перенос административного центра в Благовещенск, доказывали оппоненты Зыкова, неблагоприятно отразится на управлении Забайкальем.

Однако С.П. Зыков и не пытался опровергать опасения своих коллег по комиссии, что освоение Дальнего Востока ляжет в этом случае тяжелым бременем на забайкальское население. Во имя высших государственных интересов он откровенно призывал временно пожертвовать интересами отдельной области и решительно возражал против сугубо экономического подхода в оценке значения дальневосточных приобретений империи. «Самое занятие Амура, – подчеркивал Зыков, – а в особенности Уссурийского края с его южными гаванями имело целью, конечно, не облегчение для России успехов гражданского развития; это приобретение доставило нам опорный пункт в водах Тихого океана и дало возможность восстановить на Востоке то равновесие в военном значении, которое было нарушено на Западе»[50]. Поэтому здесь нужна именно генерал-губернаторская власть, самостоятельная не только от Иркутска, но и имеющая известную управленческую автономию от центральных ведомств в Петербурге. Приамурскому краю, разъяснял представитель Военного министерства, нужна именно такая администрация, «которая в необходимых случаях, не придерживаясь одних форм, направляла бы все усилия своей деятельности к достижению высших правительственных целей, хотя бы для того и пришлось нарушать те принципы административной власти, которые остаются непоколебимыми в устроенных частях империи»[51].

---

[50] Особое мнение члена комиссии от Военного министерства полковника С.П. Зыкова // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4179. Л. 123.

[51] Там же. Л. 124.

Известный интерес представляет в этой связи точка зрения на данный вопрос генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова, который был также озабочен в эти годы поисками новых административных границ в Азиатской России. В письме 20 сентября 1869 г. И.Г. Сколкову он поделился своими соображениями о двух возможных комбинациях губерний и областей. В первом варианте им предусматривалось три генерал-губернаторства: Восточно-Сибирское (Иркутская, Енисейская губернии и Забайкальская область), Приморское (Амурская, Приморская и Якутская области) и Западно-Сибирское (Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области). Во втором – только два: Приморское (Забайкальская, Амурская, Приморская и Якутская области) и Степное (Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская области), а сибирские губернии предполагалось подчинить министерствам на общих основаниях. Но последнее, подчеркивал Хрущов, возможно только после проведения судебной реформы и упрочения нового положения управления степными областями, введенного в 1868 г. Пока же он настаивал на сохранении генерал-губернаторства в Западной Сибири[52].

Отчет комиссии Сколкова рассматривался 25 мая 1870 г. в Особом совещании по делам Приамурского края под председательством вел. кн. Константина Николаевича. На заседание были приглашены главы всех заинтересованных ведомств. Отсутствовал только военный министр Д.А. Милютин, находившийся за границей. Его замещал начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден. Примечательно, что Гейден понимал необходимость генерал-губернаторства по-военному прямолинейно, как средство «в случае нужды действовать вопреки закону, не спрашивая решения свыше»[53]. Особое совещание в целом согласилось с предложениями большинства членов комиссии об образовании на Дальнем Востоке одной области с центром в Хабаровке, но сохранив Забайкальскую область в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве. Было решено также создать особое управление приморским побережьем с центром во Владивостоке. Вел. кн. Константин Николаевич настаивал на том, чтобы сухопутные войска, дислоцированные на тихоокеанском побережье, перешли в ведение главного командира портов и назвались «морскими батальонами». Остальные сухопутные войска оставались бы в подчинении Восточно-Сибирского военного округа. Несмотря на возражения Гейдена, большинство членов совещания поддержало великого князя. Александр II, очевидно под влиянием младшего брата, поспешил согласиться с решением Особого совещания. Впрочем, монаршая резолюция не означала завершения столь трудных межведомственных дебатов.

---

[52] Дневник А.П. Хрущова // ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 3002. Л. 67-69.

[53] [*Венюков М.И.*] Из воспоминаний М.И. Венюкова. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 346.

Морское министерство, удовлетворенное принятым решением, уже 21 июня 1870 г. сформировало подготовительную комиссию для разработки проекта положения по управлению портами Тихого океана и Приморской областью. Комиссию возглавил вице-адмирал П.В. Казакевич, пригласив в нее представителей от МВД (В.Д. Карпов) и Военного министерства (С.П. Зыков). Военное министерство попыталось бойкотировать новую комиссию и сначала даже отказалось направить в новую комиссию своего представителя.

Несмотря на успех, Морское министерство намеревалось двинуться дальше. Комиссия Казакевича начала вносить очередные коррективы в едва обозначенную административную карту Дальнего Востока, заявив о том, что морское ведомство не видит какого-либо интереса в Удском округе и готово было передать его в новую Амурскую область. Не видело морское ведомство и перспектив в развитии и других северо-восточных округов, предлагая сохранить в Петропавловске и Гижигинске старый порядок. Зато Казакевич настаивал на исключительной принадлежности к новому морскому управлению всего побережья от Владивостока до корейской границы. Считая вопрос решенным, комиссия начала подыскивать соответствующее название для новой области и ее начальника. Предложение комиссии именовать его главным командиром портов и военным губернатором колоний посчитали неуклюжим, нарушающим общепринятый административный порядок. Решили оставить старое название – Приморская область (как вариант предлагалось – Область Восточного Поморья).

Но и на этот раз Военному министерству удалось блокировать предложения моряков. Как вспоминал Д.А. Милютин, решение отложили до его возвращения из-за границы, а затем это дело «надолго заглохло, вероятно, потому, что великому князю было известно мое твердое намерение противиться до крайности его проекту»[54]. Вернувшись из заграничной поездки, военный министр заявил, что он будет настаивать на пересмотре принятого административного плана, доказывая необходимость сохранения в крае единства власти. В качестве союзника он попытался привлечь на свою сторону МВД, предлагая создать новую подготовительную комиссию, «которая занялась бы разработкой не одного какого-либо вопроса, или применения одной меры к частному случаю, но приступила бы к полной и подробной разработке всех вопросов, касающихся до управления при-Амурским краем»[55].

---

[54] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. № 3. Л. 70–71.

[55] Милютин Д.А. – управляющему Морским министерством (14 июля 1870 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4190. Л. 11.

На очередном заседании Особого совещания 30 октября 1870 г. Д.А. Милютин подверг резкой критике предлагаемое преобразование дальневосточного управления, заявив, что оно удовлетворяет «только одной цели, доставив морской части в том крае самостоятельное и независимое устройство»[56]. Военного министра, помимо всего, не устраивало и то, что планируемая Амурская область переходит под власть гражданского губернатора, разделяя тем самым гражданское и военное управления и соответственно сужая зону действия военных. Возражал он и против отделения морской части, от которой многое зависело в крае. Именно морской транспорт обеспечивал основную часть перевозок. «Таким образом, – заключал он, – в самой отдаленной области империи, отстоящей от Петербурга на 9000 верст, будут действовать три отдельные, независимые друг от друга власти, тогда как не только все другие Сибирские губернии, но и многие части Европейской России, ближе к столице лежащие, находятся в управлении главных начальников, облеченных особыми полномочиями и соединяющих в своем лице власть гражданскую с военною»[57]. Гражданский губернатор новой Амурской области окажется без средств, не имея влияния ни на военное, ни на морское управление. Нельзя отделять и приморскую зону от Амурской области, так как именно там заключается ее будущее, а в Забайкальской области она сможет черпать необходимые материальные ресурсы. Камнем преткновения стали и так называемые морские батальоны, принадлежность которых морскому ведомству вызывала сомнения. На Дальнем Востоке, настойчиво повторял военный министр, нужна «одна (подчеркнуто Милютиным. – А.Р.) самостоятельная власть, облеченная особыми полномочиями, имеющая полную возможность направить к одной цели все средства разнородных частей обширного края»[58]. Нужно создать здесь генерал-губернаторство, а морскую часть подчинить главному командиру портов, не отделяя при этом никакой территории в его управление.

Остальные члены Особого совещания пытались отстоять прежнее решение. Вопрос вновь вернулся в плоскость общих рассуждений о сущности генерал-губернаторской власти на окраинах империи. Аргументация большинства членов совещания сводилась к следующей ее трактовке: «Учреждение в крае генерал-губернаторства, будучи, таким образом, применением наиболее сложной из существующих у нас форм администрации, с дорогою и многочисленною служебною обстановкою, к такому краю, где нет ни населения, ни сложных интересов, вместе с

---

[56] Журнал Особого совещания по делам Приамурского края 30 окт. 1870 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 151.

[57] Там же. Л. 152.

[58] Там же. Л. 153.

тем не дает даже никаких особых полномочий местной власти в отношении к гражданскому управлению, ибо по своду наших законов существенное различие между генерал-губернатором и губернатором заключается лишь в порядке назначения их и сношения с высшей правительственной властью, а не в степени предоставленной им власти, и вследствие сего звание генерал-губернатора само по себе не представит начальнику Амурской области никаких особых полномочий»[59].

Такое упрощенное понимание сути генерал-губернаторской власти вызывало несогласие военного министра, который признавал за ней более высокий статус, считая, что генерал-губернатор уже в силу особого личного доверия императора имеет гораздо больше возможностей для направления усилий «разнородных административных органов края для надлежащего развития края и для достижения высших правительственных целей»[60]. Очевидно, за этими рассуждениями скрывался и ведомственный интерес, так как уже в силу своего звания генерал-губернаторы связаны были по преимуществу с Военным министерством.

Единственно, с чем соглашалось большинство членов Особого совещания, так это с необходимостью соединения в одних руках военного и гражданского управления. Но они не хотели видеть за местным главным начальником какого-либо политического значения, считая, что краю нужен всего лишь «добрый хозяин». В развернувшейся дискуссии обозначились не только ведомственные претензии на доминирующую роль в регионе, но и проглядывало разное понимание задач правительственной политики на Дальнем Востоке. Министры согласились, что от губернатора планируемой большой Амурской области не потребуется «преследования разных отдаленных, отвлеченных целей», которые не ясны и высшему правительству. Монополию на формулировку политических задач они оставляли исключительно за центром, не имея, впрочем, единства между собой.

Свое заключение по выводам комиссии И.Г. Сколкова представил и М.С. Корсаков, которого Александр II призвал не стесняться уже принятыми решениями. Восточно-сибирский генерал-губернатор подверг сомнению основательность заключений комиссии Сколкова, обвинив ее в поверхностности суждений, вызванных поспешностью путешествия по столь обширному краю. Он по-прежнему держался мнения, что деление Дальнего Востока на континентальную и морскую части ошибочно, подчеркнув неразрывную связь дальнейшего развития дальневосточных территорий с материальной базой в Забайкалье. Центром нового генерал-губернаторства он, как и его представитель в Петербурге В.Д. Кар-

---

[59] Журнал Особого совещания по делам Приамурского края 30 окт. 1870 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 162.

[60] Там же. Л. 164.

пов, предлагал сделать Сретенск из-за его близости к Забайкалью как «средоточению торгово-экономических интересов края». Свой выбор Сретенска он объяснял и необходимостью организации постоянного надзора за Нерчинской каторгой (видимо, это было вызвано восстанием поляков в Восточной Сибири в 1866 г.), а также непосредственного генерал-губернаторского контроля за китайской границей.

В отличии от Морского министерства, восточно-сибирский генерал-губернатор не придавал самодовлеющего значения морскому побережью. Амурский край, по его мнению, не требовал постоянного присутствия высшего местного начальства. Вместе с тем М.С. Корсаков считал ошибочной пассивную соглашательскую политику в отношении южной части Сахалина, подчеркивая не только экономическое, но и военно-политическое значение уже в силу близости острова к Японии. Чрезвычайно важным, считал он, сохранить единство военного и гражданского управления всей территорией восточнее Байкала. Впрочем, понимая, что Морское министерство и вел. кн. Константин Николаевич будут настаивать, Корсаков соглашался отделить морскую часть в ведение главного командира портов, оставив его в военно-политических вопросах зависимым от генерал-губернатора Восточной Сибири. Разделение власти между гражданским, военным, морским и даже, добавлял он, духовными ведомствами в новом крае невозможно уже в силу того, что ни одна отрасль управления не может здесь существовать самостоятельно, без поддержки другой. Например, указывал Корсаков, многие строительные работы, разгрузка и погрузка судов и т.д. производятся солдатами линейных батальонов. В поддержку своего мнения он ссылался на опыт других российских окраин (прежде всего Туркестана), а также колоний Англии и Франции. Необходимость такого единства власти, предупреждал Корсаков, усиливается постановкой новых задач, вызванных притоком в край корейцев и китайцев, а также общим осложнением политических отношений с Китаем.

Оставив генерал-губернаторский пост в Иркутске, М.С. Корсаков по пути в Петербург заехал в Омск, где поделился своими сомнениями по поводу планируемого устройства управления Дальним Востоком с А.П. Хрущовым. В беседе с западно-сибирским генерал-губернатором он также отстаивал необходимость сохранения единства военного управления Забайкальем и дальневосточными областями. В Иркутске же можно было, по его мнению, сохранить генерал-губернатора для управления гражданскими делами, а войска в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области передать в ведение Западно-Сибирского военного округа[61]. Находясь уже не у дел, Корсаков продолжал следить за

[61] *Хрущов А.П.* Дневник (запись 18 сентября 1870 г.) // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1497. Л. 196–197.

развитием дела и 8 февраля 1872 г. писал о политических изменениях в регионе, вызванных беспорядками в Монголии, которые могут охватить и Маньчжурию. Он высказывался за присоединение Монголии к России, заявляя, что это потребует совсем незначительных военных сил, а страна эта богата своим скотоводством[62]. В этих условиях он ужесточает свои прежние требования сохранить единство в управлении всей пограничной линии от Западной Сибири до гавани Посьет в руках генерал-губернатора Восточной Сибири[63].

В 1871 г. М.С. Корсакова сменил в Иркутске совершенно не знакомый с Сибирью Н.П. Синельников, имевший репутацию человека крутого и энергичного, питавшего больше склонности к полицейской службе, нежели к широкой административной деятельности. Синельников по старинке считал, что «закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять», поэтому он полагал допустимым нарушение закона, оправдываемое целью[64]. Новый генерал-губернатор не отличался особым вниманием к дальневосточным делам, критикуя своих предшественников за излишне активную, по его мнению, политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В одном из своих отзывов на проекты административного преобразования на Востоке он даже предупреждал, что усиление нашего флота на Тихом океане может породить недоверие со стороны соседних государств[65]. И.В. Ефимов слышал даже от Синельникова, что Амур был приобретен без надобности и совершенно напрасно[66].

Получив назначение, Н.П. Синельников перед отъездом в Сибирь встретился с М.С. Корсаковым, который предупредил своего преемника о том, что в высших правительственных сферах почти утвержден проект о передаче Приморской области Морскому министерству[67]. Несмотря на то, что новый генерал-губернатор официально заявлял, что он плохо знаком с краем, он поспешил высказаться против раздела Восточно-Сибирского генерал-губернаторства на два, но при этом соглашался на передачу в ведение Морского министерства всего побережья

---

[62] *Пантелеев Л.Ф.* Страничка из нашей дальневосточной политики // Сибирские вопросы. 1909. № 36. С. 26–27.

[63] М.С. Корсаков – делопроизводителю комитета по Амурскому вопросу К.А. Манну // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 248–249.

[64] *Милютин Д.А.* Мои старческие воспоминания за 1816-1873 гг. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. № 3. Л. 148.

[65] Содержание мнения генерал-лейтенанта Н.П. Синельникова // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 269.

[66] *Ефимов И.В.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский пред судом профессора П.Н. Бучинского. СПб., 1896. С. 72.

[67] Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 695.

Тихого океана и даже Уссурийского края[68]. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев, в свою очередь, наставлял Синельникова, что вопрос о новом административном делении Восточной Сибири уже решен МВД совместно с Военным министерством и не следует противоречить, а не то у него отнимут и Забайкалье[69].

По дороге в Иркутск Н.П. Синельников также остановился в Омске и сообщил 7 марта 1871 г. А.П. Хрущову столичные новости: «1) Проект Конст[антина] Николаевича насчет разделения Восточной Сибири пока отложить, только отделяются порта и прибрежная часть под ведение Морского министерства. 2) Решено не вмешиваться в китайские дела и не вводить войска в Ургу. 3) Ему поручено поместить в Амурской области и Уссурийском крае каторжных для работ на приисках. 4) Он намеревается управлять краем на других основаниях, чем прежде и проч.»[70].

Прибыв в Иркутск, Н.П. Синельников столкнулся с тем, что морское начальство на Дальнем Востоке фактически вышло из-под генерал-губернаторского подчинения. 29 июня 1871 г. он вынужден был пожаловаться управляющему Морским министерством Н.К. Краббе, что ему не на чем отправиться на Сахалин, что он чуть не утонул, воспользовавшись шхуной «Восток», но так и не добрался до острова[71]. Приморский военный губернатор контр-адмирал А.Е. Кроун не выполнял распоряжений генерал-губернатора и стремился доказать, что Уссурийским краем управлять из Иркутска невозможно[72]. По поводу столкновений с Кроуном Синельников писал: «Я должен был вынести без всякого с моей стороны повода испытание парализации действий, которому едва ли

---

[68] Содержание мнения генерал-лейтенанта Н.П. Синельникова // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 270–271.

[69] Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 695.

[70] *Хрущов А.П.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1497. Л. 29.

[71] Н.П. Синельников – Н.К. Краббе (29 июня 1871 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 405–406. Ведомственные трения доходили до самого нижнего уровня власти и приобретали нередко комические формы. Так, служивший в 1870-х гг. в Амурской флотилии Б.К. де Ливрон вспоминал, как на Сахалине, в Дуйском посту, возник конфликт между смотрителем маяка и начальником поста. Причиной столкновения стало то, что начальник поста не дал лошадь для завоза пресной воды на нужды маячной службы. Пришлось вмешаться самому губернатору адмиралу И.В. Фуругельму, который попытался приструнить начальника поста. Последний в ответ заявил, что не обязан давать лошадь. Тогда адмирал в приказном порядке потребовал дать лошадь, начальник поста подчинился, но дал лошадь без телеги. Фуругельм потребовал дать и телегу. Окрыленный такой поддержкой смотритель маяка стал просить и бочку. Но на этот раз уже не выдержал Фуругельм и приказал ничего вообще не давать. – *Де Ливрон Б.К.* Отрывочные воспоминания из прожитой мною жизни на море и на суше // Русская старина. 1912. Т. 149. С. 663.

[72] Н.П. Синельников – Д.А. Милютину (14 февр. 1872 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 60.

были примеры, как учреждены генерал-губернаторства»[73]. В письме к Краббе он прямо утверждал, что смысл противодействия Кроуна кроется в желании подчинить развитие края развитию флота[74]. Синельников буквально умолял о скорейшем приведении к окончанию дела о новом административном делении Сибири и доносил 23 октября 1872 г. шефу жандармов П.А. Шувалову, что приморский военный губернатор не сообщил ему до сих пор своего мнения о новом разделении Восточной Сибири[75]. Однако он по-прежнему готов был согласиться с морским ведомством и передать ему все тихоокеанское побережье от Берингова пролива до залива Петра Великого[76], но отстаивал права восточносибирского генерал-губернатора на Уссурийский край и даже предлагал устроить там отдельное управление во главе с военным губернатором.

В августе 1873 г. Морское министерство вынуждено было предписать А.Е. Кроуну ехать в Петербург через Сибирь (хотя он планировал отправиться морем), чтобы объясниться с генерал-губернатором по вопросам управления Приморской областью. Конфликт Синельникова и Кроуна стал предметом разбирательства на самом высоком уровне и потребовал личного вмешательства Александра II. Но вел. кн. Константину Николаевичу удалось убедить царя передать дело на рассмотрение Особого совещания по делам Приамурского края, где позиции моряков были особенно сильны[77].

Посетив Амурскую область, Н.П. Синельников составил негативное мнение о ней, доказывая, что она стоила правительству огромных издержек, подействовала неблагоприятно на Забайкалье и простерла свое влияние даже на Иркутскую губернию[78]. Будущее Амурской области в его представлениях в основном связывалось с привлечением сюда ссыльнокаторжных для работы в золотопромышленности. «Таким образом, – излагал он свое видение, – Амурская область есть почти единственный край, где могут осуществиться виды правительства – занятие арестантов производительною работою, тем более что по географическому положению оного и побеги арестантов с работ могут быть преду-

---

[73] *Суворов П.* Сенатор Синельников и император Александр II // Исторический вестник. 1899. № 1. С. 144.

[74] Н.П. Синельников – Н.К. Краббе (10 дек. 1872 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. 1872 г. Д. 7-а. Л. 29.

[75] Н.П. Синельников – П.А. Шувалову (23 окт. 1872 г.) // ГАРФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1316. Л. 2.

[76] Н.П. Синельников – Н.К. Краббе (29 июня 1871 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 406–407.

[77] Моряки продолжали третировать генерал-губернатора. Так, в материалах Особого совещания по Приамурским делам сохранилась записка «Содержание мнения генерал-лейтенанта Синельникова» с примечательной пометкой: «Сколько можно понять из крайне сбивчивого изложения». – РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 268.

[78] Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 704.

преждаемы с большим успехом»[79]. В одном из своих отчетов царю он прямо писал, что Амурский край способен жить за счет своих средств, а дальнейшая помощь правительства казачьему населению может привести только к тунеядству[80]. Многие неудачи, считал Синельников, были следствием «нашего торопливого недоразумелого устройства далеких окраин на Восточном океане и нашей погони за какой-то мифической всемирной торговлей»[81]. С генерал-губернаторством Синельникова в воззрениях высшей восточно-сибирской администрации окончательно восторжествовал континентальный взгляд на дальневосточную политику, с чем, разумеется, не могли примириться моряки.

10 февраля 1871 г. состоялось очередное заседание Особого совещания по делам Приамурского края, на котором министр внутренних дел А.Е. Тимашев вновь предложил не спешить и рассмотреть вопрос об административном устройстве Дальнего Востока в связи с общим вопросом о разделении Сибирского края, Туркестанского и Оренбургского генерал-губернаторств. МВД совместно с Военным министерством было поручено заняться этим обширным вопросом. Если в 1860-х гг. об изменении административного устройства собственно Сибири вспоминали в связи с организацией управления в Степном или Амурском краях, то в 1870-х гг. попытались выработать комплексный подход к установлению административных границ всей Азиатской России. Прежние проекты признавались неудачными уже в силу отсутствия общих принципов.

МВД поручило своему эксперту по Восточной Сибири В.Д. Карпову подготовить проект, в котором тот, выражая интересы заказчика, высказался за упразднение генерал-губернаторской власти как лишней инстанции в сибирских губерниях. Однако межведомственное совещание под председательством военного министра Д.А. Милютина отклонило проект Карпова как преждевременный. В ответ военные выдвинули два контрпроекта, подготовленные полковниками Главного штаба М.И. Венюковым и А.П. Проценко[82]. Согласно их предложениям, Азиатская Россия делилась на четыре генерал-губернаторства (Оренбургское, Туркестанское[83], Сибирское и Амурское). Разница заключалась лишь в том,

---

[79] Записка генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова (5 февр. 1871 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4184. Л. 238–239.

[80] Краткое извлечение из всеподданнейшего отчета Н.П. Синельникова // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 2.

[81] Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 710.

[82] А.П. Проценко считался специалистом по Казахстану, так как ранее служил в правлении Области сибирских киргизов (казахов) и участвовал в Степной комиссии Ф.К. Гирса, готовившей реформу управления Степным краем 1868 года, а в 1878 – 1883 гг. был семипалатинским военным губернатором. – *Нарбаев Н.Б.* Государственный совет России и Казахстан. М., 1993. С. 36–37.

[83] Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 г.

что М.И. Венюков относил к Амурскому генерал-губернаторству не всю Забайкальскую область, а только ее восточную часть. Центром Амурской области он предлагал сделать Нерчинск, Приморской – Хабаровку, а в Благовещенске сосредоточить высшее управление новым генерал-губернаторством.

Приморское морское начальство попыталось переломить ситуацию, бомбардируя Особое совещание доводами в пользу флота. Бывший приморский военный губернатор контр-адмирал И.В. Фуругельм подал в апреле 1872 г. в Особое совещание по делам Приамурского края две записки. Это было авторитетное мнение человека, долгое время служившего в Русской Америке и на Дальнем Востоке[84]. Он и был включен в комиссию по дальневосточным делам от Морского министерства[85]. Фуругельм писал, что бродячие инородцы северных округов Приморской области влачат жалкое существование и им, по его мнению, «предстоит вымереть», колонизация Сахалина каторжанами малоуспешна, немногочисленное же русское население и корейцы только начали обустраиваться и все еще зависят от снабжения по Амуру или кругосветным путем. Между тем край имеет важное геостратегическое значение и не может быть обороняем одними лишь войсками, без опоры «на производительное и преимущественно соплеменное население»[86]. Поэтому нужны срочные меры по переселению сюда русских. Об этом свидетельствует и мировой колониальный опыт, подчеркивал Фуругельм. Нас может ожидать серьезная опасность, порожденная близостью густонаселенных Кореи и Китая. «История европейской колонизации указывает, – писал Фуругельм, – что по большей части переселенцы, переходя на новую почву, невольно усваивают себе нравы и обычаи большинства обитателей страны и через несколько поколений сливаются с ним окончательно». Исключение составляют только китайцы, чрезвычайно устойчивые к культурному воздействию других народов и способные сами ассимилировать их. Китайцы начали доминировать на многих юго-восточных рынках Азии, что уже серьезно обеспокоило Англию, Голландию и Испанию. «Опасение это, – предупреждал Фуругельм, – не должно бы пройти и для нас бесследно. В этих видах, прежде всего, нужно Приморскую

---

[84] И.В. Фуругельм (1821–1909) – в 1850 г. начал свою службу в Российско-Американской компании, в 1854–1856 гг. командир Аянского порта, с 1858 по 1864 гг. – главный правитель РАК, а в 1865–1870 гг. – приморский военный губернатор и командир Сибирской флотилии и портов Восточного океана. – *Болгурцев Б.Н.* Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. Владивосток, 1998. С. 194.

[85] С назначением И.В. Фуругельма в 1874 г. таганрогским градоначальником вместо него от Морского министерства в комиссию был направлен капитан 1-го ранга А.С. Сгибнев.

[86] Записка контр-адмирала И.В. Фуругельма о Приморской области (б/д) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 85.

область сделать землею Русскою, колонизуя ее русским населением, и меру эту, ввиду усиливающейся эмиграции из Кореи, осуществить возможно поспешнее, дабы предупредить образование в Русских пределах независимой Китайско-Корейской провинции»[87]. До сих пор же мы придерживались неэффективной колонизационной политики, не давая возможности краю развиваться естественным путем, усиливая лишь администрацию и армию, которые содержались в основном за счет привозимого иностранными торговцами. Это тормозило создание в крае собственной материальной базы для прочного устройства администрации и военных сил.

Конечно, заселение Южно-Уссурийского края будет отличаться от европейского колониального опыта, признавал И.В. Фуругельм, благоустройство новых жителей будет долгое время неприглядным. Но это объяснимо тем, что «не нужда выселять избыток своего населения и не естественные богатства нового края обусловили его приобретение», всего этого и без того хватает на необъятных пространствах Российской империи, а государственная необходимость и важность стратегического положения края. Поэтому неустройство русских поселений на Дальнем Востоке так поразили командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала М.Я. Федоровского, прибывшего в Уссурийский край из Китая и Японии, где он мог наблюдать, как хорошо устроены там европейские кварталы. Эта разница, по мнению Фуругельма, заключается в разных принципах европейской и российской политики на Дальнем Востоке, а Федоровский явно упускает из виду то, что европейские поселения «возникли в густонаселенных и промышленных странах, где живущие в них европейские купцы, всеми правдами и неправдами высасывая богатства из туземного населения, возбуждают против себя народную ненависть»[88]. Все это, прогнозировал он, неизбежно закончится изгнанием европейцев из их колоний. Мы же имеем на Дальнем Востоке исторический шанс сделать эту землю по-настоящему русской.

Помимо предупредительных мер, призванных ослабить влияние «желтой» экспансии, важно, доказывал Фуругельм, понять, что русский флот в Тихом океане только тогда может развиться, когда будет опираться на русское население, а не на одни «красивые здания и батареи, воздвигнутые в безлюдных пустынях»[89]. До сих пор же мы плохо согласовывали меры, направленные на устройство края и на развитие нашего флота. В этой несогласованности, по его мнению, кроется главная причина разлада во взглядах местной приморской администрации (где

---

[87] Записка контр-адмирала И.В. Фуругельма о Приморской области (б/д) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 85–86.

[88] Записка контр-адмирала И.В. Фуругельма (22 апр. 1872 г.) // Там же. Л. 112.

[89] Там же. Л. 100.

ключевые позиции занимали моряки) и восточно-сибирского начальства в Иркутске. Последнее смотрело на флот как на транспортное средство и мало заботилось о поддержании его боеспособности. Вывод напрашивался как бы сам по себе: «Между тем не трудно было бы соединить удовлетворение потребностей края с интересами флотилии, если бы область была подчинена власти, интересующейся развитием морского значения края»[90]. Поэтому как можно скорее нужно выделить Приморскую область из генерал-губернаторства Восточной Сибири и подчинить напрямую Морскому министерству. На поспешность этой меры указывает, по его мнению, то откровенное забвение интересов края, которое демонстрировал генерал-губернатор Н.П. Синельников, отказавшийся под видом сокращения расходов от 40 тыс. руб., которые могли быть истрачены с большой пользой на заселение Амурского края.

30 июня 1872 г. свое мнение на административную реформу изложил и новый приморский военный контр-адмирал А.Е. Кроун. Он, как и Фуругельм, не был новичком на Дальнем Востоке, начав свою службу на Тихом океане еще в 1853 г. Кроме того, он выполнял важные поручения по закупке судов для Сибирской флотилии в Северо-Американских штатах, хорошо был знаком с постановкой морского дела в Великобритании. Кроун также настаивал на приоритете морских интересов в занятии устья Амура и тихоокеанского побережья. Объяснял он и причины неудач колонизации Приамурского края, которые крылись в ошибочности определения экономических приоритетов: «Вместо рыбопромышленников и мореходов явились кой-где земледельцы и казаки, взамен морских промыслов и разработки сырых произведений края для вывоза их на ближайшие рынки под своим национальным флагом, были употреблены настойчивые усилия к водворению и упрочению военно-земледельческого быта, ограничивая торговые интересы доставкою из Забайкалья предметов казенного довольствия войск и привлечением иностранных товаров на иностранных судах. В ущерб морскому делу были затрачены огромные средства на крестьянскую колонизацию, а хлеб, как и прежде, приходится возить кругосветным путем». Вместо того, чтобы дать возможность переселенцам заниматься промыслами, их насиловали безусловным требованием разрабатывать пашню. Принудительное земледельческое заселение, сопровождаемое казенным попечительством, создало население вялое, привыкшее к опеке, апатичное к предприимчивости. Вместе с тем упор на водворение казачества в поморской стране не отвечает, считал Кроун, «общей идее гражданского развития». Казачье военное заселение, хотя и веками освященное, но уже явление отжившее, неспособное удовлетворить современные по-

[90] Записка контр-адмирала И.В. Фуругельма о Приморской области (б/д) // Там же. Л. 86–87.

требности государства. Только морской флот – торговый, промысловый и военный – здесь сможет послужить величию и благу России, заключал Кроун[91].

С еще большей настойчивостью, чем его предшественник, А.Е. Кроун призывал провести административно-территориальную реорганизацию российского Дальнего Востока. Восточное поморье должно получить административную автономию, его начальник – генерал-губернаторские полномочия, сухопутные войска необходимо преобразовать в морские батальоны, усилить Сибирскую флотилию, организовать регулярное морское сообщение со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и с южными российскими портами Севастополем и Одессой, уссурийских и амурских казаков обратить в крестьянское состояние, заменив их регулярными войсками. Восточно-Поморский край, как его именовал Кроун, должен включить в свой состав Приморскую область и территорию Амурской области, от Хингана до устья Амура.

В отличии от моряков генерал-губернатор Н.П. Синельников продолжал настаивать на приоритете крестьянской колонизации, выступая против подчинения края исключительно интересам флота. Край не может еще существовать самостоятельно, твердил он. С позиций исторической традиции сельскохозяйственного освоения новых земель Синельников разъяснял своим оппонентам: «Труд земледельца есть первое и основное средство к развитию жизненных сил и к благоустройству населения, последнее же наводнение в Амурском крае не есть ли Перст Божий, указывающий, что край, а за ним и Уссурийский, тяготеет к Забайкалью»[92].

Встретив упорное сопротивление Военного министерства и восточно-сибирского генерал-губернатора, морское ведомство решило пойти на уступки. В марте 1873 г. И.В. Фуругельм представил в Особое совещание новую записку, предварительно согласовав ее с вел. кн. Константином Николаевичем. Он соглашался оставить Амурскую область в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, а Приморской области предоставить особый статус, сохранив за ее военным губернатором должность Главного командира портов Восточного океана. «Поморская полоса, – указывал он, – находится в такой тесной зависимости от внутренней части Приморской области, что обе они лишь в соединении представляют все условия для полного развития»[93]. А успешному переселению сюда крестьян морское ведомство может способствовать лучше любого другого.

---

[91] Мнение контр-адмирала А.Е. Кроуна по вопросу об устройстве Приамурского края (30 июня 1872 г.) // Там же. Л. 220.

[92] Содержание мнения генерал-лейтенанта Н.П. Синельникова // Там же. Л. 269.

[93] Записка контр-адмирала И.В. Фуругельма (март 1873 г.) // Там же. Л. 282.

На возрастание роли флота в сложившейся к тому времени региональной политической и экономической ситуации указывал и вернувшийся из кругосветного плавания вместе с вел. кн. Алексеем Александровичем вице-адмирал К.Н. Посьет[94]. В записке (23 августа 1873 г.), представленной в Морское министерство, он выражал озабоченность пассивностью российской политики на Дальнем Востоке, когда там повсеместно пробуждается новая жизнь, вызванная открытием для европейских судов портов в Японии и Китае, когда реформы преображают политический и социально-экономический облик Японии, когда Япония и Китай начали строить свой современный военный флот, когда наблюдается общий рост торгового мореплавания в Тихом океане, когда «движение, как торговое, так и умственное, столь велико на Крайнем Востоке, что необходимы большие усилия, дабы поднять Приморскую область, хотя бы до уровня европейских учреждений в Японии и Китае»[95]. Теперь Приморская область, заключал Посьет, «начинает играть ту роль, ради которой только и стоило присоединять Амур...»[96]. Но нужно спешить и спешить прежде всего с решением вопроса о новом административном устройстве края. Его затягивание приводит к тому, что «неопределенное состояние поддерживает бездействие и укрепляет равнодушие»[97]. Нужно сделать многое, чтобы оживить край: заселить его, развить собственное хлебопашество, увеличить добычу угля, чтобы создать топливную базу для развития мореплавания, построить дороги, установить регулярное пароходное сообщение по Амуру, регулярные океанские рейсы, прекратить ссылку[98]. Надо окончательно осознать, утверждал он, что «значение этой области всегда будет исключительно морское как в военном, так и торговом отношении»[99].

Поскольку предложения Посьета затрагивали в основном сугубо морские вопросы, их решили не смешивать с административным пере-

---

[94] Еще в конце 1840 – начале 1850-х гг. К.Н. Посьет принимал активное участие в исследовании островов и побережья Азиатско-Тихоокеанского региона, его именем назван один из заливов на тихоокеанском побережье. В 1858 г. он был назначен воспитателем и наставником вел. кн. Алексея Александровича.

[95] Записка вице-адмирала К.Н. Посьета, представленная в Морское министерство (23 авг. 1873 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 313.

[96] Там же. Л. 308.

[97] Там же. Л. 308.

[98] Этот пункт К.Н. Посьет поставил первым и сформулировал следующим образом: «Прекратить отправление в эту передовую, пограничную и, так сказать, представительскую область, людей, подвергшихся осуждению законов». – РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 308. Вопрос о ссылке был выделен в особое производство и обсуждался отдельно. Посьету же было предложено представить о ссылке особую записку. – Прекращение ссылки в Сибирь. Записка К.Н. Посьета 1 мая 1874 г. // Русская старина. 1899. Т. 99. № 7. С. 51–59.

[99] Записка вице-адмирала К.Н. Посьета, представленная в Морское министерство (23 авг. 1873 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4246. Л. 309.

устройством, и Морское министерство в ноябре 1873 г. создало свою комиссию «для выработки мероприятий по улучшению управления портами Тихого океана», которую возглавил вице-адмирал С.В. Воеводский[100].

Особым этапом в сибирской административной политике самодержавия стала деятельность межведомственной комиссии под председательством бывшего тобольского губернатора, ставшего к этому времени членом совета министра внутренних дел, А.И. Деспот-Зеновича. Помимо Деспот-Зеновича, в комиссии заседали постоянно В.Д. Карпов (от МВД) и М.И. Венюков (от Военного министерства). Остальные же члены работали временно: бывший забайкальский военный губернатор генерал-лейтенант Н.П. Дитмар, бывший и настоящий приморские военные губернаторы контр-адмиралы И.В. Фуругельм и А.Е. Кроун, от Военного министерства – генерал-майоры М.Н. Черкасов и А.И. Макшеев, от Морского министерства – капитан I ранга А.С. Сгибнев, от Министерства финансов – действительный статский советник Я.С. Скропышев. Комиссия работала с марта 1873 г. по май 1874 г.

В качестве первоочередной задачи комиссия определила: «Исследовать, какими началами (мотивами) руководствуется вообще государственная политика при организации больших административных групп или, другими словами, какие начала должны быть присущи главным местным административным центрам?»[101]. Комиссия осудила прежний подход к определению административных границ в Азиатской России, игнорировавший внутренние потребности регионов, экономические и политические условия их развития.

Благодаря трудам М.И. Венюкова, был поставлен вопрос о принципах определения административно-территориальных границ и степени властных полномочий местного управления. Базисные условия, согласно которым устанавливалась особая форма административно-территориальной организации, считал Венюков, должны быть следующими: 1) географическая отдаленность (или даже отдельность) региона; 2) пространство и физико-географические условия; 3) состояние коммуникаций и надежность связи с центром государства; 4) особенности пограничного положения и взаимоотношений с соседними странами; 5) численность населения; 6) этнографический и конфессиональный состав населения, а также степень его политической благонадежности;

---

[100] В 1853–1859 гг. С.В. Воеводский был главным правителем РАК. Комиссия Воеводского занималась вопросами создания Тихоокеанской эскадры и улучшения условий службы морских офицеров на Дальнем Востоке. – РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4260.

[101] Журнал комиссии, учрежденной при МВД по вопросу о новом административном делении Азиатской России (20 марта 1873 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 7.

7) уровень правового развития населения и состояние органов местного управления; 8) экономический и интеллектуальный потенциал края; 9) военно-стратегические и политические интересы.

Фактор отдаленности, отмечал Венюков, не должен иметь самодовлеющего значения, и там, где отдаленность неравносильна отдельности, сохранение особого порядка управления в виде центральных местных учреждений ведет лишь к искусственному обособлению края, чреватому вредными политическими последствиями. У сильной местной власти, предупреждал он, может возникнуть желание «обособить край от прочих частей государства»[102]. Нужно сохранить баланс между обеспечением жителям провинции близости местной высшей власти и правительственной уверенностью, «что дела в далеких окраинах идут с должным единообразием и по заданному направлению». Венюков призывал в большей степени учитывать физико-географические особенности, определяющие особый строй «местной гражданской цивилизации» и условия экономической деятельности населения, как это было в случае с Кавказом или Финляндией. При этом Венюков соглашался с тем, что если территория края слишком большая и разделена на области, то будет необходима и местная центральная власть. Затрудненность коммуникаций, по его мнению, утратила свое значение и может вызывать лишь некоторое расширение прав местной администрации. Но пограничное положение не должно иметь самодовлеющего значения, если, правда, край не граничит с «полуварварскими странами», отношения с которыми требуют, помимо обычных дипломатических мер, постоянного вооруженного противодействия. При этом было бы важным сосредоточить в руках одного высшего местного начальства управление единым «пограничным пространством» прилегающего «к иноземным территориям одного политического типа»[103].

Сильной и самостоятельной местной власти, доказывал М.И. Венюков, могут требовать *факторы этнический и конфессиональный*. Это связано с тем, что на местную администрацию возлагается важная задача по слиянию коренных народов «с господствующей народностью посредством водворения среди них языка, гражданской цивилизации и

---

[102] А.Д. Градовский признавал, что генерал-губернаторская власть на востоке оправдана уже в силу того, что здесь: «Пути сообщения плохи. Границы не определены или плохо защищены. При таких условиях государственные формы прививаются там плохо. Государство русское расположено там, так сказать, военным станом». – *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 432.

[103] *Венюков М.И.* О новом разделении Азиатской России // Известия Русского географического общества. 1872. Т. 8. № 8. С. 323. Подробнее см.: *Ремнев А.В.* У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122). С. 344–369.

учреждений господствующего племени». В его рассуждениях по этому поводу содержался господствовавший в правительственных кругах взгляд на цель имперской политики: «В государствах, подобных России, могущих стремиться только к установлению господства одной расы над прочими – в противоположность Австрии, Турции и Английской Индии, где это условие недостижимо, – провинции с инородческим населением, конечно, требуют особенного внимания администрации для направления их к скорейшему этнографическому объединению. При этом разумная политика обязывает, чтобы там, где есть несколько инородческих племен, господствующая раса прежде всего не допускала взаимного их сближения и объединения (подчеркнуто в тексте. – А.Р.), в ущерб собственному значению»[104]. Существенным Венюков считал учет степени готовности инородческих племен к слиянию с господствующею расой, замечая, что «инородцы необразованные ассимилируются скорее, чем те, у которых есть зачатки своеобразной цивилизации или которые могут поддерживать свою национальность, опираясь на соседние чужеземные влияния». Инородческое население, имеющее свою цивилизацию, прогнозировал он, потребует местной сильной и самостоятельной власти. Там же, где «господствующая народность» уже численно преобладает, утверждал он, генерал-губернаторской власти не требуется, так как она создает дополнительные политические трудности и становится лишней инстанцией между местной администрацией и центральным правительством.

Русская власть должна постоянно демонстрировать включенным в империю народам свое гражданское превосходство, преимущество европейской системы управления и суда перед азиатским деспотизмом, уравнивая перед законом все народы, вводя рациональную систему налогов и покровительствуя экономическому преуспеянию края. Все это должно указывать туземцам на «высоту нравственного уровня их повелителей»[105]. Необходимо укреплять народное доверие, избавляя подвластные народы от мелочной полицейской опеки, предоставив гарантии местному самоуправлению и суду, демонстрируя строгую справедливость и открытость в действиях русских властей. Этим, считал Венюков, будут созданы действительно основательные условия для прочного положения России в Азии.

С экономической точки зрения, административная обособленность с сильной местной властью, по мнению М.И. Венюкова, скорее вредит

---

[104] Доклад М.И. Венюкова «Об общих основаниях административных делений и в частности о группировке провинций под генерал-губернаторским управлением» // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 17–18.

[105] *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. Вып. 1. С. 377.

делу, чем ему способствует. Развитие гражданственности и экономики вызывает необходимость в специализации отраслевого управления, отделения суда от администрации, что является «внешним критериумом рациональности оснований для организации провинциального управления». В окраинной экономической политике также имеются свои подводные течения, способные направить правительственную деятельность в ложное русло. Венюков предупреждал, что слабая осведомленность в центре о реальных возможностях окраины может привести к серьезным просчетам. Современный колониальный опыт подсказывал, что, чем меньше будет административной опеки в хозяйственной сфере, чем меньше экономические условия в метрополии и колонии будут отличаться, тем теснее они окажутся связанными. Обращаясь к мировой практике управления колониями, он отмечал, что интересы отдаленных провинций вообще редко бывают адекватно поняты в центре. Это приводит к тому, что колонии, испытывая неудовлетворение от экономической и административной политики метрополии, стремятся отделиться от нее, как это произошло с североамериканскими владениями Англии. Новая колониальная политика, разъяснял Венюков, выработала другой подход, сущность которого заключается в предоставлении колониям большей экономической свободы и избавлении от жесткой административной опеки метрополии. В России, признавал он, правительство давно поняло это, не допустив в свое время распространения крепостного права на Сибирь, установив для некоторых окраинных территорий режим porto-franco и разрешив такую свободу в частной золотодобыче, которой не знают даже Северо-Американские Штаты. Но он же признавал, что существовали и серьезные просчеты в этой сфере. Прежде всего это касалось стеснения частной инициативы на окраинах. В этом смысле генерал-губернаторская власть скорее вредила, нежели помогала.

В военном отношении М.И. Венюков выделял два типа окраин. К первому типу он относил окраины, где государственная власть еще недостаточно укрепилась и существует угроза восстаний. «Очевидно, – подчеркивал он, – в таких провинциях принцип разделения властей, усвоенный теориею и практикою европейского государственного управления, оказывается неприменимым, и соединение в лице главного начальника прав и обязанностей по всем частям управления делается абсолютно необходимым»[106]. Ко второму типу принадлежат окраины, соседствующие с «народностями, не имеющими правильного политического устройства», где многое зависит от безопасности границ. Здесь

[106] Журнал комиссии, учрежденной при МВД по вопросу о новом административном делении Азиатской России (15 мая 1873 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 12.

будет необходимо соединение военного и гражданского управления. Особо Венюков оговаривал положение морских сил, которые призваны решать стратегические задачи и потому не могут быть руководимы губернатором и должны зависеть от наместника или генерал-губернатора. Соглашаясь передать на морских окраинах власть адмиралам, он предвидел опасность подчинения морским интересам всех прочих интересов края, как это произошло во французских заморских колониях.

Важнейшим побудительным мотивом к местной централизации управления Венюкову виделась не обширность территории, не удаленность ее от центра страны и даже не этнический состав населения, а *степень гражданского развития*. Только там, где гражданские отношения неразвиты и экономические силы слабы, единая местная административная власть может быть полезна, только благодаря ей высшее правительство будет способно на месте контролировать деятельность местных государственных агентов. Там же, где введены хорошие судебные и земско-хозяйственные учреждения, ответственность чиновников перед судом или перед народным представительством, доказывал он, генерал-губернаторская власть теряет всякий смысл.

Главный вывод, к которому пришло большинство членов комиссии, заключался в признании ненужности для Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Якутской области генерал-губернаторской власти. Наиболее рьяно эту позицию отстаивал В.Д. Карпов, доказывая, что генерал-губернаторская власть необходима только для Забайкальской области и дальневосточных территорий. В Забайкальской области, наиболее заселенной, из 420 тыс. жителей – 140 тыс. инородцев, что налагает на местную администрацию выполнение особых задач, связанных с их обрусением. Кроме того, пограничные дела также требуют расширенных полномочий для местной власти. Характер управления Приамурским краем должен определяться перспективами его развития. «Будучи вызван к цивилизации не действием исторических причин, не естественным колонизаторским движением из стран, переполненных населением, а исключительно правительственными мерами ввиду предполагаемой политической будущности его, – излагал свое понимание стратегической ситуации Карпов, – Приамурский край не может быть предоставлен своим собственным средствам, если правительство желает воспользоваться в сколько-нибудь близком будущем результатами своего наступательного движения к Восточному океану»[107]. Заселение Приамурского края не может диктоваться сугубо экономическими потребностями, в первую очередь высшая политическая целесообразность должна определять места водворения переселенцев. Вместе с тем он предупреждал, что искусственными мерами нельзя заставить

[107] Журнал Особого совещания // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 44.

крестьян-переселенцев заниматься морским промыслом, к которому они не имеют ни желания, ни способностей. Для организации переселения необходимо установить единство в его руководстве, а так как Приамурский край существует в тесной экономической и политической связи с Забайкальской областью, то уже это предопределяет их административное объединение. Относительно же Якутской области Карпов предлагал вернуться к положению, существовавшему до 1851 г., когда она зависела по главным позициям от иркутского губернского начальства[108]. Новое административное устройство, в представлении Карпова, должно было иметь всего одно генерал-губернаторство (Забайкальская, Амурская и Приморская области), с упразднением генерал-губернаторской власти в Иркутске.

Поддержал Карпова в его решимости ликвидировать генерал-губернаторство Восточной Сибири еще один член комиссии – забайкальский военный губернатор генерал-лейтенант Н.П. Дитмар. «В настоящее время генерал-губернаторы, по его мнению, совершенно уклонились от прямого их назначения, а более занялись обязанностями губернатора, как, например: назначением чиновников на такие должности, на которые закон предоставляет право назначать чиновников губернаторам»[109].

Большинство членов комиссии согласилось с необходимостью создания Приамурского генерал-губернаторства, куда вошла бы и Забайкальская область. С объединением Амурской и Приморской областей в одну – Приамурскую область (с центром в Хабаровке) – ее военный губернатор становился бы и командующим всеми войсками, расположенными в крае. Но морская часть могла бы сохранить автономное управление, подчиняясь главному командиру портов. Особая инструкция, составленная совместно Морским министерством, МВД, МИД и Военным министерством, должна будет определить порядок отношений местных властей: генерал-губернатора, военного губернатора, главного командира портов и дипломатических представителей России в Японии и Китае.

Это было явно компромиссное решение, впрочем, не снимавшее главной проблемы взаимодействия региональных представителей разных ведомств. А.Е. Кроун тут же стал протестовать, заявив, что данное предложение не снимает противоречий, а главный командир портов не получит необходимых полномочий для выполнения морских задач. Он требовал полного подчинения Приморской области главному командиру портов. Другой представитель Морского министерства капитан 1-го ранга А.С. Сгибнев подал особое мнение, суть которого сводилась к тому, что в таком случае лучше вообще ничего не менять. При такой комбинации в

---

[108] Журнал Особого совещания // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 124–125.
[109] Там же. Л. 55.

появлении должности приамурского генерал-губернатора он видел больше вреда, чем пользы, заранее подозревая эту новую власть в беззаконии и нарушении интересов края. «Упадок энергии и полнейшая апатия к делу местной администрации, – доказывал он, – вот в большинстве случаев последствия генерал-губернаторской власти»[110]. Нет никакой необходимости вверять генерал-губернатору и какие-то особые дипломатические полномочия, о чем Сгибнев свидетельствовал как человек, два года исполнявший обязанности секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Амурское генерал-губернаторство, заключал он, есть излишняя роскошь.

В заключении комиссии также подчеркивалось, что генерал-губернаторская власть в Сибири была малоэффективна и может быть с успехом заменена властью губернаторской[111]. В качестве аргумента сторонниками упразднения генерал-губернаторской власти указывалось и на то, что восточно-сибирские генерал-губернаторы недостаточно занимались собственно сибирскими делами, будучи постоянно отвлекаемы проблемами Амура. Даже подавление наиболее серьезных политических беспорядков, каким было, например, польское восстание 1866 г. на Кругобайкальской дороге, прошло в отсутствие генерал-губернатора. Немаловажным представлялось и то, что упразднение генерал-губернаторской власти только в Восточной Сибири доставит экономию более чем в 200 тыс. руб.

Вопрос о разделении военного и гражданского управления, поставленный представителем МВД Карповым, был своего рода шпилькой «не в бровь, а в самый глаз» Д.А. Милютину. Сохранение генерал-губернаторств, территориально совпадавших с военными округами, гарантировало Военному министерству приоритет в управлении на окраинах. «Я думал, – вспоминал М.И. Венюков, – что он (Д.А. Милютин. – А.Р.) сконфузится, сделает попытку защищать свою теорию серьезными политическими доводами, вроде того, что опыт Кавказа, Польши, Литвы, Финляндии доказывает пользу совмещения в одном лице властей военной и гражданской... Но так далеко министр не пошел, а свел вопрос на совершенно неожиданную мною тему о личностях. «Вы хотите сказать, – возразил он Карпову, с своею ехидною, коварно-приветливою усмешкою, – что военные неспособны хорошо управлять гражданскою частью; однако я

---

[110] Журнал Особого совещания // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 117.

[111] В документах комиссии не удалось найти подтверждения обвинению М.И. Венюкова в адрес А.И. Деспот-Зеновича, которого тот подозревал в намерении создать для Сибири одно большое гражданское генерал-губернаторство и стать самому во главе его. – [*Венюков М.И.*] Из воспоминаний М.И. Венюкова. Амстердам, 1896. Кн. 2. С. 187. В 1872–1873 гг. ходили слухи, подогреваемые поездкой через Сибирь вел. кн. Алексея Александровича, что за Уралом будет образовано наместничество. – Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 209–210.

постоянно слышу от Александра Егорыча (Тимашева, министра внутренних дел), что лучшие губернаторы у него – военные генералы»[112].

Однако со столь радикальным выводом из собственных же теоретических рекомендаций оказался не согласен их автор М.И. Венюков. Он счел преждевременным упразднение генерал-губернаторской власти, поскольку Сибирь все еще не имеет скорого и надежного сообщения с центром и здесь не проведены судебная и земская реформы, без чего, полагал он, «вводить автономию губернской и уездной администрации значило бы узаконить самый бесконтрольный произвол полицейских властей». Конечно, не много пользы, признавал Венюков, было и от генерал-губернаторов, но они пока единственная сила, способная сдерживать злоупотребления местных чиновников. По его мнению, генерал-губернатор в Иркутске мог бы быть освобожден от командования войсками, чтобы сосредоточить все свои усилия «на привитие к вверенному ему краю всех тех гражданских реформ, которые делают генерал-губернаторское управление излишним»[113].

Пока в комиссии Деспот-Зеновича шли дебаты, в Иркутске в очередной раз сменился генерал-губернатор. На этот пост был назначен в 1873 г. барон П.А. Фредерикс[114], у которого решили запросить отзыв о проекте административной реформы в регионе. В еще большей степени, чем его предшественник, Фредерикс воспротивился каким-либо переменам, отстаивая территориальную целостность Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Генерал-губернаторская власть, по его убеждению, необходима еще как минимум на десятилетие, до проведения реформ и строительства железной дороги. Сохранение сильной «организующей, объединяющей и направляющей» местной власти обусловливается, на его взгляд, прежде всего общей неустроенностью ссылки, опасностью, исходящей от политических ссыльных. Высказался Фредерикс и по поводу перспектив развития Амурского края. По его мнению, Муравьев-Амурский преувеличивал значение сделанных территориальных приобретений на Дальнем Востоке и предложил слишком обширное и

---

[112] [*Венюков М.И.*] Из воспоминаний М.И. Венюкова. Амстердам, 1896. Кн. 2. С. 270.

[113] Отдельное мнение полковника М.И. Венюкова на свод заключений комиссии (23 марта 1874 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 131.

[114] Когда был назначен «прославленный вор, жандарм и развратник Фредерикс, – вспоминал М.И. Венюков, – о каком-нибудь прогрессивном движении Восточной Сибири нечего было и думать». – [*Венюков М.И.*] Из воспоминаний М.И. Венюкова. Амстердам, 1896. Кн. 2. С. 245. О беспорядках, творимых в Восточной Сибири при Фредериксе, писал уже 12 дек. 1879 г. К.П. Победоносцев Александру III: «Теперь я вижу часто сибиряков и много слышу о тамошнем крае. Горько подумать, сколько там сил и богатств и как все гибнет и раздражается от невозможной администрации. Трудно себе представить, до какого бесстыдного разврата во всем дошла там высшая правительственная власть при Фредериксе». – Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. I. С. 248.

излишне самостоятельное административное устройство. Последующие два десятилетия не оправдали надежд, и настоящее положение края представляет «еще так мало зачатков для преуспеяния, так мало дает надежды на водворение прочной колонизации, что едва ли есть какое-либо основание во имя предполагаемой для него будущности переламывать упрочившийся уже полувековым опытом порядок»[115].

Комиссию А.И. Деспот-Зеновича П.А. Фредерикс обвинил в излишней приверженности к теориям, игнорирующим сибирские и дальневосточные реалии. Упрекал он и моряков за их одностороннее желание подчинить Амурский край морским интересам, «забывая, что земледелие и горный промысел гораздо более могут обеспечить его будущее процветание». Общий же его вывод сводился к тому, что для Восточной Сибири в целом еще не настало время для административных преобразований. Помимо прочего на несвоевременность реформ указывают окончательно еще не выяснившиеся наши отношения с Японией и Китаем, которые стоят «накануне переворотов»[116].

На преждевременность упразднения Восточно-Сибирского генерал-губернаторства указывал теперь и министр внутренних дел А.Е. Тимашев. Конечно, МВД ощущало тяжесть генерал-губернаторской опеки над губернаторами, но призывало действовать на далекой восточной окраине с большой осмотрительностью и осторожностью. Заключение Тимашева, изложенное в письме 11 января 1875 г. в Морское министерство, сводилось к следующему: «До тех же пор, пока не совершится в Сибири решительное отделение суда от администрации и пока заведование общественным хозяйством в крае будет лежать на местных административных и полицейских учреждениях, едва ли возможно, по мнению моему, упразднять там власть генерал-губернаторскую, которая по характеру учреждения своего, не будучи солидарна с деятельностию подчиненных ей губернских, областных и окружных властей, является в настоящее время единственною, хотя и недостаточною, гарантиею движения дел в крае»[117]. Телеграф и улучшение почтового сообщения, доказывал Тимашев, конечно, способствуют быстрому согласованию экстраординарных мер, но авторитетная и самостоятельная власть в крае нужна прежде всего для текущих дел. Организовать же действенный контроль из Петербурга министерство было не в состоянии. Впрочем, МВД не спешило проводить судебную и земскую реформы в Сибири и на Дальнем Востоке.

---

[115] Соображения по вопросу об изменении административного устройства Восточной Сибири барона Фредерикса (20 ноября 1874 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 198.

[116] Там же. Л. 201.

[117] А.Е. Тимашев – Морскому министерству (11 янв. 1875 г.) // Там же. Л. 170.

Дело снова затягивалось, а приморский военный губернатор А.Е. Кроун не хотел до его решения отправляться на Дальний Восток. Морское министерство не могло найти ему достойной замены, сознавая, что это «отличный специалист местных потребностей не только морского ведомства, но вообще нашего Восточного побережья»[118]. Вопрос был перенесен в Особое совещание по делам Приамурского края, которое собралось на заседание 15 марта 1876 г. Как записал в дневнике Д.А. Милютин: «Совещание это продолжалось до пятого часа; долго не могли сойтись во мнениях, но спор велся в пределах приличия и без раздражения». Военный министр в союзе с министром внутренних дел А.Е. Тимашевым (который «почему-то отступился от прежних своих предположений») и шефом жандармов А.Л. Потаповым приняли сторону Фредерикса. Вел. кн. Константина Николаевича поддержали министр финансов М.Х. Рейтерн («искал только, как бы уладить дело в угоду великому князю»), министр иностранных дел Н.К. Гирс («говорил мало и неудачно») и К.Н. Посьет («только путал дело, придумывая то одну, то другую комбинацию»)[119].

В результате этих споров было решено образовать новое Приамурское генерал-губернаторство (Амурская и Приморская области) с центром в Благовещенске, а центр Приморской области разместить в Хабаровке[120]. Еще в 1871 г. было принято решение о переносе военного порта из Николаевска во Владивосток, а в следующем году сюда перебазировалась и Сибирская военная флотилия. Однако окончательного решения о создании военного порта во Владивостоке принято не было. Вопрос оставался открытым, продолжали рассматривать варианты то с бухтой Посьет, то с заливом Св. Ольги, а развитие владивостокского порта тем временем тормозилось[121]. Строительство во Владивостоке было приостановлено в 1879 г., когда вновь был поставлен вопрос о месте

---

[118] Директор канцелярии Морского министерства – управляющему Морского министерства (24 окт. 1874 г.) // Там же. Л. 153.

[119] Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 29.

[120] Были и сугубо личные мотивы. М.И. Венюков вспоминал, что когда возникла мысль перенести местопребывание губернатора всего Амурского края в Хабаровку, то амурский военный губернатор А.Г. Оффенберг не захотел покидать более благоустроенный Благовещенск и удаляться от Иркутска, где проживал его тесть, генерал-губернатор Фредерикс. И тогда отправили в Петербург заключение: «Хабаровка неудобна; она лежит на болоте, отличается нездоровостью» и т.п. – *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 78.

[121] *Бянкин В.П.* Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С. 85. В 1875 г. Владивосток получил статус города, а в 1881 г. было принято окончательное решение, что здесь будет главный военный порт России на Тихом океане. См. также: *Колякин В.В.* Пост Новгородский или гавань Посьет // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 28–31.

для главного дальневосточного порта России. Только в 1881 г., когда генерал-губернатор Д.Г. Анучин публично заявил, что порт не будет перенесен в залив Св. Ольги, строительные работы возобновились, до этого же времени, по словам И.П. Надарова, Владивосток «не жил, а прозябал»[122]. Его жители, связанные в большинстве своем с морским ведомством, опасались повторения разорительного переселения, которое многие пережили с переносом порта из Николаевска во Владивосток. Чтобы удовлетворить притязания морского ведомства, пошли на создание особой должности военного губернатора Владивостока, которому, кроме самого города и порта, должна быть подчинена прилегающая к городу территория, по примеру Севастополя. Милютин не преминул отметить в дневнике: «Для такого безлюдного и дикого края иметь столько начальств и управлений – есть совершенно излишняя роскошь»[123]. 5 апреля 1876 г. Александр II утвердил решения Особого совещания, но их реализация застопорилась из-за начавшейся в 1877 г. войны с Турцией.

Г.И. Невельской, заканчивая перед смертью (скончался в 1876 г.) книгу о присоединении Приамурского края, писал о том, что его заветы не были претворены в жизнь: «В крае завелись различные бюрократические учреждения, и он разделился на две отдельные области, так что главная правительственная задача, о которой говорилось выше (укрепление военно-политического положения России на Дальнем Востоке. – А.Р.), далеко еще до сих пор не разрешена в самых существенных и главных основаниях, ибо центральное управление в крае не соединено еще в южном колене Амура; оно подобно Австрии, представляется в виде дуализма. Войска не могут получить продовольствия на месте, Морское ведомство доставляет провиант для своих команд на кругосветных судах по высоким ценам. Средства к быстрому передвижению в нем по главным артериям края – Амуру, Уссури и, в особенности, Сунгари – далеко не усовершенствованы, и земледельческие поселения по главным путям сообщения в крае далеко еще не приведены в надлежащий вид, сообразно требованиям. К сооружению гавани на Сахалине около Дуэ, или в Кусунае, где бы суда безопасно могли грузиться, до сих пор не приступлено, и, наконец, толпы золотопромышленников, наводняющих ныне этот край, эксплуатируя и истощая его богатства, никакой существенной пользы ему не приносят в отношении разрешения упомянутой правительственной задачи»[124].

---

[122] Материалы к изучению Уссурийского края Генерального штаба подполковника Надарова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 26. С. 93.

[123] Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 30.

[124] *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. М., 1947. С. 327.

Каковы же причины, осложнявшие решение, казалось бы, вполне назревшего вопроса? Затяжной характер дальневосточной административной реформы объясним с точки зрения специфики работы бюрократического механизма, когда в условиях ведомственных разногласий сложные процедуры подготовки законопроекта приводили не только к потере времени, но и к более существенным просчетам. Эту черту довольно точно подметил один из активных участников внутриправительственных дебатов вокруг новой административной схемы Азиатской России Д.А. Милютин: «К сожалению, весьма многие из совершившихся у нас преобразований носят на себе именно эту черту – отсутствие общей основной мысли. Проекты составлялись обыкновенно коллективным трудом многих личностей, из которых большинство смотрело на дело с чиновничьей точки зрения; потом проекты проходили чрез многие инстанции, какое-либо видоизменение, не всегда способствовавшее к улучшению, и выходили, наконец, из Государственного совета уже вовсе лишенными жизненной силы»[125].

Создание любого генерал-губернаторства вызывало разногласия среди министерств, чьи интересы постоянно сталкивались при организации местного управления. В петербургскую ведомственную разноголосицу успешно вторгалась местная высшая администрация, претендовавшая на собственную трактовку имперских задач в регионе. Существенными были и соображения финансового порядка, так как создание генерал-губернаторства неизбежно влекло дополнительные расходы. Сохранялись объективные трудности в определении административных границ и состава областей в образуемом генерал-губернаторстве, а также в выборе места для резиденции высшей местной власти. Последнее объяснялось не только огромным пространством, низкой плотностью населения, отсутствием развитой и надежной сети коммуникаций, но и неясными возможностями хозяйственного освоения края. Таким образом, главным препятствием управленческих реформ оставалась неопределенность стратегических и геополитических целей империи на Дальнем Востоке в их долгосрочной перспективе.

[125] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 446.

3.3. Образование Приамурского генерал-губернаторства: выстраивание новой региональной политики

«Край наш не колония, которую метрополия желает скорее обобрать и потом бросить».
Первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф[1]

Конец 1870 и начало 1880-х гг. ознаменовались обострением отношений с Китаем, что заставило правительство более энергично заняться дальневосточными проблемами. Это было связано как с «кульджинским вопросом» в Центральной Азии, так и с претензиями Цинской империи пересмотреть ранее закрепленную договорами российско-китайскую границу на Дальнем Востоке[2]. Торговые отношения России с Китаем также складывались не в ее пользу. Россия явно проигрывала коммерческую борьбу за китайские рынки, ее сухопутная торговля не могла эффективно конкурировать с перевозками морским путем, сократившимся с открытием Суэцкого канала. Торговый оборот России с Китаем имел пассивное сальдо, китайский импорт превышал российский экспорт[3]. Будущий забайкальский военный губернатор полковник Генерального штаба Я.Ф. Барабаш, вернувшись в 1882 г. из поездки в северные районы Цинской империи, призывал поспешить, чтобы не опоздать к будущему промышленному и торговому пиршеству на Тихом океане: «Между европейскими и американскими гостями нам отведено за столом одно из видных мест. Если мы пока, сидя за столом, не удовлетворяем подобно другим своего аппетита, то из этого не следует, чтобы мы готовы были позволить вывести себя из-за стола». Главная же задача сейчас, как ее определял Барабаш, состоит в сохранении нашего стратегического положения на Дальнем Востоке, так как «с Амура мы можем наносить Европе самые серьезные по своим последствиям удары и всякое усиление наше в Тихом океане будет иметь неизбежным последствием возвышение нашего политического могущества в Европе»[4]. Выход к Амуру и в Уссурийский край изменили и отношения с Китаем,

---

[1] Из речи А.Н. Корфа на открытии II Хабаровского съезда 20 января 1886 г. // Надаров И. Второй съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Владивосток, 1886. С. 2.

[2] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 166–167.

[3] *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М., 1987. С. 70–72.

[4] Записка о Маньчжурии Генерального штаба полковника Барабаша (По данным, добытым при поездке в Гирин в 1882 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 103–104, 105–106.

с которым Россию уже не разделяют громадные пустынные пространства. Китайские власти начали колонизацию Маньчжурии и перестраивают свою армию на европейский лад, серьезную опасность представляет в этих условиях проживающее на российской стороне китайское население. И это в условиях, на что особо указывал он, когда местные власти оставлены фактически без военных средств и не готовы к самостоятельным действиям.

О возможной войне с Китаем писал в 1880 г. другой знаток Азии полковник Генерального штаба Н.М. Пржевальский, призывавший покончить с прежней политикой уступок китайцам, которая ведет к опасному исчезновению «обаяния русского имени в Азии». Если европейцы вторгаются в Китай с востока – с моря, то мы должны сделать то же самое с запада – с материка. «К этому ведет ход исторических событий и наше географическое положение, как державы континентальной», – заключал он[5]. Нашей целью должно стать, высказывал свои экспертные рекомендации Пржевальский, приобретение всего (или части) бассейна реки Сунгари, северной части Монголии с Ургой, куда под давлением англичан может из Тибета переселиться далай-лама, и в этом случае мы будем оттуда влиять на весь буддийский мир. Война с Китаем окажет положительное влияние на Сибирь: «...она пробудит тамошнюю жизнь и обновит тамошние порядки. Тогда, быть может, Сибирь выйдет из своей заброшенности и начнет новую лучшую жизнь, которая подобает ей по праву, как стране обширной, богатой и еще непочатой»[6]. Он писал об ореоле в глазах азиатов «чарующего могущества» «белого царя» и призывал к активной политике в отношении Китая, не останавливаясь перед разрушением его территориальной целостности. С чувством цивилизационного и военного превосходства Пржевальский призывал «повторить подвиги Кортеса». По его словам, «один волк заставляет бежать тысячное стадо баранов, и таким волком явится каждый европейский солдат относительно китайского воинства»[7]. И не нужно особенно стеснять себя

---

[5] «О возможной войне с Китаем» полковника Генерального штаба Н.М. Пржевальского (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Там же. С. 304.

[6] Там же. С. 305–306.

[7] *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888. С. 275, 509; *он же.* Разбор пограничных районов Притянь-Шанского, Ургинского и Амурского (Санкт-Петербург, 6 апр. 1881 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб., 1883. Вып. I. С. 315; см. также: *Схиммелпенninк ван дер Ойе Д.* Свет с Востока // Родина. 1995. № 11; *он же.* Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX – XX вв. // Рубежи. 1998. № 2; *он же.* Несостоявшийся Кортес. Имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. Н.М. Пржевальского привлекли для обучения наследника великого князя Николая Александровича, будущего императора Николая II. Цесаревич с восхищением читал письма Пржевальского о его путешествиях по Азии. – *Схиммелпенninк ван дер Ойе Д.* Идеологии империи в России имперского периода //Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 217. Военный министр А.Ф. Редигер вспоминал о гос-

нормами международного права (тут он ссылался на авторитет признанного специалиста в этой области – Ф.Ф. Мартенса), которые не могут быть применены «к сношениям с полудикими народами». Сам же Ф.Ф. Мартенс писал о «грозном призраке» войны с Китаем, что удар этот направлен не только против России, но и против всех цивилизованных наций. При этом он заявлял об отличии русской политики в Китае от европейской, что русская политика никогда не вдохновлялась «стремлениями торгашей», преследовала «цивилизаторскую и возвышенную миссию в Азии»[8].

Правительственное забвение новой имперской окраины, неясность целей и способов ее освоения, места и роли в составе России вынуждали дальневосточные власти взывать о помощи. Хорошо представлявший ситуацию в регионе И.Г. Баранов[9] так характеризовал сложившееся к началу 1880-х гг. положение: «Амурский край, в качестве колониального русского владения, благодаря своему географическому положению и естественным богатствам, бесспорно, должен иметь важное политическое и экономическое значение для своей метрополии. Но, несмотря на это, жизнь населения края и деятельность администрации вращаются, так сказать, на интересах лишь дня и носят временный лагерный характер, чуждый определенного систематического плана и сознанной идеи о будущем края. Скоро 25 лет, как мы владеем этим краем, а между тем все виды промышленности находятся в самом примитивном состоянии, административные и судебные учреждения не соответствуют требованиям времени, нет дорог, переправ, нет даже больницы для гражданского населения, окружного врача, ветеринара, фельдшера, оспопрививателя, администрация не имеет никаких средств принять какие-либо радикальные меры против распространения сифилиса, сибирской язвы, чумы и других заразительных болезней – этих бичей населения. Край в подробности не исследован и не имеет достаточных средств не только к внешней обороне, но и к охранению своих земель, лесов и проч. от захватов и расхищений со стороны соседних подданных Китая, чрез что мало-помалу ослабевает их уверенность в нашей силе и прочности обладания этим краем, а вместе с тем ослабевают и шансы на приобретение нашего влияния на них. Бесспорно, что такое положение должно изме-

подствовавшей на рубеже XIX–XX вв. точке зрения Пржевальского, «что с одним батальоном можно пройти через весь Китай». – *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 316.

[8] *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб., 1881. С. 31. Впервые опубликовано в 1880 г. в Генте; см. также: *Le Donne J.* The Russian empire and the world. 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford; New York. Oxford univ. press. 1997. P. 42–43.

[9] И.Г. Баранов в 1864–1865 гг. руководил экспедицией по прокладке телеграфной линии Хабаровка – Николаевский пост; в 1880-1881 гг. – амурский военный губернатор, а в 1881–1888 гг. – приморский военный губернатор.

ниться и чем скорее, тем лучше. Это вопрос не только местных интересов края, но вопрос государственный, как с экономической, так и с политической точки зрения, вопрос достоинства и чести нации, призванной здесь к цивилизаторской миссии по отношению к соседней народности, сильной своей замкнутостью, администрациею и дисциплиной»[10].

Усиливавшееся влияние в Китае и Корее основного соперника России в Азии Британской империи также не могло не настораживать российское правительство. С ростом внимания Германии к Дальнему Востоку в российской прессе в 1882 г. вновь вспомнили о стратегическом значении острова Цусима[11]. Из Кронштадта на Дальний Восток было решено отправить несколько судов для срочного пополнения Тихоокеанской эскадры. По воспоминаниям одного из участников этого морского перехода В. Руднева, положение казалось настолько серьезным, что управляющий Морским министерством, генерал-адъютант вице-адмирал С.С. Лесовский решил принять на себя командование морскими силами в Тихом океане[12]. Восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин информировал Петербург об опасном колонизационном движении китайцев в приграничных к России территориях и просил содействия в отправке в Уссурийский край русских переселенцев на судах Добровольного флота[13]. Вновь возникла угроза если не утраты дальневосточных владений, то падения российского престижа в регионе. Активизируется военно-научная деятельность в регионе: в Приамурье, Маньчжурию, Монголию, Китай направляются офицеры и чиновники, чтобы провести комплексное исследование, на случай возможных военных действий. Восточно-сибирская администрация публикует с 1882 г. для служебного пользования «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», где содержались данные и по Дальнему Востоку[14]. С 1883 г. Военно-ученый комитет Главного штаба в свою очередь начинает издавать под грифом «секретно» «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», предназначенный для «высшего начальства, а также лиц,

---

[10] И.Г. Баранов – Д.Г. Анучину (6 марта 1881 г.) // РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 112.

[11] *Ларионов Е.В.* По поводу одного острова (Гадания о будущем) // Исторический вестник. 1882. № 7.

[12] *Руднев В.* Из воспоминаний о плавании на крейсере «Африка» // Русская старина. 1908. № 5. С. 369.

[13] К.П. Победоносцев – наследнику вел. кн. Александру Александровичу (12 февр. 1881 г.) // Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. I. С. 313; *Кротова М.В.* Из истории Добровольного флота // Российский флот на Тихом океане: История и современность. Владивосток, 1996. Вып. 3. С. 30–31.

[14] С 1882 по 1887 г. вышло 8 томов в нескольких книгах.

служащих в Азии или специально занимающихся ею»[15]. Внешнеполитический фактор в очередной раз дал импульс и внутриполитическим преобразованиям, выведя их из латентного состояния.

4 апреля 1880 г. военный министр Д.А. Милютин собрал совещание, на котором присутствовали новый восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин, приморский военный губернатор Г.Ф. Эрдман и начальник инженерной службы Восточно-Сибирского военного округа П.Ф. Унтербергер. Совещание, как записал в дневнике Д.А. Милютин, вынуждено было признать: «Военное положение того края представляется в неутешительном виде; отсутствие правильной местной администрации, неспособность прежнего главного начальства в Иркутске, скудость всех средств в крае привели дело в такое положение, что трудно что-нибудь сделать в короткое время для обеспечения этой отдаленной окраины от какого-либо враждебного покушения, даже одних китайцев»[16]. 11 апреля 1880 г. вопрос о положении на Дальнем Востоке предварительно обсуждался частным образом во дворце вел. кн. Константина Николаевича, а 14 апреля было созвано Особое совещание по делам Приамурского края. Открывая заседание, великий князь, как и военный министр, вновь заявил о необходимости неотложных действий по обеспечению безопасности края.

Незавершенность административных преобразований только усугубила то тяжелое положение, в котором оказались сопредельные с Китаем российские дальневосточные территории. Главный командир портов Восточного океана, одновременно являвшийся и военным губернатором Приморской области, перебазировался во Владивосток, оставив в Николаевске штаб войск, областное правление и прочие гражданские учреждения. В этих условиях нужны были экстренные меры по освобождению главного командира портов от обязанностей по управлению областью. Насколько спешным представлялось теперь дело, можно судить по заявлению вел. кн. Константина Николаевича, который предложил не вносить законопроекта о новом порядке управления в Государственный совет, а ввиду его экстренности после обсуждения в Особом совещании представить непосредственно на утверждение императора. Очевидно, к фактору спешности примешивалось и вполне понятное желание провести реформу помимо Государственного совета, где она рисковала встретить серьезную оппозицию.

Уже 28 апреля 1880 г., основываясь на предложениях Особого совещания, Александр II принял решение изъять из ведения главного ко-

---

[15] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. I. Сборник издавался с 1883 по 1914 г., было издано 87 выпусков.

[16] Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 3. С. 239–240.

мандира портов гражданское управление Приморской областью и командование сухопутными войсками. Теперь он становился военным губернатором города Владивостока (с присоединением к новому губернаторству полуострова Муравьев-Амурский и острова Русский), как предполагалось еще в 1876 г. По примеру Кронштадта на Балтике и Николаевска на Черном море владивостокский губернатор объединял как военное, так и гражданское управление. Военный губернатор Приморской области должен был теперь обосноваться в Хабаровке, с предоставлением ему временно («ввиду возможного разрыва с Китаем») права командира неотдельного корпуса[17]. Это позволяло приморскому губернатору в случае необходимости действовать самостоятельно, не ожидая указаний из Иркутска. Одновременно обсуждались и меры по укреплению Добровольного флота.

Однако серьезно изменить ситуацию не удалось, и в конце октября 1880 г. Д.А. Милютин записал в дневнике: «Дела восточные не продвигаются вперед. Продолжаем получать известия о громадных приготовлениях в Китае к войне. Мы со своей стороны лишены теперь (в зимнее время) возможности подкрепить наши силы на крайнем востоке, не говоря уже о требуемых для того огромных денежных средств»[18]. В этих условиях ситуацию на Дальнем Востоке смог разрядить заключенный в Петербурге 12 февраля 1881 г. договор между Россией и Китаем[19]. Хотя китайская угроза миновала, и часть судов из эскадры С.С. Лесовского вернулась в Кронштадт, в 1887 г. было принято решение увеличить тихоокеанскую эскадру до 12 судов[20].

Оценивая новые политические реалии, сложившиеся в Азии после Крымской войны и войн Англии с Персией и Китаем, Военное министерство и МИД должны были принять меры против происков британской дипломатии на Востоке. Исходя из этого и была сформулирована новая российская военная доктрина в Азии: «с одной стороны, прочно устроить свои границы со стороны Китая, с другой – упрочить свое положение в Средней Азии настолько, чтобы в случае надобности возможно было действительно угрожать Англии»[21].

В этой связи 4 января 1882 г. сменивший Д.А. Милютина военный министр П.С. Ванновский на очередном межведомственном совещании

---

[17] РГИА. Ф. 1149. Т. X. 1888 г. Д. 49. Л. 47.

[18] Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 3. С. 280.

[19] См. подробнее: *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М., 1995.

[20] *Абакумов А.С.* Особенности управления русскими морскими силами на Тихом океане (1860–1897 гг.) // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 46–47.

[21] П.С. Ванновский – графу Н.П. Игнатьеву (16 февр. 1882 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47. Л. 14.

снова поставил вопрос об организации в Приамурском крае единого административного и военного района, что вызывалось, по его убеждению, необходимостью упрочения нашего положения на границах с Маньчжурией. Совещание в очередной раз рекомендовало объединить Амурскую и Приморскую области в одну – Приамурскую – с военным губернатором во главе. Последнему предполагалось предоставить «несколько большей власти губернатора и с подчинением его непосредственно министру внутренних дел» и упразднить недавно созданную должность владивостокского военного губернатора[22]. Военное министерство, воспользовавшись ситуацией, усилило ведомственный натиск на позиции Морского министерства. Главная задача теперь виделась не в охране дальневосточных морских рубежей, а в организации безопасности российско-китайской границы, вдоль которой и должны действовать три военных округа: Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Приамурский. Местнический административный сепаратизм сибирских генерал-губернаторов удалось сломить настойчивыми указаниями на необходимость упорядочить пограничные дела на всем протяжении границы с Китаем. С П.С. Ванновским согласился министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, в прошлом один из активных деятелей восточной политики. Александр III поддержал мнение двух министров, оставив на их докладе резолюцию: «Согласен». Дело сдвинулось с мертвой точки, хотя потребовалось еще два года, чтобы появилось Приамурское генерал-губернаторство.

Поскольку новый прилив интереса к преобразованию азиатских административных границ вызывался прежде всего обострением российско-китайских отношений в связи с так называемым «Илийским кризисом», то решили ограничиться преобразованием управления в этом регионе, упразднив в 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство и создав новое Степное генерал-губернаторство из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей с центром в Омске. МВД, очевидно, удовлетворенное тем, что Тобольская и Томская губернии отошли в его непосредственное ведение, предпочло не форсировать вопрос о Приамурском крае. Против выделения генерал-губернаторства на Дальнем Востоке выступил восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин. Он считал эту меру преждевременной, указывал на отсутствие удобного центра для генерал-губернаторства (Владивосток и Благовещенск в весенний и осенний периоды были надолго отрезаны от окраинных районов генерал-губернаторства). Не одобрял он и идеи включения в состав нового генерал-губернаторства Забайкальской области, предрекал большие сложности с управлением каторгой и горными

---

[22] П.С. Ванновский – графу Н.П. Игнатьеву (16 февр. 1882 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47. Л. 3–4.

промыслами[23]. Более предпочтительным ему казалось принять на высшем уровне пятилетний план развития Восточной Сибири, который он внес на рассмотрение Комитета министров в 1882 г. Но этот план не был утвержден из-за противодействия Министерства финансов, по обыкновению ссылавшегося на отсутствие необходимых средств.

Созданное в мае 1883 г. межведомственное Особое совещание по амурским делам, возглавляемое председателем департамента государственной экономии Государственного совета графом Э.Т. Барановым[24] должно было не только обсудить комплекс проблем, связанных с упорядочением административного устройства края, но и определить меры по укреплению военно-политических и экономических позиций России на Дальнем Востоке[25]. В пользу усиления местной власти появились новые и весьма веские аргументы. Маньчжурские власти явно стремились распространить свое влияние на китайское население Южно-Уссурийского края и подчинить его своему управлению и суду. Среди так называемых манзовских китайцев циркулировали слухи о том, что Южно-Уссурийский край находится лишь во временном владении России[26]. Китайцы продолжали держать в зависимости местных амурских жителей – гольдов (нанайцы), уверяя их в том, что рано или поздно Амурский край снова перейдет к Китаю[27]. Китайское население в Приамурье и Приморье оказалось фактически вне контроля местной администрации. В 1870-х гг. только одних морских продуктов было вывезено в Китай на сумму около 1 млн руб.[28] Попытки генерал-губернатора П.А. Фредерикса обложить морской промысел китайцев пошлиной не увенчались успехом. Вызывала опасение и политическая благонадежность живущих в России китайцев в случае войны с Китаем[29]. Опасная с военно-политической точки зрения концентрация китайского населения суще-

---

[23] Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина за 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 360–363.

[24] А не приморский военный губернатор И.Г. Баранов, как ошибочно указывает А.В. Умрихин, подчеркивая тем самым участие дальневосточной администрации в принятии важных политических решений. – *Умрихин А.В.* Очерки административно-территориального устройства Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Благовещенск, 2000. С. 45.

[25] Историческая справка о порядке управления сибирскими губерниями и областями (22 дек. 1903 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2937. С. 8-9.

[26] Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 195.

[27] Часть Амурской области между р. Буреею и Амгунью, исследованная в 1887 г. князем К.Н. Дадешкелиани // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 32. С. 268.

[28] *Ларин А.Г.* Китайцы в России. М., 2000. С. 11.

[29] [*Надаров И.П.*] Северно-Уссурийский край // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 27. С. 135.

ствовала на левом берегу Амура, вблизи Благовещенска, о чем предупреждал уссурийский пограничный комиссар Н.Г. Матюнин, обвиняя местную администрацию в бездействии[30].

Однако и Особому совещанию, несмотря на изменившуюся политическую обстановку, не удалось избежать серьезных разногласий по обсуждаемым вопросам, что свидетельствовало о неразберихе, продолжавшей царить в правительственных взглядах на перспективы дальневосточного региона. В этих условиях в столице предпочли переложить решение задач административного устройства на местные власти, указав на то, что в Приамурском крае, «по недавнему его присоединению к России и особенным местным условиям, администрация должна иметь характер, главным образом, организаторской деятельности, и потому, естественно требует значительной самостоятельности»[31]. Подчеркивалось, что эта самостоятельность необходима не только от Петербурга, но и от Иркутска, так как эффективно управлять краем будет способна только знакомая с его спецификой местная администрация, облеченная достаточными полномочиями.

Несообразность зависимости Дальнего Востока от Иркутска более всего представлялась именно в военном отношении. Основные сухопутные войска и флот оказывались на огромном удалении от центра военной и административной власти края. Такое положение негативно сказывалось на развитии торговли и промышленности, сосредоточенной на Амуре и побережье Тихого океана. Нужно было наделить главу дальневосточной администрации и некоторыми дипломатическими правами в отношении Китая и Японии. Остро стоял вопрос о хозяйственном освоении Дальнего Востока. Местная администрация предельно ясно формулировала эту потребность: «...Нужен нам этот край или не нужен? И если нужен, то должно, не теряя времени, обратить самое серьезное внимание на его нынешнее состояние, нужды и потребности и начать удовлетворение их немедленно и радикально»[32].

Выступая в 1885 г. на заседании, посвященном 25-летию присоединения Уссурийского края в Петербургском обществе для содействия русскому торговому мореходству, граф Н.П. Игнатьев, подписавший в 1860 г. Пекинский договор, обрушился с критикой на правительство, заявив, что за четверть века оно на Дальнем Востоке ничего не сделало. Растет зависимость края от иностранцев, заселение его идет медленны-

---

[30] *Матюнин Н.Г.* Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Там же. СПб., 1894. Вып. 58. С. 38–39.

[31] Журнал Особого совещания по Амурским делам (18 июня 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 62.

[32] Записка бывшего секретаря Главного начальника русских морских сил в Тихом океане [В. Крестовского] «О положении и нуждах Южно-Уссурийского края» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 130.

ми темпами, морские силы развиваются слабо, крепость во Владивостоке все еще не устроена надлежащим образом, Сахалин влачит жалкое существование «колонии ссыльных», а что касается Уссурийского края, «то Петербург махнул на него рукой, говоря, что это такая часть света, до которой не доскачешь вовеки». Вместе с тем он указывал на опасность пробуждения Китая и Японии, грозящей нам в близком будущем «немалой бурей»[33]. Главную причину убыточности дальневосточных владений империи редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков также видел в «слабости русского элемента» и зависимости русского крестьянина от иностранных эксплуататоров. В приниженном экономическом положении русского населения заключалась, по его убеждению, и серьезная политическая опасность, так как это «внушает нашим соседям на восточной окраине ложное понятие о силе и могуществе Русского государства»[34].

В вопросе о значении Дальнего Востока для России среди петербургских сановников продолжал преобладать взгляд на него, как на колонию, отличающуюся от колоний западноевропейских стран только наличием непрерывного сухопутного сообщения. Министр государственных имуществ М.Н. Островский, как бы отказывая этому краю в своем ведомственном внимании (именно его министерство было призвано заниматься вопросами переселения), заявил в Особом совещании, что на первый план должны быть поставлены военно-политические интересы, которые и вызвали усиленное внимание правительства на эту окраину для закрепления ее за нами, и потому взгляд министров военного и иностранных дел должен иметь в данном случае решающее значение[35].

Ставший к этому времени министром путей сообщения адмирал К.Н. Посьет предложил совершенно иной подход: «Смотря на эту страну как на колонию, необходимо по примеру других государств, владеющих колониями, прежде всего позаботиться о гражданском ее развитии, а не ставить на первый план интересы военные и политические. Если же в крае разовьется гражданская и экономическая деятельность, то он будет силен и в военном отношении»[36]. Поэтому Посьет предлагал разделить высшую военную и гражданскую власть в крае, назначив генерал-губернатором гражданское лицо, а в руках «военного генерала» оставить только командование войсками.

---

[33] *Глебов С.* Как был подписан Айгуньский трактат // Русская старина. 1914. № 3. С. 668-669.

[34] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1885 г. М., 1898. С. 65.

[35] Журнал Особого совещания по Амурским делам (10 янв. 1884 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 255.

[36] Там же. Л. 254.

Морское министерство продолжало отстаивать свой приоритет в определении направления дальневосточной политики. Управляющий Морским министерством И.А. Шестаков на заседании Особого совещания заявил, что только на Тихом океане российский флот имеет свободный морской выход, дающий «возможность борьбы с противниками нашими в Европе». Ссылаясь на авторитет Муравьева-Амурского, он настаивал на выделении из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства одной только Приморской области (с центром во Владивостоке), поставив ее военного губернатора в исключительную зависимость от Морского министерства. В своем дневнике Шестаков отмечал в связи с этим: «... Вопрос о делении Сибири очень интересует меня. Я вижу в нем будущее не только флота, но России...»[37].

Схожую позицию занял и специально приглашенный в Особое совещание П.В. Казакевич. Подчеркивая военно-стратегическое значение края, он напомнил присутствовавшим, что Амур занимался не для переселения туда избытка населения из Европейской России или для того, чтобы «заботиться в пустынных и диких местах о защите границы», и даже не для сбыта там мануфактурных изделий Восточной Сибири, которых у нее нет. Край этот был присоединен с целью «выйти из весьма стесненного положения, в котором мы находились на окраинах нашего Восточного поморья»[38]. Действия англо-французской эскадры во время Крымской войны показали уязвимость размещения российского флота на Камчатке, которая фактически отрезана от материка. Поэтому нужно было найти более надежный и удобный выход в океан, связав его сухопутным путем с Сибирью. Исходя из специфических потребностей российского тихоокеанского побережья, было бы вполне достаточно, по его мнению, выделить одну Приморскую область и повысить статус ее губернатора.

И.А. Шестаков, не получив серьезной поддержки в Особом совещании, попытался привлечь на свою сторону брата царя, генерал-адмирала, вел. кн. Алексея Александровича[39]. Об этом свидетельствует весьма красноречивая запись в дневнике Шестакова, датированная 13 июня 1883 г.: «Сообщил вел. кн. Алексею Александровичу свой взгляд на предстоящую конференцию по административному делению Восточ-

---

[37] Дневник И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3. Л. 46. Запись 29 июня 1883 г.; см. также: *Кондратенко Р.В.* Из истории разработки плана крейсерской войны на Тихом океане // Российский флот на Тихом океане: История и современность. Владивосток, 1996. Вып.1. С. 34–38.

[38] Мнение П.В. Казакевича (23 янв. 1884 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 259.

[39] С воцарением Александра III влияние на политические дела ярого сторонника морских приоритетов в освоении Дальнего Востока вел. кн. Константина Николаевича прекратилось, и он был вынужден уйти из активной политической жизни.

ной Сибири. Говорит, что армейцы не согласятся, чтобы приморский край перешел в морские руки. Нужно предложить, чтобы зависел от генерал-адмирала, как прежде все берега во Франции от него зависели»[40]. Не соглашался Шестаков и с включением в Приамурское генерал-губернаторство Забайкальской области. На заседании 18 июня 1883 г. он прямо заявил, что отрыв Забайкалья от Иркутска создаст искусственную преграду «для скрепления его с ядром государства». Кроме того, считал он, в Иркутске находится «центр всей промышленной и торговой деятельности Забайкалья; там же группируются интересы золотопромышленности; связи же его с Амурским краем слабы и ничтожны»[41].

Очевидно, И.А. Шестаков был не одинок, свои резоны по поводу Забайкалья были и у обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Позднее, в феврале 1891 г., в письме находящемуся в Забайкалье цесаревичу Николаю Александровичу он пояснял: «В 1884 г. от иркутского генерал-губернаторства отделена Забайкальская область к приамурскому. Это сделано в стратегических видах, но в административном отношении очень неудобно, так как Забайк[альская] область и по природе, и по составу населения составляет одно с Иркутским краем. Этим разделением разбит, к сожалению, бурятский вопрос, очень важный для Сибири, в разные руки»[42]. Причину конфликта генерал-губернатора А.Н. Корфа с камчатским епископом Гурием и иркутским архиепископом Вениамином Победоносцев видел в том, что главными деятелями в религиозных вопросах на окраинах «в канцеляриях были или немцы, или русские, не имевшие духовных связей с русским народом и историей»[43].

Желая привлечь на свою сторону начальника Главного тюремного управления (ГТУ) МВД М.Н. Галкина-Враского, И.А. Шестаков упомянул и о том, что выделение Забайкальской области из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства отрицательно скажется на постановке тюремно-каторжного дела. Но Галкин-Враский не поддержал Шестакова. К признанию необходимости создания объединенной группировки дальневосточных областей и Забайкалья он пришел во время поездки через Сибирь на Дальний Восток в 1881–1882 гг. «Польза же от этой меры разделяется тут всеми, – писал он, – да вряд ли возможно отрицать значение ее, как в административном отношении, сокращая расстояния и приближая центральные управления, так и в военном и политическом отношениях в ближайшей смежности с китайской грани-

[40] Дневник И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

[41] Журнал Особого совещания по Амурским делам (18 июня 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 65.

[42] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 298.

[43] Там же.

цей»[44]. В октябре-ноябре 1882 г. отчет Галкина-Враского рассматривал Совет по тюремным делам[45], который также связал развитие тюремного дела в крае с более широкими задачами управления Дальним Востоком и поддержал начальника ГТУ в его взглядах на административное устройство края. Очевидно, ему удалось склонить на свою сторону и министра внутренних дел Д.А. Толстого. Галкин-Враский заявлял, что хозяйственное развитие нового генерал-губернаторства будет невозможно без более развитой в экономическом отношении Забайкальской области. В неурожайные годы только Забайкалье сможет снабжать Приамурский край хлебом. Не придавал он большого значения и забайкальским экономическим контактам с Иркутском. По его словам, «стоит перенести генерал-губернаторское управление из Иркутска и те ничтожные связи с ним Забайкалья, которые ныне существуют, будут совсем порваны, за исключением Верхнеудинского района»[46]. Вместе с тем в Забайкалье находятся значительные воинские силы, столь необходимые для охраны китайской границы. Не представит особых осложнений и управление каторгой, так как и теперь оно фактически находится в руках забайкальского военного губернатора. Кроме того, в будущем проектируется сосредоточить каторгу в основном на Сахалине. Раздосадованный Шестаков записал в дневнике: «Спор об административном делении Сибири. Я бросал камни в Галкина и не согласился с общим взглядом»[47].

Вопрос о Забайкальской области стал предметом специального обсуждения Особого совещания 10 января 1884 г. И в этот раз Шестаков остался фактически в одиночестве. Большинство членов совещания настояло на включении Забайкалья в состав нового генерал-губернаторства. Член Государственного совета М.Е. Ковалевский вообще считал, что «вопросы экономические имеют второстепенное значение», главное – соединить охрану границы с Китаем в одних руках[48]. Эта позиция игнорировала интересы забайкальского населения, которое отнеслось к этой мере в основном отрицательно, обвиняя правительство в том, что оно пожертвовало громадной областью с полумиллионным населением в пользу «высших государственных соображений»[49]. Усложни-

---

[44] Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 193.

[45] В его состав входили члены Государственного совета М.Н. Любощинский, К.П. Победоносцев, М.Е. Ковалевский, сенаторы Э.В. Фриш, А.Д. Шумахер, С.А. Мордвинов, а также будущий министр юстиции Н.В. Муравьев.

[46] Журнал Особого совещания по Амурским делам (18 июня 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 66.

[47] Дневник И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1 Д. 3. Л. 44. Запись 21 июня 1883 г.

[48] Журнал Особого совещания по Амурским делам (18 июня 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 254.

[49] Восточное обозрение. 1883. 11 авг.

лось и управление Забайкальским казачьим войском, которое до строительства железной дороги часто бывало отрезано от Хабаровки, да и приамурское начальство предпочитало заниматься забайкальскими делами по остаточному принципу. Проблемы Забайкалья «затмевались видами дальневосточной политики»[50].

Большинство членов совещания признало Приморскую область слишком большой по размерам и слишком разнородной в социально-экономическом отношении, что может затруднить управление. Поэтому предлагалось разделить ее на две самостоятельные области: Камчатскую (Камчатка, Сахалин и Командорские острова) и Уссурийскую (г. Владивосток и Уссурийский край), а оставшуюся часть присоединить к Амурской области. Особое внимание правительства при этом должно сосредоточиться на Южно-Уссурийском крае, как имеющем наибольшее военно-политическое и колонизационное значение. Центром нового генерал-губернаторства проектировалось сделать Благовещенск, в котором, по утверждению М.Н. Галкина-Враского, независимо от центрального положения имеются здания для первоначального размещения генерал-губернаторского управления. Против Благовещенска решительно возражал только И.А. Шестаков, считая, что административным центром должен остаться Владивосток «как средоточие военно-морской деятельности будущего генерал-губернаторства»[51]. Впрочем, члены Особого совещания на Благовещенске особо не настаивали, полагая, что будущий генерал-губернатор сам выберет город для своей резиденции.

Государственный совет, куда вопрос о Приамурском генерал-губернаторстве был внесен после обсуждения в Особом совещании, подошел к планам административно-территориального переустройства Дальнего Востока с известной осторожностью, присущей этому весьма консервативному и сложному по политическим пристрастиям учреждению. Согласившись на включение в новое генерал-губернаторство Забайкальской области, с переделом Приморской области решили не спешить. Очевидно, сыграла свою роль неуступчивость И.А. Шестакова, на что указывает его запись в дневнике о заседании Государственного совета 26 мая 1884 г.: «Я опоздал и потребовал, чтобы военное губернаторство в Уссурийской области было соединено с главным командирством. Обручев (Н.Н. Обручев – начальник Главного штаба. – А.Р.) воспротивился, но я настаивал. Решили не делать теперь, как представляет Толстой (министр внутренних дел. – А.Р.), а представить генерал-

[50] *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. III. С. 227.

[51] Журнал Особого совещания по Амурским делам (18 июня 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 67.

губернатору решить вопрос ответом: Defere et pas encore perdu[52]. Но военные хотят всем завладеть. Поможет ли мне Алексей (вел. кн. Алексей Александрович. – А.Р.) отстоять»[53]. Об этом заседании содержатся сведения и в дневнике государственного секретаря А.А. Половцова: «В соединенных департаментах (законов и государственной экономии. – А.Р.) обсуждение проекта Приамурского генерал-губернаторства. Неполнота сведений поразительна. Решено назначить генерал-губернатора (бар. Корфа), а уже ему предоставить сделать подробное представление об атрибутах своей должности и в особенности территориально-административной перетасовке»[54].

Несмотря на сохранявшиеся разногласия, все же восторжествовала точка зрения о необходимости создания на Дальнем Востоке самостоятельной и сильной власти, которая бы объединила управление в регионе. 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Забайкальская, Амурская и Приморская области, остров Сахалин, а также Владивостокское военное губернаторство. М.И. Венюков писал по этому поводу: «Таким образом, проект нашей комиссии, работавшей в 1873–74 годах, наконец, осуществился сполна... да, ровно через 10 лет, как подобает при господстве бюрократии. Но лучше поздно, чем никогда. Только жаль, что Забайкалье не разделили надвое: Кяхта будет теперь зависеть от Хабаровки, хотя Иркутск под боком. – Генерал-губернатором на Амуре назначен начальник 13 пехотной дивизии Корф, бывший когда-то начальником штаба у Альбединского, в Риге. На Амуре он, разумеется, не бывал: гражданские доблести успел выказать только раз в жизни, при вырывании в Крыму зараженных филоксерой виноградных лоз; но на что же какому-нибудь Амуру лучшего правителя? Главное, чтобы последний нравился в Петербурге, по той или другой причине...»[55]. Административным центром стала Хабаровка, переименованная в 1893 г. в город Хабаровск, «город казарм и канцелярий», где «сразу зажили «весело и шумно»[56]. В законе специально подчеркивалось: «Избрание населенного места в пределах Приамурского края для постоянного пребывания главного начальника онаго и состоящего при нем управления предоставить самому генерал-губернатору с тем, чтобы об избранном месте постоянного пребывания, а равно о каждой перемене онаго он доносил Правительствующему Сенату, доводил до сведения министерств и главных управле-

---

[52] Передать – не значить еще потерять (франц).

[53] РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

[54] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 226.

[55] *Венюков М.И.* Приложение к моим воспоминаниям // Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. М., 2002. С. 186.

[56] *Торгашов П.И.* Сибирские воспоминания 1883–1903 // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 158.

ний и объявлял во всеобщее сведение посредством припечатания в местных ведомостях»[57]. Одновременно Восточно-Сибирский военный округ был разделен на Иркутский и Приамурский округа. Приамурскому генерал-губернатору, наряду с главноначальствующим на Кавказе, генерал-губернаторами в Одессе и Финляндии, был дан флаг, что должно было подчеркнуть высокий статус главного начальника края[58].

Назначенному приамурским генерал-губернатором барону А.Н. Корфу поручалось в течение трех лет не только ознакомиться с краем, но и представить предложения по его административному устройству и хозяйственному развитию. Как вспоминал А. Кайзерлинг, служивший при Корфе чиновником для особых поручений, у генерал-губернатора была «идея управлять Амурской областью не как российской губернией, а как самостоятельной колонией»[59]. Для этого он хотел добиться хозяйственной «автаркии» края, чтобы не зависеть от ввоза продовольствия и других предметов первой необходимости, увеличить численность «полноценного» (а не ссыльного) русского населения и до времени «не будить спящего гиганта – Китай – и не дразнить Японию, пока Россия не укрепит свою самую отдаленную область, создав на Тихом океане флот, большую колониальную армию и надежное снабжение»[60].

Для выполнения столь сложных задач А.Н. Корф решил собрать в Хабаровке съезд высших местных чиновников и так называемых сведущих людей. Основной целью съезда должна стать выработка программы освоения Дальнего Востока с последующим ее утверждением на высшем уровне. Это позволило бы придать дальневосточной политике определенную преемственность, что было совершенно необходимо в условиях межведомственных противоречий, раздиравших местное управление, и при частой смене министров и глав местной администрации. Генерал-губернатор надеялся, что ему удастся опереться на поддержку министра внутренних дел Д.А. Толстого и командующего императорской главной квартиры О.Б. Рихтера. С последним Корфа связывала не только совместная служба в гвардии, но и учеба в Пажеском корпусе. В марте 1883 г. Рихтер накануне коронации обратился к Александру III с проектом реформ, где, в частности, предусматривалась децентрализация местного управления. Предлагалось ограничить полномочия центральных органов власти выработкой программ развития отдельных регионов, предоставив генерал-губернаторам широкую самостоятельность в их реализации. Основная задача, полагал Рихтер, состоит в том, «чтобы верно сгруппировать административные центры, т.е. составить их

[57] ПСЗ-III. № 2324. Ст. III.
[58] ПСЗ-III. № 2481. 27 авг. 1884.
[59] *Кайзерлинг А.* Воспоминания о русской службе. М., 2001. С. 257.
[60] Там же. С. 288.

из возможно однородных частей»[61]. В помощь генерал-губернаторам создавались бы советы из местных дворян, которые своими познаниями могли содействовать власти в деле изучения и управления края.

А.Н. Корф, прибывший на мало ему знакомый Дальний Восток, очевидно, стремился придерживаться схожих правил. Именно О.Б. Рихтеру одному из первых он сообщил о своем намерении пригласить для совещания губернаторов и лиц, хорошо знающих край, его нужды. В телеграмме 18 января 1885 г. Корф высказал и некоторые опасения по поводу своей инициативы, зная негативное отношение царя к всякого рода представительным учреждениям: «Боюсь газеты перетолкуют, предупреждаю во избежание недоразумений. Телеграфируй впечатление»[62]. Не случайно было и то, что о результатах I Хабаровского съезда Корф сообщил в первую очередь Рихтеру, на день раньше, чем министру внутренних дел.

Хабаровские съезды (их было всего четыре – 1885, 1886, 1892 и 1903 гг.) имели совещательное значение. На них, наряду с чиновниками, приглашались известные местные промышленники, купцы, агрономы и т. д.[63] Если в работе I съезда приняло участие 34 чел., II съезда – 73 чел. (в том числе 29 приглашенных «сведущих людей»), III – 78, то на IV – уже 150 чел. Ход заседаний подробно освещался прессой, были опубликованы отдельными изданиями материалы всех четырех съездов[64]. Корф специально разъяснял участникам съездов, что они «не выборные, а избранные мною, не решители судеб края, а те люди дела и жизни, которых я прошу высказывать свои взгляды и убеждения», предоставив себе самому «выбрать из слышанного от вас и применить к делу, что возможно"[65]. Обращаясь к собравшимся на первый, а затем и на второй съезд, он неоднократно повторял, что «один в поле не воин», и прямо просил: «Господа, помогите мне, дайте мне узнать край, его нужды и тем самым дайте мне возможность сказать Государю с полным убеждением в безошибочности моих взглядов: «Вот, Государь, что нужно твоей далекой окраине»[66].

---

[61] Записки О.Б. Рихтера о необходимости государственных реформ (26 марта 1883 г.) // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 559. Л. 3; см. также: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 60, 168.

[62] А.Н. Корф – О.Б. Рихтеру (18 янв. 1885 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

[63] Амурский военный губернатор обратился за содействием к крупным торговцам и золотопромышленникам области В.М. Кухтерину, И.А. Котельникову, П.А. Биршерту, А.И. Нерпину, Х.П. Тетюкову, Ф.И. Пекуру и др. Участие в подготовке материалов к съезду приняла Благовещенская городская дума.

[64] Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Хабаровка, 1885. 34 с.; *Надаров И.П.* Второй съезд губернаторов и других представителей в Хабаровке в 1886 г. Владивосток, 1886. 79 с.; Труды III Хабаровского съезда губернаторов. Обработано Н.А. Крюковым. Хабаровск, 1893; Труды IV Хабаровского съезда, созванного приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. Хабаровск, 1903. 262 с.

[65] Труды III Хабаровского съезда. Хабаровка, 1893. С. 9.

[66] *Надаров И.П.* Второй съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Владивосток, 1886. С. 2.

I Хабаровский съезд проходил с 15 по 24 января 1885 г., а II съезд – с 20 января по 11 февраля 1886 г. На II съезде для предварительного рассмотрения вопросов действовало 7 специальных комиссий, а на общих заседаниях обсуждались в основном заключения этих комиссий.

Наиболее важные вопросы, касающиеся политического и административного устройства края, рассматривались на закрытых заседаниях, куда допускались только высшие представители местной администрации. Сохранился рукописный вариант «Программы совещания на съезде губернаторов Приамурского края в Хабаровке в 1885 г. под председательством Приамурского генерал-губернатора», а также черновые записи прений на закрытых губернаторских заседаниях.

Ввиду важности «Программы» с точки зрения выяснения правительственных воззрений на край приведем ее основные разделы[67].

«I. Какие цели наметить для управления краем.

А. Задачи, требуемые общими государственными интересами.

а) Какое значение имеет край по своему положению на берегах Тихого океана? В чем состоит влияние этого положения на нашу торговлю и на политику нашу в Европе?

б) Какое значение имеет соприкосновение края на протяжении 4 000 верст с Китайской границей?

в) Значение края как источника богатства, т.е. государственных доходов?

Вывод из всех трех вопросов: как смотреть на край: как на колонию или как на часть метрополии.

Б. Задачи, направленные к преуспеянию и развитию Приамурского края.

а) Какие имеются данные, т.е. источники, для материального развития страны?

б) В каком направлении должен развиваться край, т.е., что из него может, а следовательно, и должно создаться. Должна ли это быть земля исключительно хлебопашцев и притом общинников или в стране желательны также более или менее крупные собственники?

в) Должно ли заботиться о развитии вывозной торговли и в чем могут состоять предметы этой торговли?

г) Должно ли теперь же и до какой степени принимать особые меры для сбережения леса, рыбы, металлов, каменного угля и всех вообще других естественных богатств края?

---

[67] Программа совещания на съезде губернаторов Приамурского края в Хабаровке в 1885 г. под председательством приамурского генерал-губернатора. Б.м., б.г. (Рукописный экземпляр программы хранится в книжном фонде Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. – № 18.68.1.459).

д) Насколько желательно или возможно допускать заселение края, в смысле постоянной оседлости или лишь временного пребывания, иностранцами вообще и китайцами и корейцами в особенности? Какую пользу могут принести краю обитающие в нем инородцы и в частности маньчжуры Амурской области; какое положение, права и обязанности должны они иметь в крае; в чем наши задачи по отношению к ним?

е) Можно ли допускать в край евреев на постоянное жительство или на временное пребывание.

II. На какие средства достигать поставленных целей.

а) Насколько и до каких пор должен край рассчитывать на общегосударственные средства для покрытия всех расходов, вызываемых существованием его как части России?

б) Какие расходы края должны падать на общегосударственные средства, и какие удовлетворяться местными доходами, когда край будет иметь достаточно их для того, чтобы быть в состоянии самому себя содержать?

в) Выгодно ли привлекать в край иностранные капиталы и на какие предметы и не представляется ли в этом опасности для умаления и даже утраты русской национальности страны?

г) Представляется ли возможным и желательным учреждение русских торговых обществ и компаний и каких именно, т.е. получающих субсидии от правительства или без субсидий для всякого рода промышленности и торговли.

III. Развитие экономических сил страны для достижения поставленных целей.

а) Чем должна определяться численность желаемого для края населения?

б) Как велико должно быть и как велико может быть число русских переселенцев для обеспечения края от утраты русской национальности и для возможности оборонять его?

в) Сколько имеется земли, не требующей расчистки из-под леса, которая может быть отведена под переселенцев?

г) Должна ли часть этого пространства быть отведена для заселения иностранцами и каких именно национальностей? <...>.

е) Что брать в соображение для определения последовательности заселения края и как определить эту последовательность?

ж) Желательно ли и возможно ли привлечение в край русских рабочих и мастеровых, не наделяя их землею?

з) *Из каких местностей должно привлекать переселенцев? Каким путем их направлять?*

и) *На какие средства должно производить переселение и в чем должна состоять правительственная помощь, переселенцам оказываемая? Какие должно давать льготы и на какой срок?*

к) *Какое должно давать хозяйственное устройство переселяющимся крестьянам и в зависимости от этого устройство их поселков?*

л) *Какие необходимо принимать меры для развития земледелия?*

м) *Какие необходимейшие дороги, без которых заселение края невозможно? Какого типа должны быть первоначально устраиваемые дороги?*

н) *Какие необходимейшие железные дороги? Каким влиянием могут отразиться железные дороги Приамурского края на ходе русской торговли?*

о) *Какие имеются способы к развитию сообщений речных, какие должно принимать меры для улучшения фарватеров рек и насколько при этом необходима правительственная помощь?* <...>.

п) *Какие имеются в крае промыслы и как их эксплуатировать?*

р) *Какие имеются богатства в недрах земли и как эксплуатировать?*

с) *Какие должно поощрять промышленные заведения?*

т) *Развитие торговли вообще, ввозной и вывозной?*

у) *Об установлении повинностей государственных, земских и общественных; денежных (подушной, поземельной) и натуральных (воинской, подводной, квартирной, дорожной и т.п.)?*

ф) *Об установлении пошлин промысловых и торговых?*

х) *Какое значение имеет северное побережье? Его будущность? Возможность поднять его экономическое благосостояние? Снабжение продовольствием?*

IV. *Отношение края к соседним государствам.* <...>.

V. *Оборона края.* <...>.

VI. *Административное разделение края. Организация управления всем краем и отдельно каждою областью.*

А. *Состав Приамурского края и разделение его на отдельно управляемые единицы.*

а) *Весь ли район, входящий в настоящее время в состав края, должен для достижения намеченных целей быть в управлении одного лица или же уменьшение этого района даст возможность вернее и тверже вести край к цели? Если район должен*

быть уменьшен, то какие части края нужно исключить из его состава?

б) Как должна быть разделена остальная часть края на области и какие границы назначить каждой области?

в) Какие пункты должны быть выбраны для местопребывания генерал-губернатора и губернаторов?

Б. Организация управления краем.

а) Цель управления генерал-губернатора?

б) Какие органы управления должен иметь генерал-губернатор?

в) Должно ли иметь отдельно в каждой области: суд и какой именно, управление государственными имуществами, финансовые и контрольные учреждения, управление крестьянами и устройство такого управления? В какой мере все это может быть общее для нескольких областей?

В. Административные учреждения в какой области отдельно и в чем должно состоять расширение прав губернаторов?»

Хроникер II Хабаровского съезда И.П. Надаров отмечал, что политических вопросов на съезде не касались, тем не менее генерал-губернатор не мог не указать на политическое значение Приамурского края, придвинувшего Россию к берегам Великого океана, «где в настоящее время начинают сосредоточиваться коммерческие и военные интересы Европейских держав», что может оправдать те убытки, которые вынуждено нести государство по содержанию края[68].

Обсуждение проблем административно-территориального устройства российского Дальнего Востока оказалось в центре оживленной полемики на закрытых заседаниях съезда. Это касалось как вопроса о выделении из Приморской области Камчатки и Сахалина, так и целесообразности вхождения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства. Однако большинство участников закрытого заседания поддержало А.Н. Корфа, настаивало на сохранении Приморской области в объеме Уссурийского края и образовании Камчатской области с центром во Владивостоке. Кроме того, предусматривалось соединить в одном лице должности камчатского губернатора и главного командира портов Восточного океана. Баранов с этим не согласился и подал особое мнение, отстаивая идею единства управления всем морским побережьем.

При обсуждении вопроса о Забайкальской области А.Н. Корф высказал сомнение в целесообразности ее присоединения к генерал-губернаторству, так как генерал-губернатор не сможет уделять ей долж-

---

[68] *Надаров И.П.* Второй съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Владивосток, 1886. С. 77–78.

ного внимания. Но забайкальский губернатор Я.Ф. Барабаш поспешил его «успокоить», заявив, что Иркутск и раньше предавал забайкальские интересы административному забвению. Отдаленность Читы от Хабаровки не может служить помехой, необходимо только расширить прерогативы военного губернатора области. Барабаш попытался провести идею о том, что генерал-губернатор должен больше доверять губернаторам. Если же генерал-губернатор станет сам вдаваться во все мелочи, то тогда действительно не сможет управлять огромным регионом. Баранов, явно почуяв выгоду, охотно поддержал своего коллегу, заявив, что обширность территории не может служить препятствием для единства власти в одних руках, «так как вся обширная Россия управляется лишь одним лицом – Государем Императором»[69]. Генерал-губернатор, по его мнению, – вторая инстанция после царя и поэтому обязан быть руководящей властью, а не исполнительной. Это была своеобразная региональная трактовка монархического принципа, что царь правит, но не управляет. Подобные рассуждения, очевидно, понадобились Баранову для того, чтобы еще раз указать на необоснованность ссылки на размеры Приморской области в качестве причины ее раздела. На следующем заседании (21 января 1885 г.) он попытался развить эту тему, принявшись разъяснять суть взаимоотношений генерал-губернатора и губернаторов. Его позиция в данном вопросе выглядела следующим образом: каждый губернатор, получив от высшей инстанции программу действий, направляет подчиненные ему учреждения к ее исполнению. Однако Корф нашел, что при подобной трактовке губернатор ничем не будет отличаться от генерал-губернатора. Губернаторы явно претендовали на большую самостоятельность, чем это было предоставлено законом и освящено управленческой практикой.

Данное противоречие являлось отражением сложной управленческой проблемы: следует ли считать губернатора органом надзора или исполнения?[70] В этой связи был поставлен вопрос о самой сути генерал-губернаторской власти в ее соотношении с властью губернаторов. Дело в том, что полномочия губернаторов на окраинах были ограничены властью генерал-губернатора. Например, непосредственные сношения губернаторов с министерствами допускались лишь в редких случаях. Но вместе с тем на окраинах губернаторы не были стеснены в своих действиях наличием разветвленной системы местных ведомственных учреждений, органов земского и дворянского самоуправления, а также реформированного в 1864 г. суда. Кроме того, на Дальнем Востоке в руках

---

[69] Журнал № 1 комиссии под председательством А.Н. Корфа (янв. 1885 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 63. Л. 25.

[70] См.: *Блинов И.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; *Гессен В.М.* Губернатор как орган надзора. СПб., 1912.

губернатора была сосредоточена не только гражданская, но и военная власть. Даже само их определение к должности зависело, кроме МВД, от военных ведомств. Дальневосточные области отличались упрощенной структурой органов местного управления. В отличие от сибирских губерний здесь не было создано областных советов. В 1867 г. губернаторская канцелярия в Приморской области была заменена областным правлением, но деятельность его не была регламентирована и во многом напоминала прежнюю канцелярию. Приморские военные губернаторы до 1880 г. даже собирали областной совет, хотя он не был официально учрежден[71]. В Амурской области вообще не существовало областных учреждений, а все вопросы управления ведались самим губернатором и его канцелярией. Для всех дальневосточных областей были общими Приамурское акцизное управление и Амурская контрольная палата; для Амурской и Приморской областей учреждена была одна общая Амурская казенная палата; существовала только окружная система судебных учреждений. Начатая в 1885 г. в Приамурье судебная реформа была, как отмечали современники, «кастрического типа»[72]. Уездные суды заменили окружными судами с ограниченной компетенцией, губернский же суд продолжал находиться в Иркутске, судебных следователей не хватало и их обязанности по-прежнему исполняла полиция.

Военным губернаторам было предоставлено право назначать места для водворения ссыльных, регламентировать режим содержания ссыльно-каторжных и т.п.[73] Корф считал, что в дальневосточных областях, где гражданская власть только формируется, она по необходимости должна основываться на принципе единоличного губернаторского управления. Областные правления только неоправданно усложнят административную структуру и останутся сугубо бюрократической передаточной инстанцией между губернатором и областными учреждениями. Коллегиальное начало, заложенное в основу организации областного правления, не может быть реализовано при полной зависимости его советников от губернатора. В качестве примера Корф указывал на то, что за 19 лет существования приморского областного правления оно ни разу не вошло в разногласие с губернатором, послушно выполняя его волю. Поэтому, доказывал он, краю «нужны учреждения более деятельные и живые с возможно упрощенными формами делопроизводства, соответствующие живой, не укладывающейся в известные рамки жизни, вполне подчиненные высшей в каждой области административной власти, а потому

---

[71] Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф – министру внутренних дел Д.А. Толстому (30 мая 1886 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 110.

[72] *Торгашов П.И.* Сибирские воспоминания 1883–1903 // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 158.

[73] *Ивановский В.В.* Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. С. 16–21.

организованные губернаторской канцелярией»[74]. Но Корф признавал полезным создание областных советов, которые бы позволили губернаторам объединять все отрасли управления в области.

А.Н. Корф настаивал на расширении власти губернаторов, утверждая, что губернаторы «не суть наблюдатели за подчиненными или органами, а они сами исполнители. Губернатор есть хозяин области, который должен сам все знать, сам видеть»[75]. Поэтому губернатор не может ограничиваться только «направлением и наблюдением», он обязан быть прежде всего исполнителем поручений генерал-губернатора. Корф настаивал на том, что губернатор обязан постоянно быть в своей области и нести непосредственную ответственность перед законом за ее состояние.

I и II Хабаровские съезды должны были дать ответ на один из самых важных вопросов региональной политики на Дальнем Востоке – «как смотреть на край: как на колонию или как на часть метрополии?»[76]. В ответах, представленных съезду, содержатся любопытные рассуждения по этому поводу: «Имея в виду, что колония по отношению к метрополии служит ареной или для эксплуатации ее естественных богатств, или местом для сбыта произведений метрополии, составляющих излишек потребления внутри страны, и имеет всегда более или менее самостоятельное от метрополии управление, Амурский край, не говоря уже про Забайкальскую область, не подходит под вышеуказанные условия. Край этот не только не несет никаких материальных выгод для Европейской России, но в настоящее время служит бременем для нее, дабы впоследствии сослужить ей службу и сторицею возвратить все произведенные на него затраты, при условии, если в водах Тихого океана будут сосредоточены морские силы России»[77]. Об этом же Корф публично заявил и при открытии II Хабаровского съезда 20 января 1886 г.: «Край наш не колония, которую метрополия желает скорее обобрать и потом бросить. <...> Понадобятся деньги и средства – они будут, их дадут. Но для этого нужно знать, на что они требуются»[78]. Но это заявление Корфа звучало излишне оптимистично. Государственный совет в 1888 г. вынужден был признать, что за тридцать лет обладания Приамурьем правительство мало что сделало для него, и эта «часть азиатских наших владений и поныне осталась не более как русскою колониею на Дальнем

---

[74] Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф – министру внутренних дел Д.А. Толстому (30 мая 1886 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 113.

[75] Журнал № 2 заседаний комиссии об административном разделении края, организации управления всем краем и отдельно каждой областью // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 34. Л. 30.

[76] Программа совещания... Л. 1.

[77] Краткие ответы на вопросы, поставленные программой совещания съезда губернаторов Приамурского края для всестороннего обсуждения их на съезде // РГА ДВ. Ф.702. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.

[78] *Надаров И.П.* Указ. соч. С. 2.

Востоке, все еще ожидающей своего заселения, разработки обильных естественных своих богатств и насаждения европейской в ней культуры»[79].

Результатом работы съездов стал проект комплексной программы деятельности приамурской администрации, рассчитанной на 8–10 лет, с ежегодным финансированием около 400 тыс. руб. В проекте было особо подчеркнуто, что Дальний Восток имеет для империи исключительно политическое значение и служит пока лишь «удобным и естественным местом для ссылки на каторгу»[80]. Но для Корфа было важно подчеркнуть стратегическое значение края для будущего Российской империи и обратить взоры петербургских политиков с запада на восток: «Если слабая сама по себе Англия имеет значение первоклассной державы потому, что опирается на Азию, то какова же будет политическая сила могущественной России, когда она успеет также прочно укрепиться на Дальнем Востоке, и не подлежит сомнению, что надежная точка опоры там сослужит нам не меньшую службу, чем самое неприступное закрепление наших европейских границ»[81].

Проект намечал меры по хозяйственному освоению региона, связав эту задачу с его колонизацией. Именно русское население должно было стать надежным оплотом России на Дальнем Востоке, предохранив край от нежелательного наплыва китайцев и корейцев, которых к 1886 г. в Приамурье насчитывалось уже до 36 тысяч. Русское население, прежде всего казачество, повысит обороноспособность края, даст новобранцев для армии, которым будут понятны и близки цели, преследуемые правительством в дальневосточной политике. Таким образом, переселенческий вопрос приобрел первоочередное политическое значение. Во всеподданнейшем отчете за 1884–1886 гг. Корф высказался по этому поводу с полной определенностью, заявив, что «если эта дальняя окраина должна принадлежать России, то ее следует заселить русскими, хотя бы это стоило правительству немалых затрат; если же нет, то лучше теперь уступить ее Китаю, потому что отстоять ее от стихийного завоевания многомиллионным соседом одними лишь войсками невозможно»[82]. Для закрепления в крае русского населения следует разрешить все формы собственности на землю, в том числе и частную.

Позднее, выступая 20 января 1893 г. на торжественном обеде участников III Хабаровского съезда, Корф отметил как отрадное явление

---

[79] Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 2.

[80] Программа деятельности администрации Приамурского края // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1887 г. Д. 55. Л. 321. 14 апреля 1887 г. А.Н. Корф передал программу министру внутренних дел Д.А. Толстому.

[81] Там же. Л. 321–322.

[82] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 133.

рост земельных собственников: «...земельная собственность, господа, великая вещь. Кто работает на своей земле, тот работает уверенно, край, где он живет, становится для него и его детей не только отчизной, но и родиной. Только при таких условиях край может рассчитывать на прочное развитие. Русская тема звучала несколько раз в этом выступлении. Корфу было важно внушить всем присутствующим смысл национальных интересов России в регионе, акцентируя внимание присутствующих на том, «что мы, русские люди, придя сюда, принесли с собой русские потребности, привычки и не перестали быть русскими людьми»[83].

Развитию промышленности в проекте программы уделялось весьма скромное место. Основная задача местной администрации сводилась к исследованию и охране природных ресурсов. Намечались и пути совершенствования местного государственного аппарата. Но предлагаемые меры были в сущности традиционными: поиск наиболее оптимального административно-территориального деления региона, усиление власти на местах и улучшение качественных характеристик дальневосточного чиновничества. Огромная территория и отсутствие надежных путей сообщения, невозможность организовать надзор за низшими представителями власти и суда обрекали население на произвол и беззаконные действия верхушки местного крестьянского и инородческого самоуправления. Чтобы снизить остроту этой проблемы, предполагалось создать институт участковых крестьянских начальников (аналог земских начальников Европейской России) с приданием им функций мировых судей[84].

Для обеспечения прочности границ предлагалось обратить внимание на экономическое и правовое положение бурят, поставив их в лучшие условия по сравнению с заграничными монголами. Но предусматривалось применять всякие административные меры, касающиеся забайкальских инородцев, крайне осмотрительно и осторожно. Это замечание относилось прежде всего к миссионерской деятельности православной церкви.

Утверждение программы в Петербурге натолкнулось на противодействие центральных ведомств, и в первую очередь Министерства финансов, которое отвергло программу, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, защищая отраслевой принцип управления, оно считало, что все преобразования должны совершаться через министерства, и,

---

[83] Речь, произнесенная приамурским генерал-губернатором генерал-адъютантом бароном А.Н. Корфом в присутствии членов 3-го Хабаровского съезда на обеде, состоявшемся 20 января 1893 г. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 22, 24.

[84] В 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской области, а в 1902 г. в Амурской и Приморской областях.

во-вторых, традиционно ссылалось на недостаток средств. С государственно-охранительных позиций против частной собственности, как крупной, так и мелкой, высказался министр государственных имуществ М.Н. Островский. По его мнению, заселение преследует «специальную цель водворения в известной местности людей, могущих удовлетворять особым видам правительства, тогда как предоставление таковых земель в полную собственность с правом отчуждения отнимет у правительства возможность регулировать заселение края сообразно с предположенными целями»[85].

Морское министерство и на этот раз не преминуло вмешаться и организовало давление на А.Н. Корфа. И.А. Шестаков писал приамурскому генерал-губернатору 16 октября 1885 г. о том, что тихоокеанский флот еще очень слаб и требует значительных затрат. «Но с переходом власти и ответственности в другие руки, – угрожающе намекал Шестаков, – оно (Морское министерство) уже не имеет причин идти прежним путем и должно, напротив, стремиться к сокращению средств...»[86]. Управляющий Морским министерством прямо ставил вопрос о развитии флота в зависимость от того, какое положение займет на Дальнем Востоке представитель министерства – командир Владивостокского порта. Более того, он требовал, чтобы независимость морского владения была обеспечена от вторжения других ведомств. Корф вынужден был пообещать вернуться к обсуждению этого вопроса во время своего визита в Петербург.

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, в свою очередь, не только настаивал на усилении миссионерской деятельности, но и предлагал, в отличие от взглядов Корфа, создать систему материального поощрения перешедшим в православие, активно бороться с ламаизмом и вообще подвергнуть пересмотру все «инородческое управление» у бурят[87]. Впоследствии в письме к наследнику престола цесаревичу Николаю Александровичу во время его путешествия по Дальнему Востоку (февраль 1891 г.) Победоносцев обвинял местную администрацию в том, что она не понимает «одинаково существенные интересы церкви и государства» и порицал Корфа за его благосклонное отношение к бурятам: «Он ездит по дацанам, чествует хамбо-ламу (тогда как истинная политика должна клониться к постепенному его принижению), подарил ему канделябры, которые потом явились в Гусино-Озерском дацане в качестве вклада от русского правителя...»[88]. Сменивший в 1893 г. А.Н. Кор-

---

[85] Отзыв министра государственных имуществ М.Н. Островского // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1887 г. Д. 55. Л. 198.

[86] И.А. Шестаков – А.Н. Корфу // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 34. Л. 65.

[87] См.: Дамешек *Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986.

[88] К.П. Победоносцев – наследнику, цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу (февр. 1891 г.) // Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 298.

фа С.М. Духовской проводил более жесткую линию в отношении бурятского самоуправления и ламаистского духовенства, заявив, что «пора замкнутых бурятских порядков миновала»[89]. Обострение бурятского вопроса было связано прежде всего с ростом переселенческого движения и ограничения размеров бурятского кочевого землевладения[90].

Существовали и серьезные разногласия между приамурской администрацией и Синодом по поводу начального школьного образования. Русская православная церковь стремилась сохранить свое доминирующее положение в этой сфере. Епископ приамурский и благовещенский Иннокентий продолжал рьяно отстаивать церковно-приходскую школу, обличая школу ведомства народного просвещения в том, что она, «искусственно привитая к нашему народу и пересаженная с запада на русскую почву», мало уделяет внимания религиозно-нравственному воспитанию[91].

Министр финансов И.А. Вышнеградский вообще сомневался: не слишком ли часто меняется административно-территориальное устройство Дальнего Востока и тем самым отягощяется казна, «не обеспечивая положительным образом каких-либо новых государственных доходов, из которых могли бы покрываться эти новые расходы»[92]. В ответ на упрек Вышнеградского Корф заметил, что край не настолько отяготителен в финансовом отношении, как это может показаться из росписи доходов и расходов[93]. По его подсчетам, при доходе в 4 205 000 руб. на Приамурское генерал-губернаторство тратится 10 876 000 руб. Но из них собственно на нужды края идет лишь 3 482 000 руб., остальное же рас-

---

[89] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 15.

[90] *Егунов Н.П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963. С. 90–132.

[91] Епископ приамурский и благовещенский Иннокентий – приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову (10 окт. 1900 г.) // РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 220. Л. 10.

[92] И.А. Вышнеградский – А.Н. Корфу (2 дек. 1997 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 63. Л. 41.

[93] По данным Н.П. Яснопольского, расходы на 1 жителя Приморской области были в 17 ½ раза выше, чем в Петербургской губернии, и в 6 946 раз превышали расходы по Финляндии. Впрочем, расход в Приморской области был в 10 раз больше, чем в других областях Приамурского генерал-губернаторства.– *Яснопольский Н.П.* О географическом распределении государственных расходов России. Киев, 1897. Ч. II. С. 235–240. Данные «О расходах и доходах по областям, входящим в состав Наместничества на Дальнем Востоке, за 1897–1902 гг.» – *Хадонов Е.Е.* Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России. М., 1997. С. 225–228. На рубеже XIX–XX вв. в правительственных и общественных кругах разгорелись ожесточенные споры об «оскудении» центра и чрезмерных государственных расходах на окраины империи. – См.: *Правилова Е.А.* «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начале XX в. // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 115–144.

ходуется на содержание армии, флота и каторги[94]. Вместе с тем только одного золота из региона вывозится более чем на 9 млн руб. Это, доказывал Корф, приносит огромные выгоды государству, но на развитии Приамурского края отзывается неблагоприятно, подавляюще воздействует на другие отрасли промышленности, отвлекает рабочие руки от земледелия, а главное – «весьма дурно влияет на нравственность крестьянского населения»[95].

На освоение края, усиление его администрации требовались дополнительные средства. Если казна не может «затрачивать миллионы на край», считал А.Н. Корф, то нужно хотя бы разрешить использовать собственные средства. Приамурский генерал-губернатор просил предоставить ему ряд чрезвычайных административных и финансовых полномочий, настаивал на праве самостоятельно устанавливать новые налоги и сборы, а также принимать в российское подданство китайцев и корейцев и облагать их податями и повинностями. Для большего единства в действиях местной администрации предлагалось назначения всех должностных лиц в крае производить только с согласия генерал-губернатора[96]. Перед местными властями, убеждал Корф, стоит задача не только управления, но и изучения края, создания в нем «гражданской жизни». Не случайно многое на русском Дальнем Востоке воспринималось как взращенное под лучами «административного солнца», а генерал-губернаторский дворец в Хабаровске как бы доминировал над местным обществом, состоявшим в основном из чиновников и офицеров[97]. Конечно, это было общество несколько искусственное, постоянно меняющееся в своем составе, состоящее из служащих и отслуживших, членов их семей, и в большинстве своем мечтавших уехать в Россию. Но таковы были черты всех окраинных обществ империи на первоначальном этапе. И отличалось оно здесь от Закавказья или Западного края еще и тем, что в нем не было своей местной аристократии. Чтобы привлечь и удержать на службе достойных чиновников, необходимо было платить им повышенные оклады жалования, предоставлять льготы. Это бы вызвало дополнительные расходы, но зато, уверял Корф, «прямо или косвенно прибавится то, что теперь идет на чиновников в виде дискредитирующих правительство взяток»[98].

---

[94] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 146.

[95] Там же. Л. 135.

[96] Представление МВД в Государственный совет 8 февраля 1888 г. «О правах приамурского генерал-губернатора и о штате его управления» // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 258 С. 15–18.

[97] *Кауфман А.А.* По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб., 1905. С. 108.

[98] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 145.

За счет налогов с промыслов и паспортных сборов А.Н. Корфу удалось создать дополнительный капитал в 218 тыс. руб., что позволило несколько улучшить состояние местного управления. Однако Государственный совет, отдавая должное стремлению генерал-губернатора повысить доходность края, упрекнул его в том, что эти деньги не были переданы в государственное казначейство[99]. Во всеподданнейшем отчете о состоянии Приамурского генерал-губернаторства за 1886–1891 гг. вновь подчеркивалось, что край, обещающий в будущем стать доходным, требует сейчас серьезных затрат из государственной казны. Корф предупреждал, что иного пути просто нет: «Если бы мы подобно Америке широко открыли двери иностранцам, то, конечно, развитие Амурского края пошло бы быстрее, нежели идет теперь: но зато эта мера привела бы к тому же, к чему пришли Американские Штаты – к отделению края от метрополии»[100]. Однако центральное правительство по-прежнему оставалось глухо к доводам местных властей.

Не добившись утверждения программы, а также серьезного увеличения финансирования, Корф попытался расширить права генерал-губернатора в региональном управлении. Он не без основания считал, что на столь далекой и обширной окраине предназначение высшей местной власти имеет существенные отличия. «Приамурский край более, чем какая-либо другая часть Российской империи, нуждается в серьезном усиленном труде своих администраторов. В нем призвание и значение администрации совершенно иные, нежели во всей остальной России, – отмечал он в первом своем общем отчете в Петербург. – Здесь администрация должна не только управлять краем, но и изучать его и создавать в нем гражданскую жизнь...»[101]. При назначении на генерал-губернаторский пост ему были предоставлены чрезвычайные полномочия. Секретным царским указом 24 октября 1884 г. Корф, по примеру сибирских генерал-губернаторов, получил право предавать военно-полевому суду за преступления «против порядка» и окончательно утверждать приговоры, даже смертные, донося об этом царю[102]. Трехлетнее знакомство с краем привело Корфа к убеждению, что приамурскому генерал-губернатору «должны быть точно намечены лишь те государственные цели, которые должны преследоваться на этой окраине, для осуществления же их необходимо предоставить ему благоразумный простор и нужные средства, при помощи которых только и возможно об-

---

[99] Там же. Л. 430.

[100] Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за 1886–1891 гг. Б.м., б.г. С. 76.

[101] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 145.

[102] Высочайшее повеление приамурскому генерал-губернатору 31 декабря 1884 г. (секретно) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 100. Л. 31.

стоятельно выработать соответствующие местным потребностям законоположения»[103]. На местной администрации лежали непростые обязанности по демаркации имперской границы, установлению правого режима плавания по Амуру, Уссури, Сунгари, урегулированию российско-китайских пограничных споров в дальневосточном регионе («Савеловский вопрос», «Посьетский кризис», «Зазейский вопрос»), по пресечению разбойничьих действий хунхузов, по борьбе с контрабандой и торговлей наркотиками, незаконным переходом границы и противодействию буддийского влияния из Китая на бурят и алтайцев[104].

На заседании Государственного совета 19 марта 1888 г. было признано необходимым повысить результативность правительственных действий за счет «возможно широкой передачи местному, ближе к делу стоящему, органу первоначальных функций по устройству Приамурья»[105]. Против этих предложений, нарушавших обычный порядок, и в этот раз решительно возражал министр финансов И.А. Вышнеградский. Государственный секретарь А.А. Половцов записал в дневнике: «Вышнеградский восстает против предоставления ген.-губернатору права, принадлежащего верховной власти, ген.-губернатор Корф приводит примеры невероятной проволочки в министерских канцеляриях...»[106]. За 1885-1886 гг. приамурский генерал-губернатор внес в различные министерства 23 предложения по экономическому и административному переустройству края. В 1887 г. он сам отправился в Петербург, так как к этому времени ни один из его проектов не был передан из министерств в Государственный совет. Корф жаловался царю, что он не может бесконечно задерживаться в столице, что для его приезда из Хабаровки в Петербург требуется около 2 месяцев и 15 тыс. руб.[107] Одной из основных причин тридцатилетнего забвения интересов края и неэффективности действий правительства официально признавалось то, что главные нити управления находились в руках министерств, малознакомых со спецификой местных условий. При неудовлетворительном состоянии средств коммуникаций сообщение с центральными ведомствами возможно было только 8–9 месяцев в году.

---

[103] Представление МВД в Государственный совет 8 февраля 1888 г. «О правах приамурского генерал-губернатора и о штате его управления» // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 258. С. 15.

[104] *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 117–129, 132–190.

[105] Журнал Соединенных департаментов законов и государственной экономии Государственного совета 19 марта 1888 г. «О правах приамурского генерал-губернатора и о штате его управления» // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 2.

[106] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. II. С. 94.

[107] Перечень проектов, представленных приамурским генерал-губернатором в 1885–1886 гг. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 34. Л. 3, 14–15.

Вопреки возражениям Министерства финансов, 17 мая 1888 г. приамурскому генерал-губернатору в виде опыта на 10 лет были предоставлены чрезвычайные права, усиливавшие его самостоятельность, в том числе и финансовую[108]. По истечении десятилетнего срока эти временные полномочия были продлены. Но даже ограниченная финансовая свобода местной высшей администрации вызывала недовольство министерств, что привело уже в начале XX в. к ее ограничению[109]. В ответ на просьбы приамурской администрации увеличить дотации на край из государственной казны министр финансов С.Ю. Витте рекомендовал отыскивать дополнительные местные финансовые источники[110].

Тогда же было установлено новое штатное расписание для Приамурского края. Непосредственно генерал-губернатору было поручено заведовать (временно на 5 лет) государственными имуществами края, в Чите была создана Забайкальская казенная палата, увеличен штат Амурской казенной палаты[111]. Произошли некоторые изменения и в административном устройстве Приморской области. Были образованы два новых округа: Анадырский и Командорских островов. Окружные исправники в Петропавловске, Охотске и Гижиге вновь стали именоваться окружными начальниками, упразднялась должность владивостокского военного губернатора, город Владивосток вместе с полуостровом Муравьева-Амурский и островом Русский присоединялся к Южно-Уссурийскому округу, но областное правление Приморской области было перемещено из Хабаровки во Владивосток[112].

Несмотря на создание Приамурского генерал-губернаторства и инициативную хозяйственную деятельность его первых генерал-губернаторов, к концу XIX столетия дальневосточный регион России подходил с неутешительным итогом. В официальном издании приамурской администрации, предназначенном привлечь внимание к Дальнему Востоку, отмечалось, что мы нашли в Приамурье «почти все, что нужно для его дальнейшего развития, кроме населения»[113]. Однако это был все еще далекий и пустынный край с плохими и ненадежными коммуникациями, слабо развитой промышленностью и сельским хозяйством. Сухопутные и речные пути, связывавшие край с Иркутской губернией и Забайкальской областью, продолжали быть трудными, опасными и недоступными

---

[108] *Ивановский В.В.* Указ.соч. С. 13.

[109] *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 136.

[110] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002. С. 145.

[111] ПСЗ III. № 5208, 5213. 17 мая 1888 г.; № 5056. 7 марта 1888 г.

[112] ПСЗ III. № 5316. 9 июня 1888 г.

[113] Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. (Печатано по распоряжению приамурского генерал-губернатора). СПб., 1892. С. 10.

значительное время года. Почтовая дорога, устроенная еще во времена Муравьева-Амурского, не могла иметь торгового значения. В 1882 г. в связи с китайской угрозой вновь вспомнили о крестьянском заселении Дальнего Востока, приняв меры по организации переселения морем за казенный счет. Новым переселенцам предоставлялись значительные льготы и стодесятинный надел земли[114]. Первые 754 семьи были отправлены уже в 1883–1886 гг. из Одессы на судах Добровольного флота. Но доставка колонистов и грузов морем была делом дорогостоящим, к тому же способным обеспечивать в основном лишь Южно-Уссурийский край. Замерзающий порт Владивосток не предоставлял возможности круглогодичного доступа, да и с морского побережья вглубь территории было добраться непросто.

Население Амурской и Приморской областей в 1897 г. продолжало быть немногочисленным и насчитывало всего 308 582 жителя. Оно так и не сформировало стабильного регионального сообщества не только из-за его социальной и этнической неоднородности, притока переселенцев, но и значительной прослойки временного населения (военные, чиновники, мигранты из Китая и Кореи). Надежды на то, что амурские и уссурийские земли привлекут достаточное количество переселенцев и станут продовольственной базой для северо-восточных районов и дислоцированных в крае войск, не оправдались. Колонизационное влияние Сибирской железной дороги для Приамурья и Приморья стало ощутимым только после 1900 г., до этого же времени переселенцы из Европейской России предпочитали оседать в Западной Сибири. Однако главная задача была достигнута, и, как отмечает В.М. Кабузан, «мощная волна русских и украинских переселенцев в 80-90-х годах совершенно преобразила лицо края, сделав его не только формально, политически, но и фактически, т.е. в этнографическом плане, неотъемлемой частью Русского государства»[115].

Не решен был вопрос и с казачьим управлением («у нас есть казаки, но нет войска – этого юридического лица, обязанного иметь у себя все отрасли государственной жизни»[116]), казачьи станицы чересполосно растянулись вдоль границы, перемежаясь с землями, отводимыми для переселенцев. Уссурийское казачье войско было создано в 1889 г., управление его сначала размещалось в Благовещенске, а затем во Вла-

---

[114] Правило о выделении 100 десятин земли действовало до 1900 г., когда стали наделять переселенцев всего 15-ю десятинами.

[115] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 95.

[116] С.М. Духовской – П.Ф. Унтербергеру (26 марта 1894 г.) // РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.

дивостоке. С 1895 г. начала действовать Амурско-Уссурийская казачья флотилия, выполнявшая пограничные функции[117].

О низкой боеспособности и колонизационных качествах дальневосточного казачества писал в 1880 г. Н.М. Пржевальский: «Откровенно говоря, ни одно из этих казачьих войск не удовлетворяет боевым требованиям военного времени. Сносны еще только казаки забайкальские; остальные же, пожалуй, будут немногим разве лучше наших противников, т.е. китайцев и монголов. <...> Дома же казак воин – не воин, крестьянин – не крестьянин. На земледельческие работы он смотрит с презрением, считая такое дело принадлежностью мужика. Поэтому, несмотря на самые благоприятные условия, в которых находится большая часть казачьих поселений, их обитатели живут, если не в бедности, то, во всяком случае, далеко не в том довольстве, каким могли бы пользоваться при меньшей лени со своей стороны. <...> Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа – инородца»[118]. Обследовавший в 1882–1883 гг. Северо-Уссурийский край подполковник Генерального штаба И.П. Надаров также отмечал, что казачье население по немногочисленности и по некоторым условиям своей жизни не может решить задачи утверждения инородцев под русской властью, для этого нужно массовое крестьянское переселение, которое к тому же будет более эффективным в экономическом освоении края[119].

Однако, понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской стремился увеличить численность казачьего войска и настоял на отводе казакам огромного массива земель. По его настоянию амурским и уссурийским казакам было передано около 15 тыс. десятин земли (так называемый «отвод Духовского»), а в 1895–1899 г. в Приморскую об-

---

[117] См.: *Сергеев О.И.* Из истории Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 46–50; *он же.* Из истории казачьей службы на реках Дальнего Востока // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 56–60.

[118] «О возможной войне с Китаем» полковника Генерального штаба Н.М. Пржевальского (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299–300.

[119] [*Надаров И.П.*] Северно-Уссурийский край // Там же. СПб., 1887. Вып. 27. С. 136.

ласть прибыло 5 419 переселенцев-казаков[120]. Казачья колонизация имела ограниченный успех и в земледельческом, и в военном отношениях. Казаков было явно недостаточно для надежной обороны края. В 1891 г. приамурский генерал-губернатор мог располагать всего лишь 24-мя тысячами солдат, тогда как, по оценкам британских военных аналитиков, для успешной обороны от возможного нападения Китая необходимо было иметь 100 тысяч[121]. В крае все еще было недостаточно продовольствия, чтобы прокормить нужное количество войск. Существенное увеличение войск на Дальнем Востоке было связано с событиями в Китае в 1900–1901 гг. Если в 1884 г. здесь было всего 12 батальонов пехоты, 10 сотен кавалерии, 5 артиллерийских батарей и других небольших частей, то к концу июня 1900 г. численность русских войск достигла 100 тыс. человек[122].

Большие надежды С.М. Духовской связывал с начавшимся строительством Сибирской железной дороги, которая, однако, хотя и «встрепенула край», не ликвидировала массу трудностей, связанных с низкой привлекательностью края и недостатком желающих служить в нем. Мало было людей, как замечал Духовской, «любящих край» [123]. В числе первоочередных и неотложных мер, призванных изменить пугающий имидж края, он называл отмену ссылки, хотя бы в южные районы Приамурья, и более последовательную политику в отношении к китайским и корейским мигрантам. Генерал-губернатор настаивал на сокращении численности каторжан в Нерчинском горном округе до пределов рабочей потребности, а остальных направлять на Сахалин[124]. Планировал Духовской и строительство железных дорог с выходом на побережье Татарского пролива[125].

Приамурская администрация, заинтересованная в привлечении в край нового населения, выступала за продажу казенных земель в частные руки, надеясь тем самым закрепить здесь деятельное население.

---

[120] Уссурийское казачье войско: история и современность. Владивосток, 1999. С. 14–16.

[121] *Marks S.G.* Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917. Ithaca; New York, 1991. P.26–27.

[122] *Дацышен В.Г.* Боксерская война. Военная компания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск, 2001. С. 34–35, 38; см. также: *Зуев В.Н.* Специфика вооруженных сил России на Дальнем Востоке // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 64–66.

[123] С.М. Духовской – С.А. Петровскому (22 февр. 1895 г.) // ОР РГБ. Ф. 224. Карт. 1. № 51. Л. 13.

[124] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 149.

[125] *Зуев В.Ф.* История проекта строительства Амуро-Николаевской железной дороги // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 24.

Однако продаваемые участки не должны были быть большими, так как край нуждался в возможно густом русском населении. Кроме того, отмечалось, что большие участки будут притягивать дешевую китайскую и корейскую рабочую силу, что нежелательно с политической точки зрения и противоречит установке на обрусение края. Вместе с тем существовало понимание, что привлекательность для русского (преимущественно земледельческого) населения традиционного занятия сельскохозяйственным трудом сдерживает развитие промышленности, нуждающейся в дешевых рабочих руках[126]. В официальном издании, появившемся в 1892 г. по распоряжению генерал-губернатора, прямо указывалось: «Заботясь о заселении края русскими людьми и о прочном их водворении, местная администрация в то же время поставлена в необходимость заботиться о выдворении из края чужеземного элемента, особенно китайцев, экономическая борьба с которыми юному, едва осевшему, русскому населению не под силу»[127].

Несмотря на последовавший в 1886 г. запрет выходцам из Китая и Кореи селиться в пограничных районах, их численность в крае продолжала расти. В 1888 г. генерал-губернатору было предоставлено право устанавливать паспортный сбор с прибывающих в край китайцев и корейцев, но и тогда их рост не удалось остановить[128]. Власти более лояльно относились к корейской миграции (корейцев в крае к 1894 г. насчитывалось 18400 чел.), нежели к китайской. В 1897 г. численность китайского оседлого и длительно проживающего населения в Амурской и Приморской областях составляла 43 тыс. человек (в 1881 г. – 29,3 тыс., хотя их удельный вес среди всего оседлого населения края снизился с 25,1% в 1881 г. до 13,4% в 1897 г.)[129]. Увеличение сбора с китайцев особой пошлины за получение права на жительство в России (установленной в 1889 г. в размере 5 руб.) должно было ограничить приток в регион нежелательного элемента.

---

[126] Речь, произнесенная приамурским генерал-губернатором генерал-адъютантом бароном А.Н. Корфом в присутствии членов 3-го Хабаровского съезда на обеде, состоявшемся 20 января 1893 г. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Вып. 1. С.24.

[127] Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. (Печатано по распоряжению приамурского генерал-губернатора). СПб., 1892. С. 26.

[128] *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. С. 42–43.

[129] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XIX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 134. Временный спад численности китайского населения был связан с восстанием ихэтуаней. Если в 1900 г. китайских рабочих в Амурской области насчитывалось 23 тыс. человек, то в 1901 г. их осталось всего 6 тыс., что не могло не сказаться негативно на рынке труда и привело к остановке некоторых предприятий и строительных работ. – *Ромас А.А.* Китайские рабочие-мигранты в Приамурском крае (60-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Ч. 2. Благовещенск, 2001. С. 27.

Вспомнили даже о приамурских аборигенах, которых С.М. Духовской еще в 1893 г. предлагал переселить в Хабаровку, построить им специальный приют, «приласкать и приголубить этот полезный народ, охотно идущий на дружелюбную встречу». По замыслу генерал-губернатора они могли бы стать рабочими, сторожами и вместе с остающимися в крае нижними воинскими чинами служить средством освобождения от каторжных и китайцев[130].

Противоречивость отношения приамурской администрации к китайской трудовой миграции обнаружил еще на II Хабаровском съезде А.Н. Корф: «С политической стороны китайцы вредны в крае безусловно. Вообще китаец в крае вреден и только терпим, пока есть надобность в нем»[131]. С.М. Духовской и его преемник на генерал-губернаторском посту Н.И. Гродеков в отношении китайской и корейской миграции стремились придерживаться более сбалансированного курса, понимая ее жизненную потребность для экономического развития региона, но сознавая и политическую опасность бесконтрольного мирного захвата края иностранцами.

Угрожающими темпами увеличивалось китайское население и в приграничных к России районах Маньчжурии, как бы демографически нависая над приамурскими землями. Если к концу XIX в. население Забайкалья и дальневосточных областей насчитывало немногим более 900 тыс. человек, то в сопредельных провинциях Китая проживало уже свыше 13 млн человек[132]. Усиливалось и экономическое воздействие маньчжурского сельскохозяйственного производства на аграрную ситуацию в Амурской области. В условиях слабого развития земледелия и животноводства в Амурском крае росла опасная с военно-политической точки зрения зависимость от снабжения из Китая.

Приамурье оказалось экономической заложницей активной имперской политики в Маньчжурии. КВЖД отвлекла на свое строительство амурское население, угнетающе подействовала на торговые обороты в Благовещенске. Пройдя прямо из Забайкалья в Приморье, железная дорога оставила Амурскую область в стороне от нового главного торгового пути, что не могло не сказаться на развитии здесь земледелия и пароходства по Амуру. О росте русской миграции в Маньчжурию на строительство железной дороги с тревогой доносил военный амурский военный губернатор К.Н. Грибский. «Вообще КВЖД, – писал он, – отрицательно повлияла не только на увеличение населения области, но и

---

[130] С.М. Духовской – П.Ф. Унтербергеру (22 ноября 1893 г.) // РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

[131] *Надаров И.П.* Второй съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Владивосток, 1886. С. 17.

[132] *Волохова А.А.* Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С.106.

на экономическую ее жизнь в отрицательную сторону; особенно это заметно на торговле: торговые обороты Благовещенска и вообще всей области значительно падают...»[133]. На собранном приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем в августе 1903 г. IV Хабаровском съезде, получившим неофициальное название «Приамурский парламент», почти единодушно осуждали политику С.Ю. Витте, видя в ней главную причину упадка Приамурского края, когда основные средства уходили на КВЖД и Квантунскую область, а на российские дальневосточные области жалели гроши[134].

В этом же ряду стоял закон 10 июня 1900 г., вводивший таможенное обложение по морской границе от устья Амура до южной границы империи, сохранив режим порто-франко только для северных округов и арендованных Россией городов в Китае[135]. Китайская торговля вдоль сухопутной границы по-прежнему не облагалась таможенными сборами. С.Ю. Витте заявлял, что установление 50-верстной полосы по обе стороны российско-китайской сухопутной границы на деле означало, что весь Приамурский край и Забайкалье были «царством свободной торговли». Фактически таможенной границей являлся Байкал с Иркутской и Кяхтинской таможнями, которые регулировали поступление товаров из Китая внутрь России. Строительство Сибирской железной дороги способствовало дальнейшему сближению восточных окраин с центром империи и расширило возможности проникновения иностранных товаров на внутренний рынок страны[136]. Но ситуация осложнилась со строительством порта Дальнего и южной ветви КВЖД. Вице-губернатор Приморский области и поддержавший его приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писали, что товары потекли мимо Владивостока, превратив его в «остров, окруженный стеной в виде таможни»[137].

Но Министерство финансов не только не прислушивалось раздававшимся с российского Дальнего Востока просьбам о восстановлении порто-франко, но и настаивало на дальнейшем расширении зоны таможенного контроля. «Если вернуться к старому положению и оставить весь Приамурский край и все Забайкалье на правах порто-франко, – париро-

---

[133] Рапорт военного губернатора Амурской области – приамурскому генерал-губернатору (29 мая 1900 г.) // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 311. Л. 50.

[134] *Торгашов П.* Сибирские воспоминания. 1883-1903 // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 165.

[135] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об обложении таможенной пошлиной иностранных товаров, привозимых в Приамурский край» от 10 июня 1900 г. // Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 115–116.

[136] Доклад министра финансов С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток в 1902 г. // Там же. С. 119–120.

[137] *Беляева Н.А.* Из истории Владивостокской таможни. Становление: 1899–1914 гг. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 2000. Т. V. С. 153.

вал аргументы критиков нового таможенного порядка С.Ю. Витте, – то такая мера будет равносильна тому, что надолго, вернее даже навсегда, эта огромная окраина в промышленном отношении останется оторванной от России и никогда не разовьет ни своей собственной промышленности, которую будет убивать дешевый японский и вообще иностранный товар, ни даже конкурировать с дешевыми продуктами земледелия и скотоводства Маньчжурии»[138].

Перемены в таможенной политике вызвали оживленную полемику в центральной и местной прессе, негативную реакцию у подавляющей части дальневосточной буржуазии и администрации. Споры по частным торговым и таможенным делам привели к выяснению оптимальных условий соблюдения общегосударственных и местных интересов[139]. Еще в 1892 г. приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф парировал намерение Министерства финансов отменить порто-франко. Его преемник С.М. Духовской, вынужденный действовать более осмотрительно, настаивал уже на том, чтобы отложить этот вопрос до окончания строительства Сибирской железной дороги, нисколько не сомневаясь в законности и основательности желания «ввести Приамурский край в общую русскую семью, огражденную таможенным тарифом»[140]. Амурский военный губернатор требовал более расчетливой таможенной политики, предусматривавшей защиту высокими пошлинами местной обрабатывающей промышленности от иностранной конкуренции и введения льгот на вывоз российской продукции в Маньчжурию[141].

О негативных последствиях отмены порто-франко Министерство финансов предупреждал Владивостокский биржевой комитет, поддержанный высшей местной администрацией[142]. Таможенный сбор едва покрывал содержание самой таможенной службы, дальневосточная русская промышленность продолжала пребывать в зачаточном состоянии, а гражданские и военные ведомства края вынуждены были переплачивать за доставляемые из-за границы товары первой необходимости[143]. На снижение деловой активности в Приамурском крае повлияли сокра-

---

[138] Доклад министра финансов С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток в 1902 г. // Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 124.

[139] *Янковский М.И.* Наши таможенные интересы (1904 г.) // Там же. С. 131.

[140] Цит. по: Статья Ф.Л. Вильчинского «Итоги таможенного обложения в Приамурском крае» (1904 г.) // Там же. С. 161.

[141] Отчет амурского военного губернатора за 1902 г. // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 327. Л. 41–43.

[142] Телеграмма приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского – министру финансов С.Ю. Витте // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 31.

[143] Отчет амурского военного губернатора за 1905 г. // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 351. Л. 84.

щение масштабов государственного строительства дорог и казенных зданий, перебазирование войск в Маньчжурию, а флота – в Порт-Артур.

Выступая на заседании «Общества изучения Амурского края» 7 января 1905 г., известный дальневосточный общественный деятель, врач Н.В. Кириллов, упоминал, что в миссию приамурского генерал-губернатора Д.И. Суботича «входило освобождение края от таможенных пут, и созыв IV Хабаровского съезда [1903 г.] был одной из приготовительных ступеней к этому, как и вообще к обновлению жизни края»[144]. И действительно, подавляющее число участников съезда выступило против новых таможенных правил. За восстановление режима порто-франко выступал дальневосточный наместник Е.И. Алексеев. Только в условиях войны в качестве временной меры указом от 1 мая 1904 г. режим порто-франко был восстановлен. Но уже через месяц Министерство финансов поручило заведующему финансовым отделом при наместнике И.Н. Протасьеву выяснить, насколько обоснована эта мера[145].

Приамурская администрация была серьезно обеспокоена тем, что о нуждах и возможностях Дальнего Востока в Европейской России знали мало. Она предприняла большую исследовательскую и разъяснительную работу путем издания ряда книг и брошюр о Дальнем Востоке, призванных привлечь общественное внимание к краю. С.М. Духовской обратился за содействием к редактору «Московских ведомостей» С.А. Петровскому, которого просил регулярно перепечатывать статьи из «Приамурских ведомостей», направил ему труды III Хабаровского съезда, предлагая в сопроводительном письме собственную трактовку перспектив дальневосточного региона России: «Развитие здешнего края могло бы идти быстрее, если бы в основании его не стоял твердо девиз «Россия для русских». Если растворить настежь двери, Сибирь могла бы быстро наполниться американцами, китайцами и другими выходцами со значительными капиталами; русских людей, готовых на переселение, и капиталов мало; приходится поэтому терпеть»[146]. В противном случае, доказывал Духовской, жизнь в крае остановится, недостаток рабочей силы приведет к застою во многих отраслях промышленности, запрет китайской торговли вызовет резкий рост цен на многие товары. Признавая допустимость притока китайских, корейских и японских рабочих в край, Духовской не подвергал сомнению тезис о необходимости преоб-

---

[144] Сообщение из газеты «Владивостокский листок» – «В Обществе изучения Амурского края» (1905 г.) // Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 185.

[145] Из доклада бывшего комиссара по финансовой части Квантунской области И.Н. Протасьева «О таможенном вопросе в Приамурском крае» (1904 г.) // Там же. С. 189–229.

[146] С.М. Духовской – С.А. Петровскому (18 ноября 1893 г.) // ОР РГБ. Ф. 224. Карт. 1. № 51. Л. 6.

ладания в крае русских. Вместе с тем, в отличие от своего предшественника, он считал, «что пустынный край желательно скорей заселить хотя бы и желтыми, но затем принять меры к скорейшему их обрусению»[147].

Сосредоточение власти в руках генерал-губернатора и военных губернаторов, опиравшихся на небольшой состав учреждений, являвшихся по сути «универсальными органами», на первых порах обеспечивало эффективность решения управленческих задач, несмотря на их обширность. Вместе с тем централизация власти в руках генерал-губернатора воспроизводила на региональном уровне общероссийскую проблему деконцентрации управления. Приамурские генерал-губернаторы, с одной стороны, настаивали на передаче части полномочий центра в регион, а с другой – стремились разгрузить себя, передав многочисленные мелкие административные вопросы на решение губернаторов. В ответ на пожелание МВД освободить свои департаменты от части несвойственных центральному ведомству функций путем передачи их на места Н.И. Гродеков выступил с инициативой пойти по этому пути дальше, напомнив, что сущность генерал-губернаторской власти как раз и заключается главным образом в надзоре и направлении, а также в принятии необходимых мер в чрезвычайных случаях[148]. В обычных же делах губернаторы могут обращаться в министерства или сами решать маловажные по сути своей дела. С устройством телеграфа и проведением железной дороги складывалась новая управленческая ситуация, когда из Читы можно было доехать до Петербурга за 12-14 дней, а из Читы до Хабаровска почта продолжала идти от 2-х недель до 1,5 месяцев.

Правительство под давлением местных властей, хотя и с некоторым нежеланием, но постепенно шла на усложнение системы управления, изменяя штаты, вводя новые учреждения и чиновничьи должности[149]. С.М. Духовской в 1893 г. задумывался о восстановлении во Владивостоке должности главного командира портов, а приморские областные учреждения вернуть в Хабаровск, подчинив дальние северные округа напрямую генерал-губернатору[150]. Согласно временному положению 1898 г. о Владивостокском коммерческом порте, он был отнесен к ведению МВД, а управление портовой территорией возложено на временный комитет во главе с приморским военным губернатором.

---

[147] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 72.

[148] Н.И. Гродеков – министру внутренних дел И.Л. Горемыкину (8 февр. 1899 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

[149] *Умрихин А.В.* Очерки административно-территориального устройства Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Благовещенск, 2000. С. 46–63.

[150] С.М. Духовской – П.Ф. Унтербергеру (22 ноября 1893 г.) // РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

Среди обозначившихся к концу столетия проблем следует назвать несоответствие упрощенного состава управления в Забайкальской, Приморской и Амурской областях. Особенно это касалось последней, где не было даже областного правления. В 1896 г. амурский военный губернатор Д.Г. Арсеньев предложил расширить губернаторскую канцелярию и ввести должность вице-губернатора. При этом он призывал жестко не увязывать управленческую структуру и штатное расписание чиновников с численностью населения и степенью развития хозяйства, указывая, что «задача администрации вовсе не обуславливается количеством народонаселения; небольшое население, вечно добавляемое новыми элементами, будучи не устроено, прибавляет не меньшие и в особенности не менее разнообразные требования, чем огромное по количеству, но твердое по традициям население, которое существует в любой из губерний Европейской России»[151].

Д.Г. Арсеньев считал возможным в старых районах переложить часть управленческих задач на плечи общественного самоуправления. Однако этого нельзя сделать в активно заселяемых местах, где все должна, по его мнению, исполнять сама администрация. В этих рассуждениях содержалось явное несогласие с переносом в переселенческие районы общих принципов организации государственной власти. Но эти, в целом справедливые, замечания не сопровождались радикальными переменами, а лишь служили доводами для весьма скромных мер бюрократического характера. Прибавка новых чиновников не приносила видимого улучшения. Правитель канцелярии продолжал концентрировать в своих руках все неформальные нити управления, а вице-губернатор оказался в трудном положении, не имея никакого влияния на канцелярию, где его роль была «совершенно фиктивная»[152]. Он оказался по существу лишь чиновником для особых поручений при губернаторе. Имелось еще одно принципиальное препятствие. Арсеньев был противником коллегиальных органов управления, считая их вредными, умножающими переписку, неоправданно усложняющими механизм принятия решения и принижающими власть губернатора. Вместе с тем местные власти продолжали пребывать в уверенности, что край не созрел для перенесения сюда общероссийских институтов управления и самоуправления и требует не только теперь, но еще много лет сильной и единоличной власти губернатора[153].

Сменивший Д.Г. Арсеньева К.Н Грибский столкнулся с малоизвестными ему по прежней военной службе трудностями гражданского

---

[151] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 18.

[152] Там же. Л. 17.

[153] Амурский военный губернатор Д.Г. Арсеньев – приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому (26 февр. 1896 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 138. Л. 22.

управления[154]. Он признавался, что амурский губернатор «фактически не в состоянии справиться с лежащими на нем разнообразными обязанностями», а за него многие дела безответственно решает его канцелярия, «которая присвоила себе совершенно несвойственную ей роль и власть, сделавшись из учреждения лишь докладывающего и исполняющего распоряжения губернатора – учреждением с самостоятельным кругом власти»[155]. В сложных иерархических отношениях к правителю канцелярии оказался вице-губернатор, фактически не получивший самостоятельного значения и по сути оставшийся чиновником для особых поручений при губернаторе. Поэтому Амурской области также необходимо областное правление. Однако решение этого вопроса решили отложить и вернулись к нему только через десять лет.

Стремление унифицировать систему управления окраинами привело к установлению единообразия в названии административных единиц. Так, в 1894 г. томский губернатор Г.А. Тобизен заявил, что уже явной аномалией выглядит название «округа»[156]. Подхватив эту инициативу, МВД предложило переименовать округа в уезды не только в Сибири, но и на Дальнем Востоке, а также назвать дальневосточные области губерниями. Против этого высказались забайкальский, амурский и приморский военный губернаторы, которых поддержал и приамурский генерал-губернатор. В старых названиях «округ» и «область» они видели некий залог сохранения особого характера дальневосточного управления. С.М. Духовской счел своим долгом подчеркнуть, что «чины окружной полиции в Приамурском крае имеют большее значение, как представители местной власти, чем соответственные им полицейские органы Европейской России, почему и существующая разница в названиях тех и других чиновников является вполне уместной и изменение названий представлялось бы ныне преждевременным»[157]. Но в Петербурге к этим доводам не прислушались: в 1898 г. в Сибири, а в 1902 г. и на Дальнем Востоке переименовали округа в уезды, сохранив название «округ» лишь для Уссурийского казачьего войска.

Неудовлетворительной оставалась и система дальневосточного судоустройства. На Дальний Восток России не были распространены новые

---

[154] На губернаторский пост он был назначен с должности начальника штаба Приамурского военного округа, и до этого имел только военный опыт. – Список чиновников канцелярии Приамурского генерал-губернаторства // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 129.

[155] Амурский военный губернатор К.Н. Грибский – приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову (16 февр. 1899 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 138. Л. 145.

[156] Г.А. Тобизен – министру внутренних дел И.Н. Дурново (14 марта 1894 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1894 г. Д. 13. Л. 2.

[157] С.М. Духовской – министру внутренних дел И.Л. Горемыкину (25 февр. 1897 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1894 г. Д. 13. Л. 19.

судебные учреждения, установленные в Европейской России реформой 1864 г. Пространство действия окружных судов было необъятным. Между районом действия приморского окружного суда (города Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, остров Сахалин, округа Софийский, Удский, Охотский, Гижигинский, Анадырский) и владивостокского (к югу от озера Ханко, г. Владивосток и весь Уссурийский край) граница в законе не была точно определена[158]. Смешивались старые и новые правовые нормы судопроизводства, ссыльные судились все еще по «Уставу о ссыльных» 1822 г. Органы крестьянского и инородческого самоуправления в судебных вопросах нередко выходили за пределы своей компетенции. Известен был даже случай, когда волостной суд вынес смертный приговор. Следственными и судебными делами продолжала заниматься полиция. Потерпевшие опасались обращаться в судебные инстанции, не желая «нажить себе этим бесконечные хлопоты, без надежды добиться правды»[159]. Неудовлетворительное состояние дальневосточного суда тормозило развитие торговли и промышленности[160]. Взятки (или как их деликатно именовали – субсидии от промышленников) горных исправников, соединявших полицейские и судебно-следственные функции, достигали 12 и более тысяч рублей в год. Коррупция буквально разъедала дальневосточный управленческий аппарат, а генерал-губернатор, видя злоупотребления, по признанию С.М. Духовского, был бессилен бороться с этим укоренившимся злом[161]. Более упорядоченной была деятельность военно-окружного и военно-морского судов, которые являлись в крае «как бы сколками с судебных уставов 1864 г.». Судебная реформа на Дальнем Востоке началась только в 1897 г., благодаря чему в регионе был введен мировой суд, созданы окружные суды в Благовещенске, Владивостоке и Петропавловске. Однако высшей инстанцией для них была определена удаленная от региона Иркутская судебная палата[162].

Одним из самых сложных административных вопросов на Дальнем Востоке оставался кадровый вопрос. При низких окладах чиновников, занимающих средние и низшие должности, притеснения промышленников, крестьян и инородцев становились нормой. Местные власти вынуждены были признавать катастрофическим положение бюрократического аппарата, деморализуемого повсеместным и повседневным

---

[158] Краткая записка о положении следственной и судебной частей в Приморской области // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 271. Л. 89.

[159] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. 1893-1895 гг. СПб., 1895. С. 138.

[160] С.М. Духовской – министру юстиции Н.А. Манассеину (11 дек. 1893 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 271. Л.122.

[161] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 139–140.

[162] См.: *Чечелев С.В.* Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

взяточничеством и казнокрадством чиновников. Амурский военный губернатор И.Г. Баранов неоднократно жаловался на недостаток чиновников, их плохую подготовленность к службе. «...Если является иногда много охотников, желающих служить в здешнем крае, то объяснить я могу не только тем, что служащим здесь предоставлены преимущества, – писал он, – но, смею думать, и тем, что вкоренилось убеждение о возможности иметь на службе побочные источники и заниматься вместе с тем и различными аферами»[163]. Как отмечал П.В. Казакевич: «Если поборы не сопряжены с вымогательством или другими крупными злоупотреблениями, то высшее начальство не может и знать о них, так как жители, по отдаленности, не жалуются, за исключением лишь случаев, совершенно выходящих из общего рода»[164]. Такое положение бывшему чиновнику Приморского областного правления Г.И. Андрееву представлялось политически опасным, подрывающим авторитет власти в отдаленном от центра пограничном регионе: «В крае, подобном Приамурскому, масса полуголодных чиновников не может иметь авторитета и приносить пользу государству и населению, она может возбуждать только сожаление благомыслящих людей и насмешки иностранцев, давая поводы лицам неблагонадежным сеять тайно недоверие к высшему правительству»[165].

Пятилетние прибавки к жалованью, пока чиновник служит в крае, и дополнительные пенсии, сохраненные для дальневосточных областей, не дали желаемого результата. Они не остановили оттока управленческих кадров из края и сделали хроническими трудности с поиском им замены. Наряду с дальневосточными надбавками к жалованью и привилегиями в выслуге пенсии, средством удержать чиновников на службе в крае виделось развитие системы образования, что позволило бы обучать детей, не покидая край. Чиновники, прослужив три года (ранее трех лет вычитались полученные при назначении усиленные прогоны и подъемные деньги), спешили уехать, и чиновничий контингент уподоблялся «станции с трехлетнею остановкой». Треть чиновников, прибывших на Дальний Восток, уезжала через три года, через три года еще треть, и к концу седьмого года в крае оставалась не более 30% прибывших. Из 408 чиновников выше IX класса только 173 человека служили в крае более десяти лет, а 145 – менее пяти лет[166].

---

[163] И.Г. Баранов – генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину (29 сент. 1880 г.) // РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 52.

[164] Отзывы о наших окраинах и других местностях, в коих служащие пользуются особыми преимуществами. СПб., 1885. С. 11.

[165] Там же. С. 19–20.

[166] Сведения о числе служащих гражданского ведомства, занимающих должности не ниже IX класса в Амурской и Приморской областях и на острове Сахалине // РГИА. Ф. 1149. Т. XII. 1896 г. Д. 150-а.

Остававшиеся в крае представляли особый тип «амурских служак», некоторые из которых остались в крае только попав в долги из-за неумеренной страсти к процветавшей в чиновничьей среде карточной игре[167]. Инженер путей сообщения Л.Н. Любимов, не встретив должного приема на строительстве КВЖД, процитировал в своих воспоминаниях статью «Положение гражданских душевнобольных во Владивостоке»: «Почти все приезжающие сюда на жительство – уроженцы Европейской России. Попав в этот туманный и сырой край, они не находят здесь того, что оставили дома – родины: те же здесь русские люди, но как мало они похожи на тех, которые населяют русские города. Общественной жизни нет: все разбито на группы, преследующие каждая отдельные цели, имеющие отдельные интересы. Общности между ними никакой. Примкнуть к какой-нибудь из них очень трудно, на новичка смотрят подозрительно. Развлечений, бодрящих душу, нет. Приезжий, присматриваясь, начинает убеждаться, что здесь главный жизненный девиз: «сорвать и удрать», и на нем зиждется здешняя «борьба за существование». Если он сумеет усвоить этот девиз, пристать к этому движению – он спасен. Через несколько лет он сделается настоящим владивостокцем и забудет свою далекую родину. Не удастся это, не сможет человек – ему останется топить свободное время в вине и картах, но не все могут поступать так. И вот под влиянием разочарования (ведь многие едут сюда, мечтая быть пионерами в новом, еще не испорченном крае), под давлением все сильнее и сильнее угнетающей тоски по далекой родине бедный ум начинает мутиться, душа заболевает, и бедняк, недавно полный сил и радужных надежд, или пускает себе пулю в лоб, или сходит с ума»[168].

Неэффективным оказался и полугодовой отпуск. Полгода чиновник ехал на службу, два с половиной года служил, затем отправлялся в полугодовой отпуск и тотчас подавал ходатайство о переводе в европейскую часть страны. В течение 6–10 месяцев должность оставалась в этом случае незанятой. В 1895 г., пользуясь правом на шестимесячный отпуск, отсутствовали одновременно: управляющий казенной палатой, управляющий контрольной палатой, управляющий акцизными сборами, а затем в отпуск отправился начальник генерал-губернаторской канцелярии.

Местную высшую власть волновала высокая текучесть управленческих кадров, их низкая профессиональная подготовка. В отчете за 1893–1895 гг., представленном уже Николаю II, С.М. Духовской писал о настроениях, царящих в наиболее образованной части местного общест-

---

[167] *Кайзерлинг А.* Воспоминания о русской службе. М., 2001. С. 253.

[168] *Любимов Л.Н.* Из жизни инженера путей сообщения // Русская старина. 1913. № 9. С. 452.

ва: «Любимою беседою здешних служащих служат расчеты, когда и с какими льготами, кто из них отсюда уедет. Преобладающий в среде местной интеллигенции взгляд на свое пребывание здесь, как на временное, до первого благоприятного случая, кладет особый отпечаток на весь строй здешней жизни; редко кто обзаводится сколько-нибудь прочно, большинство живет обязательный срок кое-как, полубивачной жизнью, не заводя прочных связей и мало проникаясь местными интересами»[169]. Все это делало дальневосточные области похожими «на станцию с постоянным приливом и отливом приезжающих»[170].

В 1891 г. А.Н. Корф выступил с требованием восстановить привилегии и льготы для дальневосточных чиновников, существовавшие до 1886 г., и получил поддержку у Александра III. Однако министр финансов И.А. Вышнеградский сумел остановить решение этого вопроса. С.М. Духовской во всеподданнейшем отчете за 1893–1895 гг. вновь высказался не только за восстановление, но и за расширение прежних чиновничьих льгот. Приамурская администрация понимала, что при отдаленности края и неблагоприятных климатических условиях только искусственно, выгодами и привилегиями, можно привлечь способных и полезных служащих, как это делается во всех государствах для далеких колоний и окраин. Духовской предлагал чиновникам, беспорочно прослужившим в Амурской и Приморской областях, увеличить пенсию за выслугу 10 и 15 лет, что позволило бы удержать их в крае на оптимальный срок. На протяжении этого периода, по его мнению, приобретался управленческий опыт и сохранялась необходимая энергия. «У прослуживших в крае более продолжительное время, – замечал он, – под влиянием тяжелых условий жизни и отчужденности от образованных центров нередко замечается ослабление упомянутых качеств...»[171]. И на этот раз на высшем уровне приамурскому генерал-губернатору удалось найти понимание, а Николай II недоумевал, почему не выполнено повеление его отца.

Министерство финансов, озабоченное снижением бюджетного дефицита, не спешило исполнять царские резолюции, предприняв в очередной раз известный бюрократический прием затянуть решение вопроса путем передачи его в межведомственную комиссию. Министр финансов С.Ю. Витте соглашался на пенсионные льготы только временно, до окончания строительства Сибирской железной дороги, не распро-

---

[169] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 159.

[170] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 129.

[171] Журнал высочайше утвержденной при Государственном совете комиссии для пересмотра устава о службе гражданской (1 мая и 3 июня 1896 г.) // РГИА. Ф. 1149. Т. XII. 1896 г. Д. 150-а. Л. 19.

страняя их на местных уроженцев и чиновников ниже IX класса. Но он возражал против установления законодательным порядком каких-либо финансовых льгот для высших чиновников края. Интересно в этой связи разъяснение, которое Витте дал статусу генерал-губернатора: «Генерал-губернатор по своему званию и занимаемой должности вовсе не подходит под тип чиновников, которых закон имеет в виду привлекать и удерживать на службе особыми льготами». Поскольку генерал-губернатор назначается непосредственно императором, отмечал министр, в штатном расписании генерал-губернатору не определено какого-то фиксированного содержания, и оно устанавливается по монаршему усмотрению в зависимости от заслуг[172]. Новые льготы для чиновников Амурской и Приморской областей в 1896 г. были установлены временно, до окончания строительства Сибирской железной дороги, и ограничивались должностями VI–IX классов.

Подводя итог управленческим реформам 60-90-х гг. XIX в., следует заметить, что все предложения об изменениях в административной карте региона сводились к поиску оптимальной комбинации дальневосточных областей и выбору управленческих центров. Перенос главного военного порта и крепости из Николаевска-на-Амуре[173] во Владивосток, казалось бы, должен был положить конец этому поиску. Но уже в середине 1880-х гг. заговорили о неудобстве Владивостока как базы для военно-морского флота, что приостановило строительство портовых и крепостных сооружений. Морской министр тогда поспешил заверить, что порт останется во Владивостоке. Однако планы переноса порта дальше на юг появлялись с завидной периодичностью.

Несмотря на продолжавшиеся настойчивые призывы моряков признать за российским Дальним Востоком преимущественно морское значение, верх одержали засевшие в Военном министерстве «континенталисты». Примечательно, что за все время существования Приамурского генерал-губернаторства во главе его никогда не было моряков. Это могли быть сухопутные генералы, прибывшие из Туркестана или западных губерний империи, военные инженеры и даже гражданские чиновники, но только не адмиралы. Примечательно, что и в Приморскую область, где изначально были сильны позиции моряков, после контр-адмирала Г.Ф. Эрдмана (1875–1880) губернаторами назначали исключительно сухопутных генералов. Благодаря этому, Военное министерство получило дополнительные преимущества в крае, что, в свою очередь,

---

[172] Журнал высочайше утвержденной при Государственном совете комиссии для пересмотра устава о службе гражданской (1 мая и 3 июня 1896 г.) // РГИА. Ф. 1149. Т. XII. 1896 г. Д. 150-а. Л. 8.

[173] Посетив в 1890 г. Николаевск, А.П. Чехов записал: «Ушли чиновники – и нет жизни. <...> Город здесь существовать не может и не нужен». – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. М., 1987. Т. 14/15. С. 377.

настораживало МВД, скептически относившемуся к самой идее генерал-губернаторства, а также засилию военных на административных постах.

Вместе с тем в определении административного устройства края местные власти столкнулись с рядом проблем, существовавших во всей системе государственного управления России: отсутствие четко определенного соотношения отраслевого и территориального принципов в управлении, нескоординированность в действиях как центральных, так и местных ведомственных учреждений, нерешенность на центральном и региональном уровнях проблемы «объединенного правительства», отсутствие наверху и на местах ясного понимания, в какой степени допустима на окраинах децентрализация власти. В правительственных кругах не было не только единства взглядов на содержание политики на Дальнем Востоке, но и ясного представления о политико-административном статусе региона (колония или не колония?) в составе Российской империи, его экономических перспективах. Внутренняя система управления оставалась слабо структурированной, административные и государственные границы воспринимались как временные. Взоры военных (как сухопутных, так и морских) были обращены скорее за пределы имперских границ, чем вовнутрь российской дальневосточной окраины, социально-экономическое устройство которой воспринималось по преимуществу через призму государственной безопасности или дальнейшей имперской военной и экономической экспансии.

По заявлению самой местной администрации, дальневосточная окраина империи сохраняет главным образом политическое значение. «Доведя Россию до Великого океана, этого будущего всемирного торжища, где и ныне уже все более и более сосредоточиваются интересы европейских государств, Амурский край сослужил нашему отечеству великую службу. <...> Имея во Владивостоке, т.е. на территории самой империи, а не в оторванной от метрополии колонии опорный пункт своему флоту, Россия, обладая всеми средствами к прочному развитию своих морских сил, выигрывает первенствующее положение на водах Великого океана»[174]. В общественное сознание активно внедрялась мысль о том, что на Дальнем Востоке имперская политика руководствуется не захватами, а только «округлением своих владений»[175].

Задачи административного устройства Дальнего Востока России оказывались тесно связанными с общими проблемами децентрализации

---

[174] Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. (Печатано по распоряжению приамурского генерал-губернатора). СПб., 1892. С. 62.

[175] *Буссе Ф.Ф.* Японское море // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении. СПб.; М., 1895. Т. XII. Ч. 2. С. 39.

управления имперскими окраинами, что вызывалось потребностями рационализации и оптимизации управленческой деятельности, попытками наряду с отраслевой властной вертикалью выстроить территориальную властную горизонталь исполнительных органов. Отчасти передача властных полномочий из центра в регион являлась своего рода уступкой требованиям местной высшей администрации, настаивавшей на необходимости создания в регионе сильной и самостоятельной власти. Последнее должно было повысить оперативность регионального управления.

В условиях, когда интерес центральных властей к Дальнему Востоку продолжал носить импульсивный характер, подогреваемый прежде всего внешнеполитическими амбициями, местная администрация была в большей степени заинтересована в стабильности, в четких ориентирах и приоритетах освоения края. Создание генерал-губернаторства открывало возможности для выхода за жесткие рамки централизованного администрирования, для некоторой управленческой автономии. Более осведомленная в нуждах региона местная высшая власть отныне могла подойти к решению региональных проблем комплексно, преодолеть ведомственную разобщенность путем координации на региональном уровне деятельности отраслевых и территориальных учреждений. Вместе с тем неясность управленческой природы генерал-губернаторской власти, ее в основном политический, нежели собственно административный характер, порождал дополнительные трудности в организации регионального управления. Несмотря на положительное значение деконцентрации регионального управления, административное обособление российского Дальнего Востока от Сибири повлекло за собой разрыв прежних связей. Сохранялась разобщенность областных и окружных центров, экономика региона существовала в виде плохо связанных между собой анклавов. Включение в состав Приамурского генерал-губернаторства Забайкальской области выглядело искусственным, вызывало справедливые нарекания. Административный треугольник (министерства – генерал-губернатор – губернатор) был явно неэффективен уже в силу отдаленности от центра огромных размеров края, что порождало неизбежную бюрократическую волокиту. Новые коммуникации расширили возможности петербургских ведомств усилить свое влияние на региональное управление, но они все еще были несовершенны, чтобы полностью заменить самостоятельность местной администрации.

ГЛАВА 4
НОВЫЕ ИМПЕРСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ И СТАРЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ (РУБЕЖ XIX – XX ВВ.)

4.1. Курс на Дальний Восток

«...«Россия» отдала швартовы и направилась к Тихому океану, на Дальний Восток».

Вел. кн. Кирилл Владимирович[1]

Эпиграф взят из воспоминаний «Моя жизнь на службе России» вел. кн. Кирилла Владимировича, который в 1897 г. на одном новейших броненосцев «Россия» отправился на Дальний Восток. Несколькими годами ранее, в 1891 г., Дальний Восток и Сибирь посетил наследник престола. Но он не был первым из Романовых, кто отважился добраться до крайнего востока своей империи. Еще в 1872–1873 гг., возвращаясь из морского путешествия, вел. кн. Алексей Александрович проехал через всю Сибирь с востока на запад, а вел. кн. Александр Михайлович несколько лет в конце 1880-х гг. провел в Японии[2]. Тяга Романовых к путешествиям на Восток, а также особая любовь к флоту стали своего рода симптомом в перемене политических ориентиров. С некоторым запозданием, вслед за членами царской семьи, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток впервые отправились и министры: в 1895, 1896, 1898, 1899, 1901, 1902, 1904, 1905 гг. министр путей сообщения кн. М.И. Хилков, в 1897 г. – министр юстиции Н.В. Муравьев, в 1899 и 1903 гг. – военный министр А.Н. Куропаткин, а в 1902 г. – министр финансов С.Ю. Витте.

Получив назначение в 1893 г. на должность приамурского генерал-губернатора, С.М. Духовской сознательно избрал морской путь из Петербурга во Владивосток, чтобы иметь возможность познакомиться со «стремлениями тех государств, которые наиболее заинтересованы в создании себе прочного положения на Тихом океане»[3]. Дальневосточная

---

[1] Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. М., 1996. С. 97.

[2] См.: *Коршунов Ю.Л.* Августейшие моряки. СПб., 1999.

[3] Записка военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера «Наше положение и задачи на прибрежье Тихого океана до и после Японо-китайской войны с точки зрения местного жителя» (1897 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2.

администрация активно стремилась повернуть правительственное и общественное внимание к региону, целенаправленно развертывая пропагандистскую кампанию в пользу Приморья и Приамурья, куда с открытием Суэцкого канала стало удобнее добираться, а благодаря регулярным рейсам Добровольного флота из Одессы во Владивосток, «жизнь в юном крае стала удобнее и дешевле», – уверяли дальневосточные власти, – здесь есть все, «что нужно для его дальнейшего развития, кроме населения»[4]. Напуганные китайскими событиями 1900 г., местные власти с еще большим рвением настаивали на ускоренном заселении края русскими людьми, заявляя, что это «теперь едва ли не самый важный вопрос не только в сфере интересов области, но и интересов русского дела на Дальнем Востоке»[5]. Только крестьянская и казачья колонизация, подкрепленная строительством Амурской железной дороги, развитием флота и увеличением военных сил, по их мнению, создаст надежный оплот российскому могуществу на Дальнем Востоке. Вместе с тем существовало понимание важности момента, сознание того, что появилась возможность начать новую политику в отношении Китая, изменить российско-китайскую границу, установить протекторат над Маньчжурией, сделать Амур не пограничной, а внутренней рекой и положить конец легенде, что китайский богдыхан уступил русским земли на Амуре лишь из милосердия[6].

Повышенный интерес к Сибири и Дальнему Востоку на рубеже XIX–XX вв. подогревался прежде всего международными причинами, активностью внешней политики России на восточных и южных рубежах, усложнением экономических связей различных регионов страны[7]. Именно дальневосточная политика возбудила споры по поводу соотношения континентального и морского начал в исторических судьбах им-

---

[4] Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. (Напечатано по распоряжению приамурского генерал-губернатора). СПб., 1892. С. 4–5.

[5] Всеподданнейший отчет амурского военного губернатора за 1900 г. // РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 315. Л. 84.

[6] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002. С. 236, 241-243.

[7] Борьба различных группировок в конце XIX – начале XX в. вокруг правительственного курса дальневосточной политики подробно освещена в отечественной литературе, прежде всего в работах Б.А. Романова. См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928; *он же.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л, 1955. *Malozemoff A.* Russian Far Eastern policy 1881–1904 with special emphasis on the causes of the Russian-Japanese War. Berkeley: University of California, 1958; см. также новейшие работы по этой тематике: *Игнатьев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997; *Доккю Чой.* Россия в Корее: 1893-1905 гг. СПб., 1996; *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М., 1997; *Глушков В.В., Шаравин А.А.* На карте Генерального штаба Маньчжурии. М., 2000; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, 2001 и др.

перии. В общественном сознании изменялся геополитический облик Дальнего Востока: в традиционные, во многом мифологические, имперско-династические мотивы территориальной экспансии встраиваются рационально обоснованные геополитические и националистические теории, порожденные новой индустриальной эпохой.

Говоря о «бессознательных» основах российского движения на Дальний Восток на рубеже XIX–XX вв., Б.В. Межуев указывает на архетип империи как носительницы сакральной власти, противопоставлявшей русскую имперскость экономически прагматичному европейскому империализму[8]. Т.А. Филиппова видит же в этом идейно-историческую и культурно политическую борьбу двух типов имперства: византийско-православной единственной империи, несущей в себе наследие Христа, и Римской империи, воплощающей бездуховный генотип бюрократической («тевтонской») государственности. Новоевропейские псевдоимперии, считает она, демонстрировали процесс наращивания нациями-государствами ореола военно-экономической мощи колониальных империй, «не транслировавших никакого традиционного наследства»[9]. Идея «народного самодержавия»[10] с ее неославянофильской традиционной отрефлексированностью должна была искать синтез старых формулировок имперского расширения и модернистских категорий национального интереса.

Этому способствовали идейные поиски русских религиозных философов. Н.Ф. Федоров в своей философии «общего дела» оправдание и смысл движения России на восток видел не только в предназначенной России самой ее континентальной природой искать выход к океану, в исторических воспоминаниях о нашествии кочевников и угрозе нового монгольского ига и необходимости не только охранять, но и отодвигать границу с кочевым и исламским миром все дальше на восток, и даже не в глобальном значении трансконтинентальной железной дороги и всемирного телеграфа, способных покончить с преобладанием «океанического мира», но и в своеобразном «сельско-земледельческом» империализме, который в отличие от торгового европейского империализма

---

[8] См.: *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в. // Полис. 1999. № 1. С. 36.

[9] *Филиппова Т.А.* В царстве «белого царя». Методы стабилизации поздней империи // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 180-181.

[10] Самодержавие и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 380, 408. С.Ю. Витте жаловался на обвинения в свой адрес «безобразовцев» одному из адептов «народного самодержавия», министру внутренних дел Д.С. Сипягину: «Под моим, мол, влиянием уничтожена самодеятельность России, мол, я хочу, чтобы государь был отдален от народа, а власть перешла к чиновникам и, следовательно, министрам». – С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину (12 июля 1901 г.) // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 45.

ищет не коммерческий успех, а стремится ликвидировать опасность нового нашествия кочевников, приобщая их к оседлости, земледелию, переводя их в крестьянское (и христианское) состояние[11].

Экстенсивный характер крестьянского земледелия как бы подталкивал власть к расширению земельной площади, в том числе к созданию земельных запасов впрок, для будущих поколений. «Необходимо помнить, – писал в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин, – что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать подготовлять свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»[12]. Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П.П. Мигулин на страницах газеты «Русь» пытался в начале XX в. описать имперское расширение на Дальнем Востоке в категориях «национального интереса»: «Народ наш, обладающий страстною жаждою к земле, отлично поймет значение захвата таких областей, как Монголия и Манчжурия, с их обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледелия, и для скотоводства. Но он поймет и значение открытого моря и важность короткого общения (торгового и политического) с восточными народами, живущими в ином, чем мы, климате и производящими предметы нашего широкого потребления (чай, хлопок, пряности, фрукты), без которых мы не можем обойтись... Поймет наш народ отлично также важность умножения наших золотоносных, железных, нефтяных, медных, каменноугольных и других месторождений, которыми столь обильны спорные области, – поймет и пойдет на их разработку»[13]. Нам нужно преодолеть страх перед постоянно расширяющимся пространством империи, ибо это, по его мнению, заложено в самой природе русского земледелия, которое при своем экстенсивном характере постоянно подталкивает к расширению государственных границ. Именно это и обусловило стремление русского народа к Востоку, потому что народ инстинктивно понимал то, чему учит мировая история – расширение территории всегда и везде служит источником обогащения государств. Именно русские крестьяне в первую очередь заинтересованы в этом движении, которое идет часто вопреки центральной власти, и, опережая политические действия правительства, они уже начали селиться в Монголии и Маньчжурии[14]. Но и в рассуждениях экономиста П.П. Мигулина было явно больше политической риторики, нежели экономического расчета.

---

[11] *Федоров Н.Ф.* Сочинения. М., 1982. С. 110, 286, 335, 378; см. также: *Сетницкий Н.А.* Русские мыслители о Китае (В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров). Харбин, 1926. С. 5–6.

[12] *Куропаткин А.Н.* Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 44. Схожий аргумент приводил и приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер.

[13] *Мигулин П.П.* Война и наши финансы // Русь. 1904. 7 (20) авг.

[14] Там же // Русь. 1904. 17 (30) июля.

Предлагая такую интерпретацию имперской экспансии на востоке, самодержавие рассчитывало на ее народную санкцию, которая бы оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими. П.А. Кропоткин вспоминал, как во время экспедиции 1864 г. в верховья Амура заблистали глаза у казака, увидевшего, насколько хороши здесь земли: «Тогда мне стало ясно, что рано или поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба берега Амура, покуда пустынные, но удобные для колонистов, заселятся русскими»[15]. Еще в большей степени, нежели Франция, Россия была «обречена расплачиваться за свою огромную территорию, за свой по-крестьянски ненасытный аппетит к приобретению все новых и новых земель»[16]. Мания пространства долгие годы отождествлялась народным сознанием с политическим могуществом империи.

Великий ученый, также довольно близкий к правительственным кругам (особенно к С.Ю. Витте), Д.И. Менделеев писал весной 1904 г. о давнем инстинктивном стремлении русских к «море-океану». Со строительством железной дороги в Сибири, заключал он, осуществляется «великое и чисто русское дело». Именно на тихоокеанских берегах, несомненно, начинается «ярмарка новой мировой жизни, и впереди виден ее разгар», здесь должны сойтись «всемирные интересы Востока и Запада»[17]. Поэтому так важен, с его точки зрения, союз России со «спящим гигантом» Китаем, что может послужить как дальнейшему мирному добрососедству двух стран, так и «господству мира во всем мире»[18].

Железная дорога должна была стальной полосой приковать «наши великие азиатские владения с их различными неисчерпаемыми ресурсами к центру Империи»[19]. Не случайно в 1892 г. председателем Комитета Сибирской железной дороги был назначен только что вернувшийся из поездки по азиатским странам наследник престола цесаревич Николай Александрович. При участии наследника во Владивостоке состоялась закладка Транссибирской железнодорожной магистрали. Будущему царю, несомненно, импонировало то, что освоение огромных зауральских регионов будет связано с его именем[20]. Приписывавший себе ини-

---

[15] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 189.

[16] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 272.

[17] *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М., 1995. С. 201.

[18] *Менделеев Д.И.* Жизнь и труды. М., 1957. С. 14.

[19] Московские ведомости. 1891. 5 апр.

[20] Для ознакомления будущего царя с восточными окраинами империи была подготовлена специальная книжечка карманного формата с грифом «секретно», содержащая краткие сведения о Сибири, Дальнем Востоке, Степном крае, а также выдержки из отчетов местной администрации с резолюциями Александра III. – Высочайшие отметки с 1881 по 1891 гг. во всеподданнейших отчетах по Сибири и Степному краю и сведения о местностях, лежащих по маршруту путешествия Его

циативу такого назначения министр финансов С.Ю. Витте преследовал вполне прозаическую цель – связать строительство магистрали с именем наследника, гарантировав, что строительство не будет остановлено на полпути. Однако в этом назначении прочитывался и более важный смысл[21]. В рескрипте 14 января 1893 г. на имя наследника Александр III специально подчеркивал стратегическую цель, отмечая, что наследнику престола поручается «привести это дело мира и просветительской задачи России на Востоке к концу». Это было не только привычным способом приобщения наследника престола к решению важной государственной задачи (как в случае назначения наследника престола, будущего императора Александра II, председателем Комитета по сооружению Петербургско-Московской железной дороги), оно являлось своего рода политической программой. Стремление к Востоку, охватившее весь западный мир, стало своеобразным императивом времени, который увлекал жаждущего славы и исторического признания Николая II. Возможность покрыть себя славой не менее великой, чем у знаменитых предков, не могла не импонировать молодому и честолюбивому человеку, который мечтал о грандиозной миссии России на Востоке. Николай II был не прочь оправдать звание «адмирала Тихого океана», как его не без политического расчета именовал Вильгельм II[22]. Германский император не уставал твердить о великой роли России, призванной насадить европейскую культуру в Азии, стать на защиту «креста и старой европейской христианской культуры против вторжения монголов и буддизма»[23], быть «передовым борцом за всю белую расу»[24]. В новых формулах германской геополитики он разъяснял российскому императору, что «Hinterland (лежащие за ним земли) должен быть в твоих руках», чтобы прибрежная полоса между Владивостоком и Порт-Артуром не превратилась для России в новые Дарданеллы[25].

Императорского Высочества и великого князя Николая Александровича из г. Владивостока в г. Уральск. СПб., 1898.

[21] См.: *Лукоянов И.В.* С.Ю. Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: к предыстории русско-японской войны // Новый часовой. СПб., 1996. № 4; СПб., 1997. № 5.

[22] Вильгельм II называл Николая II «великим императором Востока», «знатоком Востока».

[23] Вильгельм II – Николаю II (10 июля 1895 г.) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 9. Еще в 1882 г. журнал «Русская мысль» (№ 1) с иронией писал, что немцы сочинили для нас новейшую историко-политическую теорию, что наша миссия состоит в перенесении европейской цивилизации в среду азиатских народов.

[24] Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001. С. 174.

[25] Вильгельм II – Николаю II (3 янв. 1904 г.) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 52.

Писатель и публицист А.Я. Максимов, известный своими очерками и записками о морских путешествиях, посвятил вел. кн. Александру Михайловичу политический трактат «Наши задачи на Тихом океане». Он внушал, что еще Петр Великий искал выход в свободный океан, «к которому могла бы припасть Россия своею широкою богатырскою грудью», что присоединение к России Южно-Уссурийского края дало нам «полуоткрытую дверь» в Тихий океан, «дверь, которую тщетно мы стараемся прорубить во враждебной нам Европе»[26]. Вместе с тем наша «национальная миссия» здесь еще не закончена, нам открыта широкая дорога в «Азиатскую Италию» – Корею, а мы «проспали на корейской границе целую четверть века», тогда как корейцы ждут от Белого Царя защиты. В корейском вопросе нам, пояснял он, не стоит церемониться и нужно постараться разом убить двух зайцев: приобрести незамерзающий порт и отнять у Китая надежду «протиснуться» здесь к морю, чтобы избавиться от нашего экономического влияния в Маньчжурии. Максимов предупреждал и об опасности пробуждения Китая, когда многочисленное китайское население неизбежно придет в столкновение с белой расой «по поводу главнейших вопросов цивилизации». Вел. кн. Александр Михайлович, в свою очередь, сравнивал эту задачу по своей масштабности с деяниями Петра I и Екатерины II, открывших соответственно России выход к Балтийскому и Черному морям[27].

Эмигрантский историк последнего российского царствования С.С. Ольденбург не без основания полагал, что главной внешнеполитической мыслью Николая II мог бы стать лозунг «будущее России – в Азии»[28]. Самодержавие приняло новый внешнеполитический курс, который, казалось бы, укладывался в русло традиционной исторической миссии движения России на Восток. Эта политика выглядела продолжением дела сибирских первопроходцев, когда Россия создавала для себя нечто более основательное, чем колонии, «сама врастала в Азию, раздвигая свои пределы»[29]. Прибыв в 1895 г. в Иркутск, министр путей сообщения М.И. Хилков в местном общественном собрании заговорил о цивилизационном значении железнодорожной магистрали: «Железная дорога объединит две культуры – культуру Запада и культуру Востока»[30]. «Санкт-Петербургские ведомости» кн. Э.Э. Ухтомского рисовали поэтический образ «железного моста» между Европой и Азией, и если Петр

---

[26] *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., [1894]. С. III. Книга Максимова была переиздана четырежды, последний раз в 1901 г.

[27] Вел. кн. Александр Михайлович. «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане» (1896 г.). – Цит по: *Гиппиус А.И.* О причинах нашей войны с Японией. СПб., 1905. С. 47.

[28] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 109.

[29] Там же. С. 110.

[30] *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 337.

прорубил «окно» в Европу, то Николай II «открыл нам ворота в Великий океан», выведя нас через Маньчжурию на «новое поприще всемирной жизни»[31].

Во всеподданнейшем отчете о поездке в 1902 г. на Дальний Восток С.Ю. Витте указал на «многоразличные выгоды», которые даст Сибирская железнодорожная магистраль: «Для русской промышленности создается новый обширный внутренний рынок, избытки населения Европейской России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни»[32]. Сибирская железная дорога, КВЖД, Порт-Артур и Дальний призваны облегчить выполнение исторической задачи, станут последними шагами «в поступательном движении России на Дальний Восток, в ее стремлении найти выход к открытому морю, к незамерзающим берегам Тихого океана»[33]. Отстаивая протекционистский экономический курс, стремясь освободиться от промышленной и финансовой зависимости России от Запада, он обращал внимание на Восток, надеясь там найти удобные рынки для сбыта изделий русской промышленности. Это позволило бы России не только не быть «гостеприимной колонией для всех промышленноразвитых государств», но и самой стать метрополией. С.Ю. Витте указывал, что Россия по преимуществу континентальная держава, ее положение относительно морей не совсем благоприятно, да и само значение морских коммуникаций несколько уменьшилось с развитием железных дорог. В лекциях, прочитанных в 1900–1902 гг. наследнику престола вел. кн. Михаилу Александровичу, Витте прогнозировал геополитические и экономические последствия, которые произойдут вслед за строительством Сибирской железной дороги: дорога откроет «новый путь и новые горизонты» как для русской, так и мировой торговли, даст России роль торгового посредника между Западом и Востоком[34]. Транссибирская магистраль с

---

[31] Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 13 янв.

[32] Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 1–2. Французская пресса писала в 1900 г., что Сибирская железная дорога создает условия для грандиозного экономического завоевания Россией Китая. – Отдел Комитета Сибирской железной дороги на Всемирной выставке 1900 г. в Париже. СПб., 1901. С. 20.

[33] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

[34] *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. С. 69–70, 219. Известный историк С.М. Соловьев также настаивал на континентальном характере российской истории: «Всем племенам Европы завещано историей высылать поселения в другие части света, распространить в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени славянскому – сухим путем». – *Соловьев С.М.* Избранные труды. М., 1883. С. 28. О солидарности в этом взгляде на

выходами к Владивостоку и Желтому морю, по мысли Витте, обеспечит «главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России».

С.Ю. Витте указывал также на изменение геополитического пространства внутри самой империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа, благодаря которой народ этот прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя все народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народы России». Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их как европейскую расу от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»[35]. С колонизацией Сибири он связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в «неминуемой борьбе с желтой расой». Именно это население даст силы и средства для защиты «интересов империи». Политический смысл крестьянской колонизации Витте разъяснял так: «Для того чтобы в предстоящей в будущем (подчеркнуто Витте. – А.Р.) борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достояния, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей»[36]. Континентальная концепция Витте основывалась на уверенности в способности создать на востоке империи прочный экономический и демографический тыл для российских морских торговых и военных портов.

перспективы Дальнего Востока с С.Ю. Витте адмирала С.О. Макарова см.: *Доккю Чой.* Россия в Корее: 1893–1905 гг. СПб., 1996. С. 94.

[35] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

[36] Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8–9.

В Министерстве финансов сосредоточились основные нити управления строительством Китайско-Восточной железной дороги, организацией деятельности Русско-Китайского и Русско-Корейского банков, что позволило Витте сыграть одну из главных ролей в новом дальневосточном курсе. Он настаивал на том, что Россия – страна континентальная, и поэтому приоритет в военной сфере нужно отдать армии, а не флоту. Против набиравшей силу морской идеи, Витте выдвинул континентальную идею железнодорожного империализма. Железные дороги должны стать конкурентными речным и морским путям на Восток. Не рассчитывая на успех в конкуренции с ведущими морскими державами, он надеялся компенсировать на Дальнем Востоке недостаток морской мощи сухопутными сообщениями. Железнодорожные магистрали виделись альтернативой морским коммуникациям.

Не случайно «отец» британской геополитики Х. Маккиндер усматривал в расширении России в Азии то, что она последовательно занимает «место Монгольской империи». Оценивая Транссибирскую магистраль как новое оружие в руках «мобильной сухопутной державы», он прогнозировал, что «не пройдет и столетия, как вся Азия покроется железными дорогами», Российская империя вместе с Монголией образуют свой замкнутый экономический мир, который будет недоступен с моря для международной торговли. 25 января 1904 г. в докладе, представленном Британскому королевскому географическому обществу, он указал на это, как на альтернативную угрозу цивилизационного уровня. Вместе с тем, если японцы и китайцы объединятся и завоюют российскую территорию, то они обострят желтую опасность тем, что добавят к ресурсам великого континента океанские просторы, «завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона»[37].

Впрочем, провозглашая идею «мирного» проникновения в Китай, используя банки и железные дороги как новейшие инструменты имперской экспансии, С.Ю. Витте не мог не понимать необходимости военного обеспечения этих мероприятий.

Подобную позицию занимал и военный министр А.Н. Куропаткин, делавший акцент на Маньчжурии. Активно усваивая геополитическое видение дальневосточных перспектив, он также заявлял, что «Россия, несомненно, сухопутная держава» и, в отличие от западных держав, должна прийти в Китай не с моря, а с суши. Россия еще долго должна идти по тому же пути, по которому шли наши предки, и видеть свою главную силу в сухопутной армии. Ему казалось, что, в отличие от других держав, Россия имеет уникальную возможность в дальневосточном

[37] *Маккиндер Х.* Дж. Географическая ось истории // Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

регионе не вступать в дорогостоящую и малоэффективную гонку с Англией или Японией по строительству флота. Ограниченные финансовые ресурсы, доказывал он, не позволяют России одновременно вкладывать значительные средства в развитие и армии, и флота. Кроме того, развитие океанского флота, подчеркивал Куропаткин, неизбежно вовлечет нас в колониальные захваты. «С развитием флота, – предупреждал он, – неизбежно возникают вопросы первоначально об угольных станциях, а затем и колониях»[38].

Долгие годы служивший в Азии А.Н. Куропаткин понимал опасность разрозненных действий европейцев (прежде всего России и Англии) в Азии: «20-й век должен принести с собою тяжелую борьбу в Азии народностей христианских против нехристианских. Для блага человечества необходимо, чтобы в этой борьбе мы были в союзе с христианскою Англиею против нехристианских племен Азии»[39]. Он готов был уже в 1900 г. «держать экзамен» перед Европой[40]. Позже его предупреждение приобретет отчетливый, более прагматичный, но откровенно расистский характер: «Представляется желательным, чтобы в XX в. народы европейского союза пришли к соглашению с союзом американских государств, для удержания в европейских и американских руках господствующего положения на тихоокеанском побережье и для сохранения за европейскими державами пользования богатствами Америки, сырыми и обработанными. <...> В общем, это будет союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих»[41].

Отличало А.Н. Куропаткина от С.Ю. Витте лишь неприятие откровенно экономических мотивов имперской экспансии. Поэтому военный министр призывал не спешить: «Наши владения на Дальнем Востоке за Байкалом пустынны, трудно проходимы и требуют выполнения массы внутренних задач по увеличению населения, устройству его во всех отношениях, проведению дорог и пр. Торговля наша с Дальним Востоком внешняя и внутренняя ничтожна. Поэтому выход к Великому океану, ныне живущему в России поколению, не был нужен...»[42]. «Защищать русские интересы в Маньчжурии, прилегающей на тысячи верст к России, – это я понимаю, – оппонировал Куропаткин Витте, – но быть принужденным защищать русскою кровью интересы Русско-Китайского банка на Янцзы или вообще южнее Пекина – для меня представляется

---

[38] *Куропаткин А.Н.* Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 69.

[39] Там же. С. 41.

[40] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999. С. 394.

[41] *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 255.

[42] Там же. С. 98.

непонятным и гибельным для России делом»[43]. Россия не доросла «до печальной необходимости вести борьбу за рынки сбыта излишка своих произведений»[44]. Сама мысль об экономических выгодах занятия новых территорий казалась Куропаткину абсурдной: «Наша Россия, Кавказ, Сибирь еще полны огромными естественными богатствами, и все это лежит пока без движения за недостатком знания, энергии и капитала. Мы недостаточно культурны, чтобы воспользоваться богатствами, лежащими у нас под носом, а нас призывают отвоевывать у иностранцев богатства в Маньчжурии. Кому это нужно? России? Совсем нет». Это может быть выгодно только небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия на казенные, или иностранные деньги, а заплатит все равно русский мужик. «Русский капиталист на неверные дела не пойдет», – оценивал предпринимательский потенциал русских торговцев и промышленников военный министр[45]. Для Куропаткина главным оставалось стремление «спрямить» российско-китайскую границу, чтобы обеспечить ее надежную охрану. Не мог понять, как может начаться война «из какой-то железнодорожной ветви», и министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев[46].

Слабую экономическую мотивированность российской имперской экспансии усматривали и западные эксперты. Они отмечали, что в самом характере русского народа и в географических свойствах России и Сибири лежит стремление «более к расширению владычества над странами и народами, чем к экономическому использованию новых владений»[47].

В полемике с А.Н. Куропаткиным, призывавшим ограничиться Северным Китаем и не строить железных дорог южнее Великой Китайской стены, С.Ю. Витте проявлял больший имперский аппетит: «Мы историческим путем будем идти на юг. Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить. Весь Китай – все богатства находятся преимущественно на юге»[48]. Соответственно и основные средства, соглашался министр финансов, должны быть на Дальнем Востоке направлены на укрепление сухопутных сил, а военно-морской флот обязан играть вспомогательную роль.

---

[43] Цит по: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955. С. 106.

[44] Записка А.Н. Куропаткина «По Маньчжурскому вопросу» (15 окт. 1903 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 86–87.

[45] Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 397.

[46] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955. С. 106.

[47] *Мартин Р.* Будущность России и Японии. М., 1907. С. 27.

[48] Цит. по: *Ананьич Б.В.* Запад и Восток в экономической программе С.Ю. Витте // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М., 1993. С. 22.

Свое видение дальневосточных перспектив пыталась обозначить и приамурская администрация, высшая часть которой имела по преимуществу военно-сухопутное происхождение. Подал свой голос в развернувшейся геополитической дискуссии и бывший приамурский генерал-губернатор Д.И. Суботич. В письме военному министру А.Н. Куропаткину, отправленном 11 октября 1903 г., он доказывал: «Из всех политических и политико-экономических истин едва ли не самой бесспорной нужно признать ту, которая гласит, что Россия есть держава континентальная» (подчеркнуто Суботичем. – А.Р.)[49]. Поэтический образ России – это ее былинный богатырь Микула Селянинович, черпавший силу прикосновением к земле. По мнению Суботича, России бессмысленно соперничать с Англией в строительстве флота, ибо он для нее не столь важен. Как государство самодостаточное, Россия, «при разумной эксплуатации своих собственных богатств, могла бы обойтись не только без торгового и военного флота, но и вообще без внешней торговли»[50]. В качестве примера он приводит данные за 1896 г., когда в китайские порты пришло 19 711 британских судов и только 66 российских. Однако Суботич призывает не огорчаться по этому поводу: «...Величие России все-таки не подлежит ни малейшему сомнению. Необходимо ей только считаться со своею природою и не стремиться быть тем, чем судьбою не предназначено»[51]. У России нет «ни колоний, ни крупных торговых интересов в океанах», поэтому ей и не нужен флот. Тихоокеанский флот станет только «обузой», породит «Ахиллесову пяту», которой до этого на Дальнем Востоке России не существовало, «ибо твердо стоя на суше, она была тем совершенно неуязвима».

---

[49] *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. С. 4. В сокращенном виде эта книга была издана в Петербурге. – *Суботич Д.И.* Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб., 1908. Суботич упоминал, что он воспользовался материалами о финансовых доходах и расходах на Дальний Восток из статьи М.Н. Васильева (Дигамма) «Что дал нам Амур?», опубликованной в газете «Дальний Восток» (1900. № 43), и перепечатанной в одной из книг С.Ф. Шарапова. – *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. С. 15. Примечательно, что 16 октября 1903 г. сам М.Н. Васильев отправил А.Н. Куропаткину записку с разъяснением, что это «предварительный проект той докладной записки по вопросам Дальнего Востока», которую бывший приамурский генерал-губернатор намеревается подать военному министру. Однако проект записки будет еще редактироваться самим Суботичем. Право говорить и писать по проблемам Дальнего Востока, как отмечал сам Васильев, он приобрел еще 8 лет тому назад, в 1895 г., когда впервые побывал в Маньчжурии. – РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 141–142. Известны несколько сочинений М.Н. Васильева по дальневосточным вопросам, которые были опубликованы под псевдонимом «Дигамма»: «Маньчжурия и Китайская восточная железная дорога». Томск, 1898; «Торговля с Китаем». Томск, 1899; «Уссурийская железная дорога (Владивосток – Графская)». Томск, 1899.

[50] *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. С. 6.

[51] Там же. С. 7.

Д.И. Суботич подвергал сомнению успешность использования опробованного веками на других окраинах метода имперского строительства путем русской крестьянской колонизации. Шансы превращения Маньчжурии и Кореи в русские области, с его точки зрения, безнадежны. Рассуждая об успехах прежней имперской политики России, Суботич выводил некоторые исторические закономерности: «Есть три силы, которыми государство может властвовать над другой народностью или государством. Это – во-первых, сила народной массы, сила численного перевеса своей народности, которая может войти широким потоком и залить собою все данное пространство, вполне его ассимилировавши; во-вторых, – сила культурного превосходства, где одна народность властвует над другою, как руководитель духовной, умственной, экономической и вообще культурной жизни; наконец, в-третьих, – сила военно-политической и государственной организации, где одна народность является вождем, организатором и защитником другой и создает из бродящих и беспорядочно волнующихся элементов стройный государственный организм, обеспечивающий для жизни спокойствие, порядок и законность»[52]. Все три силы действовали в русской истории: первая позволила Московскому царству ассимилировать большинство племен европейской части страны; вторая действовала в отношении татар, казахов, бурят, якутов и других азиатских народов; третья проявила себя на Кавказе и в Туркестане. Ни одного из условий для проявления этих трех русских сил он не видел ни в Маньчжурии, ни в Корее. Международный престиж от обладания Маньчжурией сомнителен, а вот экономический убыток от данного предприятия очевиден, как дефицитен, добавлял Суботич, весь наш Дальний Восток.

Вместе с тем Д.И Суботич был не прочь сохранить за Россией Северную Маньчжурию, чего требовали, на его взгляд, «не только наши интересы, но и интересы всего культурного мира». Это связано не только с Сибирской железнодорожной магистралью, которая станет мировым транзитным путем. У Суботича имелись в этой связи дополнительные географические аргументы: «Данный район в гидрографическом отношении составляет часть того же Амурского бассейна, большая часть которого уже входит в состав нашего Приамурского края». По его словам, «Бассейн Амура – это и есть Русский Дальний Восток!» Он даже предложил название для новой дальневосточной области – Заамурская. Отметал Суботич и всякого рода страхи по поводу «желтой опасности» для России, отвечая остроумно словами из комедии А.Н. Островского: «...Да кто тебя, матушка, обидит – ты сама всякого обидишь»[53].

---

[52] *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. С. 21–22.

[53] Там же. С. 20.

От того, к какому типу принадлежит государство, зависит и его политика, доказывал также полковник А.И. Гиппиус. Если государство «торгово-колониального» типа ищет рынки для сбыта своей промышленной продукции, стремится обезопасить морские коммуникации, то государство «континентального» типа путем территориального расширения занято поиском естественных границ. Россия принадлежит ко второму типу государств. Однако при этом существует определенная опасность: «Наше тесное соседство с неустроенными восточными государствами толкает нас на невольные завоевания, но государственные соображения должны заставлять нас удерживаться от территориального распространения в те стороны, где нет надежды на заселение окраин коренным русским населением»[54]. Вместе с тем Гиппиус не останавливался перед признанием вынужденной необходимости распространить российское влияние на Корею и Маньчжурию или даже включить их в пределы империи[55].

Если Министерство финансов и Военное министерство стояли преимущественно на континентальных позициях, то Морское министерство, поддерживаемое великими князьями Алексеем Александровичем и Александром Михайловичем, требовало предоставить преимущества развитию флота для обеспечения морского могущества России и немедленно «встать твердой ногой в Тихом океане»[56]. Долгое время, по сути дела со времен Петра I, в России военно-морская идея была отодвинута на второй план, что явилось отражением господствовавшей точки зрения о приоритете континентальных задач. Только на рубеже XIX–XX вв., в связи с активизацией российской политики на Дальнем Востоке, у моряков появился шанс заявить о своем первенствующем значении[57]. Позиция маринистов находила заинтересованное понимание у Николая II. Имевший частый доступ к царю командир императорской яхты «Полярная звезда» контр-адмирал Н.Н. Ломен призывал построить на Тихом океане такой боевой флот, который бы обеспечил безусловное превосходство России над Японией[58]. Имелись у моряков и сторонники в МИДе. Российский посол в Японии барон Р.Р. Розен в записке «О поло-

---

[54] *Гиппиус А.* Наши задачи на Востоке. СПб., 1904. С. 2.

[55] В декабре 1904 г. и январе 1905 г. А.И. Гиппиус выступил с докладом о причинах войны России с Японией в Обществе востоковедения и Николаевской академии Генерального штаба. – *Гиппиус А.И.* О причинах нашей войны с Японией. СПб., 1905.

[56] *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 176.

[57] *Гаврилов Б.И.* Военно-морской флот и общественность России в конце XIX – начале XX вв. // Россия на рубеже XIX–XX веков. М., 1999. С. 317; *Алексеева И.В., Зеленев Е.И., Якунин В.И.* Геополитика в России. Между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX в.). СПб., 2001. С. 164–168.

[58] *Рыбаченок И.С.* Указ. соч. С. 176.

жении России на Крайнем Востоке» (1897 г.) настаивал на том, что нельзя смотреть на Россию исключительно как на державу континентальную, что на Дальнем Востоке ей необходимо преимущественно морское могущество[59].

Сторонники ускоренного развития военно-морских сил России на Дальнем Востоке особенно активизировались после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Они требовали не только увеличить ассигнования на строительство флота, но и предоставить Тихоокеанскому флоту удобный незамерзающий порт, соединенный с внутренней Россией железной дорогой. Соответственно новая военно-морская база для флота должна быть полностью безопасна с суши. Для этого требовалось установить российское господство на всем побережье от Владивостока до нового порта. Такой порт мог быть построен в Корее, но для этого нужно было усилить свое военное и политическое присутствие там. Полковник В. Альфтан, направленный в 1895–1896 гг. в Корею, 17 июня 1897 г. представил начальнику Азиатской части Главного штаба А.П. Проценко свое видение будущего положения России на Дальнем Востоке. По мнению Альфтана, только Корея «даст России желанный порт и все, вытекающие из этого выгоды» относительно как Японии, так и Китая. С захватом Кореи Россия сможет напрямую угрожать Пекину и сожмет Маньчжурию «в своих железных объятиях». «Наш путь в Корею проходит чрез Маньчжурию, – развивал свой экспансионистский план Альфтан. – Корея цель, Маньчжурия – средство». С проведением железной дороги и занятием Кореи Маньчжурия сама «без всяких насильственных мер отойдет к России»[60]. Альфтан предлагал поспешить с переносом военно-морской базы Тихоокеанского флота из Владивостока в Порт-Артур.

В рамках традиционного для российского общества «восточного вопроса» с конца XIX в. потребовалось выделить его дальневосточную составляющую. Нужно было отыскать и объяснить смысл неумолимого исторического движения русских в Азию. Объяснения нужны были не только для того, чтобы составить теоретическое обоснование к очередному сверхсекретному правительственному документу, они были необходимы для того, чтобы эта политика нашла понимание в обществе, нужно было объяснить солдатам и офицерам, за что им придется проливать кровь так далеко от своих родных мест. Традиционная российская имперская идеология в этой части была не только подвергнута ревизии, но и содержала серьезные теоретические новации. Насколько острой была

---

[59] *Доккю Чой.* С.Ю. Витте и Р.Р. Розен: два взгляда на политику России на Дальнем Востоке (1895–1903) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.; Иркутск, 1995. С. 126.

[60] Записка полковника Генерального штаба В. Альфтана «Опыт разработки вопроса о столкновении в будущем между Россиею и Японией» (октябрь 1896 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 5–54.

эта потребность, свидетельствует уже то, какие значительные умственные силы были втянуты в полемику по новому восточному вопросу.

Российские имперские идеологи начинают активно осваивать новейшие геополитические идеи Запада, дополняя их собственными интерпретациями политико-географической предрасположенности России[61]. В силу особого для российского государства значения пространства, на котором проживало население разных национальностей и конфессий, длительного социокультурного взаимодействия с разными цивилизациями геополитические проблемы довольно рано попадают в сферу внимания российских исследователей, которые начинают активно использовать географические факторы в осмыслении истории и политики. Истоки геополитической мысли ощутимы в России задолго до того, как она обособилась в отдельную отрасль человеческого знания. Первыми, наряду с дипломатами, над вопросами политической географии стали задумываться военные. От описательной географии русская военная мысль переходит к более широкому статистическому методу. Это потребовало выхода за рамки традиционной физической географии, расширения исследовательского поля за счет изучения политико-экономических, демографических и этноконфессиональных факторов. XIX век в значительной мере был веком географов и географической науки, которая властно вторгалась во многие области знания и политической практики.

Почти синхронно книге А. Мэхена «Влияние морской силы на историю» (1890 г.), трактату Х.Д. Маккиндера «Географическая ось истории» (1904 г.), положившим начало геополитике как науке[62], публикуется небольшое по объему, но важное по прогностическому потенциалу сочинение А.И. Воейкова «Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара?» (1904 г.)[63]. Геополитические представления, выраставшие из славянофильских и панславистских идей, зримо присутствуют в антропогеографической теории В.И. Ламанского, изложенной им в 1892 г. в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». В рамках предложенной им типологии В.И.Ламанский отделяет Срединный мир (по большей части совпадающий с политическими границами Российской империи, особенно в Азии, где они переходят в границы естественные и этнографические) от мира Европейского и Азиатского и отно-

---

[61] *Рибер А.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 95–100.

[62] *Тихонравов Ю.В.* Геополитика. М., 1998. С. 97–105, 112–128.

[63] Примечательно, что именно А.И. Воейкову было поручено Александром III подготовить научную программу 10-месячного путешествия наследника российского престола Николая Александровича на Восток. – *Максименко В.И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. 2000. № 1. С. 57.

сит его к особому историко-культурному типу, в котором господствует и преобладает русский народ, русский язык и русская государственность. Но русской часть географической Азии становится не только потому, что там проживают русские, главное же в том, что она – продолжение русской Европы. Из «древних и внутренних русских областей» черпает русский народ силы в Азии, и он еще долго будет там вдохновляться руководящими идеями, исходящими из «главного народного ядра Европейской России».

В.И. Ламанский особо подчеркивал географическое, этнологическое, религиозное и историко-культурное единство Европейской и Азиатской России. В Азиатской России, в отличие от азиатских колониальных владений европейских государств, собственно азиатов немного, русское же население переезжает туда не как европейцы на время, а навсегда, и она способна в будущем принять еще много миллионов русских. «В этом смысле и теперь можно говорить об азиатской России, – намечал Ламанский перспективы формирования нового видения российского государственного пространства, – но еще нельзя и едва ли когда будет возможно говорить об азиатской Англии, Франции, Голландии, Испании и Португалии. Для этих национальностей их Азия не может быть и никогда не будет родиною и отечеством, а навсегда останется лишь страною эксплуатации, выгодных рынков, практическою школою административных и государственных талантов, более или менее благодарным поприщем и приманкою для их миссионеров и ученых»[64]. Русские не чувствуют себя в Азии чужими, а азиаты быстро отрываются от своей культурной среды и сближаются с русской жизнью. «Чем даровитее и образованнее киргиз, калмык, бурят, татарин, – в трактовке формирования общеимперской российской идентичности, предложенной Ламанским, – тем дальше он от своих сородичей и тем ближе он к русскому», в отличие от того, что делает образованного прусского поляка или австрийского чеха антагонистом немцу[65].

Журналы и газеты начала XX в. запугивали российского обывателя грядущим нашествием желтой расы. Традиционный российский интерес к Востоку, прежде всего к Китаю, приобретает зримый оттенок страха. Еще в 1873 г. М.А. Бакунин писал в своем знаменитом произведении «Государственность и анархия» о смысле (или точнее сказать, бессмысленности) движения России на Восток, указывая на опасность, которая в будущем будет исходить от соприкосновения с пробуждающимся Китаем. Ему казалось опасным расселение китайцев по всему миру, и он драматически пророчествовал: «Тогда в одно мгновение ока Сибирь, весь край,

---

[64] *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 102.

[65] Там же. С. 111.

простирающийся от Татарского пролива до Уральских гор и до Каспийского моря, перестанет быть русским»[66]. О возможности китайского нашествия на христианский мир предупреждал К.Н. Леонтьев[67]. Известный российский синолог В.П. Васильев в публичном курсе лекций, прочитанном в 1883 г., говорил о пробуждении Китая и цивилизационных задачах России[68]. Другой российский востоковед С.М. Георгиевский призывал активнее изучать Китай, предсказывая, что в будущем («примерно к началу 21-го столетия») мировое значение Европа неизбежно уступит тройке великих держав – России, Соединенным Штатам Америки и Китаю, и мы, русские, «очутимся лицом к лицу с китайцами»[69].

Адмирал К.Н. Посьет, узнав о решении строительства железной дороги через Маньчжурию, выдвинул мрачный сценарий, что «китайцы наводнят нашу Сибирь, сперва в их руки перейдет вся торговля, потом они вытеснят русского предпринимателя и работника из всех сфер их деятельности, далее они завладеют или мирным путем, или путем нашествия, когда Китай проснется от летаргического своего сна, а Европа всячески его к тому побуждает, всею Сибирью, отторгнут ее от России и, став твердою ногою в Сибири, двинутся в Россию»[70]. Посьет напросился на аудиенцию к Николаю II и умолял его вести дорогу только по российской территории. А.Н. Куломзин, записавший в своих воспоминаниях эти предсказания Посьета, хотя и не разделял столь мрачного прогноза, признавал многие опасения справедливыми и также пытался отговорить царя от опрометчивого шага.

Об угрозе мирного нашествия китайцев писал близкий к придворным кругам и лично Николаю II кн. В.П. Мещерский: «...мы завладеем Маньчжурией, а китайцы Сибирью». Он также апеллировал к заветам Александра III заниматься преимущественно «внутренней русской жизнью» и не ставить ее в зависимость «от нового барометра политической погоды на крайнем Азиатском Востоке»[71]. Такой же позиции придерживался и консервативный журнал «Русский вестник», выступавший против значительных затрат на Сибирь и Дальний Восток, что ведет «к ослаблению внутренних сил и средств России»[72].

---

[66] *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 397.

[67] *Делюсин Л.П.* Что для русских Китай? // Россия и современный мир. 1998. Вып. 24 (21). С. 127.

[68] [*Васильев В.П.*] Современное положение Азии. – Китайский прогресс. Речь, приготовленная заслуженным профессором Васильевым для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1883.

[69] *Георгиевский С.М.* Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 263, 270.

[70] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1 Д. 202. Л. 95.

[71] [*Мещерский В.П.*] Дневники // Гражданин. 1903. 22 , 26 июня.

[72] Современная летопись. Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток // Русский вестник. 1903. № 4. С. 812.

Респектабельный либеральный «Вестник Европы» в 1900 г. предрекал, что если японская предприимчивость завладеет многочисленным китайским населением, то создастся почва для грядущего панмонголизма, о котором пророчествовал В.С. Соловьев[73].

Действительно, великий русский философ В.С. Соловьев одним из первых почувствовал опасность ускоряющегося динамизма Японии и пробуждения Китая. В статье «Китай и Европа», опубликованной в 1890 г. в «Русском обозрении», он предсказал серьезные потрясения в Китае, которые могут быть опасными для всей европейской цивилизации[74]. Впоследствии Соловьев вспоминал, что особенно сильное предчувствие наступающей «монгольской грозы» он ощутил осенью 1894 г. Это предчувствие вдохновило его на известное стихотворение «Панмонголизм». В последней редакции явно под влиянием событий на Дальнем Востоке, прежде всего Японо-китайской войны 1894–1895 гг., поэт-философ вносит коррективы, где основная опасность уже исходит не от Китая, а от Японии, к которой присоединится «поникший» (в первой редакции – «восставший») Китай. Соловьев считал, что только христианская Россия, соединенная с христианской Европой, способна будет отразить новое монгольское нашествие.

В одной из главных своих работ «Оправдание добра. Нравственная философия» в главе «Смысл войны»[75] он обращает внимание на извечность борьбы Запада и Востока и на то, что человечество не в состоянии предотвратить «последней и величайшей распри этих двух миров – европейского и азиатского»[76]. Вместе с тем Соловьев выражал надежду на успех национальной политики России, которая должна заключаться в примирении имперских и христианских начал: «Империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековой распри великих исторических сил в высшее всеобъемлющее единство. <...> Настоящая империя есть возвышение над культурно-политической однородностью Востока и Запада, настоящая империя не может быть ни исключительно восточною, ни исключительно западною державою»[77].

26 февраля 1900 г. В.С. Соловьев в зале Петербургской городской думы прочел краткую повесть об Антихристе, которая вскоре была

---

[73] Вестник Европы. 1900. № 4. С. 833.

[74] *Лукин А.В.* Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 137; см. также: *Чупова В.И.* Образ Китая и китайцев в русском самосознании (От Достоевского до Соловьева) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 407–413.

[75] Глава была впервые опубликована в «Литературном приложении» к «Ниве» (1895. № 7).

[76] *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч. в 2-х томах. М., 1988. С. 476–478.

[77] *Соловьев В.С.* Мир Востока и Запада // Собр. соч. в 2-х томах. М., 1989. Т. 2. С. 604–605.

опубликована под названием «Три разговора». Несмотря на попытки исследователей творчества Соловьева доказать, что это не было пророческим «карканьем», сам он считал такой исход событий не только вероятным, но и близким «к достоверности»[78]. Последняя книга философа, проникнутая ожиданием мировых потрясений, пессимистически воспринималась многими современниками как эсхатологическое пророчество.

Восстание ихэтуаней 1900 г., направленное против европейцев, дало прорицателям «желтой опасности» давно ожидаемое и осязаемое подтверждение. «Вестник Европы» трактовал заветы умершего философа, придавая им откровенно политическую трактовку: «Предсмертное пророчество Вл. С. Соловьева о возможном торжестве «панмонголизма» над культурным христианским миром не было подкреплено «рассуждениями», которые он думал еще добавить, но в настоящем своем виде оно имеет достаточно убедительный, глубокий практический смысл»[79]. Журнал также призывал европейские государства забыть былые распри и объединиться перед угрозой пробуждающегося Китая. Сам философ успел откликнуться на китайские события письмом в редакцию «Вестника Европы». Письмо стало одновременно и ответом на рецензию С.Н. Трубецкого по поводу «Трех разговоров». В.С. Соловьев заявлял, что он был далеко не одинок в своем предчувствии, подобное мнение высказывал, писал он, известный географ Э. Реклю. Но «если многие говорили о приближении грозы, то за мною, – уточнял Соловьев, – остается лишь печальное преимущество последнего и кричащего (подчеркнуто В.С. Соловьевым. – А.Р.) указания на грозу уже совсем приблизившуюся, готовую разразиться и однако же не замечаемую огромным большинством»[80]. Грянувшие события казались концом всей прежней мировой истории. Трагически и почти безысходно, сходя в могилу, он предрекал: «Историческая драма сыграна, и остался еще один эпилог, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно»[81]. Когда С.Н. Трубецкой спросил Соловьева: «Какое твое личное отношение к китайским событиям теперь, что они наступили?», последний сослался на тогда еще не опубликованное, но уже отправленное в «Вестник Европы» письмо и добавил: «Это – крик моего сердца. Мое отношение такое, что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу... Профессора всеобщей истории упраздняются ...

---

[78] См.: *Сербиненко В.В.* Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994. С. 184.

[79] Вестник Европы. 1900. № 4. С. 354–355.

[80] *Соловьев В.С.* По поводу последних событий. Письмо в редакцию (1 июля 1900 г.) // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 303–304.

[81] Там же. С. 306.

их предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне алой и белой роз больше говорить нельзя будет. Кончено все!.. И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем!.. Христианства нет, идей не больше, чем в эпоху троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут!» И Соловьев прочел Трубецкому стихотворение «Дракон», посвященное известной речи Вильгельма II[82].

29 июля 1900 г. Вильгельм II, на борту яхты «Гогенцоллерн» напутствуя германских солдат, отправляющихся в Китай, назвал предстоящую им там войну «священной»[83]. Речь германского императора в том же году была переиздана отдельной брошюрой в Вильно на русском языке. Ранее, в 1898 г., несколько европейских газет опубликовали рисунок, сделанный по заказу и по замыслу германского императора Вильгельма II: «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: «Народы Европы, защищайте свои самые священные блага». В начале того же года он посылает этот рисунок Николаю II, сопроводив припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке»[84]. Эту картину видели в 1900 г. висящей в кают-компании броненосца «Россия»[85].

Известную модификацию цивилизующей миссии России в Азии под впечатлением разгорающихся политических и военных событий на Дальнем Востоке предпринял бывший народоволец, а затем идеолог самодержавия, ставший редактором «Московских ведомостей», Л.А. Тихо-

---

[82] *Трубецкой С.Н.* Смерть В.С. Соловьева // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 414. 10 июля 1900 г. В.С. Соловьев писал политическому обозревателю «Вестника Европы» Л.З. Слонимскому, что «по зрелом обсуждении решил не торопиться с заявлением по китайским делам, которое, как ты справедливо заметил, должно быть связано с рассуждениями». – Вестник Европы. 1900. № 5. С. 421. Не стал Соловьев печатать и стихотворение «Дракон».

[83] [Вильгельм II] Проповедь германского императора на борту яхты «Гогенцоллерн». Вильна, 1900. С. 3. Во время посещения Японии в 1891 г. на наследника российского престола, будущего императора Николая II, было совершено покушение японцем-фанатиком, и об этом он не забывал. Узнав о вероломном нападении японских кораблей и начале войны с Японией, Николай II инстинктивно коснулся шрама от 13-летней давности сабельного удара, а императрица Александра Федоровна проговорила: «Как прав был кузен Вилли, когда предупреждал об опасности нашествия желтой расы». – Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 300.

[84] Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 22.

[85] «Эта система союзов носит в себе семя неизбежных столкновений». Записка русского дипломата на высочайшее имя за два года до первой мировой войны // Источник. 1997. № 6. С. 42, 45.

миров. Для своих теорий он черпал аргументы как из традиционного толкования мессианской задачи русского народа, так и вполне рациональных объяснений смысла территориальной политики, опираясь на труды крупнейшего российского государствоведа Б.Н. Чичерина. Действительно, Б.Н. Чичерин посвятил «территориальной политике» специальную главу в своем «Курсе государственной науки», доказывая, что важнейшая задача этой политики заключается в обретении государством естественных границ, что море как граница имеет несомненное преимущество перед горами и что государство не может играть всемирной роли, если оно не имеет морских берегов. Именно в этом, считал он, и заключается главный смысл исторического стремления России к морю. Рассуждая о выгодах большого государственного пространства, Чичерин отмечал сложность его управления, трудности в соединении окраинных территорий империи с ее центром, зависимость материальных и нравственных сил господствующей в империи народности и владения обширной территорией. Он допускал, что новые земли могут не только не приносить доходов, но даже и не окупать затрат на их приобретение и содержание. Тогда в ход идут упования на будущие выгоды, и «к материальным расчетам присоединяются идеальные соображения, как то цивилизующее призвание великого народа, разъяснял он, которое не поддается математическим выкладкам». Говоря о расширении Российской империи на восток, Чичерин указывал на пустынность присоединяемых территорий, «заселенных дикими племенами», что не потребует больших жертв и мало повлияет на внутренний быт русского народа. «Из европейских народов, – подчеркивал специфические черты русской колонизации Чичерин, – наименее культурные русские всего более способны сближаться с покоренными племенами и держать их в повиновении не одним страхом, но и общительностью»[86].

Тихомиров трактовал взгляды Чичерина в христианско-консервативном духе, полагая, что Россия не просто должна принести на Восток европейскую цивилизацию, но и выполнить нравственную задачу приобщения «Дальнего Востока к миру христианскому»[87]. Военные действия европейских держав в Китае в 1900 г. прояснили историческую миссию России как главной мировой носительницы православия, без чего задача приобщения Китая к европейской цивилизации представлялась ему ограниченной и безуспешной. Перед лицом надвигающейся азиатской угрозы Россия обязана вспомнить о своей мировой роли, которая ей была уготована 1900 лет назад: «Христианская Россия должна понять, что

---

[86] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Политика. М., 1898. Ч. III. С. 56, 76–77, 78.

[87] *Тихомиров Л.А.* Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 425.

в этих опасностях видна Рука Божьего Промысла, напоминающего нам наш долг в отношении Дальнего Востока, нашу обязанность передать и ему то, что нам уже так давно дано для нашего только личного пользования, но как талант, который мы не можем зарывать в землю без жестокого за это наказания»[88]. Только православие способно дать истинную христианскую веру, сохраняя в китайце «человеческое» и уничтожая языческое. Тихомиров напоминает об исторической способности православия к веротерпимости, а самое главное – стремление к культурной совместимости разных народов. Вслед за Ф.М. Достоевским и В.С. Соловьевым Л.А. Тихомиров связывал с продвижением в Азию и оздоровление самой России. Вместе с тем она не может уклониться от своей исторической роли, не в состоянии будет решить своих внутренних задач, не участвуя в жизни Запада и Востока, «потому что все они сами входят в нашу жизнь и не могут не входить по историческому составу и жизни нашей Империи». Для нее пробил исторический час, внушал Тихомиров: «...Или сознать себя и выступить как мировая сила со своим собственным содержанием, или уходить со сцены Истории»[89].

Но существовала и иная трактовка дальневосточного вопроса, восходившая своими истоками к славянофилам, антизападничеству и панславизму Н.Я. Данилевского, почвенничеству Ф.М. Достоевского. В российском продвижении в Азию Достоевский видел громадный политический смысл. В «Дневнике писателя» за 1881 г. он писал, что нельзя забывать о том, что «русский не только европеец, но и азиат», обвинял общественность в том, что она до сих пор считает, что «Россия до Урала, а дальше мы ничего знать не хотим», не желает интересоваться азиатскими делами, не сознает значения азиатского направления политики, обвиняя правительство в непроизводительных затратах. Она готова отдать Сибирь «на откуп жидам, американцам, англичанам», «продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев», чтобы только «избавиться от этого хлама»[90]. С движением в Азию Достоевский связывал возрождение России, подъем ее «духа и сил». «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы», – возражал писатель своим оппонентам. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия». Именно здесь, по его замыслу, создастся «Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъясни-

---

[88] *Тихомиров Л.А.* Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 427.

[89] Там же. С. 443.

[90] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в тридцати томах. Л., 1984. Т. 27. С. 73, 78–79.

ла». Там наши богатства, там «у нас океан», там наше спасение от надвигающегося с Запада коммунизма[91].

Наиболее ярким выразителем этого направления, получившего название русское «восточничество» и предвосхитившего появление евразийства, был князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший в 1891 г. наследника престола, будущего императора Николая II, в поездке по странам Востока. Впоследствии он получил пост в правлении Русско-Китайского банка и некоторое время был близок к С.Ю. Витте, выполняя деликатные дипломатические поручения в Китае[92]. Став в начале 1896 г. редактором влиятельной газеты «Санкт-Петербургские ведомости», Ухтомский получил возможность публично пропагандировать свои взгляды[93]. Уже в феврале того же года на страницах газеты была перепечатана статья известного французского географа и идеолога анархизма Э. Реклю, в которой утверждалось: «Русские живут теперь накануне уплаты реванша за то господство варваров, которое они испытывали над собою назад тому шесть веков, или скорее накануне слияния с собою национальностей, которые их некогда завоевали»[94]. При этом в России активно идет процесс «обрусения», слияния национальностей «в один народ общего типа и с единством сознания». «Между тем наследственные качества объединяющихся племен не исчезают бесследно, – отмечал Реклю, – и Сибиряки, так же как и Русские, имеют перед нами, западными, то огромное преимущество, что они действительно понимают народы Востока и разделяют их идеи и идеалы. <...> Русские же являются истинными братьями своих соседей Дальнего Востока. <...> Обладая, так сказать, двумя душами, нашею и восточною, они являются естественными посредниками между двумя мирами, и мы можем с полной уверенностью поручить им заботу о приведении к осуществлению слияния в один цельный организм этих половин рода человеческого, доселе чуждых одна другой. <...> В настоящее время тяготение культуры к Востоку будет замечательным образом усилено сооружением Сибирской желез-

---

[91] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в тридцати томах. Л., 1984. Т. 27. С. 36–38.

[92] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1955. С. 53–54. Об Э.Э. Ухтомском см. также: *Schimmelpenninck van der Oye D.* The Asianist Vision of Prince Ukhtomskii // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 188–201.

[93] 19 августа 1895 г. Николай II записал в дневнике: «Виделся с Ухтомским, которому теперь поручено издание «Санкт-Петербургских ведомостей», но на новом начале». – Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 97. По свидетельству С.Ю. Витте, на столе Николая II видели только «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время», из остальных газет ему делали только вырезки. – Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; M., 1999. С. 221.

[94] Россия, Монголия и Китай (статья Э. Реклю из «Contemporary Review») // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 6 февр.

ной дороги»[95]. В этом замечании французского географа для Ухтомского, очевидно, была важна не столько идея реванша или претензия на историческое наследство Золотой орды, сколько мысль о грядущем слиянии народов в одну мировую семью и отличии русской политики в Азии от европейской[96]. Еще в 1887 г., выступая на годичном акте в Санкт-Петербургском университете, профессор А.М. Позднеев утверждал, что Россия в Азии «никогда не шла и не должна идти по торной, но грязной дороге европейцев: она имеет свою историю отношений к Китаю и свои задачи на Востоке, которые совершенно различны от задач Европы»[97]. Другой известный русский востоковед В.П. Васильев предсказывал также, что наступает «новая история», что на Восточном океане «тоже наша отчизна», что Восток вступает в тесный контакт с Западом, результатом чего станет слияние народов в одно целое. Благодаря Амуру, который течет не на север, как все сибирские реки, а на восток, мы получили от самой природы триумфальные врата для своего будущего величия. И мы идем в Азию не для того, чтобы истребить инородцев мечом, а чтобы слить их с собой, обратить в русских. «Отдаленные наши владения на Востоке, – писал он, – должны быть милы всякому русскому сердцу; на них каждый истинный русский может указать с такой же гордостью, с какой Западная Европа указывает на Америку»[98].

Э.Э. Ухтомский страстно полемизировал с В.С. Соловьевым и его апологетами: «Никакого панмонголизма, никакой «Азии для азиатов», никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, нет и быть не может»[99]. Ему виделась великая миссия России в Азии уже только потому, что мы ближе и понятнее из всех европейцев азиатам, на Востоке наша «коренная родина», а «пестротканная Россия» есть «предопределенный покровитель и

---

[95] Россия, Монголия и Китай (статья Э. Реклю из «Contemporary Review») // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 8 февр.

[96] *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае (Об отношениях Запада и России к Востоку). СПб., 1900.

[97] Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1887 г. профессором А.М. Позднеевым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 27. С. 263.

[98] *Васильев В.П.* Открытие Китая. СПб., 1900. С. 1, 19, 21. В.П. Васильев еще в 1883 г. провозглашал, что своим движением на Восток Россия похищает народы у находящейся в упадке Азии. Поэтому не следует сентиментальничать, ибо настоящая гуманность заключается «в предоставлении нашим инородцам чести сделаться русскими». Иначе же нам угрожает нашествие китайцев, готовых утопить мир в крови. – [*Васильев В.П.*] Современное положение Азии. – Китайский прогресс. Речь, приготовленная заслуженным профессором Васильевым для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1883. С 2, 23.

[99] *Ухтомский Э.Э.* Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С.6.

главарь» Азии. «В таком случае, – утверждал он, – не наивно ли по меньшей мере говорить о нашем нарождающемся Drang nach Osten?», когда это по сути есть обратное стихийное движение к «праматери-Сибири»[100]. Появляется даже идея образования некоей Желтороссии[101].

Летом 1897 г. Э.Э. Ухтомский направился в Китай с особой миссией в ответ на визит на коронацию в Москву видного китайского сановника Ли-Хун-чжана. Сопровождал Ухтомского ездивший перед этим в Тегеран вместе с А.Н. Куропаткиным лично известный царю кавалергардский поручик кн. А.М. Волконский, который доказывал, что следует «поставить Корею в положение Бухары», а в Маньчжурии создать русскую продовольственную базу[102]. В конце 1897 г. Волконский через вел. кн. Александра Михайловича подал царю записку, в которой он писал о вековом стремлении России на Восток, инстинктивном стремлении «стать твердой ногой на берегах Тихого океана» и о неизбежности столкновения России с Японией. Отмечал он и военную неготовность России к войне на Дальнем Востоке, высказывал опасение, что Владивосток может повторить судьбу Севастополя в Крымской войне, поэтому нужно спешить. «Неудачная война с Японией будет началом новой эры в истории России на Дальнем Востоке, – предлагал Волконский свое историческое и геополитическое видение возможных последствий. – В продолжение двух столетий мы жили в Сибири спокойно, имея соседями слабое государство и добродушные племена; без тяжелых жертв, одним фактом превосходства нашей культуры и нашего человеческого отношения к инородцам мы продвигались в глубь материка, и в руках гениального Муравьева несколько сот русских солдат оказались достаточным орудием, чтобы присоединить к России целые страны. Нетревожимые в настоящем, мы в будущем во всем Северном Китае могли видеть наше естественное наследие. Неудачный исход предстоящей войны поставит нас лицом к лицу с совершенно иными соседями, ибо он послужит сигналом, по которому все европейские государства ринутся на СеверАзи-

---

[100] *Ухтомский Э.Э.* Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891 гг.). СПб.; Лейпциг, 1897. Ч. 5 (Наша Азия). С. LVIII, 65, 75-76. О том, что китайцы не могут сравнивать русских с прочими европейцами, что «имя русского в Китае пользовалось уважением, благодаря бывшим порабoтителям монголам, которые завезли в Китай добрые сведения о русских и которые позже распространяли в китайских пределах славу имени Белого Царя», писал в связи с китайскими событиями в бесплатном народном издании Е.В. Богданович. – *Богданович Е.В.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901. Схожие мысли содержались и в других сочинениях. См., например: *Новиков Я.* Борьба Европы с Китаем (Будущность белой расы). СПб., 1901.

[101] *Левитов И.* Желтороссия как буферная колония. Доклад, читанный в общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговле 16 мая 1905 г. СПб., 1905.

[102] *Рыбаченок И.С.* Указ. соч. С. 189.

атского материка. <...> Тогда исчезнут все исторические выгоды нашего исключительного господства над Севером Азии...»[103].

В составе миссии Ухтомского оказался еще один из идеологов новой восточной политики – журналист, человек близкий к «безобразовцам», в будущем редактор правительственной газеты «Россия» С.Н. Сыромятников (Сигма)[104], который видел в русском движении в Азию даже возможность обновления самой России. «Здесь, в Европе, полунемецкий полицейский строй, – сравнивал он Европейскую и Азиатскую Россию, – там экономические и общественные новообразования; здесь остатки рабства, там свободный, сильный, жестокий человек, напоминающий типом ушкуйную Новгородскую Русь; здесь царство покорных историческим традициям, там внуки и дети непокорных, злая, а часто и добрая воля которых не могла согнуться так, как того требует государственный и общественный уклад. Восток поэтому не только наша колония: он зародыш новой России, по типу более близкий к Америке, чем к Европе и Азии, а современная Америка по своему государственному и общественному строю весьма близка к удельной Руси, как ни странно на первый взгляд покажется такое сравнение». Сыромятников восхищался превосходством всего русского над азиатским, за Уралом он нашел воплощение своего славянофильского идеала, который не способен понять «передовой полуинородческий Петербург». Антизападничество Сыромятникова увлекало его к союзу с Азией, с которой Россия, по его мнению, пойдет заодно, ибо государственную идею самодержавия она получила с Востока из Византии и Орды, которые в свою очередь были учениками Персидской монархии и Китайской империи. Будучи в Японии он доказывал японцам, что Россия со временем станет на их защиту от притязаний европейских держав и Америки, отстаивая при этом приоритетные права России в Корее[105]. Вместе с тем сотрудничавший с Мещерским П. Кутузов полемизировал с С.Н. Трубецким и писал о желательности союза с Китаем, который должен стать третьим другом России, после Черногории и

---

[103] «Граница между Россией и Японией одна – океан». Секретная записка кн. А.М. Волконского // Источник. 1995. № 5. С. 14. Князь А.М. Волконский (1866–1934) – полковник Генерального штаба, публицист (писал под псевдонимом А.М. Волгин), печатал в 1904–1905 гг. статьи на военно-политические темы в газете «Санкт-Петербургские ведомости», автор аналитической записки «О современном военно-политическом положении России» (1906 г.), в 1908–1912 гг. российский военный агент в Италии. Автор книг по украинскому вопросу.

[104] С.Н. Сыромятников был причастен к корейскому предприятию «безобразовцев» и в 1898 г. принял участие в экспедиции в Корею штаб-ротмистра А.И. Звегинцева. – *Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 1979. С. 184.

[105] *Сыромятников С.Н.* Россия и Япония // Новое время. 1903. 28 сент. (11 окт.).

Франции[106]. Его геополитическая фантазия рисовала образ своего рода «Австро-Венгрии желтой расы», объединяющей Китай и Японию, под покровительством России и с дружеской солидарностью Америки и Франции. Оккупация же русскими войсками Маньчжурии станет залогом дальнейшего сближения России с Китаем и гарантом целостности и спокойствия Цинской империи, чтобы она не стала какой-либо европейской колонией наподобие Индии или Египта[107]. Главная опасность виделась Кутузову не с Востока, а с Запада.

Популярные журналисты А.В. Амфитеатров и В.М. Дорошевич, используя сказочные аллегории о русском мужике и Змее Горыныче, обвиняли европейцев в провокации, которая втянула Россию в 1900 г. в китайский конфликт: «Ну, сосед Горыныч, хочь и не твоя вина, что ты взбесился и сослепу на меня полез, а с бешенным в соседях мне, мужику, не житье. Больно не хотелось мне на тебя руки поднимать, да, видно, талан твой таков. Крепко мы с тобой дружили, крепко и драться станем...»[108].

Популярный в придворных кругах знаток тибетской медицины П.А. Бадмаев 13 февраля 1893 г. подал Александру III записку «о задачах русской политики на азиатском Востоке». Примечательно, что именно министр финансов С.Ю. Витте выступил посредником при передаче Александру III записки императорского «крестника» Жамсарана Бадмаева, ставшего Петром Александровичем. Суть записки Бадмаева сводилась к идее строительства железной дороги от Транссибирской магистрали вглубь Китая, чтобы захватить контроль над китайской торговлей и опередить тем самым рвущихся в Китай европейцев. Но этим планы Бадмаева не ограничивались, он призывал российского самодержца подчинить России весь «монголо-тибето-китайский Восток». Именно эта часть записки, призванная дать идеологическое обоснование азиатскому направлению российской политики, представляет самостоятельный интерес в рамках имперского дискурса рубежа XIX–XX вв. Рассуждениям Бадмаева, направленным на восточническое прочтение «теории официальной народности», дополнительный вес должны были, очевидно, придавать его бурятское происхождение и переход в православие. Буддийские народы готовы подчиниться «Белому Царю», легенда о котором живет в их преданиях. «Весь Восток симпатизирует России, – уверял Бадмаев, – и русского царя называют на Востоке как русские

---

[106] *Самойлов Н.А.* Китай в геополитических построениях российских авторов XIX – начала XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 456.

[107] *Кутузов П.* Желательные основы русско-китайского соглашения. Возражения на мысли князя С.Н. Трубецкого о разделе Китайской империи. СПб., 1900. С. 61.

[108] *Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М.* Китайский вопрос. М., 1901. С. 23.

подданные-инородцы, так и чужеземцы Белым Царем-богатырем»[109]. Вот почему азиатские народы с таким восторгом встречали наследника «Белого Царя» во время его путешествия по Востоку. Исторический экскурс во времена татаро-монгольского ига и покорения Сибири должен был подчеркнуть близость самодержавия, православия и русской народности к Азии. Политика самодержавия на востоке империи была проникнута «духом евангельского учения», уверял Бадмаев, благодаря чему не только «инородцы самой европейской России, но и инородцы отдаленной Сибири считают себя русскими, несмотря на ясный облик нерусско-славянского происхождения»[110]. Залог успеха «русской национальной политики» в Азии он видел в том, что мы идем туда «не ради корысти и эксплуатирования азиатских племен, как некоторые европейские государства, но для блага самих обитателей Азии, не испытавших с древнейших времен удобств жизни христианских народов»[111]. Монголия, Тибет и Китай составят будущность России, так как с берегов Тихого океана и высот Гималаев она будет способна «держать в руках Европу и Азию».

Примечательны в этой связи комментарии, которыми сопроводил записку царского «крестника» С.Ю. Витте. Министр финансов с явными симпатиями писал об оригинальных взглядах Бадмаева, устанавливающего новую точку зрения на российскую азиатскую политику, смысл которой коренным образом изменился со строительством Сибирской железной дороги. Возбужденный бадмаевской идеологической риторикой Витте усилил ее, явно рассчитывая перенести неославянофильские пристрастия царя с Ближнего Востока на Дальний. Министр финансов демонстрировал хорошее знание основных идеологических установок, стремясь свести их в более или менее стройную систему. Географическое положение России на рубеже «столь различных миров» Запада и Востока, с которыми она тесно соприкасается на протяжении многих веков, писал он, породило в ней «мир особенный» и обусловило особую роль во всемирной истории. Самостоятельное место в семье народов и своеобразие политического и культурного развития определены живым взимодействием и гармоническим сочетанием «трех основных стихий, только в России проявивших всю полноту их творческой силы». Эти силы все те же: православие, самодержавие и русская народность. Благодаря этому, Россия окончательно не слилась с европейским Западом, но вместе с тем явилась «носительницей христианского идеала» среди азиатских народов. Строительство Транссибирской магистрали и железнодорожной линии от нее в Китай «едва ли не поставит Россию в необходимость принять более дея-

[109] *Бадмаев. П.А.* За кулисами царизма. Минск; М., 2001. С. 67.
[110] Там же. С. 78.
[111] Там же. С. 79.

тельное участие в жизни азиатского Востока», выполнить ее «культурно-просветительскую задачу». Лишь несколько странно из уст министра финансов звучало явно рассчитанное произвести впечатление на Александра III утверждение, что российская политика в Азии резко отличается от политики европейских государств, которые смотрят на Восток «исключительно как на поприще экономической эксплуатации и наживы, нередко с полным пренебрежением к основным требованиям человеколюбия и справедливости». С известной политической осторожностью, чтобы не возбуждать подозрений в экспансионистских планах, Витте готов был оправдать прикрытие государственных планов на Дальнем Востоке частными коммерческими интересами, указанием на то, что это тоже российская традиция: «История распространения нашего влияния в азиатских странах доказывает, что усилия частных людей, ни в чем не связывающие и даже не затрудняющие, равно ни к чему его не обязывающие, тем не менее нередко весьма успешно подготовляют государству благоприятную почву для соответствующих действий сообразно обстоятельствам»[112].

Проект Бадмаева должен был, с одной стороны, импонировать Александру III желанием монголов, тибетцев и даже китайцев покориться «Белому Царю», а с другой – обратить на себя внимание министра финансов, который в то время и сам задумывался о возможности проведения железной дороги по китайской территории. Прагматик Витте, сохранивший, видимо, славянофильскую риторику прежних лет, готов был использовать Бадмаева в своих целях в силу его близости к Александру III[113]. Важно отметить и другое: политический аферист Бадмаев имел шанс быть услышанным на самом верху власти только в ситуации, когда сама эта власть была обманываться рада, увлеченная дальневосточными авантюрами. Но Александр III, не теряя свойственного ему консерватизма и здорового скептицизма, написал на записке Бадмаева: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»[114].

П.А. Бадмаев через Э.Э. Ухтомского сумел расположить к себе и Николая II, которому он в 1895 г. также подал записку под названием: «О японо-китайской войне и задачах русской политики». План «мирного» завладения Монголией, предложенный Бадмаевым, предусматривал привлечение на сторону России монгольских князьков, скупку земель для заселения их российскими подданными – бурятами. В Забайкалье, пользуясь высочайшим покровительством, Бадмаев действовал бескон-

---

[112] Доклад министра финансов Витте Александру III относительно записки Бадмаева // Там же. С. 93-96.

[113] *Лукоянов И.В.* Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 114.

[114] *Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Минск; М., 2001. С. 96.

трольно и, как вспоминал А.Н. Куломзин, «крайне нахально и дерзко», местному же начальству было запрещено вмешиваться в его дела[115]. Пытаясь привлечь симпатии своих соотечественников, Бадмаев обещал вернуть бурятам казачьи земли, а себя выставлял прямым наследником китайского, тибетского и туркестанского престолов. В степных бурятских думах, наряду с портретами высочайших особ дома Романовых, вывешивались портреты Бадмаева и его жены. Несмотря на весь авантюризм бадмаевских проектов, ему продолжали верить. И как было не верить, заметил тот же Куломзин, когда он обещал «без капли крови, одними торговыми сношениями, присоединить к России всю Монголию»[116]. Бадмаев не ограничился лишь придворными интригами и попытался выйти на широкую общественную арену, опубликовав в 1900 г. книгу «Россия и Китай» и основав в Забайкалье на русском и бурятском языках газету «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897 гг.)[117]. Однако вскоре отношения Витте с Бадмаевым и Ухтомским расстроились, хотя им удавалось еще некоторое время пользоваться симпатиями царя, уверовавшего в свою миссию на Востоке.

Вся эта историческая мифология не была праздной игрой ума философов и публицистов, она активно внедрялась в общественно-политическое сознание, становилась атрибутом идейного обоснования политических и военных действий России на Дальнем Востоке. В записке 17 января 1904 г., направленной одним из активных членов так называемого «безобразовского кружка» В.М. Вонлярлярским в совещание под председательством члена Государственного совета гр. А.П. Игнатьева, где обсуждались вопросы «по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке», воздавалась безудержная хвала «колонизаторским талантам России». «Отличие русского колонизаторского движения в Азии от колонизаторства иностранных государств не только в том, что Россия идет в Азию поступательно, по сухому пути и, присоединяя к себе новые области, – активно использовал новые идеологические образы Вонлярлярский, – органически приобщает их под «Высокую Руку Белого Царя». Иностранным же европейским государствам приходилось искать колоний за морем, заботиться о создании торгового флота для связи метрополии с этими колониями, образовывать своеобразные местные управления и создавать совершенно особые условия жизни в колониях, отличающихся от метрополии»[118]. В чем все-таки Вонлярлярский был готов упрекнуть российских колониза-

---

[115] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 11.

[116] Там же.

[117] *Якимов О.Д.* Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. С. 33–34.

[118] Записка В.М. Вонлярлярского (17 янв. 1904 г.) // РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

торов, так это в некотором альтруизме, выражавшемся в том, что вновь присоединяемые территории живут за счет русского коренного населения. И это положение он призывал немедленно поправить.

В новых условиях, когда войны потребовали учета национальных интересов (прежде всего экономических), самодержавие продолжало оперировать в своей пропаганде старым арсеналом христианского мессионизма, династическими принципами легитимации имперской политики. Демонстративное невнимание идеологов дальневосточного курса к экономическим выгодам, высокая философская аргументированность и почти полное отсутствие рациональных мотивов имперской экспансии породили равнодушие и непонимание целей войны в широких слоях российского общества. Всегда чутко воспринимавший перемены правительственной политики издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин заявлял, что «пора оставить рубль в хозяйстве русского человека, а не вынимать его из этого хозяйства на необъятные горизонты»[119], что вместо войны в Маньчжурии он «предпочел бы воевать с Турцией из-за Македонии». Но с началом боевых действий на Дальнем Востоке и он поспешил вспомнить о Ермаке, который поклонился «грозному царю Сибирским царством», а с этого момента нельзя уже было повернуть назад, нужно идти только вперед[120].

Потребность в новой идеологии, пропаганде целей имперской политики стала более насущной в связи с изменением характера войн, введением всеобщей воинской повинности, когда для успеха в войне необходима общественная поддержка. Еще накануне войны А.Н. Куропаткин писал, что сознания важности целей, ради которых будет вестись война на Дальнем Востоке, не будет[121]. Солдаты плохо понимали, за что они должны сражаться в далекой Маньчжурии.

С началом Русско-японской войны официозная публицистика мобилизовала весь накопленный к этому времени арсенал идеологических аргументов, смешивая старые имперско-династические мифы с новейшими

---

[119] Цит. по: Современная летопись. Статс-секретарь С.Ю. Витте и Дальний Восток // Русский вестник. 1903. № 3. С. 436.

[120] *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 84-85. Справедливости ради, следует отметить, что Суворин всегда сознавал опасность безудержного имперского расширения. В частном письме К.А. Скальковскому он писал: «Набрали мы земли множество и берем еще и будем брать, если станут давать: все потому, что не умеем их устраивать. Взять легче, чем устроить». – Там же. С. 86. Российский морской агент в Японии А.И. Русин жаловался, что статьи «Нового времени», в отличие от японской и даже западноевропейской прессы, «поражают отсутствием патриотического такта и смысла». – *Рапорт А.И.* Русина наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву (19 ноября 1903 г.) // Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 79.

[121] *Куропаткин А.Н.* Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 124.

философскими, геополитическими, националистическими и расовыми идеями[122].

Коррективы в идеологии имперской экспансии, наряду с новыми национальными мотивами, несли в себе и явный отпечаток «старомосковских» династических и православных традиций. Впрочем, образ недавно канонизированного Серафима Саровского, иконы которого по благословению царской семьи раздавали воинам, не волновал их сердца и души, лучше было использовать, как полагал вел. кн. Александр Михайлович, уже испытанный веками образ Николая Угодника, «который был с Российской империей все триста лет сражений»[123]. Война с Японией представлялась пропагандой как война священная, в которой русский воин с мечом в руке обязан защитить христианскую веру. Российская пропаганда не забыла и о более привычном для народа образе Змея-Горыныча[124], а А.С. Суворин писал в лубочном стиле о японцах – «дьяволах с зелеными глазами»[125].

Журналы и газеты наполнились статьями о неизбежности столкновения России с Японией, цивилизационной миссии России в Азии, историческом тяготении русских к Востоку, воспоминаниями о пророческих предостережениях В.С. Соловьева грядущего панмонголизма, «желтой опасности», предсказаниях Вильгельма II, авторитетных мнениях Э. Реклю и Х. Маккиндера и даже европейском импульсе, который придали Руси варяги, и через все наше прошлое «проходит Sturm und Drang устремляющихся глубже и глубже на Восток главных «европейцев» нашей истории, беспокойного потомства владык холодной пучины»[126]. В 1904 г. в России уже третьим изданием вышла брошюра «Желтая опасность. Картина императора Вильгельма II и объяснения к ней». И в этой брошюре с претензией на пропагандистский эффект имелась ссылка на предупреждение В.С. Соловьева: «Кто знает, быть может, Провидение намеренно послало Европе эту кару – желтую опасность, для того чтобы она, ясно почувствовав, что так, как сейчас, жить нельзя, соединилась; для того, чтобы, освободившись раз и навсегда от желтой опасности, она исполнила Слово Божие, – устроилась вселенски, дабы вся земля стала Единой церковью Божией...»[127].

Постоянная комиссия народных чтений приступила с весны 1904 г. к изданию брошюр карманного формата для чтения публичных лекций о странах Дальнего Востока. В них Манчжурия представала возможной

---

[122] Подробнее см.: *Жукова Л.В.* Идеологическое обоснование русско-японской войны в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

[123] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 210.

[124] Конец желтой опасности. СПб., [1904]. С. 9.

[125] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; M., 1999. С. 460.

[126] Санкт-Петербургские ведомости. 1904 . 27 янв.

[127] Конец желтой опасности. СПб., [1904]. С. 2.

русской житницей в Азии[128], а перспективы отдать Корею Японии грозили получением в соседи «пьяного-буяна», охмелевшего от победы над Китаем. Популярно разъяснялось, что за «буяном-японцем» стоят его «кумовья» – англичане, «злобствующие на степенного русского за то, что он не похож ни на них, ни на китайцев, ни на японцев, а сам по себе»[129]. Ф.А. Тарапыгин пугал читателей японскими планами образования из Приморской области полунезависимого государства под покровительством Японии[130]. Автор исторических романов, писатель Л.Г. Жданов объяснял, как географически и исторически «тяготел наш народ к Востоку до самых дальних его окраин включительно», как он «стихийно, полубессознательно сам рвался к теплу, простору». И, несмотря на то, что русский народ составлен из разных племен и расселен на огромном пространстве земли, у него одна родина, одно царство – Россия. Вспомнил он и о подвигах Ермака, который предпринял завоевание Сибири не для себя лично, «а для земли Русской, для царя-государя всея Руси». Содержались в его брошюре и ставшие уже традиционными упоминания о Востоке Ближнем и Дальнем: «Не случайно, думается мне, океанская бухта, над которой раскинут Владивосток, прозвана Золотым Рогом. Русь окрестила старым, дорогим именем – свою новую пристань, дающую надежду на новые победы. Это имя напоминало России о ином заливе, там на Ближнем Востоке, о другом «Золотом Роге» и о Босфоре, на берегу которого раскинулся Константинополь, прозванный славянами Цареградом, предмет жарких желаний русского народа и его правителей в течение целого ряда веков»[131]. И вот теперь пробил «решительный час», и мы не должны его упустить, чтобы не опоздать к последнему разделу земного шара. Без выхода к морю Россия будет лишена возможности для полного своего расцвета. Но в отличие от колониальной

---

[128] *Комаров В.* (приват-доцент). Манчжурия. СПб., 1904. С. 42.

[129] *Мертваго Д.Ф.* (генерал-лейтенант). Корея и ее жители. СПб., 1904. С. 28–29.

[130] *Тарапыгин Ф.А.* Китай. СПб., 1904. С. 70.

[131] *Жданов Л.Г.* Движение России на Дальний Восток (К берегам Великого Океана). СПб., 1904. С. 58. Поэт В.Г. Жуковский, служивший в 1897–1899 гг. в Азиатском департаменте МИДа, а в 1903–1907 гг. вице-консулом в Адрианополе, писал о начавшейся русско-японской войне почти в духе геополитических мечтаний Ф.И. Тютчева:

«...Но мы не отвратим истории своей!
Велением судеб, когда-нибудь... иль скоро...
Мы выйдем к берегам лазурного Босфора,
В долинах Индии, – нежданный друг и враг,
На цепкой лошади появится казак,
Недовершенное свершится на Балканах...
Грядущее земли в России и славянах!
Пеняйте на себя: вы возмутили нас...
Судьба за правого: расчета близок час!». – Цит. по: *Тарапыгин Ф.А.* Указ. соч. С. 73.

Британской империи, основной российской соперницы в Азии, Дальний Восток для России является лишь простым расширением ее границ. И, как в случае с Сибирью и Приамурским краем, «обрусение может повториться с новым клином «китайской» земли» – северной Манчжурией, где много плодородной земли для русских переселенцев. Здесь будет прорублена дверь к «лучшим местам земли: к Южной Америке, к Южной Азии, к Цейлону с Австралией»[132]. Не обошлось в брошюре Л.Г. Жданова и без упоминания о «желтой опасности» и исторической миссии России спасти Европу от нового нашествия монголов.

Профессор П.П. Мигулин со страниц «Руси» призывал отбросить всякие сентиментальные рассуждения и выполнить «историческую задачу России»: выйти к незамерзающим портам Тихого и Индийского океанов. «Настоящее преступление не достигать этих выходов, – писал он с чисто колониальных позиций, – если по дороге к ним лежат области, занятые некультурными народами, исторически предназначенными к завоеванию более культурными и жизнеспособными народами. Если эти области кроме того мало заселены, а сами по себе плодородны и обладают большими естественными богатствами, не будучи эксплуатируемы своим населением по бедности и невежеству, то занятие их великим культурным государством – есть важный и настоящий долг перед всем цивилизованным человечеством»[133].

Даже Э.Э. Ухтомский вынужден был внести коррективы в свою концепцию, отказав в историческом будущем японцам в надежде «на братскую помощь и доброжелательство нашего народа». Задавая себе вопрос о том, с чем же идет русский человек на эту войну, он отвечал: «Помимо сознания, что настал миг выйти из пут узкого и далеко не всегда искреннего национализма, что «всечеловек» Достоевского – это есть действительно гражданин мировой русской монархии, что навязанная нам извне война должна послужить могучему подъему патриотических чувств из лона всех пестрых этнических и религиозно-разнородных элементов, образующих третий Рим – Россию, грозная борьба к которой, кроме Японии, могут и жаждут примкнуть всякие опасные для нас начала, наверно, скрепит и сплотит Империю; но тогда тем самым естественно решится для будущего давно решенный лучшими русскими людьми, только в силу рутины не решаемый формально инородческий и вероисповедный вопросы, которыми мы так часто болеем и томимся...»[134].

---

[132] *Жданов Л.Г.* Движение России на Дальний Восток (К берегам Великого Океана). СПб., 1904. С. 77, 80.

[133] *Мигулин П.П.* Война и наши финансы // Русь. 1904. 24 июля (6 авг.).

[134] *Ухтомский Э.Э.* Перед грозным будущим... // Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 26 янв.

С.Н. Трубецкой в январе 1904 г. на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», как бы подводя итог своей полемике с В.С. Соловьевым, окончательно признавался: «Мы присутствуем при развязке великой всемирно-исторической драмы... Пророчества умирающего Соловьева начинают сбываться...»[135]. Один из ведущих либеральных обозревателей В.А. Гольцев указывал на особенности Русско-японской войны, в которой «переплетаются экономические интересы с племенною ненавистью»[136]. Политический комментатор «Вестника Европы» Л.З. Слонимский весной 1904 г. публикует большую статью под названием «Желтая опасность», проникнутую идеями В.С. Соловьева. Л.А. Тихомиров на страницах «Московских ведомостей» напомнил, что со словами в защиту войны выступал еще Ф.М. Достоевский, а В.С. Соловьев пропел гимн германскому императору Вильгельму II[137]. Профессор А.И. Введенский, философ и богослов, публикует в конце 1904 г. в «Богословском вестнике» серию статей под общим названием «Дальневосточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще», где также замечал: «Дальнозоркие у нас, начиная с Хомякова и кончая покойным Вл. С. Соловьевым, уже ясно видели в настоящем семена этой грядущей мировой коллизии, а может быть и катастрофы»[138].

Исторический мессионизм, хотя и не часто, дополнялся и вполне прагматическими рассуждениями о торговых интересах, о том, что Дальний Восток есть продолжение Сибири, а приобретение Маньчжурии является лишь естественным расширением империи и созданием здесь нового колонизационного района для русских крестьян.

Идею о грядущей грозе с Востока активно использовала официальная пропаганда. Для учащихся старших классов Оренбургской мужской гимназии в 1905 г. ее преподаватель К. Белавин прочел несколько лекций, разъясняющих «происхождение и смысл русско-японской войны» (опубликованы в приложении к Циркулярам по Оренбургскому учебному округу, а затем и отдельной брошюрой). Белавин также упоминал, что оправдались предчувствия Вильгельма II, о которых говорили и наши Достоевский и Соловьев. «Таким образом, – заключал он, – как в XVI в., России приходится принимать на себя первый и тяжкий удар

---

[135] *Трубецкой С.Н.* Россия – на рубеже // Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 24 янв.

[136] *В.Г.* [*Гольцев В.А.*] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1904. № 10. С. 268.

[137] «Наследник крестоносной рати,
Ты стал под знаменем Креста,
Святой огонь в твоем булате,
И речь грозящая свята...». – Цит по: *Тихомиров Л.А.* О смысле войны. М., 1904. С. 7–11.

[138] *Введенский А.И.* Дальневосточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. С. 42.

ополчающихся на Европу азиатских народов; снова ей приходится брать на себя тяжелое бремя защиты христианской культуры против язычества»[139]. В обстановке военного столкновения на Дальнем Востоке философские рассуждения В.С. Соловьева воспринимались как пессимистический прогноз, за которым современный читатель журналов и газет приземленно видел лишь непосредственную угрозу, мало соотнося ее с высокими апокалипсическими суждениями великого мыслителя. Сложная религиозно-философская концепция была быстро переведена на более доступный массам язык политической пропаганды. Идея «желтой опасности» прочно вошла в новую идеологию имперской экспансии на Дальнем Востоке[140].

Появляются откровенно расистские призывы, которые с претензией на научность выдвинул в своих публичных выступлениях киевский профессор-психолог И.А. Сикорский. Он формулировал ассимиляционную задачу движения на Восток, в основе которой лежит «великой важности факт плодотворного усвоения инородческим населением биологических и нравственных черт русского народного гения», который позволит влить «свои здоровые соки в плоть и кровь, в нервы и душу монгольских племен, для которых он является высшей духовной и биологической силой»[141].

Новые цивилизационные и геополитические обоснования теоретиков и практиков имперской политики на Дальнем Востоке находили отклик у части офицеров, особенно тех, кто прошел через школу Генерального штаба. Об этом могут свидетельствовать путевые заметки казачьего офицера Г.А. Данилова, назначенного начальником штаба Сибирской казачьей дивизии. В 1904 г. он едет в Маньчжурию и его переполняют патриотические чувства, на память приходит исторический образ Ермака, который погиб в водах Иртыша, но «великий дух его витает здесь и зовет, зовет неудержимо довершить то, что ему свершить не дано было свыше... Он зовет сибирского казака к берегам Тихого океана, куда, естественно, пришел бы он сам: он шел туда; реки, леса и горы его остановить не могли; встречные народы он одолел бы и все отдал бы московскому Царю, как верный сын своему отцу; только океан, этот тихий, но необъятный

---

[139] *Белавин К.* Происхождение и смысл русско-японской войны (Приложение к № 10 и 11 «Циркуляра по Оренбургскому учебному округу). Оренбург, 1905. С. 43-44.

[140] Термин «желтая опасность» был введен в российский общественный обиход публицистом И.С. Левитовым. – *Левитов И.С.* Желтая раса. СПб., 1900; *он же.* Желтая Россия. СПб., 1901; *он же.* Желтый Босфор. СПб., 1903. Подробнее о полемике в конце XIX – начале XX в. по так называемому «желтому вопросу см.: *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М., 2000 (Глава 2 «Китайская диаспора и дискуссии о «желтой опасности» в дореволюционной России»).

[141] *Сикорский И.А.* Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросом русско-японской войны. Киев, 1904. С. 12.

океан мог остановить его»[142]. 5 мая 1904 г. вблизи озера Куку-Нор Данилов записал: «Много раз приходилось задумываться над значением и ролью этой Маньчжурии в исторических судьбах России. Часто приходилось слышать и читать, что Маньчжурия – это лишнее бремя для России, что постройка здесь русской железной дороги – это политика авантюры: куда нам возиться с этими 10 миллионами маньчжурцев и китайцев, быт и нравственный уклад которых мы не понимаем!.. Не знаю, кто и какими соображениями руководствовался здесь, только для меня все эти суждения казались непонятными, чуждыми моей душе русского человека. Я сознаю всю искусственность нашей границы по Амуру, я знаю, что северный берег Амура – страна мало пригодная для жизни нашего русского человека, которому необходима, прежде всего, земля под пашню и простор; я глубоко верю в неизбежность исторического движения русского племени к берегам Тихого океана...»[143]. И, переходя на глобальный уровень, этот офицер заключал: «...Здесь решается мировой вопрос о господстве на Дальнем Востоке одного из народов: России или Японии»[144]. В рассуждениях казачьего офицера с генштабистской подготовкой сошлись традиционные представления об исторической миссии России на Востоке, предания о великом покорителе Сибири, стремление отыскать «естественные границы» империи, стихийные колонизационные устремления русских землепашцев и почти глобалистские рассуждения о неизбежном разделе мира между великими державами.

Подобные идеологические аргументы воспроизводит в своих воспоминаниях и другой участник Русско-японской войны К. Дружинин, добровольно вступивший в армию со стремлением покарать врага, посягнувшего на честь и достоинство Отечества. В его рассуждениях также присутствуют уверенность в неизбежности столкновения с желтой расой, указания на пророческие речи Вильгельма II и сознание того, что война имеет свой исторический смысл, ибо если бы этого не будет сделано в 1904–1905 гг., то России придется через пять-десять лет встретить врага уже в Уссурийском крае и Приамурье, а не в Маньчжурии[145].

В целом идеологический разнобой в официальной пропаганде приводил к путанице в головах простых солдат и офицеров. Эту растерянность хорошо подметил участник Русско-японской войны писатель В.В. Вересаев в очерке «На отдыхе».: «Нынче утром, – рассказывает своим товарищам по полку один из офицеров (Рубцов), – солдаты говорят мне: «Ваше благородие! Вот в «Вестнике Маньчжурской армии» пишут,

---

[142] *Данилов Г.А.* Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 гг. // Русская старина. 1911. № 1. С. 212–213.

[143] Там же. № 2. С. 312.

[144] Там же. С. 315.

[145] *Дружинин К.* Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909. С. 6, 8, 17, 23.

что тут за веру воюем, за царя и отечество. Как это так? Ведь веры нашей никто не трогает, царя не обижает. А отечество – китайское». Все засмеялись, только Рубцов враждебно насторожился. Батальонный спросил:

- Что же вы?

- Ну, что! Стал им что-то про Тихий океан объяснять, да сам спутался...»[146]. Полковой священник Митрофан Серебрянский называл войну «колониальной», но при этом заявлял, что «рабами гордых язычников не будем, вот братьями быть готовы»[147]. В своей же повседневной деятельности он предпочитал обходиться традиционными методами религиозного воздействия и ссылками на присягу царю. Другой священник, П. Дьяков, побывавший уже в 1900 г. на крейсере «Адмирал Нахимов» в Корее и вновь отправившийся в 1904 г. с сибирскими стрелками уже на войну, писал о столкновении европейцев с азиатами, о необходимости возрождения русского национального самосознания и о наступлении новейшей исторической эпохи[148].

Участие России в подавлении восстания ихэтуаней в 1900 г. и Русско-японская война 1904–1905 гг. всколыхнули общественный интерес к Дальнему Востоку. В правительственных кругах, может быть, впервые задумались, что война на далеких рубежах империи в условиях формирующихся в обществе представлений о национальных интересах требует целенаправленного идеологического обеспечения. Российские средства массовой информации, контролируемые самодержавным режимом и подпитываемые его финансовыми средствами, начали целенаправленную акцию по разъяснению смысла и целей войны. Несмотря на обилие и многообразие новых имперских идей, они так и не смогли глубоко проникнуть в народное сознание, застряв на уровне интеллектуальных изысков философов, экзотических прозрений литераторов или амбициозных и авантюрных проектов искателей славы и денег у мечтавшего о великой роли на Востоке Николая II. Пропагандистский натиск, направленный на идеологическую обработку общественного мнения, не был успешным, и А.Н. Куропаткин вынужден был признать, что Россия проиграла войну с Японией в первую очередь идейно.

Формирование идеологии движения на Восток исходило, казалось бы, из двух противоположных истоков: первого, проповедовавшего культурную и геополитическую связь России с азиатским Востоком, и второго, призывавшего Россию к выполнению исторического предна-

---

[146] *Вересаев В.В.* На отдыхе // Вересаев В.В. Собр. соч. в четырех томах. М., 1985. Т. 2. С. 365.

[147] *Митрофан Серебрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 163.

[148] *Дьяков Н.* В Маньчжурии с сибирскими стрелками (1904 г.). СПб., 1905. С. 3-4.

значения стать барьером на пути «панмонголизма», надвигающегося на Европу. И, как уже отмечено исследователями, один из главных инициаторов дальневосточной политики С.Ю. Витте с известным прагматизмом черпал аргументы для ее обоснования одновременно из двух истоков[149]. Стремление достичь «естественных границ», привносившее в идеологию имперской экспансии видимость рационального объяснения, соединялось с иррациональной мотивацией охраны рубежей «Православного царства»; внешнеполитические задачи срастались с проблемой внутреннего обустройства расширившегося имперского пространства, а хозяйственное освоение Сибири находило продолжение в вестернизированном экономическом империализме в Маньчжурии. Былинные образы казаков-первопроходцев соседствовали с проектами железных дорог, способных «мирным» путем открыть для России Азию, сшить огромное пространство империи железными нитями. При видимом различии двух основных интерпретаций исторической роли России на Востоке (континентальной или морской) они сходились в том, что Россия должна играть ведущую роль в новой политической и экономической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В новой имперской концепции переплелись две главные идеи: цивилизационная миссия России в Азии и «желтая опасность», от которой Россия должна защитить Европу, как во времена нашествия монгольских орд.

[149] *Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д.* Идеологии империи в России имперского периода //Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 214.

4.2. Дальневосточное наместничество и комитет Дальнего Востока

«Этот обширный и богатый дарами природы край давно нуждается в прочной, крепкой и разумной администрации. Здесь нельзя положиться на действие общих законов и учреждений. Здесь важно иметь голову и руку, волю, которая, ознакомившись со всеми потребностями края и его населения, твердым управлением обеспечила бы ему порядок и нужную свободу и оградила бы от злоупотреблений непосредственным применением власти».

К.П. Победоносцев[1]

Одной из важнейших проблем управления Дальним Востоком в конце XIX – начале XX вв. продолжала оставаться плохая координация действий различных ведомств. В условиях отсутствия «объединенного правительства»[2] и удаленности Приамурского генерал-губернаторства, усложнения региональных задач самостоятельность местной высшей власти неизбежно должна была оставаться сильной и авторитетной. Вместе с тем министерства стремились к унификации управления окраинами империи, наращивая в них свое ведомственное присутствие. Отсутствие единства в правительственной политике в Петербурге транслировалось на региональный уровень, усложняя проблему координации решений министерств, действующих по отраслевой вертикали, и генерал-губернаторов, призванных по властной горизонтали реализовать единство территориального управления. Управленческая ситуация осложнялась политическими акциями самодержавия в Маньчжурии и Корее, что приводило к обострению отношений с европейскими державами и Японией. Уровень знания реальной ситуации на Дальнем Востоке в петербургских кругах продолжал оставаться невысоким, несмотря на повышенный интерес, который сопровождался скорее творением новых идеологических мифов, нежели серьезным научным познанием Азиатско-Тихоокеанского региона. Даже в конце XIX в., не без раздра-

---

[1] К.П. Победоносцев – наследнику, цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу (февр. 1891 г.) // Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 296.

[2] О проблеме «объединенного правительства» см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. Гл. II.

жения заметил С.Ю. Витте, в петербургских кругах все еще знали Дальний Восток на уровне гимназического учебника[3].

С созданием в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), который не только сосредоточил в своих руках вопросы, непосредственно связанные с сооружением железнодорожной магистрали, но и был призван решать задачи освоения Сибири и Дальнего Востока, удалось на некоторое время снизить ведомственную многоголосицу и в вопросах дальневосточной политики[4]. КСЖД просуществовал до конца 1905 г., хотя фактически прекратил свою деятельность раньше: последнее (42-е) заседание состоялось 17 декабря 1903 г. Однако полному сосредоточению азиатской политики в одном высшем учреждении препятствовало, по утверждению главы его канцелярии А.Н. Куломзина, «самодержавие министров»[5].

В этих условиях местная администрация не только проявляет особую обеспокоенность управленческой ситуацией в регионе, но и претендует на большую степень самостоятельности в процессе принятия политических решений. В 1888 г. Министерство внутренних дел совместно с приамурским генерал-губернатором поставило вопрос об объединении действий «как местной русской власти, так и дипломатических представителей России в сопредельных странах[6]. Однако в то время правительство не пошло дальше незначительного расширения полномочий приамурского генерал-губернатора. В качестве меры, призванной облегчить взаимодействие центральных и дальневосточных властей, по инициативе приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского в 1893 г. в Петербург был направлен представитель местной администрации. В его задачу входило главным образом следить за прохождением дальневосточных дел в министерствах и своевременно информировать об этом генерал-губернатора. Кроме того, он был уполномочен давать необходимые справки и пояснения[7]. Это должно было повысить скорость прохо-

---

[3] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 44.

[4] Подобные меры в отношении Сибири (как, впрочем, и в отношении некоторых других имперских окраин) самодержавие в XIX века практиковало неоднократно: Комитет по делам Сибирского края (1813–1819 гг.), I Сибирский комитет (1822–1838 гг.), II Сибирский комитет (1852–1864 гг.). – *Ремнев А.В.* Комитет министров и высшие территориальные комитеты в 60–80-е гг. XIX в.: (Российский вариант организации регионального управления) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII–XX вв.). Омск, 1996. С. 55–66.

[5] О КСЖД подробнее см.: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. С. 176–189.

[6] Журнал Особого совещания 8 мая (26 апр.) 1888 г. // Красный архив. 1932. Т. 3 (52). С. 54.

[7] Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской – гр. Д.А. Капнисту (22 мая 1893 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 75. Первоначально эта миссия была поручена войсковому старшине Милютину, представлявшему дальнево-

ждения приамурских проектов в отсутствие эффективной связи (почта все еще шла более 2-х месяцев).

Новый импульс дальневосточная политика получила началом строительства Сибирской железнодорожной магистрали и Японо-китайской войной 1894–1895 гг., возвестившей о появлении на Дальнем Востоке нового серьезного соперника. В апреле 1895 г. Приамурское генерал-губернаторство пребывало в ожидании важных событий. Как вспоминала жена генерал-губернатора В.Ф. Духовская: «Приехали сюда три губернатора: Унтербергер, Мациевский и Арсеньев, каждый вечер они совещаются у нас. С семи часов утра до одиннадцати ночи в нашем доме огромное сборище генералов и офицеров; в обеих зала, за отдельными столами, идет усиленная работа, пишут и разбирают шифрованные телеграммы, которые так и летают между Хабаровском и Петербургом. Телеграфная линия так и не выдержала, испортилась, и несколько дней мы были без депеш; важная шифрованная телеграмма, посланная Ванновским (военным министром. – А.Р.), шла целых шесть дней»[8].

Позиции центральных ведомств (прежде всего Министерства финансов) и дальневосточной администрации разошлись в вопросе о КВЖД. Изменение направления Транссибирской железнодорожной магистрали не только меняло ее стратегическое значение, но и оказывало существенное влияние на развитие всего Приамурского края. Приамурский генерал-губернатор Духовской предупреждал, что КВЖД может стать «крупной исторической ошибкой», а отказ вести железнодорожную линию по российскому берегу Амура приведет к нежелательным военным и экономическим последствиям[9]. В специальной записке 11 января 1896 г. по поводу строительства КВЖД он разъяснял, что даже в случае успехов в Маньчжурии не следует бросать ранее намеченной амурской железнодорожной линии, которая будет иметь «великое колонизационное, базоустроительное значение». Далее следовало с пафосом выписанное объяснение со ссылкой на авторитет Александра III: «А так как быстрое обрусение Маньчжурии немыслимо, то нашей домашней, чисто-

сточные казачьи войска в Петербурге при Главном управлении казачьих войск, а в 1896 г. его сменил полковник Фелькнер.

[8] *Духовская В.Ф.* Из моих воспоминаний. СПб., 1900. С. 491.

[9] Позднее, будучи туркестанским генерал-губернатором, С.М. Духовской в ответ на присылку П.Ф. Унтербергером книги «Очерк Приморской области» написал: «Что же теперь станется с Дальним Востоком? Был ли я прав всегда, говоря, что затея вести путь по чужому государству недостаточно осторожна и что если бы ближе держались к манифесту Александра III 1891 г. ... устроили бы сначала нашу внутреннюю линию, то вся нынешняя катастрофа отдалилась бы на десяток лет. Немцы и другие ... европейцы не так нахально набросились бы на Китай... Теперь же пойдут каждые 5–10 лет войны с Китаем, и европейцы все более будут ссориться». – С.М. Духовской – П.Ф. Унтербергеру (31 авг. 1900 г.) // РГВИА. Ф. 99. Оп.1. Д. 44. Л. 31. Такой же позиции в МИД придерживался директор Азиатского департамента Д.А. Капнист. – История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997. С. 137.

русской Амурской линии на многие годы предстоит служить нам и важную военную службу. <...> Будет ли путь по Маньчжурии той гордостью и надеждой русского национального знамени, которое поднято великим предприятием императоров Александра III и ныне благополучно царствующего?». Но Николай II, обычно трепетно относившийся к заветам своего отца, на этот раз ответил краткой и решительной резолюцией: «Нет»[10]. Понимая, что строительство КВЖД осложнит и без того не простую управленческую ситуацию в регионе, Духовской уже в ноябре 1897 г. обратился к министру внутренних дел с предложением создать «особый орган», способный объединить решение как строительных, так и административных и торговых вопросов, возникающих в этой связи. О необходимости такого органа он поставил в известность и Николая II, подчеркнув: «Потребности обстановки и характер деятельности этого органа требуют соображений, выходящих из круга моего ведения. Но, несомненно, что чем далее, тем роль его будет увеличиваться»[11]. Приамурскую администрацию не могло не беспокоить то, что строительство КВЖД оказалось совершенно вне зоны ее влияния. Пограничный комиссар Амурской области Б. Громбчевский сообщал С.М. Духовскому, что инженер С.Н. Кербедз в доверительной беседе заявил ему о нежелательности нахождения в районе постройки железной дороги «ни консулов, ни других представителей наших властей»[12].

Расклад политических и ведомственных сил, столкнувшихся по поводу выработки правительственного курса на Дальнем Востоке, был сложным. Ф.А. Львов, писавший явно в угоду С.Ю. Витте, вспоминал, что в начале XX в. на Дальнем Востоке царил «туман и сумбур» в понимании задач России в регионе, а в управлении существовал «тройственный разлад» министерств: иностранных дел, финансов и военного[13]. Этот «разлад», по словам Львова, усиливался созданием особого управления Квантунской области. Но этот перечень был явно неполным, так как особые ведомственные интересы преследовали министерства (морское, путей сообщения, юстиции, внутренних дел и даже Синод), имевшие в регионе свои учреждения и чиновников.

Аренда в 1898 г. Ляодунского полуострова и оккупация русскими войсками в 1900 г. Маньчжурии возбудили вновь вопрос об эффективно-

---

[10] Первые шаги русского империализма на дальнем Востоке (1888–1903 гг.) // Красный архив. 1932. Т. 3 (52). С. 87–88; [*Куропаткин А.Н.*] Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911. С. 164–165.

[11] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского (1896-1897 гг.). СПб., 1898. С. 95.

[12] Полковник Б. Громбчевский – приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому (5 сент.1898 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 206-е.

[13] *Львов Ф.А.* Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906. С. 6.

сти существующей административной конфигурации. Хотя сохранялся старый центр в Хабаровске, в Порт-Артуре формировался новый военно-политический центр управления Дальним Востоком России. На первых порах важной политической и военной персоной здесь стал главноначальствующий оккупационными силами на Квантунском полуострове адмирал Ф.В. Дубасов, который держал свой флаг на находившемся на порт-артурском рейде броненосце «Память Азова». Туда и должны были являться военные и гражданские чиновники[14]. Дубасов, столкнувшись с трудностями в выполнении несвойственных для него функций, одним из первых поставил вопрос об определении правового статуса и организации гражданского и военного управления новой территорией.

В ноябре 1898 г. под председательством члена Государственного совета Д.М. Сольского было созвано особое совещание, которое должно было определить порядок управления Квантунским полуостровом. Дубасов предложил назначить на Квантунский полуостров военного губернатора, высказавшись за необходимость установления в управлении российским тихоокеанским побережьем «одной воли и одной власти». С этой целью, считал он, нужно подчинить одному лицу Квантунский полуостров, Тихоокеанский флот, дальневосточные порты, а также все сухопутные силы, дислоцированные в крае[15]. Однако Военное министерство призывало к осторожности, чтобы не раздражать китайцев, и вместе с тем, намереваясь не упустить ситуацию из-под своего ведомственного контроля, предложило нейтральный титул «командующего войсками Квантунского полуострова», с непосредственным подчинением приамурскому генерал-губернатору[16].

В качестве управленческой модели был избран Туркестан, откуда предлагалось заимствовать уже опробованную там систему военно-народного управления. При этом подчеркивалась специфика управленческой ситуации, когда край еще не вошел окончательно в состав Российской империи, а его жители продолжают оставаться подданными китайского императора. Впрочем, известный знаток международного права Ф.Ф. Мартенс призывал особо не церемониться и не стремиться к соблюдению обязательства не нарушать права китайского императора. «Очевидно, что все пользование, управление и командование Русскими властями в означенной территории только мыслимо при постоянном нарушении верховных прав Богдыхана», – подчеркивал он[17]. По его мне-

---

[14] В один из таких визитов приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков чуть не утонул. – *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 79.

[15] *Доккю Чой.* Россия в Корее: 1893-1905 гг. СПб., 1996. С. 103.

[16] Об управлении Квантунским полуостровом // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1, 5.

[17] Копия с записки Ф.Ф. Мартенса «Об управлении Ляодунским полуостровом» (2 апр. 1898 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4356. Л. 3.

нию, во главе новой области должен стоять губернатор или генерал-губернатор, которого можно назвать в угоду китайцам по-разному: «командир», «наместник» или «воевода».

Создание Квантунской области не было обычным административным шагом и имело далеко идущие политические последствия. Но на пути реализации квантунского управленческого проекта встала известная проблема взаимодействия как военного и морского ведомств, так и местных высших властей. Отношения приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова и начальника Квантунской области Е.И. Алексеева складывались сложно. Прежде всего, это было связано с вопросом о подчиненности военно-морских и сухопутных сил в крае во время подавления Боксерского восстания. Военное министерство было против передачи Алексееву командования всеми войсками в Маньчжурии, что умалило бы значение приамурского генерал-губернатора. А.Н. Куропаткин писал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу, что сомневается в достаточной подготовке адмирала Алексеева к командованию сухопутными войсками[18]. После долгих дебатов Николай II 4 декабря 1900 г. разделил сферы управления в Маньчжурии между Гродековым и Алексеевым, оставив последнему контроль за Мукденской провинцией.

В традиционном для Дальнего Востока соперничестве морского и сухопутного ведомств соотношение сил постепенно менялось в пользу первого. Не случайно то, что именно адмиралы (А.М. Абаза, Е.И. Алексеев, Ф.В. Дубасов, П.П. Тыртов и др.) сыграли видную роль в формировании нового дальневосточного политического курса. Положение моряков упрочилось с назначением 19 августа 1899 г. бывшего командующего Тихоокеанской эскадрой адмирала Е.И. Алексеева[19] главным начальником и командующим войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана. Он же занял пост квантунского военного губернатора. Кроме того, интересы Морского министерства лоббировали на самом высоком уровне великие князья Алексей Александрович и Александр

---

[18] А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу (29 окт. 1900 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5304. Л. 6.

[19] Ходили упорные слухи, что Е.И. Алексеев был побочным сыном императора Александра II, что, по словам А.А. Игнатьева, объясняло, отчасти, его независимость и влияние. Кто была его мать неизвестно, но тот же Игнатьев пишет о чуть заметном акценте речи Алексеева, выдававшем «его армянское (со стороны матери) происхождение». – *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 205. Однако в «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америки» (Владивосток, 1998. С. 17.), без ссылки на источник, Б.Н. Болгурцев сообщает, что Е.И. Алексеев родился 13 мая 1843 г. в Севастополе в семье отставного капитан-лейтенанта. В послужном же списке Алексеева имеются сведения, что он родился 11 мая 1843 г., происходил из дворян (без указания какой губернии), православный, и что ни у него, ни у его родителей (о которых нет никаких сведений) нет недвижимого имущества, воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда был определен 20 августа 1856 г. – РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д.1. Л. 1; Д. 510. Л. 4–9.

Михайлович. В этом же ряду ведомственного противостояния стоит и образование в 1902 г. Главного управления торгового мореплавания и портов во главе с вел. кн. Александром Михайловичем. Как вспоминал служивший в те годы при российском посольстве в Китае Ю.Я. Соловьев, морское и сухопутное военное начальство игнорировали друг друга и общались между собой лишь через подчиненных лиц, так же как соперничество между министром финансов С.Ю. Витте и министром иностранных дел М.Н. Муравьевым приводило к разногласиям между представителем МИДа в Пекине Павловым и агентом Министерства финансов и директором пекинского отделения Русско-Китайского банка Покотиловым (будущим посланником в Пекине)[20]. Однако единства взглядов на дальневосточную политику не было и среди самих моряков. Так, возглавлявший в 1897–1899 гг. тихоокеанскую эскадру контр-адмирал Ф.В. Дубасов возражал против ее перевода из Владивостока в Порт-Артур[21]. Отправляясь в 1900 г. командовать тихоокеанской эскадрой, вице-адмирал Н.И. Скрыдлов побывал у пяти министров, и каждый говорил ему свое, а в результате: «Никаких директив, программ»[22].

Соперничество военных ведомств дополнялось противоречиями между министром финансов С.Ю. Витте и министром иностранных дел М.Н. Муравьевым, что сказывалось на взаимоотношениях подчиненных им чиновников на Дальнем Востоке[23]. Оставалось неясным, например, кому должен подчиняться дипломатический чиновник в Порт-Артуре: военному губернатору или российской дипломатической миссии в Пекине, на чем настаивали в МИД.

Министерство финансов быстро наращивало свое ведомственное присутствие в регионе, успешно конкурируя с другими министерствами. Оно ведало на Дальнем Востоке: железными дорогами, войсками, предназначенными для охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Заамурской пограничной стражей, прозванной по имени жены Витте «Матильдиной гвардией», коммерческой флотилией, портом Дальний и Русско-Китайским банком[24]. С 1899 г. морское пароходство КВЖД постепенно вытесняет другие российские пароходства с пасса-

---

[20] *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. 1893–1922. М., 1959. С. 79–80, 98.

[21] *Болгурцев Б.Н.* Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки XVII – начало XX вв. Владивосток, 1998. С. 69.

[22] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999. С. 394.

[23] *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. М., 1959. С. 98.

[24] По оценке С.Ю. Соловьева Русско-Китайский банк и общество КВЖД были образованы на тех же принципах, что и английская Южноафриканская компания Сесиля Родса, и представляли собой по сути правительственные организации только с внешними признаками коммерческой самостоятельности. – *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 71; см. также: *Лукоянов И.В.* Русско-Китайский банк (1895–1904 гг.) // Нестор. 2000. № 2. С. 177–202.

жирских и коммерческих линий между портами на Тихом океане[25]. В.И. Гурко с осуждением писал, что Витте «выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства»[26]. Обвиняя С.Ю. Витте в ведомственном экспансионизме, военный министр А.Н. Куропаткин публично заявлял, что министр финансов образовал в своем министерстве отделы других министерств: «По министерству путей сообщения он проектировал, строил и управлял огромною линиею Восточно-Китайской дороги, по военному – организовал и командовал двумя корпусами войск, одним пограничной стражи и другим охранной стражи Восточно-Китайской железной дороги, самостоятельно принимая даже без сношения с Военным министром тип артиллерии для корпуса войск, охранявшего Восточно-Китайскую железную дорогу. По морскому министерству он организовал и ведал торговым флотом на Великом океане и речными судами, носившими вооружение. По ведомству народного просвещения он основывал высшие технические учебные заведения. По ведомствам внутренних дел и земледелия он имел высшее управление, так называемое полосою отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, строил города, поселки, решал вопросы землеустройства и землепользования. По ведомству иностранных дел вел переговоры с высшими представителями китайской администрации, заключал договоры, имел своих коммерческих и одновременно дипломатических агентов в разных пунктах Китая, Кореи»[27].

Военного министра не могло не раздражать, что строительство города Дальнего было начато без обсуждения с ним и начальником Квантунской области. На управление КВЖД и прилегающей к ней территории претендовали Военное министерство и Министерство путей сообщения, и министру финансов стоило больших трудов отстоять свои права[28]. С.Ю. Витте резко реагировал на всякую критику положения дел на КВЖД и на замечания о царившем там казнокрадстве А.Н. Куропаткина накануне китайских событий 1900 г. ответил, что государство только выиграло бы, если каждое ведомство занималось своим делом и «без надлежащих знаний не совалось бы в чужие»[29].

Поручик кавалергардского полка кн. А.М. Волконский, участник миссии кн. Э.Э. Ухтомского в Китай в 1897 г., одной из главных причин

---

[25] *Бянкин В.П.* В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С. 48.

[26] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 310.

[27] *Куропаткин А.Н.* Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 93.

[28] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 50.

[29] Цит. по: *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002. С. 224.

неудовлетворительности имперской политики на востоке считал отсутствие планомерности в ее реализации: «Необходимо, чтобы выработанный в Петербурге план касался лишь общей, принципиальной стороны дела; детальную же разработку мер, проведение их в жизнь необходимо предоставить местным деятелям, облеченным доверием центральной власти. Наши азиатские окраины страдают от чрезмерной централизации государственного управления»[30]. Путешествовавший в 1898 г. по Дальнему Востоку писатель Н.Г. Гарин-Михайловский также отметил в своем путевом дневнике, что военное и морское ведомства «только и заняты тем, как бы подставить друг другу ножку», а Министерство путей сообщения и Государственный контроль – «на ножах», отчего казна терпит убытки. И средство от этого одно – «объединенные министерства с министром – ответственным главой»[31].

П.А. Бадмаев, к советам которого Николай II продолжал прислушиваться вплоть до Русско-японской войны, предлагал превратить Забайкалье и Приамурский край в надежный плацдарм, «откуда должно последовать наше влияние на 400-миллионное население Китая». Для этого необходимо было поставить дальневосточную администрацию в другие условия и подготовить к будущей деятельности. С этой целью Бадмаев рекомендовал учредить на Дальнем Востоке должность главноуправляющего с особыми полномочиями и правами министра, члена Государственного совета и Комитета министров; разделить военное и гражданское управление; упразднить должность иркутского генерал-губернатора, передав все войска за Байкалом в ведение нового главноуправляющего; поручить главноуправляющему дипломатические функции, подчинив ему российских посланников и консулов в Китае и Японии[32]. В отличие от генерал-губернатора, главноуправляющий, по замыслу Бадмаева, освободившись от чисто военных функций (которые останутся у командующего войсками округа), сможет сосредоточиться на выполнении политических и экономических задач. Преимущественное положение в центре должно получить Министерство иностранных дел, где необходимо создать особый департамент по дальневосточным делам, куда и будут через главноуправляющего поступать все донесения. Очевидно, утратив поддержку в виттевском Министерстве финансов, Бадмаев решил сделать ставку на МИД, надеясь с его помощью укрепить свои позиции. Таким образом, Витте приходилось бороться за

---

[30] «Граница между Россией и Японией одна – океан». Секретная записка кн. А.М. Волконского // Источник. 1995. № 5. С. 13.

[31] *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 96.

[32] Записка Бадмаева Николаю II о Японско-китайской войне и задачах русской политики (22 февраля 1895 г.) // Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Минск; М., 2001. С. 112–114.

свое влияние на Николая II в дальневосточных делах не только с конкурирующими министерствами, но и с авантюристами типа Бадмаева.

И без того непростая управленческая ситуация в начале XX в. осложнилась вмешательством в дальневосточную политику близкой ко двору и самому царю группы дельцов, известной под наименованием «безобразовского кружка» (А.М. Безобразов, Н.Г. Матюнин, В.М. Вонлярлярский, А.М. Абаза, К.И. Вогак и др.). Именно Н.Г. Матюнин, как признанный среди «безобразовцев» специалист по Дальнему Востоку, выдвинул идею концентрации власти в одних руках с целью отстранить министров (прежде всего министра финансов С.Ю. Витте) от руководства дальневосточными делами[33]. Уже в эмиграции В.М. Вонлярлярский вспоминал, что «потребовалось более 5 лет борьбы, чтобы изъять у С.Ю Витте «бесконтрольное и безответственное хозяйничанье на Дальнем Востоке»[34]. Таким образом, уже изначально путем создания дальневосточного наместничества стремились не только (и не столько) объединить деятельность ведомств, сколько создать самостоятельную власть в регионе, независимую от министров.

Безобразов и К° постарались использовать все аргументы в свою пользу, вплоть до самоокупаемости дальневосточного региона, которая станет возможной с его административной и финансово-экономической автономией. Российский посланник в Японии барон Р.Р. Розен, которого цитирует в своих мемуарах вел. кн. Кирилл Владимирович, писал: «По всей вероятности, он (А.М. Безобразов) представил Государю грандиозный план, следуя которому Россия могла бы приобрести на Дальнем Востоке империю, подобную британской в Индии, причем таким же путем постепенной экспансии, какая проводилась уже не существующей ныне Ост-Индской компанией»[35]. «Безобразовцы» убеждали Николая II, что с созданием на востоке наместничества удастся достичь наилучшего способа сближения имперской периферии с центром. В ход были пущены ссылки на исторические примеры управления другими российскими окраинами, прежде всего Кавказом.

Серьезность дальневосточных управленческих противоречий сознавалась на самом верху. Николай II говорил А.Н. Куропаткину, «что признает положение на Дальнем Востоке тревожным не столько из-за японцев, сколько из-за розни, которая существует на месте между представителями военного и финансового ведомств»[36]. Впрочем, и основной

---

[33] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 127–132; *Лукоянов И.В.* Проблема управления Дальним Востоком и кризис государственной власти в России на рубеже XIX – XX вв. // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Секция: Проблемы отечественной истории. Омск, 1992. С. 39.

[34] *Вонлярлярский В.* Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, б.г. С. 152.

[35] Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. М., 1996.

[36] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 35. Запись 16 февр. 1903 г.

соперник «безобразовцев» С.Ю. Витте также видел причину неэффективности дальневосточной политики в том, что «на месте нет объединяющих указаний из Петербурга от центральных учреждений», а каждое министерство «смотрит на положение вещей со своей узко профессиональной точки зрения»[37].

Вопрос об управлении Дальним Востоком обсуждался в присутствии Николая II на особых совещаниях 26 марта и 7 мая 1903 г. На совещании 26 марта под председательством царя присутствовали такие главные деятели дальневосточной политики, как генерал-адмирал вел. кн. Алексей Александрович, министры: внутренних дел В.К. Плеве, финансов С.Ю. Витте, иностранных дел В.Н. Ламздорф, военный – А.Н. Куропаткин и один из лидеров «безобразовского кружка» контр-адмирал А.М. Абаза. Главным докладчиком был Абаза, который и объявил о необходимости объединения власти на Дальнем Востоке и устранении ведомственных противоречий. Его поддержал Плеве, который добавил, что «общий надзор за деятельностью на Дальнем Востоке должен принадлежать лицам, облеченным на местах высшей правительственной властью», и предложил поставить под контроль квантунского военного губернатора Е.И. Алексеева лесную концессию на реке Ялу[38]. Однако каких-либо конкретных организационных предложений в марте выработано не было.

План создания наместничества получил новый импульс уже после поездки А.М. Безобразова на Дальний Восток весной 1903 г. До этого речь шла в основном лишь о расширении полномочий квантунского военного губернатора Е.И. Алексеева. Вернувшись в Петербург, Безобразов стал усиленно проводить идею дальневосточного наместничества. В.И. Гурко считал, что именно Безобразов «окончательно прельщает» честолюбивого Алексеева мыслью о преобразовании Квантунской области в наместничество[39]. На заседании особого совещания 7 мая 1903 г. Безобразов присутствовал в качестве статс-секретаря «вне ведомств». По определению Б.А. Романова, «это была фантастическая должность с функциями, до самого конца так и оставшимися неопределенными»[40]. Предложения Безобразова сводились к сосредоточению всего управления на Дальнем Востоке в руках «одного ответственного лица» под непосредственным руководством императора. Он же предложил образовать в Петербурге особую канцелярию по дальневосточным делам. Николай II поддержал это предложение и открыто заявил о своем полном доверии

---

[37] Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте (1902 г.) // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 22–23.

[38] *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 101.

[39] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 328.

[40] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 220.

Алексееву. Но и на этот раз решение не было принято, ограничились лишь подчинением надзору квантунского военного губернатора концессии на реке Ялу. Сохранялась сложившаяся уже практика коллективного обсуждения дальневосточных вопросов в особых совещаниях с поручением А.М. Абазе ведения их делопроизводства[41].

Однако отношения Алексеева и Безобразова первоначально складывались далеко не безоблачно. Алексеев проявлял осторожность, пытаясь лавировать между враждующими политическими группировками. Очевидно, Витте также не оставлял надежд склонить Алексеева на свою сторону, обратившись в марте 1903 г. с таким предложением к адмиралу Н.Н. Ломену, который был в дружеских отношениях с Алексеевым. Однако этот шаг не имел успеха. Алексеев, убедившись, как впоследствии комментировал Витте, «что сила на стороне Безобразова, в конце-концов склонился перед ним и поступил к нему в услужение, вследствие чего он из начальника Квантунской области и был возведен в наместники»[42]. Как отмечается в инспирированной тем же Витте публикации Б.Б. Глинского «Пролог русско-японской войны», конец колебаниям Алексеева положило назначение управляющим Морским министерством после смерти 4 марта 1903 г. адмирала П.П. Тыртова начальника Главного морского штаба адмирала Ф.К. Авелана[43]. Известно, что Алексеева прочили на этот пост, и звание наместника могло явиться своего рода компенсацией.

2 мая телеграфом военного губернатора Квантунской области адмирала Е.И. Алексеева уведомили о выработке нового правительственного курса и предупредили, чтобы он готовился к «объединению деятельности всех ведомств» на Дальнем Востоке[44]. Дальнейший план действий по организации дальневосточного управления генерал К.И. Вогак «совершенно доверительно» разъяснил Алексееву уже в письме от 21 мая 1903 г.: «Учреждение на Дальнем Востоке (Квантун, Приамурье и, конечно, Маньчжурия) наместничества (название может быть и другое), необходимого ввиду выяснившейся невозможности управлять делами из центра и сознанной необходимости дарования самой широкой и ответственной власти местному начальнику. <...> Высшее руководство дела-

---

[41] *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928. С. 432.

[42] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 239. Впрочем, еще в январе 1903 г. Е.И. Алексеев обращался к А.М. Безобразову, ища у него поддержки «предполагаемой реформе» дальневосточного управления. – РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. Да и сам Витте в то время искал союза с А.М. Безобразовым, о чем К.И. Вогак рассказывал А.Н. Куропаткину в конце мая 1903 г. – Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 400.

[43] *Глинский Б.Б.* Пролог русско-японской войны // Исторический вестник. 1914. № 7. С. 257–258.

[44] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 224.

ми Дальнего Востока изволил принять на Себя непосредственно Государь Император, причем для делопроизводства будет образована Особая канцелярия, куда будет поступать переписка от наместника одновременно с направлением ее в соответствующие министерства. Этим над деятельностью последних будет установлен надлежащий контроль, который должен прекратить те нежелательные явления, которые наблюдались до сих пор. Вероятно, что будет образован особый Комитет (наподобие существовавшего Кавказского) совещательного характера под председательством Государя Императора, из соответствующих министров»[45]. Письмо это Вогак поспешил отправить Алексееву, проезжая через Забайкалье на Дальний Восток, куда он направился с непростой миссией лично объяснить находившемуся там А.Н. Куропаткину «причину и смысл новых решений и постараться убедить его в их необходимости»[46]. Особую трудность он предвидел в вопросе о наместничестве, так как понимал, что с его учреждением власть военного министра над Дальним Востоком прекратится.

2 июня 1903 г. А.М. Безобразов доложил императору, что он обсудил вопрос о будущем устройстве управления на Дальнем Востоке с министром внутренних дел и что они пришли к заключению о безотлагательности этого дела. Плеве высказал лишь пожелание, чтобы эта мера была реализована «в понятной и привычной форме» для общественного восприятия[47].

О намечаемых преобразованиях Куропаткин узнал 27 мая, будучи в Никольске-Уссурийском. Его ознакомили с копией депеши, отправленной Алексееву еще 6 мая, из которой он понял, что на Алексеева «под непосредственным руководством самого государя предположено возложить высшее и ответственное управление по всем ведомствам»[48]. Судя по всему, эта новость оказалась для него неожиданностью. Он стал с тревогой ожидать приезда Вогака, утешая себя тем, что и сам понимал необходимость объединения власти на Дальнем Востоке. Куропаткина, озабоченного в этот момент дальнейшей судьбой Маньчжурии, особо беспокоило то, что с объединением дальневосточной власти в руках Алексеева тот не сможет эффективно управлять из Порт-Артура, и в качестве наиболее выгодного пункта он называл Харбин. «Из Харбина, – развивал свою аргументацию военный министр, – легко управлять всеми войсками, расположенными в Маньчжурии и на Квантуне, и легче,

---

[45] К. И. Вогак – Е.И. Алексееву (21 мая 1903 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.

[46] Там же. Л. 4.

[47] А.М. Безобразов – Николаю II (2 июня 1903 г.) // Русско-японская война. Л., 1925. С. 143–144.

[48] Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 394, 396. Запись 27 мая 1903 г.

чем из Порт-Артура, направлять деятельность всех представителей разных министерств. Связь Приамурского края с Маньчжурией легче всего достигается тоже из Харбина: по железной дороге в двух пунктах и по реке Сунгари в третьем. Труднее непосредственно ведать делами Тихоокеанской эскадры, но с этим надо помириться»[49]. Из Квантунской области и Северной Маньчжурии мог бы быть образован новый военный округ, который Куропаткин «без околичностей» предлагал назвать Маньчжурским. При этом он вспомнил, что подобным образом были произведены преобразования в Средней Азии, когда в 1867 г. был основан Туркестанский военный округ, а Оренбургский округ стал второлинейным. То же должно произойти и с Приамурским военным округом. В этом его поддержал и прибывший в Порт-Артур Вогак, заявивший, что Северная Маньчжурия, «действительно, скоро станет нашею»[50].

Несмотря на достигнутое взаимопонимание по многим позициям, Куропаткин и «безобразовцы» продолжали расходиться по главному вопросу – корейскому. Успех в его решении во многом зависел от того, в чьи руки попадет намеченное объединение власти на Дальнем Востоке. Поэтому «безобразовцы» не выпускали из-под своего патронажа избранного ими в качестве главной дальневосточной фигуры Алексеева. На Дальний Восток отправился снова сам А.М. Безобразов, а находившемуся в Японии военному министру царь дал указание не возвращаться в Порт-Артур ранее 17 июня, т.е. до прибытия туда Безобразова[51]. Куропаткин был явно раздосадован: «По моему мнению, принятая относительно меня мера, обидная и для меня, всего более обидна для Алексеева. Точно это маленький ребенок, которого надо оберегать от военного министра»[52].

Вернувшись в Петербург, А.М. Безобразов развернул бурную деятельность, намереваясь на этот раз довести до конца дело с наместничеством. Во всеподданнейшем докладе 20 июля 1903 г. он проектировал ввести на Дальнем Востоке «новый колониальный порядок», основанный на сочетании русской административной власти и любви китайцев к

---

[49] Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 404–405. Запись 27 мая 1903 г.

[50] Там же. С. 408. Запись 28 мая 1903 г.

[51] В Порт-Артуре было созвано совещание, на котором в присутствии А.М. Безобразова обсуждались перспективы организации наместничества. Один из очевидцев так описал обед, который адмирал Алексеев дал для участников совещания: «Видел на обеде и знаменитого ст.-секр. Безобразова. Теперь он сила, держит и повелевает над всем в Порт-Артуре. Адмирал старается угождать и все исполнять. Оно и не мудрено – наместником ст.-секр. Безобразов желает сделать адмирала». – *Корсаков В.В.* В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед русско-японской войной. М., 1911. С. 298.

[52] Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 408. Запись 1 июня 1903 г.

труду и чинопочитанию[53]. Через три дня в новой записке, одобренной царем, Безобразов развернул подробную аргументацию необходимых административных преобразований на Дальнем Востоке: «1) Отдаленность края от центра государственного правления служит естественной преградой для правильного между собой управления, исходящего одновременно из разных ведомств. От этого получается децентрализация в центре, а на месте – разъединение власти при фактической безответственности как правящих, так и исполнительных органов. 2) В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников. Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично провести его в исполнение»[54]. Вместе с тем, явно подыгрывая народно-самодержавным настроениям Николая II, Безобразов подчеркнул то, что этот порядок «дает наибольшее сближение царя с окраиной, притом путем не бюрократическим, а непосредственным перенесением на место объединенной власти ведомств»[55]. Одновременно Безобразов шифрованной телеграммой уведомил Алексеева, что в руках наместника будут сначала объединены военно-политические вопросы, а затем административные и экономические, чему призван способствовать специальный дальневосточный комитет в Петербурге[56].

Таким образом, окончательное решение о наместничестве было принято 23 июля 1903 г. Правда, будущий наместник, по натуре человек осторожный и нерешительный, попробовал отказаться, жалуясь на свою неподготовленность и слабость здоровья. Но тут, очевидно, не имея под рукой более подходящей кандидатуры, настойчивость проявили «безобразовцы», заверяя Алексеева в своей поддержке. Безобразов по телеграфу ободрял Алексеева, уверяя, что царю лично хорошо известны все трудности дальневосточного управления, поэтому наместнику и предоставляются самые широкие права[57]. 26 июля Вогак также сообщил Алексееву: «Неотложная необходимость учреждения наместничест-

---

[53] А.М. Безобразов – Николаю II (20 июля 1903 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп 1. Д. 181. Л. 20.

[54] А.М. Безобразов – Николаю II (23 июля 1903 г.) // Русско-японская война. Л., 1925. С. 153.

[55] Там же. С. 152.

[56] Шифрованная телеграмма А.М. Безобразова – Е.И. Алексееву (23 июля 1903 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

[57] Там же.

ва признана бесповоротно», и заверил будущего наместника, что тот будет иметь искреннее содействие «со стороны лиц, волею Его Величества призванных к участию в делах Дальнего Востока»[58]. О том, что борьба за Алексеева была для «безобразовцев» непростой, подтверждает и такой факт. Куропаткин, вернувшись 15 июля 1903 г. с Дальнего Востока, якобы заявил Николаю II, что они с Алексеевым заодно и просят выбрать между ними и Безобразовым[59].

В спешке и тайно от большинства министров 30 июля 1903 г. было официально учреждено дальневосточное наместничество[60]. Резиденцией наместника остался Порт-Артур, хотя, видимо, это решение не было окончательным[61]. Несмотря на то, что вопрос об объединении власти на Дальнем Востоке поднимался неоднократно и давно, это стало для многих неожиданностью. Решение с подачи «безобразовцев» Николай II принял лично, без каких-либо советов с министрами. Известно только, что накануне он говорил об этом с вел. кн. Алексеем Александровичем, но и его советы не понадобились. По свидетельству адмирала Ф.К. Авелана, 2 августа он застал великого князя за письменным столом за просмотром проекта указа о наместничестве и был весьма удивлен, когда Авелан ему поведал: «Напрасно трудитесь, ваше высочество, указ уже опубликован несколько дней тому назад»[62]. В неведении был и военный министр Куропаткин, который 1 августа записал в дневнике: «Вчера в канцелярию военного министра, во время приема представлявшихся, ко мне приехал С.Ю. Витте, возбужденный, и привез номер «Правительственного Вестника», в котором неожиданно для всех министров, кроме Плеве и, думаю, кроме самого Витте, был напечатан указ о наместнике на Дальнем Востоке. Читали вместе и многое было нам непонятно»[63]. В тот же день Куропаткин встретился с Плеве, и последний также уверял,

---

[58] Шифрованная телеграмма К.И. Вогака – Е.И. Алексееву (26 июля 1903 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

[59] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 367.

[60] Примечательно, что в эти же годы разрабатывается проект создания единого Сибирского генерал-губернаторства. Проект этот получил поддержку В.К. Плеве и был принципиально одобрен Николаем II. – Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. С. 198–204.

[61] Об этом свидетельствует вопрос, заданный из Петербурга чиновником МВД Васильевым правителю канцелярии наместника М.П. Щербине: «Здесь интересуются, решен ли наместником выбор резиденции, имеет ли шансы Хабаровск сделаться пальмирою наместничества..?» – Васильев – М.П. Щербине (17 сент. 1903 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп.1 . Д. 15. Л. 111.

[62] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 58. Запись 12 авг. 1903 г.

[63] Там же. С. 53.

что и он узнал об указе всего за два дня до его опубликования[64]. При этом Плеве добавил, что эта «черта недоверия к министрам и издание важных актов без их посредства общая всем государям, начиная с Александра I. Эта черта находится в связи с основным принципом самодержавия». Куропаткин посчитал это замечание важным и уточнил в дневнике, что Плеве буквально выразился так: «Уступают внешним образом министрам, а на стороне ищут союзников в защиту самодержавия»[65].

2 августа А.Н. Куропаткин поспешил лично объясниться с Николаем II по поводу неожиданного изменения системы управления на Дальнем Востоке, но каких-либо вразумительных разъяснений от царя не получил. Более того, ему было указано, что теперь не только гражданские, но и военные дела перейдут в непосредственное ведение наместника. По поводу же подчинения наместнику Приамурского края и ранее высказываемого Алексеевым опасения, что он не справится с управлением столь значительной территорией, Николай II предпочел ответить уклончиво, отнеся это «к излишней скромности Алексеева»[66]. Николай II решил не останавливаться и заявил Куропаткину, что готов непосредственно подчинить наместнику все военные силы на Дальнем Востоке «с придачею ему высших прав за счет Петербурга», и прибавил, «и даже за счет меня»[67]. Военный министр попытался возражать и против сосредоточения военного командования вооруженными силами на Дальнем Востоке в Порт-Артуре, упирая на то, что это приведет к забвению интересов Приамурья и Забайкалья, но и в этом пункте царь был непреклонен. Единственное, что удалось добиться Куропаткину – как-то оттянуть решение вопроса до приезда Алексеева в Петербург. В конце этого разговора Николай II глубокомысленно заключил, что он много думал о дальневосточных делах и что мог неправильно что-то решить в вопросе о наместничестве: «Но что же делать? Теперь, так или иначе, вопрос этот решен, и с этим надо считаться»[68].

В такой ситуации Куропаткину ничего не оставалось, как заявить о затруднительности без доверия императора исполнять обязанности военного министра и пожаловаться, что Безобразов открыто вмешивается в дела Военного министерства. Однако отставка Куропаткина мог-

---

[64] Впрочем, позднее он откровенничал перед Куропаткиным и рассказал, что еще в апреле 1903 г. Николай II говорил с ним «о необходимости организации сильной власти на Дальнем Востоке». Он, однако, продолжал считать, что все дело было в Витте, который намеревался устроить в Маньчжурии «особое государство». – Там же. С. 100. Запись 7 ноября 1903 г.

[65] Там же. С. 53.

[66] Там же. С. 54–55.

[67] Там же. С. 68. Запись 1 авг. 1903 г.

[68] Там же. С. 69.

ла выглядеть как демарш, поэтому было решено пока отправить его в отпуск[69]. При самодержавном режиме министры не могли себе позволить права подавать в отставку и должны были ждать, когда их уволит монарх.

Следует иметь в виду и дозированную самостоятельность «безобразовцев», которых царь использовал, по его же признанию, в качестве орудия, чтобы колоть своих министров. Так, довольно цинично, рассуждал Николай II в беседе с Куропаткиным 19 августа 1903 г. «Безобразов в руках государя явился как бы горчичником, который был приставлен к людям и делу, – излагал суть беседы с царем Куропаткин. – Требовалось произвести известный процесс. Цель достигнута. Теперь надо с Безобразовым поступить так, как поступают с сослужившими службу горчичниками. Государь веселою улыбкою прервал меня: «Знаю, надо выбросить его»[70]. Очевидно, главную роль в дальневосточной политике Николай II отводил себе, заботясь о своей независимости и неограниченности, сталкивая министров или противопоставляя им закулисные силы. Это не означало полного отстранения министерств от руководства дальневосточной политикой. В этой комбинации «безобразовцам» отводилась вполне определенная роль противовеса министерскому влиянию. По мнению Б.А. Романова, этот акт свидетельствовал о каком-то «принципиальном недоверии к министрам» со стороны Николая II. Создание для Дальнего Востока особых органов управления было еще и средством «вернуть лицо самому самодержавию»[71].

Создание наместничества насторожило как Японию, так и Китай. Как доносил в Порт-Артур российский морской агент в Японии А.И. Русин, известие об объединении власти над восточно-азиатскими владениями России произвело глубокое впечатление на японцев и было воспринято в качестве свидетельства «твердой решимости императорского правительства отстаивать несокрушимой силой интересы государства Российского на Дальнем Востоке»[72]. Пекин же не без основания видел в этом акте стремление России окончательно захватить Маньчжурию. Китайские чиновники были озабочены тем, что хотели успокоить общест-

---

[69] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 58. Запись 4 авг. 1903 г. А.Ф. Редигер вспоминал: «В это время Куропаткин мне как-то сказал, что ему, к сожалению, пришлось разочароваться в государе: он убедился, что самодержец лукавит со своими министрами и что на его слова полагаться нельзя!» – *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 368.

[70] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 69. Запись 19 авг. 1903 г.

[71] *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928. С. 446.

[72] *Рапорт А.И.* Русина А.И. Вирениусу (7 (20) авг. 1903 г.) // Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 79.

венное мнение и повразумительнее перевести на китайский язык новую должность адмирала Алексеева[73].

Вопрос об объединении под началом наместника Квантунской области и Приамурского края оказался не так прост, как могло показаться. История управления Российской империи не знала примеров, когда между генерал-губернатором и царем воздвигалась еще одна более высокая региональная власть в виде наместника. В знак протеста приамурский генерал-губернатор Д.И. Суботич подал в отставку[74]. К тому же сам Алексеев неоднократно заявлял, что не справится с управлением столь обширной территорией. Подобной позиции придерживался и начальник штаба Квантунской области полковник В.Е. Флуг, понимавший всю искусственность административного и военного объединения Квантунской области и Приамурского генерал-губернаторства. Управление всеми дальневосточными областями из одного центра могло похоронить саму идею наместничества «в пучине столь привычной для нас бумажной формальности», когда его глава будет лишен возможности живого участия в делах столь обширного края. Флуг соглашался с включением в состав наместничества только Южно-Уссурийского края с Владивостоком[75]. Однако «безобразовцы» понимали, что без экономического и военного плацдарма в виде Приамурского генерал-губернаторства их планы в Маньчжурии и Корее неосуществимы. Не без колебаний Алексеев согласился с ними и теперь настаивал на подчинении себе войск Приамурского военного округа, предлагая оставить приамурскому генерал-губернатору лишь обязанности войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск. Всеподданнейшие отчеты по Приамурскому генерал-губернаторству должны были идти теперь через наместника. В дальнейшем, очевидно, планировалось объединить Приамурский военный округ с Квантунской областью и даже упразднить Приамурское генерал-губернаторство. Не случайно образование наместничества и размещение наместника в Порт-Артуре так взволновало жителей Хабаровска. Петербургское «Новое время» 22 сентября 1903 г. поместило статью в защиту Приамурского генерал-губернаторства, отдавая преимущество Владивостоку[76]. Порт-Артур, уверяло «Новое время», находящийся вдали от Приамурья, не может быть центром наместничества, так как «все главные учреждения должны быть в среде русского населения, на нашей политической базе»[77]. Впрочем, в этой же газете сообща-

---

[73] *Корсаков В.В.* В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед русско-японской войной. М., 1911. С. 338–339. Запись 25 окт. 1903 г.

[74] У Д.И. Суботича существовали разногласия с Е.И. Алексеевым еще со времени назначения того в 1899 г. главным начальником Квантунской области.

[75] Записка полковника В.Е. Флуга (б/д) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 56-57.

[76] А-t. Владивосток или Порт-Артур // Новое время. 1903. 22 сент. (5 окт.).

[77] Дальний Восток // Новое время. 1903. 30 сент. (13 окт.).

лось, что если в состав империи войдет Северная Манчжурия, то лучшим центром наместничества может стать Харбин[78]. А.Н. Куропаткин записал в дневнике, что «новые предприятия на Дальнем Востоке еще более обездолили Приамурский край»[79]. Из Хабаровска в Порт-Артур начали перевозить документацию, переводить на службу чиновников и военных.

Оставаясь противником, как ему казалось, излишней централизации власти в регионе[80], военный министр продолжал отстаивать идею «спрямления» государственной границы, срезав «китайский клин» между реками Уссури, Сунгари и Амуром. Он начертал и свой план будущего административно-территориального устройства новых российских владений, предусматривая сразу два варианта. Первый – образовать в Северной Маньчжурии две области: Сунгарийскую и Ноннинскую с центрами соответственно в Харбине и Цицикаре. Второй вариант – исправить неудачные границы уже существующих дальневосточных областей, присоединив к ним сопредельные маньчжурские земли. Обоснование такой меры выглядело следующим образом: «Эти прирезки, освобожденные по возможности от китайского населения, послужат более быстрому развитию этих областей, дадут возможность значительно увеличить в них русское население и, что весьма важно, значительно развить казачьи войска: Забайкальское, Амурское и Уссурийское»[81]. Помимо этих областей, наместнику должна быть подчинена КВЖД, вручено право реализации российской политики в южной части Маньчжурии, несмотря на то, что она останется в составе Китая. В результате этих приобретений Россия получит целую страну, «которая должным образом устроенная, – подчеркивал военный министр, – поможет организовать твердый отпор в будущем желтой расе»[82]. Ради Северной Маньчжурии Куропаткин готов был вернуть Китаю Квантунскую область с Порт-Артуром. В качестве компенсации он предлагал присоединить к дальневосточному наместничеству Якутскую область. Формулировал Куропаткин и главную задачу, которую предстоит решать наместнику: «сделать доверенный ему край русским», для чего нужно будет срочно переселить на Дальний Восток и в Северную Маньчжурию 100–150 тыс. человек. Реализовать эту грандиозную задачу, повторял Куропаткин, из Порт-Артура невозможно, поэтому наместник должен перенести свою резиденцию в Харбин.

---

[78] Наместничество на Дальнем Востоке и его задачи // Новое время. 1903. 25 сент. (8 окт.).

[79] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 59. Запись 5 авг. 1903 г.

[80] Мнение военного министра (20 авг. 1903 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 834.

[81] Записка А.Н. Куропаткина «По Маньчжурскому вопросу» (15 окт. 1903 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 77–78.

[82] Там же. Л. 91.

А.Н. Куропаткин попытался доказать, что с проведением железной дороги по китайской территории, а не по российскому берегу Амура практически утрачивается возможность быстро колонизовать Приамурский край русским населением, и он еще долго не станет «нашей опорой» на Дальнем Востоке. Более того, с военным и экономическим проникновением в Маньчжурию усиливается опасность притока на российскую территорию китайцев. В качестве превентивных мер он предлагал ограничить китайскую миграцию не только на левый берег Амура, но и в Северную Маньчжурию, чтобы со временем заселить ее русскими. Для этого, делал вывод Куропаткин, нам остается только одно средство: «...взять Северную Маньчжурию в наши руки и объявить все свободные в Северной Маньчжурии земли достоянием России»[83]. В ход пошел и такой испытанный аргумент, как историческое право первопоселенцев. Куропаткин заявлял, что забайкальские казаки, как, впрочем, и русские крестьяне, уже давно пользуются землями на правом берегу Амура.

30 сентября 1903 г., через два месяца после указа о наместничестве, в Петербурге во главе с царем и вице-председателем В.К. Плеве[84] был создан Комитет Дальнего Востока. Целью нового высшего учреждения, как официально декларировалось, является согласование предположений главного на Дальнем Востоке начальства «с общегосударственными видами и деятельностью отдельных министерств». Комитет должен был заменить аморфное Особое присутствие по делам Дальнего Востока Государственного совета. Проводилась также аналогия с существовавшим в 1862–1882 гг. Главным комитетом по устройству сельского состояния. При всей видимой разнице за обоими комитетами признавалось «чрезвычайное, вызванное особыми обстоятельствами, значение»[85]. Наибольшее сходство вновь образованный Комитет имел с КСЖД, где также председательствовал сам император. Управляющий делами Комитета Дальнего Востока Абаза, дабы полностью контролировать ситуацию, получил право присутствовать в Комитете министров, Комитете Сибирской железной дороги и Государственном совете, когда там рассматривались вопросы, касающиеся Дальнего Востока.

---

[83] Записка А.Н. Куропаткина «По Маньчжурскому вопросу» (15 окт. 1903 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д.5301. Л. 62.

[84] Инициатива с назначением В.К. Плеве вице-председателем исходила, очевидно, от «безобразовцев». На это указывает письмо А.М. Безобразова Николаю II 14 октября 1903 г. «Безобразовцы» намеревались провести через Комитет Дальнего Востока экономическую программу и хотели бы использовать Плеве в качестве арбитра в спорах с Министерством финансов. – Русско-японская война. Л., 1925. С. 161–162.

[85] Докладная записка об устройстве канцелярии Комитета Дальнего Востока // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

Фактически вся работа «мифического» (по определению Б.А. Романова) Комитета Дальнего Востока сосредоточилась в его канцелярии во главе с А.М. Абазой и его помощником Г.Н. Матюниным. В Комитет Дальнего Востока, по замыслу «безобразовцев», должны были перейти из Комитета Сибирской железной дороги вопросы организации переселения крестьян на Дальний Восток. По свидетельству А. Н. Куломзина, образовалась «новая камарилья», и царь был лично заинтересован во вновь созданном учреждении. Николай II считал миссию Комитета Сибирской железной дороги (где засели главные противники «безобразовцев») исчерпанной и полагал, что «Сибирский комитет мало-помалу превратится в Комитет Дальнего Востока». В этом направлении борьбу за ликвидацию КСЖД повел А.М. Абаза, за спиной которого, как считал А.Н. Куломзин, стоял В.К. Плеве[86].

Это была не только замена одного учреждения другим, но и смена основных действующих лиц в дальневосточной политике. Выработка и реализация «нового» дальневосточного курса не только переместились в другие руки, но и получили отдельное в системе государственного управления институциональное оформление. «Безобразовцы» вышли из тени и приняли на себя официальное руководство политикой России на Дальнем Востоке. Как вспоминал осведомленный в закулисных делах чиновник канцелярии Комитета министров И.И. Тхоржевский, Николаю II, увлекшемуся азиатской политикой, «наскучило вечное сопротивление С.Ю. Витте его дальневосточным планам»[87].

Лидерство в правительственных сферах от С.Ю. Витте перешло к его противнику В.К. Плеве. Однако, выдвигая обвинения против Плеве, Витте явно переоценивал вовлеченность последнего в дела Дальнего Востока. Отправившись в 1903 г. за Урал, Плеве ограничился посещением Западной Сибири, как бы обозначив внутреннюю границу своего ведомства. Судя по всему, для министра внутренних дел, который не очень глубоко вникал в дальневосточные проблемы, это был лишь дополнительный фланг в антивитгевском фронте, на котором он намеревался нанести удар своему сопернику. Этой цели удалось достичь, Витте был перемещен с поста министра финансов на формально более высокий в бюрократической иерархии пост председателя Комитета министров, однако уже современники понимали, что Витте «прогнали»[88]. Но вряд ли Плеве собирался послушно следовать за «безобразовцами» в фарватере «нового курса» дальневосточной политики. Следов активного

---

[86] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 159.

[87] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Из воспоминаний камергера // Нева. 1991. № 4. С. 199.

[88] Товарищ министра финансов А.Д. Оболенский – московскому предводителю дворянства П.Н. Трубецкому. Обзор выписок из перлюстрированных писем разных лиц за 1903 г. // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

вмешательства Плеве в дальневосточную политику обнаружить не удалось, но, несмотря на это, он разделил печальную славу «безобразовцев», будучи назван одним из виновников Русско-японской войны. Положение Плеве в этом столкновении политических группировок было сложным. Сознавая необходимость сосредоточения дальневосточных дел в одном высшем учреждении, он понимал опасность влияния безответственных лиц на правительственную политику. С созданием наместничества и Комитета Дальнего Востока, как полагал явно симпатизировавший Плеве В.И. Гурко, тот надеялся покончить с закулисным влиянием на царя Безобразова и считал, что значение слов последнего «не будет больше, чем других членов комитета»[89].

МВД взяло на себя общее руководство разработкой положения об управлении Дальним Востоком, стремясь вписать его в общий курс «децентрализации» местной власти[90]. Но расчеты Плеве не оправдались, Комитет Дальнего Востока, вместо того чтобы легализовать влияние «безобразовцев», стал для них лишь официальной ширмой. Безобразов, по мнению Гурко, перехитрил Плеве и отстранил от дальневосточных дел не только его, но и других министров[91]. Об опасности своего альянса с Безобразовым Плеве говорил 7 ноября 1903 г. в откровенной беседе Куропаткину. Последний даже поспешил сделать вывод: «Ему, очевидно, становится ясно, в какую кашу он втянул государя и Россию, присоединившись к Безобразовым. Сам признается, что совершенно не знает дел Дальнего Востока»[92].

Дальнейшую борьбу со своими оппонентами «безобразовцы» повели под лозунгами децентрализации в местном управлении и развертывания частной инициативы с привлечением как отечественных, так и иностранных капиталов. В качестве экономической причины создания наместничества А.М. Абаза назвал «неблагоприятные результаты государственного хозяйничанья на этой окраине». В качестве основного аргумента в свою пользу «безобразовцы» указывали на тот факт, что Россия уже многие годы владеет дальневосточными землями, а они все еще находятся экономически в «зачаточном состоянии». По их мнению, главные причины такого положения заключаются в следующем: «1) отдаленность этой окраины от центральных учреждений, ведомств, в ведении которых край этот до сих пор находился, 2) разъединенность деятельности местных правительственных органов, не облеченных дос-

---

[89] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 332.

[90] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 225.

[91] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 348.

[92] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 100. Запись 7 ноября 1903 г.

таточной самостоятельностью для разрешения на месте иногда насущных для края вопросов и 3) необходимость как в этих случаях, так и при неизбежно возникающих между ведомствами споров и недоразумений обращаться за разрешением их за тысячи верст в Петербург. Такие условия, – делал вывод А.М. Абаза, – сделали приложение труда и капитала к естественным богатствам страны крайне затруднительным, а подчас и вовсе невозможным»[93]. Под планами перестройки дальневосточного управления скрывалось желание безобразовцев получить необходимые денежные средства для реализации своих намерений. Для этого проектировалось создать «Восточно-китайское промышленное товарищество», председатель которого должен был бы стать членом Комитета Дальнего Востока[94]. В этом виделось явное желание наложить руку на КВЖД и Русско-Китайский банк, руководство которыми находилось в ведении Министерства финансов.

Николая II, обеспокоенного значительными финансовыми расходами, «безобразовцы» попытались убедить в возможности перевести дальневосточные владения империи на самоокупаемость. Это было связано с острой проблемой дефицита окраин, который в 1902 г. по Дальнему Востоку составил около 40 млн руб. и имел тенденцию к росту. При этом расходы на самом Дальнем Востоке распределялись неравномерно и носили явно непроизводительный с экономической точки зрения характер. Если на Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области и Сахалин в 1902 г. было выделено из казны 41,4 млн руб.[95] (из которых на военные и военно-морские нужды было потрачено 19,5 млн руб.), то на одну Квантунскую область пришлось соответственно 16,7 и 15,7 млн руб.[96].

Для разработки экономической составляющей нового дальневосточного курса в начале 1904 г. было созвано «предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке» под председательством бывшего восточно-сибирского генерал-губернатора А.П. Игнатьева. Предметом рассмотрения стала записка В.М. Вонлярлярского, в которой тот разъяснял, что теперь, когда учреждены Комитет Дальнего Востока и наместничество, нужно потребовать от Китая различные концессионные права. Для этого необходимо использовать созданную уже в 1901 г. Восточно-Азиатскую компанию, которая «должна действовать как частное общество de jure, но как орган правительства de

---

[93] Записка А.М. Абазы (1904 г.) // РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

[94] *Глинский Б.Б.* Пролог русско-японской войны // Исторический вестник. 1914. № 12. С. 913.

[95] Доход с этих территорий составил всего 12,3 млн руб.

[96] Материалы о разработке временного положения об управления областями Дальнего Востока // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 168–173.

facto»[97]. При этом он ссылался на опыт Российско-Американской компании и деятельность бельгийцев в Конго. Им же были сформулированы первоочередные задачи, уже в самой их постановке проясняющие роль, которую отводили «безобразовцы» Комитету Дальнего Востока и дальневосточному наместнику: «1) Каким образом дела по финансовым и экономическим вопросам будут восходить на решение Комитета Дальнего Востока, заменяющего для наместничества высшие государственные учреждения (Государственный совет, Комитет министров). 2) Как будут разграничены функции наместника и г.г. министров по касающимся до их ведомств вопросам»[98]. По прошествии нескольких дней, когда уже началась война, Вонлярлярский продолжал доказывать А.П. Игнатьеву: «Наше положение в Маньчжурии, хотя и исключительное, не дает нам все-таки права использовать богатства Маньчжурии, как в России, через министерства государственных имуществ и финансов – надо создать новую организацию, приспособленную к условиям настоящего положения. По моему убеждению, кроме учреждения общества в типе societes fermieres с предоставлением ему исключительных прав и наложением обязанностей действовать сообразно распоряжениям Комитета Дальнего Востока другого равного по целесообразности средства нет»[99]. С отставкой Витте с поста министра финансов в августе 1903 г. «безобразовцы» рассчитывали, что Восточно-Азиатская промышленная компания при Комитете Дальнего Востока сможет выполнять функции «Министерства (сухопутных, сопредельных с метрополией) колоний»[100]. Однако комиссия не имела успеха. «Безобразовцы» поняли, что их надежды на А.П. Игнатьева не оправдались, что тот «просто трусит» и его надо устранить, передав все в руки В.К. Плеве, на которого возложено председательствование в Комитете Дальнего Востока в отсутствие царя[101].

В своих планах «безобразовцы» не ограничивались «зарубежными» местностями наместничества и претендовали на всю территорию российского Дальнего Востока. По мнению Абазы, сама идея создания наместничества как раз и заключалась в том, чтобы управлять всеми дальневосточными территориями «на основании особых, приуроченных к местным политико-экономическим условиям законоположений»[102]. Кроме того, с созданием наместничества должны быть объединены все отрасли управ-

---

[97] Записка В.М. Вонлярлярского (17 янв. 1904 г.) // РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

[98] Там же. Л. 15.

[99] В.М. Вонлярлярский – А.П. Игнатьеву (29 янв.1904 г.) // РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 1. Л. 47–48.

[100] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1989. Вып. 4. С. 65.

[101] Выписка из письма А.М. Абазы – Н.М. Абазе (30 мая 1904 г.) // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 74.

[102] А.М. Абаза – А.П. Игнатьеву (24 февр.1904 г.) // РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.

ления путем изъятия их из ведения министерств. «Выработка новых хозяйственно-финансовых условий для зарубежных мест, – доказывал Абаза, – едва ли может назваться крупной государственной задачей, тогда как толчок, направленный к оживотворению всей, до сих пор экономически спящей дальней окрайны есть действительно государственное дело, которое докажет всем и каждому, для чего (подчеркнуто в тексте. – А.Р.) Россия так настойчиво укрепила свое положение на Востоке»[103]. В противном случае внутри наместничества возникнет конкуренция между предприятиями разных областей. Против такой расширительной трактовки задач наместничества выступил член «предварительного совещания», известный публицист и знаток Востока, член Государственного совета В.П. Череванский. Он настаивал на том, что вхождение в состав наместничества разных местностей не предполагает еще тождества в порядке их управления, как невозможно определить и то, что следует включать в понятие местных государственных расходов[104].

Поначалу было определено, что все текущие дела по управлению дальневосточными областями будут направляться прежним порядком, дела же наиболее важные губернаторы обязаны представлять наместнику[105]. Но уже 19 декабря 1903 г. Николай II предписал наместнику по всем вопросам обращаться, минуя министерства, лично к нему или к управляющему делами Комитета Дальнего Востока А.М. Абазе. 8 ноября 1904 г. наместнику было предоставлено право быть членом Комитета министров и Государственного совета, что фактически уравнивало его с министрами. По поводу командования вооруженными силами в регионе Николай II особо указал: «Мой Наместник на Дальнем Востоке есть естественный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами края, призванными высоко держать Русское знамя и служить надежной охраной наших справедливых интересов на берегах Тихого океана»[106]. Впрочем, как показали дальнейшие события, столь широкие полномочия были скорее продекларированы, нежели подкреплены реальными мерами. Абаза пояснил, что в Комитет Дальнего Востока или к царю следует обращаться лишь по вопросам «общего или принципиального характера», в остальных же случаях – действовать через министерства. Получив шифрованную телеграмму с подобным пояснением, Алексеев написал на ней: «Туманно»[107]. О спешности создания наместничества

---

[103] А.М. Абаза – А.П. Игнатьеву (20 апр.1904 г.) // Там же. Л. 88.

[104] Мнение В.П. Череванского (10 марта 1904 г.) // Там же. Л. 71–72.

[105] Правительственный вестник. 1903. 13 сент.

[106] Цит. по: *Калинин А.И.* Организация морских сил на Тихом океане в 1898–1904 гг. // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 63.

[107] Телеграмма А.М. Абазы – Е.И. Алексееву (9 янв. 1904 г.) // РГА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 90.

говорило уже то, что каких-либо подробных разъяснений о порядке нового управления дано не было. На первых порах наместнику предписали руководствоваться высочайшим рескриптом от 30 января 1845 г. об устройстве Кавказского наместничества. Специальным царским повелением от 3 августа 1903 г. разъяснялось: «...когда встретятся сомнения в применении начал Высочайшего рескрипта от 30 января 1845 г. ... подлежит обращаться для разрешения таковых сомнений к указаниям Учреждения управления Кавказского и Закавказского края, помещенного во II томе Свода законов»[108]. Алексеев сам должен был подготовить проект положения об управлении наместничеством и представить его на утверждение царя через Комитет Дальнего Востока.

С протестом против нового порядка дальневосточного управления выступили морской и военный министры. Морское министерство заявляло, что такой порядок вряд ли возможен «без крайнего осложнения управления»[109]. Опытные адмиралы не желали ехать на Дальний Восток, под началом Алексеева не захотели служить ни А.А. Бирилев, ни З.П. Рожественский, ни Ф.В. Дубасов[110]. Управляющий Морским министерством Ф.К. Авелан прямо спросил А.М. Абазу: означает ли это, что теперь о смене командиров судов тот будет докладывать царю. На что тот ответил утвердительно, прибавив: «Будет трудно, но справится»[111].

Подобное разъяснение о порядке сношений наместника с центральными ведомствами А.М. Абаза дал и военному министру. В ответ раздраженный А.Н. Куропаткин написал Николаю II, что ему неизвестен состав канцелярии Комитета Дальнего Востока, «но позволяю себе выразить уверенность, что без установления при означенном Комитете органов, соответственных Главному штабу и Главным управлениям Военного министерства, сознательное проведение через управляющего делами Особого комитета по делам Дальнего Востока «всех без исключения» дел военного ведомства по Дальнему Востоку мало исполнимо»[112]. Куропаткин продолжал настаивать на невозможности изъятия войск на Дальнем Востоке из ведения Военного министерства, доказывая царю, что дела законодательные и денежные должны доходить до Петербурга, проходить через главные военные управления и Военный совет[113]. Саму же идею Николая II, что со временем удастся добиться самоокупаемости Дальнего Востока, он считал фантастической. И это в условиях, когда

---

[108] *Савич Г.Г.* Законы об управлении областей Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 6.

[109] РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.

[110] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 128. Запись 25 янв. 1904 г.

[111] Там же. С. 120. Запись 31 дек. 1903 г.

[112] Всеподданнейшая записка военного министра А.Н. Куропаткина // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

[113] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 117. Запись 26 дек. 1903 г.

Алексеев стремился «взвинтить это дело до абсурда», увеличивая непомерно расходы на военные нужды Дальнего Востока.

Сложно складывались отношения наместника и с внешнеполитическим ведомством. Несмотря на декларированные широкие права, по существу, «это была игра в куклы: никаких самостоятельных дипломатических сношений адмирал Алексеев не вел, так как боялся без Петербурга сделать и шаг»[114]. В Петербурге инициатива в определении дальневосточного курса перешла в руки «безобразовцев». Но это не означало полного устранения МИД от решения внешнеполитических вопросов на Дальнем Востоке. Хотя еще в конце мая 1903 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф предпринял демонстративный шаг и заявил, что изъятие из ведения МИДа дальневосточных политических вопросов означает недоверие ему как министру. Поэтому он готов просить уволить его с министерского поста. «Было бы невозможно достигнуть необходимого для пользы дела единства со стороны 3-х Представителей России на Крайнем Востоке, получающих одновременно указания от двух совершенно самостоятельных Начальников, – объяснял Ламздорф, – еще более затруднений представляли бы объяснения с аккредитованными при Высочайшем Дворе иностранными Послами, а в случае обращения их с какими-либо запросами по делам Крайнего Востока, главное руководительство по коим отныне возложено на находящегося в Порт-Артуре начальника Квантунской области»[115]. Демарш министра иностранных дел рассердил и удивил Николая II. Когда императорский гнев несколько прошел, он, отвергнув просьбу об отставке, в свою очередь разъяснил Ламздорфу: «По поводу оборота дел на Дальнем Востоке я нашел нужным поставить ген[ерал]-адъют[анта] Алексеева в условия полного хозяина русских интересов в общей их совокупности на дальней окраине. Ни вы, ни я, мы не в состоянии давать себе отчет в том, что там делается ежедневно, получая за десятки тысяч верст отрывочные сведения, к тому же часто противоречащие друг другу. Алексеев же, будучи как раз в центре этого положения и имея все нити, сходящиеся к нему, будет полным и вполне ответственным перед Россиею и мною человеком, поставленным на страже всех наших интересов»[116].

Несмотря на то, что Николай II дал обширные полномочия Алексееву в дипломатических делах, он же параллельно разрешил министру

---

[114] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 233.

[115] Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа (28 мая 1903 г.) // Путем секретной переписки... О царской дипломатии в начале XX в. // Источник. 1999. № 2. С.38.

[116] Николай II – В.Н. Ламздорфу (29 мая 1903 г.) // Там же. С. 39. Как вспоминал начальник канцелярии МИДа А.А. Савинский, все это свидетельствовало о полной неискренности и двуличности характера Николая II. – Из воспоминаний А.А. Савинского // Там же. С. 33.

иностранных дел давать непосредственные указания российским послам в дальневосточных странах. По этому поводу Куропаткин констатировал: «Выходит двойственность распоряжений, путающих дело и смущающих диплом[атических] представителей других держав»[117]. Иностранные государства по традиции предпочитали иметь дело с МИДом России, игнорируя в известной степени наместника. В этих условиях в особо сложном положении оказался назначенный начальником дипломатической канцелярии при наместнике Е.А. Плансон. Нужно было делать выбор, и Плансон сделал его в пользу наместника, понимая, что далекое петербургское начальство для него теперь стало менее важным[118].

Однако окрыленный открывающимися перспективами Е.И. Алексеев, не стесняясь существующих законов, запросил почти неограниченные полномочия. На Дальнем Востоке была создана комиссия для подготовки проекта положения о наместничестве. Алексеев планировал существенно расширить власть наместника, предоставив ему права, превышающие министерские. Наместнику должно быть вручено главное начальствование морскими силами на Тихом океане, а также всеми сухопутными войсками на Дальнем Востоке. Для объединения распоряжений по морскому хозяйственному управлению ему присваиваются права Адмиралтейств-совета. В руках наместника должны сосредоточиться дипломатические отношения с соседними государствами, и он обязан руководствоваться только личными указаниями царя. Права министра юстиции по управлению тюрьмами и ссылкой необходимо также передать наместнику. В духе административной «децентрализации» Алексеев планировал расширить полномочия дальневосточных губернаторов. При этом должно быть упразднено Приамурское генерал-губернаторство, а губернаторы должны были напрямую зависеть от наместника.

Широко трактовала власть наместника статья 14 проекта: «Наместник имеет право разрешать все случаи в порядке исполнительном, не требующие нового закона или постановления. Сверх того, он, когда найдет нужным, вправе принимать на месте все меры, обстоятельствами требуемые, донося прямо Его Императорскому Величеству как о действиях своих, так и о причинах, к ним побудивших его»[119]. Даже в вопросах законодательства Дальний Восток должен был приобрести обособленность, а наместник мог приостановить действие любого закона, сообщив об этом в Комитет Дальнего Востока в 2-месячный срок. По мнению Алексеева, наместник должен иметь возможность изменять ад-

---

[117] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 96. Запись 28 окт. 1903 г.

[118] В штабе адмирала Е.И. Алексеева. Публикация отрывков из дневника Е.А. Плансона // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 153; см. также: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997. С. 72.

[119] Проект положения об управлении областями Дальнего Востока (9 авг. 1903 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1903 г. Д. 39-а. Л. 40.

министративные границы областей и округов, утверждать сметы земских сборов, издавать инструкции и правила по охране и эксплуатации природных богатств, распоряжаться земельными участками, награждать медалями крестьян и казаков и т.п.

Особые полномочия наместника, предусмотренные положением об усиленной охране, предполагали надзор за политическими настроениями в крае, контроль за местной печатью, возможность приостанавливать и даже запрещать повременные издания. В чрезвычайных ситуациях наместник был вправе принимать любые решения, донося об этом царю[120]. Настаивал Алексеев и на большей финансовой самостоятельности. Кроме обычных, наместнику нужны были средства на расходы «секретного характера» для субсидирования местной и иностранной печати с целью пропаганды «согласных с русскими интересами воззрений и опровержения ложных сведений о России». При наместнике учреждалось Главное управление, действующее по правилам «Учреждения министерств», а также большой штат генералов, штаб-офицеров и чиновников для особых поручений. В проекте специально подчеркивалось, что Главному управлению наместника «принадлежит отправление на месте деятельности министерств». По примеру Главных управлений, созданных в Сибири еще М.М. Сперанским в 1822 г., в Совет наместника должны войти, помимо назначаемых членов, представители министерств: внутренних дел, финансов, а также земледелия и государственных имуществ. Территория КВЖД должна непременно попасть в зону ведения наместника. Алексеев был не прочь вообще ликвидировать Общество КВЖД – оплот влияния Министерства финансов на Дальнем Востоке. Независимое положение из всех центральных ведомств на Дальнем Востоке сохранял только Государственный контроль, видимо, мало беспокоивший наместника и его покровителей в Петербурге. Непосредственное подчинение министерствам оставалось и в некоторых специальных отраслях управления (железные дороги, отделения Государственного банка, золотосплавочные лаборатории, казенная продажа питей и т. п.), однако и за ними наместник должен был иметь не только надзор и ревизию, но и право вмешиваться в случаях, не терпящих отлагательства. Распоряжения министерств подведомственным им учреждениям должны были идти только через наместника, а сметы по наместничеству представляться не в Министерство финансов, а в Комитет Дальнего Востока.

В своих письмах и представлениях в Комитет Дальнего Востока Алексеев формулировал и задачи дальневосточной политики. Он считал, что в целях укрепления российского влияния в регионе необходимо не

---

[120] Проект учреждения управлений областями Дальнего Востока // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 31-32.

только организовать его надежную защиту, но и создать оплот российской государственности путем ускоренной колонизации приграничных территорий. «Призванный служить оплотом империи на Дальнем Востоке, – разъяснял свое понимание проблемы Алексеев, – здешний край вместе с тем представляет собою обширную колонию для вмещения избытка населения Европейской России, причем в видах такого политического значения этой окраины создание здесь мощной базы русской силы в лице оседлых, прикрепленных к земле обитателей надо считать делом первостепенной важности»[121]. Поэтому особенно серьезное внимание должно быть обращено на урегулирование и правильную постановку вопроса о переселении.

24 ноября 1903 г. Алексеев представил в Комитет Дальнего Востока проект положения об управлении наместничеством, главным смыслом которого было предоставление наместнику прав, «превышающих по действующим законоположениям власть министров и главноуправляющих». По инициативе А.М. Безобразова в Петербурге комиссию по обсуждению положения об управлении дальневосточными областями возглавил В.К. Плеве, который в это же время готовил губернскую реформу, предусматривавшую передачу части властных полномочий из центра на места[122]. В качестве образца также указывалась губернская реформа в Сибири 1895 г., поставившая под контроль губернатора большую часть ведомственных губернских учреждений. Разрабатываемая в МВД общая губернская реформа предполагала не только объединение во главе с губернатором местных учреждений, но и передачу в создаваемый для этого Губернский совет части «разрешительной власти центральных ведомств»[123]. МВД конфиденциально направило в Порт-Артур материалы разрабатываемой губернской реформы, а находившийся в это время в Сибири Плеве из Омска по телеграфу дополнительно разъяснил, что вряд ли эти меры удастся учесть в полной мере при разработке нового порядка управления на Дальнем Востоке: «Будущее наместническое положение ... должно определить основные черты такого порядка, который вместо министерской власти создает в области решающую власть в лице наместника, а потому областное устройство может остаться пока

---

[121] Представление наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева (24 ноября 1903 г.) // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 140. Л. 4–5.

[122] Подробнее см.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 137–150.

[123] Представление наместника в Комитет Дальнего Востока (24 ноября 1903 г.) // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 140. Л. 3-4. В проекте прямо указывалось, что в его основу помимо Учреждения об управлении Кавказского и Закавказского края и указа о наместничестве 30 июля 1903 г. положен манифест 26 февраля 1903 г. О деконцентрационных началах, заложенных в манифесте и проекте губернской реформы В.К. Плеве, направленной на усиление власти губернаторов, см.: Самодержавие и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 446–451.

не потронутым»[124]. Как бы то ни было, но при составлении своего проекта Алексеев должен был сообразовываться с предположениями МВД о децентрализации управления.

Основы же нового управления Дальним Востоком Плеве кратко определял следующим образом: «Самостоятельность наместнического управления в отношении министерств и отдельная смета. Широта полномочий наместника применительно к исключительным правам административной власти по Кавказскому управлению и положению усиленной охраны. Простота управления, предположенная на первое время в виде двух канцелярий, общей и дипломатической, и соответственно сему бережливость расходов. Включение железной дороги и ее полосы в административную компетенцию наместника с сохранением коммерческой самостоятельности»[125]. При этом имелись в виду не полномочия действовавшего в то время главноначальствующего на Кавказе, а более обширные прерогативы бывшего кавказского наместника, определенные еще законами 1845 и 1846 гг. В канцелярии Комитета Дальнего Востока была по этому поводу составлена историческая справка о наместничествах в Польше и на Кавказе[126]. Канцелярия Комитета Дальнего Востока подготовила также справку об административном устройстве французских и британских колоний в Азии, а также германских в Африке. Особенное внимание составителей привлекли два момента: наличие отдельного колониального управления, доходность или хотя бы самоокупаемость колоний[127].

Созданная под председательством Плеве и при участии Абазы комиссия так и не приступила к работе. Очевидно, предвидели, что в таком виде проект Алексеева вызовет резкую критику министров и будет обречен на долгое обсуждение. Только через год вспомнили о проекте, поручив возглавить подготовительную комиссию В.П. Череванскому. Тогда же, чтобы соблюсти видимость законности, было решено передать проект на рассмотрение соединенного присутствия Департамента законов Государственного совета и Комитета Дальнего Востока под председательством Э.В. Фриша. И Череванского, и Фриша по этому случаю назначили членами Комитета Дальнего Востока[128]. Только после этого проект направили на отзывы в министерства, которые те должны были

---

[124] Телеграмма В.К. Плеве – Е.И. Алексееву (11 сент. 1903 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 56. Министерские чиновники были еще более откровенны, заявляя, что эти материалы для наместничества будут бесполезны и «только собьют с толку».

[125] Телеграмма В.К. Плеве – Е.И. Алексееву (5 сент. 1903 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 242.

[126] Справка по вопросу об учреждении наместничеств // РГИА. Ф.1409. Оп. 4. Д. 14839. Л. 273–275.

[127] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. 1903 г. Д. 24. Л. 266–303.

[128] Всеподданнейший доклад А.М. Абаза (21 ноября 1904 г.) // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 176. Л. 58.

направить прибывшему в Петербург и оказавшемуся без дела наместнику Алексееву.

Поступившие из министерств отзывы свидетельствовали о несогласии с новой постановкой управления дальневосточными делами. Общее недоверие к самому институту наместников или генерал-губернаторов чувствовалось в реплике министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, полагавшего, что наместничество есть дело временное и необходимость в нем исчезнет, когда «особые политические условия уступят место более нормальному порядку вещей»[129]. Решительные возражения вызвало отстранение военных ведомств от управления вооруженными силами на Дальнем Востоке. Единство выработки внешнеполитического курса отстаивал министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, упрекая наместника в стремлении отстранить МИД от внешнеполитических дел на Дальнем Востоке. «Было бы ошибочно думать, – подчеркивал он, – что нити, двигающие событиями на Дальнем Востоке, находятся только на берегах Тихого океана»[130]. Ему представлялось вполне достаточным организовать дело на Дальнем Востоке по примеру Варшавы, Тифлиса или Ташкента. Поручение дальневосточному наместнику дипломатических функций вызвало у Китая и Японии опасения в агрессивных намерениях России, с одной стороны, а с другой – было воспринято ими как пренебрежение и оскорбление национального самолюбия. Министерство земледелия и государственных имуществ высказалось против права наместника раздавать земли в крае чиновникам за службу, защищая приоритет крестьянской колонизации. Не соглашалось оно и с изъятием из непосредственного ведения министерства охраны лесов, руководства переселенческим движением. А.С. Ермолов при этом заметил, что местные особенности не так уж и велики, чтобы признать центральное управление министерства некомпетентным. Главное же заключалось в другом, подчеркивал он, важно согласовать переселенческую политику на Дальний Восток с общими аграрными задачами государства, а также «с видами центральной власти относительно желательности заселения тех или других окраинных местностей»[131]. Его поддерживало МВД, заявившее, что изъятие из общего управления переселенческого движения на Дальний Восток может вызвать серьезные затруднения. Спор по переселенческому вопросу затрагивал чрезвычайно важную проблему не только колонизации дальневосточных земель, но и снижения остроты аграрного кризиса в центре страны, что в условиях надвигающейся революции

---

[129] Свод замечаний ведомств, заключений наместника на Дальнем Востоке и соображений подготовительной комиссии по отдельным статьям положений об управлении наместничеством // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 218. Л. 39.

[130] Там же. Л. 13.

[131] Там же. Л. 269.

имело важнейшее политическое значение. Министр путей сообщения соглашался на вмешательство наместника в железнодорожные дела лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Не было поддержано и предложение о выделении из Иркутского горного округа Амурского. Алексееву разъяснили пагубность для горного дела увлечения все свести в одни административные границы наместничества и соблюсти территориальную, а не ведомственную, управленческую целостность. «Горный промысел, – отмечалось в отзыве начальника Иркутского горного округа, – нельзя ставить в одни строгие административные границы, так как он подчиняется особым геологическим, горнотехническим и экономическим условиям, отличающим его от других промыслов. Эти особые условия и послужили поводом к весьма рациональному распределению разных промышленных районов, не справляясь с административными границами областей»[132]. Особенно активен в критике проекта был вел. кн. Александр Михайлович, постаравшийся вовремя дистанцироваться от «безобразовцев». Он также попытался взглянуть на управление наместничества с позиций созданного под его началом Главного управления торгового мореплавания и портами. Именно в его отзыве содержались рассуждения о том, что наместника не следует освобождать от зависимости Военного и Морского министерств или разрешать ему принимать в русское подданство иностранцев. Это политически опасно и чревато захватом иностранцами естественных богатств края[133].

Министры соглашались расширить права местной администрации, не доводя их до полного отделения от руководства центральными ведомствами, и предпочли воспользоваться ситуацией, чтобы отложить рассмотрение вопроса до окончания войны.

Таким образом, оппозиция министров создавала труднопреодолимые препятствия для полной реализации идеи особого дальневосточного управления. Обиженный противодействием министров, отсутствием необходимых местных учреждений и достаточного штата чиновников, Алексеев оправдывался в мае 1905 г., что он «не имел возможности осуществить в полном объеме своих полномочий по управлению областями Дальнего Востока и названные области оставались в ведении министерств»[134]. Алексеев не смог даже составить единую смету по наместничеству на 1905 г., и ему вновь пришлось обращаться за содействием к министерствам[135]. Центральные ведомства бойкотировали не только

---

[132] Начальник Иркутского горного управления – Е.И. Алексееву (20 окт. 1904 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 267.

[133] Свод замечаний ведомств, заключений наместника на Дальнем Востоке и соображений подготовительной комиссии по отдельным статьям положений об управлении наместничеством // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 218. Л. 53.

[134] Е.И. Алексеев – А.М. Абазе (май 1905 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 223.

[135] Е.И. Алексеев – А.М. Абазе (20 июня 1904 г.) // Там же. Л. 101.

разработку проекта положения об управлении Дальним Востоком, но и создавали серьезные помехи в организации текущего управления, что в условиях войны грозило катастрофическими последствиями. Переходное положение явно затягивалось, министры не собирались без сопротивления сдавать своих позиций. Алексеев так и не дождался принятия Положения об управлении областями Дальнего Востока.

Вместе с тем «безобразовцы» были явно недовольны Алексеевым, полного доверия к нему не питали, подозревая, что он всегда будет «соблюдать свою собственную выгоду»[136]. Об особой осторожности в переписке с наместником Абаза прямо признавался 21 июня 1904 г. в письме, адресованном жене: «Весь день я составлял письмо наместнику. Совершенно частное письмо и трудное, ибо надо его ввести в курс того, что здесь делается, и притом так, чтобы письмо это не могло служить документом против меня в случае, если бы он хотел меня подвести. К сожалению, он не такой человек, которому можно довериться вполне. Всегда будет соблюдать свою собственную выгоду»[137]. О том, что Алексеев «юлит» и подыгрывает «безобразовцам» только для того, чтобы не потерять расположение Николая II, говорил А.Н. Куропаткину В.Н. Ламздорф 8 сентября 1903 г.[138] В условиях начавшейся Русско-японской войны Алексеев проявил себя как нерешительный администратор и совершенно неспособный командующий войсками и флотом. Современники отзывались о нем с явным недовольством: «Он себя держал царьком. Все перед ним склонялось. Когда он приезжал, площадь устилалась красным сукном, являлись на поклон»[139].

Перед самым началом войны Алексеев неожиданно запросился в отставку, и «безобразовцам» стоило больших усилий удержать его на месте. 22 января 1904 г., получив телеграмму от Алексеева, Абаза спешно отправился к Николаю II, чтобы лично объяснить причины, которые вынудили наместника решиться «на такой отчаянный шаг, да еще в такую минуту»[140]. В Порт-Артур полетела телеграмма, призванная успокоить Алексеева, что «Государь Император объясняет себе такой Ваш шаг

---

[136] *Вонлярлярский В.* Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, б.г. С. 78. Ф.Ф. Мартенс отметил в дневнике, что А.М. Абаза проводил самостоятельную политику на Дальнем Востоке, о которой не знали ни министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, ни наместник Е.И. Алексеев. – Политика России 1905–1907 гг. (Из дневника Ф.Ф. Мартенса) // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 107. Запись в дневнике 18 мая 1905 г.

[137] Выписка из письма А.М. Абазы – Н.М. Абазе (21 июня 1904 г.) // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 78.

[138] Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 91. Запись 8 сент. 1903 г. О том, что Е.И. Алексеев «юлит и играет двойную игру», в свою очередь, А.Н. Куропаткин говорил А.М. Абазе еще 2 марта 1903 г. (Там же. С. 39. Запись 3 марта 1903 г.).

[139] Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Русский архив. М., 1994. Вып. V. С. 380.

[140] А.М. Абаза – Николаю II (22 янв. 1903 г.) // РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

в столь трудную минуту присущим Вам глубоким сознанием великой Вашей ответственности»[141]. Однако Алексеев, почуяв запах пороха, продолжал паниковать и просил заменить его в командовании сухопутными войсками другим лицом, «соединяющим нужную подготовку и пользующимся заслуженным военным авторитетом». При этом он ссылался на опыт китайских событий 1900–1901 гг., когда подвергался подобным обвинениям со стороны Военного министерства. «Ныне, когда еще только начинается первый период по принятию здесь различных военных мероприятий, – жаловался Алексеев, – мне приходится чувствовать и недоверие, и то вмешательство, которое ведет ко вреду дела и в ущерб авторитету местной власти»[142]. Абаза вновь помчался в Зимний дворец, не дожидаясь вызова от царя. Результатом этого визита 27 января 1904 г. (когда о нападении японского флота в Петербурге только узнали) стало предоставление Алексееву прав главнокомандующего, но это не избавило от параллелизма в управлении войсками. Война лишь усугубила прежнюю ведомственную неразбериху.

Назначение на Дальний Восток А.Н. Куропаткина и адмирала Н.И. Скрыдлова заставило Алексеева вновь поставить вопрос о целесообразности своего дальнейшего пребывания в должности наместника. Телеграммой 4 апреля 1904 г. он жаловался царю, что назначение Куропаткина командующим сухопутной армией создало для него «крайне тяжелые условия в служебном и нравственных отношениях», а совместную службу со Скрыдловым он вообще не считал возможной[143]. И хотя Николай II подтвердил, что Куропаткин и Скрыдлов подчинены Алексееву, последнего вряд ли это успокоило. Витте с едва скрываемым злорадством писал 19 апреля 1904 г. Куропаткину, что Алексеева удерживают «как флаг той системы или тех идей, которые привели к этой, по меньшей мере неуместной войне»[144]. В письмах Витте не стеснялся в эпитетах в адрес дальневосточного наместника, называя его «главнотелеграфирующим», «вредным подонком», «карьеристом», «сатрапом», «опереточным главнокомандующим». Как отмечают очевидцы, Алексеев и его окружение, наделявшие наместника «чуть ли не царским престижем», ревниво относились к Куропаткину, подвергая беспощадной критике все его действия. Это не только вело к конфликту Алексеева и Куропаткина, но и сталкивало их штабы. Однако и Алексеев, и Куропаткин оставались на месте, подбадриваемые своими столичными сторонниками, а также противоречивыми заверениями царя об особом

---

[141] А.М. Абаза – Е.И. Алексееву (23 янв. 1904 г.) // Там же. Л. 13.

[142] Е.И. Алексеев – А.М. Абазе (25 янв. 1904 г.) // Там же. Л. 15.

[143] Телеграмма Е.И. Алексеева – Николаю II (4 апр. 1904 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

[144] С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину //(19 апр. 1904 г.) // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 67.

к ним доверии. «Со своей стороны петербургские власти, – как заметил германский военный наблюдатель при русской армии Э. Теттау, – несомненно, вредили успеху дела тем, что вмешивались в разногласия Куропаткина и Алексеева, вместо того, чтобы возложить всю ответственность на одного из них»[145].

14 октября 1904 г. главнокомандующим был назначен А.Н. Куропаткин, а уже через три дня Е.И. Алексеев уехал в Петербург[146]. Однако положение Куропаткина также было весьма неустойчивым. По свидетельству А.А. Игнатьева, он не пользовался особым доверием царского двора, и комплекс придворной неполноценности пытался компенсировать созданием в Маньчжурии собственной военно-придворной среды, окружив себя титулованными особами[147].

В такой ситуации надежды на успех «безобразовцы» могли возлагать лишь на «Хозяина», как они именовали в переписке Николая II. Безобразов писал 21 июня 1904 г. из Бадена своему соратнику Абазе: «Если не удастся будущие дела на Дальнем Востоке поставить органически в лучшие условия, то наша роль не может быть иной, как очень жалкой. Органическая же постановка есть дело Хозяина, и только; после прямого и ясного его приказания можно будет приступить к делу. Слава богу, что у нас есть еще хозяйская власть, а то мы с нашими подлецами и идиотами, приставленными к разным бюрократическим машинам, просто даром погибли бы»[148].

Убийство 15 июля 1904 г. В.К. Плеве серьезно спутало планы «безобразовцев». Абаза писал через два дня после этого события жене: «Смерть Плеве меня удручает во многих отношениях. Он был «союзник», а теперь я один! У него в руках была комиссия об учреждении наместничества и о финансовом устройстве, и я был спокоен, что все пройдет в должном виде. Теперь я даже не знаю, кому следует все это передать. В самом Комитете Дальнего Востока он был вице-председателем, а теперь кто будет? Очень боюсь, что лопнет все дело!»[149]. Должной замены Плеве «безобразовцы» так и не смогли найти. Это, признавался В.М. Вонлярлярский, «разрушило все наши начинания»[150].

---

[145] *Теттау Э.* Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из Русско-японской войны. СПб., 1913. Ч. I. С. 145.

[146] В самом начале войны о назначении А.Н. Куропаткина главнокомандующим говорил императрице адмирал Н.И. Скрыдлов (возглавивший тихоокеанскую эскадру после гибели адмирала С.О. Макарова), а кн. В.П. Мещерский умолял об этом царя, стоя перед ним на коленях. Но Николай II был непреклонен и защищал Е.И. Алексеева. – Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С. 133. Записи 28 янв. и 2 февр. 1904 г.

[147] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 208–209.

[148] Выписка из письма А.М. Безобразова – А.М. Абазе (21 июня 1904 г.) // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 78.

[149] Там же. С. 79–80.

[150] *Вонлярлярский В.* Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, б.г. С. 152.

Явно потерявший в условиях военных неудач интерес к Комитету Дальнего Востока Николай II назначил 17 января 1905 г. председательствовать в нем вместо В.К. Плеве одного из старейших сановников, но всегда далекого от дальневосточных дел, председателя департамента законов Государственного совета Э.В. Фриша[151]. 31 мая 1905 г. Николай II поручил также главноуправляющему I отделением Собственной е.и.в. канцелярии А.С. Танееву переговорить с Алексеевым «о способе прекращения действий канцелярии Особого комитета Дальнего Востока»[152]. Танеев предложил упразднить Комитет, мотивируя эту меру «необходимостью объединения порядка обсуждения вопросов по управлению Дальним Востоком с действующим в империи общим порядком»[153]. В пример опять приводился Кавказ, где восстановление в 1905 г. наместничества не повлекло за собой воссоздания Кавказского комитета.

Несмотря на то, что идея особого высшего комитета по дальневосточным делам была дискредитирована «безобразовцами», необходимость такой меры все еще сознавалась. Так, один из старейших российских дипломатов П.А. Сабуров 2 апреля 1905 г. обратился к Николаю II с запиской, в которой в качестве одной из причин внешнеполитических неудач России за последние пятьдесят лет называл узковедомственный характер деятельности дипломатов и предлагал обсуждать вопросы иностранной политики в межминистерском «совещательном собрании» наподобие существовавшего негласно почти сто лет, вплоть до 1906 г., Комитета финансов[154]. Однако это предложение было отвергнуто В.Н. Ламздорфом, который не намеревался связывать себе руки наличием постоянно действующего высшего органа и предпочитал обсуждать наиболее сложные дела во временных совещаниях во главе с царем.

Одновременно был поднят вопрос и о дальнейшем существовании дальневосточного наместничества. Еще год назад, 4 апреля 1904 г., Алексеев просил заменить его «во всех занимаемых обязанностях другим лицом» в связи с назначением Куропаткина командующим сухопутной армией, а вице-адмирала Скрыдлова – командующим флотом[155]. Теперь же он предлагал до конца войны приостановить действие власти наместника. Вместе с тем многие считали, что содержание наместничества неоправданно отягощает казну. Ф.Ф. Мартенс отмечал: «На наместника

---

[151] РГИА. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

[152] Николай II – А.С. Танееву (31 мая 1905 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 22. Д. 12232. Л. 1.

[153] Всеподданнейший доклад А.С. Танеева (3 июня 1905 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 22. Д. 12232. Л. 6.

[154] Записка П.А. Сабурова о необходимости создания Особого совещательного органа для предварительного обсуждения вопросов внешней политики (2 апр. 1905 г.) // Исторический архив. 2001. № 1. С. 150.

[155] Е.И. Алексеев – Николаю II (4 апр. 1904 г.) // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

Дальнего Востока выдается из Государственного казначейства около 500 тыс. Он сам получает жалованье в 108 тыс. При нем пять канцелярий и большой штаб чиновников. Между тем дел никаких нет, ибо вся Маньчжурия в руках японцев. Но наместник, канцелярия и чиновники с квартирами живут на счет казны – и процветают»[156]. Однако Николай II посчитал в данный момент более выгодным удовлетворить давнюю просьбу Алексеева об отставке и назначить его членом Государственного совета. 8 июня 1905 г. последовал указ об одновременном закрытии Комитета Дальнего Востока и упразднении дальневосточного наместничества. Остановлены были также и все работы по реформированию управления Дальним Востоком[157].

Николай II попытался разобраться в причинах неудачи своей политики на Дальнем Востоке, приведшей к военному поражению. О.Б. Рихтеру, пользовавшемуся особым доверием царя, вместе с Череванским было поручено ознакомиться с документами, чтобы составить «исторический очерк сношений России с китайским и японским правительствами». Для этого им и были переданы документы Комитета Дальнего Востока, который Рихтер вернул назад уже в апреле 1906 г.[158] Начался поиск виновных в развязывании войны, инициатива такого поиска принадлежала самому Николаю II. В условиях революции и всеобщего общественного раздражения, вызванного неудачами в войне, самодержавие готово было жертвовать непопулярными учреждениями и фигурами. В поисках виновников войны и поражения в ней, помимо «безобразовцев», Витте, Куропаткина, упоминали и Алексеева. Однако моряки, стремясь, видимо, сохранить честь мундира и престиж флота, давали сдержанные характеристики роли в этом деле наместника. «Существенное значение этой должности, – разъяснял ратовавший за возрождение флота журнал «Море», – было примирять и объединять разнообразные влияния и силы, что Е.И. Алексеев выполнял успешно, но представления его в Петербурге не поддерживались специальными ведомствами в должной мере, и здесь не успели упрочить достаточно авторитетное представительство, даже в комитете Дальнего Востока. Между тем есть указания, что в столице Е.И. Алексееву придавали значение щита и он должен был исполнять и исполняет до сих пор, отмалчиваясь от многих нареканий»[159]. Автор ста-

---

[156] Политика России 1905–1907 гг. (Из дневника Ф.Ф. Мартенса) // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 105.

[157] В.П. Череванский – А.С. Танееву (27 окт. 1905 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 12233. Л. 47.

[158] РГИА. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 12234. Л. 1-6. О публицистической борьбе С.Ю. Витте со своими оппонентами по вопросам происхождения Русско-японской войны см.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 354–363, 368.

[159] *Н.Б.* О морской катастрофе // Море. 1907. № 6/7. С. 156. Современники с негодованием говорили о том, что Е.И. Алексеев, несмотря на свои «заигрывания» с

тьи в «Военной энциклопедии» также попытался снять главное обвинение с Алексеева в неподготовленности к войне, заявляя, что у него не было всей полноты власти на Дальнем Востоке. Обвинения адресовались в первую очередь Военному министерству, Министерству иностранных дел и в основном Министерству финансов, которое жалело денег на укрепление обороноспособности края. «Таким образом, нося громкий титул «Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке», – заключалось в энциклопедии, – Алексеев в действительности, вследствие межведомственной розни трех министерств, имевших непосредственное отношение к делам далекой окраины и бюрократической централизации управления ею, лишен был и в этом отношении реальной полноты власти...»[160].

Было бы неоправданным видеть в создании Комитета Дальнего Востока и наместничества только одну интригу «безобразовцев», как это пытался представить в мемуарах С.Ю. Витте[161]. В своих целях они сумели использовать объективно назревшие потребности в создании «объединенного правительства» и децентрализации местного управления. Возражая Витте, В.И. Гурко уже в 1922 г. в парижской эмиграции писал, что учреждение наместничества имело целью устранить двоевластие между могущественным Министерством финансов во главе с Витте и бесправной и безденежной местной администрацией. Подобная децентрализация, по его же мнению, уже существовала в истории России, наместничества были в Царстве Польском и на Кавказе, имелись и особые высшие комитеты по управлению отдельными территориями. «Быть может, неудачен был выбор наместника, – заключал Гурко, – но самая мысль о наместничестве, против которой восстает Витте, была правильная»[162]. Сверх имевшегося уже на Дальнем Востоке России генерал-губернаторства создали по примеру Польши и Кавказа наместничество, чтобы не только повысить статус его управленческой независимости, но и подчеркнуть важность и обособленность дальневосточного направления имперской политики.

Внутриправительственные распри и крах политического курса самодержавия на Дальнем Востоке стали основными причинами неудачной попытки объединить ведомства на местном уровне и создать в Петербурге единый центр управления в Комитете Дальнего Востока.

«безобразовцами», выходит сухим из воды, и царь дал ему орден Св. Георгия «черт знает за что». – Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999. С. 525. Имеются свидетельства, что Николай II не потерял доверия к Алексееву и считал, что он будет способен воссоздать российский флот, но, к сожалению, общественное мнение было настроено против него. – *Бок М.П.* П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 322.

[160] Военная энциклопедия. Спб., 1911. Т. 1. С. 305.

[161] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 238–240, 247, 389.

[162] *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 90.

Борьба за власть стала главным препятствием на пути решения одной из наиболее сложных проблем дальневосточного регионального управления, хотя создание наместничества и Комитета Дальнего Востока внешне вписывалось в рамки традиционной «окраинной» модели управления. Высшие территориальные комитеты в Петербурге как бы завершали во многом параллельную министерским отраслевым учреждениям территориальную вертикаль генерал-губернаторской (наместнической) власти, позволяя на региональном уровне частично снять остроту проблемы «объединенного правительства», повысить эффективность региональной политики. Нараставшая централизация и усиление ведомственного присутствия министерств в регионе только усилили несогласованность управленческих действий, и тогда вернулись к идее регионального объединения власти, децентрализовав решение не только внутриполитических, но и внешнеполитических проблем.

При этом известная доля власти уходила из-под контроля министерств, попадая в руки деятелей, напрямую от них независимых и связанных лично с императором. Вопрос об усилении власти на дальневосточной окраине смещался, таким образом, в другую плоскость, имея несомненную связь с общей проблемой сохранения самодержавной власти. Это было связано с известным недоверием Николая II к своим министрам, который, пребывая в плену старомосковских представлений о роли царя, опасался расхищения монархической власти бюрократией. Одновременно он стремился играть самостоятельную роль в дальневосточной политике, которая могла сулить ему славу покорителя Востока. Именно на Дальнем Востоке Николай II намеревался проявить свою самостоятельность и инициативу, найти новое поприще для «славного» царствования. Сдержанность и осторожность министров создавали лишь досадные помехи, от которых он и поспешил отделаться, создав иную вертикаль региональной власти: наместник – Комитет Дальнего Востока – император.

4.3. «Заброшенный край». Северо-Восток Азии и Сахалин во второй половине XIX – начале XX века

«Честь России (о других причинах не говорю) не дозволяет бросить Камчатку и прочие приморские места, хотя они слишком дорого стоят казне и никогда не в состоянии будут окупать не только всех издержек и пожертвований казны, но даже и одних только пенсий, производимых служащим там...»

Митрополит Иннокентий[1]

Административно-территориальное переустройство Дальнего Востока, вызванное Крымской войной и присоединением к Российской империи Приамурья, привело к тому, что Охотско-Камчатский край выпал на долгие годы из поля зрения центральных и местных властей. Он оказался своего рода окраиной дальневосточной периферии империи. С момента упразднения в 1856 г. Камчатской области приморское областное начальство не имело оперативных сведений о положении и внутреннем быте населения северных округов. О них быстро забыли, хотя одной из главных задач, как определялось ранее, была именно возможность использования Амура для снабжения Камчатки из Сибири. Правительственные заботы о крае, по сути дела, свелись к доставке раз в год продовольствия для чиновников, духовенства и казаков, созданию небольшого запаса хлеба в магазинах и охране котикового промысла на Командорских островах. Население северных округов в середине 1880-х гг. составляло всего 19 500 человек, из них всего 2 800 русских[2]. И ранее влачившие жалкое существование города почти обезлюдели. Так, в 1864 г. в Охотске проживало около 170 человек, а в Аяне не более 40[3].

В 1867 г. с ликвидацией РАК был закрыт Аянский тракт, а в 1870 г. размещенное вдоль него русское население было переселено в Южно-Уссурийский край. Охотско-Камчатский край остался большую часть года недоступным для поездок и почтового сообщения, а русские моряки, по словам приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского,

---

[1] *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 383.

[2] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 129. При этом добавлялось, что цифра эта приблизительная, так как точных данных собрать невозможно.

[3] *Вус В.Г.* Заветный край особой русской славы. Хабаровск, 1990. С. 113, 115.

даже на рубеже XIX–XX вв. были вынуждены пользоваться английскими, американскими и японскими картами[4]. Примечательно, что, составляя в 1870-х гг. обзор азиатских границ Российской империи, М.И. Венюков совершенно выпустил из него Охотско-Камчатский край[5]. Лейтенант Полевой, совершивший в начале 1880-х гг. кругосветное плавание на клипере «Вестник», доносил, что с упразднением военного порта в Петропавловске положение Камчатки значительно ухудшилось, власть на полуострове олицетворял всего лишь один окружной исправник с небольшим штатом чиновников, почтовое сообщение осуществлялось раз в год в июле на пароходе «Камчатка» (или на военных судах), зимой же на собаках через Охотск. Таким образом, с осени до лета Камчатка фактически была отрезана от материка. С конца 1860-х гг. прекратили деятельность Охотская и Петропавловская почтовые конторы[6].

Причины неудачи правительственной политики приморская администрация видела в попытках завести в Охотско-Камчатском крае хлебопашество и привить местным жителям несвойственные им хозяйственные занятия, вместо того чтобы больше внимания уделять рыбным и охотничьим промыслам[7]. С падением добычи пушнины и изменением конъюнктуры на мировых рынках продажи мехов, экономический интерес к Охотско-Камчатскому краю также заметно снизился. Вплоть до 1880-х гг. рыболовство в Охотско-Камчатском крае не привлекло ни правительственного внимания, ни частной инициативы. Ловля рыбы имела преимущественно местное значение со всеми признаками кустарного промысла[8]. Добыча золота и других полезных ископаемых требовала масштабных изыскательских геологических работ.

Однако природа не терпит пустоты, и в Петропавловске, по свидетельству подполковника П.Н. Козика, посетившего Камчатку в 1877 г., жизнь стала приобретать американский характер, а среди местного населения можно было слышать: «...если нас правительство забыло, то лучше бы отдало американцам»[9]. В этом же году на Камчатке ходили слухи, что чукчи, вооруженные американцами, готовы вторгнуться на

---

[4] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора за 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 81.

[5] *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873–1876. Вып. 1-2.

[6] *Высоков М.С.* Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII – начало XX вв.). Южно-Сахалинск, 1985. С. 17.

[7] Отчет по Приморской области за 1863 г. // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 89. Л. 46.

[8] *Мандрик А.Е.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994. С. 35–36.

[9] Записка о полуострове Камчатка состоящего при командующем войсками Восточно-Сибирского военного округа подполковника П.Н. Козика // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1882. Т. 3. Вып. 1. С. 40.

полуостров. Забвение российских интересов в северо-восточном регионе подтвердил в 1881 г. чиновник Главного управления Восточной Сибири П.Г. Сулковский, который призывал обратить внимание на поднятие уровня благосостояния местных жителей, на защиту побережья от американцев[10]. Посещавших северно-азиатское побережье Тихого океана поражало, насколько велико там американское влияние. Жители Петропавловска и Командорских островов одевались так же, как американцы, приучились жевать табак, отдавали предпочтение американской кухне, переняли от американцев многие привычки, взгляды и обычаи. Подполковник Н.А. Волошинов в 1885 г. с возмущением описывал, как в Петропавловске устроили американский праздник, развесили вместе с российскими американские флаги, народу бесплатно разливали водку, а петропавловский исправник отправился с визитом поздравлять американского капитана. И если иностранное засилье, разъяснял он, нежелательно для всего Приамурского края, то для Северо-Восточного края, «как наиболее пустынного, малонаселенного и малознающего свою принадлежность России», является просто опасным[11]. Охрана природных богатств края оставалась малоэффективной. Отправленный в 1872 г. для охраны российского северо-восточного побережья клиппер «Гайдамак» не мог успешно бороться с американскими контрабандистами. Только с 1883 г. было организовано регулярное крейсерство вдоль берегов Чукотки. Ситуация осложнялась проникновением на Камчатку и прибрежные воды японских рыбаков, которые не только занимались хищническим ловом, но и внедрялись на полуостров, действуя через финансово зависимых от них русских предпринимателей. Учрежденная в 1903 г. должность надзирателя за камчатскими рыбными промыслами была явно недостаточной. Крейсировавшие вдоль камчатского побережья русские военные корабли постоянно наталкивались на браконьерские японские и американские суда[12].

С образованием в 1856 г. Приморской области в ее состав вошли северные округа, и административный центр постепенно сместился на юг из Петропавловска в Николаевск, а затем во Владивосток. Интересы флота, преобладавшие в регионе, с занятием Амура сосредоточились на юге области, потому что, пояснял приморский военный губернатор П.В. Казакевич, «полуостров Камчатка с превосходною Петропавловскою бухтою ... отрезан от материка, так как не имеет береговых сообщений по

---

[10] Записка о Камчатке чиновника Главного управления Восточной Сибири П.Г. Сулковского // Там же. С. 66.

[11] Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба полковника Н.А. Волошинова в 1884–1885 гг. Хабаровка, 1886. С. 85.

[12] См.: *Алепко А.В.* К вопросу охраны тихоокеанских промыслов России от иностранного браконьерства в конце XIX – начале XX в. // Российский флот на Тихом океане: История и современность. Владивосток, 1996. Вып. 3. С. 16–22.

безлюдности и громадности протяжения»[13]. Еще в 1860 г. он настаивал на том, что будущее российского Дальнего Востока связано исключительно с его южной частью, на севере же могут существовать только бродячие племена. Созданные там населенные пункты были подчинены административным целям и утратили в настоящее время свое значение. Брошенные без государственной поддержки русские жители бедствуют и по своему образу жизни мало чем отличаются от инородцев. Правительство же вынуждено тратить средства на снабжение их продовольствием, посылать суда, содержать чиновников. Казакевич готов был организовать переселение русского населения из Удска, Охотска, Гижиги и даже Камчатки в Приамурье[14]. Позднее, в 1885 г., он писал: «Жизнь в Камчатке и Гижигинском, например, округе – непрерывная цепь лишений всякого рода. В северные эти места не ведут даже и плохо устроенные почтовые дороги, а вследствие того край не только обездолен природою, но как бы забыт и людьми. Камчатский полуостров находится и поныне, за небольшими исключениями, почти на той же степени развития, на которой он был во времена Петра Великого...»[15]. Служба чиновников там равняется добровольной ссылке, местный исправник «ведет жизнь отшельника», не имея даже возможности регулярно объехать подведомственную ему огромную территорию. Образованные люди в край не едут, да и не нужны они там, заявлял Казакевич, ибо «при неимении ни общества, ни книг, ни журналов, ни писем человеку, не обладающему весьма твердым характером и высокою нравственною основою, остается одно из двух – или сойти с ума, или запить»[16]. Ему вторил капитан 1-го ранга Н.А. Наумов, бывший долгое время начальником штаба Главного командира портов Восточного океана. Он свидетельствовал, что после продолжительной жизни в Охотско-Камчатском крае «можно совершенно потерять образ человеческий и сделаться хуже дикаря – просто идиотом, что с некоторыми и случалось»[17].

Брошенное на произвол судьбы население экономически и культурно деградировало. В отчете приморского губернатора за 1883 г. со-

---

[13] Мнение адмирала П.В. Казакевича (23 янв. 1884 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 259.

[14] Отчет по Приморской области за 1860 г. // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 142. Еще в 1858 г. Н.Н. Муравьев-Амурский предлагал П.В. Казакевичу подготовить проект об устройстве северной части Приморской области, подчеркивая, что, «владея странами, облегающими всю северную часть Восточного океана, на нас лежит обязанность в отношении мореплавателей всех наций иметь учреждения в наиболее доступных пунктах морского прибрежья». – Н.Н. Муравьев-Амурский – П.В. Казакевичу (5 дек. 1858 г.) // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

[15] Отзывы о наших окраинах и других местностях, в коих служащие пользуются особыми преимуществами. СПб., 1885. С. 8.

[16] Там же. С. 10.

[17] Там же. С. 22.

держалось утверждение о физическом вырождении тамошних русских жителей, которые «отупели в поразительной степени и болезненно-вялые, ко всему равнодушные влачат они бесцельное свое существование, ни на что не надеясь, ничего не ожидая и в большинстве случаев совершенно не зная даже своих лет»[18]. Чиновник для особых поручений при приамурском генерал-губернаторе Савримович писал в 1893 г. о бесконтрольном произволе администрации северных округов, о царящей неразберихе в уплате податей и исполнении повинностей, отсутствии в крае русских школ, нехватке грамотных людей для заполнения вакансий по выборным должностям в сельском управлении. Более того, замечал Савримович, «никто из инородцев не говорит по-русски, но и русское население забывает свой язык»[19]. Об этом же писал в «Живописной России» К. Старицкий: «Передав камчадалам веру и язык и подняв уровень развития туземцев, русские люди в Камчатке сами в то же время как бы опустились на несколько ступеней, окамчадовались и в настоящее время не служат уже даже и хранителями чистоты русского языка...»[20].

Казаки северо-восточных районов заметно потеряли былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным населением. В 1875 г. начальник иркутского жандармского управления В.О. Янковский оценивал боеспособность дальневосточного казачества чрезвычайно низко: «Лихости и молодечества, столь свойственных славному русскому казачеству, здесь совсем не видно, это скорее напоминает какое-то непривыкшее к строю и дисциплине ополчение, вдобавок дурно вооруженное»[21]. Численность казаков в северо-восточных округах (а это была единственная сухопутная военная сила здесь) составляла: на Камчатке 50 человек, в Гижиге – 32, в Охотске – 31, Удске – 11 и Аяне – 2. «При таком порядке вещей, – заключал Савримович, – теряет казна, несет непроиз-

---

[18] Отчет по Приморской области за 1883 г. // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 99. Л. 154. Об утрате старожильческим населением – «гижигинцами» черт русской культуры см. также: *Орехов А.А.* Этнический состав и населенные пункты Гижигинского округа в XIX в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 62.

[19] Докладная записка чиновника для особых поручений при приамурском генерал-губернаторе коллежского асессора Савримовича (21 окт. 1893 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 93. Л. 27. Схожая ситуация складывалась и в Приленском крае Якутской области, где наблюдателям бросилось в глаза «объякучивание» местного русского населения. – *Гамов И.И.* Очерки далекой Сибири. Гомель, 1894. С. 32, 49, 51.

[20] *Старицкий К.* Камчатка // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении. СПб.; М., 1895. Т. XII. Ч. 2. С. 39.

[21] Донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления В.О. Янковского об общем положении дел в Восточной Сибири (31 окт. 1875 г.) // Российские архивы. 1993. № 1. С. 95.

водительные расходы, теряет край, по отношению к которому казаки стали гостями, а не работниками, и теряют сами казаки, превращаясь в тунеядцев, не говоря о деле, к которому они приставлены»[22]. Поэтому он предлагал заменить казачьи команды вольнонаемной полицией.

Поскольку на РАК лежали обязанности по управлению Командорскими и Курильскими островами и Чукотским полуостровом, там образовался не только своего рода административный вакуум, но и возникли серьезные проблемы с обеспечением продовольствием[23]. Снабжение Камчатки, Командорских и Курильских островов поначалу сосредоточилось в руках купца 1-й гильдии А.Ф. Филиппеуса, к которому, как писал в 1881 г. лейтенант Полевой, жители очень расположены и отзываются о нем, «как о благодетеле»[24]. Филиппеус добился для Аяна режима портофранко, что позволило наладить стабильную доставку чая по аянскому тракту в Якутск и далее в Сибирь. С 1876 г. российское правительство возложило на него организацию регулярного пароходного сообщения с Камчаткой. В 1885 г. это обязательство перешло к Добровольному флоту, который и стал осуществлять ежегодно два рейса по портам северо-восточных округов и Приморья[25].

Однако А.Ф. Филиппеус оказался в непростой ситуации, будучи вынужден сдерживать конкуренцию иностранных торговцев и промышленников (впрочем, действуя не без опоры на американский капитал[26]), не получая при этом никакой поддержки от российских чиновников. Поданная им в начале 1880-х гг. записка о Камчатке и портах Охотского моря описывает полнейший хаос в управлении. Если в первое время из Николаевска еще направлялись чиновники для ревизии северных округов, то вскоре эта практика прекратилась. Последняя командировка такого рода, по свидетельству Филиппеуса, состоялась еще в 1859 г. при Н.Н. Муравьеве-Амурском[27].

Если в Петропавловск изредка заглядывали чиновники, направлявшиеся на Командорские острова, заходили военные суда, то немно-

---

[22] Докладная записка чиновника для особых поручений при приамурском генерал-губернаторе коллежского асессора Савримовича (21 окт. 1893 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 93. Л. 32.

[23] При образовании в 1856 г. Приморской области власть ее военного губернатора была распространена на Курильские острова с оговоркой, что права на них РАК сохраняются.

[24] Записка лейтенанта Полевого «Некоторые сведения о полуострове Камчатка и Командорских островах за 1881 г.» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 136.

[25] *Высоков М.С.* Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII – начало XX вв.). Южно-Сахалинск, 1985. С. 45–46.

[26] *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 24–25.

[27] Записка надворного советника А.Ф. Филиппеуса о Камчатке и портах Охотского моря. Б.м., б.г. С. 1.

гочисленная администрация Гижигинска и Удска оказалась совершенно вне контроля. Филиппеус жаловался на открытый произвол со стороны удского исправника, который имел смелость пренебрегать указаниями генерал-губернатора и областного начальства. Когда же исправника затребовали для ответа в Николаевск, он под предлогом болезни туда не поехал и еще два года управлял округом, пока не был силой выдворен особо командированным чиновником. Как это уже неоднократно бывало, исправник прожил затем 4 года в Николаевске, находясь под судом, а затем умер, унеся в могилу все тайны своего неограниченного правления. Отстранение исправника не только не принесло пользы, но и ухудшило ситуацию. Исполнять обязанности поручили казачьему уряднику, которому даже не полагалось за это казенного жалованья. Урядник, как умел, собирал ясак, не забывая при этом своего интереса. «После нескольких лет такого управления, – подытожил Филиппеус, – для ревизии прибыл из Николаевска какой-то казачий офицер; он нашел неисправности за урядником, вывез его из Удска на Амур для отдачи под суд, а управление округом поручил одному из казаков, совсем безграмотному, не умеющему даже подписывать свое имя...»[28].

Сложной оказалась ситуация и на Командорских островах. Правительство не смогло даже определить статус жителей островов, причислив их всех к инородцам, хотя 76,1 % из них были так называемыми креолами (потомство от браков русских и алеутов), имевших особые права[29]. Всего же население островов в середине 1880-х гг. насчитывало чуть меньше 600 человек[30]. Приморский военный губернатор И.В. Фуругельм ограничился назначением на остров Беринга чиновника VIII класса со званием «управляющего». Его задачи были определены следующим образом: сбор ясака, хранение провианта и исполнение распоряжений Петропавловского окружного управления. В мае 1869 г. на Командорские острова приехал петропавловский окружной начальник Хмелевский, вывесил российский флаг и объявил жителям об упразднении РАК и полном подчинении их российским властям[31]. Правительство безуспешно пыталось привлечь на острова русских промышленников и в

---

[28] Записка надворного советника А.Ф. Филиппеуса о Камчатке и портах Охотского моря. Б.м., б.г. С. 20.

[29] Записка о Командорских островах Н.А. Гребницкого (1881 г.) // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 45–46, 61; см. также: *Люрман С.* От алеутов и креолов к черным и белым: Южная Аляска между двумя империями // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 169–190.

[30] Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба подполковника Волошинова в 1884–1885 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 26. С. 160.

[31] *Свердлов Н.В.* Котиковый промысел России на севере Тихого океана в 1868–1897 гг. // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1973. Вып. 2. С. 8.

1871 г. вынуждено было заключить контракт на аренду котикового промысла с американской торговой компанией «Гутчисон, Коль и К°». Только в 1877 г. (до этого управление Командорскими островами осуществлял петропавловский окружной начальник, приезжавший туда раз в год на короткое время) была введена должность управляющего, на которую был командирован чиновник ГУВС Н.А. Гребницкий. Он управлял островами в течение 13 лет, оказавшись (впрочем, не бескорыстно) в полной зависимости от американских промышленников, позволяя им добывать бесконтрольно не только морских котиков, но морских бобров и голубых песцов[32]. К середине 1880-х гг. на Командорских островах было всего два чиновника, один казак да четыре отставных солдата, которые, разумеется, не могли остановить истребления котиков. Их добыча возросла с 4 000 в 1865 г. до 27 500 в 1870 г.[33] В 1891 г. самодержавие передало арендные права на Командорские острова «Русскому товариществу котиковых промыслов».

С продажей российских владений в Америке и упразднением РАК в правительственных кругах встал вопрос и о дальнейшей судьбе Курильских островов. Первоначально было принято решение о передаче их под юрисдикцию приморского военного губернатора, а непосредственное управление возложить на петропавловского окружного исправника и специально назначенного на остров Шумшу вахтера. Однако это решение носило формальный характер, и ни один правительственный чиновник так и не побывал на Курильских островах[34]. После передачи островов Японии по договору 1875 г. в 1877–1878 гг. российское правительство переселило «курильцев» на Камчатку[35].

Российская власть так и не смогла дотянуться до многих мест северо-востока Азии. Процесс включения чукчей в имперское пространство явно затянулся, и вплоть до конца XIX в. они не вполне признавали власть русских, нерегулярно выплачивали ясак, заявляя, «что эта земля не Русского Царя, а наша, что здесь наши предки исстари жили и владели землей»[36]. Попытка восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского образовать «отдельное заседательство» на реке Анадырь, чтобы ближе познакомиться с бытом и нравами чукчей, оказалась неудачной. В 1866 г. гижигинский земский исправник Бильд-

---

[32] Записка лейтенанта Полевого «Некоторые сведения о полуострове Камчатка и Командорских островах за 1881 г.» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 136–139.

[33] Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба полковника Н.А. Волошинова в 1884–1885 гг. Хабаровка, 1886. С. 1, 4.

[34] *Шубин В.О.* Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 3–14.

[35] *Шубин В.О.* Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку // Там же. С. 15–36.

[36] Анадырский край. Рукопись жителя с. Маркова Г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II. С. 53, 97.

зюкевич донес, что за полтора столетия отношений с чукчами мы не достигли каких-либо успехов, не смогли организовать регулярной торговли с ними, не создали какого-либо военного и административного поста на полуострове, а о «русском флаге туземцы там никогда не слыхали, не признают над собой никакой власти, не имея ни малейшего понятия о нашем могуществе, и русское имя между ними едва упоминается»[37]. С 60-х гг. XIX в. колымско-анадырские ярмарки, через которые в основном и осуществлялась, помимо РАК, торговля пушниной с Чукотки, пришли в упадок, а чукотский пушной рынок переориентировался на американцев[38].

Помимо американских китобоев и торговцев пушниной, полуостров заинтересовал в 1865–1867 гг. Русско-Американскую телеграфную компанию, проектировавшую телеграфную линию Якутск – Сан-Франциско. Для изучения ситуации, выявления природных ресурсов в 1868–1870 г. на Чукотку была направлена экспедиция барона Г.Л. Майделя[39]. Помимо решения научных задач, Майделю удалось склонить зажиточную чукотскую верхушку к более тесному сотрудничеству с российскими властями. Однако организовать регулярный сбор ясака среди всех чукчей оказалось невозможно. В 1885 г. к берегам Чукотки был командирован на частной китобойной шхуне «Сибирь» чиновник А.А. Ресин для ознакомления с положением прибрежных чукчей. Он также высказался за усиление российского присутствия и образование особого административного округа на полуострове[40].

В «чукотском вопросе» имперские задачи тесно переплелись с научными, как это точно отметил Ф.Ф. Буссе по поводу смерти в 1891 г. ученого, врача и первого начальника Анадырского округа Л.Ф. Гриневецкого, исследовавшего Чукотку «с целью положить прочные основания для правильной администрации, которая бы могла обрусить полудикое население и устранить контрабанду американских шхун»[41]. Именно он основал в 1889 г. пост Ново-Мариинский, ставший административным центром Чукотки[42]. Но в 1891 г. Гриневецкий умер, а новый анадырский начальник Н.Л. Гондатти смог прибыть на Чукотку только летом 1894 г.

---

[37] Отчет гижигинского земского исправника надворного советника Бильдзюкевича (26 окт. 1866 г.) // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 97. Л. 80.

[38] *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 23.

[39] *Ширина Д.А.* Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 87–89.

[40] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 115–117.

[41] Анадырский край. Рукопись жителя с. Маркова Г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II. С. I.

[42] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 118.

Н.Л. Гондатти подтвердил, что в некоторых чукотских селениях «не видели не только начальника, но и вообще русского», знают о русских по искаженным слухам и негативным сведениям, распространяемым американскими китобоями. Перед местной администрацией все еще стояли задачи первоначального закрепления территории в составе империи путем переписи населения, обложения ясаком, организации самоуправления у «оленных» чукчей. При этом Гондатти понимал, что придется конструировать самоуправление, опираясь на сибирский опыт организации управления инородцами, назначая «старших», которые при опоре на администрацию стали бы местными представителями российской власти. В его деятельности управленческие задачи успешно сочетались с научными: составление посемейных списков, определение демографической ситуации («об их вымирании или приросте»), выяснение хозяйственного положения «в настоящем с указанием на их прошлое», информация о традиционных формах управления и судопроизводства. Главная же цель административной деятельности заключалась в том, чтобы показать чукчам, «что они составляют часть Русского государства и что над ними есть также власть»[43]. Сознавая опасность проникновения на Чукотку американских промышленников, Гондатти не мог рассчитывать на активность русских предпринимателей. Инициативу должно, по его мнению, взять государство, устроив казенный склад с необходимыми товарами. Здесь же должен находиться и местный представитель власти – пристав. Только постоянные контакты будут способствовать сближению коренных жителей с русскими, дадут им возможность почувствовать свою причастность к России. Лишь к концу XIX в. чукчи начали сознавать свою принадлежность к империи, хотя и продолжали мало обращать внимания на приказы местного начальства[44].

Значительным событием в жизни края стала деятельность в 1896–1898 гг. Охотско-Камчатской горной экспедиции под руководством горного инженера К.И. Богдановича[45]. Министерство финансов специально делегировало в состав экспедиции Н.В. Слюнина «для изучения края в экономическом отношении»[46]. Перед научными экспедициями были поставлены практические задачи, связанные со строительством телеграфных линий, разведкой полезных ископаемых, изучением возможностей

---

[43] *Гондатти Н.Л.* Поездка из с. Маркова на реку Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. I. С. 6, 8.

[44] Анадырский край. Рукопись жителя с. Маркова Г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II. С. 53, 97, 99.

[45] *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1989. С. 22–28.

[46] *Слюнин Н.В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1896; *он же.* Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.

промыслового использования фауны и флоры, картографированием, исследованием Северного морского пути. Вместе с тем, как отмечал В.М. Вонлярлярский, снарядивший в 1900–1901 гг. две экспедиции для геологических изысканий на Чукотском полуострове, о нем сложилось устойчивое представление «как об области, лишенной всякого промышленного значения, с туземным населением, отличающимся крайне необузданным и диким характером, не признающим над собой никакой правительственной власти. О чукчах говорилось, что частые убийства и кровавая месть среди них – самое обычное явление, что управление последними невозможно без чуть ли не вторичного их завоевания. Одним словом, эта окраина, не принося никаких выгод и требуя значительных расходов, сопряженных с посылкой военных судов, была в тягость правительству»[47]. И в конце XIX в. приморская администрация продолжала считать, что Чукотский полуостров лишен будущего и имеет для государства «весьма малую ценность как материальную, так и нематериальную»[48]. Только открытие золота на Аляске заставило русских предпринимателей обратить внимание на Чукотку в надежде и там найти золотые россыпи. Созданное В.М. Вонлярлярским в 1902 г. Северо-Восточное Сибирское общество фактически монополизировало всю промышленную и торговую деятельность на Чукотке, способствуя дальнейшему проникновению на полуостров американского капитала.

На рубеже XIX–XX вв. об Охотско-Камчатском крае ненадолго вспомнили. Очевидно, это было связано с активизацией международной политики на Дальнем Востоке и пугающей перспективой утраты северо-восточных земель по примеру Русской Америки. В 1890 г. Камчатку посетил генерал-губернатор барон А.Н. Корф (до него на Камчатку приезжал в 1849 г. только Н.Н. Муравьев), через два года первую поездку на север Приморской области совершил приморский военный губернатор, а в 1897 г. на Камчатке побывал приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской. Местная администрация вынуждена была признать, что в Охотско-Камчатском крае «все ранее начатое не только остановилось, но жизнь пошла назад»[49]. «Корень зла» виделся в изолированности северных округов от более динамично осваиваемой южной части российского Дальнего Востока, в отсутствии регулярной информации и надежных путей сообщения. Сухопутное сообщение между Якутском и Охотском и в конце XIX столетия существовало всего раз в месяц, за исключением весенней и осенней распутицы, а между Охотском и други-

---

[47] *Вонлярлярский В.М.* Забытая окраина. СПб., 1902. С. 10.

[48] Приморский военный губернатор Д.И. Суботич – приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому (7 сент. 1897 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 93. Л. 222.

[49] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского (1896–1897 гг.) СПб., 1898. С. 80.

ми северными окружными центрами – раз в год. Местная администрация неоднократно поднимала вопрос о проведении на север телеграфа, без которого невозможно было развивать промышленность и торговлю, организовать оборону. Вместе с тем российское правительство отказалось дать концессию американскому синдикату, которую возглавил французский инженер Лойк де Лобель. Он предложил в 1900 г. построить транссибирскую железнодорожную магистраль от Красноярска на Якутск, далее через Верхнеколымск и Анадырь до Берингова пролива, где должен быть сооружен тоннель, который связал бы Азию с Америкой[50]. И дело было не только в том, что концессионеры запросили слишком большую территорию вдоль строящейся дороги в распоряжение компании на 90 лет. Рассматривать столь дальнюю дорогу (не только от Европейской России, но и Сибири) как «средство оживления края путем русской колонизации и развития русской промышленности» было весьма сомнительно, тогда как близкая к Чукотке быстро развивающаяся американская Аляска послужила бы базой для усиления иностранной экономической экспансии[51].

В отчете царю за 1879 г. восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин снова поставил вопрос о восстановлении губернаторства на Камчатке, мотивируя свое предложение тем, что местная власть там принижена, не имеет должного авторитета в глазах иностранцев, а в Петропавловске, где живет начальник полуострова, нет даже русского флага[52]. Несмотря на настойчивые просьбы Анучина об усилении власти в северо-восточных округах, Камчатская область так и не была восстановлена.

Вопрос о Камчатской области вновь был поднят при создании Приамурского генерал-губернаторства. Было обращено внимание на то, что Приморская область слишком велика по своей территории и разнородна в социально-экономическом и этническом отношениях, поэтому предлагалось разделить ее на две области: Камчатскую и Уссурийскую. Но против такого деления решительно выступил приморский военный губернатор И.Г. Баранов. Его позиция особенно показательна, ведь именно в его ведении находились северные округа. Перешедший на эту должность с поста амурского военного губернатора Баранов предлагал оставить Приморскую область в прежних размерах, соглашаясь лишь с выделением из ее состава Сахалина. На Камчатке, считал он, можно

---

[50] Синдикат в 1904–1905 гг. повторил свою просьбу, но снова получил отказ. – *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 68.

[51] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 188–189.

[52] Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 31–32.

было бы установить особое правление, подчиненное приморскому губернатору. Генерал-губернатор А.Н. Корф же продолжал настаивать на образовании отдельной Камчатской области. В ходе этой полемики приморский губернатор утверждал, что Камчатка и все северное побережье не представляют какого-либо затруднения в управлении, так как являются малонаселенной пустыней, «которую мы сохраняем не ради пользы, которую она приносит, но из-за point d'honner»[53]. Вообще, до решения вопроса о создании отдельного губернатора Камчатки, заключал он, нужно определить, «стоит ли игра свеч»[54]. Баранов продолжал убеждать своих оппонентов в том, что бесполезно тратить средства на освоение северных округов.

Министр финансов И.А. Вышнеградский с ведомственных позиций, как всегда, призывал не спешить с изменением административной карты Дальнего Востока и не растрачивать необдуманно казну. По его мнению, население в Охотско-Камчатском крае немногочисленное, в основном «полудикие инородцы», и поэтому вряд необходимы какие-либо преобразования[55].

Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф считал, что главное – устроить ближайшие к китайской границе территории, а на остальные не тратить средства, поскольку для этого нет оснований. Это утверждение относилось преимущественно к северо-восточным округам, где, по его заключению, «проживают поныне лишь полудикие инородцы и несколько десятков чиновников и казаков»[56]. Корф признавал, что «вследствие вымирания населения, упадка промыслов пушного зверя, безуспешности земледельческих приемов ландмилиции и отсутствия прогресса в торгово-промышленном развитии Камчатки, а равно в безлюдности и пустынности прочих частей побережья Восточного океана» край не имеет будущего[57]. Поэтому на северо-востоке Азии достаточно иметь немногочисленную, мобильную, добросовестную и хорошо оплачиваемую администрацию, главной задачей которой была бы защита туземцев от хищнической эксплуатации иностранных и российских купцов. Между тем, полагал он, стоило бы вернуться к прежнему опыту и образовать в составе Приморской области три округа (Гижигинский,

---

[53] Журнал № 2 заседаний комиссии об административном разделении края, организации управления всем краем и отдельно каждой областью (21 янв. 1885 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 34. Л. 30.

[54] Приписка к журналу № 2 военного губернатора Приморской области И.Г. Баранова // Там же. Л. 44.

[55] Там же.

[56] Программа деятельности администрации Приамурского края // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1887 г. Д. 55. Л. 330.

[57] Записка МВД «Об изменениях в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях» (14 марта 1888 г.) // РГИА. Ф. 1149. Т. X. 1888 г. Д. 49. Л. 92.

Северный и Петропавловский), объединенных под началом одного чиновника со статусом губернатора. Охотский же округ вместе с Аяном (которые не представляли, очевидно, никакого интереса для дальневосточных властей) предлагалось вернуть в Якутскую область. Корф соглашался и с идеей восстановления Камчатской области, но без создания в ней полного набора областных учреждений. Гораздо эффективнее, считал он, предоставить будущему камчатскому губернатору особые полномочия, «которые давали бы ему право принимать в случае нужды, под своею личною ответственностью, все неотложно необходимые меры»[58].

Но и этот проект был отвергнут. Управляющий Морским министерством И.А. Шестаков решительно заявил: «Сомнительно, чтобы административное заведование пустынным краем, хотя и обширным.., требовало сложной организации управления в проектируемом объеме и оправдывало исчисленный на него расход»[59]. В черновом варианте своего отзыва он высказывался по этому поводу еще резче и предлагал присоединить Камчатку к Иркутскому генерал-губернаторству, чтобы приморский губернатор не отвлекался на ее управление. По его мнению, Камчатка «стоит теперь (когда мы подвинулись на юг) как раз того внимания, которое можно уделить из Иркутска через тундры и дебри»[60].

Административные преобразования ограничились созданием в 1888 г. двух новых округов: Анадырского и Командорских островов – и переименованием окружных исправников северо-восточных округов в окружных начальников, что предусматривало повышение их служебного статуса[61]. При этом число чиновников не увеличивалось. Так, для Командорских островов, кроме окружного начальника, полагалось иметь всего лишь помощника и трех надзирателей с общим расходом жалованья в 5 400 руб. в год. Но повышение самостоятельности окружных начальников при фактическом отсутствии контроля со стороны областных учреждений таило опасность превращения северных округов в «почти независимые княжества»[62]. Для оживления северных округов охотский окружной начальник в 1894 г. предлагал сформировать с центром в Гижиге Северную область, состоящую из Охотского, Гижигинского, Анадырского, Петропавловского, Командорского и Колымского округов.

---

[58] Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф – министру внутренних дел Д.А. Толстому (30 мая 1886 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 98.

[59] И.А. Шестаков – МВД (19 янв. 1887 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 192.

[60] Черновой вариант отзыва И.А. Шестакова (19 янв. 1887 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 54. Л. 2-а.

[61] ПСЗ-III. № 5316. 9 июня 1888 г.

[62] Ответы охотского окружного начальника (14 авг. 1894 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 93. Л. 182.

Кроме того, настаивал он, необходимо ускорить колонизацию края хотя бы ссыльными, установить регулярное сообщение, выделив для нужд северного побережья специальный пароход, упорядочить сбор ясака, создать условия для развития частных промыслов, не обращая внимания на то, русские это будут предприниматели или иностранные. Не превратиться ли нам при слишком большой разборчивости, замечал глава Охотска, в «разборчивую невесту» из басни И.А. Крылова.

Однако приморский военный губернатор (теперь уже Д.И. Суботич) не поддержал идею особой Северной области, заявив, что центром для северо-восточных округов всегда будет Владивосток, значение которого усилится со строительством Сибирской железной дороги. Поэтому он призывал ограничиться расширением прав окружных начальников, хотя и соглашался, что при их нынешнем качественном составе это приведет лишь к отрицательным результатам. Нужно привлечь в Охотско-Камчатский край достойных людей, повысив материальную заинтересованность в службе. Главным вопросом Суботич считал не административный статус края, а улучшение сообщения с ним. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской соглашался, что образование новой области будет преждевременной мерой. К тому же, указывал он, не определились еще перспективы хозяйственного развития края, а в этих условиях будет «затруднительным избрать пункт для устройства областного центра»[63]. Традиционно местные власти продолжали уповать на улучшение состава администрации за счет привлечения в край чиновников материальными льготами и привилегиями. Законом 1886 г. за северными округами Приморской области сохранялись не только денежные льготы, повышенные пенсии, но и сокращенный срок выслуги (два дня за три). Кроме того, чиновники продолжали получать провиант[64].

Вопрос о Камчатской области в очередной раз был поставлен в 1903 г. при общей реорганизации управления дальневосточными территориями, предусмотренной проектом наместника на Дальнем Востоке адмиралом Е.И. Алексеевым. Он вновь планировал создать для северных округов авторитетную, самостоятельную местную власть. Учреждение нового губернаторства мотивировалось прежде всего интересами развития промысловой деятельности. Предлагалось снабдить новое губернское начальство судами, чтобы пресечь хищнический грабеж природных ресурсов края. В своем представлении в Комитет Дальнего Востока 24 ноября 1903 г. Е.И. Алексеев предупреждал: «Можно серьезно опасаться, что если мы не примем решительных мер к тому, чтобы взять промысловое дело в северном крае в русские руки и образовать здесь твердый

---

[63] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского (1896-1897 гг.). СПб., 1898. С. 90.

[64] ПСЗ-III. № 3817. 13 июня 1886 г.

оплот в виде коренного русского населения, то край этот в конечном результате окажется в руках иностранцев»[65]. Кроме того, он предусматривал переместить центр Приморской области из Владивостока в Хабаровск, где до сих пор располагались главные областные учреждения: казенная палата, контрольная палата, акцизное управление, управление почтово-телеграфным округом и др. Последняя мера может рассматриваться в качестве попытки вернуться к двум направлениям в дальневосточной административной политике на юге и на севере. В секретном докладе, представленном наместнику его канцелярией 9 сентября 1903 г., заявлялось, что «такое перенесение областного центра представилось бы целесообразным и потому еще, что с истощением запаса свободных казенных земель в Южно-Уссурийском крае район колонизации, требующей особого внимания и забот со стороны губернатора, все более раздвигается по направлению к северу»[66]. Но начавшаяся Русско-японская война и упразднение в 1905 г. Дальневосточного наместничества не дали Е.И. Алексееву осуществить свой план.

Не менее сложным в дальневосточной политике был «сахалинский вопрос». С присоединением Амура к России увеличилось военно-политическое и экономическое значение острова, выяснилось, что он богат углем, важным минеральным топливом для растущего российского тихоокеанского флота. Если Крымская война поторопила русских с уходом с Сахалина, то та же война продемонстрировала его важное стратегическое значение и предопределила новое его занятие русскими. В 1856 г. на остров был отправлен отряд для организации поселения и добычи каменного угля в Дуэ. В следующем году экспедиция Н.В. Рудановского открыла еще несколько месторождений. Геолого-географическое и этнографическое обследование Сахалина было проведено в 1860–1861 гг. Сибирской экспедицией Русского географического общества. В 1867 г. штабс-капитану Лопатину было поручено заняться поисками на Сахалине золота, железной руды и других металлов. В 1879 г. была найдена первая сахалинская нефть[67].

Остров был важен для обороны и торговли. Здесь был каменный уголь по качеству лучше, как утверждал горный инженер А.П. Кеппен, уэльского и японского; агроном М.С. Мицуль был в восторге, увидев дикий виноград и бамбук, возмечтал о цветущем сельскохозяйственном оазисе на Дальнем Востоке; предприниматель Я.Н. Бутковский уверял, что запасами угля, рыбы, леса, других горных богатств Сахалин затмит

---

[65] Представление наместника Е.И. Алексеева в Комитет Дальнего Востока (24 ноября 1903 г.) // РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 32. Л. 141.

[66] Секретный доклад канцелярии наместника Дальнего Востока (9 сент. 1903 г.) // РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

[67] *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 75–81.

славу Индии и Мельбурна. Это был короткий период нового увлечения Сахалином, который рисовался жемчужиной дальневосточных владений Российской империи. Но вместо этого, заключает американский историк Д. Стефан, к 1904 г. Сахалин «стал разочарованием для экономистов, позорным клеймом для чиновников, ужасным кошмаром для его подневольных жителей, объектом исследований для ученых и экзотической по своей жути пищей для журналистов»[68]. Главной причиной тому стала его каторжная судьба, превращение в «остров изгнания»[69], превзошедшего своей печальной славой французскую Новую Каледонию и британскую Австралию.

По Симодскому договору 1855 г. Сахалин был объявлен «нераздельным» между Россией и Японией. В 1861 г. при обсуждении вопроса о Сахалине в Амурском комитете было решено не спешить с его решением и оставить «в общем владении»[70]. Однако притязания Японии на южную часть острова создавали обстановку постоянной напряженности, сохранялась опасность проникновения на остров англичан и американцев. Но и в 1867 г. российско-японские переговоры в Петербурге по поводу Сахалина не привели к желаемому для российской стороны результату, были уточнены лишь правила общего владения островом.

В этих условиях с претензией на самостоятельность видения политической проблемы восточно-сибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков 16 октября 1868 г. представил в Петербург свои предложения по укреплению русских позиций на острове. В его планах предусматривалось форсированное заселение острова русскими, увеличение войск, устройство дополнительных постов и замена Сибирской флотилии, которая не отвечала современным потребностям, более мощной военной эскадрой. К 1869 г. на Сахалине уже разместился линейный батальон и взвод горной артиллерии. Главные военные силы располагались на юге острова, а дуйская постовая команда, призванная охранять каторжан, находилась на 700 верст севернее[71]. Россия, невзирая на дипломатические трудности, последовательно наращивала свой воинский контингент на Сахалине. Еще в 1866 г. по восточному берегу на юг острова был направлен отряд в 130 человек во главе с полковником В.П. де Витте. В следующем году еще 130 солдат высадилось в заливе Анива, восстановив русский флаг в Муравьевском посту, который был снят в 1854 г. Де Витте организовал сообщение между Муравьевским и другими по-

---

[68] *Стефан Д.* Сахалин. История // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 2. С. 50–51, 59.

[69] *Шмидт П.Ю.* Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905.

[70] Журнал Амурского комитета 22 февр. 1861 г. // АВПРИ. Главный архив. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 50.

[71] *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 33–42.

стами, а также предпринял меры к усилению российского влияния на коренных жителей южной части Сахалина. М.С. Корсаков не хотел ждать, и невзирая на осторожные предупреждения из Петербурга, сосредоточил войска и часть каторжан на юге острова, в заливе Анива, потребовав по телеграфу от Военного министерства санкций на то, «как поступать далее»[72].

Одновременно М.С. Корсаков выдвинул и проект организации местного управления, совмещавшего командование сахалинским военным отрядом с руководством Сахалинским административным округом. При этом он предупреждал, что, пока остров находится в совместном владении России и Японии, не стоит это новое положение о сахалинском управлении публиковать. Казалось, что на первое время достаточно дать специальную инструкцию, в которой будет предусмотрено и гражданское управление. Такая инструкция, объяснял Корсаков, должна будет подготовлена генерал-губернатором, согласована с Военным министерством и МИД. При этом она должна учесть, что в северной и южной частях Сахалина положения, которыми должен руководствоваться будущий сахалинский начальник, будут существенно отличаться[73]. Приказом генерал-губернатора 29 ноября 1868 г. Сахалин был выделен в самостоятельный округ Приморской области, а его начальником с правами исправника назначен командир сахалинского отряда майор Ф.М. Деперадович[74].

Отсутствие надежных и удобных путей сообщения между севером и югом острова не позволяло создать единую систему управления. Поэтому Корсаков готов был учесть это обстоятельство и подчинить заведующего ссыльнокаторжными в Дуэ непосредственно приморскому военному губернатору, а управление прочим населением северной части Сахалина поручить николаевскому окружному исправнику. На юге, который представлял с военно-политической точки зрения наибольшую важность, он предложил создать особое управление, присвоив его начальнику некоторые губернаторские права[75].

Но эта административная комбинация не нашла поддержки в Петербурге. МИД считало преждевременным решать вопрос об управлении Сахалином, пока не завершены переговоры с Японией, хотя директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов уже в 1869 г. уверял,

---

[72] М.С. Корсаков – военному министру Д.А. Милютину (17 авг. 1870 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 241.

[73] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 62.

[74] *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 49–51.

[75] М.С. Корсаков – военному министру Д.А. Милютину (2 марта 1870 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 232-233.

что вопрос о занятии всего острова «следует считать решенным»[76]. Вопрос о дальнейшей судьбе Сахалина был передан в Особое совещание под председательством вел. кн. Константина Николаевича. И только после подписания 25 апреля 1875 г. в Петербурге российско-японского договора, по которому весь остров Сахалин признавался принадлежащим России, а Курильский архипелаг переходил во владение Японии, вопрос о Сахалине окончательно перешел в сферу внутренней имперской политики[77].

Понимая, что без постоянного русского населения обладание островом никогда не будет прочным, М.С. Корсаков высказался за скорейшее его заселение и развитие там рыбных промыслов. В соответствии с уже традиционной последовательностью имперского освоения новой территории и сочетания военно-политических и колонизационных задач восточно-сибирский генерал-губернатор подчеркивал: «Только по мере развития и упрочения русского населения на острове Сахалине воинские команды на постах оного могут постепенно уменьшаться и даже сниматься, за исключением лишь тех, которые необходимо будет содержать по военным и политическим соображениям»[78].

В Иркутске под началом генерал-майора Б.К. Кукеля был созван комитет, который должен был обсудить меры по организации заселения Сахалина. Комитет предложил поселить в наиболее важных местах острова не менее 25 русских семей, предоставив им существенную поддержку со стороны казны. В 1869 г. на Сахалин переселилось 22 семейства из Тобольской и Иркутской губерний, которые уже к 1872 г. были способны сами себя обеспечить хлебом. В 1869–1871 гг. рассматривался вопрос о переселении на Сахалин алеутов и креолов из Аляски[79]. Необходимо было привлечь на Сахалин русских промышленников, а если не удастся, то организовать добычу угля за счет казны.

Однако колонизация острова натолкнулась на нежелание крестьян добровольно ехать на остров, их не привлекали ни пособия, ни льготы[80]. В этих условиях самодержавие вынуждено было обратиться еще к одной

---

[76] Журнал комиссии под председательством И.С. Лутковского (5, 7, 10, 13 марта 1869 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 122.

[77] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 162–165.

[78] М.С. Корсаков – военному министру Д.А. Милютину (16 окт. 1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 10.

[79] *Базалийская О.Т.* Краткий обзор документов Государственного архива Иркутской области по истории вольного заселения Сахалина на рубеже 60–70-х гг. XIX в. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 2. С. 133–136.

[80] Доклад подготовительной комиссии Комитета по вопросу о преобразовании нынешней системы каторжных работ // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 89; *Костанов А.И.* Русские вольные поселенцы на Сахалине во второй половине XIX в. // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 65–76.

российской традиции освоения новых территорий – «штрафной колонизации». Насколько циничны были планы царской администрации по сосредоточению каторги на Сахалине, свидетельствует фраза в записке упоминавшегося уже начальника Иркутского жандармского управления В.О. Янковского. «Ежели ссыльных принято считать отребием и извержением общества, – писал он шефу жандармов А.Л. Потапову, – то и нужно и поступать с ними так же, как с этими веществами. Разбросанное тряпье, навоз и извержение производят сор и зарождают миазмы, между тем как из тряпок делают превосходную бумагу, а собранные навоз и извержения составляют лучшее удобрение земли. Так и ссыльные, разбросанные по всей Сибири, заражают и растлевают остальное население, тогда как скученные на некоторых пунктах они могли бы принести значительную пользу краю»[81].

Для рассмотрения «каторжного вопроса» в феврале 1869 г. была созвана подготовительная комиссия во главе с забайкальским военным губернатором Н.П. Дитмаром. Забайкальская администрация была особо заинтересована в его решении, надеясь, что туда будут переведены ссыльнокаторжные из Нерчинского горного округа и Забайкалье, как об этом позднее заявит другой забайкальский губернатор Л.И. Ильяшевич, будет избавлено «от этой язвы»[82]. Было предложено воспользоваться французским опытом, опробованным в Новой Каледонии, и создать на Сахалине «каторжную колонию». Островное положение Сахалина более всего подходило для таких целей, так как считалось, что оттуда почти невозможно бежать и вследствие этого «делается возможным самое широкое применение системы постепенного смягчения наложенного на преступника наказания и подготовления его к самостоятельной жизни колониста»[83].

Сахалинский предприниматель Я.Н. Бутковский, заинтересованный в добыче угля, указывал на положительный опыт использования каторжного труда в Австралии, которая постепенно превратилась из места ссылки в цивилизованную колонию[84]. Но это, доказывал он, должно стать делом русского капитала, русских рабочих и крестьян, нужно добиться «обрусения» острова: «Сахалин должен быть колонизи-

---

[81] Донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления В.О. Янковского об общем положении дел в Восточной Сибири (31 окт. 1875 г.) // Российские архивы. 1993. № 1. С. 92.

[82] Справка военного губернатора Забайкальской области, выгоднее ли Забайкалью оставаться в районе Иркутского генерал-губернаторства или полезнее причислить его в состав Приамурского генерал-губернаторства (12 дек. 1883 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 264.

[83] Журнал Особого совещания по делам Приамурского края (2 апр. 1869 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. 1869 г. Д. 2. Л. 53.

[84] Цит. по: *Плотников А.А.* Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.). Хабаровск, 1992. С. 5.

рован, и ему следует сделаться чисто русскою землею, с ее верованиями, обычаями и языком»[85]. Он напомнил и о геополитическом значении острова, который как бы врезался «в совершенно чуждый мир, мир глубокой Азии». Пробуждение от векового сна Китая, Японии и Кореи, активная деятельность европейских держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляют для России «как бы наезд с тыла, – ее обошли, и она должна иметь возможность с этого фронта представить надежную защиту», чтобы не быть задавленной «наплывом монгольского племени»[86]. Поэтому Россия не просто должна колонизовать остров, она обязана направить туда население, «здоровое телом и духом», которое станет надежным оплотом, чтобы в случае столкновения с врагом оно сознавало, что защищает «родную землю, а не захваченный край». Существовала надежда, что каторжники не только заселят остров, начнут разработку его природных богатств, но и при необходимости станут его защитниками. В докладе подготовительной комиссии Комитета по вопросу о преобразовании нынешней системы каторжных работ подчеркивалось, что, «как нет народа, более чем русский снисходительного к осужденным преступникам, так равно ни один народ не может представить столь мало испорченных в нравственном отношении преступников, какими в общей массе оказываются наши ссыльно-каторжные. <...> Что касается до преданности их Государю и Отечеству, то в этом отношении можно положительно сказать, что они не уступят нисколько прочим классам русского населения...»[87].

Считалось, что каменноугольные копи предоставляют хорошие возможности для организации каторжных работ. Как отмечал Н.Я. Новомбергский, мысль об использовании ссылки для хозяйственного освоения острова была подсказана самими ссыльными. Еще в 1858 г. отцеубийца Иван Лапшин попросил разрешения сослать его на Сахалин для добычи угля[88]. Действительно, если в 1850-х гг. добычу каменного угля для нужд флота вели сами экипажи судов, а с 1857 г. специальная воинская команда в Дуэ, то в 1861 г. для этих целей туда была направлена небольшая партия каторжан. Но, отработав 1–2 года, они обычно

---

[85] *Бутковский Я.Н.* Остров Сахалин // Исторический вестник. 1882. Т. 10. С. 183. Попытки М.С. Корсакова привлечь иностранных предпринимателей вкладывать капитал в развитие сахалинской горнорудной промышленности не нашли поддержки в Петербурге, и в 1869 г. он даже получил выговор за самовольное предоставление аренды иностранцам. – *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 28.

[86] Там же.

[87] Доклад подготовительной комиссии Комитета по вопросу о преобразовании нынешней системы каторжных работ (февраль 1869 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 156. Л. 93.

[88] *Новомбергский Н.Я.* Остров Сахалин. СПб., 1903. С. 19.

возвращались на материк. На острове оставались из них единицы, и среди русского населения в 1860–1870-е гг. военных было больше, чем гражданских русских жителей[89]. Систематическая «штрафная колонизация» острова началась с 1869 г., когда комитет по каторжным работам направил на Сахалин до 800 человек. Однако какого-либо тюремного режима организовано не было, и до 1876 г. на острове не существовало специальных тюремных зданий[90].

Для изучения вопроса об устройстве каторги на Сахалине в 1873 г. была организована специальная комиссия. В состав этой комиссии входил агроном М.С. Мицуль, который должен был определить возможности развития земледелия на острове. Выводы комиссии были благоприятными как для устройства каторжных работ, так и для земледельческой колонизации в средней и южной частях острова. Планировалось также организовать доставку ссыльных на Сахалин морем из Одессы. Так родилась уродливая идея соединить задачи уголовного наказания преступников с государственной необходимостью заселить остров, «из которого, по самому географическому положению, надлежит создать прочный русский оплот в нашей дальневосточной окраине»[91], хотя еще в 1876 г. М.И. Венюков предупреждал, что каторга вредна и небезопасна в случае войны[92], а адмирал К.Н. Посьет опасался, что заселение Сахалина каторжанами создаст нежелательный имидж России в Азиатско-Тихоокеанском регионе[93].

С окончательным вхождением всего Сахалина в состав Российской империи проблемы его административного устройства и хозяйственного освоения вышли на первый план. Вместе с тем самодержавие постепенно утрачивает былой интерес к Сахалину как объекту внешней политики, его безопасность перестала вызывать серьезные опасения. В 1880 г. с острова был выведен линейный батальон и взвод горной артиллерии. Их заменили четыре местные воинские команды (общей численностью

---

[89] *Ищенко М.И.* Формирование постоянного русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX вв.) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 102.

[90] *Костанов А.И.* Из истории административно-территориального деления. Дореволюционный период // Административно-территориальное деление Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 110.

[91] *Саломон А.П.* О. Сахалин (Из отчета бывшего начальника ГТУ) // Тюремный вестник. 1901. № 1. С. 20–21.

[92] *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 2. СПб., 1876. С. 144. «При первой войне с Англией, – писал он, – нам, вероятно, придется оставить Сахалин, не имеющий оседлого русского населения и возможности содержать солдат, нужных для его защиты». – *Венюков М.И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878 гг. Т. 1. Общий взгляд на эпоху; перемены в составе государства; международное положение России. Лейпциг, 1878. С. 191.

[93] Записка К.Н. Посьета (18 сент. 1873 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. 1869 г. Д. 2. Л. 346-в.

около 1,5 тыс. человек), предназначенные для конвоирования ссыльно-каторжных и несения караульной службы при тюрьмах. В 1876 г. была учреждена первая на Сахалине каторжная тюрьма (в посту Дуэ), а с 1879 г. начинается регулярная доставка каторжан на остров пароходами Добровольного флота из Одессы. В общей сложности с 1869 по 1905 гг. на остров было сослано каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг до 30 тыс. человек[94].

Каторжная колонизация виделась лишь первым шагом к освоению острова, который подготовит путь к его свободной колонизации[95]. Однако командированный в 1896 г. на Сахалин юрисконсульт Д.А. Дриль констатировал, что земледельческое освоение острова не удалось, только одна десятая часть всех поселенческих хозяйств острова имеет какое-то значение, многие же занимаются сельским хозяйством для проформы, как иногда они сами говорят, «для начальства». В Александровском округе бездомных ссыльнопоселенцев насчитывалось 59,17%, Тымовском – 19,73%, Корсаковском – 44,06%[96]. В сочетании карательного и колонизационного предназначений каторги и последующего принудительного поселения каторжан на Сахалине самодержавие так и не смогло четко определить приоритеты. Вернувшись из поездки на Сахалин в 1899 г., начальник ГТУ А.П. Саломон оказался в полной растерянности: «Положение дел на о. Сахалине я нашел во всех отношениях неудовлетворительным, но, пробыв на острове всего один месяц, я не решаюсь высказать окончательного суждения о том, происходит ли это положение от невозможности вообще организовать штрафную колонизацию или же оттого, что делу было дано ошибочное направление...»[97]. В том же году Министерство юстиции образовало комиссию для выработки мероприятий по переустройству каторги, а в 1901 г. вопрос о ссылке на Сахалин рассматривался в особом совещании под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева. Хотя и было признано на самом высоком уровне, что положение Сахалина «неудовлетворительно во многих отношениях», исходя из ведомственных интересов, ограничились констатацией, что «для каторги очень трудно найти местность, представляющую большие удобства, чем Сахалин»[98].

Первоначально заведование сахалинской «штрафной колонией» принадлежало начальникам расположенных там воинских команд,

---

[94] *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 42–43.

[95] Записка ГТУ МВД «Об управлении островом Сахалином» (25 ноября 1883 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 825. Л. 54.

[96] Ссылка на остров Сахалин. Отчет о командировке, представленный юрисконсультом Д.А. Дрилем (1896 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 705. С. 3.

[97] Записка начальника ГТУ А.П. Саломона (12 февр. 1899 г.) // Там же. С. 222.

[98] Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902. М., 2001. С. 316.

формально зависимых от генерал-губернатора Восточной Сибири. Затем общее руководство каторжными работами сосредоточил в своих руках заведующий ссыльнокаторжными в Дуэ. С увеличением численности каторги именно эта фигура становится главной на острове. Приморский военный губернатор в 1875 г. разъяснил начальнику военного поста в Дуэ особенность сахалинской властной иерархии: «Лицо это в отношении вверенной вам команды в Дуэ в отсутствие вышестоящего начальника должно пользоваться правами губернского воинского начальника, что же касается гражданского населения и окрестностей, подчиненных вам прежними распоряжениями по полицейской части на правах исправника, то заведующий ссыльнокаторжными должен относиться к ним как окружной начальник, к которому вы обязаны обращаться во всех встречаемых затруднениях по управлению населением и получать от него указания по части внутреннего обустройства»[99].

Однако и после 1875 г., когда были введены в действие временные правила «О военном и гражданском управлении на острове Сахалине», единой административной системы на острове не существовало. Здесь было образовано два округа Приморской области: Северо-Сахалинский с центром в посту Дуэ под началом заведующего ссыльнокаторжными и Южно-Сахалинский с центром в посту Корсаковском, который возглавил командир 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона. После расформирования батальона туда был командирован штаб-офицер для надзора за каторжными. Однако координация действий между администрациями автономных северной и южной частей острова продолжала отсутствовать.

В порядке общего управления остров был подчинен военному губернатору Приморской области. Хотя связь с высшими властями на материке была минимальной, самостоятельные права островной администрации не имели четкого правового оформления. В условиях территориальной изолированности Сахалина это усиливало бюрократический произвол местного начальства самого разного ранга. Вместе с тем необходимость получения высшей санкции в условиях жесткой централизации бюрократического аппарата из Иркутска и даже из Петербурга серьезно тормозила решение важных управленческих задач. Управленческая ситуация на острове осложнилась с переносом управления Приморской области из Николаевска в Хабаровку, а затем во Владивосток, вследствие чего остров оказался отдален на значительное расстояние от областного центра. Все это обострило проблему единства власти на самом Сахалине, так как между югом и севером острова не существовало надежного сообщения. Посетивший весной 1880 г. Сахалин доктор Ав-

[99] Цит. по: *Плотников А.А.* Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.). Хабаровск, 1992. С. 26.

густинович в числе прочих неотложных мер отмечал, что «для упрочения заселения и правильной организации каторжных работ на этом острове соответственно видам Правительства необходимо ускорить разрешением вопрос о сосредоточении власти в руках одного «начальника острова Сахалина», подчинив ему все управление как северного и южного округов, так равно и отдельные части военного и гражданского ведомства»[100].

В 1880 г. МВД подняло вопрос о реформировании управления Сахалином. Начальник ГТУ М.Н. Галкин-Враский, посетивший Сахалин в 1881 г., настаивал на управленческой экстерриториальности острова в рамках генерал-губернаторства. К 1882 г. на острове было уже 3,5 тыс. каторжан (62,5% всего русского населения)[101]. Тюремное ведомство беспокоило то, что «заведующий ссыльнокаторжными» на Сахалине обладал ограниченной властью и находился в подчинении далекому от острова приморскому военному губернатору. К началу 1883 г. ГТУ подготовило проект административного устройства Сахалина, который предусматривал создание Сахалинской области во главе с начальником острова, которому были бы даны права военного губернатора. Было предложено разделить Сахалин на три тюремных округа (Корсаковский, Тымовский и Александровский), поручив в целях упрощения административного аппарата начальникам округов не только управление каторжными и ссыльнопоселенцами, но и свободным населением. Каждым из тюремных пунктов должен был теперь заведовать не тюремный надзиратель, а особый смотритель, которому были бы также подчинены не только каторжные, но и свободное население острова. Так, Ф. Ливин, занимавший в 1880–1890-х гг. последовательно должности смотрителя Рыковской, а затем Александровской тюрьмы, исполнял вместе с тем обязанности начальника Александровского округа[102]. Смотрители тюрем были одновременно участковыми заседателями, на которых возлагались полицейские функции в отношении сельского населения и инородцев. Именно они, как отмечали наблюдатели, посещавшие Сахалин, были настоящими хозяевами острова, все же другие чиновники находились в зависимости от них[103].

---

[100] [*Августинович*] Заметки об острове Сахалине (Из путевого журнала действительного статского советника доктора Августиновича, сопровождавшего партию каторжных на остров Сахалин весною 1880 г.). Б.м., б.г. С. 44. Заметки Августиновича о Сахалине были также напечатаны в «Правительственном вестнике» (№ 284, 285 и 286 за 1880 г.).

[101] Записка ГТУ МВД «Об управлении о. Сахалином» (25 ноября 1883 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 705. С. 9.

[102] *Ливин Ф.* Записки сахалинского чиновника // Тюремный вестник. 1901. № 10. С. 481.

[103] *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Путевые впечатления, [1903]. С. 113.

Предложения об установлении особого статуса управления Сахалином были реализованы в 1884 г. вместе с учреждением Приамурского генерал-губернаторства. Местное управление Сахалином было вверено начальнику острова (с 1894 г. военному губернатору), в лице которого соединялась военная и гражданская власть, в некоторых случаях превосходившая права обычных губернаторов. Государственный совет, где рассматривался этот вопрос, специально подчеркнул, что начальник острова должен быть вооружен «достаточными полномочиями для поддержания там порядка и для незамедлительного пресечения всякого от него уклонения»[104]. В экстренных случаях он может принимать самостоятельные решения по важным вопросам, ставя затем в известность генерал-губернатора. Но и эта мера не решила проблемы. Осталась неясной ведомственная подчиненность начальника острова. Назначаемый царем «из военных генералов», он оказался под воздействием трех разных ведомств (МВД, Министерства юстиции и Военного министерства). Не случайно посланный в 1885–1886 гг. для исследования Сахалина полковник Генерального штаба Гарнак настаивал на применении к островному управлению особых правил, «независимо от существующих в империи» и направленных на расширение самостоятельности местного начальства, чтобы предоставить ему «законный простор действий»[105].

Благодаря каторге на рубеже XIX–XX вв. Сахалин на некоторое время даже вошел в моду. Особую роль в этом сыграла знаменитая поездка на остров А.П. Чехова в 1890 г. Известный издатель А.С. Суворин, очевидно, отражая распространенное убеждение, скептически отнесся к чеховской затее, на что последний с пафосом возражал: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для общества, только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов»[106]. Очевидно, именно тюремный вопрос прежде всего увлек писателя и врача в столь дальнее и необычное путешествие. Этим в основном и объяснялся обостренный общественный интерес. В том же письме Суворину Чехов приводит свои доводы: «После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? Не дальше как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что

---

[104] Журнал Общего собрания Государственного совета 30 апр. 1884 г. // РГИА. Ф. 1149. Т. X. 1884 г. Д. 35. Л. 117.

[105] Поездка на Сахалин в 1885-1886 гг. Генерального штаба полковника Гарнака // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 27. С. 224.

[106] *Чехов А.П.* Собрание сочинений и писем. Письма. М., 1976. Т. 4. С. 32.

это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что Бог дурно создал человека. Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я бы сказал, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь»[107]. Сахалин представился Чехову «целым адом», а о Приморской области он с грустью и гневом писал: «Бедность, невежество и ничтожество, могущее довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...»[108].

Все это, очевидно, способствовало и тому, что Сахалином стали больше интересоваться петербургские и дальневосточные чиновники. Знаменитый публицист и фельетонист, «король русских репортеров» В.М. Дорошевич, автор популярных очерков о Сахалине[109], описывая трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при получении разрешения поехать на Сахалин, передавал слова одного из дальневосточных чиновников: «Тут, батюшка, Чехова пустили, – так потом каялись! Пошли из Петербурга запросы: «Как у вас? Что? Почему? Отчего такие порядки?» Потом себя кляли, кляли, что показали!»[110]. В 1891 и 1894 гг. Сахалин с проверкой посетил начальник ГТУ М.Н. Галкин-Враской, в 1893 г. – представитель МВД кн. Н.С. Голицын, в 1894 г. – помощник приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродеков, в 1896 г. – чиновник Министерства юстиции Д.А. Дриль и новый начальник ГТУ А.П. Саломон[111], а в 1903 г. – военный министр А.Н. Куропаткин.

В правительстве вынуждены были признать неудовлетворительную в целом постановку тюремного дела на острове. Состояние тюрем – плачевное, контроль за осужденными – малоэффективный, многие каторжане совершали на острове повторные преступления, частыми были случаи побегов (только за 1898–1901 гг. бежало около 1 100 человек). Положение было настолько серьезным, что Япония даже обратилась к российским властям с просьбой оградить ее от беглых с Сахалина. Помощнику приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекову пришлось срочно выехать на остров, чтобы на месте разобраться с ситуацией[112].

---

[107] *Чехов А.П.* Собрание сочинений и писем. Письма. М., 1976. Т. 4. С. 32.

[108] Там же. С. 139.

[109] *Дорошевич В.М.* Сахалин. М., 1902.

[110] *Дорошевич В.М.* Как я попал на Сахалин. М., 1903. С. 41.

[111] Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 34–35; Сахалин после А.П. Чехова (ревизия сахалинской каторги генералом Н.И. Гродековым в 1894 г.) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2000. № 7. С. 157–162.

[112] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002. С. 86.

Уже в 1891 г. начальник острова В.О. Кононович, человек, по словам знавшего его А.П. Чехова, гуманный, образованный и имевший до Сахалина опыт заведования Карийской каторгой, указывал на низкую производительность принудительного труда, а успехи в добыче каменного угля связывал с распространением вольного найма рабочих и мерами по экономическому стимулированию труда каторжан[113]. Ознакомившись с состоянием сахалинского управления, Кононович констатировал, что местное начальство «с одинаковым замешательством и бессознательностью смотрело на обширное поле лежавшей перед ним деятельности и положительно не могло к чему-нибудь приступить»[114]. Развитие свободного предпринимательства тормозилось тем, что учреждения Министерства земледелия и государственных имуществ медленно отводили земельные участки, кроме того существовало предубеждение, что это может противоречить «интересам тюремного дела».

Вместе с тем успех развития промышленности В.О. Кононович связывал прежде всего с местной централизацией управления и передачей Сахалина в исключительное ведение МВД, в состав которого тогда входило ГТУ. Начальник острова и поддерживающий его приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф продолжали настаивать, что «на Сахалин надо смотреть исключительно как на огромную тюрьму, в которой никто, кроме тюремного начальства, не может иметь права распоряжаться»[115]. Если и следует производить какие-либо преобразования, то они должны осуществляться под руководством и в интересах тюремного ведомства. Но каторжная специализация острова порождала ситуацию, когда тюремная администрация должна была заниматься несвойственными ей функциями общегражданского, военного и экономического управления и тратить средства из так называемого «надзирательного кредита» на содержание горного инженера или проводить геологоразведочные работы[116]. Приоритет карательного воздействия каторги сказывался и на колонизации острова: свободные переселенцы не только не хотели ехать на остров, но и признавались, как отмечал агроном М.С. Мицуль, маложелательным здесь элементом[117].

Частное каменноугольное акционерное общество «Сахалин» оказалось в неоплатных долгах у казны, но его приходилось поддерживать

---

[113] А.Н. Корф – министру внутренних дел // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 155. Л. 76; *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: Сочинения. М., 1967. Т. 14–15. С. 80.

[114] В.О. Кононович – А.Н. Корфу (апр. 1891 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

[115] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 155. Л. 112.

[116] А.Н. Корф – В.О. Кононовичу (19 марта 1890 г.) // РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 522. Л. 87.

[117] *Костанов А.И.* Русские вольные поселенцы на Сахалине во 2-й половине XIX в. // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX вв. Южно-Сахалинск, 1985. С. 73.

правительственными субсидиями только потому, что «при его посредстве местные ссыльнокаторжные имеют действительно каторжный труд»[118]. Признавая неэффективность принудительной экономики, в правительственных кругах с завидным упорством продолжали утверждать, что главное предназначение Сахалина – это возможность изолировать преступника и наказать тяжелыми работами. Именно в этом, с точки зрения многих представителей местной администрации, и заключалась главная ценность добычи каменного угля, а интересы частного предпринимательства не должны противоречить пенитенциарным и колонизационным задачам. Промышленность же необходима только для того, чтобы дать поселенцам дополнительный заработок к их сельскохозяйственным занятиям и снизить государственные затраты на содержание каторги. А.Н. Корф подчеркивал, что до 1888 г. правительство смотрело на Сахалин, «как на большую тюрьму с приписанным к ней ссыльно-поселенческим и крестьянским населением», но затем Министерство государственных имуществ без ведома местного начальства и «без соображения с нуждами и интересами тюремного управления» начало отводить частным лицам земли под каменноугольные и нефтяные разработки. Таким образом, не мог скрыть своего раздражения Корф, на Сахалине появилось как бы два хозяина – МВД и МГИ, «интересы которых не имеют ничего общего и распоряжения которых идут вразрез одно другому»[119]. Фактически признавав Сахалин исключительно «штрафной колонией», самодержавие так и не закрепило это положение законодательно. Очевидно, этому противодействовали ведомственные противоречия. Министр государственных имуществ М.Н. Островский высказался против закрытия острова для частного предпринимательства, а в стремлении устранить подведомственные ему учреждения на Сахалине от распоряжения казенными землями усмотрел ни много ни мало покушение на «вековые начала нашего гражданского законодательства», ибо еще по берг-привилегии Петра Великого земельные угодья и недра составляют собственность государства[120].

В 1891 г. начальник Сахалина В.О. Кононович снова поднял вопрос об управлении островом. «Тюрьмы острова Сахалина, – пояснял он, – представляли всегда, а тем более в настоящее время, не только место заключения или жительства преступников в данном пункте, но целую

---

[118] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1886 г. Д. 70. Л. 135; см. также: *Хисамутдинов А.А.* Общество «Сахалин»: история одной аферы // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1999. № 6. С. 144–150.

[119] Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф – министру внутренних дел И.Н. Дурново (19 марта 1892 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д. 155. Л. 106.

[120] Министр государственных имуществ М.Н. Островский – министру внутренних дел И.Н. Дурново (28 апр. 1892 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 155. Л. 126.

сеть таких пунктов, распространявшуюся и постоянно видоизменяемую, сообразно с направлением главнейших колонизационных работ, и как бы обширна не была эта сеть, все входящие в нее пункты, в отношении условий содержания преступников, довольствия их, распоряжений рабочей силой и отчетности, непосредственно зависели от главного, где находился смотритель тюрьмы»[121]. Второстепенные тюремные и населенные пункты управлялись командированными туда надзирателями из нижних чинов, обладавшими широким кругом полномочий. Организацию связи между тюрьмами и другими населенными пунктами должны были обеспечивать административно-тюремные округа. Быстрый рост населения, расширение ареала хозяйственного освоения, изменение задач каторги и ссылки, связанных с увеличением числа поселенцев, отбывших каторжный срок, совершенно запутали прежнюю систему управления. Требовалось, по мнению Кононовича, увеличить штат чиновников, образовать шесть новых тюремных районов и создать дополнительно четвертый Тарайский округ.

Очевидно, именно этот план Кононовича имел в виду А.П. Чехов, разъясняя своим читателям особенности сахалинского административного устройства: «Как административная единица округ соответствует уезду; по сибирским понятиям, так может называться только почтенная дистанция, которую в целый месяц не объедешь, например, Анадырский округ, и чиновнику-сибиряку, работающему в одиночку на пространстве двух-трех сот верст, дробление Сахалина на мелкие округа может показаться роскошью. Но сахалинское население живет при исключительных условиях, и механизм управления здесь гораздо сложнее, чем в Анадырском округе. Дробление ссыльной колонии на мелкие административные участки вызывается самою практикой ..., во-первых, чем короче расстояния в ссыльной колонии, тем легче и удобнее управлять ею, и, во-вторых, дробление округа вызвало усиление штатов и прилив новых людей, а это, несомненно, имело на колонию самое благотворное влияние»[122]. На Сахалине, по свидетельству писателя, о проектируемом новом округе говорили «как о земле Ханаанской», связывая с ним возможные изменения к лучшему в судьбе каторжников.

Доводы в пользу совмещения тюремной и общей административной организации постепенно утратили свое прежнее значение, и Сахалин, настаивал В.О. Кононович, созрел для введения общего типа управления, принятого в губерниях Сибири. Население постепенно отходило

---

[121] Записка В.О. Кононовича о необходимости увеличения тюремных районов на о. Сахалин и об изменениях в организации управления этой местностью, сообразно с действительными потребностями // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 155. Л. 12.

[122] *Чехов А.П.* Остров Сахалин // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. М., 1987. Т. 14/15. С. 165.

от своей «привязанности» к тюрьме и его уже не могла удовлетворить старая администрация. Доминировавшие на острове тюремные чиновники свои привычки и взгляды, порожденные условиями каторги, переносили и на свободное как русское, так и аборигенное население. Ситуация осложнялась отсутствием на острове законодательно закрепленного в своих правах крестьянского самоуправления, хотя оно реально существовало и полупризнавалось местной сахалинской администрацией. Но правительство тянуло с его легализацией вплоть до начала XX в. МВД стремилось сохранить приоритет каторжных задач в управлении Сахалином, настаивая на том, что освоение острова «всего выгоднее поддается подневольному труду преступников и, составляя в жизни колонии первый шаг к ее развитию, открывает только за сим путь к выгодной для свободной людей колонизации»[123].

В 1895 г. ГТУ было передано из МВД в Министерство юстиции. Теперь и МВД оказалось на Сахалине в роли обойденного ведомства. Данная мера только закрепила карательное предназначение острова и сузила ведомственный горизонт в управлении хозяйственными и общеадминистративными делами. Министерство юстиции не разъяснило, как теперь должны складываться отношения начальника острова с МВД и другими министерствами. Вместе с тем как генерал и командующий войсками начальник острова был подчинен Военному министерству, руководящая роль в жизни острова принадлежала Министерству юстиции, а репрессивная власть в стране в основном была сосредоточена в руках МВД. Как отмечал уже в 1899 г. военный губернатор Сахалина Н.М. Ляпунов: «На деле неразрешение вопроса о сфере влияния на Сахалин МВД ... послужило как бы немым утверждением полного отпадения Сахалина от МВД ... и значение острова как части территории России уступило место Сахалину – тюрьме. Отрицательные стороны смешения всех сторон жизни Сахалина в одну массу с подчинением ее строя требованиям тюремного дела не замедлили отразиться на жизни общества и теперь тюрьма давит колонию, препятствуя развитию ее самостоятельности»[124]. Он предлагал оставить каторгу в ведении Министерства юстиции, а вопросы колонизации острова вернуть в МВД. Вспомнил Ляпунов и об аборигенах, которые, по его мнению, забыты властью и «лишены тех благ, связанных с их подданством России, которыми так щедро пользуются все покоренные и добровольно примкнувшие к ней инородческие племена»[125].

---

[123] Записка ГТУ МВД «Об управлении островом Сахалином» (25 ноября 1883 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 825.

[124] Военный губернатор Сахалина – приамурскому генерал-губернатору (5 мая 1899 г.) // РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1889. Л. 1.

[125] Там же. Л. 2.

Вместе с тем, как отмечал посетивший остров в 1897 г. начальник ГТУ А.П. Саломон, сахалинская администрация с успехом игнорировала большинство предписаний, идущих из Петербурга. Это был своего рода восточный пашалык, который «жил своею, совершенно особою, жизнью и управлялся своими собственными неписанными законами»[126].

Административная неразбериха продолжала существовать и на уровне управления округов, где отсутствовало четкое разделение полномочий между начальником округа и смотрителем тюрьмы, которые, по образному выражению автора статьи в «Русском вестнике», выступали «сплошь да рядом в роли двух медведей в одной берлоге»[127]. Независимое положение имели даже врачи, которые нередко конфликтовали с местными властями и требовали самостоятельности на окружном уровне. В докладной записке, поданной приамурскому генерал-губернатору тымовским врачом В. Стадницким, окружное начальство обвинялось во враждебном отношении к медицинскому персоналу, а также в том, что возомнило себя «всемогущими рычагами, существующими только для устрашения, угнетения и заглушения в каторжном брате человека, последних остатков человечности, образа и подобия Божия»[128]. В ответ губернатор острова, которому была передана на рассмотрение записка Стадницкого, поспешил окрестить врача чуть ли не сумасшедшим.

Видимость самостоятельности сохраняли судебные чиновники, но и их сумели поставить в зависимость от тюремной администрации в вопросах о квартире, дровах, воде, услугах, снабжении провиантом и т. п. Все чиновники на Сахалине для удовлетворения своих личных нужд широко пользовались даровым трудом каторжан, дискредитируя тем самым в глазах местного населения авторитет государственной службы[129]. Среди чиновников было много людей, привлеченных на Сахалин повышенными прогонами на проезд, льготами на воспитание детей, высокими пенсиями, а нередко и тех, кто не смог «ввиду дефектов» в прежней службе и по общей непригодности к чему-либо, найти место в других губерниях. П. Лаббэ отмечал в этой связи: «Не менее верно и то, что служба на Сахалине вредна для тех, кто проживет слишком долго; вообще служба здесь очень деморализующая; жизнь трудна, развлечений никаких нет, а зима тянется несколько долгих месяцев»[130]. В этих условиях, конечно, нельзя было говорить о каком-либо профессионализме в тюремном деле, и чиновникам «даже в голову, наверное, не прихо-

---

[126] *Сеичъ А.* [*Панов А.А.*] Сахалин как колония // Русская мысль. 1904. № 9. С. 3.

[127] *А.С.* Ссылка и остров Сахалин // Русский вестник. 1889. № 7. С. 75.

[128] Докладная записка тымовского окружного врача статского советника Владимира Стадницкого (4 марта 1896 г.) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

[129] *Преображенский Н.А.* Проклятая быль. Сахалин в очерках бывшего мирового судьи. СПб., 1909. С. 29–30, 86.

[130] *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Путевые впечатления, [1903]. С. 24.

дили столь пустые мысли»[131]. Хотя, как полагал исследователь сахалинской каторги Н.Я. Новомбергский, жестокое обращение сахалинских чиновников с каторжанами объяснялось отчасти теми непосильными задачами, которые ставило центральное правительство. От местной администрации «требовали чудес» в хозяйственном освоении острова, когда от труда и усердия каторжан зависело служебное и семейное благополучие чиновников. «Тюремные чиновники, запятнавшие себя на Сахалине жестокостями, бесспорно, виноваты, но не забудем, – уточнял он, – что это тоже стрелочники и только стрелочники»[132].

Управленческая неразбериха усугублялась нехваткой чиновников, на что постоянно указывали начальники Сахалина[133]. Среди низших служащих, особенно тюремных надзирателей, оказывалось немало местных жителей, прошедших в свое время или каторгу, или отслуживших при тюрьмах воинскую службу. А ведь именно на них лежали непосредственные обязанности надзора за организацией каторжных работ, строительством дорог и поселений на острове. Тюремные смотрители самостоятельно выбирали места и основывали поселения (в том числе, например, получившие их имена – Рыковское, Дербинское). Зараженные духом каторги, лишенные какой-либо специальной подготовки и контроля со стороны высших властей, они попадали под влияние преступников, деморализуя своим жестоким обращением и системой взяточничества ссыльнокаторжную массу[134]. «Окружные начальники, смотрители тюрем и вообще все чины..., – пояснял ситуацию Кононович, – в лучших случаях являлись мучениками своего дела, в худших, и к несчастию наиболее многочисленных, могли бездействовать и допускать злоупотребления, ссылаясь на действительную невозможную обстановку службы»[135].

Канцелярские служащие и писари часто набирались из ссыльных, а в их руках сосредоточивалась значительная часть управленческого делопроизводства. Так, по свидетельству В.О. Кононовича, канцелярия Александровской тюрьмы фактически находилась в руках писарей, «которые в стачке с артельщиками, надзирателями тюрьмы и лазарета ... безнаказанно злоупотребляли не без выгоды для себя»[136]. На складах

---

[131] *Преображенский Н.А.* Указ. соч. С. 5–6.

[132] *Новомбергский Н.Я.* Остров Сахалин. СПб., 1903. С. 94. Другой современник также отмечал, что такие люди «не изготовлялись специально для Сахалина. Они выращивались безграничной властью и полным бесправием». – *Преображенский Н.А.* Указ. соч. С. 27.

[133] Военный губернатор Сахалина – приамурскому генерал-губернатору (9 окт. 1896 г.) // РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1125. Л. 86.

[134] *Сеичъ А.* [*Панов А.А.*]Сахалин как колония // Русская мысль. 1904. № 9. С. 15.

[135] Записка В.О. Кононовича о необходимости увеличения тюремных районов на о. Сахалин и об изменениях в организации управления этой местностью, сообразно с действительными потребностями // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д. 155. Л. 20.

[136] Там же. Л. 21.

этой тюрьмы была обнаружена недостача 5 тыс. пудов муки, но найти виновных не удалось.

Однако приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф уверял петербургские власти, что участь каторжан «далеко не столь тягостна, как кажется издали, и каторга на самом деле даже легче, чем требуется по закону». В его отчете царю содержалось идиллическое рассуждение по поводу русской души, которая живет и в российском тюремном чиновнике: «Обращение администрации с преступниками вполне человеколюбиво; да оно иначе и быть не может в России, так как русский человек не мстителен и на каторжных сложился в народе взгляд не как на преступных отверженцев общества, а как на несчастных»[137]. И если есть проблемы, то только с государственными преступниками, среди которых много фанатиков, а с ними управляться гораздо труднее, нежели с уголовными преступникам. Главная задача, которая привлекла в 1860-х гг. правительственное внимание к Сахалину, – закрепить российское политическое и экономическое присутствие на стратегически важном острове – в реальном управлении уходила на второй план. МВД, а затем и Министерство юстиции занялись решением чисто ведомственных проблем, главной из которых было стремление эвакуировать переполненные тюрьмы подальше на восток, туда, откуда преступники не могли бы легко бежать.

Сельское хозяйство, которому ГТУ отдавало на Сахалине приоритет как сфере островной экономики, способной обеспечить продовольствием каторгу и поглотить выходящих из тюрем на поселение людей, находилось в жалком состоянии. Местные власти, подстегиваемые указаниями из Петербурга, метались от активного насаждения земледелия и демонстративной пропаганды его успехов к признанию полной невозможности сельского хозяйства на острове[138]. Если первый начальник Сахалина А.И. Гинце много внимания уделял устройству земледельческой колонии, организовал в 1886 г. сельскохозяйственную выставку, то сменивший его В.О. Кононович засомневался в земледельческом успехе (в чем с ним был солидарен генерал-губернатор А.Н. Корф) и даже предлагал упразднить должность сахалинского инспектора сельского хозяйства[139]. Отчасти колонизационные неудачи были связаны с тем, что само тюремное ведомство игнорировало фактор трудовой подготовленности и предрасположенности поселенцев к земледельческим занятиям. Среди каторжан был велик процент людей, не занимавшихся никогда ранее сельским трудом, рецидивистов, бродяг, людей преклонного возраста, больных, не способных по окончании тюремного срока вести соб-

---

[137] Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за 1886–1891 гг. Б.м., б.г, С. 67.

[138] *Сеичъ А.* [*Панов А.А.*]Сахалин как колония // Русская мысль. 1904. № 10. С. 153.

[139] Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 13–14, 21.

ственное хозяйство. Неблагоприятным для демографического воспроизводства был половозрастной состав населения. В 1897 г. на острове было всего 7 641 женщина и 20 472 мужчины. При этом 28,5% женского населения приходилось на возраст до 9 лет[140]. Принудительные браки препятствовали образованию прочных семейных отношений, что в свою очередь не могло не иметь негативного воздействия на процесс закрепления постоянного населения острова.

Несмотря на трудности и административные просчеты, население острова постепенно росло. По данным всероссийской переписи 1897 г., на Сахалине уже проживало 28 113 человек (из них 74,4 % ссыльные), тогда как в 1850-х гг. их было приблизительно всего 6 – 6,5 тысяч[141]. На 1 января 1902 г. население острова составило уже более 40 тыс.[142], что в целом свидетельствовало о положительной народонаселенческой динамике, которая была достигнута преимущественно за счет принудительной колонизации. К началу века Сахалин был уже довольно обжитым островом. В структуре сахалинского населения наблюдалась положительная динамика сокращения доли каторжан за счет увеличения удельного веса вышедших на поселение. Если в 1882 г. каторжане составляли 62 % колонистов, то к 1891 г., при росте их абсолютной численности, они составляли уже только 38 %. Ведомственный журнал «Тюремный вестник» к 1 января 1900 г. насчитывал на Сахалине 5 822 ссыльно-каторжных, 9 377 ссыльно-поселенцев, 7 863 крестьянина из ссыльных[143]. ГТУ связывало будущее острова именно с этим населением, которое будет продолжать расти. Закон от 12 июня 1900 г. об отмене судебной ссылки в Сибирь не оградил от нее Сахалин[144]. Поэтому главное внимание островной администрации должно быть направлено на упорядочение отбывания наказания и устройство быта каторжан, вышедших из тюрьмы. По поводу же аборигенных жителей автор статьи в «Тюремном вестнике» рассуждал в колониальном духе: «Существование их на Сахалине не подрывает изложенного вывода, тем более что теперь их насчитывается приблизительно 3 862 человека обоего пола и число их

---

[140] *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 98–99.

[141] Там же. С. 89, 98.

[142] *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 17.

[143] К вопросу о будущности и устройстве о. Сахалина // Тюремный вестник. 1901. № 6. С. 272.

[144] *Марголис А.Д.* Система сибирской ссылки и закон 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1978. С. 140.

год от году уменьшается, подчиняясь общему закону вырождения дикарей при столкновении с культурными расами»[145].

Формировалось на острове, хотя и с известными трудностями, старожильческое население. У Сахалина, по примеру Австралии, был шанс сменить свою каторжную репутацию путем преобразования в земледельческую и промысловую русскую окраину империи[146]. Остров нуждался в серьезных научных изысканиях, способных выявить его экономический потенциал и наметить хозяйственные приоритеты. Но каторжная репутация, особенности природных условий и произвол доминирующей на острове тюремной администрации негативно сказывались на закреплении русского населения на Сахалине. П. Лаббэ писал, что русские о Сахалине говорят не иначе как с ужасом[147]. Идентичность сахалинцев (слово «сахалинец» вошло в русскую речь на долгие годы как синоним каторжника) будет включать и вопрос: «Откуда приехал?», как бы подразумевая другой вопрос: «Когда уедешь?». Вот как характеризовал ситуацию в начале XX в. на Сахалине А.А. Панов: «Нет, кажется, на Сахалине человека, который бы не тяготился этой жизнью, не смотрел бы на нее как на что-то временное и не надеялся рано или поздно уехать с Сахалина»[148]. Примечательно и то, что среди желающих покинуть «остров отверженных» было много детей ссыльных крестьян. По словам самого В.О. Кононовича, всем хотелось бежать с Сахалина – каторжникам, поселенцам, чиновникам[149].

Просчеты в организации управления Камчаткой и Сахалином особенно отчетливо проявились в ходе Русско-японской войны. Войск здесь было явно недостаточно, плотность населения продолжала быть низкой, камчатские казаки давно утратили свое военное значение, а сахалинская тюремная стража имела низкие боевые качества. Спешные меры по укреплению обороноспособности острова, включавшие увеличение численности солдат и формирование отрядов дружинников, куда вступали местные жители (в том числе и ссыльнокаторжные), оказались недостаточными. Вторжение японцев на остров не встретило организованного сопротивления.

---

[145] К вопросу о будущности и устройстве о. Сахалина // Тюремный вестник. 1901. № 6. С. 273.

[146] *Ищенко М.И.* Формирование постоянного русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 102–103.

[147] *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Путевые впечатления, [1903]. С. 18.

[148] *Сеичъ А.* [*Панов А.А.*] Сахалин как колония // Русская мысль. 1904. № 10. С. 153–154. О сахалинской идентичности см.: *Ульянникова Ю.* Авантюрист, чиновник, подвижник: к вопросу о формировании регионального самосознания на Сахалине // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 401–404.

[149] *Чехов А.П.* Остров Сахалин // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. М., 1987. Т. 14/15. С. 60.

Военный губернатор Сахалина М.Н. Ляпунов не обладал какими-либо специальными военными познаниями, его предшествовавшая служба военным прокурором, очевидно, более соответствовала пенитенциарному предназначению острова[150]. Он уже выслужил к 1904 г. на Сахалине обычный пятилетний срок, уехал в отпуск и не собирался возвращаться назад. Таким образом, Сахалин встретил начало войны без губернатора. Местные чиновники организовали нечто вроде военного совета (триумвират) из помощника военного губернатора Ф.Ф. Бунге, чиновника контрольного ведомства Блударова и исполняющего вместо губернатора обязанности начальника местных войск полковника Данилова, который и принял на себя руководство организацией обороны[151]. Ляпунов вернулся на Сахалин весной 1905 г. и 16 июля сдался в плен японцам[152].

К началу Русско-японской войны Камчатка оказалась в не менее сложной, нежели Сахалин, управленческой ситуации[153]. Новый уездный начальник А.П. Сильницкий прибыл в Петропавловск на место своего предшественника Ошуркова, умершего предшествующей зимой, только в начале лета 1903 г. Как это уже часто бывало в таких случаях, полуостров оказался фактически в условиях безвластия, потому что исполнявшего обязанности уездного начальника канцелярского служителя Сотникова многие не признавали, именовали «узурпатором» и считали, что законным камчатским начальником должен стать местный врач В.Н. Тюшов, которого поддерживало Камчатское торгово-промышленное общество[154].

Решительными действиями, направленными против злоупотреблений в торговле пушниной, спиртными напитками (ибо считалось: «без спирта – какая же торговля?»), Сильницкий настроил против себя камчатское общество, покусившись на местные традиции, когда между камчатским начальником, камчатским духовенством и камчатскими торгующими существовали «добрососедские отношения» в получении

---

[150] Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 43–56.

[151] *Дикс М.* Разгром Сахалина (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1906. № 12. С. 880–881; см. также: *Урсын-Прушинский С.* Бои на острове Сахалин во время Русско-японской войны // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3.

[152] *Высоков М.С.* История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. С. 67–68.

[153] О Камчатке во время Русско-японской войны см.: *Вахрин С.И.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский, 1996. С. 99–136.

[154] *Сильницкий А.П.* 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 515. 28 апреля 1909 г. камчатскую историю с А.П. Сильницким поведал на заседании Государственной думы депутат Ф.Н. Чиликин. – Из камчатских нравов // Сибирские вопросы. 1909. № 44. С. 37–38.

доходов с местного населения[155]. Не нашел новый камчатский начальник поддержки и во Владивостоке, где областные власти не хотели вникать в суть дела, заботясь лишь о том, чтобы далекий край не особенно беспокоил их. В этих условиях недовольные неугодным камчатским начальником решили самостоятельно расправиться с ним. Врачом В.Н. Тюшовым в апреле 1903 г. он был публично объявлен сумасшедшим, духовенство призвало местных обывателей покинуть Петропавловск и было готово вывезти из города православные святыни. Сильницкий попытался сопротивляться, что подтолкнуло его противников к насильственному перевороту. Горный инженер Симонов снял с работ рабочих и вооружил их, а врач Тюшов, благочинный Комаров и священник Гулаев выехали из Петропавловска, чтобы поднять против уездного начальника население. На стороне же Сильницкого остались казаки, запасные чины, готовые с оружием в руках защищать законного главу полуострова. В воздухе запахло гражданской войной местного масштаба, и враждующие стороны примирились на некоторое время только с известием о нападении Японии, о чем на Камчатке узнали с трехмесячным опозданием в ночь с 22 на 23 апреля 1904 г.

30 мая 1904 г. на юге Камчатки высадился японский отряд во главе с лейтенантом С. Гундзи, хорошо знавшим местные условия по своей предшествующей службе в Камчатском торгово-промышленном обществе. Положение жителей полуострова, не имевшего достоверной информации, казалось безнадежным. Тем более что прибывший в мае 1904 г. в Петропавловск на пароходе «Редондо» представитель Камчатского торгово-промышленного общества барон Брюгген объявил, что война с Россией проиграна, а Камчатка передается в концессию американцам.

Между тем заговор против А.П. Сильницкого получил новый оборот. В Петропавловск прибыл начальник Командорских островов Н.А. Гребницкий с поручением от министра внутренних дел В.К. Плеве разобраться на месте. Гребницкий отстранил Сильницкого от должности и приказал казакам не пускать его в здание уездного управления. Однако казаки, не доверяя прибывшему ревизору, известному протекцией иностранцам, готовы были не подчиниться и заявили, что Гребницкий подослан японцами. Сам Сильницкий так оценивал сложившееся положение: «Сила, во всяком случае, была на моей стороне. И история Камчатки знает много кровавых бунтов, происходивших именно на почве борьбы за соболей и прочую камчатскую драгоценную пушнину»[156]. Однако он предпочел покориться, не обостряя и без того накаленную об-

[155] *Сильницкий А.П.* 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 522.

[156] *Сильницкий А.П.* 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 532.

становку, и покинул Камчатку. Но и в условиях дезорганизации местной власти все же удалось создать на Камчатке вооруженные дружины и оказать сопротивление японцам, хотя японские суда подвергли Петропавловск обстрелу и захватили в плен Гребницкого[157]. А.П. Сильницкий вскоре был оправдан и вновь приступил к редактированию газеты «Приамурские ведомости» (редактор газеты в 1894–1903 и 1905–1906 гг., а в 1907–1912 гг. – редактор-издатель газеты «Приамурье»). Ему пришлось еще раз, уже осенью 1905 г., посетить Камчатку с поручением проверить эффективность действий камчатской и командорской администрации во время войны. Вернувшись во Владивосток, он готов был доложить о камчатских делах, но областному начальству было уже не до того – город охватили революционные события.

Таким образом, испытав на рубеже XVIII–XIX вв., а затем в середине XIX в. воздействие коротких политических импульсов, вызвавших как обострение правительственного внимания, так и целенаправленные демографические и экономические меры, Охотско-Камчатский край попадал в исторически длительную полосу депрессии, ведущей к его региональной маргинализации. Официально формулируемая дальневосточной администрацией главная задача в отношении жителей северо-восточных округов ограничивается обязанностями охранительного характера, а на природные богатства продолжали смотреть, «как на запасной капитал России, которым она воспользуется впоследствии, когда сгустившееся население ее вынуждено будет двинуться в северные округи»[158]. Более того, местные высшие власти предупреждали, что не нужно искусственными мерами выводить население из «оцепенения», опасаясь пробудить у него потребности, которые нельзя будет удовлетворить. Поэтому будет лучше до установления регулярных и более частых контактов с «остальным светом» оставить местных жителей «в том же положении, в каком они находятся в настоящее время, – тем более что, не зная лучшего, они вполне довольны своим положением»[159].

В новой политической ситуации Охотско-Камчатский край как бы сдвигается на окраину дальневосточной периферии империи, подвергаясь не только правительственному забвению, испытывая демографическую депопуляцию, культурную и физическую деградацию населения. Это касалось не только аборигенов, но и переселившихся сюда русских, которые, по оценкам самой местной администрации, недалеко ушли в развитии от туземцев[160]. Местная государственная власть в северо-

---

[157] История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 302.

[158] Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. (Печатано по распоряжению приамурского генерал-губернатора). СПб., 1892. С. 52–53.

[159] Там же. С. 54.

[160] Там же. С. 53.

восточных уездах замирает, консервируя архаичные способы управления, увеличивая груз нерешенных управленческих проблем, впадает в «спячку».

Сахалин, превращенный в каторжную колонию, вызывал у широкой российской общественности интерес своей необычной судьбой и порождал чувство сострадания к его невольным жителям. В организации ссылки, даже после ее существенного ограничения в 1900 г., Сахалин оставался и для Сибири «отдаленным местом» (сибирских бродяг предписывалось отправлять на Сахалин), куда продолжали ссылать преступников.

Казалось бы, что именно хозяйственное освоение Сибири и российского Дальнего Востока должно стать главным мотивом имперского продвижения в Маньчжурию и Корею, поиска удобного порта на тихоокеанском побережье, способного дать выход богатствам Сибири. Это, в известной мере, так и было, но было лишь в головах имперских идеологов, озабоченных потребностями «дальних» поколений и игнорирующих при этом реальные запросы «ближних». Продолжившаяся имперская военно-политическая и экономическая экспансия в действительности тормозила хозяйственное и социокультурное развитие уже ранее вошедших в состав империи территорий, транслируя проблему «оскудевающего» под гнетом имперских затрат «центра» на региональный уровень. Дальний Восток России воспроизводил общую имперскую модель, в которой был свой военно-политический центр с сильной бюрократией, свои регионально-имперские приоритеты, своя демографическая и экономическая база экспансии, свои зоны экономического и управленческого забвения. На сопредельные к имперским границам регионы ложилась дополнительная повинность нести тяготы имперского бремени, а основные финансовые потоки из центра устремлялись мимо них на военное и административное устройство, экономическое завоевание Маньчжурии и укрепление океанского флота. Если для Сахалина была избрана принудительная колонизация, отличавшаяся от амурского варианта (исторически более традиционного, сочетавшего со «штрафной колонизацией» регулируемый процесс крестьянского и казачьего заселения) более жестким режимом каторги, то в отношении Охотско-Камчатского края ограничились малоуспешными охранительными манипуляциями и неосуществленными административными проектами.

ГЛАВА 5
СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (1906–1917 ГГ.)

5.1. Сделать дальневосточный край русским

«Дальний Восток должен быть русским и только для русских».
Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти[1]

Поражение в войне заставило правительство и в целом российское общество пересмотреть свои взгляды на Дальний Восток. Россия приостановилась в своем «историческом движении», военно-политическая доктрина империи должна была временно отказаться от наступления «по всем азимутам» и определиться, где же он, русский Восток – на Ближнем или Дальнем Востоке? Причина неудач с геополитических вершин виделась в том, что Россия вышла за пределы очерченного ей историей и географией пространства: «Упустив незанятую Америку, бросились на перенаселенную Азию. Приобретением Порт-Артура хотели повторить «дерзкие поступки» захвата Амура. Но то, что там являлось естественным завершением русского движения в Сибири, здесь было только вторжением в чуждую область»[2].

В сборнике «Великая Россия», изданном в Москве в 1910 г. стараниями В.П. Рябушинского, Г.Н. Трубецкой провозглашал, что логика вещей возвращает нас в Европу, а на Дальнем Востоке политика «наступательного империализма» должна уступить место политике «обеспечения и сохранения того, что у нас там оставалось и прежде всего тех коренных наших владений на берегах Тихого океана, от которых мы не могли и не должны были отказаться»[3]. Другой автор этого же сборника, полковник Генерального штаба Л.М. Болховитинов[4], писал, что русское

---

[1] Тобольский губернатор Н.Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (1 марта 1908 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 1.

[2] *Вернадский Г.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 79.

[3] *Трубецкой Г.Н.* Россия как великая держава // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 60.

[4] Л.М. Болховитинов был одним из лучших российских военных специалистов по Дальнему Востоку. Под его редакцией в 1910–1911 гг. в Военном министерстве была проведена большая работа по военно-географическому и статистическому описанию

общество в очередной раз разочаровалось в Дальнем Востоке, на дальневосточные владения стали смотреть под тем же приблизительно углом зрения, как смотрели в старое время помещики на свои «пустоши» в отдаленных когда-то Самарской или Саратовской губерниях. «Если наш Дальний Восток приносит одни убытки, если его трудно защищать, – передавал он довольно распространенное пессимистическое убеждение, – так пусть он будет предоставлен собственной участи; ведь эти владения – лишь запас неизвестного будущего»[5]. Заброшенность края дошла до того, что он сам как бы начал отваливаться от России[6].

Самодержавие вынуждено было перейти от активной экспансионистской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе к более сдержанным внешнеполитическим акциям. Министр финансов В.Н. Коковцов призывал забыть о широком размахе действий на Тихом океане и «сидеть смирно», соразмеряя намечаемые цели с имеющимися средствами[7]. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, как вспоминал В.Н. Коковцов, «засыпал правительство и Думу своими телеграммами... настаивая в чисто паническом тоне о том, что война с Японией неизбежна в самом ближайшем будущем»[8]. Эти телеграммы производили сильное впечатление на главу правительства П.А. Столыпина. Нужно было, по словам Унтербергера, надежно закрыть «наружные двери», чтобы обеспечить мирное решение «внутренних дел»[9]. Опасность утраты российского Дальнего Востока разделял и начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын[10]. Советник германского имперского статистического комитета Р. Мартин утверждал, что Россия – это «маркграфство Европы» в Азии, не только потеряла все шансы господствовать на Тихом океане, но сама оказалась под угрозой распространения желтой расы в Сибири и в течение ближайших пятидесяти лет потеряет большую ее половину[11].

Дальнего Востока. В предисловии к изданной российским Генеральным штабом книге он указывал на спешность и важность таких исследований ввиду изменившихся политических условий в регионе и военной угрозы дальневосточным территориям России. – Дальний Восток. СПб., 1911. Т. 1. Ч. 1. С. III.

[5] *Болховитинов Л.М.* Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 208.

[6] *Болховитинов Л.М.* Колонизация Дальнего Востока // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 353.

[7] *Поликарпов В.В.* Власть и флот в России в 1905–1909 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 35.

[8] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 281–282, 314.

[9] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 426.

[10] Ф.Ф. Палицын – председателю Совета министров И.Л. Горемыкину (28 июня 1906 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 95.

[11] *Мартин Р.* Будущность России и Японии. М., 1907. С. 29, 33, 251, 262.

Впрочем, военный министр А.Ф. Редигер был настроен более оптимистично и полагал, что опасаться новой войны нет оснований, если мы сами не подадим повода. «Я считал, – писал впоследствии Редигер, – что мы должны добросовестно примириться с создавшимся на Востоке положением и жить в мире с Японией, по крайней мере, лет пятьдесят. За это время мы должны заселить Восточную Сибирь и ближе приобщить ее к России, дабы легче было ее защищать...»[12]. Но и ему положение представлялось «чуть ли не безнадежным», пока не будет построена Амурская железная дорога. Без нее, считал он, укрепление Владивостока будет делом бесполезным, лучше в таком случае отойти от Владивостока к Иману[13]. Сменивший Редигера В.А. Сухомлинов призывал даже не тратить деньги на укрепление Владивостока (тем самым оставив все надежды на морское значение дальневосточной политики), сосредоточив все усилия на организации сухопутной обороны Никольска-Уссурийс-кого[14]. Считалось, что при малочисленности судов Тихоокеанского флота Владивостокский порт устроен вполне достаточно, необходимо только создать условия для базирования подводных лодок.

Сильно подводная лодка на Дальнем Востоке восторжествовала континентальная доктрина, соединенная теперь в геополитическом видении перспектив российского Дальнего Востока с его русской колонизацией. После Цусимы Россия превратилась на Дальнем Востоке преимущественно в сухопутную державу[15]. Мечты о великом морском будущем на Тихом океане, который представлялся имперским романтикам «Средиземным морем будущего», отошли на второй план. Корея, которая могла бы дать значительные экономические выгоды, а также удобный военный и коммерческий порты, была потеряна, хотя Россия сохранила свои позиции в Северной Маньчжурии. Теперь роль флота ограничивалась задачей обороны побережья, чтобы задержать высадку на материке войск неприятеля до сосредоточения российской армии[16].

Однако моряки продолжали утверждать, что только флот сможет обеспечить целость и неприкосновенность границ России на Дальнем Востоке и действия на побережье Тихого океана по поиску незамер-

---

[12] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 149.

[13] Там же. С. 150–151, 300.

[14] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 311.

[15] *Болховитинов Л.М.* Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М.,1910. Кн.1. С. 209.

[16] О новом порядке управления Владивостокским портом. Особый журнал Совета министров 3 июня, 19 авг., 30 сент. 1908 г. // Особые журналы Совета министров царской России. М., 1988. Т. IV. С. 807.

зающего порта нельзя считать авантюрой[17]. «Как с исторической точки зрения можно посмотреть на приобщение к Российской Империи наших дальневосточных окраин, – полемически возражал в 1908 г. со страниц «Морского сборника» один из защитников новой судостроительной программы А.В. Колчак, – разве походы Хабарова, Пояркова и Атласова не авантюра, разве подвиги Невельского и Муравьева не могут быть рассматриваемы с той же точки зрения постольку, поскольку они не вызывались действительной необходимостью и не определялись до сих пор реальной государственной мощью? Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророчеством, указанием на путь ее дальнейшего развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий. Минувшая война – первая серьезная борьба за берега Тихого океана – есть только начало, может быть, целого периода войн, которые будут успешны для нас тогда, когда обладание этими берегами сделается насущной государственной необходимостью, которая определит обладание не только одной вооруженной силой, не одними стратегическими железными дорогами или флотом»[18]. Однако речи о необходимости восстановления Тихоокеанского флота, о чем энергично пытались заявить моряки, явно плохо были услышаны теми, кто отстаивал приоритет железнодорожного строительства на востоке страны. Железнодорожные магистрали, призванные «железными стенами» оградить окраинные владения от посягательств врагов, представлялись более надежными, нежели флот, инструментами имперской политики[19].

Поражение в войне заставило перейти на Дальнем Востоке к оборонительной стратегии. Но по мере того, как стабилизировалось внутриполитическое положение и укреплялось экономическое состояние страны, вновь вспомнили о дальневосточных планах. А.П. Семенов-Тян-Шанский, выступая 22 марта 1908 г. в Клубе общественных деятелей, отметил, что два года назад к его голосу о нуждах российского Дальнего Востока никто бы не прислушался, а теперь «туман рассеивается» и «позволяет нам проницательно и дальновидно взглянуть на Восток, – туда, где России ее географией и историей поставлены наиболее важные задачи, где ей открыто обширное поле для широкой и блестящей будущности»[20]. Но это наше

---

[17] *Римский-Корсаков М.М.* Зачем России нужен флот // Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота. М., 1999. С. 123.

[18] *Колчак А.В.* Какой России нужен флот? // Там же. С. 144.

[19] Речь Г. Гольдмерштейна 5 марта 1908 г. в собрании армии и флота // Табурно И.П. Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность ее границ. СПб., 1908. С. 99.

[20] *Семенов-Тян-Шанский А.П.* Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб., 1908. С. 3.

«блестящее будущее» под угрозой. Поскольку это направление российских интересов столь важно, он предложил даже образовать специальную в Государственной думе постоянную комиссию по дальневосточным вопросам, которая должна тесно сотрудничать с думскими комиссиями по государственной обороне, переселению и бюджету.

Вместе с тем приходит понимание, что Россия переживает на Дальнем Востоке переломную эпоху, когда Приамурский край ожидают крупные события и реформы. Вновь зазвучали призывы не опоздать и не остаться позади других. «...Мы должны, не теряя времени, – призывал Л.М. Болховитинов, – приняться за энергичную работу по укреплению окраины, культурному ее развитию, укреплению там русской государственности», для чего нужно нарастить русские силы, мобилизовать их, систематизировать и объединить усилия[21]. А.Н. Куропаткин не уставал напоминать о грозящей России и всей Европе «желтой опасности», усилившейся с поражением русской армии, которое воспринималось в Азии как цивилизационная победа азиата над европейцем. Он продолжал настаивать на установлении новой границы, когда северная часть Маньчжурии, Монголия и Синьцзян «отойдут в сферу владения или влияния» России, и ее естественным образом будет отделять от Китая пустыня Гоби[22].

Поражение в войне с Японией воспринималось как осуществление страшных пророчеств. «И снова, при напоминании о движении желтых рас на запад, взволнованное воображение разворачивает длинный свиток самых жутких картин, – писал в Б.Н. Демчинский в книге, изданной в типографии А.С. Суворина. – Нависают желтые сумерки и, расползаясь прежде всего над азиатской Россией, возвращают назад ее историческое движение, перелистывают страницы ее истории в обратном порядке, как будто весь вековой, накопленный на востоке труд самого великого славянского народа являлся только забавой, только прихотливой игрою теней, разбегающихся при появлении исконных, непризнанных хозяев Азии – желтых рас. Действительно: разразившийся над Россией удар впервые облек эти кошмарные картины реальными контурами и дал право гордиться тем зловещим пророкам, которые предвидели грядущую «желтую опасность»[23]. Полковник Генерального штаба князь А.М. Волконский предсказывал неизбежность продолжения борьбы на Дальнем Востоке, где решается вопрос о будущем России как

---

[21] *Болховитинов Л.М.* Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 216.

[22] *Дальний М.* У генерала А.Н. Куропаткина // Речь. 1913. 27 февр. (12 марта); см. также: *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3; *он же.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

[23] *Демчинский Б.Н.* Россия в Маньчжурии (По неопубликованным документам). СПб., 1908. С. 2.

великой державы, «ибо миллионы желтых людей не могут не устремиться в пустыни Сибири, как избыток вод не может не течь в низины»[24]. В аналитической записке «О современном военно-политическом положении России» (1906 г.) он ставил вопрос о способности России «служить передовой заставой белой расы»[25]. Другой эксперт из Генерального штаба, полковник Л.М. Болховитинов, насчитывал в 1908 г. на русском Дальнем Востоке уже почти 25% «желтых» и предупреждал, что их иммиграция в Россию и есть «мирное завоевание нас», о котором «надо постоянно кричать и напоминать»[26].

«Московские ведомости» пугали громадной волной китайских переселенцев, хлынувших через Маньчжурию в Приамурье. Поэтому Амур не может быть границей, он никогда не сможет стать «базой русского дела на Востоке, он служит, наоборот, естественной базой для Китая в борьбе с русским влиянием». Нам нужно, настаивали российские консерваторы, во что бы то ни стало приобрести Северную Маньчжурию, так как это необходимо «для существования нации»[27]. Пугающим казалось и создание независимого Монгольского государства, что может породить новый «панмонгольский вопрос», обострить внутриимперскую ситуацию, спровоцировав националистические устремления бурят, калмыков и тунгусов[28].

Экономическое присутствие России в Маньчжурии после некоторой растерянности стало постепенно восстанавливаться. Основу прочности российского положения здесь создавала линия КВЖД с сетью подъездных путей, концессиями, корпусом стражи (Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи)[29], насчитывавшим около 21 тыс. солдат и офицеров, бригадой железнодорожных войск численностью 7 890 человек и речной флотилией на Сунгари. Военное ведомство не оставило надежд на «выпрямление» русско-китайской границы за счет присоединения к России Северной Маньчжурии и Монголии, которые могли стать «степным буфером» между Россией и Китаем[30].

---

[24] *Волконский А.М.* Где выход? // Новое время. 1910. 6 (19) окт.

[25] Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001. С. 174

[26] *Болховитинов Л.М.* Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке // Военный сборник. 1910. № 2. С. 162, 165.

[27] Московские ведомости. 1911. 22 июня, 15 и 17 июля.

[28] Окраины России. 1911. 15 окт.

[29] *Корнева Л.В.* Из истории военной охраны КВЖД // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 55–58.

[30] Дальневосточное обозрение. 1911. № 14. С. 142, 146; см. также: *Старцев А.В.* Экономическая политика России в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 2000. Вып. 2. С. 40–72; *Беляев С.Г.* К истории экспансии России во Внешней Монголии начала XX в. // Нестор. 2000. № 2. С. 339–403.

Шанс восстановить утраченные позиции в регионе давали мирные договоренности с Японией и начавшаяся в 1911 г. Синьхайская революция в Китае[31].

В секретном «Мемуаре о внешней политике России», подготовленном в 1913 г. бывшим российским посланником в Японии бароном Р.Р. Розеном, содержался призыв отказаться от «великой славянской идеи» на западе и вернуться к энергичным внешнеполитическим действиям на азиатском направлении, подчеркивающий, что «Россия не только европейская держава, а прежде всего держава азиатская»[32]. Со страниц «Нового времени» известный публицист М.О. Меньшиков продолжал вещать в духе «восточников» (ряды которых к этому времени заметно поредели) кануна Русско-японской войны, заявляя, что нам нужен русско-турецкий союз в Европе и русско-китайский в Азии, который станет оплотом «срединных, полувосточных и восточных царств» в борьбе против «насилий, столь откровенных с Запада». Он успокаивал, что «желтая опасность» может грянуть только в далеком будущем, пока же Китай сам является добычей «белой» опасности, «хищничества западно-европейских рас». Но Меньшиков не отказывался и от сотрудничества с Европой, геополитически очерчивая пространство России между Западом и Востоком: «Так как мы, Русские – Арийцы и христиане, то совершенно естественен для нас союз с некоторыми западными собратьями. Так как мы своей территорией на две трети азиатская держава, – естественен для нас союз с азиатскими соседями. В бурю корабль выбрасывает не один якорь. А все, какие у него найдутся»[33].

С образованием политических партий, со свободой прессы и деятельностью Государственной думы и Государственного совета, предпринимательских организаций влияние общественного мнения на дальневосточную политику возросло. Осенью 1913 г. Дальний Восток посетили члены Государственной Думы кадеты Н.В. Некрасов и Ф.И. Родичев, а также член Государственного совета, председатель Российской экспортной палаты октябрист В.И. Денисов[34].

Обозреватель «Русской мысли» Л. Гальберштадт заметил разительные перемены в общественных настроениях: «В последнее время все больше и больше говорят о Дальнем Востоке. <...> Новым обстоятельством является то, что русское общество, наконец, ощутило тревогу. С

---

[31] *Белов Е.А.* О некоторых аспектах политики царской России в Маньчжурии в 1911–1913 гг. // Восток. 1997. № 1. С. 102–113.

[32] *Павлович М.* «Романтика» и «реализм» в русской внешней политике // Современный мир. 1914. № 1. С. 203–207.

[33] *Меньшиков М.О.* Велико-Восточный вопрос // Новое время. 1908. 4 (17) ноября.

[34] См.: *Новиков Д.Е.* Русские либералы о Дальневосточном регионе после Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Восток. 1999. № 5.

нашей точки зрения это плюс»[35]. Настало время переоценки значения дальневосточных владений для Российской империи. И снова опасность их утраты, пугающее засилье «желтого труда» и иностранного капитала заставили вспомнить, насколько они богаты и перспективны.

Главную неудачу в освоении природных ресурсов края, громадные расходы и крах дальневосточной политики справедливо считали следствием «наших невозможных порядков»[36]. Дальневосточная общественность и предприниматели одну из причин забвения Приамурского края видели в пагубном увлечении Маньчжурией и строительством КВЖД вместо Амурской железной дороги. В телеграмме, направленной в Совет министров в 1906 г. от Благовещенской городской думы, было прямо заявлено, что до «потери Дальнего Маньчжурская дорога стремилась к уничтожению Владивостока как своего конкурента»[37]. К благовещенскому протесту присоединилась и городская дума Хабаровска. В требованиях обновления административной политики на Дальнем Востоке появились новые важные мотивы: «Реорганизуя административный строй Приамурского края, пора положить конец отжившему режиму и каждому ведомству предоставить ведать своей специальностью. Пора покончить со всякими запретами и хищнической вакханалией в эксплуатации местных богатств, очистив поле от иностранных паразитов и предоставив больше места и возможности русскому вести свое хозяйство, а главное, необходимо ослабить канцелярскую опеку Петербурга, расширив полномочия местной администрации и общеземского управления. Наконец, пора перестать содержать окраину как дряхлого пансионера на общегосударственный счет; необходимо вызвать в ней самостоятельную экономическую жизнь, а для этого она имеет много шансов...»[38].

Земские деятели требовали дать русским людям возможность приступить к самостоятельному и прочному завоеванию края, перестать бояться, что «Сибирь отвалится», с недоверием относиться к земским учреждениям на окраинах. В 1908 г. в крае развернула свою деятельность по оказанию помощи переселенцам Общеземская организация[39], видную роль в деятельности которой сыграл будущий глава Временного

---

[35] *Гальберштадт Л.* Иностранная политика // Русская мысль. 1904. № 1. С. 208.

[36] *Зиновьев Н.А.* Очерк Приамурского края и его значение для России. Б.м., б.г. С. 6.

[37] АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 24.

[38] *Синъ-Санъ.* Злободневные вопросы Приамурского края // Окраины России. 1908. № 35/35 (30 авг. и 6 сент. 1908 г.). С. 499.

[39] Общеземская организация действовала на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны. – *Полнер Т.И.* Общеземская организация на Дальнем Востоке. М., 1908. Т. I. С. 11.

правительства России князь Г.Е. Львов[40]. Земцы одними из первых обратили внимание на слабую изученность российского Дальнего Востока и, несмотря на противодействие местных и центральных властей, провели самостоятельное комплексное исследование региона[41]. По его результатам в 1909 г. был издан наполненный различными статистическими сведениями объемистый труд под названием «Приамурье», который подтолкнул правительство к более энергичным действиям по исследованию Дальнего Востока[42]. Земцам казалось невообразимым организовать эффективное заселение края без выяснения его хозяйственных возможностей. Кроме того, доказывали они, появление земских учреждений снимет у лишенного общественной жизни дальневосточного населения раздражение, которое явно не способствует «привязанности колонии к метрополии»[43]. Однако вопрос о введении земских учреждений отодвигался на неопределенное время, были разные высказывания об этом в Амурской и Приморской областях (кроме северных уездов)[44].

Основная причина, сдерживавшая решение земского вопроса на Дальнем Востоке, заключалась даже не в малочисленности и низкой плотности населения, а в отсутствии частной собственности на землю и слабом притоке переселенцев. Существовало опасение, как и в случае с Сибирью, что земские организации в Приамурье, где ведущие позиции займут старожилы и казаки, будут препятствовать устройству новоселов и обеспечению их землей. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, – утверждал видный правительственный эксперт по переселенческому делу А.А. Кауфман, – то только в одном: в усиленных стараниях закрыть

---

[40] Десять лет спустя, будучи арестован весной 1918 г. в Екатеринбурге большевиками, он вспоминал: «В экспедиции этой принимали участие более 100 человек интеллигентных работников, и в результате, кроме непосредственного облегчения и достигнутых крупных улучшений в переселенческом деле вообще, получился литературный коллективный труд «Приамурье» в виде объемистого в 800 с лишком страниц по изучению Амурской и Приморской областей. Данные по изучению были собраны опытными статистиками, научно обработаны и вскрыли всю официальность правительственной политики не только в переселенческом деле, но и в общей политике по отношению к нашей богатой окраине. Лично меня работа эта связала с Сибирью, привлекла меня к ее жизненным интересам, грубо пренебрегавшимся правительством, и подвинула на дальнейшее изучение вопросов колонизации вообще, для чего я ездил в Америку и Канаду». – *Князь Г.Е.* Львов в Екатеринбургской тюрьме // Исторический архив. 2002. № 3. С. 151.

[41] *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 209–210. Министр финансов В.Н. Коковцов усмотрел даже, что «с каждой страницы этой книги капает яд противоправительственной пропаганды». – Там же. С. 236.

[42] *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. Гл. 2. Изучение Дальнего Востока.

[43] Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. М., 1909. С. 747.

[44] *Лыкова Е.А.* К вопросу о земствах на Дальнем Востоке в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Ч. 2. С. 359–362.

край для дальнейшего вселения»[45]. Но было и понимание необходимости выработать какой-то свой региональный тип, порядок решения земских дел, который бы мог стать переходным к земским учреждениям[46].

После Русско-японской войны лозунг «единой и неделимой России» восторжествовал и в дальневосточной политике. 31 марта 1908 г., выступая в Государственной думе по поводу строительства Амурской железной дороги, П.А. Столыпин убеждал своих оппонентов, что оставить край без внимания «было бы проявлением громадной расточительности». Речь главы правительства имела программное значение и была окрашена имперской символикой. «Наш орел, наследие Византии, орел двуглавый, – напоминал депутатам премьер-министр. – Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью»[47]. Через два месяца, уже в Государственном совете, по этому же поводу он добавил: «Амурская дорога – предприятие, несомненно, культурное, так как оно приближает к сердцевине государства наши ценные колониальные владения»[48].

Развивая эту тему, но уже по поводу дальневосточного портофранко, 14 января 1909 г. в Государственном совете выступал товарищ министра торговли и промышленности Н.А. Остроградский. Он заявил, что исполняет свой долг не перед окраинами, а перед «Государством Российским, единым, нераздельным и цельным»: «По моему мнению, это не колония, по моему мнению, этот край представляет собою только одну из областей цельного и нераздельного государства, объединенного одною географическою и политическою чертою. И что нам нужно, что желательно, что необходимо, это то, чтобы черта эта была также и единой культурной границей. Нам нужно, чтобы данная область стала Российской окрайной не только на карте, но и по духу, которым должна быть проникнута вся внешняя и внутренняя жизнь местности»[49].

П.А. Столыпин в рамках концепции «единой и неделимой России» призывал крепче стянуть рельсами «державное могущество великой России»[50], а главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически,

---

[45] *Кауфман А.А.* Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

[46] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С 400.

[47] *Столыпин П.А.* «Нам нужна великая Россия...». М., 1991. С. 129.

[48] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 31 мая 1908 г. С. 1529.

[49] Там же. Сессия IV. СПб., 1909. Заседание 14 янв. 1909 г. С. 600.

[50] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 190.

но русской по культуре Великой России»[51]. В интервью французской газете «Figaro» (4 февраля 1911 г.) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи»[52]. В связи с поездкой в Сибирь в 1910 г. П.А. Столыпина бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И.И. Тхоржевский заметил: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи» [53]. Столыпин «чувствовал целостность – военную и живую – всего того огромного и пестрого материка, которым была Россия. Тот же Алтай, как и Уссурийский край, связывался живыми человеческими узлами с далекой (и вовсе не самостийной – ни тогда, ни теперь) Украиной. Но надо было крепче стянуть – и рельсами! – державное могущество великой России. А для этого одной только Сибирской железной дороги было тогда уже недостаточно. Ведь к ее рельсам только и жалось довольно узкой полоской все наше переселение! Помню, как переселенческое управление после передачи из Министерства внутренних дел в Министерство земледелия, полушутя, полусерьезно, умоляло передать его в министерство путей сообщения: «Там наше место». Так тема земли связывалась со второй сибирской темой – железной дороги»[54]. Столыпин осознанно стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчинить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа для пополнения полчищ, которым рано или поздно, а придется решать судьбы Европы. Это значение Сибири и Средней Азии как колыбели, где можно в условиях, свободных еще от общественной борьбы и передряг, вырастить новую сильную Россию и с ее помощью поддержать хиреющий русский корень, – утверждал один из его близких сотрудников С.Е. Крыжановский, – ясно сознавалось покойным, и, останься он у власти, внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче»[55].

Эта точка зрения стала доминирующей в формирующейся российской континентальной геополитике, когда будущее России виделось на суше («нашей суше»), а то, что называли колониями, есть только «облас-

---

[51] *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 131.

[52] Дальневосточное обозрение. 1911. Вып. I. С. 82.

[53] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 189.

[54] Там же. С. 190.

[55] *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.

ти, тесно сливающиеся с метрополией и ничем от нее неотделяемые и неотделимые»[56].

В центре внимания правительства и общественных кругов оказались вопросы, связанные с русской колонизацией дальневосточных земель, строительством Амурской железной дороги, миграцией китайцев, таможенным режимом в регионе и регулированием международных правил рыболовства. Стало ясно, что чисто военные меры (будь то морские или сухопутные) не решат проблемы безопасности дальневосточных рубежей. Меняется общий взгляд на перспективы развития Приамурского края. На него смотрят теперь не только как на земледельческую колонию, но и как на объект промышленного развития[57]. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер кратко формулировал задачи своей администрации следующим образом: «...Возможно плотная и широкая колонизация края с одновременным развитием и укреплением русской жизни во всех ее проявлениях; сбережение естественных богатств страны, впереди всего рыбных запасов для будущих засельщиков и охрана их от иностранных и своих хищников; ограждение края от натиска азиатских народностей»[58].

Главным среди этих вопросов, несомненно, виделось скорейшее заселение края русским населением, способным создать действительно прочную основу для превращения Дальнего Востока во «внутреннюю окраину» империи. О здоровом народном колонизационном инстинкте напоминал 5 марта 1908 г. в собрании армии и флота И.П. Табурно, призывая на Дальнем Востоке думать не только о насущном дне[59]. В этом же духе формулировал цели переселенческой политики и чиновник ГУЗиЗ В.Ф. Романов: «Для нас обширные дальневосточные области представляют первостепенное государственное значение, в особенности потому, что Россия – государство континентальное, с береговой полосой, примыкающей к морям или закрытым, или замерзающим. У нас нет, подобно другим государствам Европы, заморских колоний. При таких условиях Приамурье с его морским побережьем, с береговой полосой, протяжением около 7 000 верст, с портами, дающими выход в открытое море, является жизненно необходимой частью империи»[60]. Поэтому необходимо приложить особые усилия, чтобы позаботиться «о прочном укреплении русского будущего в этом крае».

---

[56] *Арктур* [*Дусинский И.И.*]. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1908. С. 242, 535.

[57] *Куртеев К.К.* Экономическая проблема Приамурья. Владивосток, 1921. С. 3.

[58] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора Унтербергера за 1908, 1909 и 1910 гг. // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 264.

[59] *Табурно И.П.* Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность его границ. СПб., 1908. С. 10–11.

[60] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 501.

Основным отличием России от других мировых держав уже традиционно считалось, что она представляет собой цельный континентальный монолит. У нее нет колоний, отделенных морями или непроходимыми горами, способных развиваться самостоятельно или имеющих право на свою государственную обособленность. Ее колонии – это окраины на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. «Подобно тому, как наши южные степи, наша Новороссия, наша южная «украина» некогда представляли запас для русского населения, так теперь наступило время постепенно использовать с этою же целью наши восточные дальние окраины. Чем более населятся они русскою народною массою, тем крепче свяжутся эти страны ядром Русского государства»[61].

Особую активность при этом, как правило, проявляла дальневосточная администрация. 24 марта 1908 г. приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер представил правительству секретную записку «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». «...Для Российской империи, – подчеркивал он, – не имеющей заокеанских колоний, является единственная возможность пользоваться для избытка населения земельным фондом Сибири и Дальнего Востока. Из этого вытекает, что сохранение Сибири и Приамурья составляет для нас жизненный вопрос, так как в противном случае весь избыток населения будет уходить в иностранные пределы в ущерб нашему собственному государству»[62]. Однако в геополитической доктрине, которой придерживалась российская военно-политическая элита, дальневосточным землям продолжала отводиться роль резервного демографического пространства. Прогнозировалось, что со временем Дальний Восток будет способен принять около 400 000 крестьян из Европейской России. Решение этой задачи называлось историческим, а кто ее свершит, покроет себя не меньшей, чем Муравьев-Амурский, славой, как «второй завоеватель края»[63].

На предложенный П.Ф. Унтербергером перечень первоочередных задач откликнулся известный знаток Дальнего Востока, бывший приморский губернатор и будущий приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. В своей 20-страничной программе он определил главные принципы правительственной политики по сохранению и развитию Дальнего Востока. Прежде всего, в духе столыпинской национальной доктрины он настаивал на своем основном тезисе: «Дальний Восток дол-

---

[61] *П.К.* Значение Амурской железной дороги // Окраины России. 1908. № 17. (26 апр.). С. 250.

[62] Записка П.Ф. Унтербергера «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края» (24 марта 1908 г., Хабаровск) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 257. С. 1.

[63] Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 473.

жен быть русским и только для русских»[64]. Для этого нужно укрепить оборону, быстро заселить край русскими людьми, проложить новые железные и грунтовые дороги, установить регулярные морские связи между различными частями дальневосточного побережья, провести телеграфную линию на северо-восток, отменить порто-франко, которое выгодно прежде всего иностранцам, развить здесь русскую торговлю и промышленность, дать возможность местному русскому населению участвовать в управлении краем через земские учреждения, что повысит их заинтересованность в успехах его освоения.

9 февраля 1909 г. Унтербергер направляет П.А. Столыпину с грифом «весьма секретно» еще одну записку, озаглавленную: «Неотложные нужды Приамурья». Он снова обращает внимание высшего руководства на изменившееся не в пользу России положение в регионе, связанное как с неудачной войной, так и с сохраняющимися агрессивными намерениями Японии, тем, что «начал расправлять крылья» Китай, активно усиливающий свою армию и колонизующий Маньчжурию. Чтобы восстановить нашу обороноспособность на Дальнем Востоке и укрепить пошатнувшийся престиж, предупреждал Унтербергер в очередной раз, «нам не следует упускать ни одного дня в наступившем временном политическом затишье»[65].

Понимали это и в Петербурге. Так, на заседании Совета министров 23 июня 1909 г. отмечалось: «Созидательная сила русской гражданственности, распространяясь из центра на периферию государства, не проявилась еще на этой отдаленной окраине достаточными результатами. Дальность расстояний и обширность самой территории здесь, как и во многих других частях России, тормозили культурно-экономическое развитие края, обойденного и как бы несколько забытого в зависимости от усиленных забот, уделявшихся правительством за последнее двадцатилетие Западной Сибири, а затем Китайско-Восточным железнодорожным предприятиям. Угрожающее нашим дальневосточным владениям положение, занятое Японией после минувшей войны, в связи с обнаружившимся стремлением в означенные местности всякого рода иностранных поселенцев белой и желтой рас, указывает, что настало время принять энергичные меры к всемерному закреплению за нами Приамурского края, дабы иметь возможность отстоять его в случае надобности как от вооруженного нападения, так и от мирного засилия иностранцев»[66].

---

[64] Тобольский губернатор Н.Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (1 марта 1908 г) // // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 1.

[65] Записка П.Ф. Унтербергера «Неотложные нужды Приамурья». «Весьма секретно» (9 февр. 1909 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 66.

[66] Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 243.

На место охранительных и военно-мобилизационных задач в дальневосточной политике вышли колонизационные задачи, призванные «сделать край русским». Переход к свободной колонизации вызвал необходимость изменить принципы переселенческой политики, которая раньше главным образом сводилась к механическому «притягиванию к России далеких громадных пространств земли, на территории которых почти не велось никакой культурно-созидательной работы[67]. Необходимо было не просто заселить край, а создать из русских переселенцев «крепкую колонию, способную вынести экономическую борьбу с сильными соседями и удержать за собой культурное первенство». И это должно стать заботой всего русского общества, «народной исторической задачей ... культурного завоевания края». Задача эта здесь была гораздо сложнее, нежели в Западной Сибири, подчеркивал Г.Е. Львов, ибо «там, как дома, в своих стенах, а здесь, среди чужих, каждый шаг должен быть обдуман и взвешен»[68]. Необходимо было преодолеть пессимистические настроения, порожденные неудачной Русско-японской войной и нараставшей экономической миграцией китайцев. Львов приводил в своих корреспонденциях из Никольска-Уссурийского рассказ старого переселенца: «Живем мы здесь, как у праздника, цветочки собираем, о корнях нам нечего думать, потому что не знаем, кому они достанутся; народ здесь сборный, проходимец, ныне здесь, а завтра нет его, живет на риск, корнем никак не интересуется. Однако, по всем видимостям, праздник на исходе, на столе убавляться стало, не миновать, должно быть, скоро и нам домой идти»[69].

В полемике, развернувшейся после Русско-японской войны между Военным министерством и ГУЗиЗ был поднят важный вопрос о соотношении казачьей и крестьянской колонизации и их роли не только в экономике региона, но и его обороноспособности.

Прежняя ставка на преимущества казачьей военно-хозяйственной колонизации стала сдерживать возможности крестьянского заселения, которое стремилось на отданные ранее казакам плодородные и уже освоенные земли, выгодно расположенные вблизи городов и путей сообщения. В конце XIX в. казаки составляли 24% населения Приамурского края; хотя их доля и снижалась при продолжающемся казачьем переселении, но и в 1917 г. в Амурской области их было около 20%, а в Приморской – 8%[70].

---

[67] *Моравский В.* Закрепление Дальнего Востока // Современный мир. 1911. № 4. С. 226–227.

[68] *Львов Г.Е.* С Дальнего Востока. Переселение и колонизация // Русские ведомости. 1908. 18 сент.

[69] Там же // Русские ведомости. 1908. 23 сент.

[70] *Сергеев О.И.* Казачество на тихоокеанском побережье России: историческая роль в прошлом и современное положение // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 74–76.

Военное министерство продолжало увеличивать состав казачьих войск на Дальнем Востоке. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской еще в 1894 г. добился отвода казакам сплошной территории в Уссурийском крае, указывая на то, что они выполняют не только военные, но и полицейские функции, обеспечивая тем самым безопасность границ и проживающего на приграничных территориях населения. Уже тогда это вызвало жесткое несогласие ГУЗиЗ. Оно утверждало, что казачья эпоха в истории Дальнего Востока завершилась, и теперь необходим переход к созданию в регионе демографической базы для формирования регулярной армии. А этого можно достичь только путем увеличения численности дальневосточного населения, способного дать новобранцев, сформировать контингент запасных и обеспечить тем самым оборону края. Бывший морской министр А.А. Бирилев также утверждал, что «переселенцы только тогда принесут истинную пользу государству, когда приведут свои земли в такое положение, что будут в состоянии прокормить не только самих себя, но и расположенные в крае войска»[71]. Закон о привлечении населения Приморской и Амурской областей к отбыванию воинской повинности был принят только в 1909 г., но в силу малочисленности призывников оказать существенное влияние на обороноспособность края не мог.

Казачья колонизация, рассчитанная на чрезмерно высокую, по мнению ГУЗиЗ, обеспеченность земельными наделами, не способна выполнить ни военную, ни экономическую задачи. Работавшая в Забайкалье в 1901–1903 гг. комиссия по казачьему землевладению, возглавляемая А.Н. Куломзиным, пришла к выводу, что «так называемая казачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами – плотно заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние[72]. Считалось, что крестьянское переселение при тех же земельных ресурсах даст в 4–5 раз больше жителей, чем казачье. ГУЗиЗ доказывало, что крестьяне более предпочтительны и с хозяйственной точки зрения, так как они создадут в крае частную собственность на землю, тогда как казаки «связаны ничуть непоколебимым общинным строем»[73]. Как отмечает современный исследо-

---

[71] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Заседание 11 февр. 1909 г. С. 936.

[72] Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 472.

[73] Записка ГУЗиЗ «Об использовании для целей крестьянской колонизации земель, отведенных бывшим приамурским генерал-губернатором Духовским Амурскому и Уссурийским войскам» (7 янв. 1910 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 328–337.

ватель В.М. Кабузан, казацкая колонизация Дальнего Востока в 1906–1917 гг. имела уже второстепенное значение[74].

Наиболее оживленные дискуссии развернулись вокруг вопроса о строительстве Амурской железной дороги и приоритетах российской политики на Дальнем Востоке. В разгоревшихся в III Государственной думе дебатах между сторонниками строительства дороги (в основном правые и октябристы) и их оппонентами сошлись воедино главные проблемы дальневосточной политики: от укрепления обороны границ на Дальнем Востоке, распределения средств между центром и окраинами, экономического подъема Приамурского края и его колонизации до политических лозунгов о «желтой опасности»[75]. В этой политической борьбе по поводу Амурской железнодорожной магистрали показательна история с амурским депутатом социал-демократом Ф.Н. Чиликиным, который вынужден был пойти против линии своей партии, отстаивая интересы населения дальневосточной окраины империи. В подобной ситуации, хотя и не столь жестко связанные партийной дисциплиной, оказались сибирские депутаты кадеты Н.В. Некрасов и Н. Волков.

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер с присущей ему настойчивостью доказывал: «Дорога эта составляет вопрос жизни и смерти не только Приморской области, но и всего русского побережья Тихого океана, всего Дальнего Востока и всего нашего престижа в Азии. Дорога эта должна строиться немедленно, не теряя ни одной минуты, невзирая ни на какие денежные жертвы, ни на какие препятствия»[76]. Он стремился доказать ошибочность распространенного мнения, что Приамурский край живет «исключительно за счет центра России и истощает его ресурсы». Официально исчисляемое превышение расходов над доходами в 1906–1910 гг. почти в 220 млн руб. он считал необоснованным, так как затраты на военные нужды, строительство Амурской железной дороги, половину расходов на переселенцев («из переселения извлекалась польза не только для Приамурья, но и для тех местностей, где старались разредить население») следует отнести на всю империю, а

---

[74] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 151.

[75] О политических дебатах вокруг строительства Амурской железной дороги см.: *Пак Б.Б.* Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891–1916). СПб.; Иркутск, 1995; *Яковлева О.А.* Вопросы социально-экономического развития Дальнего Востока России в деятельности III Государственной думы, 1907–1912 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 1997; *Новиков Д.Е.* Русские либералы и Дальний Восток: жертва бесплодных дискуссий // Военно-исторический журнал. 1999. № 2.

[76] Записка П.Ф. Унтербергера (14 июля 1906 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 81.

не только на ее окраину[77]. Не следует забывать, напоминал приамурский генерал-губернатор, что с увеличением населения разовьются сельское хозяйство, торговля и промышленность, и тогда баланс доходов и расходов изменится к лучшему.

Выступая в Государственном совете от правого центра, А.Б. Нейдгард поддержал проект Амурской дороги и заявил, что она будет способствовать русской крестьянской колонизации, а «русский пахарь и русская соха – вот единственный способ, которым можно избегнуть окитаивания нашей окраины»[78].

Однако правые были далеки в этом вопросе от единодушия. Другой представитель правой группы барон А.Ф. Корф настаивал на том, что интересы России лежат прежде всего на западных границах, на Кавказе: «Амур останется Амуром, а Рион и Кура гораздо важнее для нас, чем все, что там есть. Нам не особенно давно стали говорить, что в русском народе, в русском духе лежит неукротимое роковое стремление, тяготение к Великому океану. Я не знаю, на чем это основано»[79]. О том, что деньги нужно тратить разумно и с пользой для укрепления внутренней безопасности, напомнил бывший орловский губернский предводитель дворянства М.А. Стахович, «потому что страшнее всяких японцев недовольный народ»[80].

С.Ю. Витте, заняв после отставки в 1906 г. с поста премьер-министра место в Государственном совете, продолжил борьбу со своими политическими оппонентами по поводу дальневосточных дел, упрекая П.А. Столыпина и его сторонников в реваншизме, видя в нем главную побудительную причину строительства Амурской железной дороги. По его мнению, затея эта не только бесполезна с точки зрения обороны, но и опасна, так как будет служить «для окитаяния не только Северной Маньчжурии, но и всего нашего Амурского края». «Нам до поры до времени, – доказывал он, – гораздо выгоднее оставить наш Амурский край в том положении, в каком он находится – полудиком, малонаселенном, нежели поднять искусственно-экономически чрезвычайное кровообращение в этом крае...»[81]. Выступая на заседании финансовой комиссии Государственного совета, Витте прямо адресовал свой упрек министру финансов В.Н. Коковцову и обвинил в том, что тот плохо отстаивает ин-

---

[77] Исходя из своих расчетов, Унтербергер признавал превышение расходов над доходами за пятилетие только в сумме около 3-х млн руб. – *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 414–415.

[78] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1440.

[79] Там же. С. 1447.

[80] Там же. Заседание 31 мая 1908 г. С. 1514.

[81] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Таллинн; Москва, 1994. Т. III. С. 496.

тересы государственной казны, идя на «ненужные траты»[82]. Впрочем, и сам Коковцов соглашался, что строительство дороги вызвано преимущественно военно-политическими причинами и «не оправдывается соображениями экономическими»[83].

Были в выступлении С.Ю. Витте и стратегические рассуждения о приоритетах в рамках оппозиции «центр-окраины»: «Как бы ни было важно удовлетворение различных нужд далеких окраин, я считаю, что прежде всего необходимо удовлетворить настоятельные нужды Европейской России, – нужды сердцевины. Если сама Россия не будет сильна, то большая или меньшая крепость окраин ей не поможет»[84]. И эта фраза была произнесена человеком, который в бытность министром финансов способствовал активной дальневосточной политике и потратил столько средств на КВЖД и строительство порта Дальнего. Конечно, в планах строительства Амурской железной дороги не было тех волнующих экономических перспектив, которые Витте связывал с железнодорожным строительством в Азии, но не было и того политического авантюризма, на котором покоился виттевский план банковской и железнодорожной экспансии. Впрочем, как считал А.Ф. Редигер, упорство Витте объяснялось прежде всего тем, что постройка Амурской железной дороги лишний раз подчеркивала ошибочность строительства КВЖД[85].

Тезис о далеких перспективах вновь прозвучал в Государственном совете из уст бывшего министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева: «В таких местностях, как Сибирь, дороги должны строиться, так сказать, в кредит, они должны строиться для будущего, потому что настоящего пока еще нет»[86]. Адресуя свой упрек Витте, он напомнил, что КВЖД обогатила не Россию, а Маньчжурию, которая теперь быстро колонизуется китайцами. Надо исправить ошибку и построить железную дорогу по российской земле, и тогда она станет главным инструментом пробуждения экономической жизни в крае. Обвинения в том, что правительство много тратит на окраины, оставляя без внимания оскудевающий центр, Тимирязев также считал неоправданными. Если

---

[82] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 284.

[83] В.Н. Коковцов – П.А. Столыпину (27 июля 1906 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 106.

[84] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 31 мая 1908 г. С. 1484. С еще большей категоричностью С.Ю. Витте высказывался против ускоренного строительства флота. – *Лилье В.* Пренебрежение к морю (По поводу речи графа С.Ю. Витте о флоте). [Кронштадт, 1908].

[85] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 215.

[86] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1399.

окраины остаются убыточными, то в этом вина не окраин, а правительственной политики.

Тема русской колонизации и Амурской железной дороги в развернувшейся полемике по дальневосточным делам тесно увязывалась с угрозой мирного захвата китайцами российского Дальнего Востока[87]. Особенно много в начале XX в. внимания «желтому вопросу» уделяли дальневосточные газеты[88]. В официальном справочном издании «Некоторые сведения о значении Приамурского края в экономическом и колонизационных отношениях» (СПб., 1908) приводилось в качестве доказательства мнение из брошюры, автором которой был некто Н. Левашов. Брошюра носила название «Нужна ли нам Амурская дорога», и в ней содержалось грозное предупреждение: «Желтая опасность не шутка, не призрак расстроенного воображения. Это грозный призрак, это темная туча, надвигающаяся с Дальнего Востока, и преступно не иметь гражданского мужества – не заглянуть этой грозной силе прямо в глаза, не подготовляться к встрече уже и ныне серьезного врага, который через некоторое время может обратиться в стихийную силу»[89].

Это были не только фобии воспаленного поражением в Русско-японской войне общественного сознания или изобретение падких на гротеск журналистов. Подобные рассуждения содержались в официальных документах самого высокого уровня. В секретной записке «О необходимости безотлагательной постройки Амурской железной дороги» П.Ф. Унтербергер вновь писал об угрожающем сплочении и усилении желтой расы: «Короче говоря, закладывается прочный фундамент просветительно-политического единения желтой расы на материке Азии вообще и в Маньчжурии и Корее в особенности»[90]. По его мнению, это создает угрозу не только российскому побережью Тихого океана, но всему Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

Даже С.Ю. Витте, который, как уже отмечалось, скептически отнесся к сооружению железной дороги, подвергся воздействию синдрома

---

[87] *Менгден О.Ф.* Желтая опасность или эмиграция китайцев и влияние, оказываемое ею на белую и желтую расу. СПб., 1906; *Клеменц Д.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1907. № 7; Желтый вопрос на Дальнем Востоке // Сибирские вопросы. 1909. № 49–50. С. 15–26; Желтый вопрос в Приамурье. Историко-статистический очерк. СПб., 1910; *Меркулов С.Д.* Желтый труд и меры борьбы с наплывом желтой расы в Приамурье // Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. III. Владивосток, 1911; *Панов А.А.* Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11; *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912 и др.

[88] *Фетисова Л.Е.* «Желтый вопрос» на страницах дальневосточных газет в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 396–401.

[89] АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 471. Л. 188.

[90] Записка П.Ф. Унтербергера (14 июля 1906 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 77.

«желтой опасности». Однако Амурская железная дорога в его рассуждениях представала своего рода магнитом, привлекающим китайцев в наши дальневосточные владения[91]. Подобных позиций придерживался и давний оппонент Витте Д.И. Пихно, выступавший от правой группы Государственного совета против строительства железной дороги, создающей «новую приманку» для китайцев. «Мы держимся того мнения, – заявил он, – что быстрое сооружение железной дороги создаст такое просачивание в сильной степени, и это совершенно естественно, потому что мы там находимся в области желтой расы»[92]. Для того чтобы отгородиться от «желтой волны», заявлял в Государственном совете М.А. Стахович, надо «утоптать крепкую плотину, а плотину можно утоптать колонизацией»[93]. Таким образом, синдром «желтой опасности» стал существенным аргументом в процессе выработки правительственного курса на Дальнем Востоке.

Действительно, «желтый вопрос» в Приамурье частично был спровоцирован самой Россией, вернее, спецификой присоединения этих территорий к империи. Китайское переселение на амурские земли и в Маньчжурию усилилось, как это ни парадоксально, с появлением русских. В значительной степени именно действия России сделали эти земли привлекательными для заселения и китайцами, и корейцами; освоение Приамурья и Приморья, устройство здесь городов, развитие промышленности, строительство дорог и военных объектов – все это потребовало большого количества рабочих рук. И эти дешевые рабочие руки нашлись в Китае и Корее, откуда движимые поиском дополнительных заработков потянулись мигранты. К тому же само китайское правительство начинает понимать важность создания заслона из земледельческого населения от дальнейшей экспансии со стороны Российской империи путем заселения Северной Маньчжурии.

После Русско-японской войны приток китайских мигрантов усилился и на российский Дальний Восток, куда, по данным Амурской экспедиции, с 1906 по 1910 гг. прибыло около 550 тыс. китайцев. И хотя это были в основном сезонные рабочие, большинство из которых возвращались на родину, значительная их часть (до 150 тыс. за этот период) оставалась в России на более длительный срок. К 1913 г., даже по приблизительным подсчетам, китайцы и корейцы составляли в Амурской области 12% насе-

---

[91] *Витте С.Ю.* Некоторые замечания по поводу недостаточности данных о сооружении Амурской железной дороги // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 470. Л. 213.

[92] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1414.

[93] Там же. Заседание 31 мая 1908 г. С. 1508.

ления, а в Приморской – 16%[94]. Ситуация осложнялась тем, что местные власти не смогли не только наладить контроль за державшимися своими общинами китайцами, но и организовать их учет. Причем спрос на дешевый китайский труд продолжал расти, и, как отмечал в 1911 г. Л.М. Болховитинов, «не пропорционально приливу русских, а, как мы видим, втрое быстрее». В этих условиях необходимы были экстренные меры, чтобы остановить этот поток, который, писал он, и есть та самая «желтая опасность», о которой надо постоянно напоминать[95].

В этих условиях приамурская администрация была готова даже замедлить хозяйственное развитие края, лишь бы выиграть время для его колонизации землевладельцами, надежными «для русской государственности на Дальнем Востоке»[96], и создать условия для расширения сферы применения русского труда. П.Ф. Унтербергер, возглавлявший приамурскую администрацию в 1906-1911 гг., заявлял, что он предпочел бы иметь «пустопорожние пространства, чем занятые желтым элементом[97]. Ожидать же сколько-нибудь успешной ассимиляции русскими китайцев и корейцев, считал он, вряд ли приходится. Даже корейцы, которые могли бы стать верными союзниками русских против японцев, не внушали ему доверия в силу их общих с ними азиатских корней. Более того, корейцы, «оседающие на землю», казались ему опаснее приходивших на временные заработки китайцев.

Совет министров в 1908 г. заключил по этому вопросу: «Польза же, в экономическом смысле, от развития корейскими колонистами в крае сельскохозяйственной культуры и разработки ранее пустовавших земель несравнима с тем вредом, который они приносят, способствуя деморализации и нравственному и физическому ослаблению местного русского населения. Нельзя также упускать из виду, что разбросанная по нашей пограничной территории корейская масса представляется весьма удоб-

---

[94] *Волохова А.А.* Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 111. Своего максимума китайское население достигло на российском Дальнем Востоке в 1910 г. (98 149 человек), а затем начинается процесс его некоторого уменьшения. – *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 155-156.

[95] *Болховитинов Л.М.* Колонизация Дальнего Востока // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 370; см. также: *Дятлов В.И.* «Желтый труд» в общественно-политических дискуссиях дореволюционной России // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 1999. Вып. 2. С. 152–160.

[96] Заключение канцелярии приамурского генерал-губернатора по вопросу о китайских и корейских рабочих // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 172.

[97] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 86. «Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский. Правда, это произойдет, может быть, и через сто лет, но по крайней мере у меня не будет на душе, что я дал расхитить русскую землю», – писал он. – Цит. по: *Ларин А.Г.* Китайцы в России. М., 2000. С. 33.

ной средой для организации шпионства нашими азиатскими противниками»[98]. Нужно, настаивал П.Ф. Унтербергер, «как можно скорей создать на Дальнем Востоке крепкий, однородный и дружный славянский оплот против могущих быть выступлений желтой расы»[99].

Но рост русского населения не означал автоматического сокращения притока китайских мигрантов. Русский рабочий, признавал П.Ф. Унтербергер, не способен конкурировать с китайским и корейским, и поэтому рассчитывать на естественное вытеснение желтого труда русским не приходится. Приамурский генерал-губернатор был готов жертвовать экономическими интересами российских золотопромышленников, лишь бы избавить край от нескольких тысяч «желтых». В довольно резких формулировках он писал: «Взгляд на желтый вопрос должен быть категорически установлен и не может зависеть от личных воззрений меняющегося состава главной местной администрации. Край нами занят не для колонизации его желтыми, а для того, чтобы его сделать русским. Но тогда все должно быть направлено к тому, чтобы облегчить оседание в нем русских элементов и устранять желтую конкуренцию»[100].

Таким заслоном нежелательному притоку на Дальний Восток России китайцев и других иностранцев должен был стать иммиграционный закон от 21 июня 1910 г., закрепивший права приамурского генерал-губернатора облагать китайцев и корейцев особым сбором, а также ограничивать найм иностранных рабочих на золотые прииски и аренду иностранцами казенных земель[101]. Совет министров уже с 1909 г. разрешил приамурской администрации запрещать всем посторонним лицам доступ в районы, прилегающие к сооружениям военного и морского ведомств[102]. Однако закон 1910 г. не остановил притока мигрантов из Китая и Кореи. Казаки и крестьяне продолжали сдавать земли в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче закрепления Приамурья за Россией. Отрицательное воздействие на местное население признавалось и за китайской торговлей[103].

---

[98] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. М., 1988. Ч. II. С. 427.

[99] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 83.

[100] Там же. С. 419.

[101] Об истории разработки и принятия иммиграционного закона 1910 г. см.: *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 158–162.

[102] Особый журнал Совета министров (18 апр. 1909 г.) // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 136.

[103] *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. С. 144–190.

Приамурская администрация считала, что принятых мер явно недостаточно, они не в состоянии остановить китайскую миграцию. По инициативе генерал-губернатора Н.Л. Гондатти МВД подготовило к 1912 г. проект нового иммиграционного закона, призванного ужесточить меры контроля за иностранцами на Дальнем Востоке и в Забайкалье[104]. Но проект натолкнулся на противодействие МИДа, который не без основания сомневался в осуществимости намеченных мер, что при значительных затратах приведет лишь к произволу местных чиновников и к тому же повредит международному престижу России в регионе. Несмотря на то, что позицию МВД активно поддерживали главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин, МИД был непреклонен и упорно отказывался видеть в китайской миграции серьезную политическую опасность. Российское внешнеполитическое ведомство продолжало выступать за более терпимую политику в привлечении на Дальний Восток иностранной рабочей силы. В своей аргументации оно напоминало об опыте Америки, которая стала богатой только потому, что совершенно не разбиралась, откуда идут деньги и кто будет работать. Поэтому нужен закон, который бы не запрещал «желтый труд», а исключал вредные последствия его использования для «белого труда»[105]. Однако Гондатти продолжал убеждать правительство в том, что иммиграция китайцев будет приносить России только вред[106].

В полемике по поводу «желтой опасности» сошлись военно-стратегические опасения положения на Дальнем Востоке с общей тенденцией столыпинской национальной политики. Как отмечал один из чиновников Переселенческого управления и канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока А.А. Татищев, общая тенденция усиления узкого национализма явно сказывалась и на дальневосточной политике, подогреваемая борьбой с финляндским сепаратизмом и начинавшейся кампанией борьбы с так называемым немецким засилием[107]. Действительно, вспоминал он, провозглашенный в эпоху Столыпина лозунг «Россия для русских» принимал в то время на Дальнем Востоке несколько уродливые формы, когда повели борьбу не только против годами укоренившейся в Приамурье земельной аренды китайцами, но и против их использования в качестве сельскохозяйственных рабочих.

---

[104] *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Указ. соч. С. 163–167.

[105] Проект письма министра иностранных дел – министру внутренних дел (20 апр. 1913 г.) – АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 471. Л. 571–572.

[106] Н.Л. Гондатти – председателю Совета министров И.Л. Горемыкину (4 апр. 1914 г.) // «Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры» // Источник. 1997. № 1. С. 70.

[107] *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 86.

С началом Первой мировой войны вопрос несколько утратил свою остроту, российские предприятия теперь особо нуждались в дешевом «желтом труде», и китайских рабочих стали нанимать даже на предприятия Европейской России[108]. Хотя в правительстве все еще пытались сдержать натиск китайской рабочей силы на линии западнее Урала, в 1915–1916 гг. было принято решение об использовании китайцев на всей территории империи, кроме районов военных действий[109].

Серьезные противоречия во взглядах на настоящее и будущее Дальнего Востока обнаружились и в затянувшейся полемике по поводу порто-франко, втянувшей в дискуссию не только центральные и местные власти, но и широкие слои общественности, представлявшие разные торгово-промышленные и партийные интересы[110]. В этих спорах также было много политической риторики, отражавшей разные политические и управленческие подходы к Дальнему Востоку, несовпадение экономических интересов центра и региона. Выступая против порто-франко, газета «Новое время» писала о пугающем засилии на Дальнем Востоке России иностранного капитала и «желтого труда». В ней заявлялось, что в сохранении режима свободной торговли заинтересованы только иностранцы и связанные с ними местные предприниматели и общественные деятели. Осуждалась и позиция приамурской администрации во главе с П.Ф. Унтербергером, выступившей на стороне «порто-франкистов». Вспомнили и об «оскудевающем центре», и о богатеющей окраине, высасывающей из него соки, и о том, что Дальний Восток становится «еще менее русским, чем полвека назад»[111].

Инициативу новой отмены восстановленного в 1904 г. порто-франко на этот раз взяло на себя Министерство торговли и промышленности (МТиП). Оно настаивало преимущественно на политическом значении этой акции при изменившихся внешних обстоятельствах на Дальнем Востоке: «При таких грозных условиях политического мира, – отмечалось в министерском представлении в Совет министров, – Россия вынуждена возможно скорее укрепить свои связи с Приамурским краем, спаять его с внутренними частями империи и во что бы то ни стало отстоять его от мирного захвата иностранной промышленностью, по пятам которого обыкновенно идет и политическое завоевание страны. Не-

---

[108] *Волохова А.А.* Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 110–113; *Ларин А.Г.* Китайцы в России. М., 2000. С. 41–46.

[109] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. СПб., 1999. С. 20, 158; *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Указ. соч. С. 167–170.

[110] *Новиков Д.Е.* Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906–1914 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 122–123.

[111] *Н-ов Я.* Дальний Восток и наша окраинная политика. II. Порто-франко и его защитники // Новое время. 1908. 22 ноября (5 дек.).

обходимо, чтобы Приамурский край жил единой жизнью с Империей, чтобы, так сказать, восстановилось его общее с коренной Россией экономическое кровообращение...»[112].

Однако в Совете министров добиться единодушия не удалось. В защиту сохранения свободного режима торговли выступили государственный контролер П.Х Шванебах, министр иностранных дел А.П. Извольский, министр путей сообщения Н.К. Шауфус, главноуправляющий ГУЗиЗ князь Б.А. Васильчиков, а также приглашенный на заседание бывший приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Не забывая своих ведомственных интересов, сторонники свободной торговли указывали на то, что одной военной силой Приамурский край удержан быть не может, нужна его усиленная колонизация, препятствием которой может стать повышение цен на главные жизненные предметы, вызванное таможенным обложением. Они были готовы пойти даже на установление таможенной границы вдоль Байкала и введение особых «боевых железнодорожных тарифов» при движении грузов с востока на запад. Пошлины на иностранные товары, подчеркивалось в их мнении, вряд ли совместимы с государственными интересами, так как это станет слишком большим бременем для местного населения ради покровительства промышленности Европейской России, т.е. «московских, лодзинских и иных фабрикантов». А.П. Извольский при этом добавил, что отмена порто-франко негативно скажется на международных отношениях и будет встречена недружелюбно другими государствами.

Парируя доводы своих оппонентов, министр торговли и промышленности Д.А. Философов, а также поддержавшие его председатель Совета министров П.А. Столыпин, министр финансов В.Н. Коковцов, морской министр А.А. Бирилев, министр юстиции И.Г. Щегловитов и министр народного просвещения П.М. Кауфман, со ссылкой на опыт Германской империи, а также опыт российской политики в Польше, напомнили, что общность таможенной политики является мощным рычагом государственного единства. Сохранив же порто-франко в Приамурском крае, мы «своими руками облегчим экономическое его завоевание иностранцами, в особенности японцами»[113]. Вместо того чтобы направить все силы на сплочение дальневосточной окраины с империей, защитники свободной торговли предлагают, напротив, отделить Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области таможенной чертой, обособляя ее в экономическом отношении от остальной России. Словно

---

[112] Из Особого журнала Совета министров от 21 ноября 1906 г. и 3 января 1907 г. «По вопросу о восстановлении таможенного обложения ввозимых в пределы Приамурского края иностранных товаров» // Порто-франко на Дальнем Востоке: Сборник документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 232.

[113] Там же. С. 237.

забыв о существовании с 1893 г. особого железнодорожного тарифа для Сибири[114], большинство членов Совета министров демонстративно заявили о необходимости укрепления «единой и неделимой России» и «не разъединять интересы окраин с интересами метрополии, а объединять их в общей государственной жизни, постепенно претворяя все части страны в единый государственный организм»[115]. Напомнили они и об интересах русской промышленности, которая нуждается здесь в особом покровительстве (что делают и другие государства), и Россия, «став на путь протекционизма, не должна без крайних к тому оснований допускать исключений для отдельных местностей Империи»[116]. При этом отметались все возражения, что таможенная охрана будет неэффективной, а установление пошлин на иностранные товары окажет сдерживающее влияние на крестьянское переселение.

Сознавая, что в Государственной думе ликвидация дальневосточного порто-франко натолкнется на сопротивление депутатов, В.Н. Коковцов предложил обойти законодательные учреждения, представив эту меру как восстановление силы закона 1 июня 1900 г. и отмену указа 1 мая 1904 г., как изданного временно во время войны в порядке верховного управления. Однако бюрократическая казуистика министра финансов не была одобрена его коллегами, и проект был направлен в общем законодательном порядке на рассмотрение Государственной думы и Государственного совета. Там отмену дальневосточного порто-франко активно поддержали лишь октябристы и правые.

Член Государственного совета, видный предприниматель, активный член партии октябристов Г.А. Крестовников в своих выступлениях в Государственном совете по дальневосточным вопросам выделил объединяющую их цель: удержание за Россией дальневосточных территорий, поэтому ни проблема порто-франко, ни Амурская железная дорога не являются самостоятельными задачами политики, они лишь средство «закрепить за Россией этот край, удержать его в русских руках», установить «общее экономическое кровообращение». «В настоящее время край

---

[114] В 1911 г. Челябинский тариф был снижен на 40 % , в 1912 г. – на 70 % , а с 1 августа 1913 г. отменен. – *Пронин В.И.* Вывозная хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 74-82; см. также: *Китанина Т.М.* Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С.Ю. Витте. (К оценке Челябинского тарифа) // Проблема крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; *Тюкавкин В.Г.* Программа С.Ю. Витте по экономическому освоению Севера за счет сибирского крестьянства (Еще раз об оценке Челябинского тарифного перелома) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988.

[115] Из Особого журнала Совета министров от 21 ноября 1906 г. и 3 января 1907 г. «По вопросу о восстановлении таможенного обложения ввозимых в пределы Приамурского края иностранных товаров» // Порто-франко на Дальнем Востоке... С. 237.

[116] Там же. С. 241.

этот только географически принадлежит нам, – доказывал он, – мы этот край содержим, мы его охраняем, мы на него тратим ежегодно массу денег, но край этот эксплуатируется не нами, пользуемся им не мы – пользуются иностранцы»[117]. Экономическая потеря края будет означать и его потерю политическую, и одними военными мерами здесь мало чего добьешься. «Я позволю себе охарактеризовать положение так, – разъяснял Крестовников 14 января 1909 г., – если у нас на Дальнем Востоке будут пушки, будут заряды, будет порох, будет войско, а муки не будет – воевать нельзя, защищать край нельзя. Учреждение мукомольного дела на своей земле, в своем государстве – это есть дело такой же необходимости, как учреждение всех других оборонительных средств государства»[118].

Только после долгих дебатов законом 16 января 1909 г. дальневосточное порто-франко было отменено, восстановив таможенный режим в российских портах южнее устья Амура[119]. При этом сохранялось право беспошлинной торговли между российскими и китайскими подданными в 50-верстной полосе по обе стороны от сухопутной границы. Ограничения здесь последовали с 1 января 1913 г., после отмены некоторых статей Петербургского договора 1881 г. Режим свободной торговли (с некоторыми изъятиями) сохранялся для Охотско-Камчатского края и Сахалина. Кроме того, были освобождены от таможенного обложения иностранные товары, включенные в особый список: продукты животноводства, зерно, строительные материалы, металл и т.д.

24 марта 1909 г. на заседании Совета министров с приглашением приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера рассматривался комплекс мер по противодействию иностранному влиянию на северо-востоке российского Дальнего Востока. Наряду с поддержкой отечественного предпринимательства необходимо было усовершенствовать здесь систему коммуникаций (регулярное пароходное сообщение, устройство телеграфа) и усилить охрану морскими судами побережья Охотского и Берингова морей. На этом же заседании была поставлена по-

---

[117] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1422; Сессия IV. СПб., 1909. Заседание 14 января 1909 г. С. 581.

[118] Там же. С. 611.

[119] Закон от 16 января 1909 г. о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства... // Порто-франко на Дальнем Востоке... С. 249–255; см. также: Принятие Государственной думой законопроекта о закрытии приамурского порто-франко // Сибирские вопросы. 1908. № 43-44; *Родионов Ю.П.* Аргументы сибирских депутатов III Государственной Думы в защиту порто-франко на Дальнем Востоке // Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997. С. 124–129; *Яковлева О.А.* Проблема отмены системы порто-франко на Дальнем Востоке России (1907–1917 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 1. Благовещенск, 2001. С. 542–547.

следняя точка в деятельности Северо-Восточного общества, «вредного для русских интересов как в экономическом, так и в политическом отношениях»[120]. Было решено принять экстренные меры по усилению контроля за ним и не возобновлять с 1910 г. договора аренды. 18 апреля 1909 г. Совет министров рассмотрел комплекс предложений, направленных на развитие пароходного сообщения и телеграфных линий в Приамурском крае, устройство крестьянского управления на Сахалине, усиление полиции во Владивостоке, обустройство Владивостокского порта, организацию окружного суда в Петропавловске и др. Особое внимание вновь было уделено проблеме иностранного засилья в северных уездах Приморской области, а также дополнительным мерам «против наплыва китайцев и корейцев»[121]. В целом приамурская администрация заняла жесткую позицию в отношении иностранного присутствия в Приамурском крае, настаивая, например, на запрете иностранцам (прежде всего японцам) проживать в северных уездах, а также закрытии почти всех российских северо-тихоокеанских портов (кроме Петропавловска на Камчатке и поста Александровского на Сахалине) для иностранных судов. Хотя для северных уездов и Сахалина сохранялся режим беспошлинной торговли, но и там с 1910 г. начали строить таможни.

Усиленное правительственное внимание к дальневосточному региону дало свои плоды. С конца XIX в. и вплоть до Первой мировой войны правительство потратило огромные средства на строительство крепостей, портовых сооружений, железных дорог, обслуживающих мастерских, станций, выросла численность войск, дислоцированных в крае, усложнилась административная система. Это обеспечило увеличение притока казенных средств в край, привело к ускоренному росту городов, появлению новых видов местной промышленности, развитию земледелия и торговли[122]. Быстро увеличивалось население областей российского Дальнего Востока: за 1901–1916 гг. в край переселилось 287 тыс. человек. Если в 1907 г. здесь проживало 520 тыс. человек, то в 1913 г. – уже более 900 тыс. Были построены Амурская колесная (1909 г.) и Амурская железная (1916 г.) дороги. Протяженность железных дорог (без КВЖД) выросла с 1 910 верст в 1900 г. до 4 580 верст в 1916 г., а грунтовых дорог в 1914 г. составила почти 5 тыс. верст. Грузооборот главного дальневосточного порта Владивостока вырос за 1906–1913 гг. в 3,4 раза и достиг 89,7 млн пудов. Пессимистический прогноз

---

[120] Особый журнал Совета министров 24 марта 1909 г. «Об усилении правительственного надзора на Чукотском полуострове и о деятельности Северо-Восточного Сибирского общества» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 111–114.

[121] Особый журнал Совета министров 18 апреля 1909 г. // Там же. С. 135–144.

[122] *Куртеев К.К.* Экономическая проблема Приамурья. Владивосток, 1921. С. 4.

об отрицательном воздействии отмены порто-франко не оправдался, за период 1909–1913 гг. рост товарооборота составил 59%, при этом доля ввоза уменьшилась с 82 до 76 %. В 1913 г. доля иностранного импорта на русский Дальний Восток составила всего 24,5%[123], хотя все еще считалось, что Приамурье не в состоянии прожить без маньчжурского хлеба и дешевого китайского труда[124]. Добыча каменного угля с 1905 по 1916 гг. возросла с 11,9 млн пудов до 62,17 млн пудов (в 5,2 раза), золота – с 607 млн пудов в 1905 г. до 636 млн пудов в 1913 г., добыча полиметаллических руд составила: 1,8 млн пудов железных руд, 1,6 млн пудов цинковых и 0,8 млн пудов медных[125]. С 1909 по 1914 гг. ежегодные государственные расходы на оборону и развитие Дальнего Востока возросли с 55 млн до 105 млн руб.[126] Сверх этого только затраты на сооружение Амурской железной дороги оценивались в 264,4 млн руб.[127]

Изменившаяся политическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе после неудачной для России Русско-японской войны, появление высших представительных органов (Государственной думы и Государственного совета), рост активности дальневосточных органов общественного самоуправления и предпринимательских организаций (прежде всего городских дум и биржевых комитетов), расширение свободы прессы – все это создало ряд новых факторов, существенно повлиявших на выработку правительственного курса. В правительственных и общественных дебатах «образ» Дальнего Востока существенно трансформировался. Регион в результате роста общественного внимания, вызванного железнодорожным строительством, Русско-японской войной и массовой колонизацией, вышел из состояния длительного забвения. О нем теперь вспоминали не только политики и ученые, он стал серьезным фактором общественно-политической жизни всей России. Дальний Восток стал ближе коренной России не только в результате постройки железных дорог (Сибирской и Амурской), телеграфных линий и развития морских коммуникаций, но, главное, вследствие того, что протянулись многочисленные невидимые нити, связавшие переселившееся на Амур и Уссури русское население с местами его выхода. Выросшая только за счет переселенцев из Европейской России и Сибири численность русских Дальне-

---

[123] *Галлямова Л.И.* Экономическое развитие Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 201–202; см. также: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. С. С. 309–327.

[124] *Рыкачев А.* Русское дело в Маньчжурии // Русская мысль. 1910. № 8. С. 126.

[125] История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 309–314.

[126] *Новиков Д.Е.* Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906–1914 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 123.

[127] *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск. 1996. С. 259.

го Востока упрочила положение окраины в империи. Если в 1906 г. русские составляли в крае 75,98%, то к 1914 г. их удельный вес достиг 81,88% (при общей численности населения в 950 тыс. человек)[128]. Все это создало солидный запас прочности, который позволил российскому Дальнему Востоку пережить испытания революцией, гражданской войной и интервенцией и сохраниться в составе единого государства.

[128] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 153.

5.2. Проблема единства региональной власти. Комитет по заселению Дальнего Востока и Амурская экспедиция

«Накануне нового монгольского нашествия на Руси расцвела распря новых удельных княжеств, и, кажется, нигде не расцвела так пышно, как на Дальнем Востоке; здесь ведомства есть, но государственной власти, но России – здесь нет».

Князь А.М. Волконский[1]

Намечаемое строительство Амурской железной дороги и планы по ускоренной колонизации Дальнего Востока вновь выдвинули на повестку дня вопрос о координации действий ведомств как в центре, так и в регионе. В начале мая 1906 г. председатель только что открывшейся Государственной думы С.А. Муромцев в беседе с военным министром А.Ф. Редигером выражал готовность поддержать «твердую программу» по Дальнему Востоку[2]. Нужно было уйти от ведомственной односторонности в прогнозировании освоения российского Дальнего Востока, подойти комплексно к решаемым там правительственным задачам. Приамурский чиновник и редактор газеты «Дальний Восток» А.А. Панов перед лицом «грядущего монгольского ига» призывал разработать программу дальневосточной политики, привлекая к ее составлению и местные общественные силы[3]. Со страниц газеты «Новое время» полковник Генерального штаба князь А.М. Волконский призывал подчинить все правительственные действия на Дальнем Востоке одной стратегической задаче: «оборонять, удержать эту землю во что бы то ни стало ценою усилий всего государства». Поэтому строительство путей сообщения, переселение крестьян, сооружение оборонительных объектов должны быть направлены к одной цели и осуществляться по единому плану. Даже земледельческая колонизация обязана идти в военно-стратегических интересах, не останавливаясь перед возможными потерями: «переселение народов, как и война, без жертв не бывает; потом и кровью, а не сентиментальностью строились государства, и если мы хотим иметь достойное будущее, то первая мысль наша должна быть не о «младшем бра-

---

[1] *Волконский А.М.* Где выход? // Новое время. 1910. 6 (19) окт.

[2] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 50.

[3] *Панов А.А.* Грядущее монгольское иго. Открытое письмо народным представителям. СПб., 1906. С. 48.

те», а о «великой матери» – России»[4]. Дислокация войск, размещение военных заводов, искусственно создаваемые исходя из военных потребностей города – все это должно определять экономическую жизнь края.

В 1908 г. поползли слухи о возрождении наместничества, в состав которого, помимо дальневосточных областей, войдут и губернии Восточной Сибири[5]. В своем проекте децентрализации России П.А. Столыпин предусматривал разделение России на 11 областей. Восточная Сибирь и Дальний Восток, наряду с Туркестаном, оставались за пределами этого деления. Очевидно, именно к ним относилось замечание о необходимости «перевода некоторых местностей на положение колоний с выделением их из общего строя Империи»[6]. А.И. Гучков рассказывал историку Н.А. Базили, что, не зная, как отделаться от П.А. Столыпина, планировали создать для него наместничество в Восточной Сибири[7].

Ссылаясь на опыт восстановленного в 1905 г. Кавказского наместничества, либеральное «Утро России» призывало сделать то же и на Дальнем Востоке: «Будущее дальневосточное наместничество могло бы объединить власть на местах – положить конец печальной ведомственной розни. <...> Влияние наместника, наконец, могло бы ускорить темп прохождения в Петербурге новых законов для Дальнего Востока»[8]. Недостаточной власть приамурского генерал-губернатора признавал и А.Н. Куропаткин. В 1910 г. в книге «Задачи русской армии» он предлагал в виде временной меры наделить приамурского генерал-губернатора особыми правами и объединить в его руках деятельность местных учреждений пяти министерств (военного, внутренних дел, земледелия, путей сообщения и финансов)[9].

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, перечисляя ведомства, действовавшие на территории российского Дальнего Востока, в свою очередь отмечал, что они «функционировали самостоятельно, в прямой зависимости от центральных своих управлений и только косвенно находились в большей или меньшей зависимости от генерал-губернатора и командующего войсками»[10]. Это вело к постоянным меж-

---

[4] *Волконский А.М.* Где выход? // Новое время. 1910. 6 (19) окт.

[5] *R.* К слухам о наместничестве // Сибирские вопросы. 1908. № 41/42. С. 47–53.

[6] *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 122–123.

[7] Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 83. Представитель позднего славянофильства С.Ф. Шарапов среди 12-ти «коренных русских областей» называл зауральские области с главными городами за Уралом: Омском, Томском, Иркутском и Владивостоком. – Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 427.

[8] Дальневосточное наместничество // Утро России. 1913. 8 авг.

[9] *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. III. С. 360.

[10] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 404.

ведомственным трениям и несогласованности в управлении. Отсутствие объединяющего органа, обладающего достаточными полномочиями, привело к несогласованности в действиях строительных организаций, вредно отражалось на замене китайских рабочих русскими[11]. Министерство финансов, со времен С.Ю. Витте занимавшее особое положение в дальневосточных делах, продолжало активно участвовать в определении политического курса, сохраняя свои позиции в Маньчжурии, где в его ведении фактически остались КВЖД и корпус пограничной стражи Заамурского округа.

По поручению Николая II именно министр финансов В.Н. Коковцов после войны первым направился осенью 1909 г. на Дальний Восток, чтобы лично убедиться в сложившемся там положении. Поводом к поездке стали разногласия Министерства финансов с Военным министерством по поводу финансирования строительных работ во Владивостокской крепости[12]. Весной 1911 г. в регион совершил визит и военный министр В.А. Сухомлинов. Однако личное знакомство министров с положением дел в крае не привело к большей согласованности в их действиях, а противостояние Военного министерства и Министерства финансов только усилилось, усугубляя непоследовательность правительственного курса. Сухомлинов вспоминал, что между ним и Коковцовым пробежала черная кошка после того, как он «ополчился» против отчета, представленного царю министром финансов о поездке на Дальний Восток[13]. Если Министерство финансов и МИД успокаивали правительство и местные дальневосточные власти, что японская угроза миновала, и призывали заняться организационной работой, то военные ведомства продолжали бить тревогу и требовать чрезвычайных расходов на оборону.

Масла в огонь подливала традиционная борьба между Министерством финансов и Министерством путей сообщения, каждое из которых имело свои права на железные дороги и пароходы на Дальнем Востоке. Хабаровская газета «Приамурье» с иронией писала о том, что министр путей сообщения во время своей поездки на Дальний Восток старался не делать остановок в Маньчжурии и «даже пореже глядеть из окна своего салон-вагона на проезжаемую им Китайско-Восточную железную дорогу», дабы не обидеть министра финансов за непрошенный контроль[14].

Строительство колесных дорог сосредоточивалось в руках даже трех ведомств: Переселенческого управления ГУЗиЗ, Военного мини-

---

[11] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 373, 376, 382.

[12] Особый журнал Совета министров 28 ноября 1909 г. «По всеподданнейшему докладу министра финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 г.» («Совершенно секретно») // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 544.

[13] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 218.

[14] Приамурье. 1911. 13 сент.

стерства и МВД. Правительство давало особые субсидии Амурскому обществу пароходства и торговли для перевозки почтовых грузов, а Переселенческое управление в своих целях вынуждено было содержать суда. Не было единой системы и в пароходстве по морским линиям, что существенно ограничивало возможности регулярного сообщения с северными уездами. Владивостокский порт продолжал оставаться в управлении города, гражданских, военных и морских ведомств. Для проверки действий местной администрации в Приамурский край прибыл сенатор Глищинский. Однако это не улучшило ситуацию, а только, как считали негативно настроенные по отношению ко всякому вмешательству из центра окраинные генерал-губернаторы, отвлекло местных должностных лиц от их обязанностей, привело к безосновательным обвинениям и жалобам, ослабило инициативу и самодеятельность чиновников, которые стали больше заботиться о формальностях, нежели о деле. «В Приамурском крае такое отношение к своим обязанностям, – разъяснял П.Ф. Унтербергер, – будет тем более вредным, что там, при не сложившейся еще в определенные рамки жизни, носящей колониальный характер, не раз приходится отступать от формы без всяких корыстных целей, а лишь в интересах самого дела»[15].

В условиях, когда правительство вновь обратило свое внимание на Дальний Восток, вполне назрел вопрос, считал П.Ф. Унтербергер, установления программы, которой должны следовать в дальневосточных делах все министерства: «Созидательная и планомерная работа в наших владениях по Тихоокеанскому побережью может идти успешно только при таких условиях, если она будет направляться объединенною властью и срочно выполняющею определенную программу, в которой согласованы интересы всех отдельных ведомств»[16]. Эта программа дала бы «путеводную нить» и преемственность в действиях при смене генерал-губернаторов и губернаторов. Финансирование программы должно быть подвергнуто рассмотрению в особом экспертном совещании, а затем, предлагал Унтербергер, обсуждено и утверждено Советом министров. После этого все должны строго придерживаться принятой программы. Кроме того, ввиду неотложности и спешности дальневосточных дел необходимо решать их в правительственных и законодательных учреждениях «вне очереди».

Для рассмотрения предложений П.Ф. Унтербергера 24 марта 1909 г. Совет министров под председательством товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского создал межведомственное совещание, которое заседало 2 и 6 апреля 1909 г. Помимо представителей от министерств и главных управлений на этих заседаниях принимал участие и

---

[15] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 383.

[16] Там же. С. 427.

приамурский генерал-губернатор[17]. На совещании была сформулирована главная декларация, которая затем легла в основу всех последующих правительственных дебатов: «...Намеченные преобразования касаются окраины, являющейся нашей отдаленной колонией, которая долгое время оставалась заброшенной и в значительной своей части представляет страну совершенно пустынную, хотя и наделенную огромными природными богатствами. Чтобы отстоять ее от захвата иностранцами и двинуть вперед ее культуру, необходимы, как доказывает колониальный опыт государств Западной Европы и Америки, широкая административная организация, предоставление местным деятелям достаточных полномочий и средств и привлечение лучших, отборных людей, способных к творческой пионерской работе. Только при этих условиях возможно, по мнению совещания, ожидать плодотворных результатов и возмещения делаемых затрат»[18].

На совещании было отмечено, что должны измениться и отношения генерал-губернатора с местными ведомственными органами. Генерал-губернатор в случае разногласия с ними обязан обладать преимуществом как лицо, более осведомленное в общих интересах, преследуемых правительством на окраине империи. «Из этого вытекает, – уточнял Унтербергер, – что голосу генерал-губернатора по всем вопросам края должно быть дано веское значение, и представления его без особо основательных причин не должны быть отклоняемы или изменяемы в существенной своей части»[19]. Только независимое положение генерал-губернатора даст возможность ему высказывать и отстаивать свои взгляды по всем вопросам, касающимся дальневосточной политики. В случае разногласий с центральными ведомствами генерал-губернатор должен быть готов взять на себя всю ответственность или уйти в отставку. Глава местной администрации должен иметь и более широкие финансовые возможности. Хотя отпускаемые на непредвиденные расходы средства составляли всего 24,5 тыс. руб. в год, из них почти 10 тыс. руб. предназначалось на покрытие определенных заранее затрат. Генерал-губернатору, указывал Унтеребергер, помимо всего должно принадлежать право выбора кандидатов на губернаторские посты в крае. Это должны быть его доверенные лица, «вполне солидарные с проводимой им общей внутренней политикой и дружно работающие с ним в проведении его предположений по всем отраслям народной жизни»[20].

---

[17] Журнал образованного при МВД особого совещания по рассмотрению вопросов, возбужденных приамурским генерал-губернатором. Б.м. [1909].

[18] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 60.

[19] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 408.

[20] Там же. С. 414.

При столь обширных полномочиях нужно с особой тщательностью подходить к выбору кандидатов на генерал-губернаторский пост, отмечал П.Ф. Унтербергер, отдавая приоритет тому, кто ранее уже служил в крае и будет способен быстрее войти в курс дел. И хотя генерал-губернаторская должность в Приамурском крае по существу уже стала гражданской, он не хотел исключать из числа претендентов военных, обладавших административным опытом. Более того, подчеркивал Унтербергер: «Для окраин с колониальным характером это имеет еще то значение, что придает лицу большую авторитетность и престиж власти в среде народа»[21]. Должность генерал-губернатора должна быть соединена с должностью командующего войсками Приамурского военного округа, как это принято и в других колониальных странах, потому что дает большие возможности для согласования гражданских и военных мер, особенно в столь важном со стратегической точки зрения деле заселения края «русским элементом». Но это не обязательно должен быть строевой генерал, продолжал Унтербергер, будучи сам военным инженером, так как на долю командующего войсками в мирное время выпадают главным образом заботы организационного характера по размещению, снабжению и обучению войск, сооружению военных укреплений и путей сообщения. Значительные познания потребуются ему в международных делах, стратегии и военной администрации, хотя он не подвергал сомнению важность умения командовать крупными воинскими соединениями, особенно «в составе всех трех родов оружия». Указывал Унтербергер и на необходимость большей координации в управлении Приамурским и Иркутским военными округами, для чего предлагал уже в мирное время назначить для них общего главнокомандующего.

Министерство финансов, которое в предвоенный период, как уже отмечалось, занимало одно из лидирующих позиций в регионе, не собиралось и впредь его терять. В.Н. Коковцов в письме к председателю Совета министров П.А. Столыпину 21 июня 1908 г. также сетовал, что «в настоящее время в наших владениях на Дальнем Востоке нет специального органа, на который можно было бы возложить» наблюдение за реализацией комплексной программы, направленной на оживление края. Имеющиеся в крае учреждения Министерства финансов (Амурская казенная палата, акцизное управление Амурской и Приморской областей, ревизор Амурско-Приморского и инспектор Заамурского таможенного районов, отделения Государственного банка) или учреждения ГУЗиЗ (управление государственными имуществами, переселенческие чиновники), считал министр финансов, и без того загружены своими узкоспециальными функциями, обременены текущими делами, чтобы им можно было поручить какие-либо обязанности общего характера. Поэтому

[21] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 409.

министр счел нужным направить в 1907 г. для изучения состояния дел на месте чиновника особых поручений Н.В. Слюнина, которого он характеризовал как замечательного знатока Дальнего Востока, долгое время служившего в крае сначала по морскому ведомству, а затем в Обществе КВЖД. Теперь же Коковцов предлагал прикомандировать Слюнина к приамурскому генерал-губернатору в качестве специального чиновника от своего министерства как связующее звено между генерал-губернатором и центральными учреждениями[22].

В 1908 г. в типографии Министерства финансов вышла книга Н.В. Слюнина «Современное положение нашего Дальнего Востока», в которой по сути излагался взгляд Министерства финансов на дальневосточные дела: «Исключительные условия современного положения Приамурья в том именно теперь и состоят, что мы должны стать на защиту от надвигающегося захвата богатой окраины мирным, экономическим путем. В окраинной политике больше не должно быть колебаний или разных снисхождений и поблажек всему чужому, иностранному; портофранко должно быть уничтожено, как необходимо сократить и затруднить теперь свободный доступ рабочих хищников желтой расы. Россия слишком много затратила капиталов на эту окраину и теперь, при переустройстве, с новыми и большими жертвами, вправе подумать и о своих кровных, национальных интересах»[23].

С принятием решения строить Амурскую железную дорогу и назначением 21 мая 1908 г. главноуправляющим ГУЗиЗ А.В. Кривошеина[24] Переселенческое управление сосредоточивает свое главное внимание на Дальнем Востоке. Как образно выразился в III Государственной думе по поводу деятельности Переселенческого управления князь А.Д. Голицын, это была «всеазиатская сибирская земская управа»[25]. Поэтому именно ГУЗиЗ взяло на себя функции изучения колонизационных возможностей полосы будущей Амурской железной дороги. Соответствующее поручение было дано заведующему Приморским переселенческим районом С.П. Шликевичу, который с весны 1908 г. объединил в Хабаровске в своих руках управление переселенческим делом на Дальнем Востоке[26]. Однако этого было явно недостаточно.

---

[22] В.Н. Коковцов – П.А. Столыпину (21 июня 1908 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 471. Л. 290.

[23] *Слюнин Н.В.* Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 201.

[24] А.В. Кривошеин возглавлял Переселенческое управление МВД в 1902–1905 гг., затем был назначен товарищем главноуправляющего ГУЗиЗ, а с 21 мая 1908 г. по 26 октября 1915 г. занимал пост главноуправляющего ГУЗиЗ.

[25] *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 1. С. 20.

[26] *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 61.

Свою лепту в объединительные предложения внесло и МВД, подготовив проект создания при Управлении по постройке Амурской железной дороги особой экспедиции по изучению и благоустройству прилегающих к будущей железной дороге местностей. Руководство такой экспедицией предлагалось возложить на особое лицо, которое бы действовало при помощи уполномоченных от МВД, Министерства финансов, МПС, Государственного контроля и ГУЗиЗ. Руководитель экспедиции должен был действовать под общим патронажем МВД, но вместе с тем направлять ежемесячные отчеты председателю Совета министров, а также в заинтересованные министерства и приамурскому генерал-губернатору. На экспедицию возлагались обширные задачи: 1) изучение местности, прилегающей к железнодорожной линии; 2) устройство подъездных путей; 3) организация почтового и телеграфного сообщений; 4) выбор места для будущих поселений и городов вдоль строящейся дороги; 5) организация на начальном этапе управления этими поселениями и городами; 6) продажа и отвод приусадебных участков; 7) выдача ссуд переселенцам[27].

Однако А.В. Кривошеин упорно настаивал на главенствующей роли в крае ГУЗиЗ, рассчитывая возглавить все гражданское управление российским Дальним Востоком или по крайней мере колонизуемыми районами. Он пытался доказать, что предложенной МВД меры будет явно недостаточно, так как дело колонизации Дальнего Востока есть «одно из важнейших при современных политических условиях» и требует «планомерного объединения всех прилагаемых к достижению сей цели государственных сил как там – на месте, так и здесь – в центре»[28]. Он отметил и ограниченность возможностей такой экспедиции в деле колонизации края. Поэтому нужна другая организация, которой во главе с особым уполномоченным будут подчинены все местные переселенческие учреждения и которая не только будет ведать земледельческой колонизацией, но и осуществлять управление государственными имуществами, заботиться об эксплуатации естественных (рыбных, лесных и других) богатств края. При этом А.В. Кривошеиным предлагалось одновременно учредить в Петербурге для общего направления и объединения колонизационного дела на Дальнем Востоке особый высший комитет под председательством главноуправляющего ГУЗиЗ. Глава такого комитета, по

---

[27] Проект Особого журнала Совета министров «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» (23 июня 1909 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 471. Л. 315–316.

[28] Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 241; РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; см. также: *Сорокина Т.Н.* К истории создания Комитета по заселению Дальнего Востока в начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 145–152.

его мнению, и должен распоряжаться всеми отпущенными на колонизацию края средствами, наблюдать за ходом переселенческого дела на месте, «без различия ведомств», согласовывая их действия с высшей местной администрацией. Такой высший орган будет способен осуществлять: «а) общее руководство делом изучения и заселения местностей, пересекаемых Амурской железной дорогой; б) содействовать возбуждению и расширению в тех же местностях торгово-промышленной деятельности; в) устройство пароходных сообщений, грунтовых дорог и подъездных путей в районе Амурской железной дороги..; г) объединение переселенческой деятельности всех местных учреждений дальневосточной окраины..; д) разрешение возникающих в сих учреждениях разногласий; ж) преподание необходимых указаний всем органам местного управления, причастным к переселенческому делу, и з) предварительное, до внесения в Совет министров, обсуждение и согласование всех сметных и законодательных предположений подлежащих генерал-губер-наторов и центральных ведомств по вопросам, касающимся заселения Дальнего Востока»[29].

Но далеко идущие планы А.В. Кривошеина подверглись серьезной корректировке со стороны его коллег. Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, разделяя общую мысль о создании высшего территориального комитета, настоял на том, чтобы таковой был создан не под главенством ГУЗиЗ, а при Совете министров и с особым председателем, назначаемым лично императором. Кроме того, он решительно настаивал на том, чтобы на месте всем заправляло Управление по постройке Амурской железной дороги, подчеркивая приоритет железнодорожного дела в освоении края. А при Управлении было бы достаточно иметь местный межведомственный совет по колонизации. Кроме того, МТиП и Министерство финансов предложили направить на Дальний Восток межведомственную комиссию со «специальною осведомительною целью».

Вопрос о создании Комитета по заселению Дальнего Востока (КЗДВ) подвергся обсуждению в Совете министров 23 июня 1909 г. Поддержав своего соратника А.В. Кривошеина и поставив во главу угла дальневосточной политики проблему колонизации, П.А. Столыпин понимал, что нельзя ограничиться только этим, необходимо посмотреть на проблему шире. При такой трактовке колонизационных задач Переселенческое управление ГУЗиЗ будет неспособно эффективно координировать действия других ведомств. Поэтому Столыпин предложил сформировать такую правительственную организацию, которой можно было

[29] Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 242.

бы поручить осуществление мероприятий, не входящих непосредственно в круг ведения Переселенческого управления[30]. Совет министров признал эту меру своевременной, но отклонил предложение Кривошеина создать комитет при ГУЗиЗ, аргументируя это тем, что подобная мера придала бы его деятельности «крен в земледельческую колонизацию».

На самом Дальнем Востоке предусматривалось иметь особого уполномоченного по заселению, но назначаемого не ГУЗиЗ, а Советом министров. При этом особо подчеркивалось, что «для устранения нежелательных недоразумений с местными административными властями полезным представляется вменить в обязанность Уполномоченного действовать в отведенном ему кругу деятельности совместно и по соглашению с губернаторами ... и Главным Начальником Приамурского края»[31]. Таким образом, комитет, действуя в столице, получит адекватный координирующий орган в регионе.

Однако скоро от идеи особого уполномоченного на Дальнем Востоке решили отказаться, направив на Дальний Восток новую Амурскую экспедицию (по аналогии с той, которая действовала в 1850-х гг. под руководством Г.И. Невельского), во главе которой планировалось поставить человека, осуществляющего руководство всеми местными учреждениями ГУЗиЗ на Дальнем Востоке, а также способного координировать деятельность других ведомств. При этом создание новой Амурской экспедиции провели в порядке верховного управления помимо Государственной думы, а официально полномочия экспедиции решили не фиксировать, отнеся расходы на нее на кредиты по строительству Амурской железной дороги.

В состав КЗДВ вошли почти все министры и главноуправляющие (министр народного просвещения и обер-прокурор Синода приглашались в случае необходимости). Помимо этого, устанавливалось, что приамурский и иркутский генерал-губернаторы, дальневосточные и восточносибирские губернаторы во время пребывания в столице будут участвовать в заседаниях комитета. Предусматривалось также привлечение к обсуждению вопросов в комитете и экспертов. Единогласные решения Комитета по заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия – переносились на рассмотрение Совета министров. Вопрос о председателе Комитета получил компромиссное решение – председатель Совета министров П.А. Столыпин стал по должности и главой нового комитета, а заместителем был определен главноуправляющий ГУЗиЗ

---

[30] Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 243.

[31] Там же. С. 245.

А.В. Кривошеин. Как вспоминал И.И. Тхоржевский по поводу совместной поездки Столыпина и Кривошеина в 1910 г. в Сибирь, «эти два человека вообще отлично дополняли друг друга. Один – вождь, рыцарь, весь сила и смелость. Другой – такт, расчет, осторожность. И оба – энтузиасты. Энтузиасты не самодержавия, как называют их слева, а великой России, нуждавшейся в исторической скрепе власти»[32]. 27 октября 1909 г. Николай II утвердил решение Совета министров.

По примеру Сибирской железнодорожной магистрали при строительстве Амурской железной дороги также должен быть решен ряд сопутствующих «государственно-культурных мероприятий, направленных к экономическому пробуждению нашего обширного Приамурья, до сих пор почти не исследованного и весьма мало заселенного»[33]. В решении Совета министров было прямо указано на то, чтобы будущий комитет соответствовал прежнему Комитету Сибирской железной дороги (КСЖД) с тем существенным различием, что ему не могут быть присвоены полномочия законодательной власти. Последнее нельзя было сохранить в условиях новой законодательной ситуации, сложившейся в стране после учреждения Государственной думы и реформирования Государственного совета.

Таким образом, было решено повторить удачный опыт деятельности Комитета Сибирской железной дороги, к ликвидации которого в свое время был причастен сам А.В. Кривошеин[34]. Действительно, созданный в 1892 г. КСЖД соединил на целое десятилетие руководство основными направлениями правительственной политики по освоению сибирского и дальневосточного регионов. В его компетенцию входили вопросы, связанные не только с направлением отдельных участков магистрали, ассигнованиями на их строительство, но и с решением целого комплекса социально-экономических проблем: природные ресурсы края, гидротехнические работы, развитие сухопутного, морского и речного транспорта и т.д. В поле внимания КСЖД оказывались и некоторые внешнеполитические вопросы, вызванные прежде всего строительством КВЖД. Реально в период своей деятельности КСЖД стал высшим государственным органом по выработке правительственной политики по отношению к Сибири. Именно это и импонировало в опыте КСЖД Кри-

---

[32] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 190.

[33] Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С. 240, 243.

[34] Столкновение в переселенческом вопросе с министром внутренних дел В.К. Плеве, в ведении которого находилось созданное в 1896 г. Переселенческое управление МВД, полагал А.Н. Куломзин, и положило начало ликвидации КСЖД. Именно А.В. Кривошеину В.К. Плеве заказал подготовить «критику» всей переселенческой деятельности. – *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 173–175.

вошеину, который не хотел, чтобы будущий комитет замыкался в рамках колонизационных задач. В новых политических условиях КЗДВ являлся своего рода «дочерним предприятием» при Совете министров[35].

А.В. Кривошеин по опыту управляющего делами КСЖД А.Н. Куломзина сам возглавил подготовительную комиссию при КЗДВ, в состав которой вошли представители от министерств в качестве экспертов по дальневосточным делам. Управление делами КЗДВ было возложено на начальника Переселенческого управления Г.В. Глинку, что лишний раз подтверждает преимущественное значение ГУЗиЗ в дальневосточных делах. «Можно сказать, – вспоминал И.И. Тхоржевский, – что в царствование Николая Второго Глинка был для переселенцев (своего рода «государственных крестьян», хотя и свободных) своего рода «сибирским Киселевым», только без министерского звания...»[36]. Впрочем, как считал другой участник этих событий чиновник Переселенческого управления А.А. Татищев, со статусом дальневосточного комитета явно переборщили. Поскольку председатель правительства непосредственно возглавил комитет, то его членами стали министры, превратив КЗДВ «во второе издание Совета министров, то есть, в сущности, вовсе в качестве самостоятельного органа не создался, если не считать того факта, что управление делами Комитета, то есть возможность подталкивать разрешение некоторых вопросов, было поручено Глинке»[37]. Первое время канцелярия нового комитета помещалась в Переселенческом управлении, и только позднее ей отвели отдельную комнату в том же ГУЗиЗ.

За день до официального учреждения КЗДВ императором П.А. Столыпин уже сообщал министрам: «Комитету предстоит озаботиться выполнением задачи исключительно важности – сплотить и двинуть правительственные силы к быстрому созданию прочного оплота русской государственности в дальневосточных областях»[38]. Ввиду этого он просил министров принять непосредственное участие в работе комитета хотя бы по наиболее важным вопросам. В случае же невозможности сделать это самим рекомендовал присылать своих товарищей. Перечислил в этом послании министрам Столыпин и первоочередные вопросы: «1. Об увеличении площади колонизационного запаса земель Дальнего Востока и о скорейшем использовании для этой надобности

---

[35] Самодержавие в новых условиях отчасти вернулось к практике создания высших территориальных органов. При Совете министров с 1906 г. действовало Особое совещание по обсуждению вопросов, связанных с деятельностью КВЖД, в 1907 г. было создано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского. – См.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны. Л., 1988. С. 20–23.

[36] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 192.

[37] *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 75.

[38] П.А. Столыпин – министрам (26 ноября 1909 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

расположенных вблизи китайской границы земель, временно отведенных бывшим Приамурским генерал-губернатором Духовским Амурским и Уссурийским войскам и земельных излишков Забайкальского казачьего войска. 2. О мерах борьбы против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы и о привлечении на постройки, производящиеся за счет и распоряжением казны, рабочих из Европейской России. 3. Об ускорении постройки Амурской железной дороги. 4. О развитии на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации... 5. Об особых мерах поощрения переселения на Дальний Восток и льготах лицам, водворяющимся в Приамурском крае. 6. Об организации учрежденной для изучения района Амурской железной дороги экспедиции...»[39]. В дальнейшем председатель Совета министров планировал разработать особую программу деятельности Комитета.

Получив фактически преимущественное положение в КЗДВ и пользуясь покровительством П.А. Столыпина, Кривошеин поспешил закрепить ведущую роль не своего ведомства. В 1909 г. в Приамурский край был направлен товарищ главноуправляющего ГУЗиЗ сенатор Б.Е. Иваницкий «для ознакомления на месте с ходом колонизационных работ и выработки, при участии приамурского генерал-губернатора и главнейших местных деятелей, предположений о желательных в ближайшем будущем мероприятиях к лучшей постановке переселения русских людей на эту окраину». Выполнение этой миссии, как отмечал Кривошеин, зависит «от согласованной в намеченном ныне направлении деятельности всех заинтересованных в деле ведомств»[40]. Под руководством приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера в Хабаровске в октябре-ноябре 1909 г. состоялось совещание, в котором приняли участие как приехавшие из Петербурга с Иваницким чиновники, так и местные деятели.

В декабре 1909 г. А.В. Кривошеин представил П.А. Столыпину записку о задачах деятельности КЗДВ. Среди прочих мер он предлагал образовать при дальневосточных губернаторах особые советы, в состав которых, наряду с чиновниками, вошли бы «местные люди по назначению Правительства или же по избранию из числа русского населения, для предварительного обсуждения вопросов скорейшей колонизации и промышленно-экономических потребностей данной области»[41]. В предложениях Кривошеина отчетливо прозвучала мысль о связи хозяйственного освоения края и его колонизации с укреплением обороноспособно-

---

[39] П.А. Столыпин – министрам (26 ноября 1909 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

[40] А.В. Кривошеин – министру иностранных дел А.П. Извольскому (7 февр. 1909 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 155.

[41] А.В. Кривошеин – П.А. Столыпину // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

сти. Эти меры должны касаться в первую очередь ускорения строительства Амурской железной дороги и подъездных путей к ней; переселения крестьян прежде всего в те районы, приоритетное заселение которых требуется по тактическим и стратегическими соображениям; борьбы с хищничеством иностранцев в территориальных водах России; создания продовольственных запасов; строительства заводов для удовлетворения военных нужд и обеспечения экономического подъема края; привлечения русских рабочих на военные сухопутные и морские работы.

Идею рассмотрения большинства дальневосточных дел в КЗДВ поддержали и другие министры. Министр иностранных дел предложил вносить в комитет маньчжурские вопросы; министр финансов – открытие казначейств, казенных винных лавок, принятие мер по борьбе с контрабандой; министр путей сообщения –заблаговременное определение мест, где могут возникнуть крупные населенные пункты; министр народного просвещения – открытие сельских училищ и т.п. Рассматривались и предложения о желательном контингенте переселенцев, в том числе и иностранных. Попытались не только наладить регулярную доставку в комитет сведений по законодательным и административным вопросам, касающимся заселения края, но и систематически отслеживать всю информацию, которая появляется о Дальнем Востоке в периодической печати, а также донесения, поступающие от дипломатических служб и разведки. С этой целью с 1910 г. было начато издание сборников «Дальневосточное обозрение». Но уже в апреле 1912 г. их печатание было прекращено из-за статей, содержащих критику переселенческой политики правительства[42]. Однако Главное управление по делам печати и позднее (вплоть до 1915 г.) продолжало представлять в комитет обзоры печати по Дальнему Востоку.

Решение о создании Амурской экспедиции было принято Советом министров и утверждено царем также 27 октября 1909 г. Как отмечал Л.М. Болховитинов, это было своеобразной сенаторской ревизией, но «не в смысле открытия злоупотреблений, а в отношении исследования целесообразности распорядительных и исполнительных действий органов местной администрации; она заставила многих пораскинуть мозгами и поработать»[43]. 12 января 1910 г. ГУЗиЗ представило в КЗДВ записку «Об организации в 1910 г. экспедиции по обследованию условий колонизации района Амурской железной дороги». В записке специально подчеркивалась связь организации экспедиции с вопросом об объединении деятельности ведомств на Дальнем Востоке.

---

[42] В.Н. Коковцов – А.А. Макарову (янв. 1912 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

[43] *Болховитинов Л.М.* Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 216.

Предусматривалось, что экспедиция будет иметь чисто осведомительный характер до своего преобразования «в особый местный распорядительный орган» под руководством специально назначенного уполномоченного от ГУЗиЗ. Таким образом, не оставляя своего первоначального плана, Кривошеин в дальнейшем намеревался через подчинение экспедиции особому уполномоченному объединить всю местную власть по делам ГУЗиЗ и при нем уже образовать из представителей ведомств «как бы совет»[44]. Пока же особо оговаривалось, что руководитель экспедиции не должен представлять какое-либо ведомство, а должен назначаться КЗДВ и быть ему подотчетным.

В ее составе создавались специальные отряды: I отряд должен заниматься вопросами земледельческой колонизации; II отряд – горнопромышленными изысканиями и исследованием лесных богатств; III отряд – путями сообщений. А.В. Кривошеин предложил ограничить влияние министерств на экспедицию тем, чтобы их представители не возглавляли отдельных частей экспедиции. Внутренняя организация экспедиции должна зависеть только от ее руководителя или от председателя КЗДВ. «Следует только озаботиться, – акцентировал внимание членов КЗДВ А.В. Кривошеин, – с одной стороны, обеспечением достаточной подчиненности начальнику экспедиции всех входящих в ее состав представителей отдельных ведомств, а с другой – принять по отношению ко всем центральным и местным управлениям всех ведомств надлежащие меры, чтобы экспедиция без затруднений получала отовсюду все требуемые для успешности своих обследований и для надлежащей осведомленности данные»[45]. В случаях разногласий с местными губернаторами начальник экспедиции должен обращаться напрямую в КЗДВ.

По рекомендации А.В. Кривошеина Амурскую экспедицию возглавил Н.Л. Гондатти, известный знаток Дальнего Востока, занимавший к тому времени пост тобольского губернатора. Он получил обширные полномочия и в иерархическом отношении был поставлен в независимое положение от приамурского генерал-губернатора. Газета «Харбинский вестник» писала в этой связи: «Ему дано право решать колонизационные вопросы самолично, нисколько не считаясь со взглядами местной администрации, а руководящие указания он будет получать исключительно от особого Комитета в Санкт-Петербурге. Из подобной инструкции новой власти видно, что все до сих пор делаемое для колонизации Приамурья признано «подлежащим коренной переоценке»[46]. 29 января

---

[44] Записка ГУЗиЗ «Об организации в 1910 г. экспедиции по обследованию условий колонизации района Амурской железной дороги» (12 января 1910 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 321–322.

[45] Там же. Л. 322.

[46] Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке (составлен чиновником особых поручений А.А. Пановым) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.

1911 г. Н.Л. Гондатти был назначен приамурским генерал-губернатором, сохранив за собой руководство Амурской экспедицией, в помощь ему был лишь назначен особый управляющий.

На Амурскую экспедицию были возложены задачи изучения местности, прилегающей к линии строящейся Амурской железной дороги, а также было поручено дать предложения об устройстве новых путей сообщения, населенных пунктов, мерах по колонизации и развитию промышленности. За это время она должна раскрыть значение района Амурской железной дороги с точки зрения: 1) земледельческой колонизации; 2) промышленного освоения и 3) возможностей дальнейшего развития местных путей сообщения.

Намечалось, что работа экспедиции будет ограничена полосой в 50 верст в обе стороны от Амурской железной дороги. Исключение делалось для исследования полезных ископаемых и лесных богатств. Экспедиция, полагал Кривошеин, должна закончить свою работу уже к 1 февраля 1911 г. Но в феврале 1911 г. КЗДВ признал необходимым не только продлить срок работы Амурской экспедиции, но и расширить зону ее деятельности на всю территорию Дальнего Востока, Забайкалья и даже Якутской области. «Изучение желтого вопроса, обследование различного рода промыслов, условий торговли и т.д., все это не укладывалось в границы района, непосредственно примыкающего к линии строящейся Амурской железной дороги». При этом снова подчеркивалось, что задача Амурской экспедиции должна состоять, «главным образом, в объединении деятельности всех отдельных изыскательских партий различных ведомств, производящих работы на Дальнем Востоке»[47].

Несмотря на принятые в 1909–1912 гг. организационные меры, как отмечал руководитель Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти, колонизация края продолжала страдать от разрозненности действий различных правительственных чиновников, отсутствия твердости во внешнеполитическом курсе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также от непоследовательности правительственных мер в деле хозяйственного освоения российского Дальнего Востока, отсутствия четко продуманного колонизационного плана. С 1912 г. деятельность Амурской экспедиции свертывается, что было связано с переменами в руководстве Комитета по заселению Дальнего Востока. Начавшаяся Первая мировая война окончательно остановила работу экспедиции.

С гибелью 5 сентября 1911 г. П.А. Столыпина и назначением на пост председателя Совета министров В.Н. Коковцова деятельность КЗДВ заметно затихает, заседания проходят редко, хотя последние

---

[47] Журнал Комитета по заселению Дальнего Востока (4 и 24 февраля 1911 г.) «Об организации колонизационных исследований на Дальнем Востоке в 1911 г.» // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 231.

журналы комитета датированы 17 августа 1915 г.[48] Как вспоминал А.А. Татищев, даже в 1910 г. из формально проведенных пяти было всего три настоящих заседания: одно, под председательством Кривошеина, было посвящено многочисленным второстепенным делам и только два других – по принципиальным вопросам, в обсуждении которых приняли участие министры, а не их заместители. Впрочем, и сам П.А. Столыпин не проявлял на заседаниях комитета своего обычного красноречия, отделывался лишь краткими замечаниями, а осенью 1910 г. вместе с А.В. Кривошеиным уехал в Западную Сибирь, увлеченный перспективами строительства Южно-Сибирской железнодорожной магистрали. В глазах петербургских чиновников, в том числе и самого Кривошеина, все большее значение приобретал Туркестан, с экономическим развитием которого связывалось создание собственной хлопковой базы для российской текстильной промышленности[49].

Снижение активности КЗДВ было связано, с одной стороны, с ликвидацией угрозы новой войны с Японией, а с другой – с усилением дезинтеграционных тенденций внутри правительства. Новому премьер-министру В.Н. Коковцову с трудом удавалось сдерживать ведомственные устремления министерств к определенной управленческой автономии. Кроме того, как отмечает К.А. Кривошеин, В.Н. Коковцов, получивший в придачу к Совету министров и КЗДВ, не проявлял большого понимания переселенческого вопроса[50]. При продолжавшем существовать КЗДВ в марте 1913 г. Совет министров организует дополнительно межведомственное совещание под председательством Н.Л. Гондатти. Необходимость созыва такого совещания объяснялась все тем же желанием «ускорить направление и разрешение различных, требующих междуведомственного соглашения, дальневосточных дел и вопросов»[51]. Одним из главных вопросов, рассматриваемых совещанием, стала очередная корректировка административного устройства края. Но и совещание Н.Л. Гондатти не принесло значительного успеха. Дальневосточная общественность продолжала критиковать власть за то, что она действует в регионе без «широкого плана к закреплению Приамурья в качестве русской окраины»[52].

---

[48] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. СПб., 1998. С. 202–203. В 1910 г. комитет заседал 5 раз, в 1911 г. – 2, в 1912 г. – 1, а в 1913 г. – ни разу. – *Флоринский М.Ф.* Указ. соч. С. 23.

[49] *Татищев А.А.* Указ. соч. С. 86-87, 141.

[50] *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 126.

[51] Журнал межведомственного совещания под председательством приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (20 марта 1913 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

[52] [*Меркулов С.Д.*] Современное положение русского дела на Дальнем Востоке. Пг., 1916. С. 11.

Со сменой В.Н. Коковцова И.Л. Горемыкиным, на которого имел известное влияние А.В. Кривошеин, деятельность КЗДВ (прежде всего его подготовительной комиссии) на короткое время оживилась. В последний раз подготовительная комиссия собралась 9 июня 1915 г. в помещении Переселенческого управления для обсуждения поднятых Н.Л. Гондатти вопросов «о мерах борьбы с движением желтых в пределы Западной Сибири и Европейской России»[53]. Министр земледелия А.Н. Наумов, занявший после А.В. Кривошеина пост заместителя председателя, докладывал Николаю II, что в 1915 г. Комитет «продолжал рассмотрение вопросов, вызываемых заселением нашей приамурской окраины русскими людьми и борьбой с усилением желтой расы»[54]. Очевидно, что эта тема стала главной в дальневосточной политике империи.

Вместе с тем деятельность КЗДВ явилась очередным, имевшим кратковременный эффект способом преодоления ведомственной разрозненности на центральном и региональном уровнях, отразив хроническое нежелание самодержавия решить проблему «объединенного правительства» в целом. При создании КЗДВ использовались не только опыт КСЖД, но и ставшие уже традиционными управленческие приемы временного повышения скоординированности правительственных действий в особых комиссиях и совещаниях, широко практиковавшиеся в течение всего XIX века при решении экстраординарных правительственных задач.

С последующим хозяйственным освоением российского Дальнего Востока (в том числе и в советский период) связана деятельность Амурской экспедиции, в которой приняло участие около ста ученых и специалистов. Материалы, собранные экспедицией, а также предложенные ею рекомендации оказали значительное влияние на дальневосточную политику. И, как отмечает Н.И. Дубинина, экспедиция смогла дать квалифицированные ответы на вопросы, поставленные Комитетом по заселению Дальнего Востока[55]. Но вот стать своего рода объединенным управлением по делам Дальнего Востока Амурской экспедиции не было суждено.

---

[53] АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 245–246.

[54] Всеподданнейший доклад министра земледелия А.Н. Наумова «О деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока в 1915 г.» // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

[55] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 40.

5.3. Последние изменения в организации дальневосточного управления империи

«...Нужна сильная и авторитетная власть на месте».
П.А. Столыпин[1]

В первую очередь нужно было сделать выводы из управленческих проблем, острота которых особо проявилась в условиях Русско-японской войны и революции. Изменения должны были коснуться и системы областного управления на Дальнем Востоке. В конце 1905 и начале 1906 гг. Приамурский край, как характеризовал обстановку генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, «представлял безотрадную картину общей неурядицы и распущенности»[2]. В прессе продолжали писать о забвении интересов российского Дальнего Востока: «Мы как будто чего-то искали, не зная, на чем остановиться, и поэтому ни одного пункта не постарались оборудовать надлежащим образом»[3]. П.Ф. Унтербергер, главной задачей которого было восстановить высшую власть в крае, потрясенную плохо продуманными реформами 1903–1905 гг. и войной, внес свои предложения по переустройству дальневосточного управления ввиду изменившейся политической ситуации. Главными принципами такой реорганизации должны были стать «возможная децентрализация, сильная местная власть»[4].

Стало ясно, что имеющееся на востоке империи управление не отвечает современным задачам. Оперативному решению военных вопросов мешало то, что центр единого Сибирского военного округа находился далеко, в Омске. Формально в Иркутском генерал-губернаторстве военное управление было отделено от гражданского, хотя иркутский генерал-губернатор имел звание военного генерал-губернатора. Ему были подчинены «по наружной части» войска, расположенные на территории генерал-губернаторства, что, впрочем, не давало полного права руководства ими. Будучи начальником гражданского управления, он зависел преимущественно от МВД, а не от Военного министерства. В Приамурском же генерал-губернаторстве в условиях войны гражданское управление отделили от командования войсками, что внесло дополнительную неразбериху в систему власти. Ситуация осложнялась еще и тем, что с

---

[1] Представление П.А. Столыпиным законопроекта «Об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина» в Государственную думу (29 окт. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 21. Ч. 1. Л. 197.

[2] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С 400.

[3] *Синъ-Санъ.* Злободневные вопросы Приамурского края // Окраины России. № 33/34 (23–30 авг. 1908). С. 473.

[4] Перечень вопросов по управлению областями Дальнего Востока // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 258. С. 1.

ноября 1905 г. пост иркутского генерал-губернатора оказался незанятым[5].

Вернувшийся на Дальний Восток в качестве командующего войсками Н.И. Гродеков 30 января 1906 г. телеграфировал военному министру о сложной ситуации в регионе и просил ускорить решение вопроса о назначении иркутского генерал-губернатора «с временным подчинением ему войск в Иркутской и Енисейской губерниях, как это сделано в Прибалтийском крае»[6]. На заседаниях Совета министров, а затем Совета государственной обороны, на которых в феврале 1906 г. по предложению военного министра А.Ф. Редигера был рассмотрен вопрос о новом военном и гражданском управлении в Иркутском генерал-губернаторстве, высказались за создание нового военного округа из Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областей с возложением на генерал-губернатора обязанностей командующего войсками. С изменением границ военных округов встал вопрос о возвращении Забайкальской области в Иркутское генерал-губернаторство, что и было осуществлено по царскому указу 17 марта 1906 г.[7] Забайкалье должно было стать базой для русской армии на Дальнем Востоке.

Особенно тяжелым было положение Сахалина. Согласно Портсмутскому миру, Россия уступала Японии часть Сахалина южнее 50-й параллели. Губернатор острова М.Н. Ляпунов и несколько его чиновников оказались в японском плену. Оставшиеся чиновники были вынуждены тесниться в квартире губернатора, где жили и работали. Многие государственные здания, в том числе и самая большая сахалинская тюрьма в посту Александровском, были сожжены местными жителями из ненависти к каторжному режиму. Остров захлестнула волна преступности, разрушенной оказалась незначительная, существовавшая до войны, социальная инфраструктура, повреждены коммуникации, фактически парализована система управления. Русское население Сахалина сократилось более чем в 5 раз и составляло в декабре 1905 г. всего 5 500 человек[8]. Как вспоминал один из очевидцев, новый губернатор А.М. Валуев застал остров «в совершенном опустошении. Даже японцы взвыли от

---

[5] Иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов выехал из Иркутска 26 ноября 1905 г., возложив обязанности на командира 1-й Сибирской пехотной бригады генерал-майора Ласточкина. Временным иркутским генерал-губернатором был назначен К.М. Алексеев, который прибыл в Иркутск только 12 февраля 1906 г. – *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск. 1994. С. 62–63, 68–69.

[6] Телеграмма Н.И. Гродекова – военному министру А.Ф. Редигеру (30 янв. 1906 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 37. Л. 3.

[7] Министр внутренних дел П.Н. Дурново – военному министру А.Ф. Редигеру (12 февр. 1906 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 37. Л. 8. Журнал Совета государственной обороны (18 февр. 1906 г.) // Там же. Л. 18–19.

[8] *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 18.

грабежей и поджогов бродяг. <...> Сахалин разграблен и разгромлен и своими и чужими»[9]. Ходили даже слухи, что в правительственных кругах обсуждается идея продажи Северного Сахалина американцам, так как он приносит одни убытки и может быть потерян в будущем военном конфликте[10]. Действительно, когда стало ясно, что война проиграна, в марте 1905 г. вынашивались планы сдачи Сахалина задним числом в фиктивную аренду американцам[11].

Потеря южной части Сахалина заставила вернуться к проблеме каторги[12]. В новых условиях, особенно ввиду близости японской границы на самом острове, продолжать прежнюю практику штрафной колонизации становилось невозможно. 10 апреля 1906 г. Советом министров было принято решение о прекращении ссылки на Сахалин и передаче управления островом из ведения Министерства юстиции в МВД. Совет министров окончательно признал, что успешная колонизация острова, добыча каменного угля и нефти могут производиться «на рациональных началах лишь при непременном условии применения частной инициативы и не иначе, как с затратою на организацию дела крупных капиталов»[13]. Однако перспективы организовать свободное переселение на имевший каторжную репутацию остров были весьма туманными, даже при казенной поддержке переселенцев. Все же отмена каторги давала шанс снова, как и полвека назад, взглянуть на остров, как на «богато одаренную природой пустыню, с которой можно сделать что угодно: можно снова превратить ее в сплошную тюрьму, можно махнуть на нее рукой и представить уже расчищенным и осушенным площадям снова зарастать тайгой, но можно и превратить ее в цветущую колонию»[14].

Вопрос о ссылке и новом административном устройстве Сахалина обсуждался на специально созванном совещании в Петербурге. 7 сентября 1907 г. на совещании высказались против сохранения на Сахалине дорогостоящего областного управления. Было предложено три вари-

---

[9] *Дикс М.* Разгром Сахалина (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1906. № 12. С. 899.

[10] По поводу толков о дальневосточных делах // Сибирские вопросы. 1909. № 49–50. С. 15.

[11] Всеподданнейший доклад помощника управляющего делами Особого Комитета Дальнего Востока Н.Г. Матюнина // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д. 176; см. также: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955. С. 639–640.

[12] Еще в августе 1904 г. наместник на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев поднял вопрос об отмене ссылки на Сахалин и поручил приамурскому генерал-губернатору подготовить соответствующий проект. – *Костанов А.И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 100.

[13] Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 346.

[14] Сахалин. Сборник статей по современным вопросам Сахалинской области / Под общей ред. губернатора Д. Григорьева. О. Сахалин, 1912. С. I.

анта: 1) присоединить оставшуюся часть Сахалина к Приморской области, 2) присоединить к Камчатской области и 3) образовать новую область из Северного Сахалина и Удского уезда с центром в городе Николаевске[15]. Совещание склонилось к третьему варианту.

Сахалинский губернатор А.М. Валуев, ознакомившись со сложившейся ситуацией, пошел еще дальше и предложил в свою очередь создать новую Охотскую область, а из Северного Сахалина в ее составе образовать Невельской уезд, переименовав пост Александровский в город Невельской. Необходимо было стереть с административной карты само название «Сахалин», как «страшное в народном сознании». Указывалось при этом на пример Японии, переименовавшей с отменой ссылки остров Матсмай в Хоккайдо[16]. Однако генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер не поддержал столь «симпатичного по идее» переустройства, так как это имело бы невыгодный политический эффект и давало повод думать, что Россия навсегда смирилась с потерей южной части острова[17]. Он акцентировал главное внимание на японской угрозе экономического захвата всего Сахалина, что диктовало необходимость единства военной и гражданской власти на самом острове в одном лице[18].

Изменение управления Сахалином вызывалось не только тем, что южная часть острова отошла к Японии, но и тем, что менялись сами принципы административной деятельности. Если раньше они были приспособлены к условиям каторги, то теперь необходимо было решить задачу введения общегражданской системы управления. В МВД продолжали настаивать на упрощенной системе сахалинского управления, полагая излишним оставлять самостоятельную губернаторскую власть, посчитав, что будет достаточным присоединить Северный Сахалин к Приморской области и оставить на острове уездного начальника с несколько расширенными правами[19]. Этой точки зрения придерживался и приморский военный губернатор.

Но существовала еще одна веская причина, от которой нельзя было просто отмахнуться, указав на нерациональность для столь небольшой и слабо заселенной территории сохранять губернаторский пост. Из соображений политического престижа необходимо было оставить на Са-

---

[15] Записка по вопросу о присоединении к Сахалинской области Удского уезда Приморской области и о перенесении резиденции управления новой области в г. Николаевск // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 115.

[16] *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 19.

[17] *Костанов А.И.* Из истории административно-территориального деления. Дореволюционный период // Административно-территориальное деление Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 112.

[18] Мнение П.Ф. Унтербергера // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 3.

[19] Представление министра внутренних дел в Совет министров (17 мая 1908 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 1.

халине такое должностное лицо, которое формально соответствовало бы рангу главы администрации японской части острова (губернаторство Карафуто).

Закон 17 июня 1909 г. сохранил и губернаторскую должность, и Сахалинскую область, разделив ее на два участка: Александровский и Тымовский[20]. Административным центром был оставлен пост Александровский. Права сахалинского губернатора были уравнены с правами военных губернаторов Амурской и Приморской областей, хотя по мирному договору с Японией Россия не могла иметь войска на острове. Однако штаты областного управления были урезаны настолько, что чиновников здесь было не меньше, чем в любом уезде внутренних губерний империи. Набор областных учреждений и чиновников был установлен в самом ограниченном составе. При губернаторе полагались канцелярия, вице-губернатор, врачебный инспектор (он же александровский участковый врач, старший врач Александровской лечебницы и заведующий метеорологическими станциями), ветеринарный врач и инженер-архитектор, землемер и подчиненное Амурской казенной палате казначейство. Намечалось в дальнейшем усилить полицию и оставить Сахалин на положении усиленной охраны, а также увеличить ассигнования на органы сыска и тайную агентуру[21].

Таким образом, закон, сохранив высокий статус области и ее начальника, не создал сколько-нибудь удовлетворительной администрации. Прекратив же ссылку на Сахалин, столкнулись с опасностью оставить русскую часть острова необитаемой. Необходимы были решительные меры по хозяйственному освоению острова, что могло бы привлечь переселенцев и капиталы. Но Северный Сахалин и Удский уезд были мало пригодны для земледелия, что фактически оставляло их на периферии традиционной для имперской политики крестьянской колонизации. Стало ясно, что эти районы еще долгое время будут забыты. Попытки правительства организовать добровольное переселение на остров значительных результатов не дали[22]. Правовое положение сельского населения, значительную часть которого по-прежнему составляли ссыльнопоселенцы, оставалось плохо определенным[23]. Хотя бывшие ссыльнопоселенцы и полу-

---

[20] Временное положение об управлении Сахалинскою областью (17 июня 1909 г.) // Дальний Восток России: из истории системы управления: Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 97–100.

[21] Перечень вопросов по управлению областями Дальнего Востока // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 258. С. 2.

[22] 13 марта 1908 г. царь утвердил положение Совета министров о «вольном заселении» Сахалина, а на следующий год туда был назначен особый переселенческий чиновник.

[23] *Янкелевич Я.А.* Правовое положение сельского населения Сахалинской области // Сахалин. Сборник статей по современным вопросам Сахалинской области / Под общей ред. губернатора Д. Григорьева. О. Сахалин, 1912. С. 35–37.

чили права крестьян, сохранялись ограничения в выборах их на общественные должности. Так называемый Сахалинский фонд, образованный из доходов торговли, прежде всего спиртными напитками, с отменой монополии тюремной администрации на этот вид деятельности и введением акцизного налогообложения снизил финансовые возможности местных властей поддерживать чиновников и расходовать деньги на другие нужды, на которые не было предусмотрено ассигнование из казны. Не получила сахалинская администрация и достаточных средств для осуществления надзора за северной и восточной частями острова. Рыболовство носило во многом хищнический характер, без всякой арендной платы и надзора. Дороги, строительство которых велось преимущественно принудительным трудом, с упразднением каторги стали разрушаться. Угольная промышленность продолжала испытывать недостаток в рабочих руках. Причал Александровского поста был неудобен для приема судов, что тормозило отправку сахалинского угля и в целом препятствовало экономическому развитию российской части острова. Передача рудников и нефтепромыслов в частные руки шла медленно, хотя геологические исследования новых запасов угля и нефти велись активно[24].

Необходимы были экстренные меры по укреплению обороны Владивостока, упорядочению запутанной системы его управления. Занимавший в 1906 г. пост тобольского губернатора будущий приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти призывал восстановить отдельное градоначальство во Владивостоке и перенести приморские областные учреждения в Никольск-Уссурийский. Более всего его беспокоило наличие во Владивостоке трех самостоятельных властей (военный губернатор области, комендант крепости и командир порта), принадлежащих к разным ведомствам и «ведущих свое дело совершенно самостоятельно»[25]. Морское ведомство долгое время было здесь своего рода «царством в царстве». Теперь же, когда военно-морской флот на Дальнем Востоке был почти уничтожен, Военное министерство могло с большей основательностью настаивать на своем приоритете. Но главное было в другом, как с известной запальчивостью заявлял А.М. Волконский: «Назначьте кого хотите, адмирала, генерала, хоть... псаломщика, лишь бы над крепостью была *одна* (курсив автора. – А.Р.) воля»[26].

Подобной позиции придерживался и приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, справедливо полагавший, что с проведением железной дороги и ростом переселенческого потока значение Владиво-

---

[24] *Сенченко И.А.* Северный Сахалин в 1905–1916 гг. // Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960. С. 96–98.

[25] Тобольский губернатор Н.Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (1 марта 1908 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 1.

[26] *Волконский А.М.* Где выход? // Новое время. 1910. 6 (19) окт.

стока существенно возрастет. Он предлагал в свою очередь вернуть Владивостоку статус отдельного военного губернаторства (или градоначальства), переместив резиденцию губернатора Приморской области в Южно-Уссурийский или Хабаровский уезд. Повышение самостоятельного статуса Владивостока, по мнению Унтербергера, диктовалось и сугубо внутренними причинами: «Г. Владивосток, сделавшийся после потери Порт-Артура и Дальнего нашим главным торговым и культурным центром и единственным опорным пунктом русской силы на берегах Тихого океана, возрос неимоверно за последние годы, и население в нем доходит до 100 000 человек. Наряду с таким развитием жизни города в нем проявляются неизбежно значительная преступность, разгул, скопление бездомного пролетариата и рабочих масс и антагонизм между последними и представителями желтой расы. Все это вместе взятое, а также наличность многочисленных японских разведчиков, тайных и явных, и неустанно продолжающаяся работа революционных партий отнимает у областного начальства слишком много времени и сил для администрирования городом Владивостоком»[27]. Соединение должностей градоначальника и коменданта крепости также могло улучшить управленческую ситуацию. Успешность управления во Владивостоке могла быть достигнута только с соединением в одном лице всей полноты власти в городе и на прилегающих к нему полуострове Муравьева-Амурского и островах залива Петра Великого. Но предложения Унтербергера не были поддержаны в Петербурге.

Обсуждение вопроса о Владивостоке возродило старые межведомственные споры. МВД опасалось, что с введением должности владивостокского военного губернатора оно окажется не у дел, а решающую роль будут, как и прежде, играть военные. Министерство настаивало на том, что «при всем сознании громадной важности Владивостокской крепости, как главного оплота нашей военной мощи на Дальнем Востоке, не следует забывать и того значения, которое имеет город Владивосток, как конечный пункт железной дороги и единственный наш благоустроенный коммерческий порт на тихоокеанском побережье»[28].

Но в МВД понимали, насколько сложен этот вопрос, и предпочли не настаивать на его обсуждении в Совете министров. П.А. Столыпин, совмещавший посты министра внутренних дел и председателя Совета министров, очевидно, способствовал изъятию из обсуждения вопроса о Владивостокском военном губернаторстве, хотя в апреле 1909 г. С.Е. Крыжановский вновь поднял этот вопрос в особом совещании, образованном при МВД. И тогда в очередной раз было заявлено о необходимости едино-

---

[27] Мнение П.Ф. Унтербергера // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 6.

[28] С.Е. Крыжановский – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (11 авг. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 57.

го управления Владивостокским портом[29]. Согласно временному положению 1898 г., Владивостокский порт находился в ведении МВД, а заведование его территорией возлагалось на временный комитет во главе с военным губернатором Приморской области[30]. Но с 1900 г., когда была упразднена должность начальника работ по устройству коммерческого порта во Владивостоке, строительные работы в порту и на прилегающей территории были переданы в ведение Управления Уссурийской железной дороги, подчиненного МПС. После этого деятельность временного комитета ограничилась лишь полицейскими функциями, а приморский военный губернатор, по сути дела, был лишен возможности серьезно влиять на управление портом, которое оказалось разъединенным между Уссурийской железной дорогой, Добровольным флотом, штабом крепости и переселенческим управлением.

В новой ситуации на свою долю участия в дальневосточных делах предъявило МТиП, претендуя на управление портом и принадлежащим к нему побережьем[31]. Морскому министерству пришлось несколько уступить свои позиции, отстояв самостоятельность военного порта, вопреки предложениям объединить военный и коммерческий порт. Руководство торговым портом теперь перешло в ведение МТиП[32].

Наряду с усилением сухопутных военных сил и восстановлением боеспособности Тихоокеанского флота, укреплением Владивостокской крепости и порта, а также другими военными мероприятиями П.Ф. Унтербергер настаивал на скорейшем выделении северных уездов в отдельную область[33]. В 1907 г. во Владивостоке под председательством военного губернатора Приморской области состоялось совещание, на котором высказались за учреждение Камчатской области. Портсмутский мирный договор открыл широкую возможность для экономического проникновения иностранцев в этот район, что серьезно усложнило дей-

---

[29] Журнал образованного при МВД особого совещания по рассмотрению вопросов, возбужденных приамурским генерал-губернатором. Б.м. [1909]. С. 25.

[30] В состав временного комитета, помимо приморского военного губернатора, входили начальник Уссурийской железной дороги, капитан над коммерческим портом, по одному представителю: от городского управления, Министерства финансов, Морского министерства, Общества КВЖД, Добровольного флота, прокуратуры, а также два представителя от местного биржевого общества.

[31] Записка МТиП «Об изменении порядка заведования Владивостокским коммерческим портом» (31 дек. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1909 г. Д. 15. Л. 63; см. также: *Яковлева О.А.* Вопрос о реорганизации Добровольного флота в III Государственной думе (1907–1912 гг.) // Российский флот на Тихом океане: История и современность. Владивосток, 1996. Вып. 3. С. 39–44.

[32] О новом порядке управления Владивостокским портом. Особый журнал Совета министров 3 июня, 19 авг., 30 сент. 1908 г. // Особые журналы Совета министров царской России. М., 1988. Т. IV. С. 803–815.

[33] Записка П.Ф. Унтербергера «Неотложные нужды Приамурья» (9 февр. 1909 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 66.

ствия местной администрации. Вместе с тем отмечалось, что оживление хозяйственной жизни в крае дает возможность «культурного развития наших тихоокеанских побережий по примеру владений Северо-Американских штатов и Великобритании, лежащих на противоположном берегу Тихого океана под теми же широтами»[34].

Когда стало ясно, что прежняя политика забвения может привести к экономической и даже политической утрате Камчатки, Чукотки и Командорских островов, а мирное экономическое проникновение туда американцев и японцев грозит повторением судьбы Русской Америки, правительственный взор, так долго прикованный к южным округам Приамурского края, вновь обратился на север. Нужны были экстренные меры для того, чтобы удержать Охотско-Камчатский край за Россией. Край нуждался не только в переселенцах, но и в сильной, вооруженной знаниями и капиталами мирной армии русских исследователей и промышленников. На Камчатском полуострове проживало не более 300 человек русских, включая администрацию и военных, он приносил казне до 20 млн рублей убытков. Обрусение Камчатки представлялось неудовлетворительным, христианизация местного населения носила в основном формальный характер, заброшенность и необеспеченность края «изуродовали русского мужика-крестьянина, бывшего хлебопашца», сближение русских с коренными жителями полуострова привело лишь к тому, что одни «худо одичали», а другие «дурно обрусели»[35]. Еще в самом начале XX в. приморский губернатор Н.М. Чичагов предложил переселить сектантов из тех, кто не отвергает самозащиты, чтобы таким образом пополнить ряды защитников Камчатки. Старообрядцы и духоборы привлекали местную администрацию еще и тем, что надеялись только на себя и не требовали помощи от правительства. Но эти предложения так и не были реализованы[36]. Как на очевидную нелепость указывалось и на то, что административные границы Приморской области вытянулись длинной полосой на 14 тысяч верст и включали в свой состав территории, столь различные по климатическому, хозяйственному и этнографическому характеру. Сосредоточение областной администрации во Владивостоке, на южной оконечности области, фактически лишало северные уезды какого-либо контроля властей.

---

[34] Представление МВД в Совет министров «Об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина» (11 авг. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 61–62.

[35] Из жизни камчатского миссионера и записки из дневника иеромонаха Нестора. Киев, 1912. С. 18–19.

[36] *Якименко Н.А.* Переселенческая политика царизма и проблема заселения Камчатки в начале XX в. (1900–1916 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 18–20.

Особенно опасным было положение на Чукотском полуострове, который даже не имел своей уездной администрации. В связи с появившейся в газете «Новое время» статьей М.О. Меньшикова с красноречивым названием «Отваливающийся край»[37] П.Ф. Унтербергер писал П.А. Столыпину об угрожающем положении Чукотки. Его беспокоило бесконтрольное поведение там американцев, которым попустительствовало образованное в 1902 г. Северо-Восточное Сибирское общество во главе с В.М. Вонлярлярским[38]. Еще в 1905 г. горный инженер К.Н. Тульчинский провел ревизию деятельности общества и доложил свои выводы межведомственной комиссии в Петербурге. Та в свою очередь заключила: «Горный и золотой промыслы не получили сколько-нибудь заметного развития, что же касается русского влияния на полуостров, в противовес иностранному, то это не только что не достигнуто, но, наоборот, влияние американское еще больше закрепилось, чему способствовали различные и иностранные и полуиностранные уполномоченные и агенты названного общества»[39]. Генерал-губернатор призывал не спешить и не бояться, что «у нас втуне лежат природные богатства без всякой пользы, так как эксплуатация их, произведенная хотя бы несколько лет спустя, но планомерно и с знанием дела, больше принесет выгоды населению и казне, чем бессистемная раздача монополий»[40]. В 1906 г. на Чукотку были направлены горный инженер, врач, фельдшер, а также штабс-капитан Белугин[41] на правах уездного начальника, который должен был бороться с нелегальной деятельностью американцев и заниматься делом «вселения и укрепления в чукчах сознания принадлежности к Российской империи»[42]. Для поддержания добрых отношений с чукчами он был снабжен предметами первой необходимости для их продажи по дешевой цене, а также раздачи беднякам бесплатно. Конечно, такие ограниченные меры не могли иметь большого успеха. Северо-Восточное Сибирское общество, хозяйничавшее на полуострове, не только не шло на сотрудничество с немногочисленной правительственной администрацией, но и открыто конфликтовало с ней.

Возглавляемую В.М. Вонлярлярским компанию П.Ф. Унтербергер именовал не иначе как «полуамериканской», а открытие золотых россы-

---

[37] *Меньшиков М.О.* Отваливающийся край // Новое время. 1908. 11 (24) ноября.

[38] В ответ на нападки в прессе В.М. Вонлярлярский попытался оправдаться, объясняя, что русский капитал не хочет идти на Чукотку. – Новое время. 1908. 26 ноября (9 дек.); см. также: *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 32–34.

[39] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 276.

[40] Там же. С. 278.

[41] В 1907–1908 гг. его сменил штабс-капитан Калинников.

[42] П.Ф. Унтербергер – П.А. Столыпину (30 дек. 1908 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 766. Л. 220.

пей могло лишь усилить внимание американцев к полуострову, вызвав его американизацию. В 1910 г. Северо-Восточное Сибирское общество было официально закрыто. Приамурский генерал-губернатор решительно выступил против проекта строительства железной дороги Канск – Берингов пролив с полосой отчуждения вдоль нее, представленного российскому правительству французским инженером Лойком де Лобелем от имени американского синдиката. Унтербергер предпочел бы в духе охранительной имперской политики по-прежнему оставить Чукотку неосвоенной и без дороги, нежели дать американцам легкий доступ на полуостров с Аляски. «В результате, кроме Амурского вопроса, положение которого в настоящее время крайне серьезно, – предупреждал он, – мы создадим еще новый вопрос – Чукотский»[43].

В качестве неотложной меры Унтербергер предлагал пока ограничиться правительственным надзором, организовав регулярную охрану военными судами северной части тихоокеанского побережья России[44]. В 1909 г. Морское министерство направило сюда транспорт «Колыма» и канонерскую лодку «Маньчжур». Для охраны прибрежных вод привлекались также корабли пограничной стражи и специальные суда, принадлежавшие на Дальнем Востоке ГУЗиЗ[45]. До 1908 г. регулярный пароходный рейс на Чукотку совершался всего один раз в год, а с 1909 г. их стало два. Унтербергер предлагал также устроить на Чукотке, Камчатке и Сахалине сеть радиотелеграфных станций. Главное же сейчас, полагал приамурский генерал-губернатор, срочно заменить американское снабжение товарами русским, хотя бы и путем субсидий от правительства. Усиление вооруженной охраны Чукотки было признано нецелесообразным, из-за ее безлюдности и отсутствия каких-либо заметных русских промыслов содержание воинского отряда будет и дорого, и сопряжено с большими лишениями для солдат[46].

Русская печать настойчиво продолжала напоминать о богатом, но «заброшенном» и «отпадающемся» крае, который все еще мало исследован и которому угрожает захват иностранцами. Побережье Охотского моря, отмечала газета «Далекая окраина», носит своеобразный русско-японо-американский колорит[47]. П.А. Столыпин заказал составить обзор

---

[43] П.Ф. Унтербергер – министру финансов В.Н. Коковцову (1 дек. 1906 г.) // «Американцы шаг за шагом захватывают наш край». О проекте железной дороги Канск – Берингов пролив // Источник. 1996. № 4. С. 47.

[44] П.Ф. Унтербергер – П.А. Столыпину (30 дек. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. 68-72.

[45] Особый журнал Совета министров 19 октября 1910 г. «О правительственном надзоре за русскими владениями на Камчатке и на Чукотском полуострове» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. М., 2001. С. 361–362.

[46] А.Ф. Редигер – А.П. Столыпину (11 ноября 1908 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 766. Л. 197.

[47] Далекая окраина. 1911. 3 июня.

печати, который бы свидетельствовал о тяжелом положении далекой восточной окраины империи. На представленном премьер-министром обзоре русской периодической печати об Охотско-Камчатском крае Николай II 21 января 1908 г. наложил резолюцию: «На Восточную Сибирь вообще и на Охотско-Камчатский край в особенности следует обратить самое серьезное внимание и приступить к живой деятельности там немедленно»[48]. Это дало возможность Столыпину в вопросе о северо-восточных уездах Приморской области действовать более энергично.

На основании разного рода сведений за 1901–1906 гг., почерпнутых из отчетов приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов Якутской, Приморской, Амурской областей и острова Сахалина, а также обзора периодической печати, был подготовлен «Перечень вопросов по управлению областями Дальнего Востока». Необходимые меры, как их формулировало правительство, касались прежде всего: 1) административного переустройства Приморской области; 2) строительства новых телеграфных линий; 3) пересмотра законодательных ограничений на ведение горного промысла в стоверстной прибрежной полосе[49]; 4) расширения колонизационного фонда за счет земель Амурского и Уссуийского казачьих войск[50]. Именно они и стали предметом специального рассмотрения в Совете министров 7 апреля и 7 мая 1908 г.

Настоятельность административного переустройства Приморской области, как отмечалось на заседаниях Совета министров, объясняется ее огромной протяженностью, резкими природно-климатическими отличиями отдельных ее районов, трудностями организации коммуникаций, что ставит «непреодолимые преграды для правильного управления» и защиты «от постоянного захвата иностранцами»[51]. Здесь особенно остро ощущалось отсутствие сильной и авторитетной власти. Что касается административного устройства, то предлагалось: 1) из северных округов (Петропавловского, Командорского, Охотского, Гижигинского и Анадырского) образовать особую Камчатскую область с центром в Петропавловске; 2) преобразовать управление Сахалином; 3) разделить Южно-Уссу-

---

[48] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Ч. II. С. 419.

[49] Еще в 1885 г. для иностранных подданных и российских компаний с акциями на предъявителя был установлен запрет на ведение горных работ в 100-верстной приграничной зоне Приморской области. Законом 17 июня 1901 г. устанавливалась стоверстная береговая полоса в Приморской области и на Сахалине, где также запрещалось организовывать горные, золотодобывающие и нефтяные промыслы. Против таких ограничений в 1909 г. выступило МТиП, поддержанное приамурским генерал-губернатором. – *Терехов А.М., Синиченко В.В.* Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. С. 29–31.

[50] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Ч. II. С. 420.

[51] Там же. С. 420–421.

рийский уезд на три новых уезда; 4) оставить во Владивостоке градоначальство, а приморское областное управление перенести в Никольск-Уссурийский. Предусматривалось также пересмотреть систему управления инородцами, установленную еще в 1822 г. Там, где это было возможно, управление ими должно быть приравнено к соответствующему русскому[52]. Особое значение придавалось созданию телеграфной линии Якутск–Охотск–Николаевск–Петропавловск: «...благодетельное значение телеграфа в деле культурного возрождения местностей, по которым он пролегает, и его необходимость в интересах управления не подлежат спору»[53].

Несколько особняком на заседании Совета министров 7 апреля 1908 г. прозвучало предложение иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова. Он призвал не ограничиваться только Дальним Востоком и взглянуть на проблему шире. Во-первых, Селиванов выразил готовность передать Колымский округ из Якутской области во вновь образуемую Камчатскую область; во-вторых, центром сосредоточения морских сил на Тихом океане он называл не Владивосток, а Петропавловск, «с прекрасной гаванью, доступной для навигации 9 месяцев году»; в-третьих, им было предложено по примеру Забайкальской области изъять Амурскую область из состава Приамурского генерал-губернаторства. Последнее свое предложение иркутский генерал-губернатор мотивировал не только потребностями обороны в случае войны с Китаем, но и тесными экономическими связями Амурской области с Забайкальем[54]. Однако названные предложения Селиванова натолкнулись на возражения П.Ф. Унтербергера, который был явно не готов на столь радикальный территориальный передел. Присоединение же Колымского округа к Камчатской области он считал возможным только в случае установления регулярных пароходных рейсов по Северному морскому пути[55].

Совет министров, отклонив план А.Н. Селиванова, поддержал первоначальный вариант реформы административного устройства Приморской области и согласился начать с 1910 г. строительство телеграфной линии Якутск-Охотск, а для соединения с Петропавловском ограничиться устройством беспроволочной связи. В решении Совета министров специально акцентировалось, что планируемые администра-

---

[52] Тобольский губернатор Н.Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (1 марта 1908 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 12.

[53] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Ч. II. С. 422–423.

[54] Соображения, высказанные в заседании Совета министров 7 апреля 1908 г. иркутским генерал-губернатором генералом от инфантерии А.Н. Селивановым по поводу перечня вопросов по управлению областями Дальнего Востока // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 258. С. 1–3.

[55] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Ч. II. С. 422.

тивные преобразования призваны «существенно содействовать культурно-экономическому оживлению отдельных частей упомянутой области, многие из коих в настоящее время почти совершенно оторваны от своего центра и находятся не только вне попечения высшей областной власти, но и вне какого-либо действительного контроля, что крайне опасно ввиду ... стремления иностранцев к усиленному проникновению на Камчатку и в северные уезды Приморской области, все сильнее подпадающие под чужеземное влияние»[56]. 19 июня 1908 г. Николай II утвердил решение Совета министров, но реализация принятых мер явно запаздывала.

В своем представлении в Государственную думу 29 октября 1908 г. П.А. Столыпин постарался внушить депутатам свою озабоченность сложностью ситуации в регионе: «Приморская область является нашей отдаленной колонией, которая долгое время оставалась заброшенной и в значительной своей части представляет страну совершенно пустынную, хотя и наделенную огромными природными богатствами. Чтобы отстоять ее от захвата иностранцами и двинуть вперед ее культуру, необходимы, как доказывает колониальный опыт государств Западной Европы и Америки, широкая административная организация, предоставление местным деятелям достаточных полномочий и средств и привлечение лучших отборных людей, способных к творческой пионерской работе»[57]. В этой декларации содержалась не только констатация важности намеченных мер, но и по сути официальное признание Приморской области колонией Российской империи, а также указание на необходимость использования зарубежного колониального опыта с опорой на местные силы и инициативу. Только при этих мерах, заключал премьер-министр, возможно ожидать плодотворных результатов и возмещения государственных затрат. Но в своих предложениях глава правительства, разумеется, не шел дальше обычной деконцентрации бюрократической системы управления окраинами с очевидным автономным колониальным статусом.

Осуществление административной реформы на северо-востоке империи тем временем шло своим неспешным по российским обычаям бю-

---

[56] Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Ч. II. С. 422. Когда в ноябре 1910 г. было установлено беспроволочное телеграфное сообщение с Петропавловском-Камчатским, П.Ф. Унтербергер отправил царю телеграмму: «Счастлив донести Вашему Императорскому Величеству, что Высочайшая Воля Ваша о соединении Камчатки с центром России исполнена. Это великое событие неминуемо откроет новую эру культурной жизни и развития отдаленной, но богато одаренной области Российской Державы...». – *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 254.

[57] Представление П.А. Столыпиным законопроекта «Об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина» в Государственную думу (29 окт. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 21. Ч. 1. Л. 197.

рократическим порядком, но приамурская администрация не готова была ждать долго, остро ощущая опасность упущенного момента. 17 декабря 1908 г. П.Ф. Унтербергер вновь напомнил П.А. Столыпину об угрожающем положении в северных уездах Приморской области. Его особенно пугало то, что камчатское население относится к японцам «радушно и гостеприимно». Именно от японцев они получают медицинскую помощь и многие необходимые товары и продукты. Если так будет продолжаться и дальше, то, передавал Унтербергер мнение петропавловского уездного начальника, «вся Камчатка станет не только японофильствующей, но объяпонится». Поэтому нужно торопиться с административными преобразованиями, которые позволят усилить надзор как за японцами, так и за японофильствующими камчатскими жителями. «Первейшей и наиважнейшей задачей будущей областной администрации, – как ее формулировал Унтербергер, – должно быть упорное отстаивание интересов России на нашем Севере путем ограждения его от японского наступательного движения и подъема населения, которое, по общему отзыву местных должностных лиц, находится в состоянии полного духовного и экономического запущения и совершенно не может выдержать натиск столь энергичного и настойчивого соседа, как японцы»[58].

В докладной записке «Неотложные нужды Приамурья» (9 февраля 1909 г.) Унтербергер уже в который раз настаивал на скорейшем выделении северных уездов в отдельную область (с предоставлением в распоряжение ее администрации необходимых средств надзора), расширении телеграфной сети, усилении морской охраны российских берегов и установлении регулярных пароходных сообщений с Гижигинским и Анадырским уездами, Командорскими островами и Чукотским полуостровом, которые «требуют к себе особенного внимания вследствие деятельности иностранных хищников, незаконной торговли и, наконец, распространения на местное население вредного государству иностранного влияния»[59].

Законопроект об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина предварительно был рассмотрен в комиссии по направлению законодательных предположений Государственной думы. Комиссия акцентировала внимание на двух принципиальных подходах к устройству власти на отдаленных и малонаселенных окраинах империи: «1) ввиду исключительных и своеобразных условий будущей Камчатской области высший представитель власти в ней должен быть не администратором в обычном смысле слова, а скорее добросовестным

---

[58] П.Ф. Унтербергер – П.А. Столыпину (17 дек. 1908 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 766. Л. 26.

[59] Записка П.Ф. Унтербергера «Неотложные нужды Приамурья» (9 февр. 1909 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 66.

и заботливым хозяином и 2) ввиду того, что естественные богатства края и мало исследованы, и не вполне выяснены, деятельность губернатора должна носить характер постоянной, систематической экспедиции, снаряженной Правительством для объединения деятельности отдельных органов в области исследования жизни и природных богатств края»[60]. Другим важным моментом организации здесь должна стать полнота власти, сосредоточенная в руках камчатского губернатора. По мнению той же думской комиссии, он должен, помимо обычных функций, получить право распоряжаться всей государственной собственностью на территории области и омывающих ее морей, а также пользоваться правами попечителя учебного округа, начальника почтово-телеграфного округа, иметь широкие хозяйственные полномочия (например, на утверждение торгов и поставок на сумму свыше 10 000 руб., что предоставлено обычно генерал-губернатору) и возможность действовать самостоятельно в экстренных случаях, что также приравнивало его полномочия к генерал-губернаторским[61].

После рассмотрения в законодательной комиссии законопроект подвергся обсуждению в Государственной думе 28 апреля 1909 г. Докладчик по этому вопросу в Думе, член группы националистов Д.Н. Чихачев напомнил депутатам, что вопрос поднимается правительством за последнее столетие далеко не в первый раз, и речь должна идти не о создании, а о восстановлении Камчатской области. Предупредил он депутатов и о предстоящих значительных затратах, которые понесет казна на содержание чиновников, обеспечив их не только жалованьем, но и жильем, предоставив средства на их разъезды, на содержание парохода для губернатора, на строительство казенных зданий и т.п. Только расход на переустройство Приморской области МВД оценивало в 692 тыс. руб. единовременно и 57 тыс. руб. ежегодно. Но такие траты необходимы, утверждал Чихачев, если здесь мы не хотим повторить пример Аляски и Южного Сахалина.

Местная администрация, по мнению думской комиссии, должна получить значительные права «вширь и вглубь»: «Вширь в том смысле, чтобы деятельность Министерства внутренних дел и его органов не встречала противодействия со стороны соседних ведомств, чтобы не было междуведомственных трений, с которыми так хорошо мы знакомы»[62]. Что же касается «расширения прав губернатора вглубь», то это

---

[60] Извлечение из всеподданнейшего отчета за 1912–1913 гг. о состоянии Камчатской области // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-б. Л. 60. Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия II. Ч. IV. Заседание 28 апр. 1909 г. Стлб. 142.

[61] Там же. Стлб. 144–145.

[62] Там же. Стлб. 141. Такой подход к реформе вызвал одобрение правой части думских депутатов, которые приветствовали слова Чихачева возгласами «браво».

означало освобождение его от мелочной опеки не только МВД, но и главного начальства в крае в лице генерал-губернатора. Чихачев считал, что по примеру политики Англии в Индии на окраинах Российской империи губернаторская власть должна сыграть огромную историческую роль.

Основная дискуссия в Думе развернулась вокруг главного вопроса, как бы продолжив только что отшумевшие дебаты по поводу Амурской железной дороги: своевременно ли тратить столь значительные средства на Дальний Восток? Чихачев, предупреждая возможные возражения, заявил, что «мы больше всего боялись бы, если бы Камчатка и наш Дальний Восток сделались обузой для государства. Мы никоим образом не говорим о том, что Дальний Восток должен кормиться за счет центра государства, мы говорим о совершенно другом, мы говорим: поставьте этот край на ноги, дайте ему самое необходимое, охраните его народные богатства от хищников, а остальное приложится само собою, и этот край может сделаться житницей России и может послужить к обогащению центра государства, подобно тому, как Аляска послужила к обогащению Северо-Американских Соединенных штатов. Нам нужна правительственная программа, планомерность и постепенность решения дальневосточных вопросов»[63], заключал свою вступительную речь от имени думской комиссии Чихачев.

Однако первый же выступивший в думских прениях депутат от Орловской губернии мирнообновленец А.А. Федоров открыто декларировал, что главное внимание правительства должно быть направлено на западные границы империи и вряд ли стоит «устремлять целый поток денежных средств на дальневосточные окраины в то время, когда является крайне необходимым поддержать наш оскудевший центр и коренную Россию»[64]. Нам, по его словам, нужно могущественное, богатое и культурное ядро государства, из которого по опыту других государств можно будет затем переносить накопившуюся энергию на «отдаленные свои колонии и окраины». Не пойдут «на какую-нибудь Камчатку» рабочие из центральных губерний, а частные капиталы лучше привлечь к разработке богатств Европейской России.

В Государственном совете, куда законопроект перешел после одобрения Государственной думой, особой полемики не было. Судя по стенографическому отчету, выступал от имени 33 членов совета бывший товарищ министра внутренних дел Н.А. Зиновьев. Одобряя в целом про-

---

[63] Извлечение из всеподданнейшего отчета за 1912–1913 гг. о состоянии Камчатской области // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-б. Л. 60. Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия II. Ч. IV. Заседание 28 апр. 1909 г. Стлб. 146.

[64] Там же. Стлб. 151.

ект, он заявил, что не следует бояться предстоящих затрат, а «предлагаемое преобразование управления этой окраиной должно считаться лишь первым шагом»[65].

После обсуждения в Государственной думе и Государственном совете 17 июня 1909 г. последовало преобразование управления на Дальнем Востоке. Была создана Камчатская область, а на Северном Сахалине сохранена самостоятельная губернаторская власть. Этот закон был временным, лишь на 5 лет, но его действие было продлено на следующий пятилетний срок в 1914 г.[66] Камчатская область получила ограниченный набор государственных учреждений, а главные нити управления сосредоточились в руках губернатора, который лично ведал государственными имуществами (но рыбные промыслы остались в компетенции приамурского управления государственных имуществ в Хабаровске), учебной частью, почтами и телеграфом, ему подчинялась пешая жандармская команда и местные городовые казаки.

В судебном отношении дальневосточные области относились к округу Иркутской судебной палаты. Мировой суд в южных районах дальневосточных областей был введен еще в 1885 г. на общих для всей Сибири основаниях. В 1911 г. мировой суд был образован и в Камчатской области, а в 1912 г. в Петропавловске создан окружной суд. Однако, как свидетельствовал председатель Петропавловского окружного суда, «коренное население, по характеру мирное, запуганное историческими условиями жизни, редко обращается к защите суда»[67]. Петропавловск и Охотск городского общественного самоуправления не имели и больше напоминали не города, а селения. В Петропавловске было создано областное казначейство. В церковном отношении Камчатская область оказалась разделенной между тремя епархиями: Якутской (Охотский уезд), Владивостокской (Петропавловский, Гижигинский, Анадырский и Командорский уезды) и Аляскинской (Чукотский уезд). В последнем, правда, не было не только ни одного храма, но и ни одного священника[68].

Но это, разумеется, не решило всех проблем. В 1910 г. П.Ф. Унтербергер сам отправился на Камчатку. Он также побывал в Охотске, Аяне, на Шантарских островах и добрался даже до мыса Дежнева[69] и Аляски, где генерал-губернатор почерпнул для себя много полезного с точки зре-

---

[65] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Заседание 11 июня 1909 г. С. 2493.

[66] Особый журнал Совета министров (2 и 17 октября 1914 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 245. Утвержден Николаем II 24 октября 1914 г.

[67] Подробнее см.: *Чечелев С.В.* Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

[68] Обзор Камчатской области за 1912 г. Петропавловск-Камчатский, 1914. С. 6.

[69] Здесь был установлен по инициативе П.Ф. Унтербергера памятник Семену Дежневу, а чукчам был разъяснен смысл этого памятника и наказано беречь его.

ния управления аборигенным населением. Общественность увидела в этой поездке знаменательный факт, свидетельствующий о том, что об этом давно забытом крае наконец-то вспомнили[70]. В ноябре 1910 г. Унтербергер обратился в МВД с предложением как можно быстрее образовать отдельный Чукотский уезд, аргументируя усиление российского административного присутствия тем, что «население Чукотского полуострова остается пока народом нам чуждым, не знающим ни православной веры, ни русской речи и только смутно сознающим свою принадлежность к России»[71]. Рекомендовалось в обращении с населением избегать резкостей и все улучшения быта его проводить осторожно и постепенно. Переселять же русских колонистов нужно с большой осмотрительностью, чтобы пришельцы не нанесли урона природным богатствам края, на которых зиждется существование местных жителей. Последние будут полезны переселенцам, так как лучше приспособлены к условиям края, а это будет содействовать более рациональному использованию ресурсов, как свидетельствует американский опыт на Аляске.

Лично ознакомившись с жизнью северо-восточной окраины империи, П.Ф. Унтербергер предложил меры по ее обрусению, используя православную миссию, соединенную со школой и опытной станцией, что позволило бы объединить культуртрегерскую деятельность, устранить возможные трения между представителями разных ведомств. Проводников обрусительной политики он призывал искать в северных русских монастырях, где монахи привыкли к суровому климату и морским промыслам. Эффективность такой постановки дела генерал-губернатор также видел на Аляске. Нужны помимо всего экстренные меры по борьбе с пьянством среди чукчей, энергичные действия по вытеснению с полуострова американской торговли и замене ее русской. «Поэтому, – заключал Унтербергер, – нам предстоит еще серьезная внутренняя работа по сближению с нами чукчей путем насаждения среди них начал русской жизни и заботы о их насущных нуждах, что в свою очередь будет лучшим средством противодействия влиянию там американцев»[72].

Еще дальше в предложениях по усилению российского влияния на Северо-Востоке Азии пошел в 1910 г. якутский губернатор И.И. Крафт. Очевидно, меняющуюся управленческую ситуацию на дальнем Востоке

---

[70] Приамурский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 год. Хабаровск, 1911. С. 45.

[71] П.Ф. Унтербергер – министру внутренних дел (30 ноября 1910 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 1. Границы Чукотского уезда были установлены распоряжением генерал-губернатора 19 июня 1910 г. Первоначально местопребыванием начальника Чукотского уезда определили бухту Проведения, а затем, в 1912 г., перенесли в поселок Уэлен. – История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 129.

[72] *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 333.

он воспринял как сигнал к тому, чтобы обратить правительственное внимание и на Якутскую область. Его, как и П.Ф. Унтербергера, волновала прочность охраны побережья Камчатки и Чукотского полуострова. Для их надежной обороны, утверждал якутский губернатор, необходимы внутренние базы, которыми смогут стать в глубине континента Якутск и Средне-Колымск, где будут сосредоточены войска, продовольственные и военные склады, госпитали. Но для этого нужно «оживить край», соединить Якутск с Амурской железной дорогой, принять дополнительные меры по заселению Якутской области русскими и разработке там естественных богатств. Кроме того, необходимо провести дорогу от Якутска до Охотска и Аяна, а также телеграфную линию Средне-Колымск – Гижигинск. Это потребует не только дополнительных ресурсов и капиталовложений, но и «объединения мероприятий на пространстве всего материка, занимаемого Камчатской и Якутской областями. Руководить всеми мерами должна единая воля сильной власти, облеченной широкими полномочиями».[73] Для этого И.И. Крафт предлагал объединить управление обеими областями в руках нового генерал-губернатора, местопребыванием которого должен стать Якутск.

По-прежнему острым оставался вопрос о колонизации Камчатки. Число переселенцев было незначительным, а их состав неудовлетворительным с качественной стороны. «Мы же посылаем на Камчатку переселенцев, беспомощных до смешного, – отмечалось в 1910 г. в «Приамурском торгово-промышленном и справочном календаре», – представляющих в культуртрегерском смысле величину совершенно отрицательную, и японцу, ходатайствующему об открытии школы, мы противопоставляем «мурку», заливаем полуостров спиртом, вытягиваем оттуда, что можем, как последнее добро из горящего дома...»[74]. В 1912 г., когда Камчатка была открыта для вольного поселения, туда прибыло 127 семей, но надежд на их успешное устройство, как подчеркивалось в местном официальном издании, было мало[75]. На 1 января 1914 г. в Камчатской области проживало всего около 40,5 тысяч человек с самой низкой плотностью населения по стране (0,04 человека на одну кв. версту)[76].

Строительство Амурской железной дороги и ускоренная колонизация южных районов российского Дальнего Востока вызвали и там перемены в административном устройстве. Необходимо было отказаться от сугубо бюрократического подхода к кадровой политике, ко-

---

[73] И.И. Крафт – П.А. Столыпину (5 янв. 1910 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 129.

[74] Приамурский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 г. Хабаровск, 1910. С. 82.

[75] Обзор Камчатской области за 1912 г. Петропавловск-Камчатский, 1914. С. 21.

[76] Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 21.

гда штатный состав чиновников определялся исходя из численности населения или из объема документооборота. Так, в Приморской области документов обращалось в три раза больше, чем в Амурской. Зато в последней строительство Амурской железной дороги и ускоренная колонизация потребовали от чиновников более интенсивной и сложной работы. В образованной в 1858 г. Амурской области первоначально был введен упрощенный порядок управления, сосредоточенный в руках губернатора и его канцелярии. Какие-либо совещательные учреждения, предусмотренные реформой 1822 г., здесь не создавались. Новое штатное расписание 1888 г. только на время облегчило положение. Оно было пересмотрено через десять лет, но также внесло лишь паллиативные улучшения.

В записке «Об учреждении областного управления Амурской области» (12 сентября 1909 г.), подготовленной местной администрацией, утверждалось, что главным мотивом сосредоточения всей власти непосредственно в руках военного губернатора служило убеждение, что в Амурской области, «как поставленной в исключительные условия, необходима быстрая, решительная и сильная власть, а такой властью может быть только единичная власть военного губернатора»[77]. Но военный губернатор очень скоро оказался заложником своей канцелярии, которая превратилась из учреждения исполняющего его распоряжения во властный орган во главе с единоличным начальником канцелярии. Параллельно в Амурской области усложнялась структура управления, появились специальные учреждения, подведомственные МВД: областные присутствия по городским, крестьянским делам, по воинской повинности и др. Хотя их создание и приводило к росту специализации, однако запутывало управление, обостряя потребность в его единстве. Создание коллегиального учреждения, помимо объединения власти, позволило бы разгрузить губернатора от многочисленных административных мелочей. Испытывая потребность в коллегиальном обсуждении некоторых вопросов, губернатор вынужден был собирать не предусмотренные законом областные совещания из компетентных лиц[78]. Не устраивала местную администрацию и правовая база местного управления, загроможденная массой устаревших статей, восходивших еще к сибирской реформе М.М. Сперанского. В качестве образца амурские власти указывали на сибирскую губернскую реформу 1895 г., которая смогла объединить под

---

[77] Доклад вице-губернатора Амурской области «Об учреждении управления Амурской области» (12 сент. 1909 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 16.

[78] *Закревский В.А.* Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып. IX. С. 218.

единым началом губернатора большинство местных учреждений[79]. Подобная мера рассматривалась как определенный этап на пути административной унификации областного управления и постепенный переход к единообразию «правительственных органов везде, где это не противоречит местным особенностям края»[80].

17 декабря 1910 г. П.Ф. Унтербергер обратился к министру внутренних дел с проектом преобразования канцелярии военного губернатора и ряда других областных учреждений Амурской области[81]. Несмотря на активность приамурской администрации, только в 1912 г. было решено преобразовать канцелярию амурского военного губернатора в областное правление. Но это решение так и не вступило в силу из-за начавшейся мировой войны.

Необходимо было создать и более густую сеть местных учреждений, увеличить число уездов в быстро заселявшихся южных районах Приморской и Амурской областей. Только за 1906-1914 гг. сюда переселилось почти 250 тыс. человек. К началу 1907 г. в наиболее популярном среди переселенцев Южно-Уссурийском округе уже насчитывалось 124 355 крестьян, 32 450 военных и 43 550 человек из прочих сословий, среди которых основную массу составляли иностранцы, главным образом корейцы и китайцы. Население здесь быстро росло и к 1 января 1908 г. составило 260 355 душ[82]. На территории Уссурийского края, приблизительно равной Оренбургской губернии, в 1910 г. было образовано три уезда: Ольгинский, Никольск-Уссурийский и Иманский[83].

В 1908 г. вопрос о создании еще одного уезда (Зейского) в Амурской области поднял военный губернатор А.В. Сычевский. Однако приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер предложил не спешить, так как этот район еще слабо заселен. Но отказ в организации дополнительного уезда не остановил местные власти в Благовещенске. В 1909 г. они возобновляют ходатайство, настаивая в этот раз на увеличении численности уездной полиции в области, мотивируя свое предложение растущим числом переселенцев. При этом предусматривалось ввести должность помощника (с расширенными правами) уездного начальника

---

[79] Доклад вице-губернатора Амурской области «Об учреждении управления Амурской области» (12 сент. 1909 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 16. 17 марта 1903 г. такая реформа была проведена в Якутской области.

[80] Там же. Л. 21.

[81] П.Ф. Унтербергер – министру внутренних дел (17 дек. 1910 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 6.

[82] Представление министра внутренних дел в Совет министров (11 авг. 1908 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 82.

[83] *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 259.

с резиденцией в г. Зея-Пристань[84]. Выражалась уверенность, что в будущем неизбежно должен будет появиться не только Зейский, но и Селемджинский уезд. Унтербергер на этот раз поддержал эту меру, заявив, что разделение области на уезды является насущной необходимостью, так как один уездный начальник с несколькими становыми приставами при примитивном состоянии проселочных колесных дорог не в состоянии осуществлять управление столь значительной и сложно организованной территорией. Действительно, Амурская область в административном отношении представляла конгломерат разновременных территориальных образований: города Благовещенск и Зея-Пристань, Амурский уезд, округ Амурского казачьего войска, Зейский и Буреинский горно-полицейские округа, отдельные системы Нижне-Селемджинских, Хинганских и Сутарских приисков, III и IV полицейские участки по постройке средней части Амурской железной дороги, переселенческие подрайоны. Неясно распределялись обязанности между крестьянскими начальниками и переселенческими чиновниками, имевшими разную ведомственную принадлежность. Кроме того, амурский губернатор просил передать в Амурскую область часть территории за Яблоновым хребтом из Якутской области. Этим бы достигалось соединение управления приисками в Зейском горном округе и включение их в округ Благовещенского окружного суда. В 1910 г. МВД согласилось на разделение Амурской области на Зейский, Селемджинский и Благовещенский уезды, но эта мера так и не была реализована до 1917 г.

Следующий этап административных преобразований связан с назначением 29 января 1911 г. приамурским генерал-губернатором шталмейстера Н.Л. Гондатти. Тем самым была прервана традиция назначения на подобные посты исключительно военных[85]. Этим фактически устанавливалась раздельность военного и гражданского управления в регионе. Уже его предшественник, военный инженер П.Ф. Унтербергер, полагал, что должность генерал-губернатора в крае по существу стала гражданской, и назначение военного лица служило лишь престижу власти[86]. Однако военный министр В.А. Сухомлинов считал эту точку зрения ошибочной, характеризовал Гондатти как человека, не отвечающего важности подобного поста и не способного к «дружной работе» с воен-

---

[84] *Умрихин А.В.* Проблемы административного устройства Амурской области в начале XX в. (1908–1917) // Вестник Амурского государственного университета. 1998. Вып. 3. С. 19.

[85] До него в XIX в. генерал-губернаторами из гражданских чиновников в Сибири были только сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель (1806–1819 гг.) и восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский (1822–1833 гг.).

[86] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 50.

ными[87]. Как вспоминал генерал А.С. Лукомский, если объединения гражданских и военных властей не происходило, то между командующим войсками округа и высшим гражданским начальником начинались неизбежные трения, что в свою очередь вызывало осложнения между военным министром и министром внутренних дел. Военные министры традиционно настаивали на соединении на окраинах военной и гражданской власти в руках генерал-губернатора из военных, а министры внутренних дел стремились доказать, что генералы совершенно не готовы выполнять административные функции. Несмотря на желание строго регламентировать и разделить права командующего войсками округа и генерал-губернатора, практика указывала на то, «что двух медведей в одной берлоге помещать нельзя»[88].

Н.Л. Гондатти добивался также освобождения губернаторов Приморской и Амурской областей от обязанностей по заведованию казачьим населением по примеру Степного края[89]. Это не было простым переименованием военных губернаторов в гражданские, а означало смену приоритетов в системе окраинного управления. Вопрос о соотношении военных и гражданских полномочий возник еще при рассмотрении в Государственной думе проекта об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина весной 1909 г. Тогда же было предложено переименовать должность сахалинского военного губернатора в губернатора гражданского. Думская комиссия по государственной обороне в качестве одного из аргументов в пользу такого изменения заявила, что правительству сложно найти одновременно в одном лице хорошего военачальника и гражданского администратора, и потому приходится «останавливаться на средних личностях», которые бывают не только посредственными военачальниками, но и администраторами также посредственными. Тогда же в Думе прозвучала мысль о том, что, видимо, имеет смысл расширить круг возможных кандидатов на административные посты на Дальнем Востоке и поискать их «среди морских офицеров, среди инженеров той или другой специальности, среди ис-

---

[87] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 244–245. Столкновение произошло из-за дома в Хабаровске, в котором жил командующий войсками генерал П.А. Лечицкий, а Н.Л. Гондатти хотел его оттуда выселить. Не устраивали военных и меры, направленные на ограничение использования китайских рабочих, что приводило к повышению цен при строительстве военных объектов.

[88] *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 63.

[89] В Акмолинской и Семипалатинской областях военные губернаторы были переименованы в губернаторов, что отражало изменившееся к этому времени положение этих областей внутри империи, а Государственная дума в 1910 г. рассматривала вопрос об упразднении генерал-губернаторских постов в Вильно, Киеве и Омске. – Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия III. Ч. IV. Заседание 5 июня 1910 г. Стлб. 3581–3587.

следователей этого края»[90]. Впрочем, в МВД не посчитали этот вопрос принципиальным, так как «царь может всегда назначить гражданским губернатором военного, которому будет поручено командование войсками»[91]. Вместе с тем в высших сферах продолжали придерживаться давно уже осознанной перспективы, что постепенно империя может безболезненно перейти к гражданскому управлению в Азиатской России.

Приамурский генерал-губернатор продолжал доказывать, что соединение военной и гражданской власти в одних руках было необходимо только на начальном этапе присоединения и заселения края, когда казаки были здесь «главными засельщиками», когда «вообще преобладали интересы расположенных здесь воинских частей». Это придавало единство власти и экономило средства на содержание аппарата управления. В настоящее время, указывал Н.Л. Гондатти, на первый план вышли задачи хозяйственного развития края и его заселения. А это существенно меняет губернаторские функции, требует новых подходов к управлению. Он приводил в качестве аргументов то, что такой опыт «у военных генералов, избираемых на должности военных губернаторов и в громадном большинстве случаев не получивших соответственной подготовки, имеется очень редко, а это, бесспорно, отзывается неблагоприятно на управлении областями, так как вновь назначаемым начальникам их, в ущерб живому делу, приходится уделять огромное количество времени и труда на ознакомление с гражданскими законами и вообще условиями гражданской службы...»[92]. Не удовлетворяло его и то, что военные смотрели на свои гражданские занятия как на дело временное, планируя в дальнейшем продолжить военную карьеру. В качестве доказательства использовался и его собственный пример – вот даже генерал-губернатор теперь из гражданских! Но при этом Гондатти не мог не сознавать и двойственности своего положения, когда в его подчинении находились военные губернаторы, зависимые от Военного министерства. К тому же переход к отделению военного управления от гражданского, неизбежно требовал новых расходов на введение должностей наказных

---

[90] Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия II. Ч. IV. Заседание 28 апр. 1909 г. Стлб. 144–145.

[91] АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487. Д. 766. Л. 332.

[92] Н.Л. Гондатти – министру внутренних дел (25 мая 1912 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 58. На это указывала и европейская колониальная практика: «...Подчинять колониальные дела ведению морского или военного министерства, это значит отодвигать их на задний план и позволять управлять ими чиновникам, которые, усвоив себе военные привычки и идеи, не имеют специальных знаний и не обладают качествами, необходимыми для разумного ведения дел совершенно гражданского свойства. Подчинение колониальных вопросов целям морского флота или военным – есть одна из главных причин застоя наших колониальных владений...». – *Леруа-Болье П.* Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С. 510-511.

атаманов Уссурийского и Амурского казачьих войск. Однако МВД, скептически относившееся к самому институту генерал-губернаторов и военных губернаторов, поддерживало Гондатти.

По решению Совета министров было образовано межведомственное совещание, которое возглавил Н.Л. Гондатти. Совещание было призвано ускорить решение различных дальневосточных вопросов, требовавших согласия нескольких ведомств[93]. Кроме того, по просьбе Гондатти председатель Совета министров предписал в обязательном порядке, одновременно с внесением в Государственную думу проектов, касающихся Приамурского края, обязательно информировать о них и приамурского генерал-губернатора[94]. Одним из главных вопросов, рассмотренных совещанием, стала очередная корректировка административного устройства края. Воспользовавшись изданием новых штатов для Амурской и Приморской областей, Гондатти 25 мая 1912 г. вновь поставил вопрос об административных преобразованиях. Это касалось прежде всего управления Северным Сахалином и Удским уездом. Уже в 1907–1909 гг., как уже упоминалось, выдвигались предложения выделить из Приморской области Удский уезд и с присоединением к нему Северного Сахалина образовать самостоятельную область. Против такого территориального альянса тогда решительно возражал П.Ф. Унтербергер, считая его искусственным. Теперь Н.Л. Гондатти призвал вернуться к этому предложению и создать здесь объединенную область. Таким образом, становилось возможным соединить управление территориями, находившимися далеко как от Владивостока, так и от Хабаровска.

Новая административная комбинация была подготовлена несколькими публикациями. «Московские ведомости» указывали на стратегическое значение Удского края, легко заняв который неприятель мог быстро захватить всю Приморскую область[95]. Новая область, писала газета «Окраины России», важна в стратегическом смысле, так как объединит в руках одной власти оборону Сахалина, устьев Амура и Охотского побережья[96].

По мнению приамурского генерал-губернатора, расположенный на транзитном пути г. Николаевск станет центром экономически перспективного в будущем района. Кроме того, уверял Н.Л. Гондатти, он уже имеет исключительно важное военно-политическое значение, охраняя вход с моря в Амур. От Николаевска экономически зависят Удский уезд

---

[93] Журнал межведомственного совещания под председательством приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (20 марта 1913 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

[94] Председатель Совета министров – министру иностранных дел (17 дек. 1911 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 286.

[95] Московские ведомости. 1911. 6 июля.

[96] Окраины России. 1911. 25 июня.

и Северный Сахалин, поэтому сюда с большей пользой можно перенести резиденцию военного губернатора. Новую область Гондатти предложил назвать «Романовской», в честь 300-летия дома Романовых[97]. В состав новой области планировалось включить три уезда: Удский, Невельской (куда вошла бы, помимо Николаевска, и северная часть русского Сахалина) и Сахалинский. Создание новой области, доказывал генерал-губернатор, станет дополнительным стимулом для промышленного освоения этих районов, богатых рыбой, золотом, углем, нефтью. Кроме того, здешнее население, состоящее из ссыльных, требует и усиленного внимания властей. «Сахалинская область, – с присущим ему пафосом и литературной образностью заключал Гондатти, – дитя в государственной семье Российской империи. Она начала существовать общей со всем государством жизнью лишь с 1906 г., так как жизнь ее до русско-японской войны при каторжном режиме протекала в исключительных условиях. Население области – это больной, выписанный из больницы после тяжелой болезни и оказавшийся на улице со слабым еще здоровьем, без работы. Переживаемый сахалинским населением экономический кризис есть только переход от прежнего попечительного во всех отношениях режима к самостоятельной трудовой жизни»[98]. Особое значение Гондатти придавал устройству гавани в посту Александровском на Сахалине.

В Петербурге с проектируемыми мерами в целом согласились. Были даже произведены расчеты стоимости возведения новых административных зданий, а Министерство финансов традиционно постаралось сократить расходы на все предлагаемые меры. В особом мнении этого министерства говорилось: «Образование новой области ... едва ли должно вызывать организацию управления новой областью с проектируемым многочисленным составом служащих ввиду не только крайней незначительности населенности этой области (29 000 жителей, в том числе 12 000 в г. Николаевске), но и ограниченности ее территории – около 160 тыс. кв. верст»[99]. Вызвало неодобрение и название новой области – «Романовская». Из опасений, как бы столь ко многому обязывающее название не было скомпрометировано в пограничной области, с тяжелым прошлым и неясным будущим, остановились на более традиционном – «Николаевская».

---

[97] Н.Л. Гондатти – министру внутренних дел (25 мая 1912 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 54.

[98] Записка по вопросу о присоединении к Сахалинской области Удского уезда Приморской области и о перенесении резиденции управления новой области в г. Николаевск // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-а. Л. 124.

[99] Особое мнение представителя Министерства финансов (2 мая 1913 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 471. Л. 586.

Далее события развивались по давно отработанному сценарию. 7 февраля 1913 г. было образовано межведомственное совещание в Петербурге, председательствовать в котором поручили все тому же Н.Л. Гондатти. Но дело двигалось чрезвычайно медленно. 16 апреля 1914 г. Гондатти попытался выяснить в МВД судьбу своего проекта. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков ответил, что в Совете министров вопрос об объединении Северного Сахалина и Удского уезда (правда, без южной его части) в одну область решен положительно и даже одобрен 26 февраля 1914 г. царем[100]. В порядке верховного управления, без обсуждения в Государственной думе и Государственном совете, Советом министров, с последующим утверждением царем, 24 октября 1914 г. было установлено, что Удский уезд, за исключением его южной части, передан в состав Сахалинской области[101]. Но провести до конца необходимые преобразования в условиях войны оказалось невозможно. Хотя губернатор с путевой канцелярией и перебрался в Николаевск, остальные учреждения продолжали оставаться в Александровском под управлением вице-губернатора. В октябре 1916 г. сахалинский губернатор Д.Д. Григорьев оставил свой пост, возложив обязанности на вице-губернатора Ф.Ф. Бунге. Такой управленческая ситуация на российской части острова сохранялась вплоть до падения царского режима[102].

Однако местные власти решили на этом не останавливаться, предпринимая дальнейшие шаги по усилению власти и административному объединению всего Северо-Востока Азии. Н.Л. Гондатти 24 июня 1915 г. внес очередное предложение, на этот раз об усилении полиции в Сахалинской области. Он снова напирал на особые условия и призывал мыслить стратегически: «При вновь вводимом административном устройстве области приходится принимать во внимание не то, что этот край сейчас собой представляет, а то, чем он будет в ближайшем будущем, благодаря богатейшим природным богатствам; рыбным, горным, благодаря несравненному географическому положению своему в устье огромнейшей водной артерии, ведущей к свободному морю»[103]. Особое беспокойство вызывал наплыв в область китайцев, что также усложняло задачи полиции. Подобных воззрений придерживался и сахалинский губернатор Д.Д. Григорьев, который 13 сентября 1915 г. телеграфировал в Петербург, что было бы полезным присоединить к Сахалинской облас-

---

[100] Приамурские ведомости. 1914. 29 марта.

[101] Особый журнал Совета министров (2 и 17 окт. 1914 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 41. Л. 245.

[102] *Гридяева М.В.* Главным в жизни была работа (О Федоре Федоровиче фон Бунге) // Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 95–98.

[103] Выписка из сообщенной приамурским генерал-губернатором 24 июля 1915 г. объяснительной записки к законопроекту об устройстве полицейской части в Приамурском крае // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-б. Л. 77.

ти и Охотский уезд, что создаст «сильную область с главным центром в Николаевске»[104]. С началом добычи в Охотском уезде золота жизнь здесь после более чем полувекового затишья начала понемногу оживать[105]. Альтернативный вариант, который рассматривался также в правительственных кругах, связанный с присоединением Охотского уезда (как планировалось в очередной раз) к Якутской области, дальневосточные власти считали не только бесполезным, но и вредным. При этом подчеркивалось, что этот уезд ничего не связывает с Якутском, тогда как его золотодобыча и рыбопромышленность ориентированы на Владивосток и Николаевск. Гондатти вспомнил, что такую меру предлагал еще граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Приамурский генерал-губернатор настаивал не только на присоединении Охотского уезда к новой области, но и выделении в ней Амгуньского уезда, а также образовании дополнительных полицейских станов.

Таким образом, главной правительственной задачей на Дальнем Востоке России, как и прежде, виделось ужесточение охраны за промыслами, а также усиление и сосредоточение региональной власти в одних руках. Изменившаяся политическая ситуация в стране расширила число акторов имперской политики, включив в дальневосточный дискурс, помимо местных властей и министерств, Государственную думу, обновленный Государственный совет, политические партии, а также представительные организации российской буржуазии в столицах и на окраине. В период премьерства П.А. Столыпина, которому на некоторое время удалось сплотить правительство, центр обсуждения дальневосточных вопросов переместился в Совет министров и созданный при нем Комитет по заселению Дальнего Востока. Изменилась и расстановка сил между ведомствами: на первый план вышло ГУЗиЗ со своей переселенческой программой, серьезно потеснив не только силовые министерства, но МВД и Министерство финансов. Возросло значение в дальневосточных делах МТиП и МПС, что было связано как со строительством Амурской железной дороги, так и с планами по освоению природных ресурсов и расширением торговой деятельности. Однако местная высшая администрация продолжала удерживать управленческие позиции и сохранять инициирующую роль, настойчиво предлагая свои варианты административного переустройства региона, его экономического и демографического развития. При сохранении остроты проблемы «центр – регион» дальневосточные власти должны были искусно лавировать между продолжавшимися межведомственными противоречиями, не только

[104] Телеграмма сахалинского губернатора Д.Д. Григорьева – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (13 сент. 1915 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 22-б. Л. 55.

[105] *Вус В.Г.* Заветный край особой русской славы. Хабаровск, 1990. С. 119–126.

настойчиво уплотняя и унифицируя региональную географию власти, но и постоянно наращивая удельный вес русского населения. Именно в этом виделся главный смысл охранительных мер, призванных защитить край от наплыва мигрантов из-за границы и экономического захвата на Дальнем Востоке внутреннего российского рынка товаров, труда и капитала иностранцами.

Поражение в Русско-японской войне дало новый импульс дальневосточной политике, направив на этот раз ее вектор внутрь региона, отложив задачи внешней военной и экономической экспансии на будущее. Империя взяла своего рода тайм-аут, чтобы «сосредоточиться», создать мощный экономический и военный потенциал, способный вернуть доминирующее положение в регионе, ограничив ареал прямого действия (прежде всего экономических интересов, а не территориальных притязаний) Монголией и Маньчжурией. Впервые за всю историю российского Дальнего Востока он приобрел самоценность, подогреваемую, впрочем, традиционным опасением ее потерять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Перенося с места на место свой базис из Охотска в Петропавловск, из Петропавловска в Николаевск, потом во Владивосток и, наконец, в Порт-Артур, мы не делали самого существенного, не закрепляли края, изобиловавшего разными богатствами, широкой русской колонизацией, с проложением дорог, без которых немыслимо никакое торговое или промышленное предприятие. Мы все время чего-то искали, не имея прочной оседлости и напоминая местных кочевников, которые бросают свои старые стойбища, как ненужные и испорченные».

Н.В. Слюнин[1]

В дальневосточной географии власти XIX–начала XX вв. тесно переплелись два важнейших направления, имеющих общую цель – *организацию единого имперского пространства.* Первое направление было нацелено на внешнюю имперскую экспансию, на установление новых государственных границ, второе – на внутреннее административно-территориальное устройство нового региона империи. Имперский характер этой политики имел явную зависимость пространственной структуры власти, ее географии от внешнеполитических и военно-стратегических установок, от изменений в имперской идеологии и даже от личных позиций влиятельных государственных деятелей как в Петербурге, так и в самом регионе. Управленческая политика на Дальнем Востоке вобрала в себя как классические для Российской империи приемы властной организации, так и специфические черты, порожденные природными факторами, а также комплексом региональных геополитических воздействий.

---

[1] *Слюнин Н.В.* Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 5.

Формируемая на протяжении XIX в. как внутренний, хотя и географически удаленный от центра, российский регион дальневосточная окраина империи в хозяйственном и политико-административном отношении первоначально представляла слабозаселенную территорию с неясно осознанными перспективами ее освоения. Динамика властного пространства, его управленческое конструирование преследовало прежде всего цели выстраивания коммуникативных линий (во многом обусловленных природной средой – реки и удобные морские гавани), определения административных и хозяйственных центров. Российские власти почти не имели здесь старых политических, этнических или культурных границ, которые (как на Кавказе или в Средней Азии) могли бы оказывать существенное воздействие на конфигурацию административной карты. Административные границы в динамике географии власти не были устойчивыми, повторяя в основном природный ландшафт, его орографию и гидрографию. Важное значение в этом процессе властного освоения окраины имела комбинация административных образований в «большой административной группе» – генерал-губернаторстве. Приоритет был явно за определением степени управленческой самостоятельности местной администрации. Интерпретация региона постепенно усложнялась с расширением внешних имперских границ, а также нарастанием внутренних политических и управленческих задач. Созданные военными города должны были стать управленческими, хозяйственными и культурными географическими опорными точками имперской интеграции региона.

На первых порах административно-территориальная организация Дальнего Востока диктовалась скорее военно-политическими причинами, чем потребностями народно-хозяйственного районирования. Правительство испытывало известные трудности в определении местоположения административных центров, что объяснялось неясностью перспектив экономического развития (земледельческого или промышленного), а также затянувшимися спорами о континентальной или морской направленности правительственной политики в этом регионе. В эти годы была еще слабо выявлена динамика хозяйственного развития, продолжала сохраняться разобщенность областных и окружных центров, отсутствовала даже первичная общая экономическая структурированность края. Экономика региона длительное время существовала в виде плохо связанных между собой анклавов. Включение в состав приамурского генерал-губернаторства Забайкальской области выглядело искусственным с точки зрения географии власти. Но Забайкалье было необходимо российскому Дальнему Востоку как демографический и продовольственный ресурс, пока не появились альтернативные варианты: крестьянская колонизация из Европейской России (в том числе кру-

госветным путем), рост сельскохозяйственного производства в Приамурье и Приморье, а также поставки продовольствия из Маньчжурии и Монголии.

Сложное сочетание и импульсивное нарастание имперских задач приводит к «уплотнению» дальневосточного образа, и с середины XIX в., с Н.Н. Муравьева-Амурского, который «открыл» России ее Дальний Восток, регион превращается в важный объект общественного сознания. Из периферийного в географическом, экономическом и политическом отношениях региона, каким он был в начале XIX в., российский Дальний Восток к концу столетия превращается в центр борьбы за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он становится важным фактором мировой политики, приобретая в российской геополитике значение большой буферной зоны, будучи одновременно плацдармом для дальнейшей имперской экспансии. Это был определенный самой природой (без коммуникаций, населения и какой-либо инфраструктуры) оборонительный рубеж от вторжения с востока. Разреженность военных и административных центров при слабой заселенности русскими создавала опасную геополитическую ситуацию и усиливала значение географических преград, которые должны были восполнить военные и управленческие лакуны на границе. Политические мотивы не только явно доминировали, но и отодвигали экономические задачи на неопределенное будущее. Дальний Восток России воспроизводил общеимперскую ситуацию, когда на уровне региона дальнее пространство (в том числе и лежащее за пределами империи) было главной целью в ущерб остающемуся плохо освоенному и обустроенному ближнему (внутрирегиональному) пространству. Империя была обречена обращать на окраины больше внимания, чем на центр, потому что именно на периферии лежали ее основные заботы безопасности (внутренней и внешней), именно там конкурируя, империя соприкасалась с себе подобными.

Дальневосточная большая пограничная зона была призвана предохранить еще слабо интегрированные в имперское пространство восточно-сибирские земли от нежелательного экономического и политического влияния европейских держав и США. Охранительным пафосом были проникнуты возражения против поспешного экономического освоения российских дальневосточных земель, во избежание экономической привлекательности для соперничавших в регионе государств. За подобного рода опасениями был виден страх потерять стратегически важные для будущего России территории, престиж великой державы, а также пугающий призрак формирующейся сибирской идентичности. Империя стремилась выиграть время, чтобы заселить русскими дальневосточную окраину, обрусить ее и тем самым закрепить навсегда в составе Российского государства. В этих целях использовалась казачья колонизация,

ссылка и крестьянское переселение в Приамурский край. В дальневосточном процессе империостроительства самодержавие было по преимуществу толерантным в отношении инонационального и иноконфессионального населения.

Однако с середины XIX в. в этот традиционный для империи механизм окраинной политики вторгаются, нарастая к началу нового века, национальные мотивы «сделать край русским». В присоединении, заселении и освоении Приамурья и Приморья слились два трудно разделимых процесса строительства империи и формирования национального государства. Благодаря аграрной и промышленной колонизации из западных районов страны, за счет перемещения славянского населения империя получала на Дальнем Востоке дополнительные скрепы, превращая новые земли в Россию не только политически, но этнодемографически и социокультурно, имея шанс с большим успехом реализовать здесь проект «большой русской нации».

В отличие от Западной и Восточной Сибири, имперская политика на российском Дальнем Востоке испытывала незначительное воздействие этнического фактора, игнорируя, по сути дела, социально-экономические и культурные запросы коренных народов, не ощущая с их стороны политической опасности, но и слабо проявляя заинтересованность в военно-политическом и хозяйственном сотрудничестве с ними (за исключением, может быть, бурят, и на раннем этапе присоединения Приамурья – тунгусов). Имперская власть рассматривает дальневосточных аборигенов не как основной, а как дополнительный ресурс, интенсивно замещая их пришлым русским населением. Нараставшая с рубежа XIX–XX вв. бурятская национальная идентичность уравновешивалась все еще сильной российской/имперской (верноподданнической) идентичностью бурят[2].

Однако на Дальнем Востоке для империи вставала новая угроза – усиливающейся миграции в регион китайцев и корейцев, порождая «желтый вопрос» и «желтую опасность». На фоне возрастающей минимизации этнокультурного и экономического влияния на правительственную политику коренных народов российского Дальнего Востока и их социальной маргинализации в регионе с угрожающей быстротой вырастал «желтый вопрос». «Демографический империализм» китайцев и корейцев при сохранявшейся длительное время неустроенности государственных границ и слабой экономической освоенности и заселенности Дальнего Востока русскими порождал опасения в прочности территориального могущества империи. Фобия «желтой опасности» быстро вышла из ре-

[2] *Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д.* Бурятская идентичность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX вв.). Иркутск, 2003. С. 31–35.

гиональных рамок и доросла до общероссийского масштаба, став важной составной частью новой имперской идеологии. В формировании ее дальневосточной составляющей инициативную роль сыграли региональные администраторы, исследователи и публицисты. Однако в ранг новой идеологической формулы «желтый вопрос» возвели столичные интеллектуалы, которые вписали его в широкий философский контекст и породили новый для империи ориенталистский дискурс, включавший как страх «грозы с Востока» и панмонголизма, так и геополитический расчет на цивилизационное родство России и Азии.

Дальневосточный правительственный курс (при известной нерасчлененности внешнеполитических и внутриполитических задач) был не только непоследовательным и противоречивым, но и носил явно импульсивный характер, подогреваемый в XIX и начале XX вв., главным образом, или периодически возникавшей опасностью утраты российских дальневосточных территорий, или желанием играть ведущую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Очарование Дальним Востоком в правительственных кругах и общественных сферах периодически сменялось апатией, поисками других, как казалось, более перспективных направлений имперской политики. Пики интенсивности дальневосточной политики (рубеж XVIII–XIX вв., конец 1840-х–1850-е гг., рубеж 1870–1880-х гг., конец 1890-х гг.–1905 г., 1908–1911 гг.) сменялись периодами спада, доходившего почти до полного забвения нужд российского Дальнего Востока. Неустойчивое сочетание в правительственной политике повышенного политического и экономического интереса к Азиатско-Тихоокеанскому региону, сознаваемого потенциально перспективным с точки зрения развития международной торговли, а также значения Дальнего Востока как земельного запаса для быстро растущего русского крестьянского населения и охранительных позиций, обусловленных неспособностью Российской империи организовать хозяйственное освоение дальневосточных земель и их надежную обороноспособность, предопределило импульсивность региональной имперской политики.

Имперский импульс, вызванный оживлением интереса к региону на рубеже XVIII–XIX вв., к началу 1820-х гг. постепенно затухает, сменяясь двумя десятилетиями почти полной политической и экономической апатии. Самодержавие, разумеется, не сбрасывает со счетов намерений играть важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в середине XIX в. резко меняет вектор дальневосточной политики с северо-востока Азии и Северной Америки к югу, в сторону Приамурья и Уссурийского края. Это направление открывало новые имперские горизонты территориального расширения в сторону Маньчжурии, Монголии и Кореи, а также возможность иметь свободный и географически надежный выход в открытый океан.

Однако славная в истории России «амурская эпопея», продолжавшаяся с конца 40-х и все 50-е гг. XIX в., оказалась непродолжительной по времени, иллюзорной по замыслам найти путь к «Средиземному морю будущего», приготовиться к ожидаемому разделу Цинской империи. Стремление взять у Запада реванш с началом 1860-х гг. переместилось с Дальнего Востока в Центральную Азию, где уже новые герои империи искали славы, чинов и званий, плодородных земель, подвластных народов и «естественных» границ. Н.Н. Муравьев-Амурский, увенчанный графским титулом, покинул Иркутск с осознанием не только сделанного дела, но и пониманием, что звездный час Приамурского края прошел.

На очередные два десятилетия дальневосточная политика империи снова впала в вялотекущую стадию. От громких дел дальневосточные администраторы и военные перешли к бюрократическим дебатам о ведомственных приоритетах в тиши закрытых особых совещаний и комиссий. Столичные чиновники и дальневосточные эксперты занялись, как иронизировали по этому поводу в российской прессе, административным «вырезыванием и притачиванием» азиатских владений по «самоновейшим столичным выкройкам», за которыми не успевали учебники географии[3].

Имперская политика, хотя и без особого рвения, обратилась внутрь региональной географии власти. Дальним Восток стал своего рода полигоном для отработки и реализации различных подходов в административно-территориальной организации империи. Вместе с тем опыт административной политики самодержавия на Дальнем Востоке в 60–80-е гг. XIX в. демонстрировал стремление выработать несколько иную, нежели в центре страны, управленческую модель, что представляет не только исторический, но и практический интерес ввиду актуальности задач регионального управления.

Осложнения отношений с Китаем на рубеже 70–80-х гг. XIX в. заставили бюрократическую машину на короткий срок вращаться с большей скоростью, но и на этот раз дело ограничилось созданием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, когда угроза войны на востоке уже спала. И теперь уже не из Иркутска, а из Хабаровска посыпались в Петербург жалобы на забвение края, необходимость его усилить с военной точки зрения, закрепить за империей экономически, связать с коренной Россией народонаселенческими узами, стянуть имперское пространство железнодорожными и телеграфными линиями. Реально же продолжалась прежняя политика игнорирования региональных интересов в угоду удовлетворения внешнеполитических амбиций царизма на

[3] Камско-Волжская газета. 1874. 20 апр.; Восточное обозрение. 1886. 19 июня; 1889. 27 авг.

Дальнем Востоке. Особенно ясно это обнаружилось в связи со строительством КВЖД, Харбина, Порт-Артура и Дальнего.

Максимальный пик дальневосточной политики пришелся на рубеж XIX–XX вв. и закончился в 1905 г. поражением Российской империи в войне с Японией. Несмотря на всплеск правительственного и общественного внимания к региону в эти годы, собственно российский Дальний Восток оказался на периферии этого внимания. Приамурский край оказался перед угрозой превращения в ресурсный придаток к Дальневосточному наместничеству с центром в Порт-Артуре. Неудачная Русско-японская война приостановила внешнюю экспансию и заставила российское правительство и общество обратить взоры на внутренние проблемы российского Дальнего Востока, которые в течение всего XIX в. предавались забвению в угоду имперским амбициям. Если и до 1905 г. в дальневосточном дискурсе присутствовала тема опасности утраты российского Дальнего Востока, то с поражением в Русско-японской войне она стала доминирующей, включив не только угрозу новой войны с Японией, но и мирный захват имперской окраины китайскими мигрантами или европейскими и американскими предпринимателями. Сибирь и российский Дальний Восток, как отмечалось в официальном издании, в новых исторических условиях стали «передовым постом и буфером», которые нельзя оставить «в состоянии экономического застоя», и только путем их изучения и освоения Россия сможет выполнить завещанную предшествующими поколениями задачу – «сохранить эти земли для дальнейшего роста и величия нашей родины»[4]. В имперской политике главными инструментами становятся русская крестьянская колонизация, железные дороги, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал.

В проходящих на протяжении всего XIX и начала XX вв. правительственных дебатах по поводу управления российским Дальним Востоком сталкивались не просто ведомственные амбиции, порожденные отсутствием «объединенного правительства», а разное видение политических и экономических перспектив России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Смена импульсов дальневосточной политики сопровождалась сменой управленческих приоритетов, сопряженных с их ведомственной принадлежностью. В начале XIX в. доминирующие позиции на российском Дальнем Востоке имело Морское министерство. Всплеск интереса к Амуру в середине XIX в. сопровождался обострением противостояния МИДа и высшей местной администрации, поддерживаемой в Петербурге военными. 1860-1880-е гг. прошли под знаком соперничества Морского и Военного министерств (при арбитраже МВД, прежде всего его Главного тюремного управления), претендовавших на управленческое

[4] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 616, 638.

доминирование в регионе. Несмотря на то, что континентальная доктрина превалировала в административной политике, с конца XIX в. моряки, воспользовавшись поддержкой Николая II, сумели восстановить утраченные позиции. На рубеже веков, когда интерес к Азиатско-Тихоокеанс-кому региону достиг своей кульминации, противоречия между Военным и Морским министерствами осложнились вмешательством Министерства финансов, которое постаралось внести в дальневосточную политику более прагматичные мотивы «экономического империализма», хотя и не лишенные внутренне присущего империи авантюризма. Ситуация была окончательно запутана вневедомственным влиянием на царя «безобразовцев», засевших в Комитете Дальнего Востока и подчинивших своему влиянию дальневосточного наместника. С проигранной Русско-японской войной наступает некоторое отрезвление, и на первый план выходят задачи демографического закрепления региона за Россией. На этот раз претензии на доминирующие позиции заявило ГУЗиЗ, стремясь оттеснить своих ведомственных соперников. Попытки снизить остроту отсутствия в стране «объединенного правительства» путем создания высших территориальных комитетов (Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги, Комитета Дальнего Востока, Комитета по заселению Дальнего Востока) дали кратковременный эффект, который зависел во многом от личных способностей таких государственных деятелей, как Н.Н. Муравьев-Амурский, С.Ю. Витте, «безобразовцы», П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин.

Присоединение в середине XIX в. амурских и уссурийских земель привело к смещению процесса освоения Дальнего Востока с линии Иркутск – Якутск – Охотск – Петропавловск южнее на линию Иркутск – Чита – Благовещенск – Николаевск – Хабаровск, а затем – Владивосток, что повлекло за собой серьезные изменения в территориальной организации региона. География власти на Дальнем Востоке на всем протяжении рассматриваемого периода находилась под преобладающим воздействием военно-политических факторов над экономическим районированием. Разногласия во взглядах на уровень и перспективы развития различных районов Дальнего Востока, на формы региональной управленческой иерархии, комбинацию управленческих структур в «большой административной группе» (генерал-губернаторстве) вели к появлению многочисленных проектов административно-территориального переустройства региона, обусловили затяжной характер реформ. Однако в этом многообразии проектов следует особо отметить одну важную, на наш взгляд, тенденцию: самодержавие последовательно двигалось по пути разрушения административного единства географически и исторически формировавшихся регионов, создавая административную сеть со все более дробными и мелкими управленческими ячейками.

Дальневосточный вариант имперского управления в полной мере отразил многовариантность и альтернативность подходов в административной окраинной политике, выявил значительный спектр разногласий по принципиальным вопросам организации региональной власти. Реформирование административной системы на Дальнем Востоке России сопровождалось попытками определить теоретические основания нового территориального устройства края исходя из геополитической роли и перспектив его экономического развития в будущем. К разрешению этих проблем были привлечены видные государственные деятели и ученые, состояние региона на месте изучали специальные комиссии, был собран большой статистический материал, активно учитывался отечественный и зарубежный опыт в области административного строительства. В определении перспектив развития Дальнего Востока столкнулись не только ведомственные интересы, но выявилось и известное несовпадение взглядов центральных и местных властей.

Задачи административного устройства Дальнего Востока оказались тесно связанными с общими проблемами деконцентрации управления имперскими окраинами, что вызывалось потребностями рационализации и оптимизации управленческой деятельности. Передача властных полномочий из центра в регион являлась своего рода уступкой требованиям местной высшей власти, настаивавшей на необходимости создания в регионе сильной, инициативной и самостоятельной власти. Последняя мера должна была повысить оперативность регионального управления. Вместе с тем министерства стремились к унификации управления окраинами империи, наращивая в них свое ведомственное присутствие. Таким образом, отсутствие единства правительственных действий в Петербурге транслировалось на региональный уровень, усложняя проблему координации министерств, действующих по отраслевой вертикали, и генерал-губернаторов, призванных во властной горизонтали объединить местное управление.

Самодержавие, сталкиваясь со сложными проблемами на окраинах империи, не останавливалось перед деконцентрацией не только внутренней, но и внешней политики. Исторически это было оправдано до тех пор, пока контроль из центра был неэффективным, а министерства не имели своих институтов на региональном уровне. Когда же министерства создали довольно густую сеть своих учреждений, а телеграфное сообщение сделало возможным оперативную связь со столицей, генерал-губернаторы оказались в трудном положении. Они были вынуждены действовать с оглядкой на позиции в регионе министерств и не брали на себя необходимую инициативу и ответственность, ожидая указаний из центра. Положение генерал-губернаторов серьезно осложнилось после Первой российской революции, когда выросло число акторов

дальневосточной политики (Государственная дума, реформированный Государственный совет, политические партии, независимая пресса, центральные и местные представительные организации буржуазии), усилились объединительные тенденции в Совете министров. Чрезвычайная по своей сути власть генерал-губернаторов оказалась плохо согласованной с новым механизмом законодательства и местного администрирования, что дало ее оппонентам дополнительные аргументы ратовать за ее упразднение. Статус генерал-губернаторской власти продолжал оставаться с правовой точки зрения плохо очерченным, скорее допускаемым лишь временно, до тех пор, пока центральные ведомства не создали плотную сеть управленческих институтов и не наладили надежные коммуникации. Однако параллельно с процессом унификации и централизации географии власти административные проблемы на дальневосточной окраине продолжали нарастать и усложняться, что требовало оперативных действий местных властей, не только мобильности в принятии управленческих решений, усиления финансовой самостоятельности, но и готовности взять на себя политическую и военную ответственность за внутреннее положение в регионе и безопасность на региональном участке государственной границы. На Дальнем Востоке прочность генерал-губернаторского института власти была дополнительно обеспечена не только удаленностью края от центра, но и реальными или мнимыми внутриполитическими и внешнеполитическими угрозами.

В условиях, когда интерес центральных властей к Дальнему Востоку носил импульсивный характер, подогреваемый внешнеполитическими амбициями, местная администрация была заинтересована в большей стабильности, в четких ориентирах и приоритетах освоения края, остро нуждавшегося в государственной поддержке. Создание генерал-губернаторства давало возможность для выхода за жесткие рамки централизации управления и для некоторой правовой и управленческой автономии. Более осведомленная в нуждах региона местная высшая власть была способна эффективнее подойти к вопросам управления комплексно, преодолеть ведомственную разобщенность путем координации на региональном уровне деятельности отраслевых и территориальных учреждений. Российский Дальний Восток испытывал все возраставшую потребность не только в деконцентрации власти, но и в децентрализации принятия управленческих решений и их реализации путем привлечения через земские и городские органы, предпринимательские организации местных общественных сил. Но в расширении общественной инициативы и участия имперская власть видела политические опасности столкновения экономических интересов центра и периферии, пока, как заявил П.А. Столыпин по поводу введения земства в Сибири, население не будет связано общерусскими интересами, «как бы кристаллизу-

ется и перестанет быть механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилева»[5]. Несмотря на ошибки, просчеты, а порой и преступное забвение нужд далекой имперской окраины, самодержавию удалось, опираясь на народный колонизационный инстинкт и созданную новую региональную географию власти, не только удержать за собой дальневосточные территории, но и вопреки резким и пессимистическим прогнозам современников превратить их в русский край. Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, отмечает Д. Ливен, современная Россия смогла сохранить и поглотить в «материнском лоне» жемчужину своей имперской короны – Сибирь и благодаря этому остаться великой державой (чего не удалось ни Турции, ни Австрии, ни даже Англии и Франции)[6].

Процесс оформления географии власти Дальнего Востока России, разумеется, не завершился с падением самодержавного строя и достался в наследство Советскому государству, которое также активно искало под влиянием политических и экономических факторов оптимальные формы территориальной организации региона (Дальневосточная республика, Дальневосточный край, возврат к областному и краевому административному устройству и новое экономическое районирование). На современном этапе – это создание Дальневосточного федерального округа, в известной мере повторяющего прежние границы Приамурского генерал-губернаторства.

---

[5] Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

[6] *Ливен Д.* Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 273.

СПИСОК НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ЛИЦ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сибирские генерал-губернаторы

Селифонтов Иван Осипович	т.с.	1803 – март 1806
Пестель Иван Борисович	т.с.	03.03.1806 – 1819
Сперанский Михаил Михайлович	т.с.	22.03.1819 – 22.07.1822

Восточно-сибирские генерал-губернаторы

Лавинский Александр Степанович	д.т.с.	22.07.1822 – 6.12.1833
Сулима Николай Семенович	ген.-л.	6.12.1833 – 28.09.1834
Броневский Семен Богданович	ген.-л.	28.09.1834[1] – 29.07.1837
Руперт Вильгельм Яковлевич	ген.-л.	30.07.1837 – 29.06.1847
Муравьев-Амурский Николай Николаевич	ген.- ад., ген. от инф., граф	5.09.1847[2] – 19.02.1861
Корсаков Михаил Семенович	ген.-л.	19.02.1861[3] – 21.01.1871
Синельников Николай Петрович	ген. от кав.	21.01.1871 – 14.12.1873
Фредерикс Платон Александрович	ген.-ад. ген.-л., барон	14.12.1873 – 10.08.1879
Анучин Дмитрий Гаврилович	ген.-л.	7.12.1879 – 1.01.1885
Игнатьев Алексей Павлович	ген.-м., граф	4.01.1885[4] – 1.09.1887

Иркутские военные генерал-губернаторы

Игнатьев Алексей Павлович	ген.-м., граф	2.09.1887 – 13.05.1889
Горемыкин Александр Дмитриевич	ген.-л.	20.04.1900 – 13.05.1903
Кутайсов Павел Ипполитович	ген.от инф., граф	13.05.1903 – 26.11.1905
Селиванов Андрей Николаевич	ген.-л.	25.04. 1906 – 13.07. 1910
Князев Леонид Михайлович	т.с., егермейстер	июль 1910 – 13.02. 1916
Белецкий Степан Петрович		13.02.1916 – 15.03.1916
Пильц Александр Иванович	д.т.с.	15.03.1916 – 4.03.1917

[1] Утвержден в должности 6.12.1835.
[2] Утвержден в должности 6.12.1849.
[3] Утвержден в должности 19.04.1864.
[4] Утвержден в должности 25.12.1886.

Приамурские генерал-губернаторы

Корф Андрей Николаевич	ген.-ад., ген.от инф., барон	4.07.1884 – 6.02.1893
Духовский Сергей Михайлович	ген.-л., (ген.-ад.)	9.03.1893 – 28.03.1898
Гродеков Николай Иванович	ген.от инф.	28.03.1898 – 30.08.1902
Суботич (Субботич) Деан Иванович	ген.-л.	2.11.1902 – 7.09.1903
Хрещатицкий Ростислав Александрович	ген. от кав.	14.11.1904 – ноябрь 1906
Унтербергер Павел Федорович (Фридрихович)	ген.-л.	18.11.1905 – 6.12.1910
Гондатти Николай Львович	камергер	29.01.1911 – март 1917

Командиры Охотского порта

Пирожков	майор	14.06.1799 – 11.09.1801
Фомин Иван Константинович	вице-адм.	14.03.1801 – 8.01.1803
Башуцкий Василий Яковлевич	кап.-лейт. (кап. 2 р.)	8.01.1803 – 11.08.1805
Бухарин Иван Николаевич	кап. 2 р.	11.08.1805 – 22.06.1808
Миницкий Михаил Иванович	кап.-лейт. (кап. 2 р.)	16.10.1808 –1815
Якушкин (и.д.)	лейт.	1815 – 22.07.1817
Шаховской Александр Егорович	лейт., князь	22.07.1817 – авг. 1819
Голенищев Аркадий Васильевич	кап.-лейт.	авг. 1817 – 2.08.1818
Ушинский Владимир Григорьевич	кап.-лейт.	2.08.1818 – 3.04.1824
Валронт Александр Степанович	кап. 1 р.	3.04.1824 – 6.04.1830
Балк Захар Захарович	кап. 2 р. (кап. 1 р.)	6.04.1830 – 1837
Головнин Николай Викулович	кап. 2 р. (кап. 1 р.)	10.12.1837 – 10.12.1843
Транковский Павел Михайлович	кап.-лейт.	10.12.1843 – 2.07.1845
Вонлярлярский Иван Васильевич	кап. 1 р.	2.07.1845 – 2.12.1849

Начальники Камчатки

Кошелев Павел Иванович		1802 –1806
Петровский Иван Григорьевич	ген.-м.	1806 – 1812
Рудаков И.		? – 1817
Рикорд Петр Иванович	кап. 1 р.	2.02.1817 – 1821
Станицкий Федор Ефимович	кап. 1 р.	1821 – 1822
Голенищев Аркадий Васильевич	кап. 2 р. (ген.-м.)	11.12.1826 – 11.10.1835
Шахов И.Я.	кап. 1 р.	15.01.1835 – 1839
Шишмарев Николай Дмитриевич	кап.-лейт. (ген.-м.)	1839 – 1840
Страннолюбский Николай Васильевич	кап. 2 р.	1840 – 1845

Камчатский военный губернатор

Завойко Василий Степанович	контр.-адм.	2.12.1849 – 31.10.1856

Камчатские губернаторы

Перфильев Василий Васильевич	с.с.	1909 – 18.06.1912
Мономахов Николай Владимирович		1913 – 1917

Кяхтинские градоначальники

Ребиндер Николай Романович		8.07.1851 – 3.04.1856
Федорович Василий Матвеевич		15.03.1857 – 9.01.1859
Деспот-Зенович Александр Иванович		27.03.1859[5] – 23.11.1862

Забайкальские военные губернаторы

Запольский Павел Иванович	ген.-м.	28.10.1851 – 9.08.1855
Корсаков Михаил Семенович	ген.-м.	14.12.1855 – 16.05.1860
Жуковский Евгений Михайлович	ген.-м.	16.05.1860[6] – 11.09.1863[7]
Дитмар Николай Петрович	ген.-л.	2.02.1864[8] – 19.04.1874
Педашенко Иван Константинович	ген.-л.	29.05.1874 – 18.04.1880
Ильяшевич Лука Иванович	ген.-м.	18.04.1880 – 15.03.1884
Барабаш Яков Федорович	ген.-м.	24.06.1884 – 6.02.1888
Хорошхин Михаил Павлович	ген.-м.	22.02.1888 – 16.05.1893
Мациевский Евгений Осипович	ген.-м. (ген.-л.)	27.05.1893[9] – 7.04.1901
Надаров Иван Павлович	ген.-л.	9.05.1901 – 12.04.1904
Холшевников Иван Васильевич	ген.-л.	1905 – 23.01.1906
Сычевский Аркадий Валерианович	ген.-м.	8.01.906 – 20.08.1906
Эбелов Михаил Исаевич	ген.-м.	25.10.1906 – 20.03.1909
Марков Владимир Иванович	ген.-м.	10.06.1909 – 31.10.1909
Косов Василий Иванович	ген.-л.	23.01.1910 – март 1912
Кияшко Андрей Иванович	ген.-л.	28.03.1913 – 1917
Мустафин Владимир Андреевич	ген.-м.	21.01.1917[10]

[5] Утвержден в должности 1.06.1860.

[6] Утвержден в должности 26.02.1861.

[7] В марте 1862 г. Е.М. Жуковский стал иркутским губернатором, должность забайкальского губернатора до февраля 1863 г. исполнял Б.К. Кукель, затем его сменил ген. м. (ген. л.) К.Н. Шелашников. – *Константинова Т.А.* Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита, 2001. С. 18–19.

[8] Утвержден в должности 26.10.1864.

[9] 1.07.1893 – Константинова Т.А. Указ. соч. С. 48.

[10] Выехал из Петрограда в Читу, но в феврале 1917 г. был арестован в Иркутске, в должность губернатора не вступил. – Там же. С. 89.

Приморские военные губернаторы

Казакевич Петр Васильевич	контр.-адм.	6.12.1856 – 4.04.1865
Фуругельм Иван Васильевич (Юган Халтусович)	контр.-адм.	4.04.1865 – 20.04.1870
Кроун Александр Егорович	контр.-адм.	20.04.1870 – 7.07.1875
Эрдман Густав Федорович	контр.-адм.	7.07.1875 – 4.06.1880
Тихменев Михаил Павлович	ген.-м.	4.06.1880 – 29.04.1881
Баранов Иосиф Гаврилович	ген.-м.	29.04.1881 – 30.08.1888
Унтербергер Павел Федорович (Фридрихович)	ген.-м. (ген.-л.)	1.10.1888 – 27.05.1897
Суботич (Субботич) Деан Иванович	ген.-м.	11.06.1897 – 29.08.1898
Чичагов Николай Михайлович	ген.-л.	4.01.1899 – 1903
Колюбакин Алексей Михайлович	ген.-л.	20.01.1903 – 16.08.1905
Флуг Василий Егорович	ген.-л.	21.09.1905 – 19.11.1909
Свечин Иван Николаевич	ген.-м.	23.01.1910 – 1911
Манакин Михаил Михайлович	ген.-м.	28.02.1911 – 3.01.1914
Сташевский Арсений Дмитриевич	ген.-л.	21.01.1914 – 1916
Толмачев Владимир Александрович	ген.-л.	20.01. 1916 – 13.03.1917

Амурские военные губернаторы

Буссе Николай Васильевич	ген.-м.	18.11.1858 – 1.08.1866
Педашенко Иван Константинович	ген.-м.	15.12.1866[11] – 29.05.1874
Оффенберг Альберт Генрихович	флигель.-адъютант, полк., барон	29.05.1874 – 7.03.1880
Баранов Иосиф Гаврилович	ген.-м.	5.04.1880 – 27.06.1881
Лазарев Петр Степанович	ген.-м.	27.06.1881 – 27.02.1886
Беневский Аркадий Семенович	ген.-м.	27.02.1886 – 14.03.1892
Арсеньев Дмитрий Гаврилович	ген.-м. (ген.-л.)	17.06.1892 – 11.06.1897
Грибский Константин Николаевич	ген.-л.	2.06.1897 – 28.02.1902
Путята Дмитрий Васильевич	ген.-м.	30.03.1902 – 1906
Сычевский Аркадий Валерианович	ген.-м.	20.8.1906 – 23.07.1910
Валуев Аркадий Михайлович	ген.-м.	1910 – 1913
Толмачев Владимир Александрович	ген.-м.	1913 – 1915
Хагондоков Константин Николаевич	ген.-м.	1916 – 1917

Владивостокские военные губернаторы

Фельдгаузен Александр Федорович	контр.-адм.	28.04.1880 – 15.10.1886
Энгельм Федор Петрович	кап. 1 р.	15.10.1886 – 31.10.1887
Ермолаев Платон Иванович	контр.-адм.	31.10.1887 – 20.12.1888

[11] Утвержден в должности 3.06.1868.

Начальники острова Сахалина

Гинце Андрей Иванович	ген.-м.	14.06.1884 – 21.02.1888
Кононович Владимир Иосифович	ген.-м.	21.02.1888 – 5.06.1893
Мерказин Владимир Дмитриевич	ген.-м.	20.06.1893 – 30.05.1894

Сахалинские военные губернаторы

Мерказин Владимир Дмитриевич	ген.-м.	30.05.1894 – 3.05.1898
Ляпунов Николай Михайлович	ген.-л.	8.05.1898 – 1905[12]
Валуев Аркадий Михайлович	ген.-м.	7.10.1905[13] – 17.06.1909

Губернаторы Сахалинской области

Валуев Аркадий Михайлович	ген.-м.	17.06.1909 – 20.10.1910
Григорьев Дмитрий Дмитриевич	д.с.с.	31.12.1910[14] – 5.09.1916
Бунге фон Федор Федорович (и.д.)	д.с.с.	окт. 1916 – 11.03.1917

[12] Официально отправлен в отставку 31 янв. 1906 г. – Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 62.

[13] Прибыл на остров, окончательно назначение губернатором состоялось только в апреле 1906 г. – Там же. С. 61–62.

[14] В управление области вступил уже 19.04.1910 г. – Там же. С. 74.

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 161 – Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел.

Ф. 148 – Тихоокеанский стол.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Ф. 24 – Главное управление Восточной Сибири.

Ф. 162 – В.И. Вагин.

Государственный архив Омской области (ГАОО)

Ф. 2 – Сибирский генерал-губернатор.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 109 – III Отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Ф. 722 – Вел. кн. Константин Николаевич.

Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) (ОР ИРЛИ)

Ф. 265 – Журнал «Русская старина».

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 137 – Корсаковы.

Ф. 169 – Милютины.

Ф. 224 – С.А. Петровский.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 1000 – Собрание единичных поступлений.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)

Ф. 26 – И.А. Шестаков.

Ф. 32 – Е.И. Алексеев.

Ф. 224 – Великий князь Константин Николаевич.

Ф. 410 – Канцелярия Морского министерства.

Ф. 1191 –П.В. Казакевич.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 1 – Канцелярия Военного министерства.

Ф. 99 – П.Ф. Унтербергер.

Ф. 165 – А.Н. Куропаткин.

Ф. 400 – Главный штаб. Азиатская часть.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.394 – Комитет по заселению Дальнего Востока.
Ф. 560 – Общая канцелярия министра финансов.
Ф. 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода.
Ф. 908 – П.А. Валуев
Ф. 1093 – П.Е. Щеголев.
Ф. 1149 – Департамент законов Государственного совета.
Ф. 1237 – Предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке.
Ф. 1263 – Комитет министров.
Ф. 1264 – I Сибирский комитет.
Ф. 1265 – II Сибирский комитет.
Ф. 1276 – Совет министров.
Ф. 1284 – Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
Ф. 1286 – Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.
Ф. 1291 – Земский отдел Министерства внутренних дел.
Ф. 1409 – Первое отделение Собственной его императорского величества канцелярии.
Ф. 1622 – С.Ю. Витте.
Ф. 1642 – А.Н. Куломзин.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)

Ф. 8 – Наместничество на Дальнем Востоке.
Ф. 87 – Канцелярия военного губернатора Приморской области.
Ф. 701 – Главное управление Восточной Сибири.
Ф. 702 – Канцелярия приамурского генерал-губернатора.
Ф. 704 – Канцелярия военного губернатора Амурской области.
Ф. 1133 – Канцелярия губернатора Сахалинской области.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГТУ	– Главное тюремное управление
ГУВС	– Главное управление Восточной Сибири
ГУЗиЗ	– Главное управление землеустройства и земледелия
ГУЗС	– Главное управление Западной Сибири
КЗДВ	– Комитет по заселению Дальнего Востока
КСЖД	– Комитет Сибирской железной дороги
МВД	– Министерство внутренних дел
МГИ	– Министерство государственных имуществ
МИД	– Министерство иностранных дел
МНП	– Министерство народного просвещения
МТиП	– Министерство торговли и промышленности
ОР ИРЛИ	– Отдел рукописей Института Русской литературы (г. Санкт-Петербург)
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
РАК	– Российско-Американская компания
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
РГИА ДВ	– Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГИА	– Российский государственный исторический архив
ЧОИДР	– Чтения Общества истории и древностей российских

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза А.М. 363, 367, 368, 369, 378-384, 389, 391-394
Абаза Н.М. 382, 392
Абакумов А.С. 272
Абашин С.Н. 5
Августинович 423
Авелан Ф.К. 369, 373, 384
Агте (Ахте) Н.Х. 172
Адлерберг В.Ф. 195
Александр I 64, 65, 70, 92, 103, 104, 196, 374
Александр II 126, 136, 174, 181, 182, 194, 226, 231, 241, 244, 248, 265, 271, 322, 363
Александр III 39, 62, 262, 273, 277, 278, 282, 313, 321, 322, 333, 345, 347, 358, 360, 361
Александр Александрович, вел. кн. (будущий император Александр III) 270
Александр Михайлович, вел. кн. 317, 323, 331, 343, 350, 363, 364, 391
Александр Николаевич, вел. кн. (будущий император Александр II) 173
Александра Федоровна, императрица 338
Александров Д.А. 24
Александров М.А. 108, 118, 119
Александровская Л.В. 210
Алексеев А.И. 97, 120, 124, 126, 161, 165, 166, 168, 169, 408, 410, 447, 489, 491
Алексеев Е.И. 306, 349, 363, 368-374, 376, 383-397, 413, 414, 433, 490
Алексеев К.М. 489
Алексеев П.С. 59
Алексеева Е.В. 67, 70
Алексеева И.В. 331
Алексей Александрович, вел. кн. 254, 261, 277, 281, 317, 331, 363, 368, 373
Алепко А.В. 77, 401
Альбединский 281
Альфтан В. 332
Амфитеатров А.В. 135, 345
Ананьич Б.В. 4, 5, 328, 367, 382, 396
Андерсон Б. 31
Андреев Г.И. 311
Анисимов А.Л. 136, 229
Анненков М.Н. 24
Анненков Н.Н. 195
Аносов П.П. 213
Анучин Д.Г. 15, 21, 265, 270, 271, 273, 274, 311, 410
Аракчеев А.А. 196
Аргудяева Ю.В. 51, 54
Арктур (Дусинский И.И.) 450
Арсеньев В.К. 55
Арсеньев Д.Г. 308, 360
Арсеньев К.И. 11, 37, 69, 86
Атласов 442
Ауэрбах А.А. 35
Афанасьев Д. 202, 208, 221, 222

Бадмаев П.А. (Жамсаран) 345, 346, 347, 348, 366
Базалийская О.Т. 417
Базили Н.А. 471
Бакулин, иркутский чиновник 96
Бакунин М.А. 122, 133, 180, 184, 204, 334, 335
Баласогло А.П. 65, 68, 87, 125, 130, 149
Балашев А.Д. 104
Балк З.З. 99
Бальбоа Васко Нуньес 146
Барабаш Я.Ф. 21, 25, 267, 288
Баранов А.А. 69
Баранов И.Г. 269, 274, 288, 311, 410, 411
Баранов Э.Т. 274
Барретт Т.М. 39
Барсуков А.П. 122
Барсуков И.П. 55, 120, 122, 125-128, 130, 132, 135, 136-140, 145, 152-155, 157, 161-163, 168-170, 174, 176-185, 187, 188, 190, 192-194, 224, 399
Бартоломей 147, 148
Батеньков Г.С. 205
Бахметьев Н.Н. 194

Башуцкий Л. 95, 96
Безобразов А.М. 367-373, 375, 378, 380, 388, 394
Безобразов В.П. 215
Белавин К. 353, 354
Беленький И.Л. 39
Белингс (Биллингс И.И.) 65
Беллинсгаузен Ф.Ф. 110
Белов Е.А. 445
Белокрыс М.А. 145
Белугин, штабс-капитан 497
Беляев С.Г. 444
Беляева Н.А. 304
Бенардаки 27
Бентам 65
Беньовский М. 88
Беспрозванных Е.Л. 123, 173
Бестужев М.А. 148, 149
Бжезинский С. 333
Бильдзюкевич 407
Бирилев А.А. 384, 454, 464
Биршерт П.А. 283
Блинов И.А. 18, 288
Блударов 435
Блудов Д.Н. 194
Бобринский В.А. 172
Бобровников В.О. 5
Богданов Р.К. 137
Богданович Е.В. 343
Богданович К.И. 408
Богоявленский Н. 13
Бок М.П. 397
Болгурцев Б.Н. 80, 164, 207, 250, 363, 364
Болонев Ф.Ф. 55
Болховитинов Л.М. 439, 440, 441, 443, 444, 460, 483
Болховитинов Н.Н. 75, 102
Браутон У.Р. 65
Брежнев А.Л. 177
Бродель Ф. 9, 20, 33, 321
Брокгауз Ф.А. 34
Броневский С.Б. 99, 183, 185
Брюггген, барон 436
Бульчев И. 120, 155
Бунге Н.Х. 45
Бунге Ф.Ф. фон 435, 515
Бурачек Е.С. 159
Бурбанк Дж. 4, 5
Бурдье П. 11, 12
Буссе Н.В. 164, 169, 192
Буссе Ф.Ф. 138, 140, 315, 407
Бусыгина И.М. 3
Буташевич-Петрашевский М.В. 149, 180
Бутков В.П. 132, 174, 196, 203, 211, 230
Бутковский Я.Н. 165, 414, 418, 419
Бухарин И.Н. 83, 91, 95, 96, 99, 102
Буцинский П.Н. 246
Бэр К.М. 215
Бянкин В.П. 141, 264, 365

Вагин В.И. 77, 99, 111, 112, 114, 115, 125, 133, 180, 186, 187, 199, 200
Валлерстайн И. 9
Валронт А.С. 99
Валуев А.М. 489, 491
Валуев П.А. 185, 204, 214
Ванновский П.С. 272, 273
Варнавский П.К. 521
Васильев, капитан-лейтенант 120
Васильев, капитан 2 ранга 120
Васильев А.П. 184, 186, 280
Васильев В.П. 41, 215, 335, 342
Васильев М.Н. (Дигамма) 329
Васильев, чиновник МВД 373
Васильчиков Б.А. 58, 464
Вахрин С.И. 435
Введенский А.И. 353
Вдовин И.С. 78
Вениамин, архиепископ 278
Вениамин, епископ 100
Венцель К.К. 192
Венюков М.И. 28, 30, 54, 55, 122, 124, 132, 140, 141, 146, 147, 177, 178, 179, 183, 192, 196, 199, 206, 210, 214, 218-221, 224, 232, 237, 241, 249, 250, 255-259, 261, 262, 264, 281, 400, 420
Вересаев В.В. 355, 356
Верещагин 100
Вернадский Г.В. 46, 439
Верт П. 5
Вигель Ф.Ф. 42, 68, 69, 84
Вильгельм II 322, 338, 350, 353, 355
Вильчинский Ф.Л. 305
Винокуров М.А. 468
Вирениус А.И. 375
Витте В.П. де 415
Витте С.Ю. 26, 46, 201, 298, 304, 305, 313, 314, 317, 319, 321, 322, 324-328, 332, 341, 345, 346, 348,

349, 357, 359, 361, 363-369, 373, 374, 379, 393, 396, 397, 456-458, 459, 465, 472, 525
Виттекер Ц.Х. 65
Вогак К.И. 367, 369, 370, 371, 373
Воеводский С.В. 255
Воейков А.И. 333
Волков Н. 455
Волконский А.М. (Волгин А.М.) 343, 365, 366, 443, 444, 470, 471, 493
Волконский М.С. 162
Волконский С.Г. 162
Волохова А.А. 303, 460, 463
Волошинов Н.А. 42, 401, 405, 406
Вонлярлярский В.М. 348, 367, 381, 382, 392, 394, 409, 497
Вонлярлярский И.В. 153, 154, 157
Воронин В.Е. 208
Воронцов М.С. 183
Воронцов С.Р. 65
Воскресенский А.Д. 272
Врангель Ф.П.154, 166
Вронченко Ф.П. 134, 188
Вульф Л. 31
Вус В. Г. 98, 399, 516
Высоков М.С. 5, 83, 89, 142, 143, 230, 400, 404, 435
Вышнеградский И.А. 294, 297, 313, 411
Вязьмитинов С.К. 108

Гаврилов 166
Гаврилов А.М. 123
Гаврилов Б.И. 331
Гагемейстер Л.А. 105
Гагемейстер Ю.А. 34
Галкин-Враский М.Н. 55, 274, 278, 279, 280, 423, 425
Галлямова Л.И. 26, 468
Гальберштадт Л. 445, 446
Галяминский И.И. 95
Гамов И.И. 403
Ганелин Р.Ш. 5, 367, 382, 396
Гарин-Михайловский Н.Г. 33, 34, 366
Гарнак, полковник 424
Геденштром М.М. 83
Гейден Ф.Л. 241
Георгиевский А.П. 7, 51
Георгиевский С.М. 335
Герасимов И.В. 30, 31
Геринг Г.И. 5
Герсеванов Н.Б. 81, 82
Герцен А.И. 19, 131, 149, 180, 184, 204
Гессен В.М. 288
Гильфердинг А.Ф. 138
Гинс Г.К. 476
Гинце А.И. 432
Гиппиус А.И. 323, 331
Гирс Н.К. 264
Гирс Ф.К. 249
Глебов С. 276
Глинка Г.В. 481
Глинский Б.Б. 369, 381
Глищинский 473
Глушков В.В. 318
Гоголь Н.В. 58
Голенищев А.В. 77, 98, 117, 118, 119
Голицын А.Д. 476
Голицын А.Н. 100
Голицын Н.С. 425
Головкин Ю.А. 42, 64, 68, 77, 82, 83, 85
Головнин А.В. 38
Головнин В.М. 70, 72, 88-94, 98, 101, 110, 111, 112, 114, 123, 176
Голубчик М.М. 8
Гольдмерштейн Г. 442
Гольцев В.А. 353
Гондатти Н.Л. 21, 25, 407, 408, 439, 451, 452, 462, 484-487, 493, 500, 510-516
Гончаров И.А. 139, 211
Гордин Я.М. 26
Гордон 112
Горемыкин А.Д. 62
Горемыкин И.Л. 307, 309, 440, 462, 487
Горизонтов Л.Е. 5, 44, 53, 55
Горкавенко Н.Л. 25
Горчаков А.М. 142, 208
Горчаков П.Д. 131
Граве В.В. 458
Градовский А.Д. 18, 19, 256
Гребенщиков М.Г. 22, 33
Гребницкий Н.А. 405, 406, 436, 437
Грибский К.Н. 303, 308, 309
Григорьев Д.Д. 490, 492, 515, 516
Гридяева М.В. 515
Гриневецкий Л.Ф. 407
Грицай О.В. 11

Гродеков Н.И. 21, 25, 294, 298, 303, 304, 307, 309, 318, 362, 363, 365, 425, 464, 489
Громбчевский Б. 361
Громов Прокопий 119
Грулев М. 55, 211
Гулаев 436
Гумбольдт А. 28
Гумбольдт В. 28
Гундзи С. 436
Гурий, епископ 278
Гурко В.И. 365, 368, 380, 397
Гурьев Д.А. 74
Гучков А.И. 471

Давыдов Г.И. 84, 96
Дадешкелиани К.Н. 274
Дальний М. 443
Дамешек Л.М. 5, 89, 293
Данилевский Н.Я. 43, 222, 340
Данилов Г.А. 354, 355
Данилов, полковник 435
Дацышен В.Г. 297, 301
Дежнев Семен 505
Де Ливрон Б.К. 247
Деларов Е.И. 95
Делюсин Л.П. 65, 335
Демчинский Б.Н. 443
Денисов В.И. 445
Депрерадович Ф.М. 416
Державин Г.Р. 65
Деспот-Зенович А.И. 136, 149, 189, 255, 261, 262, 263
Дивин В.А. 72
Дикс М. 435, 490
Динерштейн Е.А. 349
Дитмар К. 119, 158, 418
Дитмар Н.П. 255, 260
Дмитришин Б. 70
Добелл П. 74, 75, 76, 77, 99
Доккю Чой 318, 325, 332, 362
Доленко Д.В. 8
Должиков В.А. 133, 134
Дорошевич В.М. 135, 345, 425
Достоевский Ф.М. 336, 340, 341, 352, 353
Дриль Д.А. 421, 425
Дружинин К. 355
Дубасов Ф.В. 362, 364, 384
Дубинин, штурман 114
Дубинина Н.И. 298, 318, 365, 425, 487, 510
Дударенок С.М. 54
Дулов А.В. 134, 149, 205
Дурново И.Н. 309, 427
Дурново П.Н. 489
Духовская В.Ф. 360
Духовской С.М. 21, 25, 294, 299-301, 303, 305-310, 312, 313, 317, 359, 360, 361, 399, 409, 413, 454
Дырхеева Г.А. 521
Дьяков Н. 44, 356
Дьячков Г. 406, 407, 408
Дятлов В.И. 354, 460

Евдокимов С.П. 8
Егунов Н.П. 294
Единархова Н.Е. 36
Екатерина II 65, 122, 323
Елена Павловна, вел. кн. 126
Елпатьевский С.Я. 58
Ермак 144, 349, 351
Ермолаев А.Н. 70
Ермолов А.С. 390
Ерофеева И. 40
Есаков В.А. 281
Ефимов И.В. 246
Ефрон И.А. 34

Жданов Л.Г. 351, 352
Жукова Л.В. 350
Жуковский В.Г. 351

Забела Я. 117
Заборинский А.И. 135
Завалишин Д.И. 41, 66, 69, 70, 115, 148, 149, 179, 180, 184, 185, 203, 204, 205, 206, 236
Завойко В.С. 85, 153, 154, 157-159, 161, 162, 166, 168, 169, 170, 171
Закревский В.А. 508
Замятин Д.Н. 12, 20, 32
Замятина Н.Ю. 29
Звегинцев А.И. 344
Зеленев Е.И. 331
Зиновьев Н.А. 446, 504
Зубков К.И. 43
Зуев А.С. 16, 184
Зуев В.Н. 301
Зуев В.Ф. 301
Зыков С.П. 237, 238, 239, 240, 242

Иафет 151
Ибсен Г. 337

Иваницкий Б.Е. 482
Иванов В.Н. 48
Ивановский В.В. 10, 289, 298
Игнатьев А.А. 363, 394
Игнатьев А.В. 318
Игнатьев А.П. 348, 381, 382, 383
Игнатьев Е. 18
Игнатьев Н.П. 143, 149, 189, 272, 273, 275
Извольский А.П. 464
Ильяшевич Л.И. 55, 418
Иннокентий 55, 120, 137, 157, 163, 170, 211.399
Иннокентий, епископ приамурский и благовещенский 294
Иоффе Г.В. 11
Исаченко Б.А. 137
Ищенко М.И. 50, 420, 434

Кабанов П.И. 124
Кабузан В.М. 51, 210, 212, 299, 302, 455, 460, 469, 508
Казакевич П.В. 126, 127, 170, 178, 190, 191, 193, 209, 211, 212, 232-236, 242, 277, 311, 401, 402
Казнаков Н.Г. 25
Кайзерлинг А. 282, 312
Калинин А.И. 383
Калиновский Б.Ф. 215
Кандинский К. 144
Капнист Д.А. 359, 360
Каппелер А. 9, 10
Капранова Е.А. 56
Карпов В.Д. 238, 242, 244, 249, 255, 259-261
Каспэ С.И. 5, 17
Катков М.Н. 42, 44, 62, 276
Кауфман А.А. 58, 295, 447, 448
Кауфман П.М. 464
Кегель 120
Кеппен А.П. 414
Кербедз С.Н. 361
Кизеветтер Е.Я. 392
Кирилл Владимирович, вел. кн. 317, 367
Кириллов А. 99, 100, 101
Кириллов Н.В. 306
Кирьяков В.В. 59
Киселев П.Д. 152
Китанина Т.М. 465
Кларк 99
Клеменц Д. 458
Клер Л.С. 185, 187
Климов 112
Ключевский В.О. 30, 46
Коркунов Н.М. 37
Ковалевский Е.П. 177, 178, 182, 279
Ковалевский М.Е. 279
Кожевникова Н.И. 51
Козик П.Н. 400
Козлов 115
Козлов-Угренин Г.А. 89
Козодавлев О.П. 105
Козьмин П.Т. 120
Козюра А.В. 122
Коковцов В.Н. 365, 440, 447, 456, 457, 464, 465, 472, 475, 476, 483, 485, 486, 487, 498
Колесов, исправник 115
Коллинз П. 132, 148, 172
Колосов В.А. 13
Колчак А.В. 442
Колягин В.В. 197
Колякин В.В. 264
Комаров 436
Комаров В. 351
Комиссаров Б.Н. 83, 104
Кондратенко Р.В. 277
Кондратьев С.В. 5
Кононович В.О. 426, 427, 428, 431, 434
Константин Николаевич, вел. кн. 126, 127, 128, 131, 132, 135, 136, 138, 166, 169, 174, 176, 178, 179, 181, 191, 192, 206, 208, 214, 226, 229, 231, 232, 241, 245, 247, 248, 253, 264, 271, 277, 417, 432
Константинова Т.А. 186
Коркунов Н.М. 37
Корнева Л.В. 444
Корнилов А.М. 81
Корнилович А.О. 68
Королев С.А. 13, 14
Корсаков В.В. 371, 376
Корсаков М.С. 61, 122, 129, 136, 139, 148, 150, 152, 169, 179, 180, 181, 186, 190, 191, 192, 193, 196, 200, 206, 207, 211, 212, 216, 217, 223-234, 238, 244-246, 415-417, 419
Кортес 268
Корф А.Н. 267, 278, 281-283, 287-297, 302, 303, 305, 313, 409, 411, 412, 426, 427, 432
Корф А.Ф. 456

Коршунов Ю.Л. 317
Костанов А.И. 5, 126, 414, 415, 416, 417, 420, 421, 426, 433, 490, 491
Котельников И.А. 283
Котляревский С.А. 27
Кохрен 123
Коцебу О.Е. 78, 85
Кошеваров 166
Кошелев П.И. 79, 92, 99, 101, 102, 105, 114
Краббе Н.К. 247, 248
Краевский А.А. 211
Краснов П.Н. 32, 33
Крафт И.И. 506, 507
Крестовников Г.А. 465
Крестовский В.В. 122, 144, 275
Кривошеин А.В. 448, 449, 462, 476, 477, 478, 480-487, 525
Кривошеин К.А. 449, 486
Кропоткин П.А. 41, 133, 137, 146, 147, 172, 197, 201, 202, 203, 207, 232, 321
Кропотов И. 65
Кротова М.В. 270
Кроун А.Е. 247, 248, 252, 253, 255, 260, 264
Крузе 97
Крузенштерн И.Ф. 66, 74, 75, 78, 83, 84, 88, 94, 100, 101, 102, 104, 105, 110, 123
Крыжановский С.Е. 449, 471, 494
Крылов В. 163, 211
Крылов И.А. 413
Крюков Н.А. 283
Кубалов Б.Г. 131, 133, 149
Кудрявцев Ф.А. 36
Кузнецов А.С. 27
Кузнецов Д.И. 136
Кузьмищев (Кузмищев) П.Ф. 80, 81
Кук Дж. 65
Кукель Б.К. 141, 214, 417
Куломзин А.Н. 27, 61, 335, 348, 359, 379, 454, 480, 481
Куприянов А.И. 63
Куракин А.Б. 90
Куропаткин А.Н. 49, 317, 320, 326-329, 343, 349, 356, 361, 363, 365, 367-371, 373-375, 377, 378, 380, 384, 386, 392-396, 425, 443, 471
Куртеев К.К. 128, 197, 450, 467
Кутайсов П.И. 489
Кутузов П. 344, 345
Кухтерин В.М. 283
Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. 5, 30, 44
Кюнер Н.В. 34, 35, 48

Лаббэ П. 423, 430, 434
Лавинский А.С. 83, 99, 108, 118, 510
Лазарев А.П. 119
Лазарев М.П. 66
Ламанский В.И. 39, 333, 334
Ламберт Я.О. 72, 73, 74
Ламздорф В.Н. 363, 368, 385, 390, 392, 395
Ламин В.А. 19
Лангсдорф Г.И. 104, 105
Лаперуз Ж.-Ф. 65, 66
Лапшин И. 419
Ларин А.Г. 274, 460, 463
Ларионов Е.В. 270
Ласточкин 489
Левашов Н. 458
Левенштерн Е.Е. 83
Левитов И. 343, 354
Легер 232
Ленин В.И. 122
Леонтьев К.Н. 335
Леруа-Болье П. 57, 512
Лесков Н.С. 214
Лесовский С.С. 270, 271
Лессепс Ж.Б. 66
Леццано Б.Б. 91
Лечицкий П.А. 511
Ливен Д. 40, 528
Ливин Ф. 423
Лилиенфельд П.Ф. 214
Лилье В. 457
Линден А.М. 156, 157, 169, 170
Липранди И.П. 196
Лихачев И.Ф. 207, 208
Ли-Хун-чжан 343
Лойк де Лобель 410, 498
Ломен Н.Н. 331, 369
Лопатин, штабс-капитан 414
Лохвицкий А.Д. 157
Лукин А.В. 29, 336
Лукомский А.С. 511
Лукоянов И.В. 322, 347, 364, 367
Лукьянов С.М. 60
Лурье С.В. 45
Лутковский И.С. 232, 417
Лушников А.А. 187, 188
Лыкова Е.А. 447

Львов 120
Львов Г.Е. 447, 453
Львов Ф.А. 361
Львов Ф.Н. 205
Любавский М.К. 46
Любимов Л.Н. 312
Любощинский М.Н. 279
Людовик XIV 122
Люрман С. 405
Ляпунов Н.М. 429, 434, 489

Майдель Г.Л. 407
Макаров А.А. 483
Макаров С.О. 325, 394
Маккиндер Х. Дж. 326, 333, 350
Маклаков Н.А. 515
Максименко В.И. 333
Максимов А.Я. 34, 150, 323
Максимов Г.Н. 8
Максимов С.В. 202, 206.213
Макшеев А.И. 200, 255
Малиновский А.И. 27
Мамай А.С. 123
Мамсик Т.С. 19
Манассеин Н.А. 310
Мандрик А.Е. 400
Манн К.А. 246
Марголис А.Д. 433
Маркс К. 149
Мартенс Ф.Ф. 269, 362, 392, 395, 396
Мартин Р. 328, 440
Матиссен 27
Матусевич 91
Матханова Н.П. 122, 139, 170, 172, 182, 194, 206, 238
Матюнин Н.Г. 275, 367, 379, 490
Мациевский Е.О. 360
Мацузато К. 5, 10
Машин Р.Г. 120
Межуев Б.В. 319
Мезенцев Е.В. 79
Мейендорф Е.К. 215
Менгден О. Ф. 458
Менделеев Д.И. 11, 39, 47, 48, 321
Меньков П.К. 204
Меньшиков А.С. 120, 128, 154, 166
Меньшиков М.О. 445, 497
Меркулов С. Д. 458, 486
Мертваго Д.Ф. 351
Мерцалов В.И. 225
Мещерский В.П. 335, 344, 394
Мигулин П.П. 320, 352
Миллер А.И. 5, 31, 51
Милюков П.Н. 40
Милютин Б.А. 146, 193, 238, 241
Милютин Д.А. 180, 181, 196, 200, 209, 223, 226, 227, 232, 237, 242-244, 246, 247, 249, 261, 264-266, 271, 272, 416
Милютин, войсковой старшина 359
Миницкий М.И. 78, 90, 97, 98, 104
Мирзоев В. Г. 42
Миролюбов (Ювачев) И.П. 41
Мироненко Н.С. 13
Михаил Александрович, вел. кн. 324
Михаил Николаевич, вел. кн. 44
Мицуль М.С. 414, 420, 426
Мономахов Н.В.
Моравский В. 453
Мордвинов Н.С. 66
Мордвинов С.А. 279
Морозов Б.Н. 408, 410, 433, 447, 489, 491
Муравьев-Амурский Н.Н. 25, 41, 54, 122, 124-130, 132-139, 141-163, 165, 166, 168-200, 204-207, 209, 214, 216, 218, 223, 224, 226, 232-234, 246, 262, 277, 402, 404, 406, 409, 442, 451, 516, 520, 523, 525
Муравьев В.М. 188
Муравьев В.Н. 152, 162
Муравьев М.Н. 328, 364
Муравьев Н.В. 279, 317, 421
Муравьев-Карский Н.Н. 68
Муромцев С.А. 470
Мэхен А. 333
Мясников В.С. 66, 82, 135

Надаров И.П. 21, 25, 265, 274, 283, 287, 290, 300, 303
Надеждин Н.И. 42
Нансен Ф. 62
Нарбаев Н.Б. 249
Наумов А.Н. 487
Наумов Н.А. 402
Небольсин П.И. 130, 131, 145
Невельской Г.И. 129, 152, 154, 160-162, 164-170, 175, 265, 442, 479
Нейдгард А.Б. 456
Некрасов Н.В. 445, 455
Неродов, штурман 115
Нерпин А.И. 283
Нессельроде К.В. 172, 173, 175, 188, 189

Нестерова Е.И. 213
Нестор, иеромонах 496
Никифоров Никифор, протоиерей 100
Николай I 37, 117, 123, 124, 126, 127, 144, 153, 157, 164-166, 173, 175, 176, 179, 181, 184, 186
Николай II 46, 312, 322-324, 331, 335, 338, 341, 343, 347, 356, 361, 365, 366-368, 370, 372-375, 379-381, 383-385, 392-398, 492, 480, 481, 487, 499, 501, 505, 525
Николай Александрович, вел. кн., цесаревич (будущий император Николай II) 268, 293, 321, 322, 333, 358
Николай Угодник, святой 350
Новиков Д.Е. 445, 455, 463, 468
Новиков Я. 343
Новиньский Ф. 146
Новомбергский Н.Я. 419, 431
Новоселова А.А. 53
Нольде Б.Э. 7
Носков И. 213
Носонов А.М. 8

Оболенский А.Д. 379
Обручев Н.Н. 280
Овсянников В.И. 29
Оганян Л.Н. 68
Огарев Н.П. 149
Огрызко И.И. 77
Окунь С.Б. 79, 102, 110, 111
Ольденбург С.С. 323
Орехов А.А. 403
Орлов Д.И. 123
Осипов Ю.Н. 137
Осокин Г.М. 212
Островский А.Н. 330
Островский И.В. 53
Островский М.Н. 276, 293, 427
Остроградский Н.А. 448
Оффенберг А.Г. 264
Ошурков 435

Павел I 65, 99, 105
Павлов А.И. 364
Павлович М. 445
Пак Б.Б. 455
Пак Б.Д. 344
Пак Чон Хе 318, 368
Палицын Ф.Ф. 440
Паллас П.С. 65

Пальмер А. 130
Панин В.Н. 180
Панов А.А. (Сеич А.) 430, 431, 432, 433, 434, 458, 470, 484
Пантелеев Л.Ф. 136, 246
Педашенко И.К. 54
Пейтон Б. 172
Пекур Ф.И. 283
Перовский Л.А. 126, 152, 155, 157, 175, 176, 183
Перри М. 162
Перфильев В.В.
Перцик Е.Н. 11
Пестель И.Б. 75-77, 84, 96-98, 101-106, 108, 111, 113, 116, 196, 510
Пестель П.И. 68
Пестерев Н.Н. 133
Петр I 65, 122, 323, 331, 402, 427
Петров А.М. 71
Петровский И.Г. 99, 100, 102, 103
Петровский С.А. 301, 306
Пирожков, охотский комендант 91
Пихно Д.И. 459
Плаксин 228, 229
Плансон Е.А. 386
Плеве В.К. 368, 370, 373, 374, 378-380, 382, 388, 389, 394, 395, 436, 480
Плеве Н.В. 439, 452, 494, 500, 516
Плотников А.А. 418, 422
Победоносцев К.П. 62, 262, 270, 278, 279, 293, 358
Погодин М.П. 30, 150, 151
Подушкин 65, 87, 130
Позднеев А.М. 342
Покотилов Д.Д. 364
Полевой Б.П. 125
Полевой, лейтенант 400, 404, 406
Полетика П.И. 72
Поликарпов В.В. 440
Полнер Т.И. 446
Половцов А.А. 62, 281, 297
Попов А. 79
Попов А.А. 136, 232
Попов И.И. 27, 62
Порошин А. 222
Посьет К.Н. 254, 264, 276, 335, 420
Потанин Г.Н. 25, 38, 134, 223, 261
Потапов А.Л. 264, 418
Потемкин Г.А. 65
Поярков В.Д. 146, 264, 300, 301, 442
Правилова Е.А. 5, 294

Преображенский Н.А. 430, 431
Пржевальский Н.М. 30, 40, 147, 197, 203, 268, 269, 300
Пронин В.И. 465
Протасьев И.Н. 306
Проценко А.П. 249, 332
Прутченко С.М. 8, 106
Пузанов А.С. 32
Путятин Е.В. 123, 136, 178, 179
Пушкин А.С. 58
Пшеницын 97

Рабцевич В.В. 87
Радде Г.И. 138
Раевский В.Ф. 196, 205
Ратманов М.И. 110
Ребиндер Н.Р. 131, 132, 137, 189
Редигер А.Ф. 22, 268, 269, 373, 375, 441, 457, 470, 489, 498
Редовский И.И. 83
Резанов Н.П. 66, 83, 84, 101, 102
Резун Д.Я. 19
Рейтерн М.Х 200, 264
Реклю Э. 337, 341, 342, 350
Ремнев А.В. 3, 18, 37, 38, 56, 76, 173, 175, 226, 256, 359, 373
Ресин А.А. 407
Рибер А. 333
Рикорд П.И. 75, 99, 109, 110, 112, 113, 119, 176
Римский-Корсаков В.А. 128, 160, 170, 171, 221
Римский-Корсаков М.М. 442
Риттер К. 28
Риттих А.А. 210
Рихтгофен Ф. фон 28, 29
Рихтер О.Б. 282, 283, 396
Рогинский Е.М. 70
Родионов Ю.П. 466
Родичев Ф.И. 445
Родс Сесиль 364
Рожественский З.П. 384
Розен Р.Р. 331, 332, 367, 445
Романов Б.А. 318, 328, 341, 368, 369, 375, 379, 380, 385, 490
Романов В.Ф. 450
Романов Д.И. 143, 144
Романов Н.С. 194, 323, 489
Романова Г.Н. 71.267
Ромас А.А. 302
Рудаков И. 109
Рудановский Н.В. 165, 414
Руднев В. 270
Румянцев Н.П. 104
Руперт В.Я. 119, 122, 124, 139, 184, 185, 213
Русин А.И. 349, 375
Рыбаковский Л.Л. 51
Рыбаченок И.С. 331, 343
Рыкачев А. 468
Рябушинский В.П. 439
Рязановский Н.В. 29, 65, 151

Сабуров П.А. 395
Савельев П.И. 4
Савинский А.А. 385
Савицкий П.Н. 48
Савич Г.Г. 384
Савич Е.А. 204
Савримович 403, 404
Саломон А.П. 420, 421, 425, 430
Салтыков М.А. 75, 76
Салтыков-Щедрин М.Е. 20
Самойлов Н.А. 345
Сандерланд В. 5
Сарычев Г.А. 65, 105, 111, 118
Сафронов Ф.Г. 87, 116
Сватиков С.Г. 62, 132
Свердлов Н.В. 405
Свиягин Н.С. 33
Сгибнев А.С. 76, 78, 96, 97, 99, 100, 101, 103, 108, 118, 119, 120, 153, 250, 255, 260
Сейфуллин С. 226
Селиванов А.Н. 500
Селифонтов И.О. 77, 82, 92
Сем Ю. А. 109
Семенов Тян-Шанский В.П. 46, 47
Семенов-Тян-Шанский А.П. 442
Семенов-Тян-Шанский П.П. 29, 30, 39, 46, 146
Сенченко И.А. 493
Сенявин Л.Г. 176
Серафим Саровский 350
Сербиненко В.В. 337
Сергеев В.Д. 88
Сергеев Е.Ю. 322, 444
Сергеев О.И. 87, 300, 453
Сердюк М.Б. 54, 139
Серебренников И.И. 35
Серебрянский Митрофан 59, 356
Сетницкий Н.А. 320
Сибиряков 99
Сигал О.С. 110

Сигарева Е.П. 51
Сигов В.И. 188
Сидорова А.Б. 122
Сикорский И.А. 354
Сильницкий А.П. 80, 90, 115, 121, 435, 436, 437
Симонов, горный инженер 436
Синельников Н.П. 21, 209, 246-249, 252, 253
Синиченко В.В. 224, 298, 404, 407, 419, 461-463, 497, 499
Синъ-Санъ 446, 488
Сипягин Д.С. 319
Скальковский К.А. 349
Сколков И.Г. 236, 237, 238, 239, 241, 244
Скропышев Я.С. 255
Скрыдлов Н.И. 364, 393, 395
Скрынникова Т.Д. 521
Слейг 132
Словцов П.А. 42
Слонимский Л.З. 338, 353
Слюнин Н.В. 210, 408, 476, 518
Смит С. 4, 5
Соловьев, якутский градский глава 90
Соловьев В.С. 30, 320, 336, 337, 338, 340, 342, 350, 353, 354
Соловьев С.М. 30, 324
Соловьев Ю.Б. 283
Соловьев Ю.Я. 362, 364
Сольский Д.М. 362
Сомов 91
Сорокина Т.Н. 302, 461, 477
Сперанский М.М. 36, 74, 77, 90, 105, 106, 109, 111-116, 125, 128, 154, 159, 182, 387, 388, 508
Спешнев Н.А.133
Ссорин-Чайков Н. 5
Стадницкий В. 430
Старицкий К. 403
Старцев А.В. 444
Стахеев Д.И. 32
Стахович М.А. 456, 459
Сташевский А.Д.
Стейнведел Ч. 5
Стефан Д. 84, 415
Стогов Э.И. 85, 90, 93, 94, 99, 123
Столыпин П.А. 60, 397, 440, 448, 449, 452, 456, 457, 462, 464, 471, 475, 476, 478, 479, 481, 482, 485, 486, 488, 494, 497-499, 501, 502, 507, 516, 525, 527
Страннолюбский Н.В. 120
Стремоухов П.Н. 416
Струве Б.В. 25, 54, 126, 127, 133, 134, 153, 154, 156, 157, 166, 173, 176, 188
Суботич (Субботич) Д.И. 21, 283, 304, 306, 329, 330, 376, 409, 413
Суворин А.С. 327, 341, 349, 350, 364, 397, 424, 443
Суворов П. 248
Сукачев В.П. 194
Сулима Н.С. 115
Сулковский П.Г. 401
Суни Р. 44
Суходолов А.П. 468
Сухозанет Н.О. 181, 195
Сухомлинов В.А. 441, 472, 510, 511
Сущов К.Л. 158, 159
Схиммелпенник ван дер Ойе Д. 268, 357
Сыромятников С.Н. (Сигма) 344
Сычевский А.В. 508

Табурно И.П. 442, 450
Тагирова Н.Ф. 5, 13
Танеев А.С. 395, 396
Тараканов 103
Тарапыгин Ф.А. 351
Татищев А.А. 462, 476, 481, 486
Терехов А.М. 224, 298, 404, 407, 419, 461-463, 497, 499
Термен А.И. 53, 61
Теттау Э. 394
Тетюков Х.П. 283
Тимашев А.Е. 209, 247, 249, 262, 263, 264
Тимирязев В.И. 28, 457, 478
Тимченко-Рубан Г. 172
Тихменев М.П. 216, 217, 231, 232
Тихомиров Л.А. 338, 339, 340, 353
Тихонравов Ю.В. 333
Тобизен Г.А. 309
Толочко А.П. 6
Толстой Д.А. 279, 280, 282, 289, 290, 291, 412
Толстой И.Н. 120, 184
Торгашов П.И. 281, 289, 304
Траверсе И.И. де 72, 97, 114
Трейвиш А.И. 11

Трескин Н.И. 76, 77, 78, 89, 96, 98, 101-103, 108
Трофимов 115
Трубецкой Г.Н. 439
Трубецкой П.Н. 379
Трубецкой С.Н. 337, 338, 344, 345, 353
Тульчинский К.Н. 497
Тургенев Н.И. 64
Тхоржевский И.И. 379, 448, 449, 480.481
Тыртов П.П. 363, 369
Тюкавкин В.Г. 465
Тютчев Ф.И. 351
Тюшов В.Н. 435, 436

Уваров С.С. 64, 65
Улунян А.А. 26
Ульянникова Ю. 434
Умрихин А.В. 191, 274, 307, 510
Унтербергер П.Ф. 21, 22, 25, 52, 55, 271, 299, 307, 317, 320, 360, 410, 440, 448, 450-452, 455, 456, 458, 460, 461, 463, 466, 471, 473-475, 482, 488, 491, 493-495, 497, 498, 500-502, 505-507, 509, 510, 513
Уоллес Д.М. 43, 44
Урсын-Прушинский С. 435
Устимович, чиновник Морского министерства 96
Ухтомский Э.Э. 30, 323, 341, 342, 343, 344, 347, 348, 352, 365
Ушинский В.Г. 99, 112, 114.115

Федоров А.А. 504
Федоров Н.Ф. 319, 320
Федоровский М.Я. 251
Фелькнер, полковник 360
Фетисова Л.Е. 50, 458
Филатов 114
Филиппеус А.Ф. 404, 405
Филиппова Т.А. 319
Философов Д.А. 464
Фишер И.Э. 65
Фишер Р. 67
Флоринский М.Ф. 481, 486
Флуг В.Е. 376
Фомин И.К. 91
Фофанов 79
Франкле 211
Фредерикс П.А. 21, 262, 263, 264,274
Фриессе Р. 23, 146, 200
Фриш Э.В. 279, 389, 395
Фуко М. 30
Фуругельм И.В. 164, 247, 250, 251, 252, 253, 255.405

Хабаров Ерофей 144, 146, 442
Хаген фон. М. 5
Хагондоков К.Н.
Хадонов Е.Е. 294
Хара Т. 5
Харви Д. 3
Хвостов Н.А. 84, 96
Хечтер М. 10, 11
Хилков М.И. 317, 323
Хисамутдинов А.А. 143, 144, 208, 427
Хлебникова В.Б. 139
Хмелевский 405
Холквист П. 48
Хомяков А.С. 353
Хрох М. 57
Хрущов А.П. 236, 237, 241, 245, 247
Худяков В.Н. 53

Циунчук Р.А. 5
Цымбурский В.Л. 24, 29

Чарторыйский А. 82
Чевкин К.В. 132
Череванский В.П. 383, 389, 396
Черевко К.Е. 84
Черепанов С.И. 115, 205
Черкасов М.Н. 255
Черномаз В.А. 51
Черносвитов Р.А. 149
Чернуха В.Г. 214, 358
Чернышев А.И. 131, 174, 176
Чехов А.П. 58, 59, 314, 424.425, 426, 428, 434
Чечелев С.В. 310, 505
Чиликин Ф.Н. 435, 455
Чихачев Д.Н. 503, 504
Чичагов Н.М. 496
Чичагов П.В. 96, 97, 99, 100
Чичерин Б.Н. 339
Чупова В.И. 336

Шаравин А.А. 318
Шарапов С.Ф. 329, 471
Шаркова И.С. 83
Шатрова Г.П. 204
Шауфус Н.К. 464

Шафанжон 27
Шафнер 142
Шафрановская Т.К. 83
Шахов И.Я. 119, 120
Шаховской А.Е. 90, 98, 115
Шванебах П.Х 464
Шедлинг М. 230
Шелихов Г.И. 40
Шенк Ф.Б. 47
Шестаков И.А. 208, 277-280, 293, 412
Шилз Э. 10
Шиловский М.В. 19, 44
Ширина Д.А. 407
Шишкин В.И. 5
Шишмарев, капитан-лейтенант 120
Шликевич С.П. 476
Шмидт П.Ю. 415
Шмулевич М.М. 55
Шостакович Б.С. 21
Шперк Ф. 33, 43
Штейнгейль (Штейнгель) В.И. 95, 96, 99, 101, 102, 103
Штрандман Г.Э. 82
Шубин В.О. 84, 406
Шувалов П.А. 248
Шумахер А.Д. 279
Шумахер П. 153

Щегловитов И.Г. 464
Щербина М.П. 373
Щукин И.П. 164

Эйзенштадт Ш. 10
Энгельс Ф. 149
Эндаков Д.Н. 96, 110
Эрдман Г.Ф. 271, 314
Эткинд А. 30

Ядринцев Н.М. 26, 38, 223, 261, 367
Якименко Н.А. 496
Якимов О.Д. 348
Якоби И.В. 65
Яковенко И.Г. 45
Яковлева О.А. 455, 466, 495
Якуб А.В. 6
Якунин В.И. 331
Якушкин 90
Янкелевич Я.А. 492
Янковский В.О. 403, 418
Янковский М.И. 305
Яснопольский Н.П. 294

Bassin M. 29, 31, 199
Khalid A. 30
Knight N. 24, 30
Le Donne J. 150, 269
Malozemoff A. 318
Marks S.G. 301
Nolde B. 7
Rich D. 24
Schimmelpenninck van der Oye D. 318, 341
Sunderland W. 60
Vinkovetsky I. 67

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 3

ВВЕДЕНИЕ. ИМПЕРСКАЯ ТЕМА В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КОНТЕКСТЕ 7

ГЛАВА 1. ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЙ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1.1. Дальневосточные увлечения и опасения 64
1.2. Охотско-Камчатский край в тисках управленческих противоречий 87

ГЛАВА 2. «ВЕК» МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО

2.1. Дальневосточный реванш 122
2.2. Камчатка и Амур 152
2.3. Дальневосточная управленческая комбинация Муравьева-Амурского.. 172

ГЛАВА 3. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ: ПОИСК НОВОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ

3.1. Что делать с Дальним Востоком? 199
3.2. Планы административно-территориального переустройства дальневосточного региона (1860 – 1870-е гг.) 223
3.3. Образование Приамурского генерал-губернаторства: выстраивание новой региональной политики 267

ГЛАВА 4. НОВЫЕ ИМПЕРСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ И СТАРЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ (РУБЕЖ XIX – XX ВВ.)

4.1. Курс на Дальний Восток 317
4.2. Дальневосточное наместничество и комитет Дальнего Востока 358
4.3. «Заброшенный край». Северо-Восток Азии и Сахалин во второй половине XIX – начале XX века 399

ГЛАВА 5. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (1906–1917 ГГ.)

5.1. Сделать дальневосточный край русским 439
5.2. Проблема единства региональной власти. Комитет по заселению Дальнего Востока и Амурская экспедиция 470
5.3. Последние изменения в организации дальневосточного управления империи 488

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 518

СПИСОК НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ЛИЦ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 529

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ 534

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 536

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 537

Анатолий Викторович Ремнев (1955 г.р.) – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета, специалист в области истории государственного управления и имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке России в XIX – начале XX веков. Автор более 100 научных публикаций, участник российских и международных научных проектов, член редакционного совета журнала «Ab Imperio», выступал с научными докладами на конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Саппоро, Токио, Астане, Бишкеке, Иркутске, Новосибирске, Южно-Сахалинске, Саратове и других городах.

Данная книга А.В. Ремнева является продолжением двух его монографий об административной политике самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в., вышедших в Омске в 1995 и 1997 гг.

Издания Омского государственного университета (2001–2003 гг.)

Алисов Д.А. **Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.):** Учебное пособие. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. 196 с. *Цена (в т.ч. НДС 10%): 96,25 руб.*

Матющенко В.И. **300 лет сибирской археологии**. – Омск: ОмГУ, 2001. Т. 1. 179 с.; Т. 2. 173 с. *Цена за комплект (в т.ч. НДС 10%): 220,00 руб.*

Матющенко В.И. **Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII).** Раскопки 1998, 1999 годов. – Омск: ОмГУ, 2003. – 64 с. + 93 илл. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3). *Цена (в т.ч. НДС 10%): 165,00 руб.*

Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. **Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие:** Монография. – Омск: ОмГУ, 2003. – 196 с., переплет. *Цена (в т.ч. НДС 10%): 110,00 руб.*

Традиции экономических, культурных и общественных связей стран содружества (История и современность): Межвуз. сборник науч. трудов / Под ред. А.П. Толочко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – 202 с.
Цена (в т.ч. НДС 10%): 60,50 руб.

Традиции экономических, культурных и общественных связей стран содружества (История и современность): Межвуз. сборник науч. трудов / Под ред. А.П. Толочко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. Вып. 2. – 164 с.
Цена (в т.ч. НДС 10%): 99,00 руб.

Воробьев В.В. **Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.)**: Учебное пособие. – Омск: Омский госуниверситет, 2003. – 124 с. *Цена (в т.ч. НДС 10%): 55,00 руб.*

Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – Омск: ОмГУ, 2003. – 184 с. *Цена (в т.ч. НДС 10%): 79,20 руб.*

Мусульмане Омского Прииртышья (Сборник документов) / Сост.: С.В. Новиков, И.А. Турсунов, И.В. Новикова. Омск: ОмГУ, 2003. – 271 с. (переплет).
Цена (в т.ч. НДС 10%): 176,00 руб.

Омские исторические чтения, посвященные памяти А.Е. Плотникова: Сборник воспоминаний, статей, тезисов выступлений. – Омск, ОмГУ, 2003. – 252 с. (переплет). *Цена (в т.ч. НДС 10%): 165,00 руб.*

Садретдинов Г.К. **Историографические этюды. –** Омск: ОмГУ, 2003. – 220 с. (переплет). *Цена (в т.ч. НДС 10%): 143,00 руб.*

Лоткин И.В. **Прибалтийская диаспора в Сибири: история и современность**: Учебное пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 164 с. (обложка).
Цена (в т.ч. НДС 10%): 154,00 руб.

Издательство Омского государственного университета

644077 г. Омск e-mail: skv@adm:omsu.omskreg.ru
проспект Мира, 55-а http://www.omsu.ru

Анатолий Викторович РЕМНЕВ

РОССИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.
ИМПЕРСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Монография

Технический редактор *М.В. Быкова*
Корректор *Е.С. Радионова*
Редактор *Л.Ф. Платоненко*

Подписано в печать 25.12.03. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печ. л. 57,4. Уч.- изд. л. 46,0. Тираж 1000 экз. Заказ .

Издательско-полиграфический отдел ОмГУ
644077, г. Омск-77, пр. Мира 55а, госуниверситет